

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

УПАДОК ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ

Издание третье,
исправленное и дополненное

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1989

ББК 63.3(0)3
И89

Ответственный редактор
В. Д. НЕРОНОВА

И89 **История древнего мира.** Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989.
[Кн. 3.] Упадок древних обществ. Отв. ред. В. Д. Неронова. 407 с. с карт.

ISBN 5-02-016977-3

Заключительная часть коллективного труда рассматривает тенденции развития древних обществ, склоняющихся к упадку, а также историю возникновения на последнем этапе древности новых государств и племенных объединений.

Книга рассчитана на историков, а также на широкий круг читателей, интересующихся древней историей.

И 0503010000-020
013(02)-89 Без объявления

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-02-016977-3

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1982.
С изменениями: 1989.

Лекция 1

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ
ТРЕТЬЕГО ПЕРИОДА
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
К НАЧАЛУ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ¹

К концу периода расцвета древних обществ процесс образования мировых держав охватил не только Ближний Восток, но и Индию, и Китай, и страны античного пути развития. Характерной чертой экономической структуры мировых держав стало преобладание частного сектора над государственным, что было связано прежде всего с более высоким уровнем развития товарно-денежных отношений. Система условного наделения царем земель за службу сковывала инициативу владельцев земли. Что касается зависимых от царя общинников, то, вводя денежные подати, цари тем самым ставили этих людей перед необходимостью искать выход из традиционной системы ведения хозяйства, ограничений в распоряжении земель. Подчас самим царям было выгоднее передавать землю самоуправляющимся городам и взимать с них государственный налог, чем организовывать эксплуатацию царской земли с помощью бюрократического аппарата. Бывшие царские люди оказывались в зависимости от городов (не становясь их гражданами) или частных лиц (не становясь их рабами). В деревнях на земле городов наделы могли продаваться и покупаться (даже не членами общины); многие земледельцы переселялись в город.

На рубеже второго и третьего периодов древней истории в большинстве стран государственный сектор экономики поглощался частным. Владения римских императоров в восточных провинциях ни по происхождению, ни по существу своей организации не были продолжением древневосточной царской земельной собственности. На императорских землях не существовало ни условного владения землей за службу, ни особой группы «императорских людей»; организация императорских имений принципиально по

¹ Раздел написал И. С. Свепицкой.

отличалась от организации имений других крупных землевладельцев-магнатов.

Применение в частных хозяйствах труда рабов, лишенных средств производства, имело определенные экономические преимущества: возможность распоряжаться работниками, перебрасывать их на более важные в данный момент участки работы, применять разделение труда. Но при этом необходим был тщательный контроль за рабами и особые меры принуждения. Такой контроль был возможен только в хозяйствах ограниченных размеров. Когда же в связи с дальнейшим развитием частного сектора имения стали разрастаться и превращаться в огромные хозяйственные комплексы с массой рабов, то организовать этих рабов и проследить за ними стало очень трудно. Крупное землевладение древнего типа вообще имело экономические пределы для своего роста: необходимость содержать значительный аппарат по надзору могла привести к тому, что этот аппарат начинал поглощать весь прибавочный продукт, производимый работниками имения, и даже часть необходимого. В силу этих причин крупные рабовладельческие хозяйства могли существовать сравнительно недолго, как это и случилось в стране классического рабовладения — Италии.

Изменения в традиционной общественно-правовой структуре, равно как и взаимодействие различных этнических слоев в рамках мировых держав, оказали существенное влияние на социальную психологию народных масс и развитие культуры. Для большинства стран к концу второго периода древней истории характерны взаимовлияние и синтез культурных комплексов, созданных разными народами. Синтез культуры приводил к известному универсализму: распространению нескольких языков в качестве основных канцелярских, литературных и даже разговорных (в Передней Азии такими языками были греческий и арамейский, в Индии — санскрит и пали, в Западном Средиземноморье несколько позже — латынь и т. п.). Явлением сходного порядка были поиски универсальных божеств, которым подчинены все народы. Однако сама структура мировых держав, сочетавших в себе централизованный аппарат управления с самоуправляющимися коллективами, препятствовала победе универсализма. Эти коллективы — и города, и сельские общины — стремились сохранить свои особые, освящающие их культы и свои обычаи, что как бы подчеркивало прочность и в то же время исключительность данного коллектива, его обособленность. Сосуществование партикуляризма и универсализма можно проследить во многих областях духовной жизни того времени.

Изменились и проблемы, которые ставили религия, философия, литература и искусство. Если в античных полисах главным героем был гражданин, а в восточных империях предшествующего периода — царь, то теперь все больше и больше на передний план выступает человеческая личность как таковая. Когда социальное положение человека было определено с его рождения, когда его действия помимо личной воли определялись традици-

онными связями с другими людьми (равными ему или стоящими выше и ниже его на социальной лестнице), человек не осознавал себя как самодовлеющего индивида. Когда же начинают разрушаться сословные перегородки, слабеют традиционные связи, создается иллюзия, что человек может быть обособленным, может сам решать стоящие перед ним вопросы, отвечать за свои поступки. Но обособленность и свобода действий человека были иллюзорны, он находился во власти общественных сил, осознать которые не мог, поэтому окружающий мир воспринимался им как враждебный и непонятный. В этих условиях перед индивидуумом возникают вопросы о цели, которой он должен следовать в своих действиях, о причинах его удач и неудач, о мере его ответственности за свои поступки, о справедливости (или несправедливости) миропорядка, о правомерности возмездия, об избавлении от страданий. Многие философские школы пытались найти ответы на все эти морально-этические проблемы. Одни философы утверждали, что человек обладает свободой воли, и полагали, что выбор его должен состоять в уходе от общества; другие говорили, что вся жизнь человека предопределена, поэтому не следует стремиться к лучшей доле, а нужно лишь добросовестно выполнять то, что ему предназначено судьбой. Но философия не могла предложить разрешения конфликта между индивидуумом и миром, которое было бы достаточно всеобщим. Гораздо более важную роль здесь играла религия.

Начало упадка древних рабовладельческих обществ ознаменовалось поисками богов-спасителей, которые оградили бы своих приверженцев от зла и смерти. Спасение мыслилось или в действительной жизни (царство божье на земле), или в духовном слиянии человека с божеством. В это время получил распространение буддизм и зародилось христианство. В них были преодолены партикуляризм, этническая или сословная ограниченность прежних культов. Обе эти религии обращались к человеку, обе признавали жизнь страданием и предлагали пути спасения от него. Эти пути в буддизме и христианстве были различны: буддизм призывал к преодолению страданий через отречение от всех мирских связей (семьи, варны, собственности) и подавление всех желаний и таким образом — к достижению полного успокоения. Христианство же призывало к единению в религии, к любви, которая не должна делить людей на своих и чужих. Христианство обожествляло страдание — именно страдающим должна была открыться божья благодать. По существу, в раннем христианстве проявилась психология человека, лишенного всех общественных связей и гарантий. Христиане воспринимали себя не членами какого-то определенного традиционного коллектива, что было характерно для общественной психологии предшествующего периода, а всего лишь временными странниками на земле. И в то же время человек как личность находился в центре всего христианского вероучения: он нес ответственность не только за свои личные действия, но и за всю мировую несправедливость,

однако при этом он обладал возможностью выбрать путь, который привел бы его к спасению (но не в этом мире). Универсализм проповеди будущих мировых религий, обращение этой проповеди к отдельному человеку вне его социальных и племенных связей привели к тому, что эти религии пережили породившие их древние общества и распространились за их географические и хронологические границы.

Все упомянутые выше тенденции в социально-экономической и духовной жизни древних обществ наиболее полно проявились уже в последний период их развития; они, по существу, были показателями начинающегося упадка этих обществ.

2. УПАДОК И ГИБЕЛЬ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ

Третий период древней истории — приблизительно с рубежа нашей эры по V в. ее — эпоха разложения и гибели рабовладельческой формации и зарождения феодальных отношений в недрах рабовладельческих и поздних первобытных, так называемых варварских обществ. Датировка этого периода древней истории, как и предыдущих, может быть только приблизительной так как разные общества не одновременно подходили к рубежу рабовладельческой и феодальной формаций.

Сущность последнего периода в истории древних рабовладельческих обществ составляло проявившееся противоречие между достигнутым уровнем производительных сил и отставшими от них производственными отношениями вместе со всеми сложившимися над ними надстройками. Возможности дальнейшего развития производительных сил в рамках рабовладельческих производственных отношений оказались исчерпанными. Это противоречие привело к разложению всей рабовладельческой формации.

Ко времени поздней древности повсеместно распространилась — не только в классовых обществах, но и у окружающих их племен — выплавка стали. Стальные орудия (топоры, пилы, сошники, лопаты, ножи, долота, сверла и т. п.) повысили производительность труда в земледелии и ремеслах, а массовое применение стального оружия (мечей, кинжалов, наконечников стрел и копий, щитов, лат, поножей, шлемов и др.) усилило боеспособность войск.

Стальные орудия позволили вырубать леса и кустарники на больших площадях и отводить все новые и новые территории под земледелие и скотоводство. Этот процесс интенсивно происходил в период поздней древности, например, в Центральной, Восточной, а к концу древности и в Северной Европе и вел к быстрому росту народонаселения «варварской» периферии за северными рубежами Римской империи. В Индии в первых веках нашей эры отвоевывались у джунглей новые земли. В Китае строились новые пригационные сооружения в ранее не освоенных областях.

Усилившееся разделение труда и усложнение ремесленной технологии повысили качество изделий ремесла и позволили делать их более разнообразными. Так, появились посуда из прозрачного стекла и первые стеклянные зеркала. Но многие технические изобретения не внедрялись в производство из-за недостаточной заинтересованности работников в производительности труда.

В старых классовых обществах, как восточных, так и западных, производительность труда в период поздней древности продолжала увеличиваться не столько за счет освоения новых орудий труда, сколько за счет совершенствования навыков обращения с уже известными орудиями и материалами, а также за счет улучшения ухода за зерновыми, садовыми и огородными культурами, за скотом и птицей.

В период поздней древности люди стали в большом количестве разводить лошадей, причем не только в горных и степных, но и в лесных странах, например в Средней Европе. Однако, как и раньше, лошадь продолжала использоваться преимущественно в военном деле, а не в хозяйстве. При пахоте и перевозке тяжестей применялись по-прежнему главным образом волы и ослы. На дальних торговых путях, пролегающих через степи и пустыни, первое место в качестве транспортного животного занял верблюд.

Экономические связи между отдельными странами стали теснее. Например, Великий шелковый путь связал Средиземноморье с Китаем. Дальнейшее развитие получило мореплавание: морские торговые связи вышли далеко за рамки Средиземноморья. Так, Индия на востоке вела морскую торговлю с Китаем, а на западе корабли индийских купцов достигали Красного моря. В Южной Индии существовали поселения купцов из средиземноморских стран. Ввоз новых товаров из далеких стран делал внешние формы жизни зажиточной части населения намного более богатыми и разнообразными.

Как было показано в предыдущих книгах нашего труда (см.: «Ранняя древность» в «Расцвет древних обществ»), развитие производительных сил в течение древности сопровождалось совершенствованием производственной структуры обществ, изменением форм производства. Общим для всей древности было сочетание и взаимодействие в каждом обществе двух секторов экономики — государственного и общинно-частного или частного. На заре рабовладельческой эпохи государственный (дворцовый или царско-храмовой) сектор экономики преобладал, а частный сектор, состоявший из хозяйств домашних общин, развивавшихся в пределах общин территориальных, уступал в значении государственному. Кооперация и специализация производства в значительной мере именно в рамках государственных хозяйств объяснялась слабостью частных хозяйств в ту эпоху. Единым направлением развития экономической структуры древних обществ было постепенное сокращение государственного сектора и возрастание

частного. При этом характерная для древности тенденция к кооперации производства, обусловленная относительной слабостью производительных сил, не исчезла, а приняла в эпоху расцвета рабовладельческих обществ новую форму — создания более или менее крупных частных рабовладельческих хозяйств. Главной формой самоорганизации свободных производителей и рабовладельцев стали городские, гражданско-храмовые и подобные им общины. Периоды расцвета древних классовых обществ (особенно в IV — I вв. до н. э., а в некоторых обществах, как, например, в римском, еще и в I—II вв. н. э.) были эпохой наибольшего распространения и развития частных рабовладельческих хозяйств как в городе (например, в Риме), так и в сельских местностях.

Для социально-экономических отношений поздней древности и раннего средневековья, т. е. приблизительно для I тысячелетия н. э., характерен такой уровень производительных сил, особенно в области промышленности, который позволял создать средства насилие, дававшие господствующему классу возможность перейти от эксплуатации рабов и близких к ним категорий к эксплуатации почти всей массы рядового населения. Достигнутый уровень развития орудий труда и хозяйственных навыков, а также средств принуждения заставил и позволил эксплуатировать работников, более заинтересованных в производительности труда, нежели рабы. Поскольку эти тогдашние орудия требовали приложения силы только человека или тягловых животных, то в рамках мелких частных хозяйств вполне обеспечивалось на довольно продолжительное время дальнейшее развитие производства. Теперь не было необходимости использовать только малопроизводительный рабский труд (хотя от него еще долго не отказывались): уже появилась возможность эксплуатировать трудящихся, не лишенных собственности на средства производства (или на значительную их часть) и ведущих собственные мелкие хозяйства.

Следует иметь в виду, что, как не было двух абсолютно одинаковых рабовладельческих обществ, так же не было и одинаковых феодальных обществ. Мы не имеем возможности рассматривать здесь специфику различных складывавшихся феодальных обществ. Суть же феодальной формации была везде принципиально одинаковой — и на Востоке, и на Западе. Среди общих признаков феодализма необходимо подчеркнуть (абстрагируясь от конкретных особенностей условного землевладения и иерархического разделения политической власти между представителями господствующего класса) одновременное сосредоточение и земельной собственности, и политической власти в руках либо отдельных феодалов, либо всего класса феодалов в лице верховной государственной власти.

Итак, уровень развития производительных сил в поздних древних (а затем и в средневековых) обществах обусловил господство в экономике мелких частных хозяйств, а развитию произ-

водительных сил в области промышленности дало в руки господствующего класса землевладельцев средства превращения всей массы этих мелких частных хозяев в эксплуатируемых (феодално-зависимых) людей. В социально-экономической области разложение рабовладельческой формации выразилось в упадке рабовладельческой экономики, разложении полисной формы собственности и развитии независимой от городских общин земельной собственности², в разложении территориальной общины как гражданского коллектива, упадке городов как центров товарного рабовладельческого хозяйства.

В эпоху древности, будь то на Западе или на Востоке, ведущее положение как центр экономической, общественной и политической жизни занимал город. Древность начинается и кончается вместе с рождением и смертью древнего города. Важнейшим показателем перехода от древности к средневековью является падение или по крайней мере полная перестройка городов в экономическом и политическом отношении. Даже в тех случаях, когда в средние века сохранялись старые города, полностью изменялась их внутренняя структура: исчезало понятие гражданства. Средневековые города как торгово-ремесленные центры, обладающие самоуправлением и не зависящие от феодала, возникают впоследствии на совсем других основах.

Древность продолжалась до тех пор, пока существовал класс свободных общинников, обладавших гражданским полноправием, не включенных в новый феодално-эксплуатируемый класс. Рабы остались и в средневековье; зато исчезли свободные и сознающие себя полноправными гражданами общин; даже формально свободные средневековые крестьяне, там, где они были, фактически были неравноправны, приравнивались к феодално-зависимым или даже были ими по существу. По наличию полноправных, свободных, не эксплуатируемых, но и не принадлежащих к господствующему классу, иначе говоря, полноправных членов общин (главным образом городских и храмовых), например, поздняя Вавилония VII—IV вв. до н. э.— это древнее общество, а по их отсутствию Арабский халифат VIII—X вв. н. э.— это феодалное общество, хотя рабов в средневековом Арабском халифате, в том числе и в производстве, было даже больше. Переход к феодалному способу производства заключался не столько в отмене рабства, сколько в отмене свободы.

В классовых обществах поздней древности продолжали существовать рабовладельческие отношения. Однако в недрах зашедшего в тупик рабовладельческого строя зарождались элементы отношений феодальных, и именно они, несмотря на свою слабость в период поздней древности, выражали ведущую тенденцию исторического развития. Например, в поздней Римской им-

² Например, в Римской империи именно на этих изъятых из ведения городов и поэтому свободных от большинства налогов и повинностей землях и происходило наиболее успешное формирование элементов феодализма.

перии античная форма собственности и обусловленная ею рабовладельческая форма эксплуатации перестали быть определяющими факторами общественного развития; напротив, все системы социально-экономических и политических отношений, идеология и культура начали перестраиваться под влиянием складывающейся феодальной формы собственности и обусловленной ею феодальной формы эксплуатации. Формационная принадлежность общества определяется не численностью того или иного эксплуатируемого класса, а основной тенденцией общественного развития. Когда не только рабов, но и свободных граждан древнего общества обратили в эксплуатируемых, тогда кончилась древность и началось средневековье. В более ранние периоды древности подневольных работников типа илотов подравнивали под рабов, теперь рабов и (ранее свободных) крестьян подвергают феодальной эксплуатации.

Крушение рабовладельческих отношений и формирование феодальных происходило в отдельных обществах и в разные сроки, и в разных формах. Эти различия были весьма существенны даже в пределах одной и той же исторической общности. Так, в западной половине бывшей единой Римской империи падение рабовладельческого строя сопровождалось гибелью Римского государства и завоеванием его территории соседними народами; в восточной половине Римской империи переход от рабовладельческого строя к феодальному совершился без слома государственной машины и потому более медленно: государственный аппарат старой рабовладельческой империи был приспособлен к нуждам развивающегося феодального общества. Однако при всех различиях процесса смены рабовладельческих отношений феодальными сущность его была единой: это была социальная революция, т. е. смена способов производства, вызванная резким несоответствием старых производственных отношений новым производительным силам.

Государства, возникшие на территориях, где никогда не существовало древнего рабовладельческого общества (Скандинавия, Киевская Русь, Япония и многие другие), или на территориях хотя и входивших в свое время в рабовладельческие государства, но обзлюдевших (Англия и др.), первоначально слагались как раннерабовладельческие, в них существовала сильная прослойка свободных общинников и весьма значительный рабовладельческий уклад. Однако, существуя в условиях высокого уровня производительных сил, отчасти перенятых у ранее вступивших на путь классового развития обществ, подобные государства недолго удерживались на этой стадии (которую иногда не вполне точно называют «дофеодальной» или «предфеодальной»), вскоре и здесь уровень общественного развития выравнивался по более распространенному к тому времени феодальному. Лишь в областях, утеревших связи с прочим миром (Африка южнее Сахары, Америка), общества древнего типа продолжали существовать после того, как они исчезли в Европе и на Востоке.

В последний период древности трудящееся население классовых обществ фактически сливалось в довольно единообразную массу неполноправных и эксплуатируемых людей, хотя и разделенных формально сословными перегородками: господа все чаще переводили своих рабов в положение, близкое к феодальной зависимости; в то же время происходило превращение свободных людей в зависимых держателей чужой земли.

Сближение социально-экономического положения различных категорий трудящихся создавало условия для их совместного участия в классовой борьбе. Примерами могут служить мощные народные восстания в Ханьской империи в Китае и подобные движения в поздней Римской империи и в сасанидском Иране. В поздней древности они нередко носили религиозный характер, являясь по своей форме ересями — выступлениями против государственной церкви и официальной религии. Это было связано с тем, что церковь, став государственным учреждением, явилась союзником и идеологической опорой господствующих классов. В ходе классовой борьбы между народными массами, превращавшимися в эксплуатируемый класс зарождавшегося феодального общества, и новым господствующим классом, который формировался из местных землевладельцев-рабовладельцев, а в некоторых обществах (в так называемых варварских государствах) и из верхушки племен-завоевателей, древний рабовладельческий мир перестраивался в средневековый феодальный.

Разложение рабовладельческой формации проявилось также в распаде политической системы рабовладельческих обществ. В период поздней древности происходит крушение таких мировых держав, как Римская в Средиземноморье, Ханьская в Китае, Кушанская в Средней Азии, империя Гупт в Индии. Территория некоторых крупных держав была частично завоевана в III—V вв. соседними племенами и народами. Знать этих племен становилась во главе государств, созданных в завоеванных областях. Например, в V в. вся западная половина Римской империи подпала под власть германских и некоторых других племен.

Но и на тех территориях, которые оставались под властью старых империй, происходили существенные политические сдвиги: города теряли самоуправление, в то же время крупные частные землевладельцы постепенно превращались в своих поместьях в государей. Этот слой земельных магнатов формировался из членов царских фамилий, из высших военачальников и чиновников, а в Западной Римской империи — также из сенаторов. Фактически в рамках поздних древних империй зарождалась феодальная раздробленность с характерными для нее междоусобицами. Крупные землевладельцы обзаводились собственным аппаратом управления и все меньше нуждались в центральной государственной власти.

Экономическая, а отчасти и политическая раздробленность, создавшаяся (или наметившаяся) в большинстве стран на рубеже древности и средневековья, способствовала вмешательству во внутренние дела древних держав соседних племен и народов, в

том числе их вторжениям и завоеваниям; но была и другая, может быть, более важная причина этих вторжений.

Внутренний кризис поздних рабовладельческих обществ сопровождался существенными сдвигами в их взаимоотношениях с соседними народами. Кончился период преобладания сил рабовладельческих государств над окружавшей их варварской периферией.

В течение веков и тысячелетий более отсталые народы, жившие вследствие своего примитивного хозяйства родо-племенным строем, служили объектом эксплуатации для более развитых в экономическом, классовом, политическом и культурном отношении обществ. Последние использовали первобытную периферию как источник получения сырья и рабов, обогащаясь за счет неэквивалентной торговли со своими отсталыми соседями, наконец, имели довольно благоприятные условия для своего внутреннего развития уже в силу относительной внешней безопасности.

Разумеется, конкретная картина взаимоотношений передовых рабовладельческих государств и отсталых первобытных обществ была весьма сложной. Случалось, что отсталые народы обрушивались нашествиями на цивилизованные государства, не только грабя и облагая их данью, но надолго превращая в пустыню. Но все же общий баланс соотношения сил между варварской периферией и рабовладельческой цивилизацией складывался в пользу последней до самого начала нашей эры.

Рабовладельческую цивилизацию и варварскую периферию можно уподобить двум половинкам одного орешка, имея которого — древний мир. В самом деле, не только рабовладельческие общества не могли существовать (и уж во всяком случае процветать) без эксплуатации окружающей периферии, но и первобытная периферия очень нуждалась в тесных связях, прежде всего экономических, с передовыми классовыми обществами. Варвары получали от своих более развитых соседей такие продукты и орудия, которые не умели еще производить сами или которыми не располагали в достаточном количестве и должного качества. Например, кочевые скотоводческие народы, обитавшие севернее и западнее Китая, были заинтересованы в пограничных рынках, на которых они могли обменивать продукты своего скотоводческого хозяйства на продукты земледелия и ремесла оседлого населения Китая (на рис, просо, ткани, металлические изделия и т. п.). В Центральной и Северной Европе, где в первых веках нашей эры обитали германские и другие племена, археологи находят много римских ремесленных изделий, потребителями которых были, несомненно, эти самые племена, и римских монет — свидетельство вывоза товаров с племенной периферии в империю.

Но развитие собственных производительных сил варваров не стояло на месте, чему способствовало заимствование опыта у более цивилизованных соседей. Приблизительным рубежом, положившим конец сильной экономической зависимости варваров от рабовладельческих государств, явились III—V века н. э. В Цент-

ральной и Северной Европе, например, это подтверждается почти полным исчезновением с этого времени изделий римского ремесла — с производством ремесленных изделий теперь вполне справлялись местные мастера, в том числе оружейники. Германцы ко времени вторжения в Римскую империю в IV—V вв. н. э. уже хорошо освоили земледелие, овладели секретами коневодства и имели прекрасную конницу, которая служила главной ударной силой при завоевании ими Западной Римской империи.

Чем ближе к концу древности, тем более тесными становились контакты между варварами и рабовладельческими государствами, хотя характер этих связей изменился по сравнению с предшествующим временем. Рабовладельческие империи испытывали все большие затруднения в пополнении своих армий за счет внутренних резервов, поскольку одним из важнейших проявлений феодализации было ослабление связей между подданными и центральной государственной властью. Мелкие земледельцы различных категорий все больше попадали в поземельную и личную зависимость от частных землевладельцев и ускользали из сферы управления центральной власти. Вследствие этого государство теряло налогоплательщиков и резервы пополнения армии. Правители поздних древних империй стали практиковать в первых веках нашей эры массовое привлечение соседних варваров в пределы империй как в роли поселенцев-земледельцев, так и особенно в роли воинов-наемников, обычно именуемых «союзниками» («федератами»).

В III—V вв. н. э. хозяйственное развитие многих племен, обитавших по соседству с западными и восточными империями, достигло такого уровня, на котором развернулся бурный процесс социального расселения. Возникающая военно-племенная знать выступала инициатором войн с целью захвата различной добычи, в том числе рабов. С ростом народонаселения на варварской периферии и возможностей хозяйственного освоения все большего количества природных богатств чрезвычайно важное значение для племен, переходивших от первобытного строя к классовому, приобрел захват новых земель.

В эпоху великих переселений народов, охватывающую позднюю древность и раннее средневековье, почти вся варварская периферия пришла в движение. Бесчисленные племена и народы снимались со своих исконных мест и переселялись на огромные расстояния. В этих переселениях участвовали не только кочевники-скотоводы, но и варвары-земледельцы, особенно если скотоводство у них не было резко отделено от земледелия; они либо сами стремились расширить территорию своего расселения, либо их теснили более сильные соседи.

Древние цивилизации занимали широкий пояс земель, протянувшийся в Северном полушарии в зоне субтропиков и южной части умеренных широт. Именно на этой территории существовали рабовладельческие государства в Европе, Азии и Африке. И вот теперь в эту полосу возделанных земель с густым населе-

нием и богатыми городами, древними государствами и культурами устремились периферийные народы, которые до поры до времени находились как бы на втором плане мировой истории. Они отстали от передовых обществ субтропической и умеренной зоны вследствие того, что природные условия их стран были менее благоприятны для развития древних классовых обществ (речь идет именно о древних человеческих обществах с их относительно примитивными производительными силами).

Когда же производительные силы периферийных народов достигли такого уровня, что они смогли и в странах с более суровым климатом получать достаточно высокие урожаи, разводить большие стада скота, добывать и обрабатывать металлы, накапливать запасы продовольствия и других материальных ценностей, у них начался быстрый рост народонаселения, стали зарождаться классы и зачатки государственности, возросла военная мощь.

Знакомство варваров с хозяйством и военным делом цивилизованных обществ очень ускорило их социально-экономическое и военное развитие. Многие варвары прекрасно знали военное дело соседних рабовладельческих государств, потому что служили в свое время в их войсках, нередко достигая высоких постов в армии и государственном аппарате, а некоторые представители варварской знати подолгу жилали при дворах царей и императоров в качестве заложников, причем получали соответствующее (римское, персидское, китайское и т. п.) образование и воспитание и хорошо знали положение в данной стране.

В конце древности и начале средневековья периферийные народы усилили натиск с севера и с юга на зону рабовладельческих государств. В III—VII вв. германские, славянские, сарматские, монгольские, тюркские, арабские и другие племена выступают против рабовладельческих империй все более мощными военными союзами. Соотношение сил между империями и варварами изменилось в пользу последних. И хотя не все рабовладельческие государства были завоеваны варварами, а некоторые и вообще не подвергались их нашествиям, все же благоприятные внешнеполитические условия для рабовладельческих цивилизаций безвозвратно миновали.

Главной причиной крушения рабовладельческой формации в общенациональном масштабе явилось внутреннее развитие рабовладельческих обществ. Однако следует признать, что значительную роль в падении рабовладельческой формации сыграло и развитие варварской периферии. Здесь имеются в виду не только и даже не столько варварские нашествия, сколько некоторое выравнивание уровней социально-экономического и военного развития древних цивилизованных обществ и окружающих их племен и народов, поднимающихся на ступень цивилизации.

Очень примитивная по своей экономической сущности древняя формация, основанная на прямом физическом принуждении, в значительной степени подпиралась извне тем, что отсталая первобытная периферия веками и тысячелетиями была для

классовых обществ источником приобретения невольников и материальных ценностей. Неравномерность общественного развития отдельных народов можно наблюдать и в последующую — средневековую — эпоху, но в других формах, однако разбирать их здесь не место.

Варварские нашествия и завоевания III—VII вв. сопровождались разорением целых областей и гибелью людей как из местного населения, так и из среды завоевателей. Крушение рабовладельческого мира и рождение феодального слились в исторический процесс, сложный и мучительный для народных масс как старых классовых, так и молодых варварских обществ, — участников великих переселений народов, — но в то же время процесс объективно прогрессивный³.

В падении древних обществ революционную роль играло и классовое сопротивление рабов, которые вследствие сближения их положения с закрепощаемыми свободными участвовали теперь вместе с ними в народных движениях. Но чем более рабы боролись, тем невыгоднее становился их труд для эксплуататоров и тем более они стремились найти новый объект для эксплуатации. Поэтому рабовладельческий строй стихийно, но неуклонно подрывали и крупные земельные собственники, переводившие свои хозяйства с рабовладельческого пути на феодальный.

Исходя из современного уровня знаний, можно считать, что классом, покончившим с рабовладельческой формацией, были предшественники феодалов. Земельные магнаты, эксплуатировавшие внеэкономическим путем новообразующийся класс лиц, не лишенных собственности на средства производства, забирают в свои руки экономику общества, и переход к новому, средневековому феодальному обществу выражается или оформляется в переходе к новому, феодализирующемуся классу политической власти. Когда эксплуатация земельными магнатами нового низшего класса мелких земледельцев разных категорий завершается сосредоточением в их руках политической власти, начинается эпоха средневековья.

Этому сопутствуют два явления: одно из них — падение городов как оплота старых производственных отношений, как коллективных организаций свободных граждан — представляет собой лишь оборотную сторону процесса смены классовых отношений; другое служит предпосылкой взятия власти новым классом: это сильный внешний или внутренний толчок, разрушающий старую государственную структуру. В Китае таким решающим толчком для перехода к новой формации явилось восстание «Желтых повязок», сломавшее государственную машину древнего общества и тем заставившее новообразующийся класс земельных магнатов

³ Как и всякий процесс, он развивался диалектически, и прогрессивные достижения в нем соседствовали с определенными потерями. Здесь прежде всего надо указать на резкое падение грамотности населения и уровня положительных научных знаний во всем средневековом мире по сравнению с древностью.

взять в свои руки государственную власть; в Закавказье подобным толчком послужило уничтожение городов Сасанидом Шапуром II; в Западной Римской империи — варварское завоевание, причем тут дело осложнилось еще и персональной сменой состава господствующего класса, и созданием варварских королевств, которые, будучи раннеклассовыми, вместе с тем сохраняли условия и гибнущего рабовладельческого, и возникающего на его месте феодального строя. В Византии и в сасанидском Иране государственная машина не была сломлена, и тут переход к новой формации затянулся.

Как было упомянуто, во многих странах падение рабовладельческого строя сопровождалось вторжениями в них соседних племен и народов и даже завоеванием их территории, на которой завоеватели основывали свои государства — так называемые варварские королевства. Вторжения варваров, сопровождавшиеся разорением местного населения, были бедствием для народных масс древних рабовладельческих государств и тормозили развитие производительных сил в завоеванных странах. Население рабовладельческих держав, например Римской империи, по мере сил сопротивлялось этим нашествиям. Если старая центральная государственная власть не могла дать отпора завоевателям, организаторами сопротивления выступали земельные магнаты, что, кстати, способствовало росту их значения и в конечном счете взятию ими политической власти. Нередко осаду варваров с успехом выдерживали хорошо укрепленные города.

В то же время в тех случаях, когда завоеватели подвергали решительному слоу государственный аппарат старых рабовладельческих империй (самый яркий пример — завоевание германскими племенами Западной Римской империи) и создавали на завоеванных землях свободные крестьянские общины, например германские (франкские) в Галлии, славянские в Византии, они объективно оказывались участниками социальной революции, хотя субъективно — по своим осознанным интересам — выступали обычно как враги местного населения, у которого отнимали землю и другое имущество, которое убивали, захватывали в плен и порабощали.

Однако внешний лагерь участников социальной революции — торгоающихся варварских племен — нельзя считать обязательным ее элементом. Ряд древних рабовладельческих обществ перешел к феодализму без вмешательства племен-завоевателей, например Армения и Грузия. Другие государства хотя и подвергались варварским нашествиям, однако уцелели, например Византия и сасанидский Иран. Иногда иноземное вторжение происходило в уже феодализировавшиеся государства (Иран, Китай). Наконец, известен и такой вариант завоеваний, когда в роли завоевателей выступали кочевники-скотоводы, превращавшие завоеванные земледельческие области в пустыню. Так, для европейских народов пагубные последствия имело вторжение с востока в 70-х годах IV в. кочевников-скотоводов гуннов, которые шли,

сметая все на своем пути, разрушая города и селения, грабя и убивая местных жителей. Такие завоеватели, которые не могли внести ничего положительного в развитие завоеванных стран, тормозили социальную революцию.

Гибель рабовладельческой формации и становление феодальной сопровождались отмиранием ряда элементов древних культур — племенных, полисных, общинных — и зарождением феодальной культуры, которая имела свои особенности в каждой стране. Однако следует отметить по крайней мере одну черту, общую для всех феодальных культур, — огромную идеологическую роль государственных религий (христианства, буддизма, мусульманства) в укреплении власти феодалов над крестьянами.

Зародившись в недрах рабовладельческих (буддизм, христианство) или разлагавшихся первобытных (мусульманство) обществ, эти религии в фантастической форме выражали смутные мечты угнетенных о социальной справедливости в этом или ином мире или хотя бы об утешении в страданиях. Благодаря этому они довольно быстро распространились среди народных масс. Характерная черта названных мировых религий — выработка догм морали и подчинение морально-религиозным догмам всей жизни населения. Место первобытного наивного материализма общинных верований (в которых сами боги мыслились материальными и даже смертными) занимает теперь спиритуализм — провозглашение превосходства духа над плотью, изначальности духа и вторичности материи, а также и материальных нужд человека.

Поскольку ни одна из подобных религий не призывала к активной перестройке социальных отношений, такие религиозные учения оказались приемлемыми и для господствующих классов, которые постепенно приглушили социальный протест и в то же время подчеркнули призыв этих учений к терпению и покорности, обращенный к трудящимся. Космополитизм таких религий способствовал распространению их в различных странах.

К концу древности вследствие зарождения феодальной раздробленности, а в некоторых странах и вследствие варварских завоеваний начинают вырисовываться контуры средневековых государств.

Господствующий класс перестраивался на новые формы эксплуатации. Для этого ему было нужно получить кроме власти над возможно большим пространством земли также и политическую власть над проживающими на ней мелкими земледельцами, обладавшими собственностью на средства производства. При этом собственность последних на скот, рабочий инвентарь, жилье и подсобные помещения по большей части являлась достаточно бесспорной. Сложнее обстояло дело с землей. Она могла быть собственностью отдельного представителя господствующего класса (*аллод*) или целой организации (например, церкви) или даже всего государства в целом. В любом случае экономическая власть над территорией и ее населением непременно соединялась с властью политической, а нередко и судебной. Таким образом, новые

экономические отношения собственности существенно отличались от господствовавших в типичных обществах древности. Что касается мелких землевладельцев, то земля могла быть в арендном или ином пользовании или же оставаться и в аллодиальной собственности крестьянина либо свободной крестьянской общины (особенно в периферийных областях древнего мира или среди переселенцев из стран, где господствовали первобытнообщинные отношения). В этом случае прибавочный продукт изымался у трудящегося населения в виде палого, не припимавшего формы ренты. То же касается мусульманских стран, где теоретически все мусульмане (но не приверженцы других религий) были равны перед законом и выплачивали меньше налогов, чем немусульмане. Однако даже когда феодальный налог не принимал характера ренты, он существенно отличался от налогов, собиравшихся в классической древности, ибо те шли в какой-то мере на общественные нужды, а если и попадали просто-напросто в руки представителей господствующего класса, то все же для каждого из них палог и тем более рента-налог не были основным источником содержания и дохода. Новый характер налогов начинает складываться лишь в период поздней древности — как зачаток феодальных отношений.

Земельные владения новых магнатов становятся гораздо более самодовлеющими, чем прежние рабовладельческие; товарность их резко снижается, монетно-денежная система по большей части начинает приходить в упадок, так как налоги и поборы с мелких малотоварных хозяйств легче и выгоднее взимать в натуре. Ремесленное производство в немалой мере перебазировается из города в имения магнатов (если только те, как нередко бывало в странах Азии, сами не делали города своими резиденциями). Одновременно идет процесс аграризации городов, превращающихся нередко в укрепленные поселки преимущественно сельскохозяйственного населения, а то и вовсе хиреющих. Весьма существенно, что античные формы политического устройства вымирают и в городах, которые перестают быть оплотом и последним убежищем древних форм товарного хозяйства, основанных на свободном труде в сочетании с рабовладением.

Для перестройки всех общественных отношений, и прежде всего отношений между господствующим и новым эксплуатируемым классом, который обладал своей собственностью на средства производства, недостаточно было чисто насильственного принуждения. Господствующий класс использовал как орудие духовного принуждения народных масс те самые религиозные учения, которые создавались вначале самими массами или их идеологами в борьбе с официальной религиозной философией рабовладельческого общества. Но теперь эти учения были закреплены в жестких догматических формах, которые устраивали пришедшие к власти верхи общества.

Такой способ производства, при котором господствующий класс землевладельцев, базирующийся на феодальной собствен-

ности, соединенной с политической властью, эксплуатирует путем внеэкономического принуждения (т. е. не через рынок, а посредством физического и духовного насилия) непосредственных производителей — крестьян и ремесленников, не лишенных собственности на средства производства, за исключением земли, называется феодальным⁴. Конечно, картина становления феодальной экономики была более сложной, нежели описанная нами (и, как мы предполагаем, основная) линия ее формирования. Достаточно упомянуть о разнообразии способов ведения хозяйства в средневековой общине зависимых крестьян, или в феодальном поместье, или в ближневосточных крестьянских хозяйствах, располагавшихся на государственной земле, а эксплуатировавшихся чиновниками. Однако ни черты общинного коллективизма, ни элементы кооперации, специализации и разделения труда в поместье не могут заслонить главного признака производственной структуры феодального общества — господствующего удельного веса мелкого частного производства крестьян и ремесленников, обладающих собственностью на средства производства и в то же время эксплуатируемых противостоящим им классом. С развитием феодального способа производства было достигнуто соответствие между относительно примитивными орудиями труда и мелким частным производством. Именно поэтому на определенной ступени общественно-экономического развития переход к феодализму стал исторической неизбежностью.

⁴ Термин «феодализм» происходит от слова «феод», обозначающего особый вид условной земельной собственности, связанный с личной службой (обычно военной) нижестоящего феодала (вассала) вышестоящему феодалу (сеньору); но в марксистской исторической терминологии употребляется в изложенном здесь более широком смысле.

Лекция 2

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА
С СЕРЕДИНЫ II в. ДО 31 г. ДО Н. Э.

1. РИМСКАЯ ДЕРЖАВА
В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Новые римские территории получили статус, значительно отличающийся от статуса Италии. Они рассматривались как собственность римского народа и были лишены самостоятельности. Значительная часть земель конфисковалась и сдавалась в аренду римским гражданам. В I в. до н. э. римляне стали практиковать вывод колоний за пределы Италии. Часть земель осталась в руках местного населения, однако государство могло ее отнять. Кроме того, население *провинций*, как теперь назывались эти территории, должно было платить большой налог — около $\frac{1}{10}$ всех доходов — в римскую казну. В правовом отношении население провинций рассматривалось на одном уровне с подданными и стояло вне римского права.

Наместники провинций являлись командующими армией и главами гражданского управления и были подотчетны только Риму. Наместник был, в сущности, хозяином страны, и для защиты своих прав провинциалам оставался только один способ. Почти каждая община имела в Риме *патрона* из числа влиятельных граждан, с которым она вступала в отношения *клиентелы*. Патрон представлял общину перед римской администрацией. Во время пребывания в должности наместник не подлежал суду, но он мог быть привлечен к ответственности после окончания срока. В 149 г. до н. э. по закону Кальпурния Пизона была учреждена специальная судебная комиссия по делам о вымогательствах.

Создание державы вызвало ряд военно-политических проблем. В ходе войн III—II вв. Рим понес большие потери. Ресурсов не хватало, и искать их приходилось за пределами гражданского коллектива. Римская армия, состоявшая из мелких собственников, не была приспособлена к ведению длительных военных действий за пределами Италии, а новая ситуация вызвала именно

такие кампании. Неэффективность частой смены командующих показала еще Вторая Пуническая война. Римляне были вынуждены продлевать полномочия способным полководцам, но это вело к ломке республиканской системы.

Полисные установки наносили ущерб управлению. Римляне видели в провинциях только объект для эксплуатации, их экономика разрушалась, а провинциалы ненавидели римское господство. Провинциальные наместники грабили местных жителей, а неразвитость финансового аппарата привела к господству разорительной для провинций системы откупа.

Наиболее существенным экономическим изменением было установление господства рабовладельческого способа производства. Рим знал рабство с древнейших времен, но до Пунических войн основой экономики был свободный труд¹. Завоевания привели к колоссальному притоку рабов. В 177 г. после покорения Сардинии римляне захватили 80 тыс. рабов, в 167 г. при разграблении Эпира было продано в рабство 150 тыс. человек, в 146 г. Сципион Эмилиан продал в рабство 50 тыс. оставшихся в живых карфагян. Кроме войны важными источниками рабства были долговая кабала в провинциях, пиратство и работорговля. Известную роль играло и естественное воспроизводство рабов. Общее число рабов достигало нескольких миллионов.

Рабы играли огромную роль в непроизводительной сфере, в основном в обслуживании знатных семейств. Большую группу составляли рабы-гладиаторы, используемые не только для зрелищ, но и для личной охраны владельца.

В экономике труд рабов сочетался со свободным трудом. Особенно широко рабский труд применяли в рудниках и строительстве. Значительную роль рабы играли в сельском хозяйстве; менее развито было привлечение рабов к ремеслу.

Хозяйства, основанные на рабском труде, имели определенные преимущества перед мелким крестьянским хозяйством, заключавшиеся в больших возможностях концентрации и специализации. В III в. до н. э. в экономике Италии возрастает роль скотоводства, где рабский труд применялся очень широко, особенно в крупных хозяйствах. Мелкие крестьянские хозяйства, по-видимому, сохраняли прежний характер. Преимущественное развитие получают более доходные культуры — виноград, оливки и фрукты. Производство зерновых, наоборот, сокращается.

Во II—I вв. до н. э. в Италии происходят значительные сдвиги в сторону концентрации собственности. Хотя число мелких хо-

¹ Конечно, римское общество до Пунических войн нельзя рассматривать ни как доклассовое, ни как принадлежащее к какому-либо особому дорабовладельческому, например «азиатскому», способу производства. Как уже говорилось во вводных лекциях, классовый характер любого древнего общества определялся наличием антагонизма между господствующим классом и классом рабов или других подневольных людей рабского типа. Этому не противоречило существование во все времена древности свободного производства, часто (особенно в ранние периоды) поставлявшего основную массу общественного продукта. — *Примеч. ред.*

зяйств было значительным, а ряд мероприятий конца II в. до н. э. способствовал их сохранению, последние начали отступать перед лицом средних (*вилла*) и больших (*латифундия*) поместий, в которых основную рабочую силу составляли рабы.

Вопрос о соотношении рабского и свободного труда является сложным и спорным. Вероятно, рабский труд во II—I вв. до н. э. не имел существенного преобладания над свободным, однако его роль была достаточна для того, чтобы вытеснить часть свободных производителей из производства и вызвать экономический кризис.

Кризис экономической основы полиса стимулировался и другими факторами. В результате войн в Рим хлынули массы золота, серебра и других материальных ценностей. После Третьей македонской войны римские граждане были вообще освобождены от налогов. Интенсивный ввоз в Италию разрушал полисную автаркию, создавая при этом ситуацию, когда импорт существенно превышал экспорт. Избыток капитала, рабство, ввоз продуктов питания усиливали диспропорцию между верхушкой общества и рядовыми гражданами.

В конце II в. до н. э. крестьянство Италии попадает в трудные условия. Разорение страны в ходе Второй пунической войны нанесло непоправимый удар италийскому земледелию. Длительные заморские войны приводили к отрыву собственников от их участков и способствовали их разорению. Немалое значение имели конкуренция дешевого привозного хлеба и развитие скотоводства, требовавшее больших пастбищ.

Массы обезземеленных граждан стекались в города, где для них тоже не было места. Огромные средства, приобретенные грабежом провинций, позволяли содержать этот плебс за счет государственных дотаций. Борьба за власть внутри знати вела к широкому распространению подкупа избирателей. Таким образом, в Риме со II в. до н. э. появилась значительная прослойка люмпен-пролетариата, паразитировавшая за счет общества. Кризис мелких собственников, составлявших костяк армии, вел к ухудшению ее боевых качеств. Это сказалось в ходе войн 40—30-х годов II в. до н. э. и не могло не вызвать тревогу в верхах общества.

Налицо был и идеологический кризис. Современники постоянно отмечают рост индивидуализма и тяги к богатству, общую эмансипацию личности от государства. Ослабевают связи внутри семьи, растет пренебрежение к традиционной религии, в том числе и к столь важной для римлян обрядовой стороне. В Рим попадают греческие и восточные культы. Разлагающе действуют связанные с распространением роскоши изменения в быту, особенно заметные среди высших слоев и контрастирующие с нищетой многих простых людей.

Все эти обстоятельства привели к острому политическому кризису, который в современной литературе называется периодом гражданских войн. Гражданские войны были результатом обострения всех противоречий римского общества: противоречий

между рабами и свободными, между римлянами и неримским населением державы, наконец, противоречий внутри гражданского коллектива. Основной причиной этих событий было то, что к концу II в. до н. э. полисное устройство Рима ни в политическом, ни в экономическом, ни в духовном плане не соответствовало новым условиям. Если на Востоке монархические централизованные государства объединяли отдельные полисы и создавали для них товарный рынок, то в Средиземноморье функционально сходную централизацию осуществлял за счет покоренных полисов и монархий один полис — Рим. Поэтому старая политическая и идеологическая система римского полиса не могла соответствовать новым историческим условиям.

2. РЕФОРМЫ БРАТЬЕВ ГРАКХОВ

Первой вспышкой кризиса был трибунат Тиберия Гракха. В 133 г. до н. э. избранный народным трибуном Тиберий Семпроний Гракх предложил аграрный закон, имевший своей целью частичное восстановление полисного равновесия времен ранней республики. Каждому владельцу *ager publicus* разрешалось удерживать не более 500 югеров (125 га) земли; кроме того, он мог иметь еще по 250 югеров на каждого взрослого сына с тем расчетом, чтобы во владении одной семьи было не более 1 тыс. югеров земли. Излишки возвращались в распоряжение государства. Из них должны были быть нарезаны участки по 30 югеров и розданы беднейшим и малоимущим гражданам. Бывшие владельцы получали денежную компенсацию. Участки запрещалось продавать. Для наблюдения за проведением аграрной реформы предполагалось избрать комиссию из трех человек. Закон в значительной степени повторял аграрный закон Лициния — Секстия, принятый еще в период борьбы патрициев и плебеев, и имел целью реставрацию мелкого землевладения. Но Тиберий Гракх делал все возможное для проведения передела земли наименее болезненным для побилитета способом.

Тем не менее крупные собственники выступили против реформы. Им удалось привлечь на свою сторону коллегу Гракха трибуна Марка Октавия, который наложил вето на проект. После долгой борьбы Тиберий решился поставить перед комициями вопрос: может ли трибун, противодействующий народу, оставаться в своей должности? В результате голосования Октавий был отрешен от должности. Это был акт большого политического значения: народное собрание реально ставило себя над магистратами. После смещения Октавия аграрный закон был принят. В аграрную комиссию вошли сам Тиберий Гракх и его родственники.

Комиссия столкнулась с рядом трудностей, связанных с распределением участков и сопротивлением крупных посессоров. Остро встал и финансовый вопрос. Воспользовавшись присоеди-

нением Пергама, Гракх провел закон, по которому полученные средства использовались для финансирования реформы.

Летом 133 г. до н. э., когда Тиберий Гракх вторично выдвинул свою кандидатуру в народные трибуны, богачи оказали ему серьезное сопротивление. Во время одной из предвыборных сходов произошло столкновение. Разнесся слух, что Тиберий требует царской власти. Тогда сенаторы прямо с заседания сената отправились на место сходы; схватив скамейки, они принялись избивать сторонников Гракха. В этой стычке были убиты Тиберий Гракх и 300 его приверженцев.

После гибели инициатора реформы богатые посессоры начали борьбу за прекращение земельных переделов. Их задача облегчалась тем, что разделы вызвали недовольство италийских союзников, земли которых оказались затронутыми действиями аграрной комиссии.

В 125 г. до н. э. гракхианцы попытались уладить отношения с италиками. Консул Фульвий Флакк предложил законопроект о предоставлении союзникам прав римского гражданства. Италики поддержали предложение Флакка, однако в Риме его провалили. В данном случае противники закона нашли поддержку в народном собрании, которое не хотело делиться своими правами. Ответом на решение Рима было восстание в латинской колонии Фрегеллах, которое вскоре было подавлено. С тех пор полные права римского гражданства стали основным политическим требованием италиков.

В 123—122 гг. до н. э. народным трибуном был младший брат Тиберия Гракха, Гай, выступивший с целой серией законов, которые существенно изменяли социально-политическую структуру общества. Гай Гракх был настроен более решительно, чем Тиберий. Судя по всему, он был единственным из римских политиков, который всерьез пытался демократизировать общество. Это стремление усугублялось желанием мести убийцам старшего брата, которые занимали руководящие посты в государстве. Кроме того, Гай Гракх пытался решить ряд наболевших государственных проблем, возникших в новых условиях. Это была первая попытка приспособить полисный аппарат к нуждам крупной державы.

Прежде всего Гай восстановил аграрный закон Тиберия и продолжил действие комиссии, работа которой дала плодотворные результаты. Землю получило около 80 тыс. граждан. Однако земельные фонды Италии оказались недостаточны, и Гракх обратился к провинциям. В 122 г. до н. э. он издает закон о выводе колоний. Местом для первой из них была избрана бывшая территория Карфагена, куда предполагалось вывести колонию под названием Юнония. Вывод заморских колоний впоследствии сыграл немалую роль в романизации провинций. Кроме того, Гай организовал грандиозное строительство дорог и хлебных амбаров, что предоставило работу массам городского плебса.

Впрочем, вскоре возникла новая сложность. Многочисленный городской плебс, привыкший жить за счет подачек, уже не стре-

мился к получению земли, на которой надо было работать. Между тем эта группа играла слишком большую роль при голосовании, чтобы ее можно было игнорировать. В интересах городского плебса Гракх проводит закон, установивший продажу хлеба с государственных складов по сниженной цене. Улучшая положение беднейшего населения, закон имел и обратную сторону, способствуя росту паразитизма римского люмпен-пролетариата.

Одним из основных законов Гая был судебный. Из ведения сената были изъяты судебные комиссии по делам о вымогательствах. Теперь судьи выбирались из числа всадников. Вероятно, Гракх планировал усиление контроля за провинциальными наместниками, однако всаднические суды оказались не менее коррумпированными, чем сенатские. Положение всадников было улучшено еще и тем, что Гай предложил ввести в провинции Азия десятину, сбор которой стал сдаваться на откуп в Риме. Тем самым богатая провинция была отдана на разграбление откупщикам-публиканам, которые чувствовали себя в полной безопасности под прикрытием всаднических судов.

Реформы 123 г. сделали Гракха самым популярным политиком Рима. Его авторитет был столь велик, что он без труда прошел в трибуны на 122 г. Именно в это время Гракх предлагает один из самых радикальных законов — закон о предоставлении италикам прав римского гражданства. Сенат и народ были раздражены этим предложением. Противники Гая развернули широкую кампанию, используя любые приемы. Народный трибун Марк Ливий Друз выступил с демагогическими обещаниями, чем сумел отколоть от Гая значительную часть плебса. Сенат, играя на суевериях, распространил слух о гневе богов из-за основания колонии на проклятом месте². Популярность Гая падала. Закон об италиках не прошел. Еще более опасным было то, что Гракх потерпел неудачу на выборах 121 г., а консулом стал его злейший враг Луций Оппимий. Противники Гая поставили вопрос о ликвидации Юнонии, что послужило поводом к решительному столкновению. Оппимий спровоцировал конфликт и добился того, что сенат облек его чрезвычайными полномочиями для восстановления порядка. Гай Гракх и Фульвий Флакк укрепились на Авентинском холме, где их атаковал Оппимий. В ходе столкновения погибло 3 тыс. человек, в том числе Гракх и Фульвий. Движение было подавлено.

Противники Гракха не решились упразднить многие из его законов. Суды оставались в руках всадников, откупная система продолжала существовать, остался в силе и хлебный закон. Объектом атаки стала аграрная реформа. В 121 г. до н. э. была отменена неотчуждаемость гракханских наделов, еще через два года прекратила свое существование аграрная комиссия.

² Как известно, после разрушения Карфагена место, на котором он находился, было предано проклятию.

В 111 г. до н. э. по закону пародного трибуна Спурия Тория все государственные земли, находящиеся в частной аренде, были объявлены частной собственностью. Все пределы прекращались. В дальнейшем частным лицам было запрещено занимать государственные земли. Закон 111 г. явился важным этапом на пути победы частной собственности на землю. Государственная собственность, бывшая основой полисного землевладения, начинает сходить на нет.

Значение гракханских реформ было огромно. Главным их итогом было начало политического кризиса и вооруженного конфликта. Гракхи выдвинули ряд серьезных задач, решение которых стало необходимостью: проблема союзников, аграрный вопрос, управление провинциями, реорганизация суда и т. п. Движение Гракхов явилось подъемом демократического движения, которое, однако, обнаружало и свою слабость. Тем не менее широкие массы римлян и италиков оказались втянутыми в политику. Гракханское движение создало новый стиль политики, основным элементом которой была опора на народное собрание. Такого рода политики назывались *популярами*. Они были разнородны по составу и преследовали разные цели, но известное единство существовало. Конфликт вступил в новую стадию.

3. СИЦИЛИЙСКИЕ ВОССТАНИЯ РАБОВ

Другой линией конфликта была борьба рабов и рабовладельцев. Рост рабовладения и жестокая эксплуатация вызвали ответные действия рабов. Наиболее крупные восстания произошли в Сицилии. К середине II в. до н. э. концентрация рабов на острове достигла огромных размеров. Многочисленность рабов, их дешевизна и постоянный приток извне были причиной особенно жестоких форм эксплуатации. В 136 г. в Энне вспыхнул рабский мятеж во главе с сирийцем Евном. Восставшие выбрали его царем под именем Антиоха³. Другим центром стал Агригент, где восставшими руководил киликиец Клеон. Обе армии объединились. В руках восставших оказались многие города центральной части острова. В 134—133 гг. римляне безуспешно посылали войска в Сицилию. Только в 132 г. консул Рупилий взял центры восстания Энну и Тавромений. Клеон пал в бою, а Еви умер в римской тюрьме.

В 104 г. в юго-западной части острова началось новое восстание, во главе которого стояли Сальвий и Афинион. Как и в первом восстании, рабы образовали свое государство, Сальвий был провозглашен царем и принял имя Трифона⁴. Столицей стал город Триокала. В течение двух лет рабы защищались от карательных экспедиций. В 102 г. до н. э. Трифон умер. Его преемником стал Афинион. Только в 101 г. консул Маний Аквиллий

³ Антиох — одно из традиционных царских имен в Сирии.

⁴ Так звали правившего в то время в Сирии узурпатора.

разбил восставших в большом сражении, в котором погиб Афинион. После этого римляне взяли Триокалу и подавили восстание.

Восстания рабов — стихийные, недостаточно организованные — были обречены на поражение. Рабские восстания и движение за реформы в Риме не были непосредственно связаны. Между свободным римлянином и рабом лежала столь глубокая пропасть, что о союзе не могло быть и речи. Римское государство все еще находилось на подъеме, и восстания рабов не могли перерасти в движение, способное уничтожить рабовладельческий строй.

4. МАРИЙ И СУЛЛА

После подавления движения Гракхов позиции правящей группы усилились. Римская политическая жизнь контролировалась небольшим числом знатных родов; исключительность их положения породила небывалую коррупцию, охватившую весь государственный организм. Это явилось причиной нового политического кризиса, толчком к которому стала так называемая Югуртинская война (111—105 гг. до н. э.).

В 118 г. до н. э. умер нумидийский царь Миципса, сделавший наследниками двух сыновей и племянника Югурту, между которыми началась борьба за власть. Римляне разделили царство между претендентами. Через несколько лет Югурта ликвидировал обоих соперников и вопреки римскому арбитражу захватил Нумидию. Сенат не сумел вовремя остановить его отчасти из-за подкупа царем римских послов. Весной 113 г. Югурта захватил г. Цирту и перебил все население, среди которого было много римских граждан. Это вызвало возмущение римских всадников, под давлением которых была объявлена война. В 111 г. римляне начали успешное наступление, однако путем подкупа Югурта добился выгодного для себя мира. В 109 г. война возобновилась. Римская армия, возглавляемая одним из представителей правящей олигархии, Авлом Постумием, потерпела позорное поражение.

Это переполнило чашу терпения римлян. Народ, всадники и даже часть нобилитета выступили против правящей группы. Была создана специальная комиссия по расследованию событий, связанных с Югуртой. Ряд особо скомпрометированных аристократов подвергся изгнанию. В Нумидию был послан новый полководец — Квинт Цецилий Метелл, которому удалось добиться успеха. Югурта потерпел поражение, но война затягивалась. Партизанские действия нумидийцев значительно осложняли борьбу. В Риме началось недовольство Метеллом, от которого ждали скорой победы. Этим воспользовался *легат*⁶ Метелла Гай Марий,

⁶ *Легат* — командир легиона. Некоторые легаты играли роль помощников и даже заместителей командующего.

выходец из незнатной семьи из г. Арпина в Лации. Марий был избран консулом на 107 год и командующим в войне с Югуртой. Перед отплытием в Африку он стал набирать подкрепления, впервые допустив добровольцев из числа лиц, не входивших в цензовые списки. Теперь доступ в армию получили пролетарии. Это явилось важным шагом на пути профессионализации армии, которая утрачивала характер полисного ополчения и превращалась в угрозу для республики.

Несколько позже Марий провел другую военную реформу, подразделив легион на *когорты*. Когорта состояла из трех манипулов по 200 человек. Это улучшило маневренность легиона и значительно повысило боевые качества армии. Когорта могла решать боевые задачи как в рамках более крупного соединения (легиона или группы легионов), так и самостоятельно⁶.

Однако и Марию не удалось одержать быструю победу. Только в 105 г. Югурта был оттеснен во владения своего тестя, царя Мавритании Бокха. После долгих колебаний Бокх выдал его римлянам. Последний акт войны нанес удар по самолюбию Мария, поскольку честь поимки Югурты стали приписывать квестору Луцию Корнелию Сулле, которому Бокх непосредственно передал нумидийского царя. Сулла сближается с врагами Мария, возглавляемыми родом Метеллов.

И все же авторитет Мария был огромен. В январе 104 г. до н. э. ему был устроен *триумф*⁷, в котором провели пленного Югурту. После этого царь был задушен в римской тюрьме. Часть Нумидии стала римской провинцией.

Еще в 113 г. до н. э. на северо-востоке Италии появились два германских племени — кимвры и тевтоны. После серии поражений римлян постигла катастрофа. В 105 г. в битве при Араузионе большая римская армия была наголову разбита германцами. Италия оказалась под угрозой вторжения. В этой ситуации происходит новое выдвижение Мария, который стал фактическим диктатором Рима. В течение пяти лет подряд он избирается консулом. В 102 г. в битве при Аквах Секстиевых Марий разбил тевтонов, а на следующий год при Верцеллах были уничтожены кимвры. Остатки этих племен были проданы в рабство.

С окончанием войны отпала необходимость в особых полномочиях Мария. Стремясь сохранить свою власть, он вступает в союз с двумя популярными — Сатурнином и Гланцией. В 100 г. до н. э. Марий в шестой раз стал консулом, Сатурнин был избран народным трибуном, а Главция — претором.

Сатурнин предложил аграрный закон, предусматривавший наделение земель ветеранов Мария, среди которых было немало италиков. Становясь жителями колоний, они автоматически при-

⁶ Ни манипул, ни центурия этим качеством не обладали и ранее имели значение только как часть легиона. Теперь они стали воинскими подразделениями, подобно современным батальонам и ротам.

⁷ Торжественное шествие полководца и войска при их возвращении в Рим после победы.

обретали права римского гражданства. Районами колонизации были избраны Африка и Цизальпинская Галлия. Во главе всего предприятия Сатурний планировал поставить Мария, в руках которого снова сосредоточивалась огромная власть. Закон имел еще один пункт: в случае принятия его народным собранием сенаторы под угрозой изгнания должны были принести присягу, что будут его соблюдать.

Значительная часть сената и плебса выступила против законопроекта. Лишь путем открытого насилия Сатурний сумел его провести. Сенату пришлось дать требуемую присягу, только старый враг Мария Метелл отказался повиноваться и был вынужден покинуть Италию.

Год копошлся, наступили выборы на следующий, 99-й год. Сатурний снова прошел в трибуны, а Главция претендовал на консульство. Атмосфера накалилась, популяры использовали все средства, вплоть до политических убийств, что вызвало волну возмущения. Сенат принял крайнее решение. Марий, опасаясь слишком дискредитировать себя союзом с Сатурнием, выступил на стороне сената. 10 декабря 100 г. до н. э. на форуме произошла схватка между людьми Сатурния и сторонниками сенатской партии. Последние победили, Сатурний и Главция были убиты, а Метелл вернулся из изгнания. Марий теперь надолго отошел от политики.

Мятеж Сатурния сплотил сенат и всадников, но их союз был недолгим. В конце 90-х годов произошел конфликт из-за провинции Азия. Наместник Азии Муций Сцевола вел борьбу с произволом публиканов в провинции. В ответ на это всадники привлекли к суду легата Сцеволы Публия Рутилия Руфа. Несмотря на явную невиновность, Рутилий был обвинен в вымогательствах и приговорен к изгнанию.

Ответом на это скандальное дело была попытка консервативных реформ. В 91 г. народный трибун Марк Ливий Друз, сын противника Гракхов, предложил вернуть суды сенату. Понимая трудность прямого наступления на всадников, он предложил компромисс. Суды передавались сенату, который пополнялся 300 новых членов из числа всадников. Проект встретил отпор с обеих сторон. Часть сенаторов вообще не хотела допускать всадников в свои ряды. Сами всадники понимали, что, будучи выгодным для некоторых лиц, план Друза был невыгоден для сословия в целом. Однако Друз не сдавался. Он предложил новый план колонизации и расширения хлебных раздач и тем самым заручился поддержкой плебса. Несмотря на оппозицию, законы были приняты народным собранием.

После этого успеха Друз предпринял очередную попытку поставить вопрос о предоставлении гражданства италикам. Как и его предшественники, он потерпел неудачу. Провалом закона об италиках воспользовались противники Друза, которые добились отмены и остальных его законов. Вскоре после этого Друз погиб от кинжала неизвестного убийцы.

Многочисленные провалы законопроектов о союзниках убедили последних в необходимости самим выступить в защиту своих прав. В конце 91 г. до н. э. в Аускуле Пиценском произошло восстание, к которому присоединилась значительная часть союзников. Движение имело два очага: один в Центральной Италии, где выступили племена марсов, пелигнов и пр., другой в Самнии, где против Рима поднялись самниты и луканы. Риму предстояло новое покорение Италии — одна из самых трудных войн, которые он когда-либо вел. Союзники предъявили Риму ультиматум с требованием прав гражданства. Ответом были репрессии против сторонников Друза. Италики отделились от Рима, образовав независимое государство по типу римского с магистратами, сенатом и народным собранием. Столицей стал Корфиний, переименованный в «Италию». Началась война, получившая название Союзнической.

В 90 г. до н. э. италикам удалось одержать ряд побед, результатом которых было взятие ряда римских крепостей. На юге самниты выбили римлян из Кампании. Эти неудачи римлян вызвали брожение в оставшихся верными им Умбрии и Этрурии. Римлянам пришлось пойти на уступки. В конце года по закону Юлия гражданство получили жители союзных общин, еще не отпавших от Рима. В начале 89 г. был принят новый закон, согласно которому каждый член союзной общины, подавший заявление римскому претору в течение двух месяцев, становился римским гражданином. Эти маневры внесли раскол в ряды восставших и позволили Риму начать наступление. В 89 г. была разгромлена северная армия союзников и взяты Аускул и Корфиний. В Самнии с большим искусством и не меньшей жестокостью действовал Сулла, одержавший ряд побед над самнитами и луканами. К 88 г. восстание было подавлено, остатки его участников отступили на юг Италии. Римляне готовились к последней схватке, однако новые внешнеполитические события отсрочили подавление восстания союзников.

Союзническая война была важным событием римской истории. Число граждан увеличилось более чем вдвое. События 91—88 гг. стали переломом на пути превращения римского полуса в италийскую державу. Новая Италия приобретала черты унитарного государства. Пока еще перелом носил в основном юридический характер, и требовались десятилетия, чтобы процесс слияния Италии и Рима завершился. Кроме того, новые граждане были распределены только в 8 из 35 триб, что ограничивало их права.

В 90-х годах до н. э. на восточной границе Рима в Малой Азии усиливается Понтийское царство во главе с энергичным правителем Митридатом VI Евпатором. Захватив Боспор, Колхиду и Малую Армению и выдав дочь за армянского царя Тиграна, Митридат мечтал о создании мощного государства, способного стать преемником эллинистических монархий. Весной 88 г. понтийский царь вторгся в римскую Азию и без труда захватил

ее. Завоевание провинции сопровождалось страшной резней живших там римлян и италиков. Коренное население приветствовало Митридата, выступавшего в роли освободителя от ига римлян. После этого понтийцы двинулись на Македонию и Грецию. Римские владения на Востоке оказались под угрозой.

Римское правительство решило послать в Грецию войска под командованием Суллы, который был консулом 88 года. В этот момент на сцене снова появился Марий, попытавшийся присвоить руководство восточным походом. Он заручился поддержкой народного трибуна Сульпиция Руфа, бывшего друзианца, который надеялся с помощью Мария продолжить деятельность Друза. Сульпиций вносит ряд законопроектов. Из ссылки были возвращены многие жертвы репрессий 91 года. Италиков предполагалось распределить по всем 35 трибам, Марий должен был получить командование в войне на Востоке. Консулы устроили obstruction и объявили *юстиций* — временное прекращение деловой жизни. Опираясь на ветеранов Мария и часть всадников, Сульпиций добился отмены юстиция и проведения своих законов. После этого Сулла бежал к стоявшей возле Нолы армии и поднял ее против Рима. Впервые римская армия двинулась против собственной столицы. Город был взят, Сульпиций погиб, а Марий и некоторые из его сторонников, будучи объявлены вне закона, бежали из Италии.

Сулла отменил законы Сульпиция и поспешил на Восток. Выборы на 87 год закончились компромиссом: консулами стали сулланец Октавий и противник Суллы Луций Корнелий Цинна.

Сразу после отъезда Суллы между консулами начался конфликт, закончившийся победой Октавия. Цинна бежал на юг и по примеру Суллы двинул против Рима войска. К нему присоединились Марий и его сторонники. В июне 87 г. сенат и Октавий капитулировали, консулами на 86 год были избраны Марий и Цинна. Марианцы вошли в Рим, устроив страшную резню своих противников. Особенно свирепствовал отряд рабов, нанятый Марием. Репрессии приняли такие размеры, что Цинна был вынужден перебить этот отряд.

После смерти Мария в самом начале 86 г. Цинна стал фактическим диктатором. В течение трех лет подряд он удерживал должность консула. Италики были распределены по всем 35 трибунам, однако на этом реформы закончились. Во всем остальном власть была в руках небольшой группы людей, опиравшейся на армию. Цинна и его партия утратили связь с демократическим движением. В 84 г. Цинна был убит взбунтовавшимися солдатами. Это стало началом кризиса режима.

Марианская диктатура представляет собой первый опыт военной диктатуры в Риме. Марий, а затем Цинна были первыми политиками нового типа, не связанными с традиционными полисными силами, опиравшимися на разнородную личную партию и создавшими режим личной власти.

В это время Сулла успешно начал кампанию на Востоке. В середине 87 г. он высадился в Греции и осадил Афины, вставшие на сторону Митридата. К весне 86 г. город был взят. Между тем в Грецию вступила армия Митридата. Примерно в это же время в Греции появилось и большое войско марианцев во главе с Валерием Флакком. В 86 г. Сулла разбил Митридата в двух сражениях — при Херонее и при Орхомене. Римляне снова овладели Грецией.

В армии Флакка вспыхнул мятеж. Командующий был убит, а на его место солдаты выбрали главаря мятежа Гая Фимбрию. Он двинулся в Азию и разбил Митридата у Пропонтиды. В Эгейском море господствовал римский флот. В этой ситуации понтийский царь пошел на переговоры с Суллой. В августе 85 г. в Дардане был заключен мир, по которому Митридат освобождал все захваченные им римские территории и выплачивал контрибуцию в 2 тыс. талантов.

После окончания войны с Митридатом Сулла готовится к борьбе с политическими противниками. В Пергаме он встретился с войском Фимбрии, которое без боя перешло на его сторону. Фимбрия покончил с собой.

Весной 83 г. до н. э. Сулла с 40-тысячной армией высадился в Брундизии. Гражданская война началась. Марианцы мобилизовали свыше ста тысяч человек, к ним также присоединились остатки самнитских инсургентов. У Суллы тоже было много союзников. В Италии действовали войска Метелла Пия, сына врага Мария; в Пицене восстал молодой полководец Гней Помпей, из Африки прибыл отряд во главе с Марком Лицинием Крассом. В 83 г. Сулла одержал крупную победу над марианцами. На следующий год во главе марианских сил встали два способных полководца — Карбон и Марий Младший, сын Мария. Но марианцы были разбиты, Карбон бежал в Африку, а Марий был заперт в г. Пренесте. Вскоре город был взят сулланцами, Марий покончил с собой. Остатки самнитов и марианцев двинулись на Рим. 1 ноября 82 г. у Коллинских ворот произошло сражение, в котором они были разбиты. Сулла стал хозяином Рима. Вскоре марианцы были вытеснены из Сицилии, Африки и Испании. Особо отличился Гней Помпей, которому Сулла устроил триумф и дал прозвище Великий (*Magnus*).

Сулла получил диктаторские полномочия. В отличие от обычной диктатуры они не были ограничены сроком и зависели от личной воли Суллы. Это давало ему бесконтрольную власть и было новым шагом к созданию монархии. Другим характерным моментом было то, что особое положение Суллы было оформлено в рамках республиканской системы. Наряду с диктатором продолжали функционировать комиции, сенат и большинство магистратов. Теперь все они находились под контролем Суллы.

Диктатура Суллы началась с уничтожения политических противников. В ходе войны в ряде городов (Пренесте, Эзерния, Норба и др.) сулланцы уничтожили все мужское население. По всей

Италии действовали карательные отряды. Некоторые города лишились своих владений, у других были скрыты стены. Особенно жестоко был опустошен Самний. Став диктатором, Сулла опубликовал списки людей, подлежащих уничтожению (*проскрипции*). Общее число проскрибированных достигло 5 тыс. Дети жертв Суллы лишались гражданских прав, помощь проскрибированным каралась смертью, за донос рабы получали свободу, а свободные — денежную награду.

Социальная политика Суллы направлена была на вознаграждение тех сил, которые привели его к власти. Свыше 120 тыс. ветеранов диктатора получили землю в Италии. С этой целью по всей стране проводились массовые конфискации. Офицеры Суллы получали деньги, магистратуры и места в сенате. Многие из них стали богачами, огромное состояние составил и сам Сулла. Десять тысяч рабов, принадлежавших жертвам репрессий, были отпущены на волю и стали называться «Корнелиями» в честь своего освободителя.

Одновременно с этим Сулла провел ряд консервативных реформ с целью реставрации старой республики. Власть сената существенно увеличилась, а сам он был пополнен 300 новыми членами из числа сторонников диктатора. Было упорядочено прохождение магистратур с целью предотвращения концентрации власти и передачи их под контроль сената. Была отменена цензура. Ограничивались полномочия консулов; существенному ограничению подверглись права народных трибунов, которые теперь не могли проводить законы без санкции сената и занимать другие магистратуры. Судебные комиссии были отданы сенату.

В ряде случаев Сулла уже не мог сопротивляться новым тенденциям. Он сохранил равное распределение италиков по трибам и разделил Италию на муниципальные территории, предоставив муниципальные права ряду городов. В 79 г. он сложил с себя власть, а год спустя умер от болезни.

Деятельность Суллы носила противоречивый характер. Общей тенденцией законодательства была реставрация республики, однако социальная политика диктатора, его произвол и репрессии объективно оказывали разрушительное действие на республиканский строй, расчищая дорогу монархии.

Анализируя основы принципата, Ф. Энгельс писал, что «материальной опорой правительства было войско, которое гораздо более походило на армию ландскнехтов, чем на старое римское крестьянское войско, а моральной опорой — всеобщее убеждение, что из этого положения нет выхода...»⁸. Оба эти фактора появились ко времени конфликта Мария и Суллы и окончательно сформировались в период двух диктатур.

⁸ Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 19, с. 310—311.

5. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

В 70—50-е ГОДЫ ДО Н. Э.

Разрушительные последствия гражданской войны были разнообразны. Это были внутренние смуты, вызванные обострением противоречий, внешнеполитические осложнения, связанные с ослаблением Рима и отвлечением его сил, и, наконец, рост провинциальных восстаний, движения рабов и пиратства.

После смерти Суллы активизировались его противники и те, кто пострадал от его режима. Их поддерживали массы плебса и многие италики. Во главе движения встал консул 78 г. Марк Эмилий Лепид. Будучи послан для подавления восстания против сулланских колонистов в Этрурии, Лепид повернул войска на Рим и потребовал восстановления власти трибупов и возвращения изгнанников. Правительственные силы во главе со вторым консулом Квинтом Катулом и Помпеем с трудом подавили восстание. Лепид вскоре умер, а остатки его армии во главе с Марком Перперной ушли в Испанию.

Еще в 80 г. до н. э. в Испании началось восстание, возглавленное талантливым полководцем Квинтом Серторием, который сумел объединить движение марианцев с восстанием местных племен. В течение ряда лет против него сражались главные силы римлян во главе с Метеллом Пием и Помпеем. В 76—74 гг. Серторий одержал ряд побед, но потом наступление правительственных войск возобновилось. Среди повстанцев начались разногласия, и в 72 г. Серторий погиб в результате заговора, организованного его окружением. Вскоре после этого восстание было подавлено.

Примерно в это же время Италию охватило грандиозное восстание рабов. В начале лета 73 г. из одной гладиаторской школы в Капуе бежали 60 или 70 гладиаторов. Во главе их стояли фракиец Спартак и галлы Крикс и Эномай. Восставшие ушли на гору Везувий, где и обосновались в потухшем кратере. Римляне послали к горе отряд в 3 тыс. человек во главе с претором Клодием. Клодий преградил дороги на вершину Везувия, но Спартак спустился с обрыва к нему в тыл и одержал победу. В Кампании гладиаторы разбили претора Публия Вариния. Восстание охватило юг полуострова. Когда Спартак прошел Кампанию и Луканию, его армия достигла 70 тыс. человек.

Вождь восставших рабов намеревался перейти через Альпы и вывести свою армию в свободные от римлян земли. Против рабов были посланы оба консула 72 года — Геллий и Лентул. Среди повстанцев начались разногласия, и отряд Крикса, состоящий из галлов и германцев, отделился от основных сил. У г. Гаргана он был разбит римлянами. Спартак действовал с большим успехом, ему удалось добиться победы над обоими консулами и прорваться в Северную Италию. У г. Мутины он разбил войска наместника Цизальпинской Галлии Гая Кассия, который пытался преградить ему путь. Наконец, Спартак вышел к Альпам. Цель была близка, но большинство армии Спартака отказалось уходить в не-

известные места и потребовало повернуть на Рим. Спартак двинулся на юг.

В это время римляне мобилизовали все имевшиеся в Италии силы, во главе которых встал претор 72 года Марк Лициний Красс. Спартак продолжал отходить на юг, преследуемый римским командующим. Теперь он планировал переправиться в Сицилию, чтобы начать там новое восстание. Войско Спартака вышло в Бруттий, но переправа в Сицилию не состоялась. Тем временем Красс провел ров поперек перешейка и отрезал Спартака в Бруттии. Снежной ночью Спартак прорвал оборону римлян и вышел в Луканию. Теперь он устремился к крупному порту Брундизию, где надеялся захватить флот и бежать из Италии.

На помощь Крассу были направлены войска Помпея, закончившие войну с Серторием; из Фракии были вызваны легионы Марка Лициния Лукулла, которые заняли Брундизий. Спартак оказался в кольце. Весной 71 г. в Апулии произошло генеральное сражение с Крассом. Восставшие рабы были разбиты, Спартак пал в бою. Остатки его армии были уничтожены Помпеем.

После разгрома Спартака возле Рима стояли армии Помпея и Красса. Многие ожидали конфликта, но соперничавшие полководцы примирились и были выбраны консулами на 70 год. Под давлением общественного мнения они ликвидировали ряд законов Суллы. Была восстановлена цензура и власть народных трибунов. По закону Аврелия Котты суды теперь состояли из сенаторов, всадников и эрарных трибунов, являвшихся самой богатой частью плебса. Реформы 70 года были социальным компромиссом. В политической борьбе на некоторое время наступило затишье.

Усиление единоличной власти снова было вызвано внешним фактором. Гражданская война, деятельность Митридата и Сертория, восстания рабов привели к росту пиратства, центрами которого стали Киликия и Крит. Пиратство создало серьезную угрозу торговым путям в Средиземном море. В 67 г. по закону трибуна Авла Габиния было решено предоставить одному командующему власть на море и прибрежной полосе в 50 миль в глубину. На эту должность был избран Помпей. Собрав более 500 кораблей, он за 40 дней очистил море от пиратов, а затем разгромил их базу в Киликии. Эта кампания сделала его самым популярным полководцем в Риме.

Следующим этапом карьеры Помпея была так называемая Третья Митридатова война. После мира 85 г. до н. э. отношения между царем и Римом оставались напряженными. В 83—82 гг. произошел небольшой инцидент, получивший название Второй Митридатовой войны. В 75 г. до н. э. Никомед, царь Вифинии, государства на северо-западе Малой Азии, завещал свое царство Риму. Это послужило поводом к третьей войне. С 74 г. командующим на Востоке был Луций Лициний Лукулл. Он разбил Митридата и вытеснил его из Вифинии и Понта, заставив бежать к зятю, Тиграну Армянскому. Отказ последнего выдать Митридата послужил поводом для войны между Римом и Арменией. Осенью 69 г.

Тигран был разбит у Тигранакерта, в 68 г. Лукулл двинулся на столицу Армении Артаксату (Арташат), но его поход был неудачным. Митридат перешел в наступление, отвоевав Понт и Армению.

В начале 66 г. до н. э. командование передали Помпею. Митридат снова был разбит и вытеснен из своих владений. Ему пришлось бежать в Колхиду, а оттуда — в Боспорское царство. Вскоре сын царя Фарнак поднял там мятеж, в результате которого Митридат погиб. Понт и Вифиния были превращены в римскую провинцию. Вслед за этим Помпей подошел к Артаксате и заставил Тиграна признать себя вассалом Рима и отказаться от всех завоеваний. В 63 г. до н. э. в римскую провинцию была превращена Сирия; к ней вскоре присоединили Иудейское царство, пользовавшееся некоторыми правами автономии. Поход Помпея привел к новому расширению Римской державы на Востоке.

За время отсутствия Помпея в Риме был раскрыт опасный заговор. Группа молодых нобилей, поддержанная ветеранами Суллы и значительной частью деклассированных элементов, попыталась захватить власть. Во главе заговора стоял Луций Сергий Катилина, выходец из знатного, но обедневшего рода. В 63 г. Катилина пытался стать консулом, выдвинув лозунги передела земли и отмены долгов, но потерпел поражение благодаря энергичным мерам известного оратора Марка Туллия Цицерона. Представитель всаднического сословия Цицерон, став консулом, выдвинул программу сотрудничества всадников и сената. Он выступил с речами, разоблачающими Катилину. Катилина бежал в Этрурию, где формировались военные отряды. Группа его сторонников в Риме была арестована; сенат приговорил их к смертной казни. Решение было противозаконным, поскольку римского гражданина нельзя было казнить без санкции народного собрания, однако выступление ярого консерватора Марка Порция Катона склонило сенат к вынесению смертного приговора. Сторонники Катилины были казнены, его войско было разбито в битве при Пистории в начале 62 г., а сам он пал в бою.

В конце 62 г. до н. э. в Брундизии высадился Помпей. Вопреки общему ожиданию он распустил войска. После этого победоносный полководец потребовал от сената утверждения всех его мероприятий на Востоке и земельных раздач для солдат. Получив отказ, Помпей сближается с Крассом и другим влиятельным политиком — Гаем Юлием Цезарем. Негласное соглашение этих трех лиц получило название Первого *триумvirата*. С помощью своих союзников Цезарь стал консулом на 59 г. до н. э. и провел в жизнь требования Помпея. После окончания срока он получил наместничество в Цизальпинской Галлии и Иллирии и начал одну из самых крупных войн, которые когда-либо вел Рим. В планы Цезаря входило завоевание всей огромной территории Трансальпинской Галлии, на которой размещаются современные Франция, Бельгия, Нидерланды и Швейцария.

В 58 г. до н. э. началось переселение галльского племени гельветов из нынешних швейцарских областей на запад. Под предлогом помощи союзникам Рима — эдуюм, подвергшимся угрозе нападения, Цезарь разбил гельветов. В том же году он отбил попытку вторжения в Галлию зарейнских германцев, а в 57 г. подчинил многочисленные племена белгов, населявших северо-восточную часть Галлии, и стал к концу 56 г. хозяином всей страны. В 55 г. до н. э. Цезарь разбил вторгшиеся в Галлию германские племена узипетов и тенктеров и совершил демонстрацию против германцев, перейдя Рейн. Спустя два года он повторил этот демарш. Набеги германцев на Галлию прекратились. В 55—54 гг. до н. э. были предприняты две экспедиции в Британию. Несмотря на тактический успех, Цезарь не стал закрепляться на острове. 52 год стал годом крупного общегалльского восстания, во главе которого встал способный вождь Верцингеторикс. После упорной борьбы Цезарь осадил его в крепости Алезия. После разгрома пришедшего на помощь галльского ополчения Алезия капитулировала. К концу 51 г. восстания в Галлии были подавлены. Рим получил новые огромные территории.

Громадная добыча усилила влияние Цезаря. Кроме того, в галльских походах он создал сильную и преданную ему армию. Все это вызвало опасения Помпея, который начал сближаться с врагами Цезаря, возглавляемыми Катонам. Триумвират дал трещину еще в середине 50-х годов до н. э. В 54 г. состоялся раздел провинций: Помпей получил Испанию, а Красс — Сирию и право вести войну с восточным соперником Рима — Парфией. В 53 г. в битве при Каррах римляне потерпели сокрушительное поражение. Красс погиб в бою. Триумвират распался.

В 50 г. до н. э. Помпей начинает склонять сенат к решению о досрочном прекращении наместничества Цезаря в Галлии. 1 января 49 г. сенат принимает соответствующую резолюцию, игнорируя интерпессию народных трибунов Марка Антония и Квинта Кассия. Это послужило для Цезаря предлогом к началу гражданской войны.

6. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 49—45 ГГ. ДО Н. Э. ДИКТАТУРА ЦЕЗАРЯ

В начале января 49 г. до н. э. Цезарь перешел р. Рубикон, отделявшую Италию от Галлии, и стремительным броском овладел Северной Италией. Помпей и его сторонники бежали из Рима, даже не успев захватить государственную казну. Значительная часть войск Помпея капитулировала под Корфинием, а сам Помпей с пятью легionsами отступил в Брундизий, откуда затем эвакуировался в Грецию. В июле — августе 49 г. Цезарь двинулся в Испанию, где стояли семь легионов Помпея, и заставил их сдаться. В следующем, 48 г. Цезарь переправился

в Грецию. После длительных военных действий и неудачного боя под Диррахием он разгромил Помпея в решающей битве при Фарсале (в Фессалии). Помпей бежал в Египет, но египетские власти даже не дали ему высадиться: он был убит в лодке, когда плыл к берегу.

Преследуя Помпея, Цезарь с небольшим отрядом прибыл в Александрию, где вмешался в династическую борьбу между молодым царем Птолемеем XII и его сестрой Клеопатрой. После опасной и затяжной войны Цезарь одержал победу над Птолемеем и посадил на престол Клеопатру.

За время отсутствия Цезаря положение изменилось не в его пользу. Помпеянцы собрали большие силы в Африке, где их поддерживал царь Нумидии Юба. Сын Митридата Фарнак, воспользовавшись гражданской войной в Риме, стал захватывать утраченные ранее области. Против него двинулся Цезарь. В августе 47 г. до н. э. Фарнак был разбит. Вскоре после этого Цезарю удалось прекратить волнение в Риме. В конце 47 г. он переправился в Африку, где в августе 46 г. армия помпеянцев была уничтожена в битве при Тапсе. В Африке погибли все лидеры антицезарианской партии, в том числе Катон и Юба. В 45 г. состоялось последнее сражение этой войны: при Мунде в Испании были разгромлены сыновья Помпея; старший из них, Гней, пал в бою, младшему, Сексту, удалось бежать.

Начиная с 59 г. Цезарь сохранял империй, будучи проконсулом; в 48 г. его избрали в консулы. Новым этапом в развитии его власти был период после Фарсала. В 48 г. он стал диктатором на неопределенный срок, в 46 г. получил диктатуру на 10 лет, а с 45 г. — пожизненно. Кроме того, с 48 по 44 г. Цезарь ежегодно был консулом, имел цензорские полномочия, трибунскую власть и почетные титулы императора и отца отечества. Кроме того, он был верховным понтификом, что делало его главным жрецом Рима. Спецификой римской монархии продолжало оставаться сохранение полисных институтов, над которыми надстраивалась диктатура Цезаря.

Сенат увеличивался до 900 человек, а число квесторов — до 40. Цензура была отменена, комплектование сената взял в свои руки диктатор. Число магистратов возросло: преторов стало 16, а эдилов — 6.

Деятельность Цезаря была подчинена усилению своей партии, общей стабилизации положения и вместе с тем решению новых проблем по превращению Рима в империю. Многие из его сторонников получили магистратуры и места в сенате. Солдатам и офицерам раздавались денежные награды, 80 тыс. ветеранов получили землю. В отличие от Суллы Цезарь не проводил рапрессий. Его лозунгом был бескровный гражданский мир, а после битвы при Тапсе была объявлена общая амнистия. Хлебные раздачи были сокращены вдвое. В Риме и провинциях велось крупное строительство. Элемент стабилизации выразился и в реформе календаря.

Цезарь взял курс на романизацию провинций. Колонии ветеранов выводились в Галлию, Испанию, Африку и другие области. Цезарь начал давать гражданство целым областям. В 49 г. его получила Транспаданская Галлия, а затем и многие общины в Испании и Нарбонской Галлии. Законы об оскорблении величия и о вымогательствах упорядочили провинциальное управление. Незадолго до смерти Цезарь готовился к грандиозному походу на Парфию и североевропейских варваров.

В конце 45 г. против Цезаря был организован заговор во главе с Марком Юнием Брутом и Гаем Кассием Лонгином. Среди заговорщиков были бывшие помпеянцы и некоторые из сторонников Цезаря. 15 марта 44 г. до н. э. Цезарь был убит в сенате.

Реформы Цезаря были логическим следствием всего предшествующего развития республики, но вместе с тем они стали качественным переломом в процессе перехода от республики к империи, который теперь стал необратим.

7. ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЦЕЗАРЯ

Заговорщики обладали весьма ограниченными силами и были обязаны своим успехом всеобщей растерянности. 17 марта 44 г. сочувствовавший им сенат вынес компромиссное решение: убийцы Цезаря получили амнистию, а все распоряжения диктатора оставались в силе. Последнее было выгодно и заговорщикам, поскольку многие из них занимали высокие посты согласно распоряжениям Цезаря, а один из них, Децим Брут, получил в управление Цизальпинскую Галлию. Власть вскоре перешла к видному сподвижнику Цезаря Марку Антонию, консулу 44 года. Антоний провел закон, по которому галльская провинция доставалась ему. Децим Брут отказался подчиниться.

В это время в Риме появился 19-летний внучатый племянник Цезаря Гай Октавий, которого диктатор усыновил незадолго до своей смерти. Не сумев найти общего языка с Антонием, Октавиан сближается с сенатской оппозицией во главе с Цицероном.

В начале 43 г. до н. э. Антоний двинулся против Децима Брута и осадил его в Мутине. Сенат объявил Антония врагом отечества и выслал сильную армию во главе с консулами 43 г. Гирцием и Пансой и Октавианом в ранге пропретора. Марк Брут получил Македонию, а Кассий — Сирию. В двух сражениях у Мутины Антоний потерпел поражение и бежал на север. Оба консула погибли в бою, и сенат, не доверяя Октавиану, приказал ему передать войска Дециму Бруту. Это сблизило Октавиана с Антонием. Октавиана поддерживали бывшие ветераны Цезаря. В ноябре 43 г. Октавиан, Антоний и наместник Ближней Испании Марк Эмилий Лепид были объявлены триумвирами.

ми для устройства государства сроком на 5 лет с неограниченными полномочиями.

Началась расправа с противниками Цезаря. Его убийцы были поставлены вне закона. После вступления в Рим триумвиры начали террор против политических противников, который превзошел даже проскрипции Суллы. Террор уничтожил всех противников триумвиров и сопровождался грабежами и конфискациями. Одной из жертв террора стал Цицерон.

В 42 г. до н. э. Антоний и Октавиан двинулись против Брута и Кассия. В двух сражениях у Филипп (в Македонии) армия заговорщиков была разбита, Брут и Кассий покончили с собой. Октавиан уехал в Италию. Антоний остался на Востоке, где позднее провел неудачную кампанию против Парфии. Он вступил в союз с египетской царицей Клеопатрой VII, а затем женился на ней.

Новым противником триумвиров стал сын Помпея Секст, уцелевший после битвы при Мунде. Он захватил Сицилию и создал там своеобразное полуириархическое государство, которое стало оплотом всех врагов нового режима. В сентябре 36 г. Помпей был разбит в двух морских битвах флотом Октавиана и бежал в Малую Азию, где был казнен по приказу Антония. В том же году Октавиан лишил Лепида власти триумвира.

Теперь Октавиан и Антоний остались один на один. Конфликт между ними был неизбежен. 2 сентября 31 г. до н. э. состоялось решающее сражение близ западного побережья Греции, у мыса Акция. Флот Антония был разбит, Клеопатра в разгар боя отплыла в Египет, Антоний бросился за ней; сухопутная армия Антония сдалась без боя. Летом 30 г. Октавиан начал наступление на Египет и 1 августа торжественно вступил в Александрию. Антоний, а затем и Клеопатра покончили с собой. Египет был присоединен к римским владениям. Гражданские войны закончились победой нового диктатора, на сей раз навсегда.

8. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РИМСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРИОДА РЕСПУБЛИКИ⁹

В отличие от Афин Рим не создал высокой культуры в период своего становления и процветания в качестве города-государства. Об этой эпохе его культурного развития мы знаем в основном лишь из сообщений позднейших авторов, рассматривавших прошлое своего родного города под неким определенным углом зрения и стремившихся доказать, что Рим достиг господства сперва над Италией, а затем и над остальными подчиненными им странами благодаря исключительным моральным ка-

⁹ Для раздела 8 редколлегия использовала сокращенный вариант гл. 2 из книги Е. М. Штаерман «Кризис античной культуры» (М., 1975).

чествам своих граждан: мужеству, дисциплинированности, воздержанности, свободолюбию, высокому понятию о долге, уважению к божеским и человеческим законам, а главное — беззаветной преданности отечеству, ради которого граждане не щадили ни трудов, ни детей, ни жизни. Целая галерея иллюстрирующих этот идеал образов украшала раннюю римскую историю: основатель республики и первый консул Луций Юний Брут, осудивший на смерть своих сыновей, замешанных в заговоре в пользу изгнанного царя Тарквиния; Муций Сцевола, пробравшийся в лагерь осаждавшего Рим этрусского царя Порсены с целью его убить и, будучи пойманным, сжегший на костре руку в доказательство стойкости римлян, и др.

Мы не знаем ни когда сложились эти предания, ни какое зерно истины они содержат. Но, несомненно, они отражают мировоззрение граждан древнейшего Рима, для которых их родной город с его народными собраниями, сенатом, магистратами, богами, законами, обычаями и традициями был высшей ценностью, высшей инстанцией одобрения и осуждения.

У римлян не было похожей на греческую развитой мифологии со стройной системой представлений о сотворении мира и человека, взаимоотношениях и установлениях богов. Их религиозные воззрения долгое время определялись представлением о присущих всем предметам, процессам и явлениям внутренних силах, безличных и неопределенных, часто мыслившихся как множественности. Таковы были души умерших — *маны* (благодетельные души предков-покровителей — *лары* и зловередные тени не погребенных должным образом покойников — *ларвы*); хранители отдельного дома и всего города — *пенаты*. Множествен, видимо, был первоначально и важнейший из древнеиталийских богов — Марс, олицетворявший некогда силы дикой природы и территории, лежавшей за священной границей города.

Из богов, издавна имевших свою определенную индивидуальность, наибольшее значение приобрел Юпитер, бог возвышенностей, грома, дождя. Ему еще в конце царского периода, под именем «всеблагого, величайшего», был посвящен храм на Капитолии, и с тех пор Юпитер стал богом славы и мощи Рима, а с их ростом рос и его престиж. Совместно с Юпитером почитались покровительница матерей Юнона и ставшая впоследствии покровительницей ремесла Минерва. Они составляли так называемую капитолийскую троицу небесных богов.

Кульст исконных римских богов был долгое время примитивен. Только под влиянием знакомства с греками, главным образом из южноиталийских городов, начали строиться храмы, изготавливаться изображения богов. За образцы брались греческие статуи, и римские боги стали отождествляться с греческими: Юпитер с Зевсом, Юнона с Герой, бог виноградников Либер с Вакхом-Дионисом, богиня садов Венера с Афродитой, богиня материнства и лунных фаз Диана с Артемидой, бог купцов и ремесленников Меркурий с Гермесом, Марс с Аресом. Очень ра-

но, не позже начала IV в. до н. э., в Риме уже была известна легенда об Энее, сыне Афродиты и троянского царя Анхиза, который по воле богов после гибели Трои, преодолев много препятствий, прибыл в Италию и стал царем города Альба-Лонга и дедом Ромула и Рема, основателей Рима. Таким образом, судьба Рима как бы включалась в судьбу греческого мира, его богов и героев.

Но, позаимствовав у греков их учения и легенды о богах, римляне создали еще раньше и свой миф, который, как и всякий миф, повествовал о прошлом, объяснял настоящее и давал людям руководство к их действиям. История Рима, города, возникшего по предначертанию богов, организованного по подсказанным богами законам, — такова была центральная идея римского мифа. Этот миф определял и основные моральные ценности, основные, необходимые для служения Риму добродетели, которые и сами обожествлялись. Уже в первой половине V в. до н. э. был воздвигнут храм Верности. Издавна связанная с Юпитером, гарантом верности клятве, она определяла отношения между патронами и клиентами, солдатами и полководцами, гражданами и городом, союзными городами и Римом. Всеобъемлющей добродетелью было Мужество. Оно включало и храбрость на войне, и стойкое исполнение долга, и силу, помогающую противостоять всяким соблазнам, и соблюдение подобающего мужчине достоинства, выдержки, умеренности, строгости. Наградой за Мужество была Почесть — заслуженное одобрение, уважение и почет. В период борьбы патрициев и плебеев формировалось и понятие Свободы. В 238 г. до н. э. ей был посвящен храм, но еще задолго до этого она почиталась вместе с Юпитером.

Римский народ, свобода народа, долг служить всеми силами Риму на любом месте, в любой роли — такова была основа системы ценностей римлян периода расцвета их города-государства. Она не требовала санкции личного суждения и оставляла весьма мало простора личной инициативе.

Во II—I вв. до н. э. неизмеримо возросла тяга к греческой культуре. Со всех концов эллинистического мира в Рим свозили картины и статуи, платили бешеные деньги за образованных греческих рабов. Римляне все больше привыкали к театру, черпая из пьес краткие афоризмы греческой философии. Появилось много новых поэтов и драматургов.

Наиболее распространены в Риме были философские школы эпикурейцев, стоиков и академиков, соединяющих положения Платона и Аристотеля, хотя в значительно модифицированном виде.

Об эпикурействе на римской почве мы знаем из поэмы знаменитого философа-эпикурейца I в. до н. э. Лукреция «О природе вещей». Свою цель Лукреций видел в борьбе со страхом перед богами и посмертной судьбой души, страхом, порабащившим человека и толкающим его на многие преступления. Боги существуют, но, бесстрастные и невозмутимые в своем совершен-

стве, они не вмешиваются в дела людей. Чтобы доказать этот тезис, Лукреций дает естественное, основанное на движении атомов — первичных неделимых частиц материи — объяснение функционирования космоса и его частей: небесных светил, земли, растений, животных, людей. В своем вечном движении несозданные и неразрушимые атомы, сталкиваясь и соединяясь, образуют все многообразие явлений природы. Душа человека, как и весь мир, материальна, она уничтожается со смертью, и поэтому бояться смерти бессмысленно. Бессмысленно также, как это свойственно многим философам, сомневаться в достоверности свидетельств наших органов чувств. С их помощью мир может быть познан таким, каков он есть в действительности.

Лукреций выдвинул теорию прогресса природы и человечества. Простые растительные и животные формы предшествовали более сложным: менее приспособленные вымирали, более приспособленные выживали, хотя и в их строении далеко не все так целесообразно, как считают те, кто верит в акт божественного творения. Самое сложное и высокоразвитое животное — человек появился последним. Вначале люди жили, как звери, не имея ни семьи, ни законов, ни искусств и ремесел. Научившись добывать огонь, они сделали первый шаг к более культурной жизни, а создав семью, поняли необходимость объединения, чтобы дать детям более надежную защиту. Сперва ими правила наиболее сильные — цари, затем подчиненные законам — магистраты. Мощным орудием объединения людей было развитие языка. Наблюдая за явлениями природы, люди научились возделывать землю, добывать и плавить медь, а потом железо. Так, постепенно подражая природе, они развили все ремесла и искусства сами, без вмешательства богов, которых многие считают первыми учителями людей. Но, все еще плохо понимая законы природы, пугаясь грозных явлений, видя необъяснимые сны, люди создали богов и стали их чтить. Страх породил и богов, и дикие, подчас жестокие обряды, выгодные лишь лживым жрецам. Только избавившись от страха, человек станет жить счастливо и справедливо, направляя волю и ум на дальнейшее познание мира.

Широкое распространение получили идеи стоической школы, издавна имевшей приверженцев среди римской знати. Стоицизм привлекал римскую аристократию своей строгой концепцией добродетели, соответствовавшей исконным римским традициям. Но многих бескомпромиссный ригоризм стоиков отталкивал, и они предпочитали более мягкое учение академиков. К ним принадлежал и Цицерон, много сделавший для пропаганды греческой философии среди римлян. Он написал ряд сочинений, в которых в доступной форме изложил доктрины философских школ.

Академики в известной мере склонялись к скептицизму, отвергая возможность познания на основании свидетельств чувств, поскольку нет якобы никакого критерия для проверки их пра-

вильности. Так, например, солнце мы видим маленьким, тогда как на самом деле оно очень велико, больному мед кажется горьким и т. п. Кроме того, чувства отражают лишь вечно меняющееся, преходящее, возникающее и гибнущее. Их показания порождают лишь мнения, а не истинное знание. Не отрицая того, что человеку следует жить согласно велениям природы, академики указывали, что, поскольку человек состоит из души и тела, постольку, хотя душа, несомненно, возвышеннее тела и призвана повелевать им, как господа повелевают рабами, тело имеет право на удовлетворение своих потребностей, а значит, и внешние блага отнюдь не безразличны, как считали стоики. Правда, добродетель стоит на первом месте, но для достижения полного счастья пужны также телесное здоровье, сила, красота, хорошее происхождение, обеспеченность, дающая досуг для самосовершенствования, для занятий наукой и философией.

Сам Цицерон, разделяя некоторые основные взгляды академиков, вместе с тем, как римлянин, модифицирует их, ставя во главу угла положение о долге человека служить обществу, т. е. Риму. Он выступает против тезиса эпикурейцев о том, что мудрец не должен вмешиваться в политику. Республика — дело народа, соединившегося в общем согласии и для общей пользы, но не из слабости, как полагают эпикурейцы, а в силу естественного стремления к единению с другими людьми, соблюдению законов и справедливости.

Разнообразие философских воззрений в конце II и в I в. до н. э. было лишь одним из проявлений общего раскола прежде монолитного гражданства; раскол этот имел место во всех сферах культуры, в первую очередь в интерпретации наиболее актуальных для современной политической борьбы вопросов истории Рима. Так, для Саллюстия, активного сторонника Цезаря, противника партии сената, римское прошлое — достойный подражания образец. Но теперь государство пришло в упадок и неминуемо погибнет, если не произойдут коренные перемены. Причины упадка — ужасающая порча нравов, задевшая и плебс, но особенно сильно поразившая знать — нобилитет. Подкупный, развратный, своекорыстный нобилитет всегда был врагом народа, отвоевавшего себе свободу в эпоху борьбы патрициев и плебеев. Рим был велик, пока оставался сильным и свободным плебс и его представители — народные трибуны, государство крепло благодаря его победам. Власть народа и страх перед сильными внешними врагами держали знать в узде, но, когда был разрушен Карфаген, сдерживающее начало исчезло. Жажда власти и богатства стала проявляться все более открыто. В стремлении к ним аристократы разорили и развратили подачками граждан, утративших завоеванную ими когда-то свободу. И все же только народ представляет собой силу, еще способную спасти Рим. Его задача — вернуть себе свободу и власть, узурпированную побилитетом. Он должен осознать свою силу, вспомнить, что все решения консулов и сената имеют значение, лишь пока он их выпол-

няет, действовать так же активно, как некогда боровшиеся с патрициями плебеи или как позже Гракхи.

Однако для Саллюстия, несмотря на его демократизм, «народ» — это скорее средние слои, и в первую очередь мелкие землевладельцы, составлявшие некогда основу города-государства, а не тот реально существовавший тогда городской плебс, который в последние десятилетия республики наиболее активно выступал против сената и который для Саллюстия был таким же результатом разложения древней республики и порчи нравов, как и нобилитет.

Различным стало и отношение к религии. Несмотря на неоднократные запрещения заниматься астрологией и магией, в губительную силу которой верило большинство, даже образованные люди, интерес к этим «тайным наукам» непрерывно рос. К астрологам обращались постоянно такие деятели, как Марий, Сулла, Помпей. Бродячие чародеи и гадатели по дешевке предсказывали будущее плебейм и рабам, составляли для них магические таблички с обращением к различным демонам, имена которых имели особый, тайный смысл. Претенденты на высшую власть в государстве связывали себя с теми или иными, якобы особо покровительствовавшими им божествами: Сулла — с Фортуной и Афродитой, Цезарь — с Венерой, считавшейся родоначальницей рода Юлиев, Антоний — с Дионисом, Октавиан — с Аполлоном.

В широкие массы окрашенная восточными влияниями мистика и философские концепции проникали мало. Даже рабы и отпущенники явно азиатского происхождения посвящали свои дары римским ларам, Меркурию, Гераклу, Минерве, Фортуне. Но и в этих слоях отношение к богам изменилось. Оно становилось более личным, непосредственным. Человек уже обращался к богу не только как член какого-то коллектива, а и сам за себя, давал обеты и приносил благодарность за исцеление, удачу, освобождение от рабства. С I в. до н. э. на надгробиях появляются обращения к благодетельным душам умерших — манам с просьбой быть благосклонными к покойному за его достойную жизнь, которая должна обеспечить бессмертие его душе. Вместе с тем сторонников находило эпикурейское отношение к религии.

В I в. до н. э. кружок молодых поэтов, «пеотериков», усиленно культивировал заимствованное у эллинистических поэтов искусство писать поэмы и стихи на мифологические темы, исполненные ученых рассуждений в вычурной форме. К этому кружку принадлежал и один из лучших поэтов Рима — Катулл. Он также отдал дань увлечению эллинистическими образцами, но главной его темой была вначале счастливая, затем несчастная, мучительная любовь к одной из светских «львиц», Клодии, фигурирующей в его стихах под именем Лесбии.

Впервые в Риме любовь, все ее перипетии, радости и страдания заняли такое место в литературе. Впервые поэт решился поставить свою возлюбленную на пьедестал, подобающий лишь

богине, и позволил своим личным переживаниям заслонить для него весь остальной мир, порвав в этом смысле со всеми традициями предков.

Внимание к личности, к психологии людей со всем многообразием их характеров и статусов определяло в основном римское искусство и литературу того времени. В изобразительном искусстве помимо подражаний греческим образцам получил распространение скульптурный портрет, творцы которого стремились наиболее реалистически передать индивидуальные черты своего оригинала. Авторы, писавшие для театра (наиболее значительным из которых был Плавт, III—II вв. до н. э.), пользовавшегося все большей популярностью, хотя и заимствовали сюжеты и формы из «новой» греческой комедии, стали обращаться к ситуациям из римской жизни, создавать пьесы, отражавшие быт простого народа. Ораторы, выступавшие в народных собраниях и на судебных процессах, совершенствовались не только форму своих речей, но и мастерство характеристик людей и ситуаций. Многие речи Цицерона читаются и до сих пор как «остросюжетные» повеллы. Дальнейшее развитие все эти тенденции получили в культуре эпохи Империи.

Лекция 3

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

1. ПРИНЦИПАТ АВГУСТА
И СОЗДАНИЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Римская империя просуществовала пять столетий — с 27 г. до н. э. до 476 г. н. э. За это время она прошла сложный путь развития от становления до падения. Первый период ее истории охватывает время с конца I в. до н. э. до конца II в. н. э., после чего начинается длительный кризис.

Положение Октавиана после 30 г. до н. э. было довольно сложным. Он ликвидировал всех своих противников и стоял во главе армии и государства. Авторитет нового правителя был огромен. Вместе с тем перед ним стояли новые проблемы: стабилизация римского общества и окончательное приспособление его к новым условиям при максимальной опоре на традиции и максимальном сохранении старого полисно-республиканского строя.

Новая система получила название *принципата* (от слова *принцепс* — «первый», являющегося, по существу, титулом правителя). Принципат стал итогом компромисса между новой системой территориальной монархии и сохранившимися старыми традициями республики. Эта система существовала в первые два века империи.

Первой задачей Октавиана было установление собственной власти. В 30—29 гг. до н. э. он был на Востоке, а затем вернулся в Рим. Все его действия символизировали конец гражданских войн и установление мира. Победитель отпраздновал триумф над Египтом, велел закрыть храм Януса и устроил пышные зрелища и раздачи. В честь Октавиана устраивались молебствия и возводились алтари.

13 января 27 г. Октавиан провел реформу, ставшую основой правового оформления императорской власти. На заседании сената он заявил о восстановлении республики и передаче власти сенату и народу. Разумеется, отказ был формальным. После это-

го Октавиан получил проконсульский империй над большей частью Галлии и Испании, а также над Сирией и Египтом. В этих провинциях стояли почти все легионы, и Октавиан оказался фактическим командующим армией. Остальные провинции формально управлялись сенатом. Кроме того, с 31 г. он бессменно оставался консулом, а с 36 г. имел элементы трибунской власти, дававшей право вето и контроль над коллегией трибунов. Сочетание проконсульского империя и трибунской власти стало правовой основой власти римских императоров.

Октавиан получил почетное имя Август (от *Augustus* — священный, величественный). Это имя-титул было тесно связано с сакральной терминологией. Еще раньше, как и у Цезаря, титул «император»; стал частью его имени, а во 2 г. до н. э. Август получил титул «отца отечества».

Создание правовой основы власти в основном завершается в 23 г. до н. э. Август отказался от консульства. Вместо этого он получил всю полноту трибунской власти, а проконсульский империй стал высшим по отношению ко всем другим империям магистратов. В ходе своего долгого правления Август добавил к этому ряд других полномочий и прав. Он имел преимущественное право созыва сената, а во время заседаний сидел между двумя консулами. Август был главой или членом всех основных жреческих коллегий, а с 12 г. до н. э. стал верховным понтификом, главным жрецом Рима. Наконец, он являлся первым сенатором (принцепсом сената) и считался «первым гражданином государства».

Кроме юридического фактора власть Августа имела сильную морально-политическую основу. Авторитет первого принцепса был велик: с ним связывали конец гражданских войн, реставрацию государства и поддержание римского мира (*Pax romana*). Август любил подчеркивать идею «всеобщего согласия», в результате которого он получил власть. Эти идеологические аспекты связывали его принципат со старой республикой. Вокруг Августа возникли элементы культа. Его личные боги (гений, лары, пенаты) почитались в государственном масштабе, а его именем приносили клятвы.

В итоге Август занимал положение главы сената и магистратской коллегии. Он командовал армией и был главой провинциального управления. Принцепс также осуществлял надзор за соблюдением законов и стоял во главе религии, вокруг него начал создаваться культ. Вместе с тем рядом с этой абсолютной властью Августа сохраняется практически не ущемленная в правовом отношении и отчасти реально существующая полисно-республиканская политическая система. Продолжали существовать сенат, магистраты и народное собрание.

Комиции продолжали принимать законы и выбирать магистратов. Вместе с тем народное собрание было послушно принцепсу. Август имел в руках вооруженную силу и контролировал материальное снабжение Рима. Для широких масс Август был

носителем мира и силой, способной предотвратить смуту и анархию. С самого начала принципат начал проводить курс на отстранение народных масс от политической жизни. Наконец, и объективно римские комиции не могли теперь отражать интересы многомиллионного населения империи.

Отношения с сенатом были сложнее. После гражданских войн принцепс контролировал сенат, однако полное подавление последнего было ему невыгодно. Не имея собственного управленческого аппарата, принципат был вынужден использовать сенат. Кроме того, сенат был правящим органом знати и символом республики, которую «восстанавливал» Август.

Политика Августа в отношении сената была гибкой. Юридически император и сенат были двумя элементами общей системы управления. Система принципата стала сочетанием этих двух сил, первая из которых была сильнее, но еще не до такой степени, чтобы подавить вторую. Дуализм управления существовал во всех основных областях. После 27 г. провинции были разделены между принцепсом и сенатом (см. выше). Сенатскими провинциями управляли избираемые сенатом проконсулы и пропреторы, а в императорские Август назначал легатов также из числа преториев и консуляров. Поскольку все вновь завоеванные провинции становились императорскими, пропорция постепенно увеличивалась в сторону последних. Практически вся армия находилась в императорских провинциях, но ею командовали лица сенаторского ранга. Обе власти могли издавать законы: сенат — сенатус-консульты, а император — эдикты и декреты. В финансовом отношении имел место дуализм: наряду с общегосударственной казной, эрием, появилась императорская казна — фиск.

Август монополизировал контроль за составом сената. Примерно раз в 10 лет он проводил сенатский ценз (28, 18, 8 гг. до н. э., 4 и 14 гг. н. э.). Число сенаторов сократилось с 1000 до 600. Пребывание в сенате и продвижение прежде всего зависели от принцепса. Он также имел право рекомендации и отвода кандидатов на выборах. После 36 г. Август примирился со старой знатью. Остатки римского нобилитета сливаются с выдвиженцами Августа и италийской верхушкой и образуют новую имперскую аристократию, в основном поддерживающую принцепса.

Политика Августа отмечена серией хотя и противоречивых, но тесно связанных между собой мероприятий. Империя преодолевала полисно-республиканские традиции, но их полное преодоление было отдаленной перспективой, а кроме того, Август опирался на многие элементы старой традиции.

Важнейшим элементом державы были Рим и Италия. Август победил в гражданской войне, опираясь на Италию и играя роль ее лидера. Этот курс продолжался и при принципате. Рим и Италия продолжали сохранять особое, привилегированное положение.

Рим стал гигантским супергородом с более чем миллионным населением. Сохраняя черты полиса, он начал превращаться в мировую столицу. Эпоха Августа стала временем интенсивного строительства. Многие постройки были реставрированы, другие появились заново. Только число восстановленных храмов достигло 82. Происходит реорганизация управления. В 22 г. до н. э. Август берет на себя ответственность за управление городом. К концу правления становится постоянной должностью префекта города. Рим получает постоянные полицейские силы: 3 городские когорты и 7 когорт вигилов по 1000 человек в каждой. Им помогала императорская гвардия, *преторианцы*. При Августе налажилось снабжение города продовольствием, число получавших хлеб достигло 200 тыс. человек.

После 36 г. в Италии началось экономическое оживление, вызванное концом гражданских войн. Наибольший подъем наблюдается в Лациуме, Кампании и Северной Италии. Растут экспорт и внешняя торговля, хотя ввоз по-прежнему превышает вывоз. Италия могла теперь реально пользоваться получением римского гражданства. Число граждан почти достигло 5 млн. Именно в это время Италия превращается в единое целое. На примере наиболее исследованных городов мы видим подъем муниципальной жизни. В стране строятся дороги и акведуки. Итальянская знать теперь доминирует в сенате, официальная пропаганда превозносит идею Италии, а культурный подъем при Августе носит итальянский характер.

В целом Август опирался на старый сенатский аппарат. Вместе с тем начинается создание нового имперского внесенатского аппарата. Основными его элементами были префекты, кураторы и прокураторы. Префекты назначались императором из числа всадников. Некоторые из них были достаточно высокопоставленными деятелями (префект претория, префект вигилов и др.). Кураторы представляли собой сенатские комиссии, обычно для надзора за строительными объектами. Прокураторы были финансовыми агентами принцепса (обычно всадники или вольноотпущенники). Из личных слуг императора они становились государственными чиновниками.

Важным элементом политики Августа были законы о либертах и брачные законы. Около 18 г. до н. э. был принят закон Юлия о браке. Мужчины в возрасте от 25 до 60 и женщины в возрасте от 20 до 50 лет должны были состоять в браке, а в случае смерти супруга или развода в течение 1,5 лет найти себе нового. Безбрачные и бездетные лишались свободы завешания, а многолетние семьи поощрялись. В 9 г. н. э. закон Папия-Поппея смягчил отдельные пункты закона Юлия. Срок вступления в новый брак возрос до 2,5 лет, бездетные получали возможность свободно завещать половину имущества и т. д., но основные принципы закона оставались в силе. Целью Августа было увеличение рождаемости, особенно среди высших сословий. Отчасти это удалось.

Другой закон должен был укрепить семейные отношения. По закону Юлия об адюльтерах дело о супружеской измене передавалось в суд, а виновные ссылались на острова и лишались части имущества.

Ряд мер должен был обеспечить чистоту римского гражданства и сократить приток вольноотпущенников. Во 2 г. до н. э. по закону Фуфия-Каниния устанавливается максимум отпуска рабов на волю по завещанию. Это число устанавливалось в раз-
мере от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{5}$ в зависимости от общего количества. В любом случае запрещалось отпускать на волю более 100 человек. В 4 г. н. э. по закону Элия-Сентия хозяин, отпускавший раба, не мог быть моложе 20 лет, а отпускаемый раб должен был быть старше 30. В ином случае дело решала особая комиссия. Рабы, имевшие провинности, при освобождении прав гражданства не получали. Законы против либертов имели ярко выраженный консервативный характер. Август сумел сократить их число, но в целом он шел против течения. Рабство становилось экономически невыгодным, и число либертов росло.

Общей тенденцией времени был рост роли провинций, которые стали превращаться в партнера Италии. Римские власти берут курс на активную романизацию провинций. Цезарь начал его очень решительно, и, хотя Август замедлил темпы романизации, процесс продолжался. Выросла прослойка римских граждан в провинциях. Так, в качестве колонистов из Италии выехало около 100 000 ветеранов. Ряд общин Бетики, Нарбонской Галлии и Сицилии получили римское гражданство. Одним из важных каналов романизации была служба во вспомогательных войсках: отслужив 25 лет, провинциал получал римское гражданство.

Установление мира, упорядочение управления, частичная отмена откупной системы вызвали экономический подъем по всей Империи. Наиболее значительным он был в Испании и Галлии, которые особенно подверглись романизации. Активное строительство велось также во вновь завоеванных балканских областях (Папнии, Мезии, Далмации). Политика в отношении восточных провинций была более традиционной. Их романизация была незначительной, и римляне пока еще не стремились активно привлекать их к управлению. Тем не менее экономический подъем происходит и здесь. В целом провинциальная политика Августа заложила основу для последующего подъема в I—II вв. н. э.

Эпоха Августа стала временем становления армии принципата. После Акциума численность войск сократилась, но продолжала оставаться значительной. Армия делилась на легионы и вспомогательные войска. Легионы были основой боевых сил Империи. Каждый из них составлял 5—6 тыс. человек, а всего в армии принципата насчитывалось 25—27 легионов. Легионы набирались из римских граждан. При Августе они имели постоянный состав и командиров, постоянную нумерацию и дислокацию.

Теперь легионы стояли на границах. К концу правления Августа 8 легионов стояли на Рейне, 7 — на Дунае, 4 — в Сирии, 3 — в Испании, 2 — в Египте, 1 — в Африке.

Второй элемент римской мощи составляли вспомогательные войска, обычно делившиеся на когорты пехоты и алы конницы. Общая их численность примерно равнялась численности легионов. Вспомогательные войска формировались из провинциалов. 9 отборных когорт преторианцев стояли в Риме и Италии, образуя императорскую гвардию. Флот состоял из нескольких эскадр. Две из них находились в Мизене и в Равенне. В эпоху ранней Империи боевых действий на море практически не было.

Империя имела три большие границы: северную, восточную и южную. На последней римляне вели только незначительные операции против кочевников. В 25 г. до н. э. 10-тысячное войско римлян совершило поход в Счастливую Аравию (совр. Йемен), но вернулось из-за климатических условий.

На восточной границе противником Рима была Парфия. После тяжелых войн 50—30 гг. I в. до н. э. обе стороны стали понимать невозможность разгрома противника и вынуждены были пойти на стабилизацию отношений. В 20 г. Август добился возвращения знамен и военнопленных, а Евфрат стал стабильной границей между Римом и Парфией. Наступил длительный период относительного равновесия. Основной точкой соперничества стала Армения, где боролись сторонники Рима и Парфии. Большую часть принципата Августа здесь доминировали римляне, но со 2 г. н. э. началась анархия.

Центр тяжести политики Августа находился на севере, где Рим предпринял грандиозное наступление на варварский мир Центральной и Восточной Европы. Первым его этапом было завершение завоевания Испании и Галлии и обеспечение контроля над альпийскими проходами. В 28 г. до н. э. Август занял Аквитанию, а в 27 г. начал наступление на непокоренные племена северо-запада Испании — кантабров и астуриков. Только к 19 году их удалось окончательно покорить. В 25 г. римляне уничтожили племя салассов и стали контролировать альпийские проходы.

Рим развернул крупное наступление на Балканах и на Дунае. Уже в 34 г. до н. э. Октавиан подчинил часть Далмации, а в 30—27 гг. наместник Македонии Лициний Красс в тяжелой войне завоевал Мезию, ставшую римской провинцией. В 16—15 гг. до н. э. пасынки Августа Тиберий и Друз захватили равнины на верхнем Дунае, Норик, Рецию и Винделлицию, а в 13—8 гг. до н. э. римляне подчинили Паннонию¹. Империя вышла к Дунаю на всем его протяжении.

После завоевания Галлии римляне вышли к Рейну, где им противостояла группа германских племен (свевы, херуски, хатты, маркоманны и др.). С 12 г. до н. э. командовавший рейнской армией Друз начал наступление. После смерти Друза в 9 г. до н. э.

¹ Современная Венгрия и север Югославии (Сербия, Босния, Словения).

его сменил Тиберий. Германские войны были особенно трудными, легионы действовали против воинственных племен в лесах и болотах. К 4—5 гг. н. э. римляне завоевали страну между Рейном и Эльбой, образовав провинцию Германия. В это же время началось наступление против живших к северу от Дуная гетов и даков. Возникла перспектива полного подчинения варварского мира.

В 6 г. н. э. Тиберий готовил наступление против последнего сильного противника — племенного союза маркоманнов² во главе с царем Марободом. В это время в римском тылу началось восстание, охватившее всю Паннонию. В течение трех лет Империя, стянув сюда более половины своих сил, заново подчиняла Паннонию. Сразу после подавления Паннонского восстания началось восстание в Германии. Во главе движения встал молодой вождь херусков Арминий. В 9 г. н. э. в Тевтобургском лесу Арминий уничтожил три легиона римлян. Германия стала свободной. Восстания в Паннонии и Германии обескровили римские войска. Грандиозное наступление было остановлено.

С самого начала правления Август стремился передать власть по наследству. Не имея сыновей, он вел довольно сложную династическую политику и пережил многих из своих наследников. Осенью 23 г. умер его племянник Марцелл, а в 12 г. до н. э. — близкий друг и полководец Августа Марк Випсаний Агриппа, ставший его наследником. После смерти внуков принцепса Гая и Луция Цезарей его единственным наследником остался пасынок, видный полководец и дипломат Тиберий Клавдий Нерон. После смерти 77-летнего принцепса в августе 14 г. н. э. он стал правителем Империи.

Принципат Августа заложил основы системы принципата и положил начало превращению Рима в средиземноморскую монархию. Главными итогами стали учреждение постоянной императорской власти и ее опоры — профессиональной армии, начало создания внесенатского аппарата и нового отношения Рима и провинций. Вместе с тем на первом этапе принципат сохранял сильную связь с республиканской традицией, правом и идеологией, что вело к политическому дуализму.

2. РАННЯЯ ИМПЕРИЯ.

ПРАВЛЕНИЕ ЮЛИЕВ — КЛАВДИЕВ И ФЛАВИЕВ

17 сентября 14 г. н. э. сенат утвердил власть Тиберия. Первый переход власти стал новым фактором укрепления системы. Началось длительное правление Тиберия (14—37 гг. н. э.). Новый правитель был умным и способным администратором и вместе с тем человеком жестоким и подозрительным, что часто усугублялось его неуверенностью в себе.

² Район современной Чехии и Баварии.

Сразу после прихода Тиберия к власти началось восстание в паннионских и германских легионах. В обоих случаях оно началось с профессиональных требований: сокращения срока службы, облегчения ее условий и выплаты жалованья. Посланный в Паннонию сын императора Друз сумел быстро погасить мятеж. Германские легионы перешли к политическим требованиям, провозгласив императором племянника принцепса, Германика. Последний, однако, не только отказался от предложения, но решительными мерами сумел прекратить восстание.

С весны 15 г. командовавший рейнской армией Германик совершил ряд походов за Рейн с целью восстановления римского господства в Германии. В 16 г. Германик морем добрался до Везера, спустился по реке и разбил Арминия в большом сражении. В 17 г. он собирался возобновить кампанию, но Тиберий, поняв бесперспективность войны на Рейне, отдал приказ прекратить наступление.

В 17 г. начался кризис на Востоке, где обострились отношения с Парфией и положение в Армении. Сюда был послан Германик. Империя добилась успеха. После переговоров с парфянами на армянском престоле оказался римский ставленник Зенон. Небольшие царства в восточной части Малой Азии — Каппадокия, Киликия и Коммагена — были аннексированы, что укрепило римские границы на востоке.

Период с 14 по 23 г. был временем сотрудничества принцепса и сената и продолжением либеральных тенденций августовского правления. Император опирался на сенат и во многом проводил проаристократическую политику. Вместе с тем придворная борьба и стремление принципата стабилизировать свое положение вели к усилению репрессий, политики подавления, а рост авторитарных тенденций вел и к более жесткому курсу.

В 14 г. н. э. в Риме были сконцентрированы преторианцы, а с 15 г. начинаются процессы об оскорблении величия. Новым в этих процессах было то, что карались не только реальные заговоры, но и неосторожные высказывания, магические действия и другие сходные поступки. Обострилась и борьба внутри верхушки общества. В 19 г. при таинственных обстоятельствах умер Германик. По общему мнению, он был отравлен своим заместителем Гнеем Кальпурнием Пизоном. Во время процесса Пизон покончил с собой. В 23 г. при таинственных обстоятельствах умер сын Тиберия Друз. В качестве главной фигуры выдвигается префект претория Луций Элий Сеян, ставший проводником политики террора.

После 23 г. наблюдается ужесточение процессов об оскорблении величия. Многие люди были казнены за незначительные проступки. Главным объектом террора становятся сторонники Германика. Тиберий и Сеян расправились с вдовой Германика Агриппиной и ее сыновьями. В 31 г. Сеян, вероятно, пытался свергнуть самого Тиберия, но принцепс произвел контрперевод.

рот. Разгром заговора Сеяна вызвал волну террора, продолжавшуюся до конца правления Тиберия.

В основном Тиберий продолжал курс Августа. Особое положение Рима и Италии сохранялось. В 33 г. принцепс принял решительные меры против аграрного кризиса в Италии. Продолжалось строительство, финансовое положение улучшалось. В римской казне осталось 2,7 млрд. сестерциев, а некоторые налоги и цены были снижены. Положение в провинциях оставалось стабильным. Разумная политика, выбор на административные посты способных людей и система контроля способствовали сохранению общего подъема.

В период принципата Тиберия отмечено несколько провинциальных восстаний. С 17 по 24 г. в Нумидии происходило восстание во главе с Такфаринатом. В 21 г. римляне подавили восстание нескольких галльских племен, в 18, 21 и 26 гг. произошли восстания в вассальной Фракии.

На северной и восточной границах наступило окончательное замирение. Вскоре после походов Германика распались два крупнейших германских племенных союза: союз маркоманнов и союз в Центральной Германии во главе с Арминием. После этого на Рейне установился длительный период равновесия сил. В 34 г. возник конфликт с Парфией, но римляне сумели сохранить свои позиции в Армении.

В своей основе принципат Тиберия был продолжением политики Августа и укреплением имперской системы. Вместе с тем наступление монархии и пока еще нестабильность системы вызвали довольно болезненный для общества период террора.

После смерти Тиберия в марте 37 г. к власти пришел 23-летний сын Германика Гай, прозванный Калигулой (37—41 гг. н. э.). С начала правления новый император прекратил террор и завоевал симпатии населения зрелищами и раздачами. Однако уже с 38 г. террор возобновился в еще больших масштабах. Растрата казны вызвала рост конфискаций и грабежей. Меняется концепция власти: император объявляет себя абсолютным монархом и требует особых почестей.

В середине 39 г. Гай выехал на Рейн. После незначительных боевых действий он вернулся в Рим и открыто провозгласил разрыв с сенатом. Абсолютистский курс усилился. Психически больной император требовал себе божеских почестей. Террор нарастал, Калигула постоянно издевался над сенаторами, конфликт обострился до предела.

При Калигуле засвидетельствованы некоторые неблагоприятные явления в провинциальной и внешней политике. Империя оказалась на грани финансового краха. Попытка похода в Германию и Британию кончилась ничем. В 40 г. принцепс сделал попытку аннексировать Мавританию, но в стране началось восстание.

В конце 40 года против Калигулы был устроен заговор. В него вошли многие сенаторы, преторианские офицеры и даже вольноотпущенники принцепса. 24 января 41 г. император был

убит. После убийства преторианцы бросились грабить дворец, а руководители заговора направились в сенат.

Сенат заседал в течение двух дней. Некоторые сенаторы предлагали восстановить республику, однако большинство хотело только избрать принцепса из своей среды и спорили о конкретной кандидатуре. В это время преторианцы нашли во дворце спрятавшегося дядю Калигулы и брата Германика Клавдия и объявили его императором. Сенату пришлось подчиниться.

Новый император взял курс на компромисс. Террор пошел на убыль. Клавдий объявил общее «прощение и забвение», началось улучшение финансов и городского снабжения. Вместе с тем положение нового правительства было сложным. Хотя знать была довольна смягчением политики террора, авторитарный курс продолжался. Многие репрессии были результатом интриг жены принцепса Статиллии Мессалины, образ которой в традиции стал олицетворением жестокости и разврата. Сенаторов также возмущало засилье императорских вольноотпущенников. В 42 г. н. э. в Далмации восстали два легиона во главе с Фурием Камиллом Скрибонианом, впрочем, мятеж прекратился через 5 дней, поскольку солдаты убили своего руководителя. Несколько раз на Клавдия устраивались покушения.

Клавдий в основном опирался на незнатное служилое сенаторство, из среды которого вышло немало способных администраторов и полководцев (Мудий Вителлий, Светоний Паулин, Тит Флавий Веспасиан, Вергиний Руф и др.). Клавдий усиливает и внесенатский аппарат, фактически реорганизовав его и сделав важным элементом управления.

Дворцовые службы были преобразованы в канцелярии. Наиболее значительными из них были три: по делам переписки, финансовая и по делам прошений. Во главе канцелярий стояли императорские либерты — Нарцисс, Паллант, Каллист и др. Хотя канцелярии были неофициальными, реально они становились основой императорского аппарата. Возросла роль неофициального совета принцепса, в который входили видные сенаторы, администраторы и либерты. Некоторые сенаторские должности были заменены императорскими префектами и прокураторами. В 47—48 гг. Клавдий взял на себя функции цензора и произвел пополнение сената. Пополнение произошло за счет новой знати, в него вошла и большая группа сенаторов-галлов. В 53 г. прокураторы получили право юрисдикции, что делало их официальными лицами.

Новизной отличалась провинциальная политика Клавдия. После некоторого затишья при Августе и Тиберии Империя берет курс на привлечение провинциалов к управлению. Главным объектом стала богатая и стратегически важная Галлия. В Галлии и Альпах идет активное строительство, ряд альпийских провинций получили римское или латинское гражданство, которое имела и большая часть галлов.

При Клавдии активизируется внешняя политика Империи. К 43 г. римляне подавили восстание в Мавритании и образова-

ли на ее территории две провинции — Тингитану и Цезарейскую. В 43 г. сильная армия во главе с Плавтием Сильваном высадилась в Британии. Римляне перешли Темзу, покорили племена иценов и регнов и взяли центр союза Камулодун. К 49—50 гг. провинция Британия распространилась до центра острова. В 46 г. Клавдий аннексировал Фракию.

Достаточно активной была и восточная политика. В 44 г. было аннексировано царство иудейского царя Ирода Агриппы, и теперь вся Иудея находилась под властью Рима. Аннексия вызвала недовольство населения, и в 52 г. в Иудее произошло восстание, подавленное римлянами. В 40-е годы Рим активно вмешивается во внутреннюю борьбу в Парфии, однако эти попытки закончились неудачей, и царем в 51 г. стал Вологез, один из самых способных парфянских правителей и противник римлян. В это время ставленник Рима армянский царь Митридат был свергнут своим племянником, сыном иверийского царя Фарасмана Радамистом. Парфяне изгнали Радамиста, сделав царем брата Вологеза — Тиридата. Рим и Парфия готовились к войне.

В 48 г. во время отъезда Клавдия Мессалина вступила в брак со своим любовником Гаем Силием. По непонятным причинам Клавдий бездействовал и только под давлением Нарцисса распорядился казнить Силия, Мессалину и их сторонников. В 49 г. император женился на своей племяннице, дочери Германика Агриппине Младшей. Властная и жестокая императрица начинает интриговать в пользу своего сына от первого брака Домиция Агенобарба. Принцепс усыновил Домиция, который получил имя Клавдия Нерона, и дал ему проконсульский империй. Вскоре Нерон женился на дочери Клавдия Октавии. На высшие посты назначались ставленники Агриппины. В конце правления Клавдий стал проявлять недовольство и выдвигать своего родного сына Британника. Тогда в марте 54 г. Агриппина отравила Клавдия.

Преторианцы и сенат провозгласили императором сына Агриппины, вошедшего в историю под именем Нерона (54—68). Первые годы его правления политикой руководили префект претория Афраний Бурр и видный философ и писатель Луций Анней Сенека, бывший воспитателем молодого императора. Они начали либеральный курс сотрудничества с сенатом, прекратив террор и заигрывая с сенатскими кругами, продолжая при этом ряд здоровых мероприятий Клавдия в области финансовой политики и борьбы с коррупцией. В первые пять лет своего правления Нерон сумел завоевать симпатии сената, действуя в русле августовской политики.

Вместе с тем на фоне «блестящего пятилетия» появились опасные тенденции. Начинают проявляться экальтивированность, властолюбие и жестокость Нерона, чему способствует общая эскалация власти. Кроме того, вокруг принцепса развернулась острая борьба между двумя придворными группировками, соответственно возглавляемыми Бурром, Сенекой и Агриппиной. Агриппина потерпела поражение. В 59 г. Нерон устроил на мать

покушение, закончившееся ее гибелью. Убийство Агриппины стало началом автократического курса. В 60 г. Нерон начинает программу эллинизации римского быта, которая вызвала недовольство римской публики. Особенно шокировало то, что сам император активно участвовал в спортивных и музыкальных состязаниях и заставлял делать это высокопоставленных сенаторов.

Начало 60-х годов было отмечено серией неудач в провинциальной и внешней политике. Еще в 55 г. началась война с Парфией. В 58—60 гг. римская армия Домиция Корбулона заняла Армению, посадив на престол своего ставленника Тиграна. Парфяне нанесли ответный удар. Под Рандеей была окружена римская армия. По договору царем Армении стал брат Вологеза Тиридат, который получил диадему из рук Нерона. Война была проиграна. В 61 г. из-за гнета налогов и произвола ростовщиков началось восстание в Британии. Во главе восставших встала царица Боудикка. Инсургенты заняли Камулодун и Лондипий и перебили много римлян. С большим трудом римский наместник Светоний Паулин сумел подавить восстание.

В 62 г. умер Бурр. Сенека удалился от дел, а новым префектом претория стал Софоний Тигеллин. Нерон и Тигеллин возобновили политику террора. Многие видные сановники были казнены. В числе жертв оказалась и Октавия.

В 64 г. произошел грандиозный пожар Рима. Из 13 районов города целыми остались только три. Скученность, обилие деревянных построек, антисанитария привели к большим материальным и людским потерям. Общественное мнение обвиняло прицепса. Правительство пыталось отвести от себя подозрение, казнив группу христиан, но это ничего не изменило. Режим Нерона вступил в полосу кризиса.

В 65 г. против Нерона возник заговор, в который вошли многие сенаторы, всадники и преторианские офицеры. Большинство заговорщиков планировали сделать императором аристократа Кальпурния Пизона. Заговор был раскрыт. Последовали репрессии. В числе жертв были Сенека и известный поэт Анней Лукан. В июне 66 г. был раскрыт новый заговор во главе с приемным сыном Корбулона Аннием Виницианом. Казни теперь затронули военную верхушку.

В 66 г. вспыхнуло большое восстание в Иудее. Наиболее радикальными противниками Рима были zeloty, представлявшие интересы пизов общества, но движение поддерживали и верхушечные слои иудейского общества — садуккеи и фарисеи. Повстанцы заняли Иерусалим и разбили войска легата Сирии Цестия Галла. Против них была брошена сильная армия Тита Флавия Веспасиана. К 67 г. Веспасиан подавил восстание почти по всей стране и осадил Иерусалим. Впрочем, в это время произошли события, которые отвлекли внимание римлян.

В марте 68 г. н. э. легат Лугдунской Галлии Гай Юлий Виндекс поднял восстание против Нерона. К нему присоединились испанские наместники во главе с Сервием Гальбой. Против Вин-

декса двинулись легионы из Верхней Германии. При Вензотии ополчение галлов было уничтожено, а сам Виндекс пал в бою, однако германские легионы также отказались служить Нерону. Император начал собирать новые войска, ядром которых становится преторианская гвардия, но второй префект претория, Нимфидий Сабин, поднял восстание. Сенат, ненавидевший Нерона, объявил его вне закона и присягнул Гальбе. Нерон бежал, но преследователи настигали его, и в июне 68 г. принцепс покончил с собой. Династия Юлиев — Клавдиев перестала существовать.

Смерть Нерона сделала Гальбу императором, однако кризис продолжал усиливаться. 70-летний принцепс не был популярен в армии, а преторианцы были ненадежны до тех пор, пока Гальба не устранил Нимфидия Сабина. Принцепс начал режим жесткой финансовой экономии с целью ликвидировать дефицит казны, что тоже способствовало падению его популярности в Риме. В январе 69 г. рейнская армия восстала открыто, провозгласив императором своего командующего Авла Вителлия. Не имея детей, Гальба усыновил и объявил наследником ставленника сената Пизона Лициниана. Это вызвало недовольство преторианцев, которым воспользовался один из приближенных принцепса — Марк Сальвий Отон. 15 января 69 г. Отон поднял мятеж преторианцев. Гальба и Пизон были убиты, императором стал Отон. Гибель Гальбы означала поражение сенатских сил, на которые он опирался. На арену выступали силы новой системы: армия, провинции и имперская бюрократия.

Новый император сумел добиться успеха. Умелое лавирование между различными группировками и поддержка гвардии обеспечили ему прочные позиции, однако главной проблемой оставалась борьба с Вителлием. Огромная рейнская армия вторглась в Италию. Не дожидаясь подхода подкреплений с Дуная, Отон выступил навстречу вдвое превосходящим силам противника. В апреле 69 г. у деревни Бедриак его армия была разбита, а сам Отон покончил с собой.

Приход к власти ставленника рейнской армии вызвал мятеж двух других военных группировок. В июле 69 г. восточные войска провозгласили императором легата Иудея Тита Флавия Веспасиана. Часть восточных легионов двинулась в Италию. Известие о восстании стало сигналом для выступления дунайской армии. Не дожидаясь подхода войск Веспасиана, шесть дунайских легионов вторглись в Италию. Осенью 69 г. в новом сражении при Бедриаке командовавший дунайскими войсками Антоний Прим разбил главные силы вителлианцев. К декабрю победившая армия подошла к Риму, жестоко разграбив многие города Италии. Столица была взята, а Вителлия растерзала толпа.

Гражданская война 69 года ускорила развитие основных тенденций Империи. Армии и провинции впервые активно вмешались в политику, начался новый этап трансформации римского государства в средиземноморскую державу.

Веспасиан (69—79) был первым императором, не связанным со старой знатью. Его отец был сборщиком налогов в Малой Азии, а мать происходила из незнатной сенаторской семьи. Новый принцепс прошел длительную военную и административную карьеру, пока наконец бурные события 69 года не сделали его императором. Опытный администратор и финансист, твердый и реалистично мыслящий политик, он открыл период стабилизации Римской империи. Приход к власти выходца из незнатной семьи и тщательно разработанный сенатус-консульт о власти Веспасиана ознаменовали превращение императорской власти в институт. Укрепляя свою власть, Веспасиан укрепил положение династии. Старший сын Тит с 71 года стал фактическим соправителем отца, а также префектом претория и главой императорских канцелярий.

Положение к началу принципата Веспасиана было сложным. Правление Нерона и гражданская война подорвали престиж центральной власти, распатали дисциплину в армии, дезорганизовали финансы и провинциальное управление. В этих условиях Веспасиан взял курс на стабилизацию. После прибытия императора в Рим грабежи прекратились. Большая часть войск была возвращена в провинции, а границы стабилизировались. Часть легионов была расформирована, а число преторианцев сократилось.

В 70 г. возобновилась осада Иерусалима. Римляне начали штурм и через несколько месяцев сломали стойкое сопротивление защитников города. Многие жители Иудеи были уведены в рабство, а в провинции остался римский легион. Ряд мероприятий римляни должны были ликвидировать Иерусалим как культовый центр иудаизма. Многие иудеи покинули Палестину.

Во время гражданской войны на Рейне началось восстание германского племени батавов, поднятое знатным батавом Юлием Цивилисом. К восстанию примкнули некоторые галльские и германские племена. Вновь прибывшая рейнская армия во главе с Петилием Цереалисом подавила восстание и стабилизировала границу.

Веспасиан несколько изменил курс в отношении сената. Репрессии прекратились, и единственным крупным конфликтом стал разгром небольшой группы стоиков во главе с Гельвидием Приском. Вместе с тем в составе сената происходят значительные изменения. Сошла со сцены республиканская аристократия, и в сенате теперь доминировали выходцы из муниципальной италийской верхушки. Возросло число провинциалов, получивших римское гражданство, в основном галлов и испанцев. Сенат стал представлять верхушку западных частей Империи.

В том же направлении развивалась провинциальная политика. В ряде провинций идет интенсивное строительство городов и дорог, выводятся колонии. В 73 г. вся Бетика получает римское гражданство, а в 74 г. на всю Испанию распространилось латинское право. В 74—84 гг. 350 испанских общин получили статус муниципия.

Главным успехом Веспасиана была реставрация финансов. Император ввел новые налоги и упорядочил сбор старых. Был ликвидирован налоговый иммунитет ряда так называемых свободных городов. Сократились и некоторые расходы, в том числе и расходы на двор. Итогом финансовой политики Веспасиана была ликвидация огромного дефицита в 4 млрд. сестерциев.

Внешняя политика Веспасиана была мирной, однако первые шаги к новому этапу экспансии начались при нем. В 73 г. римляне заняли так называемые Декуманские поля (область между истоками Рейна и Дуная). В 72 г. они аннексировали Коммагену, с 71 г. началось активное наступление в Британии.

Веспасиановская реставрация привела к ликвидации последствий гражданской войны и стала важным шагом на пути укрепления имперской системы. Летом 79 г. Веспасиан умер. Короткое правление его сына Тита (79—81) было, по сути дела, продолжением правления отца. Тит сумел улучшить отношения с сенатом и прекратил режим экономии. Его щедрость при зрелищах способствовала небывалому росту популярности императора, одновременно создавая проблему для казны.

После внезапной смерти Тита к власти пришел его брат Тит Флавий Домициан (81—96). Во внешней, провинциальной и финансовой политике новый принцепс придерживался линии Веспасиана. Вместе с тем внутренняя политика становится более жесткой и деспотической, возрождая период террора. Экзальтация личности правителя усилилась. В 83 г. возобновились процессы об оскорблении величия. В противовес сенату Домициан выдвигал всадников, усиливая внесенатский аппарат. Террор особенно усилился после мятежа наместника Верхней Германии Аппуния Сатурнина в 88 г. Жертвами репрессий стали многие видные сенаторы и всадники. Среди казненных были и члены императорской семьи. Современники событий Тацит и Плиний позднее с ужасом вспоминали о времени Домициана. Будучи до некоторой степени рецидивом старой политики, террор Домициана расчищал путь для нового этапа абсолютизма.

Курс Флавиев на развитие интеграции провинций продолжался. В провинциях происходит оживление экономики, строятся много дорог. Несмотря на большие расходы на армию, двор и строительство, финансовое положение оставалось хорошим.

Окрепшая Империя снова перешла в наступление. В 82—83 гг. Домициан вел крупную войну против германского племени хаттов. В 89 г. в результате нового наступления римляне усилили позиции в зарейнской Германии. Еще успешнее развивалось наступление в Британии. Римский командующий Гней Юлий Агрикола вторгся в Каледонию и одержал большую победу. Только сложности на Дунае заставили Империю остановить продвижение на север полуострова.

Во времена Домициана центр тяжести римской политики переносится на Дунай. На верхнем Дунае римлянам противостояли сильные германские племена квадов и маркоманнов, а в среднем

и нижнем течении — скифские и сарматские племена языгов, роксоланов и др. Главным противником стали племена даков, образовавшие сильный племенной союз во главе с царем Децебалом. В 85 г. даки вторглись в Мезию и нанесли поражение римлянам. На следующий год сильная армия Корнелия Фуска перешла Дунай, но была уничтожена даками. В 88 г. армия Теттия Юлиана снова вторглась в Дакию. Децебал потерпел поражение и заключил мир. Римляне обязались заплатить дань и признали Децебала царем даков. В 92 г. начались военные действия против квадов и маркоманнов. Положение на Дунае обострилось.

Итогом правления Флавиев было дальнейшее развитие политической системы Империи. Императорская власть превратилась в институт, а внесенатский аппарат значительно усилился. Период 69—96 гг. н. э. был временем романизации провинций и общей стабилизации финансов и экономики, что подготовило новый расцвет Империи во II в.

3. ПРАВЛЕНИЕ АНТОНИНОВ

В сентябре 96 г. Домициан был убит. Заговорщики сделали императором пожилого сенатора Марка Кокция Нерву (96—98). Нерва прекратил террор и начал общую либерализацию. Кроме того, государство начало широко предоставлять помощь детям бедноты (алиментарная система). Будучи ставленником сената, принцепс не был популярен среди преторианцев, которые начали бунтовать. В этой ситуации Нерва пошел на блок с военной верхушкой, усыновив командующего армией в Верхней Германии Марка Ульпия Траяна, который стал его преемником.

Траян (96—117) был первым императором-провинциалом, происходившим из старой римской колонии Италика в Бетике. Новый правитель имел огромный авторитет в армии и чувствовал себя очень прочно. Эта стабильность позволила принципату пойти на некоторую либерализацию. Сохраняя власть в своих руках, Траян несколько расширил сотрудничество с сенатом и смягчил автократическую политику Флавиев. Сенат удостоил его прозвищем «наилучший принцепс», а в сенатской историографии гуманность его правления противопоставляется автократии Юлиев — Клавдиев и Домициана.

При Траяне Империя в последний раз перешла в мощное наступление. В 101 г. главные силы римлян вторглись в Дакию. На следующий год они подошли к столице даков Сармизегетuze. В большом сражении Децебал был разбит. Даки пошли на мир. Империя перестала платить дань, а часть Дакии была занята римскими гарнизонами. В 105 г. военные действия возобновились. Сосредоточив огромные силы в 13 легионов, Траян перешел Дунай по каменному мосту и подступил к Сармизегетuze. Войско Децебала было разбито, столица захвачена, а сам царь покончил с собой. Дакия была покорена и стала провинцией. В завоеван-

ную область хлынули массы римских колонистов. Дакия подверглась сильной романизации, став мощным клином в варварском мире. Следы римского проникновения доходили до Карпат, и весь варварский мир Подунавья оказался под влиянием Рима. Большое количество золота, захваченного в Дакии, и массы рабов компенсировали военные затраты.

В 114 г. после длительной подготовки Траян начал мощное наступление на Востоке. Его целью был захват Армении и разгром Парфии. В 114 г. римляне аннексировали Армению, а в 115 г. вторглись в Месопотамию. Момент был удачным: парфянский царь Хосрой был занят подавлением восстания в восточной части своего царства. Легионы Траяна двинулись вдоль Евфрата и взяли столицу Парфии Ктесифон. Тем не менее вскоре парфяне перешли в контрнаступление, а в тылу римлян началось восстание. В конце 116 г. Траяну пришлось отступить из Месопотамии. Парфянская неудача вызвала восстание в еврейской диаспоре, которое было подавлено только при преемнике Траяна. Траян выехал в Рим, но по дороге заболел и умер летом 117 г.

Восточный поход Траяна нанес сильный удар по Парфии, ускорив ее внутренний кризис, и теперь Империя стала наступающей стороной. Однако поход оказался неудачен, восточные провинции были разорены налогами и восстанием, а казна оказалась в сложном состоянии.

Преемником Траяна стал сын его двоюродного брата Публий Элий Адриан (117—138). Новый император был весьма разносторонней и незаурядной личностью. Как администратор, он обнаруживал широту мысли, огромную энергию и работоспособность. Адриан быстро урегулировал положение на Востоке. Подавив восстание в Иудее, он заключил мир с Хосроем и отказался от завоеваний Траяна в Месопотамии. Римляне также очистили Армению. Политика Адриана ознаменовала собой переход Империи к обороне. Постепенно этот принцип распространяется и на другие границы. На Рейне, Дунае и в Британии строятся линии укреплений (*лимесы*).

Серия реформ Адриана завершила оформление системы принципата. Совет принцепса стал постоянным и официальным органом, члены которого получали жалованье. Официальными органами стали дворцовые канцелярии, во главе которых стояли теперь всадники. Появляется большое число новых императорских чиновников, префектов, кураторов. Адриан существенно улучшил работу государственной почты. В 129 г. принцепс ликвидировал право магистратов, особенно преторов, издавать эдикты. Вместо них был составлен так называемый «Вечный эдикт», ставший императорским законом.

Взаимоотношения императора и сената усложнились. Адриан продолжал традицию сотрудничества с сенатом, и положение в основном было спокойным. Тем не менее курс императора стал более авторитарным, а временами происходили и репрессии. В 118 г. были казнены четыре видных военачальника Траяна,

организовавшие заговор. В самом конце правления Адриан казнил еще одну группу высокопоставленных сенаторов.

Экономика провинций продолжала идти на подъем. Общая тенденция стимулировалась прекращением войн, ей способствовали централизация управления и ряд финансовых мероприятий. В провинциях шло активное строительство городов и дорог. Многие города получили права римского или латинского гражданства и статус муниципиев. Особенно много римляне строят в западных и дунайских провинциях. Эпоха Адриана стала временем политического и культурного подъема Греции, известного как «греческое возрождение». Любивший путешествовать император лично посетил практически все провинции и границы.

Ассимиляторская политика Адриана ускорила развязку борьбы Рима и Иудеи. В 130 г. принцепс посетил провинцию и отдал ряд распоряжений. На месте Иерусалима он приказал основать колонию Элию Капитолину, а на месте иерусалимского храма построить храм Юпитера. Особым эдиктом было запрещено обрезание. В 132 г. началось восстание. Во главе его встал Симон по прозвищу Бар Кохба («Сын звезды»). Повстанцы выбили римлян из Иудеи, и только в 135 г., стянув сильные подкрепления, Адриан подавил восстание. Около полумиллиона иудеев погибло, оставшиеся были расселены по Империи. Новая провинция именовалась теперь Сирия-Палестина и охранялась двумя легионами.

В 136 г. Адриан усыновил своего любимца Луция Элия Вера, однако в январе 138 г. Вер умер от болезни. Новым преемником был объявлен видный сенатор и член совета Тит Аврелий Аррий Антонин. Антонин, в свою очередь, усыновил своего племянника Марка Анния Вера и 9-летнего сына бывшего наследника Адриана Луция Элия Вера. В июне 138 г. Адриан умер, его преемником стал Антонин.

Длительное правление Антонина, прозванного Пием («благочестивый») (138—161), было одним из самых спокойных периодов в истории Империи. Стабильность в провинциальной политике продолжалась, улучшилось финансовое положение державы, и к концу правления Антонина в казне было 675 млн. денариев. Принцепс в полной мере восстановил отношения с сенатом, несколько нарушившиеся в конце правления Адриана. Для политики Антонина характерна общая либерализация. Смягчалось рабовладение, убийство раба стало считаться преступлением, были смягчены законы против иудеев, прекратилось преследование христиан.

На фоне антониновского «золотого века» появляются некоторые зловещие симптомы. На востоке назревала война с Парфией, а в Центральной Европе начиналась миграция германских племен. В марте 161 г. 75-летний Антонин Пий умер, сделав преемником только Марка Аврелия, женатого на его дочери Фаустине. Именно ему пришлось иметь дело с серьезным внешнеполитическим кризисом.

4. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИМПЕРИИ

В I—II вв. н. э.³

Первые два века Империи были периодом наивысшего подъема экономики. Одной из главных причин была относительная внутренняя и внешняя стабильность. После Августа на территории большинства провинций военных действий не велось. Провинциальные восстания при Тиберии и Клавдии были локальными, и спокойствие нарушилось только в период кризиса 60-х годов I в., однако в период Флавиев и Антонинов, за исключением Иудеи, восстаний практически не было. Походы Германика, войны Домициана и Траяна велись не на римской территории, а в течение более чем 40-летнего периода (со 117 по 161 г.) Империя не вела крупных войн.

I—II века были эпохой максимального технического прогресса в античном мире. Прогресс проявился в развитии массового производства, усложнении техники, создании монументальных сооружений. Труд Витрувия свидетельствует о сложной технике строительных работ (римляне знали применение блоков, водоподъемных механизмов, сложных измерительных приборов). Во II в. наблюдается пик городского строительства, прокладывается большее, чем когда-либо, число дорог и мостов. В эпоху Флавиев и Антонинов появились грандиозные и технически сложные сооружения (Колизей, 55-метровые акведуки, каменный мост через Дунай и др.).

Прогресс затронул ремесло и даже сельское хозяйство. Плиний Старший упоминает об изобретении колесного плуга и описывает машину, напоминающую жнейку. В ремесле наблюдаются разнообразные явления прогресса: абсолютный рост числа ремесленников и мастерских, совершенствование орудий труда и интенсивный рост ремесленного производства. Археологические данные показывают обилие ремесленных мастерских, их специализацию и высокий уровень товаров. Например, среди раскопок в Помпеях были обнаружены лампы, всевозможные виды посуды, стеклянные и металлические изделия, весы, хирургические инструменты и др. В период ранней Империи появились технические новинки (метод изготовления стекла путем выдувания, изобретение латуни и т. д.). Дифференциация производства достигла такого уровня, что разные части одного изделия производились в разных городах.

Время ранней Империи было временем расцвета научной литературы и особого интереса к естественнонаучным и техническим проблемам. В эпоху Августа появляется труд Витрувия Поллиона «Об архитектуре», современник Нерона Юний Модерат Колумелла написал трактат о сельском хозяйстве. Самым крупным

³ При написании раздела использовались главы курса С. И. Ковалева «История Рима», Л., 1985, с. 583—613.

естественнонаучным сочинением I в. является труд видного ученого Плиния Старшего «Естественная история», которая представляет собой энциклопедию научных знаний своего времени. Современник Антонина Пия Клавдий Птолемей написал крупное обобщающее сочинение по астрономии и математике «Математический свод». В самом начале II в. врач Клавдий Гален обобщил данные античной медицины. До нас дошла только незначительная часть текстов, на это указывает сообщение Плиния, что он прочел более 2 тыс. сочинений 100 авторов и еще некоторое число «второстепенных».

Рим и Италия в I—II вв. пережили свой подъем. Огромный Рим с более чем миллионным населением был городом социальных и национальных контрастов. Он уже перестал быть полисом, однако ряд элементов старого продолжали сохраняться. Спецификой Рима было то, что, оставаясь административным центром державы, он не приобрел адекватного производственного значения и скорее был центром потребления.

Для Италии Империя принесла мир и процветание. Муниципальная жизнь при ранней Империи была очень интенсивной. Вместе с тем появились и тревожные симптомы. Еще во времена республики происходит упадок пашенного земледелия за счет более выгодных для хозяев скотоводства, виноградарства и оливководства. Прекращение больших войн привело к прекращению притока рабов и росту цен на них, что породило трудности для италийской экономики. Заменить массы рабов было нечем. Рим все больше зависел от импорта хлеба, который теперь стали привозить из Египта и Африки. Италия экспортировала вино и оливки, но во II в. н. э. на провинциальных рынках их стали вытеснять местные продукты. Мирная ситуация на границах, изменение форм эксплуатации и строительство городов вели к росту экономического благосостояния провинций. I—II века характерны подъемом как Запада, так и Востока⁴.

Несмотря на прогресс городов, ремесла и торговли, ведущей статьей экономики Империи продолжает оставаться сельское хозяйство. В I—II вв. в нем происходят значительные изменения: упадок рабства, рост колоната, концентрация земельной собственности и вместе с тем развитие индивидуального хозяйства и упадок централизованного хозяйственного объединения.

Прекращение экспансии и рост прав провинциалов привели к сокращению притока рабов. Это повысило цены и сделало отношение к рабам более бережным. Рабство теряло экономическую выгоду, что привело к росту числа вольноотпущенников и смягчению форм эксплуатации. Многих рабов отпускали на оброк («рабы с пекулием»). Эти тенденции отразились в идеологии и законодательстве. Если для писателей эпохи республики (Катон, Варрон) раб был «говорящим орудием», то писатели I в. н. э. видят в нем человека и призывают к бережному отношению. Адри-

⁴ См. лекции 4 и 5.

ан запретил убивать рабов без суда, а Антонин Пий стал считать это уголовным преступлением.

Эпоха Юлиев—Клавдиев и Флавиев стала временем роста крупных поместий (*латифундий*). Жалобы на засилье крупных и поглощение мелких поместий очень часты в литературе I в., а археологический материал явно подтверждает концентрацию земельной собственности. В условиях падения роли рабства растет значение свободной аренды (*колоната*). Колон арендовал участок, отдавая за это часть урожая (от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$) и отработывая несколько дней в году на хозяина. Колон был больше заинтересован в работе, чем раб, но в перспективе колонат вел к реальному дроблению и отходу от крупного централизованного и специализированного сельскохозяйственного производства.

В течение I—II вв. н. э. принцепс из чрезвычайного магистрата превратился в настоящего монарха. Возникает императорский двор, формируется культ императора, строятся дворцы и виллы, растет императорское имущество. Создается императорский аппарат: совет принцепса, казначейство, институт префектов, кураторов и прокураторов. Во II в. все эти органы стали официальными и оттеснили все еще сохранявшиеся старые магистратуры. Постепенно преторы, квесторы и эдилы становились чисто городскими должностными лицами.

Сенат оставался формальным партнером императора, однако он был оттеснен на второй план. Общим в политике Юлиев—Клавдиев, Флавиев и Антонинов было наступление на сенат. При Юлиях—Клавдиях сенат все еще составлял основу управленческого аппарата. Страх принцепсов перед претензиями сената, живучесть его традиций, придворная борьба привели к террору. Ко II в. положение изменилось. Сенат стал более послушен, и его оппозиционность исчезла. Он в основном состоял из выдвинутых Империи, а старая знать сошла со сцены. Не имея оснований бояться сената, Антонины пошли на ряд уступок, имевших целью сделать сотрудничество более прочным.

Авторы-современники II в. (Плутарх, Плиний, Элий Аристид и др.) выражают удовлетворение своим временем, а для авторов последующего времени это был период «золотого века». К этому можно добавить положительные характеристики Траяна, Адриана, Антонина Пия и Марка Аврелия. Для такой оценки были и реальные основания. Экономика Империи достигла расцвета, внешнеполитическое положение было как никогда стабильно, внутренняя жизнь стабилизировалась, а социальные противоречия максимально смягчились.

Основной причиной была комбинация двух факторов: внутренней стабильности, вызванной балансом территориально-монархических и полисно-республиканских тенденций, и внешнего баланса римского и варварского мира. Империя давала ряд преимуществ для больших и малых структур, которые ее составляли: городов, провинций, коллегий, отдельных имений. Она помогала им решать крупные задачи, обеспечивала внешний и внутренний рынок, за-

щищала от врагов. Вместе с тем гнет со стороны Империи был еще не столь велик. II век принес блок рабовладельцев, землевладельцев и финансистов всего Средиземноморья. Положение низших классов и их антагонизм с высшими были смягчены: колонны и мелкие собственники еще не прикреплялись к земле, положение рабов облегчалось, городские низы пользовались благами алиментарной системы.

Тот же баланс существовал в политической организации и в идеологии. Император и сенат приходят к компромиссу, а монархическая идея сочетается со стоической доктриной. В период от Нервы до Марка Аврелия Империя практически не знала крупных восстаний в провинциях (кроме Иудеи). После Траяна прекратились мятежи преторианцев, почти исчезли заговоры. Как никогда прочным было внешнеполитическое положение. Рим установил прочные границы на севере, востоке и юге. От кампаний Траяна до войн 60—70-х годов II в. Империя не вела серьезных войн.

Вместе с тем расцвет II в. имел опасные перспективы. Империя не могла до конца решить ряд кардинальных проблем, которые перед ней стояли. Несмотря на прогресс, римская экономика сохраняла невысокий уровень, и ее основами оставались рабство и колонат. Рабство, несмотря на смягчение, не преодолело своего главного порока — незаинтересованности работника в труде, и особенно в труде творческом и качественном. Жалобы на небрежность рабов, их грубое обращение с землей и техникой, воровство и мошенничество были постоянны. Рабовладелец мог заставить раба интенсивно работать, но не мог привить интерес к труду. Рабство становится экономически невыгодным. Колонат усиливал заинтересованность работника, но вел к дроблению хозяйства и утрате таких преимуществ, как концентрация и специализация. Наконец, колон тоже не был хозяином земли, а их текучесть создавала нестабильную экономическую ситуацию.

Общеимперский рынок был слаб, и региональные связи всегда были сильнее. Перспективой развития Империи был рост экономического и политического значения провинций, провинциализация верхушки и армии, превращение Италии в одну из них. Создавалась угроза, что провинции перерастут Империю, потеряют в ней заинтересованность и вступят с ней в конфликт. Империя подготовила элементы национального единства, но создать настоящее единство она не могла. Конфликт наметился и между Империей и городом. В перспективе была полная потеря самостоятельности городами и подавление их мощным центральным аппаратом Империи. Однако подавление города означало разрушение основы, на которой стояла Римская держава. Император и сенат «жили в согласии», но перспективой было усиление императорской власти и ликвидация этих элементов самостоятельности сената, что тоже вело к конфликту.

Внешнеполитическая ситуация тоже была тревожной. После Траяна Империя окончательно прекратила экспансию, однако

вслед за 50-летним покоем началась экспансия со стороны варваров, первые симптомы которой появились уже при Антонине Пии. Кризис назревал, и смутное ощущение тревоги хорошо заметно на оптимистическом в целом фоне общественного настроения. Любившие сравнивать государство с человеком писатели II в. видели в своей эпохе блестящую старость.

5. НАЧАЛО КРИЗИСА В КОНЦЕ II в.

Начало кризиса совпало с приходом к власти нового императора — видного философа-стоика Марка Аврелия (161—180). Нарушив волю Адриана, Антонин назначил своим преемником только его, а уже сам Марк Аврелий сделал соправителем Луция Вера. Обаятельный, но беззаботный повеса, Вер был лишь номинальной фигурой.

В 161 г. война с Парфией, начавшаяся при Антонине Пии, приобретает угрожающие размеры. Парфяне выбили римлян из Армении и вторглись в Сирию. Правительство срочно направило подкрепления. Армию возглавили способные военачальники, хотя формально командующим стал Луций Вер. В 163 г. имперские войска заняли Армению, а в 164—165 гг. перешли в наступление в Сирии и Месопотамии. Парфяне были разбиты, римляне заняли Ктесифоп и начали развивать наступление в глубь страны. Парфянское царство еще продолжало существовать, однако оно вступило в полосу агонии, и вплоть до возникновения нового врага, сасанидского Ирана, восточная граница Империи оставалась спокойной.

Победившие войска принесли с собой эпидемию чумы, нанесшую государству тяжелый ущерб. За парфянской войной последовала новая, еще более серьезная война. В 166 г. племена квадов и маркоманнов вторглись в Рецию и дошли до Аквилеи. Реция и Паннония оказались под ударом. Марк Аврелий стянул на север большие силы и к 169 г. отбил первый натиск варваров, однако со 170 г. наступление возобновилось в невиданных масштабах.

Причиной роста активности варваров, вероятно, было переселение из Скандинавии и бассейна Вислы сильных германских племен готов, вандалов, бургунов и других, которые давили на своих более слабых соседей. Кроме германцев в наступлении участвовали другие племена Подунавья: сарматы, языги, карпы и др. В движение пришел весь племенной мир к северу от Дуная. На 170—175 гг. падает самый тяжелый период войны. После первого успеха римлян варвары нанесли им серьезное поражение. В 174 г. армия самого Марка Аврелия вторглась в область квадов, но была окружена и с трудом вырвалась в Паннонию. В 178 г. Империя перешла в наступление. Римляне громили варваров на их территории, переселяя часть побежденных в Империю. В разгар войны в 180 г. от чумы умер Марк Аврелий.

Внутренняя политика Марка Аврелия продолжала традиции Антонинов. Отношения с сенатом были дружественными, по инерции существовала и алиментарная система. Тем не менее симптомы кризиса были налицо. Римская армия понесла большие потери, а казна оказалась в критическом положении. Начались волнения в провинциях.

Кризис углубился при сыне и преемнике Марка Аврелия Коммоде Антонине (180—192). Империи удалось заключить мир с варварами. Жестокий и распущенный Коммод, казалось возродивший времена Нерона и Калигулы, не был популярен в сенате. Император пытался опереться на внесенатский аппарат, и его главным министром становится префект претория Переннис.

Политика Коммода и Перенниса вызвала конфликт. В 183 г. был организован неудавшийся заговор против Коммода, а в 185 г. взбунтовавшиеся солдаты убили Перенниса. Его место занял вольноотпущенник Клеандр, господство которого отмечено гигантским размахом коррупции. Хищения и огромные расходы резко ухудшили положение казны и провинций. В 189 г. во время голодного бунта толпа растерзала Клеандра, которого выдал ей Коммод. Налицо был кризис верхов. Сенат и представители высшей бюрократии ненавидели принцепса. 1 января 193 г. Коммод был убит в результате заговора. Конец династии стал толчком к эскалации кризиса и новой гражданской войне.

Лекция 4

ВОСТОЧНЫЕ ПРОВИНЦИИ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ¹

Первые века существования Империи были временем экономического развития провинций, в том числе и восточных. Провинциалы постепенно приходили в себя после бесчисленных грабежей и разрушений, которыми сопровождались гражданские войны I в. до н. э. Во время этих войн особенно пострадали малоазиатские провинции: так, после убийства Цезаря вожди республиканцев, готовясь к войне против триумвиров, собирали подати за десять лет вперед; те города, которые отказывались выполнить их требования, подвергались суровому наказанию, иногда полному разрушению (как, например, малоазиатский город Ксанф). В I в. города снова отстраивались, упорядочилось взимание налогов, начали налаживаться общеимперские торговые связи. Второй век стал временем расцвета крупных городских центров: Эфеса, Милета, Смирны в Малой Азии, Антиохии в Сирии; снова возросло значение старых городов финикийского побережья, славившихся своими ремесленными изделиями. Египет был главным поставщиком хлеба и папируса, египетские ремесленники изготовляли тончайшую льняную ткань — виссон, которая пользовалась спросом по всей Империи. Александрия стала крупнейшим торговым портом Средиземноморья, через который шла торговля с Аравией, Индией и Китаем.

Основой сельского хозяйства восточных провинций продолжал оставаться труд земледельцев, организованных в общины. В императорских доменах, возникших в восточных провинциях благодаря покупкам, конфискациям, завещанию земель, существовали многочисленные общины, пользовавшиеся самоуправлением. Общины засвидетельствованы и на городской земле, и в имениях

¹ Разделы 1—2 написаны И. С. Свенцицкой, раздел 3—А. Б. Ковельманом.

частных лиц. Никаких правовых различий между земледельцами, работавшими на разных категориях земель, не прослеживается: в отличие от эллинистического времени не существовало особой группы «императорских людей»: основным обозначением сельскохозяйственных работников было *кометы* (члены деревенской общины) или — более общее — земледельцы, сельские жители. Кроме общинников на земле работали арендаторы, переселенцы (*пареки*), также получавшие участки на условиях длительной аренды; в отдельных случаях применялся труд наемных работников. Рабы и вольноотпущенники применялись по большей части в аппарате управления имениями, а также наделялись участками земли.

Характерной чертой периода Империи было возникновение новых общин, т. е. объединений земледельцев, живших в одном имении (в том числе и переселенцев), или просто соседей, поселившихся рядом на частной или городской земле. Дошли совместные посвящения и постановления об оказании почестей, сделанные «живущими по соседству», «соседями» и т. п. В одной малоазийской надписи упоминается рабская фамилия, жившая в деревне, которая тоже приняла совместное постановление, копирующее почетные декреты деревень.

Общинные организации играли большую роль в сохранении крестьянства восточных провинций. Как ни быстро шел процесс разорения земледельцев в связи с налоговым гнетом, злоупотреблениями императорских чиновников, община тормозила этот процесс: члены ее коллективно производили работы, способствовавшие улучшению земледелия, в том числе и ирригационные, обрабатывали пустующие земли, совместно выступали против злоупотреблений чиновников (жалобы деревень из восточных провинций дошли до нашего времени). В ряде провинций сохранялся общинный фонд земель — это были прежде всего земли деревенских святилищ, которые могли сдаваться в аренду.

Для римских властей община была основной податной единицей, поэтому они признавали общинное самоуправление, что, в свою очередь, должно было способствовать укреплению общины.

Однако нельзя представлять идиллически жизнь земледельцев восточных провинций: денежная форма податей приводила к имущественному расслоению среди земледельцев, часть крестьян бросала свои общины и уходила в город или становилась арендаторами у крупных землевладельцев (они затем и образовали новые общины). Злоупотребления чиновников, особенно на государственной земле, были постоянны. В постановлении наместника Египта второй половины I в. н. э. говорится о жалобах земледельцев на незаконно введенные новые налоги, на незаконное заключение в долговые тюрьмы, на обогащение сборщиков налогов. В I в. центральная власть боролась с подобными злоупотреблениями, но при малейшем ослаблении этой власти вымогательства местных представителей аппарата управления возобновлялись с новой силой.

Городское население восточных провинций было достаточно нестремным по этническому и социальному составу. Для первых веков Империи характерна мобильность населения, особенно городского; погребительные и надгробные надписи говорят о таких переселениях: в Македонии могли жить ремесленники и торговцы из Малой Азии, в Эфесе — скульпторы с островов Эгейского моря и из Карфагена; ремесленник из Карфагена оказался похороненным в Лионе. Иногда переселялись целыми семьями и оседали в новом месте надолго; иногда постоянно переезжали из города в город. На дорогах Империи можно было встретить разных людей, идущих пешком то в одном, то в другом направлении: ремесленники, купцы, площадные актеры, прорицатели, бродячие нищие философы-кинники, которых особенно много появилось в первые века нашей эры.

В городском ремесле применялся труд рабов, но преобладающим был труд свободных ремесленников. Разоряющиеся земледельцы, ремесленники, переезжавшие из города в город в поисках более благоприятных условий работы, постоянно пополняли число свободных работников в крупных городских центрах. Начиная с I в. п. э. под влиянием знакомства с римскими коллегиями ремесленников в городах восточных провинций начинают появляться объединения ремесленников по профессиям. Ремесленные коллегии не занимались регулированием производства, они устраивали совместные празднества, у них были общие места для захоронений; были случаи, когда ремесленные коллегии организовывали выступления в защиту своих интересов. Наиболее известно выступление во II в. пекарей Эфеса, по поводу которого было принято специальное постановление римских властей: хлебопекам запрещалось собираться вместе, но в то же время предписывалось обязательно обеспечивать город хлебом. Беспорядки начались и среди строителей Пергама и изготовителей льна в килийском городе Тарсе.

Кроме забастовок ремесленников, которые, по-видимому, выступали с конкретными требованиями, в восточных провинциях время от времени вспыхивали стихийные бунты, вызванные прежде всего нехваткой в городах хлеба. Эти бунты были направлены против богатых людей, которых обвиняли в утайке зерна в целях спекуляции.

Труд рабов применялся в самых различных отраслях, вплоть до городского аппарата управления, но наиболее массовым было использование рабского труда в рудниках и каменоломнях. Это была самая тяжелая работа: господа отправляли туда в качестве наказания непокорных рабов, государственные власти — повстанцев и людей, виновных в самых тяжелых преступлениях. Большое число рабов находилось в домах богатых людей в качестве слуг; обилие рабской прислуги было своего рода внешним показателем богатства. Положение рабов зависело от воли господина; восточные провинции дают нам примеры рабов, которые имели семьи, имущество и даже рабов (такие разбогатевшие рабы

иногда приобретали семейные склепы для себя, своих потомков и рабов). Но, разумеется, таких рабов было меньшинство.

Для времени Империи характерен рост богатства отдельных людей (по большей части связанных с имперским аппаратом управления). Различие между огромными богатствами единиц и бедностью многих было еще более резким, чем в период эллинизма.⁴ Богатые люди часть своих средств жертвовали на «благотворения» городу; размеры этих благотворений позволяют судить о степени богатства того или иного лица. Так, например, житель г. Антиохии в Сирии некий Сосибий в I в. н. э. завещал своему родному городу сумму денег, на которую в течение пяти лет в городе должны были справляться массовые празднества, включающие театральные представления и различные спортивные состязания. Многие богачи на свои средства устраивали празднества в честь императоров.

Среди богатых людей, выделявшихся из провинциалов, особое положение занимали и особую ненависть вызывали императорские вольноотпущенники, перед которыми трепетали не только бедные, но и богатые провинциалы. В I в. н. э. многие из этих вольноотпущенников составили себе состояние на доносах. Показательна история императорского вольноотпущенника Флавия Архиппа, действовавшего в малоазийском городе Прусе: он составил себе немалое богатство на доносах, а напуганные сограждане воздавали ему официальные почести. Даже когда он совершил подлог и был осужден по суду, то избежал наказания, обратившись к императору, и продолжал благоденствовать. В Египте в I в. доносчиков было так много, что наместник издал постановление об ответственности за ложные доносы, правда только после третьего недоказанного обвинения.

Таким образом, если в деревне происходило укрепление общинных отношений, то в городе на протяжении первых веков шел процесс разрушения традиционных социальных различий и связей. Рядом жили и работали люди разного этнического происхождения, между бедными и богатыми гражданами одного города пропасть была больше, чем между людьми различных народностей. Свободные бедняки могли заниматься трудом, которым раньше занимались только рабы, а некоторые рабы и вольноотпущенники оказывались выше свободных граждан. Однако, невзирая на этот распад, внешние формы полиса продолжали сохраняться в системе Империи.

2. ПОЛИС И ИМПЕРИЯ

В течение первого века нашей эры происходило постепенное включение полисов восточных провинций в систему Римской империи. Римляне не уничтожили полисного строя, наоборот, они опирались на самоуправляющиеся гражданские общины и давали статус полиса множеству мелких поселений и объедине-

ний общин, которые в эллинистический период этого статуса не имели. Так, во II в. ряд малоазийских деревенских поселений были преобразованы в полисы, много маленьких городков начало чеканить в I—II вв. свою монету. Разумеется, самоуправление полисов было ограничено — и прямым контролем со стороны римских наместников, и изменениями внутри городского самоуправления. Во многих городах был введен римский принцип пополнения городского совета путем кооптации бывших должностных лиц, которая проводилась особыми должностными лицами. Даже там, где сохранялась демократическая традиция, как, например, в Афинах, должностные лица формально выбирались на народном собрании, список кандидатов представлялся советом по одному на каждое место. Должности занимались людьми из ограниченного круга семей. В течение II в. складывается наследственное сословие *булегов*, т. е. людей, которые могли (или должны были) занимать места в городском совете.

Большую роль в городах восточных провинций играли поселившиеся там римляне. Они не входили в число граждан данного города, но могли иметь землю на его территории, образовывали землячества, которые (если считали нужным) могли принимать участие в полисных постановлениях (в этом случае в надписях сказано, что декреты приняты от имени демоса, совета и живущих в городе римлян). Римляне не приобретали гражданства в городах провинций, они не считались и метеками — они были просто римлянами, «господами римлянами», как сказано в одной надписи малоазийского города Стратопикей. Само существование подобной группы «неграждан», занимавшей, по существу, более привилегированное положение, чем граждане, наносило удар по правовым различиям среди свободного населения города, сохранявшимся и в классический, и в эллинистический периоды.

Появление в городах римлян, раздачи римского гражданства полисной верхушке, переселения из города в город способствовали разрушению замкнутости гражданского коллектива. Уже в эллинистическое время практиковалось дарование гражданских прав жителям других городов в индивидуальном или даже общем порядке (когда граждане одного города становились потенциальными гражданами другого). В римский период эта практика была расширена: встречались люди, которые могли быть гражданами одновременно нескольких городов и даже занимать в них *должность булега* (члена совета). В надписях упомянуты люди, которые были одновременно булегами в трех, четырех и даже шести городах; вряд ли они могли выполнять реально свои обязанности, они были скорее своего рода «почетными» членами. Характерно, что такие люди, как правило, являлись и римскими гражданами (т. е. они или их предки получили за особые заслуги от римлян право гражданства).

Ко II в. н. э. большинство представителей городской верхушки имели римское гражданство, например богатейшая семья Юлия Полемияна, происходившая из Сард, но жившая в Эфесе, главном

городе провинции Азия, Люций Эмилий Юнк, «благотетель» и гражданин финикийского города Триполиса, Авидии из сирийского города Кирры, Юлии Квадраты из Пергама и многие другие. Во II в. н. э. выходцы из восточных провинций заседают в римском сенате и занимают важные посты в центральном аппарате управления; например, Л. Юлий Юлиан из Пальмиры стал префектом претория при императоре Коммод, а Авидий Кассий даже пытался (правда, неудачно) в конце II в. захватить императорский престол.

Однако получившие римское гражданство провинциалы продолжали быть связанными со своим городом: они занимали там разные почетные должности, жертвовали средства на украшение городов. Даже если они и не жили у себя на родине, они продолжали держать с ней связь через членов семей.

Помощь городам со стороны их граждан, занимавших важные посты в имперском управлении, не только обеспечивала им политическую поддержку на местах, эта помощь была связана с сохранением античной идеологии, все еще ориентированной на мировосприятие гражданина полиса. Даже став римскими сенаторами, эти люди — во всяком случае, в I—II вв. — ощущали связь со своей гражданской общиной, где находились могилы их предков, где жили их родственники и сограждане. Вне общинных корней человек древнего мира не мог чувствовать себя полноценным. Слава родного города придавала авторитет и им самим. Но поле деятельности даже этих влиятельных людей было ограничено. Все сколько-нибудь важные решения, касавшиеся внутригородской жизни, вплоть до разрешения на строительство бани или гимназия, согласовывались с провинциальными властями, а порой и с самим императором. Полностью лишившись своей независимости, полисы стремились сохранить свою обособленность там, где это было возможно, в области культуры. На рубеже I—II вв. происходит своеобразное возрождение греческой культуры. Великая эллинская культура, которую почитали и сами властители римляне, позволяла грекоязычным подданным Империи сохранять чувство собственного достоинства, ощущение своей общности. Это возрождение проявлялось достаточно широко в культурной жизни городов — в произведениях литературы, в архитектуре отдельных зданий, культе греческих героев и философов, статуи которых украшали площади городов, в копировании статуй прославленных мастеров прошлого, в использовании сюжетов греческих мифов и трагедий в росписях и мозаиках, в возрождении местных празднеств. Можно сказать, что ориентация на культурное прошлое стала во II в. основным содержанием полисной идеологии, своего рода духовным противодействием нивелирующему давлению Империи.

Однако если взглянуть внимательно в эти формы проявления увлечения греческой культурой, то станет ясна их декоративность. В театрах все реже ставились великие греческие трагедии: их заменили музыкально-танцевальные представления с ис-

пользованием мифологических сюжетов. Сцены из греческих трагедий украшали саркофаги, но сюжеты эти часто никакого отношения к смерти и посмертному существованию не имели: они как бы подчеркивали принадлежность семьи умершего к кругу образованной элиты. Греческая мифология не имела уже для жителей восточных провинций религиозного смысла: сцены из мифов на рельефах и мозаиках в домах Финикии, Сирии, Северной Аравии были лишь декорациями, индивидуальные посвящения с просьбами и благодарениями ставились в этих районах местным восточным божествам.

Стремление сохранить полисные традиции при фактическом их умирании сказалось и в установлении в ряде городов культа абстрактных органов власти: Демоса, Совета; часто они почитались наряду с императором и Римским Сенатом, которому тоже ставились персонифицированные статуи. Подобные статуи не изображали конкретное народное собрание или конкретный совет, они являли собой некий символ, за которым уже не стояло реального содержания.

Гораздо более жизненными оказались в восточных провинциях те формы общественной и культурной жизни, которые позволяли воспринимать римское влияние. Во всех городах восточных провинций был установлен культ императора: ко II в. происходит объединение культа императора в большинстве городов с местными куктами божеств-покровителей: в Эфесе император почитался вместе с Артемидой, в Милете — вместе с Аполлоном.

Большую роль во внутренней жизни городов играли объединения, обслуживавшие культ императора: если императоры настороженно относились к профессиональным коллегиям (так, Траян запретил в одном из малоазийских городов создание коллегии пожарных), то полуофициальные союзы «молодых», «старцев», которые организовывали праздники в честь императоров и одновременно устраивали местные состязания и празднества (обычно у таких союзов были свои гимнасии), властями поощрялись. Центром общественной жизни городов становятся гимнасии, которые, как правило, включали в себя бани римского типа и зал императорского культа.

Для всех городов римских провинций характерно включение римских элементов в их архитектурный облик: римская арка появляется и в финикийском Тире, и в Антиохии Сирийской, и в греческом Коринфе. Распространяются многоквартирные дома римского типа (они засвидетельствованы и в Малой Азии, и в Сирии, и в Палестине).

Римское влияние на уровне массовой культуры проявилось и в организации зрелищ. Как некогда после завоеваний Александра Македонского в городах Востока возводились театры (вплоть до Вавилона), так теперь повсюду строятся амфитеатры, распространяется увлечение гладиаторскими боями, травлей зверей, конскими состязаниями. Чаще всего бои гладиаторов и травлю зверей организовывали жрецы императорского культа, которые

тем самым являлись как бы проводниками римского образа жизни, но для строительства амфитеатров привлекались и частные средства: известно, например, что в конце I в. богач Никерат дал средства на строительство амфитеатра в Лаодикие Фригийской.

Под римским влиянием менялось положение женщин в семье и обществе; распад коллективных полисных связей сопровождался распадом связей семейных. Знатные женщины вопреки традиции стремятся занять почетные должности (например, руководителей гимнасиев) и даже административные посты в городе. Увеличивается число разводов; в некрополях римского времени появляется много могильных памятников, поставленных «самому себе при жизни» (или самой себе), — по-видимому, эти люди потеряли связь со всеми родственниками. А в одном надгробии из малоазиатского города Афродисия, поставленном при жизни владельца склепа, сказано, что в склепе может быть похоронена и его жена, если только она останется его женой... Женщины из низших слоев населения вынуждены были жить трудом своих рук: появляются упоминания одиноких женщин, занимающихся различной торговлей.

Итак, ни гражданская, ни семейная жизнь уже не соответствовала древним полисным традициям. Стремление восполнить разрушающуюся гражданскую солидарность, общность по родству приводило к распространению различных религиозных сообществ. В восточных провинциях возрождаются древние местные культы малоазиатских и финикийских божеств, огромной популярностью пользуются всевозможные маги, знахари, почитатели подземных божеств. Среди архаических храмов и статуй греческих философов рядом с людьми, проводившими время в банях и амфитеатрах, жили люди, искавшие иных богов, иную мораль, иные формы объединений. Эти процессы будут подробнее рассмотрены в последующих лекциях; здесь же следует лишь отметить сложность и «многослойность» общественной и частной жизни городов восточных провинций, которая явилась следствием включения их в огромную централизованную Римскую державу.

3. РИМСКИЙ ЕГИПЕТ

«Теперь я хочу подробно рассказать о Египте, потому что в этой стране более диковинного и достопримечательного сравнительно со всеми странами... Небо в Египте иное... и река у них отличается иными свойствами... и нравы и обычаи египтян... противоположны нравам и обычаям остальных народов». Так писал «отец истории» Геродот в V в. до н. э., так склопен думать и современный историк, изучающий жизнь долины Нила в римский период. Развитие Египта не похоже на развитие Италии или Греции: ведь исходная точка совсем иная.

После падения республики римляне из граждан превращаются в подданных, республиканские добродетели теряют смысл, выборных магистратов сменяют чиновники. Иначе говоря, разлагается полис, коллектив граждан. Но в Египте всегда были чиновники, всегда была монархия, а вот полисов до римского завоевания почти не было. Правда, Александр Македонский основал Александрию, великий город, однако как полис она внушает большие сомнения. Даже не вполне ясно, имелся ли там городской совет. За пределами же Александрии, Птолемаиды и Навкратиса лежала «тьма египетская», область абсолютной «негражданственности». Почти три века, вплоть до гибели Клеопатры от укуса аспида.

Птолемии прекрасно обходились без гражданских общин. Были, конечно, города — центры номов (они назывались метрополиями). Но это не города в античном смысле, а лишь большие деревни (без городских советов, народных собраний, выборных магистров и т. п.).

При римлянах полисные, античные начала внедряются в долину Нила. Рушится царское хозяйство, побеждает частная собственность на землю. Разбогатевшие собственники переезжают в метрополию. Здесь их ждет городской комфорт: улицы застраиваются банями, гимнасиями. Роль банщиков, мелочных торговцев выполняют бывшие крестьяне. Город притягивает и их. В 202 г. метрополии получают городские советы, а в IV в. становятся полисами по всей форме. Народ Оксиринха и Мемфиса голосует, выбирает *пританов*, оглашает воздух приветственными криками: «Слава полиса, первый гражданин, патриот, любитель равенства» и т. д.

Конечно, Египет остается придатком казны. Египетским хлебом кормят столицу Империи. Август запретил сенаторам и виднейшим всадникам приезжать в Египет без его разрешения, чтобы кто-нибудь, «захватив» эту провинцию, не мог прекратить снабжение Рима. Но забота о казне приобретает иной, «гражданственный» оттенок.

По мнению префекта (наместника), Египет должен «радостно служить процветанию и величайшему благоденствию нынешних времен». Нельзя силой принуждать к откупу налогов или аренде земли у государства, «ибо императорским суждениям соответствует, чтобы делами усердно занимались те, кто хочет этого и в состоянии принять их на себя». Ведь «немало повредило делам привлечение к ним многих неопытных людей, которым силой передавались откупа».

Тяжкая повинность изображается добровольным деянием, великой честью (ее можно поручить лишь тем, чей «образ жизни» проверен). Одновременно она — гражданский долг. «Никоим образом не дожидаясь принуждения со стороны сборщика», следует платить налоги, «ибо подобает, чтобы каждый со всем усердием выполнял долг преданности». Уклоняющийся же «позорно нарушает замышленное для спасения всего Египта». Полисная

Формула единства общего блага с частным сменяет в документах благо царской казны.

Египет сделался частью мирового полиса — Римской империи. Его жители — граждане мирового полиса (*космополиса*) — «*космополиты*». Ведь и им, как и всем прочим, было предоставлено римское гражданство по эдикту Каракаллы (212 г.).

Чиновники из царских слуг превратились в полисных магистратов. В птолемеевские времена проситель молил о справедливости как о милости. Теперь он указывает чиновнику его обязанности: «Дело *дука* — наказывать осмелившихся на такое», «Быть стратегом — значит управлять, и запрещать, и возвещать правду, и бить, и наносить удары, и бичевать свободных людей, как рабов». Даже императору определяют его «должность» — «дурных подвергать наказаниям, добрым же воздавать по заслугам».

Последняя фраза — вариант знаменитой формулы римского права: «каждому свое», формулы, гарантировавшей равенство перед законом, неизвестное восточной деспотии, где воля царя решала все. Эта же формула призвана была определять продвижение в должности. Проситель требовал повысить его «за труды» и вообще назначать лишь тех, которые, «усердно показывая свое послушание, сами кажутся заслуживающими благоденствий», а не тех, кто пользуется протекцией. Во времена Птолемеев подобные претензии нельзя даже себе представить.

Конечно, префекты, дуки и стратеги лишь играли роль «слуг народа». Но большинство чиновников действительно перестали быть чиновниками, превратившись в *литургов*. Литургией афиняне некогда называли общественные повинности, обременявшие богатейших граждан. Афинские литурги строили за свой счет корабли, оплачивали услуги артистов и т. п. Египетские литурги при римлянах собирают налоги, следят за состоянием каналов и дамб, надзирают за порядком. Любое упущение они компенсируют собственным имуществом. Так что, если Римская империя успешно «бюрократизировалась», то Римский Египет не менее успешно «дебюрократизировался». Место чиновников, получающих жалованье и прочие доходы, заняли несчастные жертвы псевдогражданского устройства, не имевшие никакого отношения к процветающей бюрократии фараоновского или птолемеевского образца.

Интересно, что даже в интимном кругу эти жертвы пытались носить маску выборных магистратов, исполняющих свой долг. В IV в. некий Гелиодор желал Теофану «исполняться радости» за сыновей, «чтобы здравствовали они и исполняли должное, забываясь как о личных делах, так и о литургиях».

На Западе все это может показаться разложением и извращением полисных начал. Но в Египте нечему было разлагаться и нечего было извращать.

Обратимся к «корпоративному движению» I в. н. э. На Западе коллегии «маленьких людей» явились из разложения полиса. Погребальные союзы, профессиональные братства заменили ут-

раченное полисное единство. В Египте — все наоборот. При Птолемеях было лишь единство кнута; теперь, с I в., маленькие люди входят во вкус корпоративных форм общежития. «Собравшись вместе, нижеподписавшиеся мужи тебтюнисские, „освобожденные“² поместья Тиберия Клавдия Цезаря Августа Германика императора, решили общим мнением (так! — А. К.) избрать одного из них, мужа наилучшего, Крониона, сына Герода, председателем на один год» — такой удивительный документ (устав корпорации), родился, например, в деревне Тебтюнис в 43 г. н. э.

За греческой внешностью сквозит, конечно, египетская сущность. Многие корпорации брали на себя взнос подати своих членов и связывали их круговой порукой. Такой порядок приносил выгоду государству, но и маленькие люди обретали некоторую автономию, возможность противиться слишком ретивым чиновникам, подавать прошения и т. п.

И корпорации, и частная собственность, и новые полисы приближали Египет к псевдогражданскому обществу. Не обесценивает ли приставка «псевдо» весь процесс? Как нам представляется, речь не может идти о чем-то внешнем и искусственном. Во-первых, сдвинулась основа — социально-экономические отношения. На место царского хозяйства стала частная собственность, вырос слой средних рабовладельцев античного типа. Во-вторых, изменилось сознание масс. Оно стало псевдогражданским: с претензией на достоинство гражданина и с комплексом ущербности от неполноты и фальши этого достоинства.

Верхушка общества — александрийцы поняли свое гражданство как привилегию. Кто не гражданин Александрии, тот варвар, низшее существо. «Вы считаете меня, братья, подобным какому-то варвару или бесчеловечному египтянину», — негодовал александриец в письме. «Все египтяне — тупы (бесчувственны)», — заключал другой. Обычай египетских крестьян противны «культурному (полисному) образу жизни» — таково общее мнение, которого не было прежде, когда «полисный образ жизни» не так ценился. Римляне поддерживали снобизм элиты. Они построили целую лестницу привилегий. Житель метрополии платил подушную подать в половинном размере, гражданин Александрии не платил вовсе. Египетский крестьянин нес все издержки.

Новое «гражданское сознание» александрийцев обращалось и против императора, если тот нарушал права полиса или уставы космополиса. Некогда александрийцы бунтовали против Птолемея, но не забрасывали их памфлетами. Теперь бунт переносится в духовную сферу. Ко II—III вв. относятся «Акты языческих мучеников», названные так по аналогии с «Актами христианских мучеников». Герои этих сочинений — александрийские гимнаспархи, прочие знатные. Они предстоят суду императора-тирана (Нерона, Веспасиана и др.). В их речах пафос Демосфена сливается

² «Освобожденные» от какой-то не вполне понятной нам повинности.

с теориями стойков и неопифагорейцев: «Я полагаю, ты от родителей слышан о моей службе отечеству», «Отчизна отождествляется не только с Империей, но и с государем» и т. п.

В царстве Птолемеев человек считал себя по тому или иному ведомству (клерух, царский земледелец, ремесленник царских мастерских, жрец и т. п.). Теперь возникают микрогруппы, целые сословия, объединенные равенством этических понятий, культуры, поведения. Само собой, в основе такого деления лежат имущество, социальное положение, ценз.

Наверху — «почтеннейшие», «вышестоящие», «порядочные» люди. Достаточно узнать из письма о некоем Андромaxe, что он «друг порядочных людей». Этим сказано все о его «чувствительности», «человечности», «культурном образе жизни». Психологию «почтеннейших» раскрывают бытовые письма. Здесь многословные жалобы на дурное здоровье, бедность и «наготу», похвала собственной нравственности и самоуничтожение. В семье наблюдается полный разлад: дочери упрекают отцов, сыновья не слушают матерей.

Семейные отношения птолемеевской эпохи — традиционные и деловые. Никто не требовал любви и не упрекал в ее недостатке. Теперь каждый спешит объявить себя любящим, брата своего — недостойным любви, а саму любовь — подвигом терпения и непротivления злumu. «Ты показал мне своим письмом... что ненавидишь меня. Бог знает, как я от души люблю и почитаю тебя, словно брата моего»; «В ответ на призыв, о брат, примиришься со мной... ты не относился ко мне как к брату... но я отношусь к тебе как очень почтительный брат», — читаем в письмах.

Повиновение родителям стало нравственным подвигом, тяжелой проблемой: «Знай, что я провел уже 14 лет, служа родителям твоим, — пишет брат брату, — и не был наглецом»; «Ибо я, служа, подвергаюсь поношению»; «Трудом радуйте госпожу нашу мать». Аналогичная проблема — повиновение слуги господину. Раб начал сознавать себя рабом, а господин — требовать от него чуть ли не гражданского служения. Плохого слугу обвиняли в измене, хорошего — представляли ангелом во плоти.

Психологию низших и средних слоев легче увидеть в жалобах и прошениях. Прежде их авторы называли себя царскими земледельцами, клерухами, жрецами. Теперь они единодушно представляются «умеренными». (Вновь афинская маска на римском Египте.) Умеренные — любимый термин Демосфена и Аристотеля, называвших так зажиточных крестьян и торговцев. Умеренность — важнейшая философская добродетель эллинов. В прошениях же это слово обозначает и бедность, и смирение, и философское самоограничение одновременно.

«Твое, о господин гегемон, покровительство обычно простирается на всех, в особенности же на нас, людей умеренных и живущих добродетельно», «Пожалей меня, умеренного», — возглашают жалобщики. Враги «умеренных» — «сильные» (*динаты*). Они тиранят бедных и слабых,

В груди династов нет страха перед судилищем, страха божьего, страха перед начальством. Силу свою они считают сильнее закона. Напротив, умеренные исполнены страха и безупречны в несении повинностей. Сильные презирают бедность и кротость. Умеренные кротки, избегают судиться и спорить, отстраняются от карьеры и суеты. Они ведут уединенный земледельческий образ жизни. Сильные же суетны, любят судиться, посещать рынки, городские советы.

Классовое сознание пробуждается в лоне античной философии и риторики. О таком сознании нельзя было и помыслить в птолемеевские времена. Сословная принадлежность определялась традицией, царем. Она не имела моральной ценности. Клерух ничем не лучше и не хуже царского земледельца — таким сделал его царь. При римлянах сословие — моральное понятие, достоинство человека. «Умеренные», «почтеннейшие» — все они гордились своим кругом, презирая всех остальных людей.

Государство не осталось в стороне от пробуждения сословных чувств. Конституции императоров содержат латинские эквиваленты греческих имен новых сословий и групп: «почтеннейшие» — *honestiores*, «сильные» — *potentiores*, «умеренные» — *humiliores*. Здесь названия имеют юридический смысл. К почтеннейшим принадлежат сенаторы, всадники и городская верхушка, к *humiliores* (смирненным) — плебс. Первые освобождены от телесных наказаний, вторые — нет. Императоры защищают «незлобное и мирное сельское простодушие» от притеснений сильных. Иногда же они переходят на точку зрения почтеннейших и выражаются их языком. Например, Каракалла в 215 г. приказал изгнать из Александрии всех египтян, в особенности же крестьян, которые «своей многочисленностью и бесполезностью будоражат город». Узнать же крестьян можно по обычаям, «противным культурному образу жизни».

Что первично и что вторично? Конституции императоров черпали в массовом сознании или массовое сознание повторяло общие места императорской демагогии? Вероятно, оба процесса имели место. Еще раз отметим: происшедшие перемены не были верхушечными, не сводились к смене вывески — гражданское общество вместо деспотии. Весь облик социальных слоев Египта обновился, прежде всего облик «средних классов». Они уже не состояли на службе, не были чиповниками и клерухами. В качестве граждан новых полисов, свободных землевладельцев эти люди могли размышлять, рефлексировать, выбирать место в жизни.

Возьмем, например, отношение к труду и службе. Христианство ставит себе в заслугу целую революцию в трудовой этике. Устами апостола Павла оно провозгласило: «Кто не хочет трудиться, тот и не ешь». Как далеко это от презрения античного грека (Аристотеля, например) к человеку, «живущему на положении ремесленника или поденщика». Но Египет знал революцию совсем иного рода. При Птолемах все просто обязаны были трудиться. Чиновники «денно и ночью» заботились о производ-

стве работ. Клерухи регулярно бросали свой надел ради царской службы. Крестьяне сеяли то, что им было приказано. Вопрос о презрении к труду на античный манер просто не стоял.

С крушением царского хозяйства каждый должен был сам выбирать позицию: трудиться или жить «как птицы небесные». Тут-то и заполняются письма бесчисленными поучениями и сентенциями: «Пусть Лукий работает и живет из жалования своего... не чванится, но работает», «Да прилепится чадо твое к трудам своим», «Не позволяй ему чваниться», «Позаботься, господи брат, чтобы собственную честь и чужую охранять и беречь как брат и как труженник и не терпеть других, не обращающих никакого внимания...»

Начав думать и размышлять, люди обратились к философии. Прежде философствовали профессионалы. Птолемии содержали Александрийский мусейон («храм Муз»), где ученые мужи продолжали традиции Аристотеля, хотя более в сфере точных наук, чем в философии как таковой. При римлянах философия буквально выходит на улицы египетских городов. Бродячие философы — киники поучают зевак. Лощеные риторы услаждают аудиторию смесью всех доктрин. Наступило время массового диетантизма — и в поэзии (отставные солдаты пишут стихи и высекают их на камне), и особенно в «любомудрии».

Со II в. н. э. письма и прошения египтян меняют свой характер. Исчезают их краткость и деловитость, зато пышным цветом расцветает риторика. Сентенции, поучения, риторические фигуры переходят из папируса в папирус. Что же случилось во II в., через полтора столетия после римского завоевания? Во всей Империи развилось широкое культурное движение — вторая софистика. Она получила имя от первой софистики (V в. до н. э.) и являла собой как бы бегство в прошлое. Воскресла аттическая речь, старые авторы были у всех на устах. Обращением к эллинскому наследию император Адриан и другие деятели II в. пытались затормозить кризис античной цивилизации, законсервировать старые устои. Но парадоксальным образом софистика готовила новое. Она вульгаризировала Платона и Аристотеля, наплодила общие места, штампы, ходячие истины. В риторизованном виде философия стала доступна широким слоям. Точнее, сами эти слои сделали риторику способом повседневного философствования, критического восприятия жизни.

Итак, римское завоевание принесло в Египет не кризис полиса, не распад античных порядков, но «псевдогражданское общество», гораздо более близкое к античному образцу, чем царство Птолемеев. Насколько оригинален такой путь? Различие с Италией налицо, но столь же явно сходство с восточными провинциями Империи. Конечно, в Сирии и Азии полисов всегда было больше, чем в долине Нила. Но полисы эти со времен эллинизма зависели от царей. Падение республики в Риме не могло превратить антиохийцев из граждан в подданных, не могло лишить их гражданских чувств. Скорее наоборот, включение в Империю да-

вало чувство нового гражданства, причастности к римской судьбе. Во времена эллинизма антиохиец был гражданином Антиохии, но не гражданином царства Селевкидов, столицей которого являлась Антиохия. При римлянах он — и гражданин своего полиса (Антиохии), и гражданин космополиса (Римской империи). Это новое понятие гражданства перешло затем в Византию, сделав ее жителей народом ромеев (римлян), гражданами единого государства.

Уникальность Египта — уникальность чистого опыта. Здесь в идеально беспримесной форме осуществлялись тенденции римского Востока первых веков нашей эры.

Лекция 5

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ПРОВИНЦИИ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

1. КЕЛЬТЫ

Среди народов Европы, с которыми столкнулись римляне, подчинив в конце концов большинство из них, наиболее значительными были кельты, которых римляне обычно называли галлами, в течение нескольких веков игравшие первенствующую роль в варварской Европе.

Вероятнее всего, кельты выделились из общей массы народов Европы при переходе от бронзового века к железному в первой половине I тысячелетия до н. э. Их колыбелью был, видимо, треугольник между верхними течениями Дуная и Рейна. Но уже в VII—VI вв. до н. э. они занимали гораздо большее пространство — от среднего Дуная до Секваны (совр. Сена) и Арара (совр. Сона) включительно. А часть их, оторвавшись от основного ядра, несколькими волнами переселяется в Испанию. Западные кельты довольно рано установили связи с греками и этрусками. Особенно большое значение для них имело основание греками Массилии (совр. Марсель) на южном берегу Галлии. Отсюда протянулся «оловянный» путь через материк в Британию. Он шел по Родану (совр. Рона), а дальше разветвлялся на два рукава: один — по Арару и Секване, другой — по Рейну. В районе этого пути кельтское общество стало развиваться быстрее. Здесь уже в VI в. до н. э. выделилась аристократия, по-видимому очень незначительная по численности, но мощная по сосредоточившимся в ее руках богатствам. На вершинах холмов аристократы строили укрепленные поселения, которые принято условно называть «замками», хотя они имели мало общего с замками эпохи феодализма. Размером они бывали от 1 до 11 га. Знать хоронила не-вдалеке от «замков» в пышных гробницах с богатейшим погребальным инвентарем. Трупы знатных людей клали на колесницы, подчеркивая их превосходство над остальным «пешим» населением.

Расселение кельтов, как и других народов Европы I тысячелетия до н. э.—I тысячелетия н. э., объясняется, вероятно, ростом численности племен в связи с сильным развитием земледелия и крупного скотоводства в зоне лиственных лесов эпохи железного века.

На рубеже VI—V вв. до н. э. из-за Рейна в Галлию приходят новые кельтские племена, под давлением которых те, что ранее занимали долины в верховьях Секваны и Арара, двинулись к югу. В этих условиях погибли «замки» Восточной Галлии и прервался торговый путь от Массилии на север. Большое значение приобрел путь через Альпы к верхнему Дунаю и Рейну, а главными контрагентами кельтов стали этруски. Между Рейном и Дунаем прежняя жизнь продолжалась.

Среди ремесленников, окружавших и обслуживавших аристократию, в первой половине V в. до н. э. родился особый стиль искусства и всей материальной культуры, который был характерен именно для кельтов. Археологи называют эту культуру *латенской*.

Приблизительно в это же время началось Великое переселение кельтов. Они заняли всю Галлию, проникли через Альпы, вытеснив этрусков из долины Пада, хлынули в собственно Италию, дойдя в 390 г. до н. э. до Рима и захватив его. Однако вскоре их экспансия в Италии была остановлена, и кельты, отойдя назад, заселили долину Пада (ныне р. По) и окружающую территорию. Римляне называли эту область Цизальпинской Галлией, т. е. Галлией по эту сторону Альп, отличая ее от Трансальпинской, собственно Галлии.

Другая часть кельтских племен начала пересекать нынешний Ла-Манш и занимать Британские острова¹. Наконец, значительная часть кельтов двинулась на восток. В 30-е годы IV в. до н. э.

¹ По-видимому, было по меньшей мере две волны кельтского заселения Британских островов, которые с конца ледникового периода населяли племена неизвестного происхождения, объединяемые под названием «пикты». Первая волна кельтского переселения на острова может быть датирована V в. до н. э.; переселенцы говорили на архаичном кельтском языке; возможно, именно они первоначально и назывались «британцами». В начале I в. до н. э. их накрыла волна кельтских белгских племен; на о-ве Британия белги слились с более ранними кельтами, восприняв их общее название, но передав им свой менее архаичный кельтский язык. На юго-востоке Ирландии, а потом и по всему острову распространилось первоначальное кельтское население; они сначала назывались ивернами, а потом скоттами (другое название — гэлы), но в дальнейшем имя скотов сохранилось только за переселенцами V в. н. э. в нынешнюю, тогда еще пиктскую Шотландию. Ирландские и шотландские кельты покорили более древнее население — атаскоттов и пиктов; последние сначала восприняли кельтский язык, а потом и окончательно слились с кельтами. С I в. н. э. началось систематическое завоевание Британии Римом, которому не удалось завладеть только северной частью острова, нынешней Шотландией.

В настоящее время кельтские языки сохранились на о-ве Британия только в Уэльсе и в некоторых недоступных частях горной Шотландии, кое-где на побережьях о-ва Ирландия и на п-ве Бретань во Франции, заселенном кельтами-бриттами, бежавшими от англосаксонского завоевания из Британии (V—VI вв. н. э.).— *Примеч. ред.*

с ними встретился Александр Македонский. В III в. до н. э. они обрушились на Македонию, дошли до Средней Греции, где разграбили Дельфы, но на обратном пути были разгромлены. Позже по приглашению вифинского царя Никомеда кельты перешли в Малую Азию, где в течение некоторого времени были грозой для местных жителей и осевших там греков. Наконец, разбитые пергамцем Атталом, они осели внутри полуострова. Этих восточных кельтов греки называли галатами, а область, в которой они осели, — Галатией.

Характер переселений был различным. Иногда переселялось все племя или группа племен. В других случаях от племени отпочковывалась какая-то его часть, которая, осев на новом месте, создавала новое объединение, сохранявшее часто старое имя. Так в разных странах появились кельтские племена с одинаковыми названиями: секваны в Галлии и Италии, атребаты в той же Галлии и Британии, тектосагии в Галатии и Галлии и т. д. Иногда уходили в поисках новых мест небольшие группы из разных племен, соединявшиеся в новые образования. И результаты переселений были разными. Порой прежнее население полностью вытеснялось. Иногда оно подчинялось переселенцам, растворяясь затем в их среде. Известны случаи, когда происходило слияние кельтов с другими народами, в результате чего появлялся «смешанный» этнос, как кельто-лигуры в Южной Галлии или кельтиберы в Центральной Испании. Близость кельтов в ряде случаев столь сильно влияла на соседей, что те, не теряя своего этнического характера, принимали многие черты кельтской культуры.

Произошли и другие значительные изменения. В ходе переселений прервались связи западных кельтов со средиземноморским миром, что привело их к обеднению. В этих условиях были оставлены так называемые «замки» и прекратилось сооружение роскошных могил знати.

Во II в. до н. э. кельтское общество выходит на новый виток своего социального развития. К этому времени кельты были вытеснены из-за Рейна германцами, которые не раз пытались перейти и Рейн. В конце II в. до н. э. германские племена кимвров и тевтонов обрушились на Галлию и опустошили ее значительную часть, пройдя страну из конца в конец. Только в самом конце века они были уничтожены римским полководцем Марием на территории Римской республики. В 60-х годах I в. до н. э. другие германцы под руководством Ариовиста заняли часть земель племени секванов. Ариовист был разгромлен Цезарем, который заставил германцев уйти снова за Рейн. Но эти события относятся уже к начавшемуся завоеванию Галлии честолюбивым римским полководцем. Германцев Цезарь так и не покорил. Они остались жить на огромной территории между Рейном, Дунаем и Балтийским морем. Только небольшая юго-западная часть этой территории много позже подпала под римское владычество. Восточнее германцев жили балто-славяне.

Во II—I вв. до н. э. центром развития кельтского мира стала восточная часть Галлии, вновь вступившая в контакты с миром классического Средиземноморья. Здесь и в центре Галлии с середины II в. стали строиться укрепленные поселения довольно крупных размеров (до 150 га и даже больше), в которых жили знать, ее окружение, ремесленники. Население, занимавшееся сельским хозяйством, по-прежнему обитало на полях, образуя сельские общины — *вики*², наряду с которыми стали возникать и владения отдельных лиц, живущих в уединенных собственных строениях.

Высшей социальной единицей у кельтов и тогда оставалось племя. Оно управлялось народным собранием, на которое собирались все вооруженные мужчины, советом (*сенатом*) и магистратами или магистратом. Подразделением племени были *паги*; так, у гельветов было четыре пага. Во главе пага стояли свои магистраты, и паги могли действовать самостоятельно. Например, одип из гельветских пагов вел одно время самостоятельную войну с римлянами. Соплеменники делились по половозрастному принципу на детей, мужчин, способных носить оружие, женщин и стариков.

Однако это официальное деление не исчерпывало внутреннюю структуру племени. У кельтов выделяется и приобретает все большую силу знать, которая делилась на две группировки: жречество (*друиды*) и военную аристократию (*всадники*). Друиды Галлии и Британии сосредоточили в своих руках не только духовную культуру, но и суд: к ним обращались за разрешением как частных, так и общественных споров. Высшим наказанием было запрещение провинившимся участвовать в жертвоприношениях. Такой человек становился изгоем, с которым никто не общался. Сложное учение друидов требовало долгого и тщательно изучения, преподавалось оно только устно, хотя для повседневных дел друиды и пользовались иногда греческим письмом. Тем не менее желающие стать друидами всегда находились, ибо привилегии их были значительны: они освобождались от военной службы и уплаты налогов. Друиды разных племен общались друг с другом, а раз в год все галльские друиды собирались на свое собрание, на котором решали важнейшие вопросы, в том числе межплеменные споры. Объединение друидов имело, таким образом, надплеменной характер.

Племенную знать составляли всадники. Опираясь на престиж, данный им происхождением, и на свои богатства, кельтские аристократы все больше узурпировали власть в племени. Сенат из общеплеменного совета фактически превратился в орган их власти. Если рассматривать органы военной демократии — собрание, совет, магистрат — как соответственно демократический, аристократический и монархический элементы, то у кельтов Галлии ре-

² Здесь и далее приводятся принятые в науке латинские названия кельтских общественных институтов.

шающее значение приобрел элемент аристократический в отличие от Британии, где во главе племени встали наследственные «цари». У галлов же роль магистратов была невелика. Верховный вождь эдуев, носивший титул *вергобрет*, избирался ежегодно и кроме некоторых судебных дел имел очень ограниченные полномочия. Один из галльских вождей сетовал (хотя и не без лукавства, ибо этим оправдывал свои действия перед римлянами), что он имеет столь же власти над массой, сколько та над ним.

Установившиеся вновь контакты со Средиземноморьем и активное участие в трансевропейской торговле способствовали развитию товарных отношений в кельтском обществе. Уже с конца IV в. до н. э. некоторые кельтские племена начали чеканить монету, имитирующую греческую. В течение долгого времени эти монеты были золотыми и служили скорее знаком богатства и социального престижа. Только в I в. до н. э. у эдуев, а затем и у некоторых других племен стали появляться более мелкие серебряные монеты, которые были уже и средством обмена. Тем не менее товарные отношения довольно глубоко проникли в кельтское общество. А это усугубило имущественное расслоение. На рядовое население пала вся тяжесть налогов, эти люди постепенно запутывались в долгах. И в результате многие стали переходить под покровительство богатых и знатных, становясь их клиентами. Сохраняя формально положение свободных граждан, клиенты фактически теряли самостоятельность: они должны были следовать за своим патроном, выступать по его приказу на войну, поддерживать его в борьбе внутри племени. Возможно, некоторые клиенты и работали на своего покровителя. Взамен тот защищал клиента от притеснения других аристократов, помогал ему материально. В случае невыполнения сторонами своих обязательств такая связь могла расторгаться.

Должники из рядового населения, не ставшие клиентами, также утрачивали значительную долю свободы, будучи обязанными поддерживать кредитора и помогать ему.

В кельтском обществе отмечаются и так называемые *амбакты*, т. е. «находящиеся вокруг» кого-либо. Античные авторы считают их рабами. Можно думать, что амбакты были людьми, потерявшими в отличие от клиентов свободу. Однако, несмотря на наличие в ряде случаев большого количества рабов (до 10 тысяч), они не играли большой роли в производстве. Амбакты составляли «окружение», свиту хозяина. Из них, видимо, состояла дружина аристократа; их использовали, может быть, и как домашних слуг.

У некоторых всадников были и так называемые *сольдурии*, т. е. люди, посвятившие себя своему предводителю, сопровождавшие его в жизни и смерти: если они не могли спасти вождя от гибели, то тоже должны были умереть.

Опираясь на клиентов, амбактов, должников, сольдуриев, аристократы не только воевали, но и рвались к первенству, используя во внутренней борьбе и свободных соплеменников. Пра-

ктически в каждом племени в I в. до н. э. засвидетельствовано существование таких «партий». Иногда какому-нибудь всаднику удавалось захватить власть, стать «царем». Но, как правило, долго удержаться на этой вершине он не мог. И практически неизвестны случаи, когда «царство» передавалось по наследству сыну.

Однако при всем могуществе кельтская аристократия была не всесильна. Далеко не все рядовое население было ей подчинено. В ряде случаев «масса с полей» решала судьбу внутриплеменной схватки. Рядовые члены племени не были отстранены от военного дела, главной силой галлов оставалось пешее войско «плебеев». На народное собрание созывались все вооруженные мужчины, и опоздавшему грозило суровое наказание. В конечном счете этому собранию принадлежало окончательное решение.

И все же внутри племени ясно выступает неравенство. Неравенство существовало и между племенами. Выделялись более сильные, претендующие на первенство во всей Галлии. В I в. до н. э. такими претендентами на руководство всей страной выступали эдуи и секваны. Слабые племена подчинялись сильным, давали им заложников, обязывались выплачивать дань, воевать по их приказу. Такие племена становились клиентами более сильных.

Таким образом, социальная структура кельтского общества в Галлии была уже довольно сложна. Возникшие отношения неравенства разрывали старые родовые установления. Но сами эти установления еще продолжали существовать. Кельты находились на стадии возникновения классовых отношений и государства; их общество во многом напоминало архаическое греческое, но грань, отделявшую доклассовое общество от классового, они, пожалуй, еще не перешли, оставаясь в рамках последней ступени родового строя. Их дальнейшее развитие было прервано римским завоеванием.

2. ОБРАЗОВАНИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПРОВИНЦИЙ РИМА

За пределы Центрального Средиземноморья римская экспансия вышла впервые с началом II Пунической войны, в 218 г. до н. э., когда первые римские воины высадились в Испании. После вытеснения из Испании карфагенян противниками римлян выступили местные народы, оказавшие завоевателям упорное сопротивление, которое не было полностью сломлено к концу республики.

В 125—117 гг. до н. э. Рим, вмешавшись в споры между обосновавшимися в Галлии греками и местным населением, направил свои войска в Южную Галлию и подчинил себе территории вдоль средиземноморского побережья от Альп до Пиренеев. В 50-х годах I в. до н. э. Цезарь покорил почти всю остальную часть Галлии между Атлантическим океаном и Рейном. Он даже переправлялся через Рейн и Ла-Манш, но эти походы оста-

7 вались разведывательными. Мощное восстание галлов чуть не лишило Цезаря плодов побед, и ему с трудом удалось это восстание подавить. Восстания галлов продолжались и в I в. н. э.

Август продолжил завоевательную политику Цезаря. Он завершил покорение Испании и Галлии, а в 25—7 гг. до н. э. завоевал западную часть Альп. Римляне вновь перешли через Рейн и в течение нескольких кампаний раздвинули границы своей державы до Эльбы. Но в 9 г. н. э. восставшие германцы уничтожили римские легионы в Тевтобургском лесу. И хотя после этого римские войска не раз предпринимали успешные карательные экспедиции против германцев, Рейн надолго остался границей Империи. Только в 80-е годы I в. в ее состав вошли Декуматские поля — треугольник между верхними течениями Рейна и Дуная. Особым валом Декуматские поля были отделены от независимой Германии.

В 42 г. Клавдий начал завоевание Британии. Британские войны продолжались несколько десятилетий. Но полностью подчинить остров римляне не смогли: его северная часть (Каледония) осталась независимой. В 30-х годах II в. «вал Адриана» отделил завоеванную Британию от Каледонии. Двумя десятилетиями позже севернее был построен «вал Антонина». Он и стал самой северной границей Империи.

Покоренные земли были включены в римскую провинциальную систему. При республике Испания была разделена на две провинции — Ближнюю и Дальнюю Испанию, а Южная Галлия составила провинцию Трансальпийскую Галлию. В Галлии ее называли просто «провинцией» (отсюда современное название Юго-Западной Франции — Прованс).

Август предпринял реорганизацию провинций. Дальняя Испания была разделена на Бетику и Лузитанию. Ближнюю Испанию все чаще стали называть Тарраконской, а Трансальпийскую Галлию — Нарбонской. В завоеванной Цезарем и Августом Галлии были созданы три провинции: Аквитания на юго-западе, Белгика на северо-востоке и Лугдунская Галлия между ними. Эти провинции часто выступали под общим названием — Три Галлии. Несколько мелких провинций возникло в западной части Альп. Все провинции были разделены на сенатские и императорские. Бетика и Нарбонская Галлия были отнесены к первым, а остальные были переданы непосредственно императору.

Создание провинций продолжалось и позже. В завоеванной части Британии Клавдий создал одноименную провинцию. В 85 г. земли по Рейну были выделены из Белгики и разделены на две провинции — Верхнюю и Нижнюю Германию. Эти новые провинции стали императорскими.

Сенат посылал в свои провинции проконсулов. Император в свои направлял легатов, которые и управляли провинциями от его имени. Мелкие западноальпийские провинции возглавлялись прокураторами. Прокураторы имелись и в более крупных провинциях, где они, действуя независимо от наместника, занимались

преимущественно финансовыми проблемами, а также управляли императорской собственностью, которая существовала и в императорских, и в сенатских провинциях. Испанские провинции были разделены на более мелкие округа — *конвенты*, а галльские и британские — непосредственно на низшие самоуправляющиеся единицы — «общины» (*civitates*).

С юридической точки зрения свободное население западных провинций делилось на римских граждан, латинских граждан и *перегринов*. Некоторые города римских граждан имели еще и «италийское право», освобождавшее их от налогов. В римских и латинских общинах управление было построено по римскому образцу. Избирался городской совет — *курия*, члены которого назывались *декурионами*, а позже *куриалами*, и городские магистраты — *дуумвиры* и *эдилы*. Однако полномочия местных властей были довольно ограничены и целиком зависели от пameстника. Управление же перегринскими общинами сохранилось старым, но было поставлено под контроль римских властей. Перегринские общины чаще всего соответствовали прежним племенным территориям, но порой в административных или политических интересах римляне изменяли их границы, создавали новые общины, ликвидировали или разделяли старые. Иногда сохранялись и «союзные» общины, как греческая Массилия в Галлии, но в действительности их самостоятельность была иллюзорной.

Постепенно число перегринских общин сокращалось, а римских и латинских колоний росло. Города, получившие римские или латинские права, становились *муниципиями*. Веспасиан сделал латинскими гражданами всех испанцев, не имевших ни римского, ни латинского права, а несколько позже латинское гражданство распространилось и на Галлию. В 212 г. Каракалла сделал римскими гражданами почти все свободное население Империи, в том числе и в западных провинциях. Это привело к унификации местного управления.

3. РОМАНИЗАЦИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПРОВИНЦИЙ В ПЕРИОД РЕСПУБЛИКИ И РАННЕЙ ИМПЕРИИ

Содержание истории западных провинций Римской державы во многом определялось их романизацией. Для большинства народов Запада, находившихся на разных ступенях родового строя, романизация означала переход от первобытного общества к классовому, античному в его римском варианте.

Большое значение имело переселение римлян и италиков в провинции. Первоначальной и в течение некоторого времени единственной формой этого переселения была колонизация, т. е. основание колоний. Не все эти поселения имели римский или латинский статус, но все были глубоко романизованы. Первое такое поселение было основано в Южной Испании еще в 206 г. до н. э. и получило характерное название — Италика, Италика дол-

го не была официально римским городом. Первая латинская колония — Картея была создана в 171 г. до н.э. для детей от браков римских солдат с испанками. Первой официальной колонией в Южной Испании стала Кордуба (Кордова), в Восточной — Валенция, в Южной Галлии — Нарбон.

Масштаб колонизации расширился при Цезаре и его преемниках. Раздвинулась и сфера колонизации, захватив и Три Галлии, где возник важнейший город этой страны — Лугдун (совр. Лион). Позже императоры создавали колонии (с выведением туда ветеранов) ближе к местам расквартирования войск. Поэтому центр колонизационной активности переместился в Восточную Галлию — к Рейну и в меньшей степени — в Британию. На остальных же территориях титул колонии все чаще стали давать городам без выведения туда колонистов.

Наряду с этой официальной колонизацией отмечается и неофициальная иммиграция — сильный приток в провинции италийцев, преимущественно из Средней и Южной Италии. Ко времени переселения они были уже сами достаточно романизованы. Переселялись преимущественно крестьяне, искавшие плодородные земли, различные предприниматели или чаще их агенты, устремлявшиеся в богатые торговые города и рудные зоны.

Одна часть переселенцев обосновывалась в уже существовавших колониях, другая — в peregrinских общинах, образуя там свои формы организации, с которыми считались и римские власти. Значительная доля иммигрантов оседала в сельской округе, принося с собой италийскую форму сельской общинной организации.

Значительна была роль легионов. Сначала они имели мало общего с окрестным населением. Но позже это население все больше привлекается к снабжению солдат. И сами легионеры участвовали в хозяйственной жизни, работая на строительстве дорог и укреплений, создавая при лагерях необходимые мастерские. Между солдатами и аборигенами устанавливаются экономические связи.

Эти связи составляли один аспект многостороннего экономического воздействия Рима на местное население. Другим явилось распространение римской монетной системы. Прежние золотые монеты некоторых кельтских племен служили скорее символами богатства и социального престижа. Серебро для обмена появилось только к концу эпохи независимости. Римляне не только заменили старую чеканку своей, но и широко внедрили ее в хозяйственную жизнь. Еще большим было значение распространения римской денежной системы среди народов, которые ее не знали. Развитие товарно-денежных отношений способствовало не только подъему экономики, но и ускорению социального развития западных провинций.

С римлянами в местную среду стали приходить и различные товары, причем не только Италии, но и других районов Средиземноморья. А затем устанавливаются контакты между самими

провинциями уже в обход Италии. Возникают довольно тесные экономические связи между Испанией и Галлией, Галлией и Британией. Важным рынком для продуктов испанского и галльского земледелия и ремесла становятся Верхняя и Нижняя Германия со стоящими там легионами.

Развитию торговли способствовало резкое увеличение дорожной сети. Превосходные дороги создавались римлянами прежде всего в стратегических и административных целях, но использовали их и торговцы. Особое значение имели, пожалуй, второстепенные дороги, отходившие от главных и ведущие практически к каждому населенному пункту. И все же водные пути были по-прежнему выгоднее. Усилилось движение по старым морским и океанским путям вдоль испанского и галльского побережья в Италию, вдоль берегов Испании и Галлии в Британию. Реки давали возможность проникнуть глубже в страну. Особо важное значение приобрели р. Ибер в Испании и путь по рекам Родану и Арару в Галлии. Эти реки теперь становятся и важнейшими осями романизации Северо-Восточной Испании и Юго-Восточной Галлии.

С римским завоеванием в западных провинциях появились и длинные города (в большинстве случаев в период ранней Империи без городских стен), застроенные по правильному плану с такими атрибутами римской цивилизации, как театры, цирки, амфитеатры, храмы. Такие города притягивали не только переселенцев, но и местное население.

И в городах, и на селе принесенные римлянами методы каменного и кирпичного строительства все чаще подменяли старую манеру стройки из дерева или сырцовых кирпичей, крыши стали покрываться черепицей вместо соломы, да и сами дома стали обустраивать на римский манер. Римские приемы стали использовать гончары, ибо это давало им возможность резко увеличить производство. Сельское население заимствовало аграрные культуры, принесенные завоевателями, особенно виноградарство. В I—III вв. виноградарство и виноделие завоевывает Испанию и Галлию. От римского времени ведет свое начало слава современных французских и рейнских виноградарей.

Говоря о романизации, нельзя забывать простой факт, что римские установления и культура были принесены победителями и побежденные должны были волей-неволей приспосабливаться. Так, латинский язык был языком администрации, религии и торговли, и его стали использовать местные жители в межплеменных и межэтнических контактах. Римские боги оказались сильнее местных, и людям было выгоднее становиться под их покровительство. Долгое общение с божествами победителей привело в одних случаях к исчезновению или отступлению на дальний план местной религии. В других случаях заметно стремление сочетать новые представления со старыми: старых богов одевали в римские одежды и давали им римские имена, иногда с прибавлением старых,

Особое значение на Западе приобрел культ императора в сочетании с культом богини Рима — Ромы. Отправление этого культа в первую очередь было свидетельством лояльности по отношению к римскому правительству, но не только этим. Почитатели Ромы воздавали дань величию Рима, а с ходом романизации провинциалы, особенно знать, все более чувствовали себя причастными к этому величию. Император же выступал не только как глава государства, но и как всеобщий покровитель. Римско-италийские аристократы свысока смотрели на своих провинциальных собратьев, особенно в I в., и только покровительство императора открывало знатым провинциалам путь к государственной карьере. Низы же провинциального населения смотрели на императора как на «патрона патронов», последнюю надежду в этом мире. Для вольноотпущенников занятие места в коллегии *севиоров августалов*, т. е. жрецов императорского культа, было единственной возможностью подняться в городскую или провинциальную элиту.

Императорский культ имел и определенное политическое значение. Вокруг храмов и алтарей императора собирались на свои собрания представители провинции, а в Лугдуне — всех Трех Галлий. И хотя такие собрания практически власти не имели, они в известной степени все же служили средством выражения нужд общин и даже средством давления на наместника, ибо могли обращаться с жалобами непосредственно к самому императору.

Таким образом, не только раболепие, но и реальные нужды провинций привели к широкому распространению императорского культа. Отправлялся он в чисто римских формах, поэтому тоже служил важным средством романизации.

Римское воздействие пробудило и внутренние импульсы в местном обществе. Ремесленники ради лучшей продажи своих изделий стали изготавливать их, особенно керамику, по общеимперскому образцу. Районы, имевшие стабильные связи с рынком, превращались в важные центры производства различной посуды и тары не только для себя и ближайшей округи, но и для более отдаленных территорий. Из западных провинций широко вывозились и металлы. Порой металл добывали в одном месте, а обрабатывали его в другом. Так, важным поставщиком металла была Британия, а центры металлообработки находились в Галлии. Металлы Британии и Испании, керамика, металлические изделия и скот Галлии, оливковое масло Бетики вывозились далеко за пределы этих стран и провинций. И в этом отношении огромное значение имело снабжение легионов, что открывало провинциальным товарам почти необъятный рынок. Важнейшим контрагентом становилась казна. А сами продукты равнялись на общеимперский стандарт.

Армия поглощала не только провинциальные товары, но и самих провинциалов. Еще при республике римляне привлекали жителей провинции во вспомогательные части. При Империи

многие стали служить и в легионах. Во время службы люди оказывались в совершенно новой среде, усваивали, если не знали раньше, латинский язык, проникались римской психологией. Если они не были гражданами, то после отставки становились ими. Вернувшись на родину, ветераны получали землю уже как муниципальные землевладельцы и наиболее ревностно внедряли латинский язык и весь римский образ жизни среди соотечественников. Правда, с течением времени ветераны все чаще оседали ближе к месту своей службы и в колониях, создаваемых для них в Германии, Бельгии или Британии.

Необходимо иметь в виду и перемещение населения. Часто римляне насильственно переселяли людей, особенно из горных крепостей в долины. В других случаях жители сами по разным причинам уходили из родных мест. Часто они устремлялись в крупные города, где надеялись разбогатеть. Многочисленное и разнообразное население собралось в таких городах, как Новый Карфаген, Тарракон, Нарбон, Лугдун или Августа тревиров. В новых условиях, в разноплеменной и разноязычной, а главным образом латиноязычной среде эти люди довольно быстро утрачивали старую культуру, приспособляясь к новому. Во многих городах, особенно крупных торговых центрах, жили также пришельцы из Африки, Греции, Малой Азии, Сирии, что придавало этим городам космополитический облик, еще более подрывая основы старой цивилизации.

Привлекали людей также рудники и керамические центры, где существовала возможность заработка. По каким-то причинам отдельные поселки также притягивали пришельцев, а члены исконного рода уходили в другие места. Так, Капера в Испании была первоначально поселением рода гапетиков, но вскоре там появились люди из различных испанских городов и даже из далекой Антиохии Сирийской. На территории Каперы возникли соседские объединения земляков — *вицинии*. И местные жители объединились в подобную вицинию, названную уже не по роду, а по месту — Каперенская.

Подобные процессы вели к постепенной замене родового объединения территориальным. Образовывались сельские общины. В Галлии они возникли из прежних поселков, часто укрепленных (*oppida*). Многие такие поселки спускались с гор на равнину и приобретали новое качество. Иногда они становились городами, даже порой довольно крупными, как Августодун. Во многих случаях они превратились в сельские поселения, как это произошло с мелкими поселками вокруг города Немавса в Нарбонской Галлии.

Все это усиливало классовое расслоение. Люди из низов «отламывались» от старых установлений и форм жизни, превращаясь в рабов и затем вольноотпущенников, в ремесленников и горнорабочих. От прежних условий жизни отходили и представители знати, некоторые, разбогатев и сделав карьеру, становились римскими всадниками и даже сенаторами. А потомки италийских

переселенцев даже добирались до трона, как Траян и Адриан из Италики и Антонин Пий из Немавса.

Остававшиеся на своих местах аристократы занимали ведущее положение в своих общинах. Некоторые даже становились членами пескольких общин, занимая там порой высокие посты. Иногда удавалось пробиться и на место жреца-*фламина* провинции или даже Трех Галлий. Такие люди носили уже чисто римские имена и старались не подчеркивать свое местное происхождение. Так, главы родовых общин испанского племени *зелов* звались Люций Домиций Силоп и Люций Флавий Север. Нский *испапец* Юлий Патерп был сыном Каптабра, но сам имени Каптабр уже не носил. Сын галла Гая Юлия Отуаневна имел совершенно римское имя Гай Юлий Руф.

Велика была роль гражданской политики. Распространение римского и латинского права вело к перестройке управления общинами, к установлению более или менее однообразных норм римского права, к унификации местного и пришлого населения.

Итак, романизация привела к распаду старого общества, к замене его античным. Старая местная знать вошла в правящую элиту Империи, а рядовое население пополнило ряды рабов, крестьян и ремесленников, трудившихся уже в новых условиях. Под влиянием победившего парода туземное общество приняло римские формы.

Однако романизация не была единообразной на различных территориях и в разное время. Взаимоотношения различных факторов определяли ход, темп и результаты романизации в разных провинциях и их частях. Особо надо подчеркнуть роль итальянской иммиграции.

Итальянские крестьяне устремлялись в провинции, гонимые растущим обезземеливанием, а порой и желанием стать гражданами «первого сорта», чего они никак не могли добиться на родине. Устремлялись они, разумеется, в места, которые были известны богатствами, особенно плодородием, и были более привлекательными по своим природным условиям. Такими районами стали земли Южной и Восточной Испании и Южной Галлии. Здесь довольно скоро появилось много итальянских переселенцев. Так, в 40-е годы I в. до н. э. только на юге Испании проживало не менее 100 тыс. римских граждан. К ним надо прибавить и тех граждан, которые жили на востоке Испании, и, может быть, италиков, гражданства не имевших. Видимо, иммигранты составляли в это время около $\frac{1}{10}$ населения этих районов Пиренейского полуострова. Учитывая активную роль этой «десятой», надо признать, что она оказывала значительное влияние на местное население. При первых императорах число переселенцев увеличилось, охватив и Южную Галлию.

Важным было не только само присутствие итальянских иммигрантов, но их взаимодействие с местным населением. Города Южной и Восточной Испании и Южной Галлии населяли и италики, и местные жители. И если некоторое время они обита-

ли в разных городских районах, то скоро слились. В таких крупных городах, как Кордуба в Бетике, Новый Карфаген в Тарраконской Испании или Нарбон в одноименной Галлии, и среди городской верхушки, и в низах можно видеть представителей обеих групп населения. И те и другие входили в одни и те же ремесленные коллегии и другие объединения.

Подобные обстоятельства часто возникали и в сельской местности. Во многие сельские общины входили как аборигены, так и переселенцы и их потомки. Здесь возникали приблизительно одинаковые экономические условия. С распространением гражданства исчезали и юридические различия. Включение иммигрантов и местных жителей в рамки одной организации способствовало быстрой и полной романизации туземцев. В Южной Галлии сохранилось больше сельских поселков с чисто местным населением. Но они, располагаясь вокруг сравнительно крупных романизованных или римских городов со смешанным населением, вовлекались в их орбиту и тоже основательно романизовались.

Так возникла обширная романизованная зона, охватывавшая Бетику, восточную часть Тарраконской Испании, Нарбонскую Галлию и прилегавшие к ней районы Лугдунской Галлии и Аквитании. О Нарбонской Галлии Плиний писал в 70-х годах I в., что она «обработкой земли, достоинством мужей и нравов, обилием богатств... скорее подобна Италии, чем провинции». Это уподобление можно с полным правом распространить также на восток и юг Испании. Здесь местное население было практически полностью включено в социальную и политическую систему Римской державы. В этой части Испании исчезли местные структуры: была ликвидирована система «народов», т. е. старых этнических единиц, и основными ячейками экономической, общественной, административной и культурной жизни стали города римского типа. Даже старые финикийские и греческие колонии превратились в обычные римские провинциальные города.

В Южной Галлии еще сохранялись *civitates*, соответствующие старым племенным объединениям. Но уже в I в. и здесь столь велико было значение города-центра такой «общины», что сама «община» отступает далеко на задний план. Тот же Плиний чаще называет в Нарбонской Галлии города, а названия *civitates* выступают как определения местонахождения города. Такие «общины» превращаются в территориальные подразделения провинции, отдаленно похожие на испанские конвенты.

В этой зоне полностью или почти исчезают местные языки, очень мало следов поклонения старым богам, приходит в упадок или даже вовсе исчезает традиционное искусство, не только городские дома, но и сельские виллы строятся целиком по италлийскому образцу. И в сельском хозяйстве, и в ремесле, и в торговле распространяются те же формы собственности и организации, что и в Италии.

В результате во всей этой зоне, охватившей дугой северо-западное побережье Средиземного моря, возникает общество, мало отличающееся от итальянского.

На обширных территориях вне этой зоны колонизация была менее интенсивной. Более далекие и менее плодородные земли, непривычный климат, воспоминания о продолжительных войнах в Испании и Британии, преувеличенные слухи о дикости местных жителей — все это останавливало возможных переселенцев. Поэтому колонистами здесь были преимущественно ветераны, да и ветеранские колонии в большинстве районов концентрировались ближе к местам расположения войск. Больше привлекали римлян металлы. Поэтому в горнорудных районах римские граждане селились охотнее.

В зоне слабой колонизации аборигены были территориально разделены. Так, в Кельтиберии ясно различаются местные поселения и римские виллы. В Британии виллы римского типа располагаются почти исключительно вокруг немногих городов и вдоль дорог. Несмотря на попытки римлян заставить местное население покинуть укрепленные поселения на высотах, те продолжали существовать и в Испании, и в Галлии, и в Британии. Раздельно жили римляне и аборигены и в городах этой зоны. А население тех городов, которые развились непосредственно из племенных или родовых центров, было вообще чисто местным, не считая заезжих торговцев и чиновников римской администрации.

Итак, на этой огромной территории сосуществовали римский и туземные миры. Римский мир был представлен легионами, городами римского типа, которых здесь, однако, было меньше, чем в первой зоне, общинами римских граждан внутри местных городов, сельскими имениями муниципальных землевладельцев и ветеранов, римской администрацией и жречеством общеимперских культов, императорскими имуществами. Туземный мир составляло местное население, во многом еще жившее прежней жизнью. В центре, на севере и северо-западе Испании не исчезали такие родовые объединения, как гентилиции и центурнии. *Civitates* Трех Галлий и Британии долго сохраняли родо-племенной характер. В произведении Плиния именно они, а не города выступают в 70-е годы I в. как основные единицы Белгики, Лугдунской Галлии, Аквитании и Британии.

Разделение двух миров привело к их параллельному развитию, по связи между ними существовали, и римский мир все сильнее воздействовал на аборигенов. И все же их романизация была более медленной и менее глубокой, чем там, где иммигранты и туземцы жили совместно. В той огромной зоне, которую можно назвать романизирующейся, существовали два общества: римское и романизирующееся местное.

Разные социальные слои по-разному поддавались романизации. Знать в целом охотнее принимала римский образ жизни. Эти люди уже строили городские дома и сельские виллы по римскому образцу, хотя часто сохраняли некоторые черты старого

плана, например центральный зал с очагом в галльских виллах, охотно одевались по-римски, старались говорить по-латыни, отстраивали города на римский манер, с удовольствием смотрели на цирковые представления и бои гладиаторов. Но хозяйственная жизнь даже знати больше сохраняла старые формы: в одних и тех же виллах часто жилые помещения имели совершенно римский вид, а хозяйственные постройки и по строительной технике, и по планировке напоминали стародавние.

Низы населения, если не уходили в большие города или на рудники, крепче держались за старое. В Галлии вокруг или недалеко от вилл часто находят деревни либо отдельные хижинки точно такие, какие были здесь и до римского завоевания. Особенно много таких хижин в западной части Галлии, вообще менее романизованной, чем восточная.

Особое место занимали земли по Рейну. Это была граница Империи, и порой весьма угрожаемая. Поэтому здесь было сосредоточено большое количество войск, что придавало провинциям военный характер. Легионные лагеря и места стоянок отдельных отрядов привлекали торговцев, ремесленников и всякий прочий люд. Поэтому население скоро стало довольно смешанным, а к переселенцам присоединились ветераны, оставшиеся в привычных за долгие годы службы местах. Около лагерей и стоянок возникали поселения ремесленников и торговцев. Вырастали колонии граждан. Однако собственными ресурсами приграничных провинций воины обойтись не могли. Надо учесть, что значительная часть земли была изъята из хозяйственного оборота для чисто военных нужд. Поэтому сюда шли товары из Галлии и Испании, Африки и Италии, из других регионов римского Средиземноморья. Области, расположенные вдоль рейнской границы, почти ничего не экспортировали, а только импортировали. Они были довольно основательно романизованы, но их романизация носила односторонний характер, будучи преимущественно военной.

Большое количество римских войск находилось и в Британии. В ходе завоевания воинские части продвигались к северу, пока не стабилизировались в районе пограничных валов. В их тылу появились четыре ветеранские колонии. Но кроме этих колоний, городов в Британии было мало. Долгое время здесь был всего один *муниципий* — Веруламий. Даже Лондиний (Лондон), довольно крупный ремесленный и торговый центр и фактическая столица провинции, получил статус муниципия, по-видимому, только во II в. Римская армия в Британии была гораздо меньше связана с местным населением, чем рейнская; воины легионов и вспомогательных частей обычно доставлялись с материка. Этническая рознь ограничивала контакты не только действующих частей, но и ветеранов. Колонии в Британии не стали такими очагами романизации, как на континенте.

Земельные участки ветеранов располагались вокруг колоний. К городам и дорогам стремились и виллы романизованных бри-

танцев, связанные с рынком, городским ремеслом и поставками армии. А за этими пределами продолжали жить почти неизменной жизнью британские крестьяне, сохранившие и древние круглые хижины, и доримские способы обработки земли. Конечно, крестьяне платили налоги, для некоторых своих нужд покупали товары на городском рынке, а чаще у странствующих торговцев, кое-что продавали, так что в какой-то степени втягивались в существующую систему товарно-денежных отношений, но в основном сохраняли натуральное хозяйство.

Британию можно рассматривать как переходную к третьей зоне — нероманизованной. На острове имелись и территории, полностью входящие в нероманизованную зону. Это горные районы в центре и на северо-западе, жители которых занимались скотоводством и не поддавались римскому воздействию. Такие нероманизованные районы имелись и в Галлии, и в Испании, особенно в Васконии. Так, в Васконии в полном расцвете существовал родовой строй, даже еще не достигший ступени военной демократии.

Таким образом, в западноевропейских провинциях Римской империи в I—III вв. выделяются три зоны, отличавшиеся степенью романизации: романизованная, менее романизованная и совсем нероманизованная. Конечно, внутри зон имелись региональные различия, их границы не всегда четки, иногда можно спорить об отнесении конкретной территории к той или иной зоне, но в целом три зоны выделяются достаточно ясно.

В романизованной зоне господствовал, а в менее романизованной развивался рабовладельческий античный уклад. Основной ячейкой хозяйственной, общественной и культурной жизни был город римских или латинских граждан с сельской округой. В Галлии роль этой округи играла *civitas*, центром которой был данный город. Земельные владения граждан на городской территории были сравнительно небольшими. В зависимости от характера земледельческих культур, плодородия почвы, плотности населения средний размер таких владений был различен: в романизованной зоне он составлял приблизительно 120—200 югеров, т. е. 30—50 га (в Нарбонской Галлии имения были, пожалуй, несколько большими, чем в Испании); в Трех Галлиях и на Рейне имения были обширнее — 400 югеров, а в некоторых районах Белгики достигали 4000 югеров.

Конечно, и уровень жизни землевладельцев был разным. Наряду с хозяевами небольших имений известны богачи, объединявшие в своих руках по нескольку имений. Таким был, например, испанец Публий Руфий Флавс, завещавший отпущенникам жены пригородное имение, что позволяет предположить наличие у него и других владений. Эннии Юлии в Бетике владели Сенианским и Прибрежным поместьями. В Восточной Галлии известны 13 среднего размера (≈ 400 югеров) имений, зависящих от хозяина одной виллы. Поместья одного владельца могли располагаться в разных местах, даже в разных провинциях,

В имениях, расположенных в романизованной зоне, работали преимущественно рабы. Рабство распространялось (хотя и медленнее) и в менее романизованной зоне, переплетаясь там, однако, с доримскими социальными отношениями. В кельтском обществе Галлии и Британии и у кельтиберов Испании была широко распространена *кlientela*. Теперь это установление внедрялось в сеть античных социальных связей. Клиенты широко эксплуатировались землевладельцами наряду с рабами и даже, может быть, в большем масштабе, чем рабы.

Самую разнообразную ремесленную продукцию изготавливали преимущественно мелкие мастерские. По клеймам амфор, ламп, столовой посуды известны испанские и особенно галльские гончары, в изобилии поставлявшие изделия не только на местный рынок, но и за пределы своих провинций. В таких мастерских тоже использовались рабы, но очень широко был распространен и свободный труд.

Практически во всех западноевропейских провинциях существовала и императорская собственность. Монополией принцепса были рудники, ему принадлежали и некоторые крупные имения — *сальтусы*. Сальтусы отмечены в Белгике, Верхней Германии, Британии, имелись они и в сенатской Бетике. Эти владения не входили в систему городов и *civitates*. Часть их могла обрабатываться рабами, а часть сдаваться мелким держателям. То же самое наблюдается и в рудниках, как, например, в Винакском руднике в Лузитании.

Часть своих земель сдавали в аренду и крупные землевладельцы Трех Галлий, все более закрепляя на земле залутовавшихся в долгах арендаторов. Часть этих крупных землевладельцев составляли сенаторы, чьи владения, как и императорские, изымались из ведения городов.

Провинциальная знать постепенно включалась в правящую элиту Рима. Изредка провинциалы начали появляться на высоких постах еще в конце республики. Таков был, например, гадитанин Корнелий Бальб, друг Цезаря. Он входил во всадническое сословие, но близость к диктатору давала ему огромную власть. Его племянник Бальб Младший уже стал сенатором и оказался последним лицом, не принадлежавшим к императорской фамилии, получившим при Августе триумф.

Практика привлечения провинциалов к государственным постам еще больше распространилась при Империи по мере романизации провинций. Клавдий ввел в сенат знать галльского племени эдуев, старых союзников Рима. Хотя италийская знать по-прежнему сохраняла относительное большинство в сенате, число провинциалов там увеличивалось. Оно не было равномерно распределено по разным странам Запада. Испанцы в сенате были представлены больше, чем галлы. Например, при Траяне известно происхождение 153 сенаторов; из них 27 (17%) составляли выходцы из Испании и только 11 (7%) — из Галлии. То же относится к всадникам, занимавшим какие-либо посты в

имперской администрации. В I—II вв. таких всадников, происходивших из Испании, было 19 (11% известных нам лиц), а из Галлии — 9 (5%). Конечно, эти цифры надо принимать с оговоркой, но все же они дают представление об относительной роли местной элиты в правящих кругах Империи.

Может быть, относительно меньшая роль галлов объясняется явлением, отмеченным некоторыми исследователями. В Галлии в I в. не раз вспыхивали восстания, обычно руководимые местными аристократами, имевшими римское гражданство. Репрессии после подавления восстаний, видимо, подкосили какую-то часть знати. В надписях богатых галлов II в. редко люди, носившие гордые имена Юлиев и Клавдиев, получившие гражданство от Цезаря и первых императоров. Их место занимают, вероятно, «новые люди», в меньшей степени вовлекавшиеся в общеримскую элиту.

Наряду с основными социально-экономическими укладами в западноевропейских провинциях существовал и крестьянско-общинный. Свободные крестьяне не исчезли, они имелись во всех провинциях, во всех зонах романизации. Некоторые общины принесли с собой италийские переселенцы; другие возникли в результате разложения родовых общин, как это можно видеть и менее романизованной зоне Испании; третьи явились результатом внедрения в провинциальное общество местных объединений, как это имело место в Галлии.

В центре и на северо-западе Испании, в ряде районов Галлии (особенно на северо-западе — в Арморике), в Британии сохранялись родо-племенные отношения³.

Таким образом, ни с точки зрения романизации, ни с точки зрения социальных отношений западноевропейские провинции Римской империи в I—II вв. не представляли единства. И все же ведущее место занимала романизованная зона с господствующим в ней рабовладельческим укладом. В хозяйствах рабовладельцев и землевладельцев античного типа создавалась основная масса продуктов, игравших важную роль в имперской экономике. Города романизованных провинций были главными плательщиками налогов. Рабовладельцы этих провинций были одной из важнейших опор императорской власти. Рабовладельческая знать западных провинций включалась прямо или косвенно в правящий класс государства. Поэтому независимо от того, как складывались отношения в конкретных районах, в целом общество западноевропейских провинций было рабовладельческим античным.

³ При оценке степени романизации Британии нужно учитывать, что там она завершилась позднее, чем в других регионах Империи. Наряду с небольшим числом муниципиев и колоний (а также племенных столиц), там было много так называемых маленьких городов, построенных по образцу римского муниципия. Эффект романизации проявился в Британии лишь к III—IV вв., когда основные районы Империи испытывали кризис. — *Примеч. ред.*

4. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ПРОВИНЦИИ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Со второй половины II в. в Галии, Испании и Британии нарастают элементы кризиса. Увеличивается опасность варварского вторжения.

Неспокойно было не только на границах. В Галлии дезертир Матерн собрал целую армию из таких же дезертиров, беглых рабов и разорившихся крестьян и стал грозой землевладельцев Галлии и даже северной части Испании. С трудом Коммоду удалось подавить это движение, ставшее первой ласточкой нового подъема классовой борьбы.

Не меньшее значение имеют другие факты. Вот один испанец благодарит Антонина Пия за освобождение его отпущенника от обязанностей *севирата*, т. е. позволение не входить в коллегию жрецов императорского культа. А совсем недавно выполнение этой обязанности было пределом мечтаний вольноотпущенников! Все меньше средств вкладывают частные лица в украшение городов и строительство монументальных сооружений. Зато в сельской округе вырастают роскошные виллы. Начался отток богатств из города. Крупные землевладельцы «округляют» свои владения за счет мелких и средних соседей. В 70—80-х годах II в. перестраивается Шираганская вилла в Галлии, превращаясь в роскошный дворец и центр огромного имения, раскинувшегося на несколько тысяч гектаров. Начавшуюся концентрацию можно заметить и в ремесле. Это все свидетельствует о наступающем кризисе античной мелкой и средней собственности и муниципального устройства.

В гражданской войне 90-х годов II в. западноевропейские провинции оказались под властью одного из претендентов на трон — Клодия Альбина. Но и его соперник Септимий Север имел там сторонников. На стороне Севера, например, выступил единственный в Испании легион; города же романизированной зоны Испании стояли за Альбином. В 197 г. около Лугдуна Альбин был разгромлен и покончил с собой. На его сторонников из числа сенаторов и муниципальных землевладельцев Галлии и Испании обрушились жестокие репрессии. За счет конфискаций здесь увеличилась крупная собственность императора и его сторонников. Удар частной торговле горожан нанесло то, что император взял в свои руки торговлю рядом товаров, в том числе оливковым маслом; торговлю расстраивала и инфляция, проводимая Северами.

С другой стороны, военная реформа Септимия Севера, легализовавшая, в частности, солдатские браки и создававшая военные поселения на легионных землях, привела к возникновению на Рейне солдатских средних владений (размером около 400 югеров). Рядом с их виллами появились керамические и стекольные мастерские. Получение гражданства по эдикту Каракаллы теми провинциалами, которые его еще не имели, требова-

ло и перестройки в ряде случаев местного управления. Возможно, что это ускорило некоторую романизацию Британии и способствовало подъему ее экономики.

Таким образом, меры императоров из династии Северов способствовали подъему некоторых районов, ранее большой экономической роли не игравших, и упадку наиболее развитых. Центр тяжести экономического и социального развития начал перемещаться из Южной и Восточной Испании в Центральную, Западную и Северо-Западную, из Южной Галлии в Северо-Восточную, т. е. туда, где сохранялись элементы доримских социальных отношений, где существовали крупные имения, обрабатываемые не столько рабами, сколько клиентами и кононами.

Апогей кризиса наступил после убийства на Рейне взбунтовавшимися солдатами императора Александра Севера в 235 г. Западные провинции, как и всю Империю, охватила эпидемия бесконечных гражданских войн и узурпаций. Такой обстановкой воспользовались варвары. Гражданские войны и германские вторжения вызвали обострение классовой борьбы. Галлию охватило движение багаудов.

Глубочайший хозяйственный упадок, разрыв старых связей, политический хаос были характерны для западноевропейских провинций до середины 80-х годов III в., когда они вместе со всей Империей начали выходить из кризиса. Жизнь восстанавливалась на новых началах.

Во всех западных провинциях, кроме рейнской границы, широко распространились усадьбы-виллы, бывшие центрами обширных латифундий. В Южной и Восточной Испании и Южной Галлии латифундии, как правило, создавались в результате слияния нескольких небольших имений, зачастую принадлежавших ранее разным собственникам. Большинство владельцев латифундий — новые люди, не связанные со старой городской и провинциальной элитой.

Города в этой зоне не исчезли, но их размеры сократились, как это видно на примере Немавса и Арелата в Галлии или Тарракона в Испании, где еще в V в. были видны разрушения III в. Потеряли значение такие символы городской жизни, как театры: так, в Малаге и Арелате они застраиваются жилыми домами. Но сохранилась муниципальная организация. Власть города по-прежнему распространялась на окружающую территорию, хотя та и уменьшилась из-за развития частных латифундий и императорских имений. За городами сохранялось право и даже обязанность иметь свои вооруженные силы.

Экономическое значение города упало. С растущей хозяйственной автономией крупных имений и упадком торговли уменьшилась роль городского рынка. Некоторые виды ремесла, погибшие в III в., так и не возродились. Другие снова набрали силу, как производство керамики и стекла (последнее особенно на Рейне). Но качество значительно уступало изделиям II в.

Таким образом, в романизованной зоне отмечается сосуществование старого античного и нового латифундиального укладов. Носителем первого оставался город, который в рамках древности не феодализировался.

И снова надо особо выделить зону рейнской грапицы. Эта территория уменьшилась, так как в III в. римляне покинули Декуматские поля. На левом берегу Рейна преобладающим населением стали воины-пограничники — *limitanei*, бывшие одновременно землевладельцами. Их средние владения размером около 400 югеров преобладали в пограничных провинциях. Постоянная опасность варварских вторжений и сознательная политика правительства, видевшего в воинах-землевладельцах, лично заинтересованных в защите границы, оплот от вторжений, не давали возможности развиваться здесь крупному землевладению. Только в тылу вокруг Августы тревиров возникло крупное императорское хозяйство.

В условиях экономического упадка и общей патурализации экономики рейнские пограничники не могли рассчитывать на приток товаров из других провинций. Поэтому произошло некоторое возрождение местного ремесла. Хозяева имений стремились производить все необходимое, даже порой добывая и обрабатывая железную руду. Будучи средними владениями, обрабатываемыми рабами (а не колонами), эти имения стремились к такой же экономической самостоятельности, как и огромные латифундии.

В поздней Империи центр экономического и социального развития передвигается в зону, которая в I—II вв. была менее романизована. Здесь и раньше городов было меньше, а теперь большинство из них переживало значительный упадок. На первое место выдвинулась сельская округа. Это подтверждается интересным явлением. В провинциях бывших Трех Галлий старые названия городов исчезают из употребления. Теперь чаще стали говорить не о городе, а о *civitas*, центром которой был этот город, а сам город как бы смешивается с округой. Так, Лютецию стали называть Цивитас паризиев (отсюда Париж), Дурокорт — Цивитас ремов (Реймс), Августорит — Цивитас лемовиков (Лимож) и т. д. Ни на юге, ни на Рейне такого не происходит. В экономике этой зоны ведущую роль играют латифундии, обрабатываемые колонами, а в ряде случаев, как в зоне рудников, — императорская собственность. Таким образом, крупная внегородская собственность здесь господствовала.

Хозяева латифундий включались в правящую элиту поздней Империи. Это преимущественно люди, не связанные с прежним господствующим слоем. Так, происхождение императора Феодосия можно проследить только до деда Гонория. Отец видного галльского поэта, политического деятеля и крупного землевладельца Авсония был скромным врачом, не очень-то хорошо знавшим латынь. Испанец Ацилий Север, поддержав в гражданской войне Константина, с победой последнего поднялся до самых вер-

хов аристократии. И все эти люди — не потомки италийских переселенцев, а представители местной знати.

Кризис рабовладельческого общества, нанеся удар элементам римского мира, существовавшим в этой зоне, способствовал развитию туземного. Это развитие состояло в первую очередь в преобразовании местных социальных структур. В Испании оно шло в двух направлениях: превращения родовых общин в территориальные и образования латифундий. В Галлии отмечается исчезновение сельских объединений, растворившихся в латифундиях.

Развитие туземного мира вызвало так называемое кельтское возрождение. Об этом можно судить, в частности, по находкам керамики: сосуды римского типа заменяются иными, воспроизведшими формы и украшения доримского времени. Другое проявление этого «возрождения» — возобновление почитания местных божеств.

Однако надо иметь в виду, что все эти территории оставались в составе Римской империи. Здесь стояли римские войска, остававшиеся, несмотря на варваризацию, существенным элементом римского общества и государства. Все население жило по римскому праву. Экономические связи с другими частями государства ослабли, но не прервались полностью. Языком населения оставался латинский. Местные латифундисты включались в элиту именно римского государства. Таким образом, речь идет не столько о победе местного мира над римским, сколько о слиянии ослабевшего римского и усилившегося туземного в один, обладавший качествами, отличными и от родового кельтского, и от античного римского. На обширных пространствах менее романизованной зоны Испании и Галлии возникает общество романо-кельтского синтеза. В Британии же более резкие различия между римлянами и британцами привели, вероятно, к тому, что здесь два мира по-прежнему существовали раздельно.

Итак, в романизованной зоне отмечается сосуществование городского и латифундиального укладов, в менее романизованной — господство последнего. На востоке и юге Испании и юго Галлии в элиту вошли некоторые потомки итало-римских колонистов и глубоко романизованного местного населения, на остальной территории — представители менее романизованного туземного мира. В одной зоне новое общество рождалось в результате разложения античного, а в другой — в ходе романо-кельтского синтеза. Особое место в этом отношении занимали Британия, где не наблюдалось синтеза, и Рейнская область, в которой искусственно поддерживались отношения античного типа.

Различен был и идеологический ответ на кризис старого мира. Романизованное население ответило на распад римских цепностей принятием христианства. На широких просторах менее романизованной зоны происходит возрождение старых культов. Но постепенно с развитием позднеримских порядков христианство, ограниченное сначала городами, распространяется на более обширные районы, в том числе и на сельские. Перелом произо-

шел во второй половине IV в. Но еще долго даже после объявления христианства единственной легальной религией ему приходилось бороться с язычеством и его остатками, особенно в деревнях.

С конца III в. в Галлии и в меньшей степени в Испании поселяются германцы, которых императоры использовали для защиты Империи от их зарейнских соотечественников. Эти люди принесли сюда новые элементы общинного уклада. Поселение варваров было для ослабевшей Империи необходимостью, так как своими силами императоры уже не могли эффективно защищать западные провинции от варварских вторжений, а собственников этих провинций — от классовой борьбы.

Сохранение империи и ее общественного строя было главной целью политических мероприятий властителей поздней Империи, которые коснулись и западных провинций. Диоклетиан для удобства управления разделил провинции на более мелкие, причем старое деление на сепатские и императорские было упразднено. Константин после очередной гражданской войны восстановил единство государства и продолжил создание новой административной системы. Провинции были объединены в *диоцезы*, а последние — в *префектуры*. Все западноевропейские провинции вошли в префектуру Галлию, включившую четыре диоцеза — Британию, Северную Галлию, Виенский диоцез и Испанию. На границах стояли пограничники, внутри провинций — постоянные войска.

Но политическое положение все ухудшалось. Варвары все чаще прорывались в Галлию. Нарастала и классовая борьба. С распространением христианства одной из ее форм стали ереси. В Испании и на юго-западе Галлии распространилось присциллианство, в других районах Галлии — пелагианство. Их объединяло представление о личной ответственности человека перед богом, что логически вело к отрицанию роли церкви, все более становившейся эксплуататорской силой.

Когда в 395 г. Римская империя распалась на Западную и Восточную, Испания, Галлия и Британия вошли в состав первой. Правительство Западной Римской империи пыталось не допустить варварских вторжений, но это ему не удалось. С варварскими завоеваниями и падением Западноримской империи древняя история европейского Запада закончилась.

Лекция 6

РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО
В ЭПОХУ РАННЕЙ ИМПЕРИИ

В основе ранней Римской империи как исторического явления лежит противоречие между созданным Римом огромным единым государством и полисным укладом, продолжавшим жить в недрах этого государства. Оба были обусловлены социально-экономической природой античного мира, который, по замечанию Маркса, не строил свое производство «на развязывании и развертывании материальных производительных сил» и состоял из «в сущности бедных наций»¹. На протяжении всей своей истории он в различной мере и форме сохранял черты, естественные для относительно ранней и относительно примитивной стадии общественного развития: земля как основа собственности и состояния; тяготение к натуральному хозяйству, возделываемому трудом «фамилии» и кормящему ее; община, семья и род — вообще принадлежность к целому как условие человеческой полноценности; гражданская община как наиболее естественная и совершенная форма такой целостности; острое ощущение различия между собственно общиной и необщиной, гражданами и негражданами. Город-государство — будь то римская гражданская община или греческий полис — и представлял собой социальную, политическую и культурную форму, неразрывно связанную с таким уровнем развития производительных сил и миропорядком, который этому уровню соответствовал.

Сколько-нибудь значительное историческое развитие поэтому не могло вписаться в тесные рамки полиса, разлагало его, ввергало в жесточайшие кризисы и приводило к периодическому созданию надполисных структур — огромных государственных образований вроде эллинистических монархий; в известном смысле

¹ Маркс К. Теория прибавочной стоимости. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, Изд. 2-е, Т. 26. Ч. 11, с. 587.

Римская империя представляла собой явление того же порядка. Но ограниченность производительных сил «всех этих в сущности бедных наций» приводила не только к постоянным кризисам полисного мирка, но и к постоянному сохранению гражданской общины как формы, наиболее адекватной обществу с относительно низким уровнем и темпом хозяйственного развития, с вечно присущими ему элементами патриархальности и застоя. В эпоху ранней Римской империи производительные силы рабовладельческого общества достигают своего высшего развития, и поэтому надполисная государственность именно в этот период становится наиболее исторически необходимой и оправданной. Но поэтому же взаимодействие ее с имманентным этому обществу полисным укладом становится предельно напряженным и разрешается крушением всей системы. Ранняя Римская империя — последняя стадия собственно античной истории.

Полюсы описанного противоречия располагались в разных исторических уровнях. Создание и утверждение империи осуществлялось прежде всего военно-политическими мерами и находило себе выражение в эдиктах и законах, походах и усмирениях, интригах и заговорах. Элементы общественной жизни, непосредственно восходящие к общине, образовывали, напротив того, стихию народного бытия и выражались в консервативных формах труда и быта, в традиционных нормах поведения, в сакральной и культовой архаике. Неповторимый облик эпохи связан с этим контрапунктом глубины и поверхности, с сосуществованием стремительных наглядных перемен и едва ощутимых сдвигов в подземных слоях, с внутренней перестройкой последних под влиянием первых.

Задача настоящей лекции будет состоять в том, чтобы рассмотреть оба полюса и их взаимодействие с преимущественным вниманием к той сфере, в которой оно реально протекало, — к повседневной жизни широких масс.

4. ПРИНЦИПАТ И ОБЩИНА

Римская действительность эпохи принципата была насыщена пережитками общинного уклада. Подчас то были даже не пережитки, а органические элементы жизни, растворенные в ней воззрения, привычки, традиции. Они находили себе выражение в отношениях собственности, в политике императоров, в нормах общественного поведения.

Деревня (по крайней мере италийская) и в I в. н. э. по-прежнему была не только поселением, но и организацией со своим выборным руководством, своими религиозными верованиями и церемониями. Здесь сохранялись многие пережитки общинной собственности на землю, и имущественная рознь не была столь обнаженной и безжалостной, как в больших городах, приглушалась традициями общинного равенства и солидарности. В спи-

сках юношеской коллегии того или иного поселения фигурируют на равных основаниях свободнорожденные крестьяне, рабы, отпущенники и сыновья сенаторов-аристократов. Поместья последних, выделенные из общины, сохраняли с ней связи, судя по тому хотя бы, что владельцы их сооружали на общинной территории святилища для всеобщего пользования. Помощь соседу, чьи посевы или посадки пострадали от стихийных бедствий, считалась обязательной. Жители поселения на общие средства не только возводили хозяйственные постройки, но и устраивали театральные представления, а по торжественным дням — совместные трапезы. Все это постоянно гибло под напором имущественной дифференциации и растущего государственного принуждения, но в то же время и как-то выживало, и постоянно возрождалось — надписи, где содержатся данные о перечисленных особенностях сельских общин, обнаруживаются на протяжении периода от конца республики до конца правления Антонинов.

В городе также основой существования полноправного гражданина, как и некогда, оставалась земля. В собственности такого человека на землю был ряд особенностей, указывавших на живучесть общинных норм и представлений. «Каждый,— писал Цицерон,— владеет как собственным тем, что по природе было общим, и пусть держится того, что у него есть, не пытаясь захватить больше, ибо этим он нарушит законы человеческого общежития». За таким восприятием собственности стояла жизненная практика, закрепленная в юридических актах и этого и последующего периодов. Если человек купил землю, то по римским законам власть его на нее меньше, чем власть того, кто владеет ею по праву наследования, ибо последнее восходит к изначальной, общинной оккупации некогда ничьей земли, а первое — нет. Если человек владеет землей как собственностью, но приобрел ее как бы впрок и не возделывает, он не приносит пользы обществу, и поэтому земля может быть у него отнята. Критерием и санкцией частной собственности на землю продолжает оставаться, таким образом, вложенный в нее труд и извлеченный из нее продукт, т. е. соответствие интересам общины.

Связь принципата в ранний период его существования с доимперскими, традиционными и местными, общественными формами обнаруживалась не только в Риме и Италии, но и в провинциях, в первую очередь западных. Раздел земли после римского завоевания производился здесь таким образом, что известная ее часть оставалась в коллективном владении племени, а это определяло общинные формы ее эксплуатации и укрепляло общину. В провинциях правовые нормы, регулировавшие жизнь общества, не исчерпывались римскими законами; рядом с ними и под ними продолжали жить исконные, сложившиеся в недрах общинного уклада местные установления. В III в., когда кризис империи обострился до предела, а аппарат подавления ослабел, в некоторых провинциях выступил на поверхность целый ряд этнических особенностей, казалось давным-давно поглощенных

романизацией. Законную силу получают завещания, составленные не только по-латински, но и на местных языках; в лагерях легионов звучит туземная речь; в изобразительном искусстве вновь распространяются орнаментальные мотивы и сюжеты доримского времени. Оттесненная от больших городов, в глубине провинций веками продолжала исподволь течь своя история, укорененная в здешней почве и здешней старине.

Императоры последовательно принимали меры, направленные на поддержку общины, прежде всего сельской. Так называемый пастбищный *servitut*, т. е. ограничение права частной собственности на землю, используемую членами общины для выпаса скота, появляется именно при империи. Домициан отказался в пользу общины от своего права императора на участки, оставшиеся после распределения земли между ветеранами. На протяжении II в. нежелательность дробления общинной земли становится все более очевидной, и вскоре появляется ряд актов, это подтверждающих. В течение периода ранней империи приписываются также законы, направленные на поддержку и укрепление среднего и мелкого крестьянства, в частности италийского. Они, разумеется, имели прежде всего экономический смысл, но служили и сохранению социального слоя, бывшего носителем наиболее консервативных сторон староримского мирозерцания, наиболее непосредственно связанного с общинными традициями и формами жизни.

Чем объяснялась такая политика принцепсов, главная задача которых состояла, казалось бы, в обратном — в растворении местных, в частности общинных, форм жизни в бесконечности и единообразии империи? Она объяснялась тем, что империя создавалась под руководством Рима и принцепсам было важно утвердить римские порядки и римские традиции. В пределах же последних императорам необходимо было противопоставить свой режим хищнической и предельно непопулярной власти сепатской олигархии последних десятилетий республики. «Римским» в этих условиях становилось в первую очередь все патриархально-народное, все, призванное воссоздать и утвердить образ Рима — гражданской общины.

Власть Августа основывалась на военной силе и юридически оформленных полномочиях, но он постоянно и усиленно заботился о том, чтобы в массовом сознании она опиралась на представления иного порядка, лишённые четкого правового содержания, в которых легенда стала народным чувством, а традиция — общественной психологией: власть отца семьи над членами фамилии, право вождя племени вершить суд, круговую поруку, соединявшую полководца и солдат, кровительство патрона клиентам, авторитетность в общественных делах, первое место в списке сенаторов. Императоры вообще изображали свой строй не в виде противоположности гражданской общине и городской республике как ее политической форме, а в виде их продолжения. При них сохранился республиканский аппарат государст-

венного управления. В своем политическом завещании Август писал, что он «вернул свободу республике, угнетенной заговорами и распрями», и что сам он никогда не принимал никаких должностей, «противоречащих обычаям предков». Слова «восстановленная республика» или близкие им по смыслу повторяются на монетах ряда императоров I в. В определенных условиях почти все они подчеркивали, что считают себя не монархами, а гражданами республиканского государства, лишь получившими от сената и народа особенно широкие полномочия. Выше говорилось о том, что полисному миру была органически свойственна противоположность граждан и неграждан, а в пределах самой общины — собственно граждан и плебса. Императоры I в. проводят ряд мер, направленных на укрепление этого принципа. Август не одобрял широкий отпуск рабов на волю, ограничил права отпущенников, очень скупо давал римское гражданство. Тиберий запретил чужеземные культы и отказывался признавать правовое значение постановлений, принятых его уполномоченными отпущенниками. При Клавдии были усилены наказания за сожительство свободных женщин с рабами, так как это открывало последним или их детям возможность войти в число граждан.

Звание патриция, устанавливавшее, хотя и номинально, связь данной семьи с легендарными основателями римской гражданской общины, было окружено величайшим почетом; Август, Клавдий, Веспасиан присваивали его ограниченному кругу самых верных своих сторонников.

Было бы наивно видеть в таком поведении императоров одно лишь «лицемерие». Дело тут было не в лицемерии. Уходящая в глубь гражданской общины вековая связь традиций, верований, полусознанных убеждений и укоренившихся навыков так плотно охватывала жизнь, что первые императоры видели свою задачу не в том, чтобы ее порвать, а в том, чтобы вратить в нее создаваемый ими режим.

«Связь между людьми, принадлежащими к одной и той же гражданской общине, — писал Цицерон, — особенно крепка, поскольку сограждан объединяет многое: форум, святилища, портики, улицы, законы, права и обязанности, совместно принимаемые решения, участие в выборах, а сверх всего этого еще и привычки, дружеские и родственные связи, дела, предпринимаемые сообща, и выгоды, из них истекающие». Здесь дана сводка тех черт, в которых проявлялись традиции былой солидарности членов гражданской общины. Нам остается проиллюстрировать их материалом, показывающим, что они сохранились на протяжении по крайней мере еще двух столетий, что они были крепкими и всеобщими, что, используя их, принцепсы лишь доказывали, как хорошо они понимали свое время.

Форумы, святилища и портики были, по свидетельству Марциала, теми местами, где постоянно собирались люди, рождались слухи, передавались новости. Жизнь римлянина

включала в себя огромное количество обрядов и церемоний, участие в которых представлялось обязательным, и протекали такие церемонии чаще всего на форуме, в портиках, на улицах. Подобный характер общественной жизни делал людей особенно чувствительными к оформлению постоянно их окружавшей материально-пространственной среды города, и вкладывание частных средств в ее усовершенствование, в создание и украшение общественных сооружений остается вплоть до середины II в. повсеместной формой выражения чувств гражданина к гражданской общине. «По побуждению Августа самые видные мужи старались украшать город», — пишет историк I в. Веллей Патеркул. В Риме это обыкновение вскоре вывелось, но в городах Италии и провинций удержалось еще надолго. В своем родном Комуме, на севере Италии, Плиний Младший отстроил в 90-х годах I в. библиотеку, а несколько раньше его отец — храм. Сенатор Юлий Целз Полемеап, родом из Эфеса в Малой Азии, в начале II в. соорудил знаменитую в древности эфесскую библиотеку. Император Элий Адриан подарил испанскому городу Италике, откуда происходила его семья, множество роскошных зданий.

Улица в Риме была не столько артерией, соединяющей два района, сколько сама представляла собой район, русло, в которое впадали прилегающие улочки и вместе с которыми она образовывала микрораселение, городок в городе. Такое микрораселение еще и в эпоху ранней империи имело свое летосчисление, в котором год обозначался по имени его главы — так называемого магистрата. Последнего сопровождали два ликтора, чьи фасцы напоминали всем о праве вождя распоряжаться жизнью и смертью соплеменников. Два раза в год, 1 мая и 1 августа, квартал торжественно отмечал праздники своих богов-покровителей. Новая, имперская действительность была здесь сплавлена с бесчисленными пережитками седой старины, с тем же духом дробности, стяжения жизни в мельчайшие самостоятельные ячейки, который был присущ всему античному миру и постоянно жил в его глубинах.

Святылища в городах империи существовали самые разные, но особенно важное значение имели религиозные представления, связанные с отдельными кварталами города. В основе их лежало почитание ларов — местный, интимный культ, объединявший мелкий люд квартала. Такие лары были покровителями отдельных улиц и почитались на их перекрестках. Святылища этих культов оформлялись по-разному, но всегда незатейливо. В лучшем случае это были часовенки — тесные, открытые на улицу комнатки частного дома, где умещались лишь каменная скамья, алтарь и ниша с изображением ларов и гения-покровителя хозяйства; иногда — просто ниша, куда складывались жертвенные дары, а чаще — маленькие алтари, вделанные в стену дома или прислоненные к ней, с нарисованными рядом змеями или с изображением жертвоприносителей.

Совместно принимаемые решения были особенностью жизни римлян, просуществовавшей всю тысячу лет их истории. Обыкно-

вание это полностью сохраняло свою силу и в I и во II вв. н. э. Ни один человек, от императора до крестьянина, не принимал сколько-нибудь серьезного решения единолично. Советовались обо всем — продолжать ли лечиться или, если болезнь неизлечима, покончить с собой; женить ли сына или пока лучше воздержаться; приветствовать ли очередного императора или сохранить верность старому. Архитектор Витрувий в начале I в. писал, что, проектируя большие дома, необходимо предусматривать специальные комнаты для совещаний с друзьями. Состав друзей, с которыми надлежало советоваться, был разнообразен, но преобладали среди них земляки. Дружеские и родственные связи, о которых говорит Цицерон, были главным образом местными; их сила и крепость показывают живучесть территориальной организации и ее общинных черт, которые продолжали пронизывать всю государственную систему. Эти связи обуславливали продвижение человека по службе и его политическую ориентацию. «Ты мой земляк, — писал в самом конце I в. н. э. одному из своих корреспондентов Плиний Младший, — мы вместе учились и с детства жили вместе; отец твой был другом и матери моей, и моему дяде... Все это важные и веские причины, чтобы мне заботиться о твоём общественном положении». Группировки земляков представляли собой политические союзы, игравшие важную роль в общественной жизни Рима. Они вырастали из родовых, семейных, местных связей, из общности хозяйственных интересов и делали политическую жизнь их непосредственным продолжением. Эволюция принципата на протяжении I в. шла по линии замены родственных и местных связей более формальными, деловыми и служебными, но Веспасиан еще предпочитал замещать ключевые государственные должности своими сыновьями и родственниками, а Адриан никогда не стал бы принцем, не будь он земляком и свойственником Траяна. Существует точка зрения, согласно которой наиболее активная группа противников Нерона и Флавиев в сенате — Траез, Гельвидий, Рустик, о которых так много и ярко рассказывает Тацит, — представляла собой не что иное, как союз сепаторов из Патавия и прилегающих городов, связанных общностью происхождения, соседством имений, родственными отношениями.

Жизнь людей в империи не обособилась от своего неторопливого — натурально-хозяйственного, общинного, полисного, местного — прошлого. На протяжении всей эпохи именно оно образовывало атмосферу и фон их существования.

2. PAX ROMANA

Все сказанное выше составляло лишь одну сторону дела. Непосредственной предпосылкой возникновения принципата явился кризис полиса, вызванный несоответствием его политического механизма изменившемуся характеру Римской державы. Главной целью политики принцев было устранение такого несоответствия. Суть ее выражалась в формуле *pax Romana*,

В первом своем значении слова *paх* выражает «мир» как противоположность *bellum* — «войне». Императоры с самого начала подчеркивали, что целью их политики является не столько покорение новых территорий, сколько освоение и романизация уже занятых, отказ от грандиозных и непрерывных завоевательных походов республиканского времени. Двери храма Януса, которые по римскому обряду полагалось держать открытыми, пока государство находится в состоянии войны, и которые стояли распахнутыми более двухсот лет, при Августе закрывались трижды. Август отстроил грандиозный Алтарь Мира, и, явно подражая ему, соорудил свой Форум Мира Веспасиан. Монеты с легендой «мир», «Августов мир», «мир во всем мире» представлены многочисленными сериями на протяжении всего I века. Связь принципата с идеей мира подчеркивали римские историки самых разных направлений — от Веллея Патеркула до Тацита.

Политика отказа от новых широких завоеваний была обусловлена объективно: захват новых рабов и богатств перестал быть условием развития римской экономики; империя достигла предельных размеров, и дальнейшее ее расширение могло оказаться несовместимым с самим принципом управления из единого центра; рост завоеваний предполагал рост и усиление армии, которые империя могла не выдержать ни экономически, ни политически; между римским и внеримским миром установилось то равновесие сил, нарушать которое было нецелесообразно и — как показал парфянский поход Траяна — чрезвычайно опасно. Поэтому политика *paх Romana*, несмотря на ряд более или менее значительных походов и почти непрерывные боевые действия на границах, в общем оставалась стабильной и осуществлялась успешно — для большинства областей Римской державы период от рубежа нашей эры до середины II в. действительно представляется эпохой мира.

Но кроме «войны» понятию *paх* могло противопоставляться и еще одно — *discordia* — «вражда, распря, смута». В эпоху кризиса республики социальные и общественно-политические противоречия в Риме обострились до предела и превратили государство в арену борьбы знатных родов, соперничества сенатских клик, междоусобных войн. Обеспечение «гражданского мира» было главным лозунгом Августа в его борьбе за власть, и созданный им строй оказался столь прочен еще и потому, что он удовлетворил эту общую потребность. В основе Августова «умиротворения» лежал принцип личной диктатуры императора, призванного не столько учитывать интересы той или иной местной группы, сколько обеспечивать развитие империи в целом. На практике такое «умиротворение» означало широко и глубоко проведенную монополизацию политических решений принцем и его ближайшим окружением и соответственно отделение народа от политики, переставшей быть близким и жизненно важным для него делом. Как следствие этого центром сопротивления императорскому «умиротворению» явились общественные группы, сам смысл существования которых состоял в политическом руководстве, т. е.

раьше всего сенаторы; и реализация политики *pax Romana* потребовала осторожного, но неуклонного ограничения роли сената и постепенного создания внесенатского аппарата управления империей.

На первых порах императоры пытались создать такой аппарат из своих вольноотпущенников. При Тиберии, а особенно при Клавдии и Нероне эти люди много сделали для налаживания имперской администрации, независимой от сенатских страстей и интриг. Из них состоял своеобразный «кабинет министров» при императоре, где каждый отпущенник руководил отдельным ведомством — финансами, прошениями, деловой перепиской и пр., из них же комплектовался штат каждого такого ведомства — помощники, поверенные, писцы, счетоводы. Уже очень рано, однако, рядом с внесенатской отпущеннической администрацией начинает складываться внесенатская администрация из всадников. Август назначил в каждую провинцию помимо наместника из сенаторов так называемого *прокуратора* из всадников. Задача его состояла в сборе налогов в императорскую казну — фиск, но в не меньшей степени и в паблюдении за наместником вплоть до — если понадобится — его устранения. Соответственно прокураторы чаще всего паходились с паместниками в лютой вражде, которая вызывалась разницей в их происхождении, традициях, психологическом облике. Наместником, как правило, был пожилой или средних лет сенатор, в I в. н. э. еще обычно из старого римского рода, относившийся к императору опасливо и настороженно, выше всего ставивший свои привилегии и независимость и ненавидящий саму мысль о том, чтобы стать винтиком в безликой государственной машине. Прокуратором почти всегда — провинциал, десятилетиями тянувший лямку в легионах, дослужившийся до средних командных должностей, после демобилизации, уже старым человеком, получивший прокуратуру (и солидное жалованье) прямо от императора и ответственный только перед ним, не привыкший иметь собственное мнение по вопросам, его не касающимся, готовый выполнить любой приказ своего государя. Люди этого последнего типа столь же явно подходили для создания единого, чуждого всему местному и традиционному аппарата управления империей, сколь люди первого типа были для него малопригодны.

На протяжении I и пачала II в. прокураторская администрация складывается, упорядочивается, растет вширь и вглубь. При Августе прокураторов было 25, при Веспасиане уже 55. В 53 г. Клавдий приравнял прокураторов к магистратам и дал им право юрисдикции и военного командования. В 69 г. Вителлий² стал замещать всадниками также и те посты в имперской администрации, которые до тех пор занимали отпущенники. Полувеком поз-

² Вителлий — одип из педолго правивших императоров периода гражданской войны 68—69 гг.

же Адриан дополнил и развил эти меры. Внесенатская администрация становилась единой системой государственного управления.

В главную политическую формулу ранней империи входило кроме слова *rex* и другое — *Romana*. Оно означало прежде всего, что земли, образующие империю, — «римские», т. е. находятся в прямом подчинении Риму, управляющему ими на основе военной силы. Но вместе с тем слово *Romana* передавало и то общее качество, которое на протяжении эпохи принципата постепенно приобретали все земли империи в результате романизации.

Забота о превращении империи в единообразную систему пронизывает деятельность римской администрации на протяжении всей эпохи. Империя организована вокруг единого центра — Рима. Рим разделен на 14 районов; во главе каждого — свой прокуратор; все прокураторы подчинены префекту столицы; в его руках когорты городской стражи, пожарники, тайные агенты, которые вместе обеспечивают беспрекословное выполнение его указаний. В империи множество городов, каждому из которых подчинена определенная территория с определенным населением — как Риму вся империя. Города делятся на разряды. Есть колонии, с самого начала заселенные полноправными римскими гражданами; есть муниципии, в провинциях обычно существовавшие до прихода римлян и лишь постепенно добывавшиеся гражданское полноправие. Повторяя деление Рима на районы, империя делится на провинции. Во главе каждой из них стоит римская администрация, которая обеспечивает сбор налогов, контролирует выполнение законов, следит за денежно-финансовым положением, строит дороги и города. Деньги, дороги, градостроительство — все направлено к единой цели: созданию механизма, стирающего местную самостоятельность и подчиняющего жизнь господству римлян.

Трудно представить себе то бесконечное многообразие монет и денежных систем, которое царило в отдельных областях средиземноморского мира в доримскую эпоху. С установлением империи города и области, сохранившие право на собственные эмиссии, чеканят только медную монету местного обращения. Над этими многообразными, местными и потому в массовом сознании не совсем полноценными деньгами стоят единственные подлинные, всеобщие деньги: римский серебряный *сестерций*, серебряный *денарий* (4 *сестерция*), золотой *аурес* (100 *сестерциев*). Право на их чеканку — монополия императора, и его изображение всегда и всюду украшает их лицевую сторону. Содержание благородных металлов в них на протяжении описываемого периода до середины II в. меняется мало, и люди воспринимают их как единый и неизменный эталон ценности. Зримо и конкретно воплощают они единство жизни в империи — сделки с уплатой в денариях засвидетельствованы документами из самых отдаленных уголков Сирии и Испании, Италии и Дакии.

Столь же простым и непреложным выражением единства империи и постоянной взаимосвязи всех ее частей были знамени-

тые римские дороги. Общая протяженность их составляет 150 тыс. км (при расстоянии между крайними точками империи 5 тыс. км), и все они как бы расходятся от единого центра — позолоченного дорожного столба, расположенного в северо-западном углу римского форума. Построены дороги одинаково — на основании из больших каменных плит лежит толстый слой гравия, косо поставленные боковые плиты образуют кювет. Они имеют примерно одинаковую ширину — 4—5 м; одинаково оформлены — дорожными столбами с указанием имени императора, года его правления, в который столб был установлен, расстояния до ближайшего города; служат единой цели — максимально быстрой переброске войск, товаров, почты; подчинены единому режиму эксплуатации — размещенные вдоль них станции по стандартно оформленным подорожным предоставляют государственным чиновникам и курьерам лошадей и носилки. Такие дороги вызваны практической необходимостью, но есть в них и некоторое символическое значение: проложенные раз и навсегда, неподвластные времени (многие из них используются до сих пор), идущие через горы, реки, болота, пустыни, они завершают и скрепляют завоевание, накладывают на пеструю аморфность этнографии и природы каркас и контур империи. Римляне долго пытались покорить воинственные племена лигуров, паселявших приальпийские территории на северо-западе Италии и востоке Галлии; сочтя, что покорение лигуров накопец завершено, Август в 7 г. н. э. проложил через их земли дорогу, которую назвал «Юлиевой — Августовой» и где установил трофей — символ завоевания. Юго-восточная граница римских владений стала считаться окончательной лишь со 137 г., когда по северному берегу Красного моря прошла 800-километровая Адрианова дорога.

Основание новых городов было самой массовой и самой радикальной формой романизации. Число городов в империи составляло несколько десятков тысяч, в одной Италии при Флавиях их было 1200. Непрерывно возраставшее городское население достигало цифр по античным масштабам огромных: в Риме жило никак не менее миллиона человек, в Карфагене к концу II в. — 700 тыс., в Александрии — 300 тыс. уже на рубеже нашей эры, в Аптиохии эта последняя цифра должна была быть превзойдена к концу I в., население Эфеса составляло 225 тыс. человек, Пергама — 200 тыс., в Великой Галлии существовало не менее 15 городов с населением от 40 тыс. до 200 тыс. человек.

Формы урбанизации отличались значительным многообразием. Одной из самых распространенных во все времена было выведение колоний ветеранов, превращавшихся позже в такие значительные города, как Лугдунум (Лион), Агриппинова колония (Кельн), Колония тревиров (Трир), Эмерита Августа (Мерида). Наряду с этими новыми городами бурно развивались, притягивая массы пришлого населения, древние культурные центры, сложившиеся задолго до римского завоевания, вроде Массилии в Галлии (Марсель), Гадеса в Испании (Кадис), Милета в Малой

Азии. Города возникали естественно, из разросшихся небольших селений или из поселков, складывавшихся вокруг лагерей легионов, а также создавались искусственно — закладывались наместниками и полководцами в честь императора. Достаточно взглянуть на карту империи и обратить внимание на многочисленные города, в названиях которых фигурируют слова Августа, Флавия, Ульпия, Элия, чтобы в этом убедиться.

Формы муниципализации были многообразны, сущность ее одна. В городах концентрировались наиболее зажиточные и влиятельные люди из местных народов и племен. Раздача прав римского гражданства и других привилегий привлекала их на сторону империи, открывала пути продвижения и карьеры, сливалась с местными римлянами. В силу своего положения эти люди образовывали социальную базу раннего принципата, резерв местной администрации, низших и средних командных кадров армии. Город представлял собой четко организованную местную общественную структуру, включенную в столь же четкую всеобщую структуру империи. Если в городах Востока с их вековыми традициями положение это осложнялось многими обстоятельствами, то в западной половине империи оно реализовалось совершенно ясно. Во главе города стоял сенат, избиравшийся из местных богачей собранием граждан, воспроизводивший в местном масштабе сенат римский. Подобием римских консулов были два *дуовира*, возглавлявшие исполнительную власть в городе, тогда как местные *эдилы*, ответственные за порядок и снабжение, и местные *квесторы*, ведавшие хозяйственными вопросами и сбором налогов, копировали соответствующих римских магистратов.

Завершением и самым непосредственным воплощением муниципального единства огромной империи были те специфические для этой эпохи общие формы, которые принимали градостроительство, быт, повседневная жизнь. Здесь опять-таки города, сосредоточенные в Греции и на востоке империи, нередко сохраняли свою индивидуальность, но подавляющее большинство их в западных провинциях, как и в Италии, обнаруживает множество общих черт. План города в целом совпадает с планом римского военного лагеря: одна главная магистраль пересекает его с севера на юг, другая — с запада на восток; в пределах образованных ими квадратов — более мелкие квадраты кварталов; у перекрестка основных магистралей расположена центральная площадь — форум. По периметру прямоугольного форума почти всегда размещаются общественные здания — базилика, курия, храмы, вся площадь окружена портиком, проход на нее оформлен одними или несколькими воротами. Неподалеку от форума возведены сооружения, предназначенные для зрелищ, — амфитеатр для гладиаторских боев и травли диких зверей, цирк, где происходят ристание, театр. Близ форума находятся и бани, без которых римляне, а вслед за ними и провинциалы, не мыслили себе жизни. «В банях жизнь тратится, да без них ее и нет», — говорилось в одном популярном стихике. Наконец, жилые квар-

талы, занятые многоквартирными *инсулами* или особняками, которые при всех местных отличиях также обнаруживают множество общих черт. Больше всего поражает массовость, вездесущность этого римского уклада жизни. Между современными Тулузой и Бордо, например, лежит группа мелких городков, сравнительно недавно раскопанных французскими археологами. В римские времена то было глухое галльское захолустье, и тем не менее почти в каждом из них обнаруживаются водопроводы, бани, базилики и форумы, декоративные мозаики, статуи на площадях и произведения местного искусства в жилых домах.

Отсутствие опустошительных войн на протяжении жизни многих поколений, постепенное укрепление правовых норм, налаживание ответственного аппарата управления, установление торговых связей между отдаленными районами империи, интенсификация и изощрение ремесленного производства, распространение цивилизации — все это сообщало ранней Римской империи определенное положительное историческое содержание. *Pax Romana* была жизненной реальностью, оправдывала себя, приносила плоды — по крайней мере до середины II в.

3. БРЕМЯ ИМПЕРИИ

Тенденция к членимости жизни на относительно замкнутые ячейки — общинные, полисные, племенные — была обусловлена объективно уровнем развития производительных сил. Производство в древнем мире консервативное, в большей мере ориентированное на обмен и потребление, чем на самообновление, не заинтересованное в использовании данных пауки, не знающее подлинного технического прогресса, с экстенсивным ростом рынков, преобладающим над интенсивным, могло быть расширенным лишь в ограниченной степени — достаточной для выживания и развития сравнительно небольших и замкнутых коллективов с относительно простой и укорененной в производстве военно-политической надстройкой, но недостаточной для существования больших единых государств со сложным и разветвленным аппаратом управления, профессиональной армией, с обособившимися от непосредственного участия в производстве огромными контингентами людей, занятых в бюрократии, судопроизводстве, культе и культуре. Под влиянием условий, рассмотренных в начале нашей лекции, такие обширные государственные образования периодически возникали и под влиянием обстоятельств, описанных только что, столь же периодически рассыпались. Тяготение к дробности, к человеческой конкретности хозяйственной, политической и духовной жизни, к сохранению семейно-родовых, общинных, полисных связей и обязательств было не проявлением чьей-то ретроградной воли, а инстинктом самосохранения тогдашнего человечества. Поэтому, хотя ранняя Римская империя с ее всеобщностью и единообразием обеспечила народам, в нее

включенным, определенный хозяйственный прогресс и избавила их от истребительных междоусобных войн, тем не менее в той мере, в какой она несла с собой разрушение этого непреложного органического принципа бытия, она была неотделима от массового постоянного насилия и от ощущения ее враждебной противоестественности.

Империя состояла из покоренных стран, превращенных в провинции. Тот факт, что это завоеванные области, не забывался ни на мгновение. После установления римской власти лучшая земля изымалась в пользу победителей. Как это делалось, ясно видно, например, из недавно обнаруженного земельного кадастра владений г. Араузнона в Галлии. План указывает на разделение всей территории — около 700 кв. км — на равные прямоугольники по 200 югеров, или 50 га, каждый; такой прямоугольник состоял из одного или нескольких участков. Лучшая земля принадлежала ветеранам; та, которую они не смогли или не захотели освоить, отдавалась галлам; обрезки после этого геометрического разделения предоставлялись общине, в свою очередь сдававшей их в аренду. Колония, основанная при Августе, пополнялась ветеранами на протяжении всего I века н. э., т. е. конфискация земель местных жителей продолжалась. Раз земля больше не являлась собственностью провинциала, то за пользование ею он должен был платить ее подлинным хозяевам, римлянам, прямой налог — деньгами, а чаще — плодами этой же земли. Единый для всей империи налог дополнялся налогами косвенными, также общими для большинства провинций: 1% на товары, продаваемые внутри провинции, 2,5% на товары, ввозимые в провинцию или вывозимые из нее, 5% на наследство, 5% за отпуск раба на волю.

В зависимости от отношения к римлянам в период завоевания города новообразованных провинций получили тот или иной статус: союзных Риму, свободных, податных, и так же иерархически строились категории личного гражданства. Принадлежность города или человека к той или иной из этих категорий могла меняться по решению римских властей. Это создавало постоянную зависимость провинциалов не столько от закона, сколько от данного представителя римской власти, что, в свою очередь, порождало скрытые и явные подкупы, интриги, подхалимство, доносы. Непрерывные и подчас совершенно произвольные изменения статуса городов были излюбленной римлянами формой укрепления их господства в Греции. Взятничество и произвол наместников и их подчиненных отмечаются на протяжении I в. многократно. В таких случаях провинциалы имели право привлечь наместника после завершения им своей магистратуры к суду. В 57 г., например, в сенате слушалось несколько таких дел, дающих ясное представление об их характере и обычном исходе. Провинция Азия предъявила ряд обвинений своему бывшему наместнику Публию Целеру, настолько обоснованных, что опровергнуть их было невозможно. Но Целер незадолго перед тем оказал ряд важных услуг Нерону и его матери — принципс

сумел так затянуть процесс, что обвиняемый, бывший уже в весьма пожилом возрасте, умер до осуждения и сохранил тем самым семейное имя незапятнанным, а наgraбленное состояние нетронутым. От Эприя Марцелла жители Ликии добивались возмещения незаконно присвоенных им сумм. Однако, как пишет Тацит, «давление покровительствовавших ему оказалось столь могущественным, что некоторые из его обвинителей были наказаны ссылкой, как вознамерившиеся погубить ни в чем не повинного человека». Такое положение не было исключительным — оно сильно выправилось при Домициане, но начало правления Траяна вновь ознаменовано несколькими скандальными процессами того же рода.

Подчеркивание военного характера оккупации неизменно было направлено на унижение племенной или полисной гордости доримского населения. В Южной Галлии над морем на упоминавшейся уже оживленной Юлиевой — Августовой дороге высился 40-метровый трофей с надписями, где перечислялись «усмиренные» Августом местные племена; в Пиренеях стояла огромная статуя покоренной Галлии; в Араузионе на триумфальной арке были воспроизведены в камне отрезанные головы побежденных галлов. Немедленно после оккупации римляне или уничтожали старые племенные центры, или переводили их на равнину, где они оказывались беззащитными. Города умирали мучительно и долго — в Герговии, центре могучего племенного союза арвернов, замененном сразу после освоения Галлии галло-римским городом Августонемом, следы местного ремесленного производства обнаруживаются еще в конце правления Тиберия.

Та же тенденция проявлялась и во многих мерах, проводившихся римлянами по административно-политической и социальной организации империи. В Галлии они осуществляли своеобразную перегатовку племен, расчленяя их слишком большие, на взгляд завоевателей, и потому опасные, исторически сложившиеся союзы и, напротив, сливая мелкие племена, издавна существовавшие раздельно, в единые административные единицы. В малоазийских провинциях учреждались судебные округа, полностью игнорировавшие бывшее политическое и этническое разделение. С приходом римлян здесь начинался распад прежней системы гражданских статусов: храмовые рабы нередко превращались в рабочих — уже не рабов, но еще не граждан; из жреческих семей, некогда хранивших секреты местного производства, выходят ремесленники, использующие эти секреты для личного обогащения. В города Греции и Азии с начала II в. начинают назначаться особые римские «кураторы». Задача их состояла в том, чтобы, взимая значительные штрафы, ограничивать непроизводительные расходы полисов и подчинять их общеимперской финансовой политике. Но именно потому, что она была ориентирована на интересы империи в целом, деятельность кураторов приводила к принижению инициативы и роли местных властей и воспринималась как форма гнета, вызывавшего раз-

дражение и протест. Сохранилась любопытная надпись из г. Апа-меи во Фригии, где жители с ликованием сообщают, что город получил в дар крупную сумму и на проценты с нее сможет выплачивать ежегодные штрафы в императорскую казну, «так что впредь не будет больше кураторов согласно постановлению полиса во веки веков». Та же реакция на римскую политику унификации видна в том, что свое куцее право чеканки мелкой медной монеты греческие города используют для прославления своих героев, своих святынь. На монетах Эфеса видны изображения архаической Артемиды Эфесской, на монетах Книда — шедевр Праксителя Афродита Книдская, на монетах Самоса — Пифагор, Коса — Гиппократ, Приены — Биант.

Разрушительно действовало на общественную структуру в провинциях, особенно восточных, римское обыкновение опираться на местную аристократию и богачей, что приводило к удвоению гнета, ложившегося на плечи неимущих, обостряло социальные противоречия, окончательно уничтожало былую полиспую и общинную солидарность. До нас дошли сведения о том, какую ненависть неимущих сограждан вызвал, например, философ и оратор Дион Хрисостом, близкий римлянам, входивший в окружение Веспасиана, Тита, Нервы, в своем родном городе Прусе в Малой Азии. Несмотря на богатство малоазиатских провинций, в них с конца I в. отмечаются многочисленные голодные бунты; ненависть сограждан к Диону проявилась как раз во время одного из них. Несколькоми годами позже начался голод в соседней Апамее; в Аспенде, в Памфилии, богачи прятали зерно, чтобы вздуть на него цену, и это неоднократно приводило к волнениям. Социальные конфликты раздирали Смирну, где, как сообщают источники, дело дошло до подлинной войны между «верхним городом», районом богачей, поддерживаемых римлянами, и «людьми с побережья», т. е. рыбаками и ремесленниками; такая же вражда разделяла жителей г. Тарса в Киликии.

В описанных условиях римская власть не могла не вызывать протест со стороны постоянных живых сил общества, связанных с исконными и неизбывными формами общественной организации. Поверхность империи все время сотрясается от глухих подземных ударов, редко достигавших очень большой силы, но слишком частых, но сливающихся в постоянный, ясно различимый гул.

Восстания в провинциях отмечаются на протяжении всей эпохи ранней империи. Напомним лишь о самых крупных: Галлия — в 21, 69, 70 гг.; Британия — в 50, 61 гг.; Иудея — грандиозная война 66—73 гг. и не менее грандиозное восстание Бар Кохбы в 132—135 гг. Во всех случаях явно заметно стремление защититься от римской унификации, отстоять право быть самими собой и жить по своим представлениям и обычаям. В движении Марикка (Галлия, 69 г.), судя по тому, как оно описано у Тацита, моменты идеологические и социально-психологические преобладали над собственно практическими, Лозунги свободы и галль-

ского самоуправления были основными в начавшемся почти одновременно, но гораздо более широком движении Классика (Галлия, 70 г.). Иудеи относительно спокойно терпели римское господство, пока Гай Калигула не приказал установить в главной святыне народа свое изображение — тогда началась серия восстаний, не затихавших до 135 г.

Разумеется, идеологические моменты нигде и никогда не существовали в изоляции от моментов социально-экономических — практических и непосредственно жизненных. Разрушение римлянами местных традиций и норм выступало обычно как многосторонний процесс, в котором тяжесть взимаемых империей налогов, произвол и алчность чиновников, колонистов, торговцев, оскорбительное пренебрежение к исторически сложившимся местным верованиям и убеждениям сливались в единое ощущение бремени империи, нестерпимого и морально и материально. Именно так (в вольном изложении древнего историка) говорил о римлянах вождь восставших бритtanцев, обращаясь к своему народу перед решительным сражением у горы Гравний в 83 г.: «Расхитителям всего мира, им уже мало земли: опустошив ее, они теперь рыщут по морю; если враг богат — они алчны; если беден — спесивы, и ни Восток, ни Запад их не насытит; они единственные, кто с одинаковой страстью жаждут помыкать и богатством и нищетой; отнимать, резать, грабить на их лживом языке зовется господством, и, создав пустыню, они говорят, что принесли мир. Природа устроила так, что самое дорогое для каждого — его дети и родные; но их у нас отнимают наборами в войско, чтобы превратить в рабов где-нибудь на чужбине, а нашими женам и сестрам и тогда, когда они избегли насилия, враги припосят бесчестье, присваивая себе имя наших друзей и гостей. А между тем имущество и богатства бритtanцев уничтожаются податями, ежегодные урожаи — обязательными поставками хлеба, самые силы телесные — дорогами, которые они своими руками, осыпаясь побоями и поношениями, прокладывают сквозь леса и болота. Обреченных неволе раз и навсегда продают в рабство, и впредь об их пропитании заботится господин. А Британия что ни день платит за свое рабство и что ни день все больше закабаляет себя».

Чем разветвленнее, чем отдаленнее от всего местного и особенного становилось римское государство, тем более делалось оно громоздким и дорогостоящим, тем больше оно должно было извлекать из населения и тем меньше могло ему вернуть. Империя, огромная и единая, с ее бюрократией, финансами, дорогами, муниципальной организацией, с ее форумами и амфитеатрами, оказывалась все менее по силам и по средствам этому обществу, еще прикованному к ограниченным, замкнутым и местным, формам производства, обмена, жизни, и приходила во все углубляющееся противоречие с ними.

4. ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ

Рим и покоренные им народы находились не только в противоречии друг с другом. Постепенно в их отношениях все большую роль играют взаимодействие, взаимовлияние и, наконец, взаимопроникновение.

Между рабами и свободными во времена расцвета республики существовала пропасть. Свободный пользовался всей полнотой гражданских прав или мог ее добиваться, раб не обладал ни одним из них. С первых же десятилетий империи это положение начинает меняться. С одной стороны, Август, а за ним и последующие принцепсы, осуществляя политику укрепления традиций гражданской общины и старых рабовладельческих порядков, принимают меры к ужесточению рабского статуса. К ним относятся Силанов сенатус-консульт 10 г. н. э., подтвержденный при Нероне, о казни всех рабов, находившихся вместе с господином под одной кровлей или в путешествии, в случае убийства кем-либо их господина, законы о казни рабов, проникших на военную службу, законы последних Антонинов о преследовании беглых рабов и т. п. С другой стороны, в порядке унификации империи принцепсы стремятся подчинить рабовладельцев общим правовым нормам и тем самым ограничить бесконтрольное использование ими рабов. В обоих случаях раб становится объектом закона, и положение его определял уже не полностью хозяин, а в растущей мере и государственная власть. При республике раб принадлежал *фамелии* как ее инвентарь; только она образовывала его мир и его общество; членом государственно-правовой структуры он не являлся. Теперь в качестве объекта закона, благоприятного для них или направленного против них, рабы так или иначе втягиваются в общество.

Введение раба в систему общественных связей начиналось с того, что он включался в имущественные отношения. Его *пекулий*, в принципе считавшийся безусловной собственностью господина, открывал тем не менее перед рабом ряд возможностей накопления денег, а к концу рассматриваемой эпохи появляются и законы, защищающие пекулий от чрезмерных претензий хозяина. Раб теперь мог приобретать своих рабов; в этом случае он назывался *ординарием*, а его рабы — *викариями*, и собственность господина, которому принадлежал раб-ординарий, на викариев последнего не была ни прямой, ни безусловной. Признавая собственность рабов, законы мало-помалу начинают признавать и их семьи, оговаривая возможные случаи сохранения рабом приданого сожительницы, недопустимость продажи в разные руки детей и родителей, распространяя на раба ответственность за отцеубийство.

Сходную эволюцию переживают и отпущенники. Принцепсы усиленно и постоянно заботятся об ограждении гражданских общин от проникновения в них вчерашних рабов. При Августе принимаются законы, ограничивающие отпуск рабов на волю и

расширяющие права патронов на имущество отпущенников; Клавдий карал тех из них, кто пытался окружить себя не подобавшим их сословию престижем; при Антонинах отработкам, которыми отпущенник был обязан патрону, придается форма своеобразного денежного оброка. Но, как и в случае с рабами, меры эти оказывались в противоречии с тенденцией, более соответствовавшей общему ходу исторического развития.

Рабов и отпущенников в Риме всегда было много, но с начала империи их количество начинает придавать всему обществу иное, новое качество. Интересные данные об этом процессе можно найти в сохранившемся большом отрывке из бытового сатирического романа, созданного в середине I в. н. э. римским писателем Петронием и известного под названием «Сатирикон». Действие в этом отрывке происходит в городках Южной Италии, а центральный эпизод составляет пир в доме местного богача Трималххиона — хотя и шаржированная, но в деталях вполне реалистическая зарисовка римской провинциальной жизни середины I в. Из этого описания встает целый мир отпущенников. Как отпущенный на волю раб начинал свою карьеру сам хозяин дома, ныне архимиллионер, занимающий почетные должности в своем городе. Отпущенники составляют добрую часть его приглашенных, и в пиршественном зале для них отведены особые постоянные места. Они чувствуют себя уверенно не только в своем кругу, но и при встрече с людьми из господствующих общественных слоев — один из них обрушивается с резкими нападками на римского всадника. Их уверенность в себе основана на том, что почти все они выбились из нищеты, обрели положение, даже власть. Отпущенник — казначей Трималххиона имеет своих клиентов, носит платье, окрашенное тирским пурпуром, помыкает рабами. Он не одинок — из рассказов гостей мы узнаем о семьях обычных торговцев, где также всем правят отпущенники. Противоположного общественного полюса — двора, сената — Петроний не касается. О нем рассказывают другие источники, но картина остается сходной. Политику Клавдия делают его отпущенники; Нерон, уезжая в Грецию, оставляет править Римом своего отпущенника Гелия; при Вителлии огромная власть сосредоточивается в руках его отпущенника Икела; в большой степени из отпущенников состоит римская интеллигенция — от секретаря и биографа Цицерона, Тирона, до философа и наставника римского аристократического юношества Эпиктета. Древние видели в Риме Антонинов «империю отпущенников», современные исследователи той же эпохи утверждают, что «большинство римского населения было потомством рабов».

Отпущенник, как и раб, в принципе не мог быть по происхождению римлянином и почти никогда не мог быть италиком. Нарушение статусных делений имело своим следствием космополитизацию римского общества: три четверти отпущенников этой поры, известных по надписям, имеют нелатинские имена. В том же направлении действовали другие, более общие причи-

пы — политика *pax Romana*, муниципализация, развитие общеперского торгового обмена. На могильных надписях г. Рима времени ранней империи 75 % имен неиталийского происхождения, в Медиолане, Патавии, Беневенте их больше 50%, даже в маленьких городках — около 40%. Из 1854 римских ремесленников, известных по прямым данным надписей, лишь 65 — определенные италийцы, из 300 владельцев кораблей в Остии — 4. Из 14 районов Рима один почти сплошь еврейский, очень значительны поселения сирийцев, финикийцев, каппадокийцев. Могильные и иные надписи Великой Галлии указывают на засилье и в провинциях чужеземцев — италиков, греков, сирийцев, евреев, африканцев. В Лугдунуме засвидетельствованы помимо лихтупайские кельты и представители местностей почти всей Галлии. Председатель коллегии, ведущей торговлю по обе стороны Альп, происходит из Августы тревиров; один судовладелец является жрецом-августалом одновременно у себя в Лугдунуме и в Путеолах, в Южной Италии. А ведь западная часть империи была несравненно патриархальнее и консервативнее, чем восточная, в городах которой смешивались люди всех племен, стран и континентов.

Вливавшиеся в римскую общественную организацию внеимперские силы, и прежде всего рабы и отпущенники, обнаруживают значительную имущественную дифференциацию, от которой зависели и формы их включения в структуру государства, и социальный уровень, на который они попадали, и результаты всего процесса. Чтобы нагляднее представить себе эту картину, расскажем вкратце о двух отпущенниках. Одного из них звали Марк Антоний Паллант, другого просто Эхион. Паллант происходил из знатного греческого рода, и в рабах он оказался у Антонии, племянницы императора Августа и жены его пасынка Друза. Отпущенный ею на волю, он рано втягивается в дворцовые интриги, а вскоре обнаруживает не только хитрость и решительность, но и ясный ум, трезвое понимание государственных интересов, талант организатора и руководителя. При Клавдии он становится *a rationibus*, т. е. своего рода министром финансов, и в этой должности подготавливает упоминавшийся выше закон, запрещающий сожителю свободных женщин с рабами. В том заседании, в котором этот законопроект был принят, сенат постановил присвоить Палланту преторские знаки отличия, наградить его 15 млн. сестерциев и официально выразить благодарность от лица государства. При Нероне он впал в немилость, был отставлен от управления финансами и, сопровождаемый целой толпой приближенных, навсегда покинул дворец. Он умер в 62 г., как предполагали, отравленный Нероном, глубоким стариком и обладателем несметных богатств.

Две черты примечательны в этой биографии. Во-первых, могущество и власть, сосредоточенные в руках этого грека-отпущенника. Среди членов сената он входил в почетный разряд *преториев*, чего, как правило, не удавалось добиться большинству

римских сенаторов, располагал состоянием в 300 млн. сестерциев — вдвое большим, чем личное имущество императора Августа, в течение 10 лет единолично ведал финансами Римской державы, которыми сенаторы-квесторы ведали лишь в ограниченной мере, только коллегиально и только в течение года. Пользуясь внемагистратским характером своей власти, он сумел добиться того, что было совершенно немыслимо для любого коренного римлянина, — обязательства принцепса никогда не вменять ему в вину ни одно из его действий, т. е. фактически неподотчетности перед государством. Управление империей переставало быть делом только римлян — в Палланте лишь наиболее ярко и резко выразились черты, присущие деятельности бесчисленных отпущенников и провинциалов в имперской администрации.

Но не менее важно в рассказанной биографии и другое. Неумное честолюбие Палланта состояло в том, чтобы влиться в исторически сложившуюся структуру римского государства, добиться успеха по его критериям, и смысл своей деятельности соответственно он видел в укреплении этого государства. Он начинает свою карьеру с того, что предупреждает Тиберия о замыслах Сеяна³, т. е., рискуя жизнью, срывает планы авантюриста, угрожавшего существованию строя. Вершиной его законодательной деятельности был законопроект, призванный предохранить римское гражданство от растворения его в пришлых и отпущенниках, т. е. в таких, как он сам. Преторские знаки отличия и премия были вотированы ему по предложению патриция Корнелия Сципиона и оппозиционного сенатора-стойка Баррей Сорана — очевидно, деятельность отпущенника шла в направлении, их устраивавшем.

На протяжении всего I века отпущенники и провинциалы, попадавшие в верхние социальные слои, не разрушали традиционную структуру римского общества, а заполняли ее изнутри, принимая сложившуюся систему ее ценностей и престижных представлений. Коллега Палланта Нарцисс сорвал заговор Мессалины, жены императора Клавдия, угрожавший последнему, за что получил квесторские знаки отличия, и погиб, не сумев справиться с влиянием Агриппины. Тацит рассказывает, что в связи с политическими переменами после свержения Нерона «воспрянули духом клиенты и вольпоотпущенники осужденных и сосланных». Провинциалы, объективно игравшие по отношению к римской гражданской общине ту же роль, что отпущенники, в сходном положении вели себя так же. Испанец Сенека Старший — отец знаменитого философа Сенеки и сам видный ритор и историк — скорбел о падении республиканских нравов; популярные в Риме второй половины I в. философы-греки Деметрий, Аполлоний, Артемидор были связаны с сенатскими семьями и участвовали в их конфликтах с принцепсами; первый дважды консул из галлов Валерий Азиатик принимал участие в

³ Луций Элий Сеян был префектом преторианской гвардии.

устранении Гая Калигулы, Сенека Младший (испанец) и Афраний Бурр (галл) руководили Нероном на протяжении первых, наиболее «просенатских», лет его правления, и реквием по уходящей гражданской общине Рима создал сын прокуратора из галлов, сенатор и консул Корнелий Тацит.

В отличие от Палланта Эхион, казалось бы, не слишком преуспел в жизни. На пиру у Тримальхиона (откуда мы только его и знаем) он фигурирует как *centonarius*, т. е. портной, латающий и перешивающий старую одежду. Грек по национальности, он, очевидно, сравнительно недавно был отпущен на волю и сохраняет еще полностью зависимость от патрона. Он вступает в разговор, чтобы возразить собеседнику, рассуждающему в духе древних римских моралистов или оппозиционных сенаторов: было-де хорошее время, да прошло; в старину были граждане, преданные интересам города, прямые, резкие, выступавшие на форуме и в суде как настоящие ораторы и настоящие люди дела, чтившие богов, а теперь кругом одно воровство да безбожие, и скоро боги голодом покарают нашу колонию. Эхиону все это кажется напыщенным вздором: «Часом густо, часом пусто, как сказал мужик, когда у него пропала пестрая свинья. Нынче не повезло — повезет завтра, в жизни так уж заведено. А ворчать ни к чему — небо везде с тучками». Критерий в общественных делах у него один — хорошо то, что приносит ему пользу, и потому сам круг этих дел ограничивается для него зрелищами и раздачами. Традиционные римские установления не интересуют его совершенно. Красноречие, это искусство искусств древней республики, для него профессия, как любая другая, оправдываемая лишь заработком: «Если сын не захочет заниматься по дому, пусть обучится какому-нибудь полезному ремеслу, станет цирюльником, глашатаем, на худой конец судебным оратором». При всей скромности своего положения он далеко не нищ — у него есть «дача», где всегда найдется чем закусить, «не курочкой, так яичком», к сыну ходят два учителя, отец не жалеет денег ему на книги. За Эхионом, как и за Паллантом, стоит целый социальный слой, только несравненно более широкий. Он органический член общества ранней империи, но принадлежит к той его части, для которой республиканские традиции римской государственности и вся ценностная структура, унаследованная от гражданской общины, просто не существуют. Поскольку же приток таких «пришлых элементов» был, как мы видели, очень мощен — и в низах, естественно, несравненно более мощен, чем в верхах, — поскольку Рим на протяжении I и особенно II в. действительно превращался из общины граждан в «империю отпущенников», то все официально римское, по традиции ориентированное на полис и характерный для него набор добродетелей, превращалось в сферу отдельной от масс, от простых людей и их дел, абстрактной государственности со своей отчужденной ортодоксией и своей столь же отчужденной оппозицией. Самые глубокомысленные из сенаторов, вышедшие из этой среды мора-

листы и историки, остро и трагично ощущали упадок агонизировавшего, но еще живого полисного мира, думали и писали о падении политической свободы, о влиянии разлагающей провинциальной новизны на старый Рим. В их страстных печалях оглядывался на себя и приходил к самосознанию духовный опыт векового города-государства. Недооценивать все созданное Сенекой, Луканом, Тацитом нельзя. Но чем глубже пролегали описанные выше перемены, тем глуше доносился в их особняки и библиотеки нарастающий шум живой и изменившейся народной жизни, тем слабее — запах очага и хлеба. Жизнь искала себе других, не столь величественных и далеких, более соразмерных человеку форм и ценностей.

5. СРЕДИ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ

Для широких масс населения империи единство замкнутой гражданской общины существовать переставало, но принцип концентрации жизни в ограниченных самостоятельных ячейках оставался пезыблемым. Прогрессировавший распад полисной макрообщности вел не к созданию социальной взвеси изолированных человеческих атомов, а к развитию компенсаторной системы микрообщностей. В Помпеях, как известно, за месяц до катастрофы, уничтожившей город, проходили выборы местных магистратов, и на стенах домов сохранились самые разнообразные избирательные призывы. Среди них очень немногие выражают пожелания отдельных лиц, подавляющее же большинство выглядит так: «Гая Куспия Пансу предлагают в эдилы все мастера-ювелиры совокупно», «Прошу вас — сделайте эдилом Требия, его выдвигают кондитеры»; «Марка Голкония Приска и Гая Гавия Руфа предлагают в дуумвиры Феб со своими постоянными покупателями». Признак, объединяющий авторов надписи, мог быть самым странным: «Ватию предлагают в эдилы, объединившись, все любители поспать» или: «Гая Юлия Полибия — в дуумвиры. Любитель ученых занятий, а вместе с ним булочник».

Эти избирательные союзы — лишь одно из частных проявлений характерного для времени более общего процесса — идущей снизу, из гуши жизни, тенденции к сплочению людей в своеобразные микроколлективы. Главное в самосознании таких групп — ощущение своей противоположности мертвеющим традиционным добродетелям, ритуалам, словам. «Битвы и мужа пою...» — сказано в первой строке «Энеиды». «Валяльщиков шерсти пою и сову, а не битвы и мужа», — написал местный остроумец на стене в Помпеях. Единой производственной основы у таких групп не было, во всяком случае, не совместный общественный труд был главной силой, которая сводила в них людей. Скорее наоборот, здесь искали отдыха от трудных и жестоких условий жизни и объединяли силы, чтобы как-то с ними справиться, но чаще — чтобы от них уйти, искали ту простоту и че-

ловечность отношений, которой уже не было ни в военно-бюрократическом единообразии империи, ни в искусственном элитарном общезнании полиса, ни во все более изнурительном труде ради поддержания и одной и другого. В некоторых из них преобладали простота и человечность, в других — острое ощущение распада всех органических связей, который, в сущности, и порождал подобные новообразования. Примером последних может служить харчевня, первых — исподволь складывающаяся рабская семья, а также «коллегии простых людей», как их официально именовали римские законодатели.

Харчевни и постоянные дворы в I—II вв. резко растут числом. К середине I в. в Помпеях, например, на 10—12 тыс. населения было около 120 таких заведений. Если даже предположить, что половина жителей в них не ходила, получается, что на каждые 40—50 человек имелся кабачок. Поскольку население города и размещение его по кварталам было относительно стабильно, встречаться в каждом таком кабачке должны были в основном одни и те же люди. В этих условиях подобные заведения перестают обслуживать одних лишь приезжих, становятся местами скопления и сплочения тех, кто выпал из традиционных общественных связей. В царившей здесь особой атмосфере главным было забвение социальных перегородок: «Все там вольны равно, и кубок общий. Особых кресел нет никому, и стол ни к кому не придвинут», — писал Ювенал. Многие жили при харчевнях постоянно. Сохранилась стихотворная полемика поэта Флора с императором Адрианом, показывающая, что люди, ведущие такое существование, ясно понимали, что они делают и чему себя противопоставляют. Тиберий специально засылал в харчевни своих соглядатаев, Домициан распорядился вообще снести большую их часть. Префекты Рима и дуумвиры городов периодически запрещали приготовление здесь горячей пищи, за которой люди могли засиживаться и вступать в нежелательные разговоры.

Оборотную сторону кабацкой оппозиционности составляли случайность встреч и связей, грубость и неуважительность, цинизм и распутство. Харчевня почти всегда представляла собой также публичный дом, и кабатчик тем самым выступал и как сводник. В «Дигестах» есть целый раздел, говорящий о наказании хозяев харчевен за пропажу имущества постояльцев. В поквартальных списках городского населения содержатели харчевен записывались рядом с ворами. Продажа недоброкачественной пищи и разбавленного вина считалась чем-то само собой разумеющимся — Тримальхион уверял, что кабатчики рождаются «под знаком Водолея». Возникали и укреплялись, однако, в эту эпоху и человеческие объединения иного характера.

Семья в старом Риме была величайшей хозяйственной, гражданской, биологической — какой угодно, но не эмоциональной и лирической. «Если бы мы могли жить без жен, — говорил в 131 г. до н. э. цензор Метелл, — то все охотно обошлись бы без этой тяготы». Отцы, собственноручно казнящие своих детей, и жены,

Неизвестно почему изгоняемые из дома, заполняют страницы истории республиканского Рима. Это положение имело определенный смысл, пока человек исчерпывался своими обязанностями члена гражданской общины, а абсолютное единоначалие было условием выживания семейного хозяйства. К началу нашей эры этот смысл исчезает, но еще законы Августа о семье и браке, принятые между 18 г. до н. э. и 9 г. н. э., во многом ориентированы на эту модель. Поскольку, однако, реальных условий для выполнения этих норм в жизни не было, а они оставались тем не менее обязательными, семья в господствующих слоях римского общества погружается в глубочайший кризис. Тацит и Светоний, Марциал и Ювенал в один голос рассказывают о тайных отцеубийствах с целью поскорей овладеть наследством, о сожительстве мачех с пасынками, бесконечных предательствах женой мужа и мужем жены, о полном отсутствии эмоционально-нравственной основы брака. Импульсы к формированию семьи нового типа идут в эту эпоху из слоев, не связанных с традициями римской гражданской общины. Интересные свидетельства тому дает римская эпитафия. Есть ряд надгробных надписей, показывающих, что зачастую, отпуская раба на волю, хозяин рассчитывал на его готовность принести самые большие жертвы ради выкупа жены и детей. В одной из них рассказано, как раб, по завещанию отпущенный господином на волю с небольшой суммой денег, «не захотел взять ничего, кроме единственной величайшей награды — свободы своей жены». Рабский брак не оформлялся по закону, и поэтому ничто не препятствовало его расторжению — тем более показательно, когда он длился всю жизнь: «Меркуриал Сильвине, разделявшей с ним рабство, с которой он прожил 45 лет и от которой имел 7 детей».

Не нужно ни идеализировать эти отношения в целом, ни противопоставлять их чистоту и искренность всеобщему якобы разврату, царившему в рабовладельческой верхушке. Дело не в статистике удачных и прочных браков среди свободных или среди рабов и отпущенников. Распад традиционных групп и приток новых людей исподволь создавали новый тип общности, где связи гражданской общины играли все меньшую роль и выбор спутников все больше определялся мыслями и чувствами каждого человека. Возникнув в среде, раньше всего и дальше всего отошедшей от полисного устройства, этот принцип распространялся вверх и вширь. Он сказывался не только в сфере семьи, но также в дружбе, приобретающей в эту пору для многих особенное значение, в тесных сообществах поклонников какого-либо божества. Особенно ярко проявился он в так называемых *collegia tenuiorum* — «коллегиях простых людей».

Коллегии, изначально представлявшие собой свободные союзы граждан, объединившихся по признаку принадлежности к одной ремесленной профессии или для совместного отправления какого-либо религиозного культа, сложились в Риме еще при царях и просуществовали почти до конца его истории. Независимо

от своих прямых функций коллегии привлекали людей царившей в них атмосферой неофициальной солидарности и приязни. Рассказывая о собраниях коллегий, учрежденных в Риме в конце III в. до н. э. для почитания Великой Матери, Старший Катон даже не упоминает о культовом их назначении и говорит, что «очарование этих трапез состояло для меня не столько в еде и питье, сколько в общении с друзьями и беседе с ними». Сохранив некоторые свои древние черты и утратив другие, пережив сложные перипетии отношений с властью, такие коллегии широко распространились в период ранней империи, и к концу его их деятельность была регламентирована рядом законов. Главное требование этих законов — разграничение коллегий, которые «дозволены решением сената или цезаря», и коллегий, такого дозволения не имеющих. Деятельность товариществ последнего рода объявлялась категорически запрещенной, и за нее полагались предельно тяжелые наказания. Коллегии первого рода предусматривались только для лиц малоимущих или имеющих низкий социальный статус. С согласия хозяев в коллегии разрешалось принимать рабов. Предусмотренная законом деятельность коллегий состояла в сборе денег на общие нужды членов, в ежемесячных совместных трапезах и в отправлении признанных государством культов.

Чем же стали древние коллегии к этому времени, т. е. к концу II — началу III в.? Они были разнообразны по числу членов — от 3 до 2000 человек — и особенно по мотивам, сведшим их воедино. В число коллегий входили и профессиональные объединения ремесленников — портных, лодочников, зеленщиков, шерстобитов, погонщиков мулов и др.; и землячества, охватывавшие как просто соседей (известно, например, общество жителей римского района Велабра), так и людей, проживающих в данном городе, но происходящих из другой части империи — в Путеолах имелась коллегия выходцев из финикийского города Берита, в Малаге — две коллегии азиатских торговцев и т. д.; почитатели различных божеств и особенно союзы лиц, вскладчину обеспечивавших себе место на кладбище или в колумбарии. Они обычно располагали своим помещением для собраний, храмиком при нем, кое-каким другим имуществом, приобретавшимся на взносы членов, а чаще на пожертвования какого-нибудь видного лица, который считался патроном коллегии и получал от нее знаки внимания и почета. Такие коллегии объединяли в эту эпоху действительно «простых людей» — известны, например, союзы, состоявшие только из отпущенников и рабов. Дела, которыми они занимались совместно, — выборы руководителей, сбор денег, религиозные церемонии, обсуждение расходов, совместные трапезы — были связаны с чисто местными вопросами. Выбирали «старшину трапезы», который обязан был обеспечить, как говорится в сохранившемся уставе одной из коллегий, чтобы перед каждым сотрапезником стояла бутылка «доброго вина», хлеба на 2 асса и 4 сардинки, а если кто будет с ним непочтителен,

то заплатит штраф в 12 сестерциев. Приходиливали (как, например, коллегия почитателей Сильвана в Филиппах Македонских) пожертвования членов храмику коллегии: статуи ценой в 25 денариев или картину, стоявшую 15 денариев. Без конца выражали восторженную покорность — богам, императорам, патронам. Разрешения на такие коллегии выдавались, судя по их числу, легко и широко.

Чтобы понять исторический смысл этих коллегий, надо представить себе пережитую ими эволюцию. При республике они существовали 600 лет, в течение которых никто их не закрывал, и тем не менее распространены они были мало. В первые полтора века принципата с ними боролись ожесточенно и непрерывно — запрещение при Юлии Цезаре, запрещение при Августе, запрещение при Клавдии; Нерон объявил себя патроном всех коллегий, рассчитывая, что такой контроль будет эффективнее любых запретов; Траян давал разрешения на создание коллегий необычайно скупно и всячески старался их ограничить. И тем не менее к середине II в. подобных объединений насчитывалось множество даже в пределах одного провинциального города. Лишь в этих условиях Антонины и Северы отказываются от борьбы с коллегиями и оформляют их существование упомянутыми выше законами. Движущие силы этой эволюции очевидны. Пока уклад древнего Рима сохранял прямые связи с гражданской общиной, хозяйственная и частная жизнь человека была переплетена с его политическим и тем самым общественным, государственным существованием. Потребность в солидарности с себе подобными он, естественно, реализовал в рамках гражданской общины, в повседневном обсуждении ее дел, в народном собрании, на форуме и сходках. Частные объединения граждан в этих условиях либо растворялись в государстве (как произошло с древними жреческими коллегиями или с ремесленными центуриями), либо погружались в борьбу с ним (например, в рамках движения Клодия в 50-х годах I в. до н. э.), либо, наконец, на их долю оставались дела, периферийные для такого строя жизни, — вопросы профессиональной конъюнктуры и ремесленного опыта, а то и просто приятельское общение. Стремительный рост коллегий в первые два века империи при одновременном сосредоточении деятельности многих из них на внеполитических полубытовых вопросах выражал забвение традиций гражданской общины и распад, если можно так выразиться, самой полисной структуры сознания. Государственная общность стала настолько абстрактной и искусственной, что потребность античного человека в местной конкретности существования, в повседневной солидарности с тесным кругом других людей должна была реализовываться вне имперских институтов. Правительство, продолжавшее в политике и пропаганде отстаивать культ римской государственности, всячески укреплять и развивать ее, требовать от подданных империи постоянной готовности служить и чтить, постаралось покончить с этим опасным для него партику-

ляризмом. Там, где труд объединенных в коллегии ремесленников имел значение для обороны и строительства, их закрепили за городами, а сами коллегии сделали полувоевыми формированиями; там, где заложенный в них партикуляризм прямо обращался против государства, он был объявлен тягчайшим преступлением; там, где он безобидно и послушно сосуществовал с ним, его законодательно замкнули в сферу внеполитической повседневности и разрешили как ни для кого не опасный. Но, как стало постепенно выясняться, главная опасность крылась именно здесь, в этих невинных и послушных группках обывателей.

Положение коллегий в конце II — начале III в. показывало, что развитие шло в сторону, противоположную запланированной: реального человеческого, а потому и общественного смысла постепенно лишалась не повседневность, а официальная государственность. Именно она оказывалась все менее адекватной потребностям и чаяниям масс, и, напротив, находившее себе выражение в коллегиях неприметное бытие неприметных людей на глазах становилось той сферой, в которой все реальнее и полнее сосредоточивалась жизнь народа, лишенная более глубоких и ярких форм выражения. Это проявлялось прежде всего в бурном распространении коллегий вширь и количественном их росте. За исключением, пожалуй, Африки, нет ни одной области римского мира, где их существование не было бы засвидетельствовано многочисленными надписями. Уже в переписке Плиния с Траяном о них идет речь как о важной и привычной составной части имперской действительности, опасной именно своей распространенностью. «Они наполняли Рим,— пишет про середину II в. один старый их исследователь,— прокрадывались в самые маленькие городки, проникали в лагеря, откуда их более всего старались изгнать, и покрывали собой богатейшие провинции». Секрет и причины их роста состояли в том, что в этом в общем еще античном мире они единственные удовлетворяли потребность в человеческой солидарности — еще на античный лад. Официальные формы общественного самовыражения становились настолько парадными и пустыми, что обрести и выразить себя в них никто не мог, а расходы на участие в них росли и утрачивали смысл. С середины II в. массовыми становятся случаи отказа от почетных выборных должностей в городах. Закон, направленный на борьбу с этим явлением, характеризует его достаточно ярко: «Те, кто хотят обмануть совет города и, чтобы избавиться от отправления выборных должностей... перешли в число колонов в имениях, дабы подлежать меньшим тяготам, не достигают этим освобождения». — «Дигесты», 50, 4, 4, 2 (Ульпиан). В отличие от римского государства полнокровное, насыщенное бытие которого отодвигалось все дальше в прошлое, социальная и духовная среда, заполнявшая коллегии простых людей, жила непосредственной сегодняшней жизнью, достаточно напряженной, несмотря на всю свою скудость. Здесь цвел культ дружбы и взаимной выручки «маленьких людей», о котором мы бегло упоминали выше,

Здесь складывались новые религиозные представления, далекие от традиций греко-римской мифологии. Множество коллегий изобретало культ Геракла, Приапа, особенно Сильвана — богов, воплощавших в их единстве животворную силу природы и оплодотворяющий эту природу человеческий труд. Из подобного отношения к природе развилось особое направление изобразительного искусства, охватывающее период с середины I до начала III в. Ярче всего оно представлено провинциальными мозаиками, где красота людей, цветущая сила растений и хищная энергия животных сливаются в единую картину природной жизненной мощи, свободной и в то же время дружественной человеку. Само техническое несовершенство этого искусства подчас лишь усиливает впечатление его простоты и искренности.

Полнее всего, однако, органическая связь этих сообществ с движением жизни и истории выражалась в том, что элементы античного строя здесь не только сохранялись, но и подвергались внутреннему изменению. Возникнув из чисто античного, полисного, принципа локальной конкретно-человеческой общности, коллегии в то же время строили солидарность своих членов на упразднении основных, конститутивных, противоположностей полисной жизни: граждане — неграждане, свободные — несвободные, свои — чужие. Поэтому в них яснее, чем во многих других областях, выявлялось внутреннее омертвление исходного зерна античного мира, прообраза всех его частных структур — гражданской общины, а вместе с ней и основной оппозиции всей разобранной в этой лекции исторической эпохи — империи и полиса.

Лекция 7

КУЛЬТУРА РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
(ЛИТЕРАТУРА, ФИЛОСОФИЯ И НАУКА¹)

Центральной идеей, объединяющей все остальные элементы официальной идеологии в период империи, была идея величия и вечности Рима и его провиденциальной миссии, слившейся теперь с миссией самого Августа: господствовать над всеми народами, принося им счастье и мир. Эта идеология во многом предопределила дальнейшее развитие духовной жизни общества.

Литературой в то время занимались почти все образованные люди, начиная с самого императора. Ближайшие друзья и соратники Августа — Мекенат и Азиний Поллион писали сами и собирали вокруг себя литераторов, поощряли их, выдвигали, одаривали. Август принимал талантливых людей у себя, читал их сочинения еще до опубликования, давал советы. Особенно он одобрял книги, наиболее полно отразившие дух времени: труды историка Тита Ливия и разнообразные произведения поэта Вергилия («Эклоги», поэму о земледелии «Георгики» и знаменитый эпос «Энеида»).

Ливий не был глубоким мыслителем и теоретиком. Он стремился показать, не избегая при этом легендарного или занимательного, благодаря каким правам, образу жизни, искусствам империя возвысилась настолько, что и сама уже с трудом выносит свое величие. Философия истории у Ливия сводится к извлекаемой из истории морали. Исчезает и всемирно-исторический подход к прошлому. Для него история — это в первую очередь история Рима, римского народа, сената, великих людей, подвигам которых Ливий уделял много места. В его творчестве нашел свое наиболее полное и художественное завершение «римский

¹ Лекция представляет собой сокращенный вариант глав 2 и 3 книги Е. М. Штаерман «Кризис античной культуры» (М., 1975).

миф», оставшийся в веках именно таким, каким его создал Ливий.

Те же идеи лежат в основе «Энеиды» Вергилия. Она трактуется, правда, не всю историю Рима, а лишь легенду о странствиях троянского героя Энея, закончившихся его браком с дочерью царя латинов Лавинией, который знаменовал союз троянцев с аборигенами Италии.

Покровительствовавшая разрушителям Трои — грекам и преследовавшая Энея в его странствиях богиня Юнона по заступничеству Юпитера соглашается на примирение:

Что ж, я теперь отступлю, ненавистные битвы покину...
Пусть примирятся враги, пусть на счастье празднуют свадьбу,
Но, с пришлецами союз на любых заключая условиях,
Древнего имени пусть не меняет племя латинян;
Тевкрами ты не вели иль троянцами им называться,
Речь ли родную менять, в чужеземное платье рядиться...
Лаций да будет всегда, и веками пусть царствует Альба,
Римский да будет народ италийскою доблестьюмошен,
Трои нет. Так дозволю, чтобы с ней даже имя исчезло².

Согласно философским взглядам Вергилия, весь мир проникнут и питаем единым духом или разумом, движущим массу космоса и оживляющим тела, в которые нисходит. Так вызываются к жизни и люди, и животные, и птицы, и рыбы. В них во всех присутствует животворный, идущий с неба огонь, но под воздействием тела он ослабевает, что порождает страх, желания, горе, радость в земных существах. В телесной тюрьме их души слепы, не видят своей небесной родины и, даже выйдя из тела, не сразу освобождаются от зла и пороков, вызванных соединением с ним. Лишь после долгого очищения они могут войти в поля блаженных, откуда затем, испив из источника забвения — Леты, будут посланы в новые тела. Жестоким мучениям подвергаются в загробной жизни души тех, кто ненавидит отцов и братьев, кто обманул доверившихся им клиентов; скупцов, ни с кем не деливших своим богатством; мятежников, поднимавших нечестивые гражданские войны, и особенно тех, кто изменил родине, за плату предал ее тиранам. Напротив, в полях блаженных пребывают души воинов, погибших в битве за отечество, жрецов, поэтов и всех тех, кто своими искусствами и науками облагодетельствовал людей и способствовал их цивилизации.

В «Энеиде» с особой силой дано о себе знать отношение к прошлому как к залог и оправданию настоящего, предопределенного судьбой и волей бога. Юпитер провел Энея через все испытания, а Эней прошел их, жертвуя личным (например, любовью к Дидоне, царице Карфагена, куда он попал в своих странствиях) ради священного долга, потому что ему предназначалось стать предком основателя Рима — Ромула и спасителя Рима — Августа.

² Перевод С. Ошерева.

«Энеида» стала своего рода «библией» культа Рима и Августа, что в соединении с высокими художественными достоинствами, многочисленными экскурсами в историю древних верований, легенд, обычаев, живо интересовавших поклонников «предков», сделало ее самым популярным произведением как у современников Вергилия, так и у их потомков, преданных идее «вечного Рима». Поэму Вергилия изучали, комментировали, по ней гадали, отрывки и отдельные стихи из нее цитировали бесымянные авторы эпитафий, они превращались в общеизвестные афоризмы.

Однако тематика поэзии отнюдь не ограничивалась прославлением императора. В это время своего полного развития достигают разнообразные стили и жанры. Введенные в моду Катуллом любовные стихи нашли многочисленных подражателей. Авторами любовных элегий — Овидию, Тибуллу, Проперцию и др. — не хватало подлинного сильного чувства Катулла, но изящество форм и разнообразие сюжетов обеспечивали им большой успех, особенно среди светской молодежи. Любви были посвящены «Героини» Овидия — письма знаменитых мифологических героинь к покинувшим их любовникам, любовь играла немалую роль и в его «Метаморфозах», сборнике поэм на мифологические темы о превращении людей в растения и животных, заканчивавшемся рассказом о превращении души обожествленного Цезаря в звезду. Даже в свои «Фасты», поэтическую обработку римского календаря, Овидий в связи с разнообразными версиями происхождения праздников и праздничных обрядов вставил немало эротических эпизодов. Особенно большим успехом пользовалось его «Искусство любви» — остроумная пародия на дидактические поэмы, содержащая наставления, как выбрать, завоевать и удержать любовницу или любовника, обмануть бдительность мужа, утешиться в случае измены. По распространившимся тогда слухам, именно за «Искусство любви» Август, увидев в поэме насмешку над своим брачным законодательством, сослал Овидия на западный берег Черного моря, в страну народа гетов, откуда поэт нисал в Рим печальные послания с просьбами о прощении, но, так и не дождавшись его, умер в изгнании.

О любви писал и Гораций, но творчество этого поэта было глубже и разностороннее, чем его собратьев, сочетая разнообразие ритмов, совершенство формы и языка с философскими раздумьями и меткими наблюдениями. Возможно, тому отчасти способствовал его сложный жизненный путь. Сын небогатого отпущенника, из всех сил старавшегося дать сыну хорошее образование, участник гражданской войны на стороне убийц Цезаря — Брута и Кассия, лишенный в наказание отцовского имения, Гораций после многих бедствий по ходатайству Вергилия был принят Меценатом в его кружок. Он получил небольшую виллу и пользовался дружбой и покровительством Мецената, но, видимо, иногда страдал от зависимого положения и от

косых взглядов некоторых светских снобов, презиравших его за низкое происхождение.

Несмотря на все восхищение Римом и Августом и уверенность, что нет ничего выше служения родине и смерти за нее, у Горация постоянно проскальзывает мысль, что спокойнее всего не думать о государственных делах: жизнь слишком коротка, чтобы отвлекаться от ее маленьких радостей ради больших забот.

Сын бывшего раба, Гораций не был чужд презрения к грубым вкусам простонародья. Он, по собственному признанию, писал лишь для тех, кто мог его оценить, и не хотел пробовать свои силы в комедии для невежественных зрителей, способных потребовать, чтобы в действие были введены дрессированные медведи или гладиаторы.

Вместе с тем он высоко ценил миссию поэта и поэзию как средство воспитания тонкого вкуса и добродетели³. Поэт не смеет довольствоваться малыми и средними удачами. Не достигший первого ранга неизбежно попадает в последний. Совершенство же требует сочетания таланта и культуры. Поэт должен изучать философию, дабы знать сущность вещей, осознавать свой долг перед родиной, семьей, друзьями, понимать права и обязанности консула, сенатора, патрона, отца. Главное же, он обязан изучать человеческую природу, дабы каждый обрисованный им персонаж был живым, действовал и говорил так, как это свойственно его возрасту, характеру, положению. Сам Гораций был мастером портрета и создал целую галерею своих современников. Из-за своих сатир он нажил много врагов, но, ссылаясь на одобрение Августа, отстаивал свое право высмеивать тех, кто того стоит, и исправлять нравы.

Приобщив вечный Рим к греческому искусству высокой лирической поэзии, Гораций считал, что завоевал себе право на бессмертие в памяти людей:

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся,
Ни спедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушат его, не сокрушит и ряд
Нескончасмых лет, время бегущее.
Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию
Жрец верховный ведет деву безмолвную...⁴

³ Взгляды Горация на принципы поэзии изложены им в стихотворном «Послании к Пизонам», известном также под названием «О поэтическом искусстве». Положения Горация считались безусловно обязательными множеством поколений поэтов, и его «Поэтическому искусству» подражали еще в XVII в. Буало, в XVIII в. А. Поп и А. П. Сумароков, в XIX в. Байрон.

⁴ Перевод С. Шервинского. В последней строке Гораций имеет в виду обряд восхождения на Капитолий весталки, целомудренной жрицы, хранительницы вечного огня.

Замечательным историком конца I — начала II в. был Корнелий Тацит. По мастерству драматического изложения событий, глубине и тонкости психологического анализа, сжатости и яркости характеристик, умению несколькими штрихами нарисовать образ или картину, безошибочно воздействующие на читателя в нужном автору направлении, Тацит не имеет себе равного в античной литературе. Он начал сенаторскую карьеру при Флавиях и тогда же написал первые произведения: жизнеописание своего тестя Агриколы, наместника в Британии, «Германию», где рассказывалось о зарейнских племенах, не входивших в состав империи, «Диалог об ораторах». Уже в этих ранних сочинениях видны основные черты его стиля и мировоззрения. В биографии Агриколы и «Германии» он противопоставляет свободную, суровую, чистую от близости к природе жизнь бриттов и германцев развращенным, изнеженным, безвольным римлянам. С большим сочувствием изображает Тацит вождей восставших против римского владычества бритов, особенно Калгака, обратившегося к повстанцам с речью, в которой призывал не жалеть жизни в борьбе против алчных и жестоких римлян, поработивших все народы. «На своем лживом языке, — говорит Калгак, — убийство, грабеж, захват они называют правлением, а причиненные ими опустошения — миром».

В полной мере талант Тацита развернулся при Антонинах, когда он мог более свободно высказывать свои мысли — хотя бы по отношению к правлению «тиранов». В это время он написал «Истории» о гражданских войнах между претендентами на престол после свержения Нерона и историю Юлиев — Клавдиев, известную под названием «Анналы». Тацит обещал писать «без гнева и пристрастия», не вдаваясь ни в собственное одним историкам злоречие, «имеющее фальшивый вид свободы», ни в характерную для других неумеренную лесть, содержащую в себе «гнусное преступление рабства». Формально он действительно как будто не отступает от истины, основываясь на документальном материале. Признает он неоднократно и необходимость установления единовластия в государстве, где долгие годы борьба знати и плебса дезорганизовывала нормальную жизнь, приводила к насилиям и беззаконию.

Вместе с тем «Истории» и особенно «Анналы» Тацита — это страстное и гневное обличение императорского режима. Ужасны жестокость и самодурство полубезумевших от неограниченной власти пад миром деспотов, но еще ужаснее для Тацита то развращающее влияние, которое они оказывают на общество. Сенаторы спешат превзойти друг друга в раболепстве, воздавая почести Нерону, убийце жены, брата и матери. Заподозренные в заговоре, они выдают друг друга, клеветают на родных и друзей, лишь бы спасти свою жизнь. Льстят и заискивают не только перед императорами, но и перед их любовницами, отпущенниками, рабами. Доносчики процветают, и, даже когда после свержения Нерона честные люди предлагают с ним разделаться,

большинство предпочитает их не трогать, так как слишком многие замешаны в их деяниях. Римляне, утратившие былое достоинство, жадно ловят подачки и стремятся на зрелища. Чем хуже император, тем любезнее он черни. Солдаты готовы поддержать каждого претендента на престол, сулящего им возможность наживы и грабежа. По существу, это они ставят и смещают императоров, превратившись из защитников государства в его бич. И хотя Тацит на словах признает, что в правлении Антонинов все стало по-другому, в сущности он не верит, что при единовластии, даже если оно и необходимо, будет найден выход из парисованного им мира низости, жестокости, разврата, всеобщего разложения.

Из философских направлений наиболее популярными среди представителей господствующих классов и интеллигенции I — II вв. были стоицизм и частично примыкавший к нему умеренный кицизм, стремившиеся с наибольшей последовательностью обосновать соотношение единства и множественности, целого и части, человека и человечества, империи и гражданина, утвердить чувство общности с окружающим миром и его законами, избавиться от ощущения несвободы и отчужденности. Самыми известными стоиками того времени были Сенека, Эпиктет и Марк Аврелий, представлявшие разные социальные слои. Сенека нажил огромное состояние, пользуясь часто весьма неблагоприятными средствами, и вплоть до того, как впал в немилость, участвовал во всех придворных интригах. Эпиктет был сперва рабом, затем отпущенником любимца Нерона — отпущенника Эпафродита. Его заметил философ Музоний Руф, стал заниматься с ним и преподал ему стоическую доктрину. Беседы Эпиктета пользовались большой популярностью, их посещали самые высокопоставленные люди, они были записаны и изданы сенатором Аррианом. Марк Аврелий — император, правивший в конце II в., когда внешнее и внутреннее положение империи резко ухудшилось и она вступила в полосу длительного кризиса, от которого полностью уже не смогла оправиться.

Для Сенеки цель философии — свобода мудреца от страхов и желаний, порабащающих невежественного человека. Только философия дает знание природы, ее законов, господствующей в ней необходимости, подчиниться которой добровольно и есть истинная добродетель и истинная свобода. Познание не сводится к изучению отдельных наук. Они дают сведения или применимые к отдельным случаям, или вовсе бесполезные. Не одобряет Сенека и увлечения логическими построениями. Может ли, говорит он, рассуждение: «Тайну доверяют хорошему человеку, пьяному тайну не доверяют, значит, хороший человек не пьет» — удержать кого-нибудь от пьянства или логически доказанное положение о том, что смерть — не зло, побудить человека к смерти за родину? Очищающее душу знание философа состоит в созерцании природы и постижении разумом ее высших общих законов.

Живущий согласно природе мудрец равнодушен ко всему внешнему, оно его не смущает, не делает несчастным, не сбивает с избранного пути. Он целостен, как мировой разум, не знает колебаний и сомнений, заставляющих невежественного и лишенного добродетелей человека метаться между делом и бездельем, жизнью в обществе и в одиночестве, завидовать другим и чувствовать вечное недовольство собой, проклинать весь мир из-за собственных неудач. Однако это не означает, что мудрый должен жить вне мира и не участвовать в его делах. Напротив, природа создала человека для жизни в теснейшей взаимосвязи с другими людьми. Мудрый обязан служить им всеми силами и при всех обстоятельствах. Его долг — участвовать в жизни государства, служа на том посту, на который поставила его судьба. Если государство оказалось в такой степени испорченным, что философу в нем нет места, то, памятуя, что он гражданин не только своего родного города, но и всего мира, он должен приносить пользу человечеству в целом, поучая его и подавая пример собственной жизнью.

Эпиктет, вышедший из низов, претерпевший много унижений от своего господина Эпафродита, известного жестоким обращением с рабами, поскольку и сам прежде был рабом, несколько по-иному, чем Сенека, интерпретировал стоические доктрины. Признавая высшим началом природы всепроникающий разум и высшим критерием истины — умозаключения, выводимые из показаний чувств, он в гораздо большей мере, чем Сенека, персонафицирует этот первичный принцип и исходящие от него *логосы*, воплощенные в человеке и роднящие его с природой целого. Первичный принцип для него — бог Зевс, логосы он отождествляет с гениями, направляющими дела людей и знающими все их мысли и побуждения. Познание себя, своего гения, логоса, есть путь к познанию своего божественного начала и самого бога. Именно оно, а не изучение строения космоса, сущности материи и т. п. делает человека счастливым, добродетельным, а главное, свободным. Задача философии — открыть критерий истины, который не может не существовать.

Главная задача философа, по мнению Эпиктета, в том, чтобы личным примером научить людей, как можно и нужно жить так, чтобы быть истинно свободным. Изменить существующий порядок вещей нам не дано, не дано изменить и людей, но можно привести свою волю в гармонию с реальными условиями нашей жизни и окружения. Для этого нет необходимости уходить из жизни или бежать в пустыню. Напротив, человек должен всегда помнить, что он часть целого, гражданин космоса и своего государства, и исполнять свой долг на том посту, который назначил ему бог, мужественно терпеть испытания, посылаемые ему богом, тренирующие его, как тренируют хороших солдат и гладиаторов. Он должен исходить не из своего личного блага, а из блага целого, вне которого отдельно взятый человек вообще не человек.

Но, исполняя свой долг гражданина, подданного, правителя, отца, сына, мужа, соседа, он должен показать людям, как можно при этом жить без страха, боли, волнений, страстей. Для этого он должен ничего не считать своим, не бояться изгнания, бедности, простого труда, избавиться от зависти, гнева, желаний, жалости, не осуждать богов и людей, если все идет не так, как хотелось бы, довольствоваться минимумом, всегда доступным, и не стремиться к излишнему. Счастье не в исполнении желаний, а в их уничтожении.

То основное, что характерно для стоической философии, — стремление к духовной независимости и перенесение идеи свободы из реального в моральный план — так или иначе определяло интересы как высших, так и средних слоев общества.

Среди последних особенно живой интерес вызывали вопросы морали, приспособленные к их повседневной жизни. Сочувствием по-прежнему пользовалось обличение испорченных нравов. Этой теме были посвящены едкие и желчные сатиры Ювенала, выходца из среды небогатых италийских землевладельцев. Как и другие писатели времени Антонинов, он мог себе позволить свободно бичевать пороки, развращавшие общество прежде, при «тиранах». Богатые и невежественные выскочки, чванлые аристократы, жестокие к рабам господа, их самодурки-жены, развратные ююшши, ищущие покровительства богатых патронов, авантюристы, со всей империи стекающиеся в Рим, плебеи, ради хлеба и зрелищ готовые сегодня приветствовать императора, а завтра тащить его тело в Тибр и славить его убийцу, император Домициан, попирающий все законы и приличия, — таковы основные персонажи его сатир. Им он противопоставляет старые, добрые, простые нравы, еще сохранявшиеся кое-где в маленьких городках Италии, и «нравы предков».

Тем же духом проникнут обширный энциклопедический научный труд «Естественная история» Плиния Старшего. Писал ли он о земледелии, металлах, драгоценных камнях, он всегда находил повод заклеймить современную испорченность и противоестественную жажду роскоши. Темам морали в связи с темами воспитания уделял много внимания ритор Квинтиллиан в своем труде о подготовке юноши к карьере оратора. Им же посвятил ряд специальных сочинений грек Плутарх, собирая и сопоставляя высказывания различных, преимущественно древних, авторитетов по поводу того, как следует вести себя с рабами, с друзьями и недругами, как воспитывать детей, соблюдать приличную благородному человеку умеренность и воздержанность и т. п. По существу, и его знаменитые биографии римских и греческих деятелей написаны как иллюстрации к правилам морали. Нравственному облику своих героев Плутарх придает наибольшее значение, наиболее рельефно его обрисовывает.

Совсем новым жанром, появившимся в первые века нашей эры, был роман — латинский и греческий. Что касается первого, то до нас дошли отрывки «Сатирикона» Петрония и полностью

«Метаморфозы» Апулея, уроженца африканского города Мадавра. О «Сатириконе» речь шла выше (см. лекцию 6). В романе Апулея, платоника и адепта культа Исиды, привлеченного к суду по обвинению в чародействе родственниками богатой вдовы, вышедшей за него замуж, обрабатывается бродячий сюжет, встречающийся также у Лукиана, о юноше, превращенном в осла. Пережив множество приключений, герой наконец с помощью Исиды обретает человеческий облик. «Метаморфозы», написанные живо и остроумно, со множеством бытовых подробностей, имели большой успех. Вставленные в текст рассказы об Амуре и Психее, о неверной жене мельника, спрятавшей любовника в бочку, потом неоднократно использовались писателями Возрождения и нового времени.

Общее умонастроение сказалось и на судьбе науки этого времени. Под влиянием непосредственных требований жизни продолжала развиваться агрономия, разрабатывавшаяся рядом видных теоретиков и практиков. Все они подчеркивали необходимость соединять знания, почерпнутые из книг, с непрерывным экспериментированием и учетом опыта достижений наилучших результатов земледельцев. Однако успехи агрономии сужались невозможностью организовать достаточно интенсивное рациональное хозяйство, основанное на рабском труде.

Непрерывно развивались также теория и практика юриспруденции. Право при империи было необычайно сложным. Основой римского права были «Законы XII таблиц», составленные еще в эпоху борьбы патрициев и плебеев. Потребностям общества с развитыми товарно-денежными отношениями, многослойной структурой различных статусов и прав они не удовлетворяли, но приверженность римляне к установлениям предков не позволяла им отменить устаревшие законы. Они дополнялись многочисленными новыми законами, принятыми сенатом или народным собранием, эдиктами магистратов, а со времени установления империи — законами, издававшимися императорами, и рескриптами, т. е. ответами на различные обращения к императорам прошений, становившимися прецедентами для аналогичных случаев. Так или иначе должны были учитываться и многообразные правовые нормы провинций.

Чтобы разобраться во всей этой массе материала, требовались большие специальные знания. Их получали в юридических школах, из которых выходили наиболее видные юристы, становившиеся затем императорскими чиновниками и советниками императоров. Обширные толкования и комментарии юристов к действующим законам также превращались в источники права. Уделяя основное внимание практическому приложению римского права, юристы вырабатывали и основные теоретические положения — о видах собственности, договоров, контрактов, исков, сущности и границах правоспособности контрагентов различного статуса, юридических лицах и т. п. Наибольшее значение в теоретическом плане приобрело учение о природном равенстве лю-

дей, об обычном праве, общем для разных племен и народов, и, наконец, о гражданском (цивильном) праве, действительном для римских граждан и не совпадающем с естественным правом, например в вопросе рабства: человеку от природы по естественному праву присуща свобода, рабом его делает лишь закон. Рабство, таким образом, определялось как результат насилия, лишь санкционированного законом, что было большим шагом вперед по сравнению с прежними теориями прирожденного рабства варваров. Сводка основных положений права давалась в составлявшихся для учебных и практических нужд сборниках. Полностью кодифицировано римское право было только при византийском императоре Юстиниане в VI в. Составленный тогда «Корпус гражданского права» римских граждан лег в основу как средневекового, так и буржуазного права Европы.

В Александрии пышного расцвета достигли математика и связанные с нею науки. Итог им был подведен в трудах Птолемея. Наибольшее влияние на последующую науку оказал его «Математический свод», известный у арабов под названием «Алмагест» трактат по астрономии. В своей системе Птолемей исходил из шарообразности Земли, расположенной в центре вращающихся вокруг нее сфер небесных тел, движение которых он вычислял, основываясь на тригонометрии и сферической геометрии Гиппарха и Мепелая. Он рассчитал продолжительность самого длинного дня для каждой широты, сроки затмений и составил каталог 1022 звезд, приведя координаты каждой из них. На математических принципах основывалась и его «География» с приложением руководства по черчению карт. Определив размеры Земли, Птолемей дал координаты 8000 географических пунктов (впрочем, весьма неточно).

Неприятие пизами официальных ценностей, их пока еще пассивный протест против настойчивых попыток власть имущих «подчинить себе их суждения», растущая склонность в широких слоях господствующих классов к легко и бездумно воспринимаемым готовым истинам, к острым ощущениям, позволяющим отвлечься от действительности, перенесение людьми всех проблем в область морали, проповедь добродетели и мудрости ради даваемого ею покоя и исполнение долга ради долга без дальнейших реальных положительных целей — все это были предвестники надвигающегося кризиса античной культуры. Она еще порождала многих замечательных деятелей, стоявших не ниже, а в некоторых отношениях, может быть, и выше своих более или менее отдаленных предшественников. Но в отличие от историков, писателей, философов, ораторов, некогда обращавшихся ко всему афинскому или римскому народу и находивших у народа живой отклик, они оставались чуждыми современному им простому, трудящемуся народу. Культура империи превращалась в культуру элиты, не предназначенную для «плебса, не имевшего мудрости». А это было несомненным показателем ее близкого упадка.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

1. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА¹

Кризис старых духовных ценностей требовал какого-то социально-психологического замещения их. Искать замену в пределах греко-римского культурного круга было бесполезно, потому что его мыслители еще долго не могли преодолеть обаяния идей, созданных полисным миром, который формально продолжал существование еще в течение столетий. Правда, в более скромных социальных слоях, не затронутых учениями философов, отмечены и сообщества такого типа, где подготавливалась моральная атмосфера, в которой позднее могло расцвести христианское учение. Уже в I в. до н. э. в Малой Азии сложились общины митраистов (см. лекцию 18). В Греции еще ранее, со времен расцвета полиса, существовали и продолжали существовать в период империи общины орфиков. Учение их возводилось к древнему мифическому певцу и музыканту Орфею, якобы нисходившему в преисподнюю в тщетной попытке высвободить оттуда свою супругу Эвридику. Признавая весь пантеон греко-римских божеств, орфики переосмыслили мифы о них в этико-символическом духе: из яйца Хроноса («Времени») родился Эрос — божество любви и света, который и создал первичный мир, лишь видоизмененный Зевсом и олимпийскими богами. Орфики учили, что душа человека проходит круг перевоплощений, но он может быть сокращен «орфической» жизнью, которая предполагала презрение к плоти и аскетизм; выходя из круга перевоплощений, душа человека вступала в вечный мир блаженства и божественного бессмертия.

Учение орфиков, однако, тоже не могло ответить на болезненные вопросы эпохи — хотя бы потому, что не порывало с уже опостылевшими «полисными» культами и с культом императора, де-

¹ В лекции редакционная коллегия использовала любезно предоставленные материалы С. С. Аверинцева.

лая упор на самосовершенствование в пределах существующей системы ценностей. Еще важнее было то, что орфические общины были тайными, строго замкнутыми группами. Но трудно отрицать, что и орфизм подготавливал среди населения империи многие идеи будущего христианства — прежде всего идею неокончателности смерти, возможности бессмертия для каждого праведника и воздаяния человеку по делам его в загробном бытии.

На Ближнем Востоке дело обстоит по-иному. Здесь уже по крайней мере с VI в. до н. э. возникли эсхатологические² течения — мистика абсолютного будущего, ожидания прихода спасителя мира для устроения нового, окончательного и безупречно справедливого порядка на земле. Ожидание спасителя было свойственно многим направлениям зороастрийской религии, но особенно характерно было упование на будущего спасителя «помазанника» для течений, слагавшихся на почве ветхозаветной религии, видимо, не без влияния зороастризма. В связи с перипетиями эллинистической истории, с многократными переселениями этнических групп — и в том числе иудеев — во все концы эллинистического мира ветхозаветные идеи получали все более широкое распространение. Иудеи, принадлежащие к «диаспоре» (выселенцы из Палестины), занимались привлечением новообращенных в ортодоксальный иудаизм, но, кроме того, в разных местах образовывались, как мы уже видели («Расцвет древних обществ», лекция 20), различные более или менее обособленные группы и течения, такие, как терапевты в Египте, ессеи в Иудейской пустыне у Мертвого моря, сторонники Иоанна «Крестителя», а затем и многие другие. Для всех них были характерны не только эсхатологические чаяния вообще, но и ожидание избавления, которое будет принесено в «конечные времена» конкретным лицом. Для ортодоксальных иудеев это должен был быть непременно потомок древнего царя Давида, помазанный Богом в цари («помазанник» по-древнееврейски *машиах*, по-гречески *мессия* или *христос*); ожидалось, что он восстановит конкретное государство по не в его прежнем виде, а в виде идеального, утопически-справедливого царства, доступного только праведникам, выполнявшим боговдохновенный «Закон» Торы, или Пятикнижия, приписывавшегося Моисею. Вера в приход мессии утвердилась по крайней мере еще с VI в. до н. э. Часто считали, что перед пришествием мессии будет новое явление пророка Илии, который якобы не умер, а вознесся живым на небо и может вновь появиться на земле в «конечные времена». Другие религиозно-этические движения сходного происхождения сохраняли веру в будущее пришествие мессии, хотя рассматривали его более в нравственном аспекте. Как уже говорилось («Расцвет древних обществ», лекция 20), иудеи считали, что Яхве заключил со своим народом особый «завет» (договор, материальным признаком которого было обреза-

² От греч. *эсхатос* — «крайний, конечный». Эсхатология — религиозное учение о «последних временах», о конечных судьбах мира и человека.

ние: оно должно было отличать поклонников Яхве от всякого другого народа). Новые секты и религиозные движения стали выдвигать идею о Новом завете, т. е. новом договоре между богом и людьми, основанном на более высоких нравственных требованиях единого божества к личности человека. Представление о таких личных отношениях между богом и человеком не могло сложиться в хаотическом мифологическом мире греко-римской культуры — оно могло сложиться лишь на почве монотеизма, веры в одного бога, лицом к лицу с которым оказывается человек. Монотеизм же реально существовал в I в. до н. э. — I в. н. э. только в учениях, развившихся на библейской почве. Кроме того, именно здесь неизбежно было наиболее резкое столкновение с официальной идеологией Римской империи: монотеизм был абсолютно несовместим с идеологическим обоснованием империи — культом императора как одного из «божеств».

2. СОСТАВ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ НАЧАЛЬНЫХ СТАДИЙ ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Генезис христианства принадлежит к проблемам, которые могут ставиться исторической наукой в двух различных планах — более общем и более узком. Возведение эсхатологизма в новое качество и одновременно его преодоление, приведшее к возникновению христианства, было обусловлено общественно-психологической ситуацией Римской империи. Систематически прослеживать эту обусловленность и означает решать в широком плане проблему возникновения христианства. Материал для решения проблемы в таком плане более чем обилён: по сути дела, это вся совокупность наличных данных о повседневной жизни, духовной тревоге, идейных исканиях жителей Римской империи в начале нашей эры.

Совсем другое дело — постановка проблемы генезиса христианства в узком плане, т. е. реконструирование фактической истории малозаметных событий в Палестине I в. н. э., послуживших началом собственно христианского движения. Как уже не раз отмечалось многими советскими историками, вопрос о фактической достоверности того или иного события или об историчности того или иного лица — это не мировоззренческий, а фактографический вопрос. В качестве такового он и должен решаться. Но при этом полезно напомнить, как Энгельс, сам разрабатывавший проблему происхождения христианства исключительно в широком плане, протестовал против попытки Бруно Бауэра вообще снять постановку этой проблемы в узком плане: «Разумеется, Бауэр, как и все, кто борется с закоренелыми предрассудками, во многом далеко хватил через край. Чтобы установить на основании также и литературных источников влияние Филона и особенно Сенеки на формирующееся христианство, а новозаветных писа-

телей представить прямыми плагиаторами упомянутых философов, Бауэру пришлось отнести возникновение новой религии на полсотни лет позже, отбросить не согласующиеся с этим сообщения римских историков и вообще позволить себе большие вольности при изложении истории. По его мнению, христианство как таковое возникает только при императорах из династии Флавиев, а новозаветная литература — только при Адриане, Антонине и Марке Аврелии. Вследствие этого у Бауэра исчезает и всякая историческая почва для новозаветных сказаний о Иисусе и его учениках; эти сказания превращаются в легенды, в которых фазы внутреннего развития первых общин и духовная борьба внутри этих общин переносятся на более или менее вымышленные личности»³.

Необходимо отметить, что вплоть до 60-х годов значительная часть советских исследователей, захваченная пылом борьбы с «закоренелыми предрассудками», шла скорее за Бауэром, чем за Энгельсом, утрируя даже передержки «хватившего через край» Бауэра. Так, например, если для Бауэра новозаветные авторы — «настоящие плагиаторы» более ранних писателей — Филона (ум. около 40 г. н. э.) и Сенеки (ум. в 65 г. н. э.), то для Р. Ю. Виппера это плагиаторы Плутарха (ум. после 119 г. н. э.), что гораздо более странно с точки зрения хронологии, да и в прочих отношениях.

С течением времени накопление нового материала (в частности, кумранские открытия, находки в Египте фрагментов евангелий, относящихся к началу II в. н. э., общее развитие научных теорий мифотворчества) создало предпосылки для более строгого отношения к фактам и евангельской традиции; это ощущается, в частности, в последних работах И. Д. Амусина, М. М. Кубланова, И. С. Свенцицкой, А. Ч. Козаржевского.

Ф. Энгельс, критиковавший тюбингенскую школу за то, что она сохраняет все евангельские рассказы, отбрасывая только чудеса, и Бруно Бауэра — за его гиперкритицизм, писал, что между этими границами лежит истина и что «новые находки, в особенности в Риме, на Востоке и прежде всего в Египте помогут в этом вопросе гораздо больше, чем какая угодно критика»⁴. Открытия, сделанные в послевоенные годы, оправдывают эти слова Ф. Энгельса.

Для историка обобщающие схемы и принципиальные конструкции никогда не могут заменить конкретность фактов и персоналий. Постановка проблемы генезиса христианства в широком плане не отменяет постановку этой проблемы и в узком плане. Однако с источниками во втором случае дело обстоит куда менее благополучно, чем в первом.

³ Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 474.

⁴ Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 474.

Разумеется, особую ценность имели бы сообщения об Иисусе из Назарета и его первых последователях, исходящие от «сторонних» и постольку более или менее «незаинтересованных» свидетелей — римских хронистов первой половины и середины I в. н. э. К сожалению, вся актуальная историография ранней империи, предшествующая Тациту и Светонию, утрачена (за единственным исключением конспективного труда Веллея Патеркула, набросанного к тому же слишком рано — в 29 г.).

Упоминание христианства у Тацита вкраплено в рассказ о внаменитом пожаре Рима при Нероне в 64 г. н. э., подавшем повод к слухам о намеренном поджоге. «И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время, это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев». После этого историк описывает казни христиан, оформленные как зрелище. Нет никаких оснований считать это место подложным или хотя бы интерполированным. Другой вопрос, какую информацию оно содержит. По достоверным сведениям, имевшимся у Тацита, к 64 г. христианство существовало, дошло до Рима и было уже настолько известно столичному обывателю, что могло пригодиться официозной пропаганде в качестве политического козла отпущения. Все это само по себе важно. Однако дает ли это сообщение сведения о начале христианского движения? Тацит писал в 116—117 гг. В эти годы о том, что христианство зародилось в Иудее, что основателем его был некто «Христос», казненный римскими властями, и что при этой казни играл какую-то роль прокуратор Понтий Пилат, можно было услышать от первого встречного христианина (а ведь друг Тацита Плиний Младший лично допрашивал христиан в Вифинии). «Анналы» Тацита — гораздо более ценный источник для истории римской стадии христианства, чем для истории его палестинской стадии.

То же самое в еще большей степени относится к сообщению Светония об императоре Клавдии: «Иудеев, постоянно волнуемых Хрестом⁵, он изгнал из Рима». Из-за этого «Хреста», о котором Светоний больше ничего не знает, при Клавдии происходили беспорядки в римской еврейской общине.

На этот раз мы узнаем, что, по-видимому, не только Нерону, но еще его предшественнику Клавдию пришлось в какой-то мере считаться с фактом мессианского движения последователей Иисуса. Стоит вспомнить о рескрипте того же императора Клавдия от 41 г. к александрийцам, текст которого был обнаружен на папиру-

⁵ Хрест — лингвистически закономерная латинская передача греческого *христос*.

се, найденном в 1920 г. в Египте. Император в нескольких темных выражениях запрещает александрийским иудеям приглашать к себе иудеев из Сирии и Египта, разносящих «как бы некий общий недуг всей вселенной».

Толкование этого рескрипта вызывает споры, нельзя быть вполне уверенным, что в нем идет речь именно о христианстве; но он, во всяком случае, говорит о распространении из Сирии и Египта учений, связанных с библейской традицией и опасных для империи. В этом смысле свидетельство рескрипта смыкается с сообщением Светония о распространении христианства при Клавдии; но все это, к сожалению, еще не может дать нам в руки сведения о самих палестинских истоках христианства.

Естественно обратиться к историку Палестины Иосифу Флавия (37 — около 100 г.). В его «Иудейских древностях» (XX, 199—201) сообщается под 62 г. об убийении Иакова, «брата Иисуса, прозванного Христом», и есть раздел о самом Иисусе (XVIII, 63—64); этот раздел сразу резко разочаровывает исследователя: в нем бросаются в глаза заявления о мессианском достоинстве и даже божественности Иисуса, которые никак не могут принадлежать верующему иудею, каким был Иосиф, но только верующему христианину, каким он ни в коем случае не был. Безусловно, раздел испорчен переделками и вставками (интерполяциями) христианских переписчиков; но правильно ли считать его в полном объеме одной большой интерполяцией, или можно попытаться вычлени из него подлинное ядро, отбросив наслоения? Этот вопрос до недавнего времени был предметом острой, но довольно безрезультатной дискуссии, пока в 1971 г. семитолог Ш. Пинес не доказал при помощи строгого филологического анализа, что первоначальный подлинный текст сохранился в средние века в ближневосточном рукописном предании благодаря раннему переводу «Иудейских древностей» на сирийский язык с оригинала, еще не подвергнувшегося христианской переработке. Этот сирийский перевод сообщения Иосифа об Иисусе сберегла для науки цитата из него (по-арабски) во «Всемирной истории» («Китаб аль-унван») христианского историка X в. Агания с прямой ссылкой на Иосифа Флавия⁶. Интересующее нас место читается так:

«...В это время был мудрый человек по имени Иисус. Его образ жизни был похвальным, и он славился своей добродетелью; и многие люди из числа иудеев и других народов стали его учениками. Пилат осудил его на распятие и смерть; однако те, кто стали его учениками, не отреклись от своего ученичества. Они рассказывали, будто он явился им на третий день после своего распятия и был живым. В соответствии с этим он-де и был Мессия, о котором пророки предвещали чудеса...»

В отличие от переделанного христианским редактором греческого текста здесь нет ни сомнений в человеческой сущности

⁶ Текст Агания был издан еще в 1910 г. русским ученым Васильевым, но на него не обратили надлежащего внимания.

Иисуса, ни упоминания о его чудесах, ни возложения ответственности за его смерть на иудейских старейшин (противоречащего общей тенденции сочинений Иосифа); что касается воскресения Иисуса и его мессианского достоинства, то они всецело оставлены на совести Иисусовых учеников. Это голос не враждебный, но чуждый христианству. Иначе говоря, отпадают все препятствия к тому, чтобы рассматривать весь раздел в таком виде как подлинный текст Иосифа Флавия (конечно, со скидкой на несущественные деформации, возникшие при последовательном переводе с греческого на сирийский и с сирийского на арабский).

Другое из двух главных сочинений Иосифа Флавия — «Иудейская война» — было написано в двух вариантах: по-гречески — с расчетом на римскую публику и по-арамейски — с расчетом на иудейскую публику. Сохранился только греческий вариант, в котором христианство ни разу не упомянуто, что само по себе довольно понятно: официальному историографу династии Флавиев, доказывающему грекоязычному читателю историческую правоту империи и политическую безобидность иудейства, не к чему было распространяться о мессианских движениях. Что касается древнего славянского перевода «Иудейской войны», возможно хотя бы отчасти восходящего к арамейскому подлиннику и доносящего колоритные подробности о политическом фоне выступления и гибели Иисуса, то проблема этого перевода является одной из самых интересных, но и самых спорных проблем источниковедения. Формулировать ее итоги еще не время.

Ипосказательные упоминания об Иисусе и ранних палестинских христианах (*миним* — «еретиках», «отщепенцах») в Талмуде представляют собой довольно позднюю (II—V вв. н. э.) запись своеобразного «фольклора» раввинских школ за полтысячелетия. Устное предание имеет свои свойства: оно крайне легко искажает факты, но порой очень цепко удерживает образ. Анекдоты и слухи о начале христианства, записанные в Талмуде, не отличаются в этом отношении от всех других анекдотов и слухов. Сообщаемые в них данные не следует ни переоценивать, ни отвергать целиком.

Христианская литература первых десятилетий дошла главным образом в составе канонического сборника, носящего название «Новый завет»; это комплекс религиозных сочинений, выбранных церковью среди им подобных как наиболее адекватное выражение новой веры, прибавленных к Септуагинте⁷ и вместе с ней составляющих христианскую Библию. Отбор новозаветного канона в основном произошел во II в., но завершился только к концу IV в. В него входит 27 сочинений различных жанров: четыре «Еванге-

⁷ Септуагинтой называется перевод еврейской Библии на греческий язык, выполненный в III—II вв. до н. э. в Египте для тамошней иудейской общины; он содержит некоторые книги, впоследствии исключенные из иудейского канона.

тия»⁸, примыкающие к ним «Деяния апостолов», 21 «послание» (поучения в эпистолярной форме), из которых 14 принадлежат или приписываются традицией апостолу Павлу, а остальные — апостолам Петру (два), Иоанну Богослову (три), Иакову и Иуде⁹ (по одному), и, наконец, «Откровение Иоанна Богослова», или «Апокалипсис» — фантастическая картина грядущего конца мира. Все эти сочинения сохранились на греческом языке — международном языке Восточного Средиземноморья, там, где традиция сообщает о семитическом (еврейском или арамейском) подлиннике, как в случае с «Евангелием от Матфея», этот подлинник утрачен.

Четыре «Евангелия» составлены в форме рассказа о жизни и проповеди Иисуса, о его смерти и воскресении. Наиболее краткое и, возможно, самое древнее «Евангелие от Марка» ничего не говорит ни о происхождении, ни о детстве и юности своего героя; рассказ начинается прямо с того, что аскет и пустынный Иоанн «Креститель» (не смешивать с Иоанном «Богословом», учеником Иисуса, которому приписывается авторство ряда новозаветных текстов) выступает с проповедью покаяния и крестит своих последователей в реке Иордан (т. е. подвергает их ритуальному омовению, укорененному в иудейских религиозных традициях), предсказывая при этом приход «более сильного», чем он сам; как бы в ответ на эти слова Иисус¹⁰ приходит из Галилеи к Иоанну и принимает крещение. В самый момент обряда Иисус (по другой интерпретации текста — Иоанн) имеет видение: над ним развешаются небеса, Дух божий (упоминаемый в Ветхом завете, но ни там, ни в Новом завете еще не признаваемый одной из трех ипостасей Божества, как позже у христиан) спускается к нему в виде голубя, и глас с небес утверждает Иисуса в мессианско-царственном звании «Сына Божия». Подготовившись сорокадневным уединением в пустыне, Иисус возвращается в родную Галилею на севере Палестины и начинает свою проповедь с возвещения мессианского времени («исполнились времена», «приблизилось царство божие», «покайтесь!»). Описываются призвание им первых учеников (апостолов — греч. «посланцев») из среды рыбаков Тивериадского озера, его странствия, преимущественно в Галилее, творимые им чудеса. Об учении Иисуса в этом Евангелии говорится мало. Постоянный мотив — столкновения с иудейскими ортодоксами из числа господствующих религиозных течений фарисеев и саддукеев (и отчасти с учениками Иоанна «Крестителя»), в связи с тем что Иисус, во-первых, проявляет непринужденность по отношению к запретам иудейской религиозной практики (напри-

⁸ «Евангелия» (греч. «благовестия») первое и четвертое — от Матфея и от Иоанна — написаны от имени учеников Иисуса; второе «Евангелие» приписывается Марку, спутнику апостола Петра, а третье — Луке, спутнику апостола Павла. Само слово «евангелие» в лексиконе Павловых посланий I в. применяется к христианской проповеди в целом.

⁹ Речь идет, конечно, не о предателе Иуде Искариоте, а о его тезке.

¹⁰ Иисус — позднегреческая форма имени Иешуа.

мер, нарушает предписание абсолютного бездействия в субботу), во-вторых, притязает на право прощать людям их грехи, принадлежащее-де только богу, и, в-третьих, поддерживает «оскверняющее» общение с отверженными грешниками. Далее рассказывает о чудесном видении: поднявшись с тремя избранными учениками на «высокую гору» (отождествленную позднейшей традицией с горой Табор, в другом произношении — Фавор), Иисус явился им «преображенным», в засиявших одеждах, и на их глазах беседовал с Моисеем и Илией — легендарными пророками древности. После этого приведены изречения Иисуса, осуждающие богатство и утверждающие самоотверженную готовность на добровольное страдание в качестве решающего критерия духовной жизни¹¹. Наконец, накануне главного иудейского праздника — пасхи — Иисус приближается к Иерусалиму, въезжает в этот город на случайно найденном осленке, принимает приветствие от народной толпы, обращающейся к нему с ритуальными возгласами как к царю-мессии, и властно изгоняет из помещений Иерусалимского храма менял и торговцев жертвенными животными. «Подосланные» люди задают ему опасный вопрос: допустимо ли платить налоги императору? (Если Иисус ответит отрицательно — он разоблачит себя как подстрекатель к сопротивлению, если он ответит утвердительно — он восстановит против себя свободолюбивых «ревнителей» веры.) Иисус просит подать ему римскую монету и спрашивает, чье изображение и чье имя на ней отчеканены. Этот вопрос уже содержит в себе ответ: «Возвращайте цезарево — цезарю, а божье — богу»¹². Вслед за тем Иисус предсказывает неудачу иудейской освободительной борьбы и разрушение Иерусалима; он отвергает также традиционное обозначение мессии как «сына Давидова», переводя таким образом понятие мессии из области политики в область религии. Все это не спасает его от смертельной опасности: старейшины решают предать его суду синедриона, чтобы затем выдать на казнь римским властям (синедрион был лишен права приговаривать к смерти). Иисус в кругу двенадцати ближайших учеников тайно справляет обряд пасхального ужина¹³ (так называемая Тайная Вечера), во время которой предсказывает, что один из учеников предаст его, а затем подает

¹¹ В «Евангелии от Матфея» Иисус начинает знаменитую «Нагорную проповедь» словами: «Блаженны добровольно нищие!» Эта формула находит параллели в кумранских текстах; по традиции, она переводится как «блаженны нищие духом», что приводит к ложному пониманию.

¹² На одном из евангельских фрагментов, найденном в Египте, Иисус уклоняется от ответа на вопрос (он говорит только: «Зачем вы называете меня своими устами „учитель“, если не слушаете того, что я говорю...»; в «Евангелии от Фомы», тоже найденном в Египте, Иисус добавляет: «...а мне — мое»).

¹³ Если считать, что «Тайная Вечера» была ритуальным пасхальным ужином (др.-евр. *седер*), как полагает ряд исследователей, то приходится предположить, что приверженцы Иисуса справляли seder на день раньше, чем ортодоксальные иудаисты. В свете кумранских текстов это находит свое объяснение.

ученикам хлеб и вино, называя их своим телом и своей кровью, а себя уподобляя жертвенному пасхальному ягненку (прообраз христианской *евхаристии* — «причастия»). Ночь он проводит с учениками на Масличной горе в предместье Иерусалима, «ужасается и тоскует», просит троих самых избранных апостолов бодрствовать вместе с ним и в смертельной тоске обращается к богу с молитвой: «Авва¹⁴ Отче! Все возможно для тебя; пронеси эту чашу мимо меня! Но пусть будет не так, как я хочу, но как ты хочешь». После этого приходит один из учеников, по имени Иуда Искарот, вместе с вооруженными приверженцами иудейских старейшин; он подходит к Иисусу и целует его — это знак, кого надо схватить. Ученики разбегаются, Иисус отведен на суд синедриона, где подтверждает свое притязание на мессианское достоинство, за что старейшины выносят ему (предварительный) смертный приговор. Ранним утром Иисуса ведут к римскому прокуратору Иудеи Понтию Пилату для подтверждения приговора. Пилат спрашивает Иисуса, считает ли тот себя царем иудеев, и получает утвердительный ответ. Однако Пилат явно сомневается в политической серьезности дела и не прочь спасти необычного узника. По обычаю к празднику пасхи можно было помиловать одного осужденного; Пилат предлагает Иисуса, но толпа требует помиловать вместо него некоего Варавву, «который во время мятежа совершил убийство»¹⁵. Иисуса ждет участь бесправных — телесное наказание и затем распятие на кресте. Его ведут на место казни (Голгофу) и распинают между двумя разбойниками. Описываются его страдания на кресте в течение шести часов и последние слова: это цитата из библейского псалма («Боже мой, Боже мой, почему ты меня оставил?»), приведенная не по-гречески, как остальной текст, и не по-древнееврейски, как в подлинном псалме, а на родном галилейско-арамейском наречии Иисуса: «*элхй, элхй, ламмй шебактанй?*» Тело Иисуса было выдано одному знатному иудею и спешно похоронено в каменном саркофаге, в пещере, в присутствии двух последовательниц Иисуса. На следующий день была пасхальная суббота — день, когда по иудейским верованиям нельзя ничего делать и нельзя никуда ходить. Когда же по истечении субботы Мария Магдалина и еще две женщины («мироносицы») пришли, чтобы омыть и умастить благовониями тело Иисуса, саркофаг оказался пуст, а на его краю сидел «юноша, облеченный в белую одежду», который сказал, что Иисус из Назарета «восстал и его здесь нет» и что ученики увидят его в Галилее. Женщины в изумлении и страхе ушли. Дальнейший текст содержится не во всех рукописях, и многие исследователи считают его неподлин-

¹⁴ Слово *авва* (точнее, *абба*) по-арамейски и означает «отче»; оно введено в греческий текст наряду с его же переводом как отражение арамейского подлинника (письменного или устного).

¹⁵ Несколько иначе о суде над Иисусом рассказывается в апокрифическом «Евангелии от Петра»: главная роль там отводится Ироду Антипе, правителю Галилеи; Пилат умывает руки в судилище, а не перед народом; народ возмущается казнью Иисуса и т. д.

ным. Кратко повествуется о явлениях Иисуса Марии Магдалине и «в другом образе» двум незазванным ученикам; оба раза видевшие не встретили к себе доверия. В конце изображается, как еще одно явление происходит перед всеми одиннадцатью апостолами, после чего они идут на всемирную проповедь новой веры. На этом кончается «Евангелие от Марка».

Другие евангелия прибавляют к рассказу новые черты. По-видимому, одним из главных препятствий к тому, чтобы иудеи признали в Иисусе мессию, было его скромное происхождение из семьи галилейского плотника. Поэтому «Евангелие от Матфея» и «Евангелие от Луки» предлагают списки предков Иисуса, возводящие его к царю Давиду и прародителю Аврааму. Плотник Иосиф оказывается обедневшим отпрыском царского рода. Далее подчеркивается, что рождение Иисуса по особому стечению обстоятельств произошло не в неизвестном галилейском Назарете, но в «Давидовом» городе Вифлееме, с которым были связаны древние пророчества о мессии. Оба евангелия рассказывают, что Иисус был чудесно зачат и рожден девственной матерью; «обручник» (фигурный супруг) девы Марии — Иосиф был только приемным отцом таинственного младенца, он усыновил его как потомок древней династии Давидов. «Евангелие от Матфея» повествует об астрологах из Месопотамии («волхвах»), которые были приведены звездой на поклон новорожденному мессии, «Евангелие от Луки» — о вифлеемских пастухах, которых научил поклоняться младенцу явившийся им ангел. Жизнеописание Иисуса у обоих этих евангелистов в общем сходно с тем, которое дано у Марка, хотя порядок событий несколько иной, детализация более обстоятельна, чудесному отведено больше места.

Но главное отличие состоит в том, что в эти евангелия введено большое количество афоризмов и притч (др.-евр. *машалим*), приписываемых Иисусу. Так называемая Нагорная проповедь особенно пространно дана в «Евангелии от Матфея»¹⁶, она содержит этико-религиозную программу христианства.

На место древней этики любви к «братьям», к «своим» по крови поставлен универсалистский идеал любви ко всем людям, обнимающей друзей и врагов; на место заповеди возмездия — заповедь прощения; на место принципа деловой озабоченности — требование презирать все земные заботы, не думать о завтрашнем дне и ждать «конечных времен». В «Евангелии от Луки» особенно много притч, и среди них такая известная, как притча о блудном сыне, иллюстрирующая мысль об открытом грешнику прощении.

Что касается «Евангелия от Иоанна», то в нем жизнеописание Иисуса существенно отличается от того, которое предложено в

¹⁶ Согласно «Евангелию от Матфея», проповедь была произнесена «на горе»; согласно «Евангелию от Луки» — «на равнине» (гл. 6, ст. 17). По-видимому, то и другое — перевод одного и того же арамейского слова, означающего любую незаселенную местность (в противоположность заселенной).

первых трех евангелиях, настолько, что его трудно, даже невозможно согласовать с повествованием первых трех евангелий. Здесь упомянуты события совсем иные, действие происходит преимущественно в Иудее и специально в Иерусалиме, а не в Галилее. Именно «Евангелие от Иоанна», по существу, впервые подчеркивает божественность Иисуса. Этому евангелию предпослан богословский пролог, звучащий как гимн, в котором идет речь о «Логосе» (др.-греч. «слово», «мысль», «смысл») как втором лице бога, существовавшем до начала времен и воплотившемся в Иисусе. Этот пролог — начало христианской теологии¹⁷.

Многозначительное название капопического христианского сборника «Новый завет», включающего кроме евангелий и другие части, обусловлено сложной эволюцией идей. Как уже упоминалось, в основе иудейства лежит представление о «союзе» или «договоре» («завете») между богом и человеком (или общиной людей), в силу которого человек принимает заповеди бога и творит на земле его волю, а бог охраняет человека и ведет его к спасению. Термин «Новый союз» («Новый завет») встречается в VI в. до н. э. у пророка Иеремии (гл. 31, ст. 31); затем, что особенно важно, он служил самоназванием кумранской общины ессеев (II в. до н. э. — I в. н. э.). Христианство жило верой в то, что новый союз бога с людьми осуществлен в результате примирительной миссии и жертвенной смерти Христа. В отличие от кумранской секты в обиходном языке христианства термин «Новый завет» стали прилагать не к самой общине, а к сумме канонических текстов, в которых видели новые заповеди, заменяющие «ветхий» Моисеев «Закоп» (Тору). Слово «новый», вошедшее в обозначение самой чтимой книги христиан, как нельзя лучше передает эсхатологический историзм раннехристианской религиозности; члены христианских общин чаяли космического обновления и сами ощущали себя «новыми людьми», вступившими в «обновленную жизнь».

Каждое евангелие, входящее в Новый завет, представляет собой не только рассказ, но «весть», не только жизнеописание Иисуса, но прежде всего проповедь о Христе, Сыне Бога. Евангельские тексты прежде всего предназначались для культовых чтений-декламаций на общинных собраниях, для богослужения, их композиция определена логикой литургического (богослужебного) мышления, а словесная ткань — литургическим ритмом.

¹⁷ В первых трех («синоптических», т. е. «сводящихся воедино») евангелиях Иисус ни им самим, ни его учениками не отождествлялся прямо с богом, хотя его и называют Сыном Божиим и мессией (Христом). Заметим, что всякий, принявший учение Христа, тоже «сын божий» — так, например, по «Евангелию от Иоанна» (гл. 1, ст. 12). Но в том же «Евангелии от Иоанна» впервые появляется обозначение Иисуса Христа как «бога» (в начальных строках и особенно в гл. 20, ст. 28); он понимается (хотя чаще всего прямо не обозначается) как божество также в апостольских посланиях и вполне ясно провозглашен богом в «Откровении» («Апокалипсисе»)

Наиболее характерно в этом отношении «Евангелие от Иоанна». Вообще миф о раннем христианстве без обрядов и таинств не соответствует исторической действительности. Внешняя примитивность и скудность обрядов молодой и гонимой церкви сочеталась с тем, что само слово евангельских текстов, тоже очень простое и необработанное, воспринималось по своей внутренней установке как ритуальное, богослужебное (литургическое) слово, словесное «действие» и «таинство». Такому слову отводилось особое место в жизни, с чем должен постоянно считаться историко-коведческий анализ.

Первые три евангелия, которые ввиду общности материала принято в отличие от четвертого называть «синоптическими», не столь интенсивно литургичны в каждой своей фразе, как «Евангелие от Иоанна», а «Евангелие от Луки» выявляет даже сознательную ориентацию на стандарты и нормы «мирской» эллинистической историографии; однако и они предполагают скорее заучивание наизусть, ритмическую, распевную рецитацию и замедленное вникание в отдельные единицы текста, чем обычное для нас читательское восприятие. Это роднит их с другими «священными» книгами Востока, например с Кораном (само арабское название которого выражает идею громкого чтения вслух), с «Ведами», с текстами буддийского канона.

Важная историко-коведческая проблема — выяснение относительной и абсолютной хронологии евангельских текстов, а также их зависимости или независимости друг от друга. К началу XX в. была разработана схема, до сих пор служащая с известными модификациями отправным пунктом для многих исследователей: «Евангелие от Марка» и гипотетический, искусственно реконструируемый текст под кодовым обозначением Q (от нем. *Quelle* — «источник») рассматриваются как база, на которой построены «Евангелия» от Матфея и Луки, причем к Q восходят речения Иисуса, общие для Матфея и Луки¹⁸, но не встречающиеся у Марка. Предполагается, что «Евангелие от Марка» и Q возникли до падения Иерусалима в 70 г., «Евангелия» от Матфея и от Луки — между 70—90 гг., «Евангелие от Иоанна» — между 90 и 120 гг. (последняя датировка подкрепляется находкой в Египте папирусного фрагмента четвертого евангелия, который относится к первой трети II в.).

Вопрос о датировке новозаветных текстов и об их связи с палестинской стадией христианства будет, без сомнения, еще не раз пересматриваться в связи с новыми публикациями кумранских текстов и новыми археологическими открытиями.

¹⁸ А также для недавно найденного в Египте неканонического «Евангелия от Фомы», содержащего одни приписанные Иисусу афоризмы, без его жизнеописания. Однако «Евангелие от Фомы» не тождественно Q, как можно было бы предположить, поскольку в нем ощущается позднейшее гностическое влияние. Число афоризмов в нем значительно больше, чем в канонических евангелиях.

3. ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ И ПРОБЛЕМА ЕГО ДОСТОВЕРНОСТИ

Поскольку наука, не связанная религиозным вероучением, не имеет никаких оснований априорно принимать или априорно отвергать евангельский рассказ в каждой его детали, перед ней встает проблема критики источника.

В поисках реальной основы для такой критики необходимо помнить, что тексты евангелий — отнюдь не плод вольного литературного или религиозно-философского творчества. Уже в самом процессе своего становления они были жестко привязаны к совершенно конкретной утилитарной задаче: служить закреплением и подсобным инструментом проповеди, которой они и были порождены.

Из этого вытекает практический вывод: целесообразно попытаться выделить в составе евангельского повествования такие моменты, которые по своим ассоциациям, реально доступным для людей той эпохи и так или иначе всплывающим в текстах, могли лишь помешать делу христианской пропаганды и скомпрометировать саму проповедь. Если это удастся сделать, очевидно, что совокупность указанных моментов даст тот минимум безусловно непридуманных фактов (достоверных уже своей невыгодностью), которые не связанная религиозными догмами история обязана принять. Разумеется, вовсе не каждый подлинный факт непременно должен быть неудобным для пропагандируемого учения, но зато каждое неудобное сообщение должно восходить к подлинному факту, ибо провозвестник христианского учения был не в таком положении, чтобы взыскивать себе на шее бремя этих неудобств иначе, как под давлением истины.

Целесообразно как можно полней использовать все еще недостаточно оцененный способ выяснить, какие именно пункты евангельского повествования были неудобны. Для этого нужно установить, что вызывало желание задним числом «исправить». Возможность эта связана с рассмотрением евангелий на фоне апокрифов, апологетических толкований и тому подобной несколько более поздней литературы. Чтобы определить, чем являются канонические евангелия, полезно для начала понять, чем они не являются, а для этого нет лучшего пути, чем почувствовать контраст между ними и апокрифами. В апокрифах (как позже и в житиях апостолов и святых) царит ничем не сдерживаемая стихия эллинистической аретологии (жапра повествований о чудесах) и восточного мифа (а порой, как в рассказах «Фомы Израильянина» о детстве Иисуса, и восточной сказки). Фантазия работает в них так же беспрепятственно — и порой с такой же странной убедительностью, — как в сповиданиях: чего стоит рассказ «Деяний апостола Иоанна» о том, как Христос дорастает головой до неба, как великан, а после этого оборачивается карликом и больно щиплет поставленного в тупик Иоанна за подбородок, приговаривая с таинственным видом: «Иоанне,

не будь неверующим, но верующим и не умствуй!» Тот же апокриф расписывает, как один из апостолов видит Христа в образе статного мужа, а другой апостол — одновременно в образе младенца. Даже в сдержанном «Евангелии от евреев» можно было прочесть, что Дух Святой за один волосок перенес Иисуса по воздуху на гору Фавор, а в «Евангелии от Петра», столь близком по времени и стилю к каноническим, крест сам шествует и говорит. Неверие оказывается в апокрифах пезамедлительно посрамленным: рука дерзкой повивальной бабки, усомнившейся в девстве Марии, отсыхает; раб, ударивший на пиру апостола Фому, оказывается растерзанным еще до окончания этого пира; и даже мальчишка, сломавший запруду, которую соорудил маленький Иисус, поражен недугом. Извечная человеческая мечта о компенсации унижений исполняется в апокрифах, точь-в-точь как в сповидениях.

Читая апокрифы, мы видим, какими были бы канонически евангелия, если бы евангелист рассказывал события так, как хотелось ему самому, его слушателям и его читателям. Вот один пример. В «Евангелии от Марка» мы читаем поразительное свидетельство о том, что в Назарете, где Иисуса встречали с недоверием, как слишком привычного земляка, он «не мог совершить никакого чуда... и дивился неверию их» (гл. 6, с. 5). Одного этого достаточно, чтобы высоко оценить совесть рассказчика и понять, что он здесь, во всяком случае, не мифограф. Перед нами вовсе не какое-то особо тактичное и сдержанное применение установок жанра ареталогии, а некая противоположность этим установкам: получается, что, хотя чудотворство Иисуса реально для верующих, именно там, где оно было бы нужно, чтобы по всем правилам посрамить неверующих, заткнуть им рты, принудить к вере эффектным, показательным чудом, его как раз и нет, оно куда-то пропадает.

Конечно, дело совсем не в том, что евангелические рассказы сколько-нибудь правдоподобнее апокрифических. Элемент чуда играет в канонических евангелиях очень важную роль: Иисус описывается в них как чудесно родившийся, чудесно преображавшийся, чудесно исцелявший и чудесно воскресший. Впрочем, история рождения Христа, присутствующая только у Матфея и Луки, имеет свой особый колорит, отнюдь не характеризующий евангельское повествование в целом¹⁹. Без этого элемента евангелие в принципе могло обойтись, как это видно на примере двух других евангелистов; напротив, оно не могло обойтись без чудесных исцелений и чуда воскресения. Но надо различать чу-

¹⁹ Эта история, по-видимому, создалась в грекоязычной среде и, по всей вероятности, когда никого из родных Иисуса уже не было в живых. Характерно сохранившееся возражение против веры в непорочное зачатие девы Марии от Духа Святого, восходящее к иудео-христианской среде и состоящее в том, что Мария не могла зачать от женского начала: по-древнееврейски слово «дух» (*ruach*) — женского рода. Аналогичное выражение содержится в неканоническом евангелии от Филиппа.

деса сказочно-мифологического характера от превращения молвою определенных совершившихся событий в чудеса. Нет никакого сомнения в том, что Иисус из Назарета жил в народной памяти как чудотворец. Истории известен ряд хорошо засвидетельствованных случаев, когда люди, в исторической реальности которых нет ни малейших сомнений, с полной искренностью и серьезностью считали себя и считались другими за чудотворцев, за сердцеведов, читающих мысли, и т. п. (вспомним хотя бы французскую народную героиню Жанну д'Арк). Разумеется, относясь к Иисусу как к «чудотворцу», евангелисты могут время от времени говорить условным языком установившихся жанров, и соответственные случаи давно отмечены. Но когда стоит вопрос о своеобразности евангелий и достоверности евангельского рассказа, важно не то, какие черты ареталогии есть в евангелиях, а то, каких черт этого жанра там решительно нет. И в этом смысле одна фраза «Евангелия от Марка» о том, как чудотворец «не смог» совершить чуда перед буднично настроенными земляками — не то что не пожелал, а именно не смог, — важнее многих сверхъестественных эпизодов, ибо она ощутимо выявляет границу благочестивой стилизации, предел, положенный ей реальностью.

Авторы всех четырех евангелий, как и вообще их единоверцы, твердо убеждены в телесном воскресении Иисуса после смерти; они могли бы сказать на языке Павловых посланий: «Если Христос не воскрес, вера наша тщетна» («I Послание к коринфянам», гл. 15, ст. 14). Однако это характеризует именно веру евангелистов, но отнюдь не их рассказ в его собственно историческом аспекте. Для характеристики последнего существенно отметить, что ни в одном из четырех евангелий само по себе «событие» воскресения не описано (в отличие от апокрифов Петра и Никодима, где живописуется, как ангелы выводят Христа из гроба, причем головы ангелов доходят до неба, а голова Христа превышает небесный свод). Евангельский рассказ сначала фиксирует только пустой гроб, позже — и явление Христа ученикам, причем для веры это означает воскресение, для неверия — нет (из самого евангельского рассказа мы узнаем, что пустой гроб был тут же истолкован официальными инстанциями Иерусалима как инсценировка — ученики-де выкрали тело; что касается «явлений» и «видений», то они в древние времена нередко бывали засвидетельствованы среди определенных, возбужденных какими-либо реальными событиями групп населения). Как проповедники, евангелисты возвещают свою веру и ручаются за нее; но как рассказчики в собственном смысле слова, они и здесь поступают, как и везде, — не дают воли своей фантазии. Даже в рассказе о воскресении мы имеем дело не с мифологическим эпосом: триумф Иисуса над враждебными силами остается явным только для поверивших, но лишен доказательности и показательности, лишен наглядности.

На фоне общей картины полного внешнего провала дела

Иисуса, закончившегося его осуждением законными властями как иудейской общины, так и Римского государства, позорным унижением и смертью, можно отметить еще ряд деталей, для нашего восприятия менее броских, но тогда достаточно важных; сочинителям мифов выдумывать их было бы по меньшей мере неразумно. Таково, во-первых, происхождение Иисуса из Галилеи. С точки зрения иудейской богословской мудрости «Галилея языческая» была населена не слишком высоконравственными и даже не очень-то умными людьми (*галилаа шоте* — «бестолковый, галилеянин», говорится в Талмуде.) Галилейская Тиверпада, в окрестностях которой происходят евангельские события, — это новостройка Ирода Антипы, названная в честь царствующего императора Тиберия и поначалу населенная преимущественно язычниками. Приозерный городок Капернаум, избранный Иисусом для первых мессианских выступлений, ни разу не упоминается в Ветхом завете и лишь однажды случайно назван в автобиографии Иосифа Флавия. А Назарет, родина Иисуса, вообще нигде не упомянут — ни в библейских текстах, ни у Иосифа, ни в талмудической литературе (это привело к тому, что некоторые ученые вообще считали Назарет выдумкой евангелистов, основанной на ложной этимологии прозвища «назорей», которое означает человека, принявшего на себя определенные ритуально-аскетические запреты; однако наукой теперь доказано существование Назарета уже в I в. до н. э. — I в. н. э.).

Действительно ли Иисус по особому стечению обстоятельств родился в легендарном Вифлееме, городе мессианских пророчеств, связанном с памятью царя Давида, наука знать не может, да это и не представляет для нее интереса. Но не приходится сомневаться, что его детство и юность прошли в неизвестном галилейском городке, просто потому, что измышление такой подробности практически невозможно, ибо противоречит интересам повествователей, и это важно для историка, поскольку дает возможность конкретизировать представления об этнической и социальной среде, из которой вышел Иисус.

Признание историчности Иисуса не имеет отношения к вопросу о бытии божьем, к атеизму, зато оно позволяет ввести частные обстоятельства возникновения важного фактора человеческой истории, каким явилось христианство, в конкретную рамку социальных условий определенного места и времени.

Приведенные нами выше аргументы убеждают не всех историков-марксистов. Однако, с нашей точки зрения, нет серьезных оснований сомневаться в том, что в первой половине I в. н. э. в Палестине, преимущественно в Галилее, действовал странствующий «учитель» по имени Иисус (Иешуа)²⁰, который имел в своем образе жизни и общественном статусе много общего с рав-

²⁰ Следует отметить, что Ф. Энгельс считал весьма вероятным существование апостола Иоанна (Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 476), хотя сведений о нем сохранилось меньше, чем об Иисусе.

винами своей эпохи, но также и с аскетами ессейского типа, хотя сам не входил ни в круг раввинов, ни в какой-либо сектантско-аскетический «орден» вроде кумранской общины;

что среда, из которой он вышел и которая первой приняла его проповедь,—это галилейские бедняки, подпадавшие наряду с общим социально-экономическим гнетом Рима и собственных богачей еще и духовному давлению из Иерусалима и как раз в I в. н. э. давшие множество свободолюбцев и бунтарей, например из секты zelотов;

что он в начале своей деятельности пришел к Иоанну «Крестителю» и дал совершить над собой главный обряд «крестительской» общины, тем самым продемонстрировав принципиальную солидарность с ее эсхатологическими чаяниями и нравственными принципами;

что после этого он основал собственную общину и объявил себя (или дал себя объявить) посетителем и провозвестником наступающего мессианского времени²¹;

что его проповедь, направленная прежде всего неимущим и встречающая наибольший отклик среди них, принципиально обращалась ко всем категориям палестинского общества, допуская к нему в отличие от фарисейской и ессейской проповеди также и «нечистых», религиозно отверженных лиц, почему его последователи и смогли обратить проповедь к иудеям и превратить локальное галилейское движение в мировую религию Средиземноморья;

наконец, что он был казнен римскими властями в результате сговора между ними и иерусалимской верхушкой, так что политическому осуждению Иисуса со стороны римлян предшествовало его религиозное осуждение со стороны *санхедрина* (синедриона).

Так обстоит дело с наличным преданием о событиях до казни Иисуса. Проповедь Иисуса стала зерном учения, развивавшегося далее уже на греко-римской почве (см. подробно в лекции 18).

²¹ Любопытно, что гностическая религиозная община мандеев, сохранившаяся в Южном Ираке и считающая себя потомками учеников Иоанна, отвергает Иисуса, как изменившего своему учителю.

1. УПАДОК И ГИБЕЛЬ РАБОВЛАДЕНИЯ В КИТАЕ

С правления Гуан У-ди (25—57 гг. п. э.), пришедшего к власти на волне восстаний трудового населения и недовольной части господствующего класса, начинается Младшая династия Хапъ. Жестоко подавив народные движения, Гуан У-ди, однако, вынужден был пойти навстречу некоторым требованиям повстанцев, он даже объявил о намерении вернуться к «добрым временам» Лю Бапа. За время восстаний многие рабы вырвались на свободу; Гуан У-ди оставил им ее; кроме того, он неоднократно объявлял амнистии осужденным; еще до воцарения Гуан У-ди провозглашал свободу продавшимся в рабство из-за голода или насильно обращенным в рабство во время всеобщей смуты. Действительно были освобождены государственные рабы, попавшие в рабство из-за нарушений законов Вап Мана, и в ряде областей империи некоторые категории частных рабов, незаконно приговоренных по суду к рабству¹. Указом 35 г. было запрещено клеймить рабов, и, наконец, тогда же было ограничено право хозяев убивать своих рабов. Был отменен закон о позорной казни рабов на базарной площади, причем в указе заявлялось (официально — впервые), что раб по природе своей — человек.

Волиения 17—25 гг. охватили Северный Китай от Шапъдуна до Ганьсу и прокатились широкой полосой примерно в 300 км, захватив прежде всего районы междуречья Хуанхэ и Янцзы. Но особенно пострадала от военных действий столичная область. Чанъань был разгромлен. Знаменитый канал Чжэнго и гидротехнические сооружения в бассейне р. Вэй были разрушены, и вся сложная оросительно-мелиоративная система Вэйбэй вышла из строя. Этот важнейший экономический район Западно-Ханьской империи пострадал настолько, что на восстановление

¹ Речь шла о нарушениях «Закона о продаже людей и захвате в рабство», обнародованного Гуан У-ди в 30—31 гг. п. э.

в нем хозяйственной деятельности у новой династии не хватило возможностей. Кроме того, здесь, видимо, особенно значительны были позиции крупнейшей землевладельческой знати — «сильных домов», сторонников сепаратизма, резко оппозиционно настроенных в отношении Гуан У-ди. Сыграли свою роль и возобновившиеся набеги сюнну, частично снова «осевших» в Ордосе и угрожавших непосредственно Чанъаню. После казни Ван Мана их вожди даже претендовали на престол Ханьской империи, провозгласив было своего ставленника новым императором династии Хань.

В связи с изменением экономической и политической ситуации Гуан У-ди перенес столицу из Чанъаня на восток, в Лоян. Для восстановления ирригационных сооружений на Хуанхэ и приведения в порядок хозяйства страны были предприняты энергичные меры, в частности касающиеся упорядочения денежного обращения. Поощрялось земледелие и шелководство, бедноте выделялись на льготных условиях государственные земли (*гунтянь*), а после подавления мятежа 52 г. — земли опальных «сильных домов». Были сделаны палоговые послабления. Постепенно империя Хань вновь обрела внешнеполитическое могущество мировой державы. В 43 г. был опять подчинен отложившийся было северный Вьетнам, а пародно-освободительное движение вьетов жестоко подавлено. Во второй половине I в. (при умелом использовании китайцами раскола сюнну на «северных» и «южных»²) восстановилось влияние Китая в Восточном Туркестане, во время военных кампаний было взято в плен якобы до 200 тыс. кочевников.

Особенно отличился как в войнах с «северными» сюнну, так и на дипломатическом поприще в Западном крае ханьский полководец Бань Чао (32—102) — брат историка Бань Гу, назначенный наместником Западного края. Он был одним из организаторов мощной антисюннуской коалиции племен динлинов и сяньби, с успехом осуществляя традиционную внешнеполитическую линию империи Хань: «варваров уничтожить руками варваров».

По мере продвижения империи Хань на северо-запад обострились ее отношения с Кушанским царством. В 90 г. Бань Чао в Средней Азии разбил войска кушанского царя Канишки — скрытого союзника сюнну, поддерживавшего врагов империи Хань в Западном крае, после чего кушаны некоторое время посылали в Китай дары. Один из эмиссаров Бань Чао достиг Персидского залива; вновь, хотя и ненадолго, был установлен Шелковый путь — важнейшее звено на торговой оси Лоян (ранее Чанъань) — Рим.

Международная китайско-римская торговля, оставаясь непрямой, приобрела к этому времени довольно регулярный характер.

² Сюнну еще в I в. до н. э. разделились на две ветви: одна ушла на запад, другая осталась у границ Северного Китая. В середине I в. н. э. эта часть сюнну раскололась на «северных», откочевавших на северо-запад, и «южных», переселившихся на территорию Ханьской империи, в Ордосский край.

Упоминания о китайских товарах проникают даже в художественную литературу, их можно встретить у Горация, Вергилия, Птолемея, Плиния Старшего³. В I в. н. э. в «Великую страну Цинь», как китайцы называли Римскую империю, отправилось ханьское посольство; правда, оно дошло лишь до римской Сирии.

Одновременно китайцам удалось через Верхнюю Бирму и Ассам установить связи с Индостаном и наладить морское сообщение из портов Вьетнама (в частности, из известного римлянам под названием «Каттигара» порта в Бакбо) до восточного побережья Индии, а через Корею — и с Японией.

Развитие внешнеторговой экспансии империи Хань в направлении стран южных морей, государств Южной Индии и Шри-Ланки становится особенно заметным во второй половине II в. н. э. — с утратой ханьского контроля над Великим шелковым путем.

При Младшей династии Хань в империи ясно определились два направления социально-экономического развития. Главным из них оставалось рабовладение.

Рабовладельческие хозяйства продолжали существовать, хотя труд рабов применялся теперь прежде всего в специфических видах производства (выращивание камфарных и лаковых деревьев, пастьба скота, рыбные и соляные промыслы). Для земледелия, если не считать ирригационных работ, рабский труд не был характерен. Жалобы на непроизводительность его появились уже во второй половине Старшей династии Хань (в правительственной дискуссии «О соли и железе» и докладе сановника Гун Юя); теперь они усилились. Это было связано, в частности, с усовершенствованием навыков труда и хозяйственных методов — не менее важным показателем подъема производительных сил, чем технические достижения. Развивается новый тип полеводства, требовавший тщательного ручного ухода буквально за каждым растением в поле; рабский труд для этого не годился. Получают развитие сложные хозяйства крупнейших собственников земли, где применялся труд зависящих от них (но лично еще свободных) земледельцев⁴. Процесс концентрации земли принял неслыханные размеры: новые землевладельцы иногда обладали имениями, тянувшимися «от области до области». Их влияние распространялось на всю округу, включая и мелкие города. Эти земельные магнаты назывались, как мы уже знаем, «сильными домами». Они имели тысячи рабов, табуны коней, стада крупного и мелкого скота, владели большими мастерскими, значительную часть персонала которых составляли закованные рабы, наживались на торговле и ростовщичестве. На полях

³ Торговля между Ханьской империей и Римом впервые началась в 36 г. до н. э. и была возобновлена при Августе.

⁴ Исследователи отмечают двойственность их положения: они сохраняли право приобретать землю, но не могли самовольно покинуть арендуемый ими участок господской земли.

этих огромных имений было крайне трудно, а то и невозможно организовать необходимое наблюдение за рабами. Здесь использовался труд *буцью* (посаженной на землю личной стражи) и всякого рода *кэ* — «гостей», «полевых работников», «гостей-приживальщиков», «нахлебников» и др. Эта группа, напоминающая клиентов или колонов, существовала на правах арендаторов (*дянькэ*) или на положении отроков-рабов (*тунли*). Часто нужда заставляла задолжавшую бедноту брать в издольную аренду и обрабатывать землю «сильных домов» на тяжелых условиях. В обширнейших поместьях, имевших по несколько тысяч «гостевых дворов», намечился переход к предфеодальным формам хозяйствования. Второе направление социально-экономического развития в империи Младших Хань и представляло крупное землевладение, где устанавливались отличные от рабовладельческих отношения, игравшие все более важную экономическую роль.

В государственном секторе получили распространение так называемые *туньтянь* («поля при селении — *тунь*»). Впервые эта форма государственного полеводческого хозяйства возникла на северо-западных границах империи на рубеже II—I вв. до н. э., но затемшла применение во внутренних областях империи (что, возможно, свидетельствует об усилении значения императорской собственности). Для изучения этих хозяйств имеются крайне редкие для древнего Китая источники — подлинные документы хозяйственной отчетности на бамбуковых плапках. Сельскохозяйственные работы здесь выполняли поселенцы и их семьи, которым выдавали посевной материал, сельскохозяйственные орудия и скот: урожай (целиком или в размере 60%) сдавался в казенные амбары, откуда земледельцы получали натуральные выдачи и одежду. Выдачи и выполненные работы строго учитывались. Несмотря на тяжелые условия эксплуатации, жители этих селений не были все же рабами в юридическом смысле (так как известны случаи их дальнейшего порабощения властями), но пахотились на положении государственно-зависимых, прикрепленных к земле землепользователей.

Между тем ко второй половине II в. ханьский Китай снова потерял Западный край, хотя заинтересованность империи в нем была несомненна. Восстановление империей Младших Хань в I в. международной торговли по Великому шелковому пути и овладение торговыми путями на северо-востоке и юго-западе явилось мощным стимулом для развития товарно-денежных отношений, роста частного предпринимательства и накопления личных богатств. В феноменальном росте фамильных состояний и безудержном мотовстве богатейших домов современники усматривали чуть ли не первопричину оскудения государственной казны и массового разорения земледельцев. Два крайних полюса социальной действительности — скопление несметных сокровищ в руках немногих собственников (в частности, тех, кто был связан с торговлей и ростовщичеством) и обнищание массы

мелких и средних собственников — обозначились к началу II в. с предельной остротой. Создавшееся положение многие деятели рассматривали как катастрофу для государства и связывали его с чрезмерным распространением товарно-денежных отношений.

Представление о том, что торговля и монетное обращение являются «червем», подтачивающим благосостояние государства, сложилось у ряда древнекитайских экономистов давно, в предимперский период. В предимперскую эпоху, когда распространение товарно-денежных отношений стимулировало развитие рабовладельческих хозяйств, работавших на продажу, такое отношение отражало прежде всего реакцию общественных слоев, наиболее пострадавших от «победного шествия денег», в первую очередь прежней знати. Вместе с тем оно показывало реакцию правящих кругов, ставящих превыше всего интересы авторитарного государства, которые, по их мнению, ущемлялись повой денежной знатью. Эти воззрения шли вразрез с развитием рабовладельческой экономики той эпохи.

Теперь обстоятельства переменились. В условиях укрупнения рабовладельческих хозяйств, изменения самого их характера при усиливающейся натурализации хозяйства дальнейшее расширение и углубление денежных отношений (обусловленное также и политическими причинами⁵) становилось отрицательным фактором, подрывающим экономику общества в целом. Вызванные этим противоречием общественные сдвиги давали себя знать во всех областях жизни и объяснялись современниками по-разному, по, как правило, пагубностью денег как таковых. Подлинная причина этого кризисного явления заключалась в том, что достигнутый к тому времени уровень товарно-денежных отношений не соответствовал существовавшему тогда характеру производства. Поскольку в древности производство из-за низкого уровня производительности труда в целом носило натуральный характер, постольку товарно-денежное обращение затрагивало лишь относительно небольшую часть производимого продукта и капитал был торгово-ростовщическим, т. е. к производству не имел прямого отношения. Таким образом, рост денежных накоплений не стимулировал производства. И если оборотную сторону обогащения частных домов в империи Хань многие современники видели только в безмерной роскоши и беспредельном расточительстве — на фоне все возрастающей бедности подавляющего большинства населения и за его счет, — то в некотором смысле они были недалеки от истины.

Все это привело к обострению внутренней борьбы в правительстве и самом императорском доме. Две группировки боролись при ханьском дворе за влияние на императоров, в какой-то

⁵ В частности, притязаниями фиска: подушный, а зачастую и поземельный налог, составляющий важнейшую статью доходов империи, правительство пыталось исчислять в деньгах.

мере отражая две указанные тенденции общественно-экономического развития. Во внешней политике это были линии на ее активизацию и на затормаживание. Сначала одержала победу первая, и ее выражением были успехи Бань Чао, действовавшего в Западном крае в течение 30 лет. Но вскоре, и не случайно, взяла верх вторая. Еще во времена Бань Чао придворные советники настаивали на прекращении походов в Восточный Туркестан. После его смерти наместничество в Западном крае было уничтожено. Сып Бань Чао еще некоторое время продолжал дело отца. Однако государственной поддержки его деятельность уже не встречала, а в сложнейшей обстановке Западного края это означало постепенную сдачу империей ключевых позиций на Великом шелковом пути. Уже с конца первого десятилетия II в. северные сюппу при поддержке владетелей Западного края возобновили набеги на Китай. Активизировались племена сяньби. Северные и северо-восточные границы империи стали подвергаться нападениям сяньби, занявших прежние кочевья сюппу. У династии едва хватало сил для обороны границ.

На отказ от активной внешней политики повлияла и наметившаяся в первой четверти II в. убыль числа налогоплательщиков государства. Во 2 г. н. э. — в конце правления Старшей династии Хань — в Китае впервые была проведена перепись населения по числу хозяйств и душ, показавшая соответственно цифры: 12 233 062 и 59 594 978, т. е., как и обычно в древности, около пяти душ на хозяйство. При Младшей династии Хань составление фискальных списков стало одним из важнейших мероприятий имперской администрации. «История Младшей династии Хань» сохранила нам данные поголового учета податного населения, производившегося примерно через каждые десять лет вплоть до середины II в. н. э. Столь пристальное внимание к проблеме народонаселения и регулярная регистрация основных непосредственных производителей государства обнаруживают жизненную важность для империи этой проблемы.

В самом начале правления Младшей династии Хань перепись зафиксировала всего 21 млн. человек, но в течение длительного правления Гуан У-ди имел место неуклонный рост числа налогоплательщиков, количество которых к концу I в. н. э. достигло 53 млн. человек, что означало соответствующее возрастание доходов казны. Однако уже через полтора десятка лет перепись показала убыль подданных империи почти на 10 %. Важная статья государственных доходов оказалась под угрозой.

И хотя войны с кочевниками стоили жертв, однако причина этого неблагоприятного экономического положения была глубоко внутренней. Не срабатывала одна из основных функций государства — непосредственного изъятия прибавочного продукта у основной массы трудового земледельческого населения (при том что сельское хозяйство было важнейшей отраслью общест-

венного производства в империи). Сокращение количества налогоплательщиков не означало, конечно, их физической гибели, но знаменовало их гибель «гражданскую», поскольку они отдавали себя под покровительство частных лиц. Это положение принципиально отличалось от того, которое вызывало тревогу ханьских политических деятелей примерно за полтора-два столетия до этого. Тогда донесения местных властей сообщали, что, несмотря на сокращение поземельного налога до $\frac{1}{30}$ доли урожая, бедняки в действительности лишаются половины в пользу богачей — обычно своих кредиторов, что вынуждает бедный люд закладывать поля и отдавать членов семей в рабство. Речь шла об общинниках, попавших в долговую кабалу, но остававшихся в числе граждан — налогоплательщиков империи. Ни о какой личной зависимости бедствующего люда от частных лиц тогда не было речи, во всяком случае как о массовом явлении. И тогда и сейчас государство неклолось о своих доходах, о налогоплательщиках империи и болезненно реагировало на их сокращение, но за внешним сходством явлений скрывалось их принципиальное различие. Многие должники и теперь продавали членов своих семей и даже себя в рабство, но общая тенденция развития становилась иной. Заметно возрастало число маломощных семей, «добровольно» отдающих землю «сильным домам» с условием пользования ею на правах лиц, лично-зависимых от земельных магнатов. К концу II в. под покровительством отдельных крупнейших представителей «сильных домов» находилось по несколько тысяч *кэ, буцью и дянькэ*. Практика перехода под покровительство формально не носила характера торговой сделки, не скреплялась актом купли-продажи земли и не означала порабощения личности должника. Фиксировались отношения личные, патронажные; фактически они приводили к переходу распоряжения землей должников и значительной части доходов с нее к займодавцу или другому «покровителю» обедневшего общинника и к потере в конечном итоге последним какой-то доли своей гражданской свободы.

Патронаж привязывал отдавшегося под покровительство к земле, что, очевидно, было в интересах обеих заинтересованных сторон. Если доведенные до разорения земледельцы отдавались под покровительство крупных собственников, попадали в личную зависимость от них, то такой ценой они сохраняли известные владельческие права на свои участки. Покровительство патрона, видимо, освобождало их самих и от уплаты государственных налогов. О том, что в основе этих процессов часто лежали долговые сделки, можно судить по постоянным упоминаниям источников об огромном количестве должников у земельных магнатов.

Из подданных государства, его свободных граждан попавшие в долговую кабалу лица теперь превращались в людей, лично и поземельно зависимых, вышедших из-под фискального надзора имперской администрации. Для государства этот процесс озна-

чал потерю доходов, для земельных магнатов — их приобретение, причем явно в ущерб государству⁶.

С течением времени — по мере ослабления императорской власти — главы «сильных домов» постепенно присваивали себе и публично-правовые функции государства (или часть их). Магнат почти «естественно» делался носителем судебно-правовой власти для своих «зависимых», как бы становясь между ними и государством. Новая зависимость могла ассоциироваться в их глазах с патриархальной зависимостью младших родичей в домашней общине, которые в пределах каждой большой семьи и ранее фактически были лишены собственности на средства производства. Коммендация вела к изменению гражданского статуса общинника, отдавшегося под патронат частного лица. В хозяйствах «сильных домов» по мере их укрупнения возникали в зачаточном виде те формы отношений собственности, которые делали магнатов в собственных глазах принципиально неотличимыми от правителей, а их поместья — неотличимыми от государств. Так постепенно в одном лице соединялись публично-правовые функции суверена и частнопровые функции собственника, которые в рабовладельческом обществе не совпадали. Но процесс этот здесь едва лишь начинался.

Многим политическим деятелям империи казалось, что можно воспрепятствовать концентрации земли у «сильных домов» и задержать процесс обезземеливания общинников, прижимая торговцев и искусственно сокращая приток в страну богатств, чрезмерно разжигающих страсть к наживе.

Но действительная причина происходивших процессов коренилась в намечавшемся изменении характера общественного производства. Новые формы личной зависимости и поземельных отношений становились доминирующими в крупных поместьях, свидетельствуя о снижении товарности частных хозяйств, дальнейшей натурализации производства, изменении способов выжимания прибавочного продукта.

Латифундияльное рабовладельческое хозяйство на больших пространствах поместий «сильных домов» было практически невозможным как из-за трудностей надзора за рабами и из-за боязни рабских восстаний, так и потому, что это должно было изменить и полеводческий характер этих владений, ибо латифундии в их чистом виде, как правило, приводят к замене огородничества и зернового земледелия скотоводством или другими экстенсивными формами сельского хозяйства (что и наблюдалось в империи Хань с рубежа нашей эры). А это последнее обстоятельство само по себе обрекало их на гибель, поскольку земледелие оставалось основной отраслью ханьской экономики. Хозяйства, продолжавшие ориентироваться на рабский труд, эконо-

⁶ Очевидно, к концу описываемого периода «гостевые дворы» получают какой-то официальный статус и начинают учитываться властями на предмет налогообложения, но не как самостоятельные хозяйства, а как податные единицы, подчиненные «сильным домам», приписанные к ним.

помическая невыгодность которого проявлялась все больше и больше в условиях натурализации экономики, оказывались менее жизнеспособными, чем крупное землевладение, где доминировали иные, более гибкие формы зависимости мелких производителей. Деградация рабовладельческого хозяйства на определенном уровне развития была связана также и с этим фактором.

Многие полагали, что как массовое обнищание, так и усиление мощи богатейших семей, противостоящих государственным интересам, были неизбежным следствием сильнейшей коррупции государственного аппарата, вымогательства властей и роста палогов и повицностей. Все это действительно имело место и с начала II в. стало принимать угрожающие размеры. Утяжеление податного бремени было вызвано и тем, что уменьшение числа налогоплательщиков естественным образом вело к увеличению палогов для оставшейся массы гражданского населения империи. Это должно было, в свою очередь, повести к усилению процесса коммемдации. Целые общины (палитие их засвидетельствовано источниками) могли превращаться из собственников в «держателей» земли у «сильных домов», поскольку за недоимки каждой семьи перед властями отвечала вся община. Последующие переписи показали всю тщету усилий правительства добиться в этом вопросе хоть какого-то улучшения. Когда в 146 г. обнаружилось дальнейшее сокращение податного населения — причем за один только год на 4%, — наиболее дальновидные государственные деятели сочли это показателем агонии государства, тем более что в то время сильнейший голод поразил центральные районы империи. Начался стремительный упадок товарно-денежных отношений: хозяйства «сильных домов» все в большей степени становились самодовлеющим целым со своими мастерскими и внутренними рынками, а крестьянство — еще свободное — не имело средств для участия в товарообороте.

Начиная со второй четверти II в. в Китае непрерывно вспыхивали локальные восстания; за полвека их зарегистрировано почти сто. Из-за разрушения плотин наводнения на Хуанхэ несли неисчислимые бедствия сотням тысяч семей. Особенно губительным было наводнение 153 г. Малолетние императоры оказывались пешками в руках враждующих придворных группировок гаремных евнухов и «ученых» чиновников. Их распри, доходившие до вооруженных столкновений в столице, отражали накал внутриполитической борьбы центробежных и центростремительных сил; выразителями первых выступали «сильные дома», домогавшиеся в своих поместьях не только экономической, но и политической независимости. Усиление к середине II в. их влияния в общественно-политической жизни знаменовало собой упадок имперской власти.

В 184 г. вспыхнуло грандиозное восстание «Желтых повязок». Его возглавил маг-врачеватель Чжан Цзюэ, назвавшийся Великим мудрецом и Добрым учителем. Он уже в течение десяти лет проповедовал учение «Путь Великого Равенства». Учи-

тель предвещал, что несправедливым порядкам империи Хань, конспиративно именуемой «Синим небом», скоро будет положен конец и наступит эра «Желтого неба»⁷ — всеобщего благоденствия. Ему удалось завоевать себе множество сторонников. Чжан Цзюэ создал трехсоттысячную армию, организованную в 36 отрядов: это было возможно в условиях полного разложения ханьского государственного аппарата и крайнего обострения политической борьбы различных группировок господствующего класса. Деятели секты проникли даже в придворные круги. Но незадолго до назначенного дня восстания главный агент Чжан Цзюэ в столице был выдан и казнен, а за ним схвачены и другие его сторонники, действовавшие в Лояне. Чжан Цзюэ дал сигнал к повсеместному немедленному выступлению. Число повстанцев парастало лавиной. Восставшие брали города, громили имения, сжигали правительственные здания, убивали богатей и чиновников, открывали тюрьмы. В движении принимали активное участие рабы, по основной контингент, видимо, составляли разоряющиеся мелкие собственники и зависимый люд. Показательно, что повстанцы ограничивались захватом имущества и продовольствия и не выдвигали требований перераспределения земель, столь характерных для позднейших крестьянских движений.

Восстание ширилось, а при дворе тем временем шла грызня кланов, обвинявших друг друга в случившемся. Императорская армия оказалась бессильной против сил повстанцев, и дело подавления восстания взяли в свои руки главарь из «сильных домов», создавшие частные армии. Сражаясь не на жизнь, а на смерть в открытых боях, повстанцы не могли устоять в борьбе с противниками, более опытными в стратегии, которым удавалось разъединять их и разбивать по частям. Чжан Цзюэ умер в разгар восстания; борьба продолжалась, но в течение года основные силы «Желтых повязок» были разбиты. В ознаменование победы над повстанцами у главных ворот столицы была сложена целая башня из отрубленных голов. Однако по стране прокатились волны новых движений, поддержанные пограничными племенами, и они были окончательно подавлены только к 205—208 гг.

После подавления восстаний началась война между усмирителями. Этим воспользовались сюнну. Об их страшном нашествии и разорении ими «Цветущего Китая» донесла воспоминания «Песня о скорби» — народная песня тех времен. Опасной силой стали сяньби, организовавшие союз племен и начавшие вторжение в Китай на северо-востоке. Вообще с первой четверти II в. варварские вторжения в Китай участились, и в дальнейшем интенсивность их все возрастала.

⁷ «Желтым небом» Чжан Цзюэ называл и себя самого, выступая в роли божественного спасителя человечества от зла греховного мира «Синего неба». Его учению не чужды были эсхатологические построения.

После грандиозного восстания «Желтых повязок» (184 г.) и разграбления столицы отозвавшимися с западных границ армиями (190 г.) центральные области Ханьской империи почти на два десятилетия стали ареной ожесточенных междоусобных войн. Лишь к 205 г. полководец Цао Цао сумел прочно завладеть равниной Хуанхэ — ключевым экономическим районом и традиционным политическим центром древнего Китая. Успеху Цао Цао в немалой степени способствовало то обстоятельство, что он действовал от имени ханьского императора, но одновременно создавал свою собственную армию и административный аппарат, не слишком скрывая своих намерений низложить растерявшую свой авторитет Ханьскую династию. Однако Цао Цао не удалось объединить весь Китай. В юго-западных областях бывшей империи, на территории нынешней провинции Сычуань, укрепился полководец Лю Бэй, выдававший себя за отпрыска Ханьского дома. Земли к югу от Янцзы прочно удерживал полководец Сунь Цюань.

В декабре 220 г., спустя несколько месяцев после смерти Цао Цао, старший сын последнего, Цао Пи, сверг последнего ханьского императора и основал новую династию — Вэй. Как требовали нравы того времени, отречению ханьского государя была придана видимость «добровольной» передачи державной власти более достойному претенденту. Но разыгранный Цао Пи фарс «уступки трона» не убедил его соперников. Лю Бэй объявил себя императором династии Хань, а позднее Сунь Цюань тоже провозгласил создание собственного царства — У. Начался период, известный в китайской истории под названием Троецарствия. В 263 г. вэйский правитель вынудил капитулировать преемника Лю Бэя, но спустя два года сам был свергнут родом Сыма, основавшим династию Цзинь. Наконец, в 280 г. цзиньский двор покорил царство У и на некоторое время объединил Китай.

Период Троецарствия и правления династии Цзинь ознаменовался дальнейшим углублением процесса феодализации, захватившего уже все области общественной жизни. Этот процесс протекал в условиях сосуществования и отчасти противоборства двух форм феодальной земельной собственности: частной и государственной. Первая была представлена так называемыми сильными домами — крупными хозяйственными и социальными объединениями, опиравшимися на труд лично-зависимого населения (последнее чаще всего именуется в источниках «гостями» — *бинькэ*, «гостями-арендаторами» — *дянькэ* и т. д.). Если в эпоху Хань «гости» еще обладали немалой степенью самостоятельности, то в Шань их статус заметно понизился. Теперь «гости» в основной своей массе превратились в бесправных держателей земли крупного феодала, связанных с ним отношениями кабального должника.

⁸ Данный раздел представляет собой подготовленное В. В. Малявиным сокращенное изложение I главы монографии: М. В. Крюков, В. В. Малявин, М. В. Софронов. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.

чества. В источниках того времени появляется термин «подлый гость», а также сочетания «рабы и гости», «слуги и гости». Еще одну категорию лично-зависимого люда составляли так называемые буцой — термин, первоначально обозначавший дружины сильных домов, но впоследствии включавший и зависимых крестьян. «Гости» и *буцой* образовали новый и наиболее многочисленный слой «подлого народа» (*цзяньминь*), занявший промежуточное положение между «добрым народом» (*лянминь*), т.е. свободными, и низшими категориями «подлых»: домашними слугами и рабами. Отчетливое размежевание между «добрым» и «подлым» людом — одна из характернейших черт общественного строя Китая в раннефеодальную эпоху. В условиях смуты и ослабления центральной власти предводители сильных домов сосредоточивали в своих руках отправление многих публично-правовых функций, хотя их господство по-прежнему выражалось в патриархальных формах, и глава сильного дома выступал прежде всего как глава семьи или клана. Известно, например, что в Северном Китае на рубеже III—IV вв. «сто домов объединялись в один двор, тысяча податных вписывалась в реестр одной семьи». Сходная картина наблюдалась и на Юге, где местные «сильные дома» передко располагали тысячами зависимых людей и огромными земельными владениями. Как правило, южные магнаты держали мощное войско, поскольку наличие свободных плодородных земель на Юге делало особенно настоятельной задачу сохранения уже имеющихся и захвата новых рабочих рук. Войско и весь зависимый люд обязательно переходили там по наследству, причем это правило соблюдалось настолько строго, что командование дружиной принимали подчас восьми-десятилетние мальчики.

Начальную форму государственной феодальной собственности мы встречаем в системе военных поселений (*туньтянь*), составлявших основу военного и экономического могущества центральной власти в III в. Так, в 269 г. в царстве Цзинь насчитывалось около 600 тыс. дворов военных поселенцев — более 80% податного населения. Рост крупной частной земельной собственности и контингента лично-зависимых вызывал противодействие со стороны государства, стремившегося установить непосредственный контроль над массами крестьянства. В 280 г. цзипьский двор обнародовал уложение о землепользовании, по которому каждая семья имела право на получение от казны двух пахотных участков: один из них закреплялся за данной семьей наследственно, другой предоставлялся во временное пользование и ежегодно подлежал переделу с учетом происшедших в хозяйстве изменений. Вместе с тем правительство пошло на ряд уступок крупным земельным собственникам. Например, поднятая повь по закону становилась вечным владением семьи. Кроме того, власти всегда признавали фундаментальное разделение на «добрый» и «подлый» народ и право господствующей верхушки иметь «гостей». Надо заметить, впрочем, что попытки претворить в жизнь уложения, подобные декларируемому в 280 г., ограничивались равни-

пой Хуанхэ. На Юге условия колонизируемой страны и бессилие центральной власти воспрепятствовали становлению государственной феодальной собственности.

В царстве Вэй была осуществлена и политическая реформа, имевшая важные последствия для социально-политической истории Китая в III—VI вв. В 220 г. там вступил в действие новый порядок отбора и квалификации чиновников, в соответствии с которым служилые люди разделялись на девять рангов, а кроме того, всем кандидатам в чиновники присваивалась так называемая «деревенская категория» (*сянпинь*), определявшая их личные достоинства. Присвоение «деревенской категории» — всего их было также девять — было необходимым условием поступления на службу, причем однажды данная категория закреплялась за чиновником пожизненно. Поскольку такие категории полагалось присваивать на основании «общего мнения» жителей родной округи кандидата в чиновники, институт «деревенских категорий» оказался орудием в руках «сильных домов», средством консолидации провинциальной элиты. К концу III в. из числа влиятельных семей, наследственно закрепивших за собой высшую вторую «деревенскую категорию», сложилась особая служилая аристократия, которая контролировала ключевые посты в гражданской администрации и обосновывала свои привилегии ссылкой на авторитет «деревенского мнения», неподвластного даже императору.

Рост могущества «сильных домов», упрочение сословных барьеров, формирование наследственной аристократии обусловили внутреннюю слабость Цзиньского государства. К тому же с 90-х годов III в. члены дома Сыма повели между собой кровопролитную борьбу за престол. Одновременно пришли в движение кочевые народы, населявшие северные и западные рубежи Цзиньской империи. Традиция различает среди них пять племен: ордосские сюнну и жившие по соседству с ними цзе, племена сяньбийцев, кочевавших в монгольских степях, ди и цяны, расселявшиеся на западной окраине Китая. Все эти народы уже давно жили у границ китайской империи или в ее пределах, подверглись влиянию китайской цивилизации и даже в значительной мере зависели от поставок продовольствия и других товаров из Китая. Попытки имперских властей ассимилировать эти народы, переселив их во Внутренний Китай, не принесли желаемого результата. Со своей стороны, китаизированная верхушка кочевников крайне болезненно реагировала на проявления высокомерного и недружественного отношения к ним китайской администрации. Примечателен относящийся к концу III в. эпизод из жизни сяньбийского вождя Муюн Вэй. Однажды Муюн Вэй прибыл на аудиенцию к наместнику цзиньского императора в костюме китайского чиновника, но, увидев, что его встречает вооруженный кордон, переоделся в платье кочевника, заметив: «Если меня не встречают как гостя, что мне остается делать?»

В начале IV в. предводители кочевых племен один за другим пытались захватить власть в Китае, причем, если верить китай-

ским хронистам, они желали выступить в роли именно «спасителей» империи. Первыми этой цели попытались достичь сюнну. В 304 г. их вождь Лю Юань принял императорский титул и за десять лет овладел большей частью равнины Хуанхэ. Держава сюнну с 316 г. получила название Чжао (она же Раннее Чжао). Вскоре вспыхнула война сюнну с их бывшими союзниками — цзе, которая завершилась победой последних. Вождь цзе Ши Лэ основал царство Позднее Чжао.

Войны в Северном Китае вызвали массовый отток населения на юг. Часть цзиньских сановников и военачальников, воспользовавшись отсутствием единства среди южных магнатов, в 317 г. объявила императором одного из отпрысков цзиньского дома — Сыма Юя, учредившего свою столицу в Цзянькане (на месте пышного Нанкипа). Политически в новом государстве, получившем название Восточное Цзинь, доминировала северная аристократия, тогда как южане были представлены при цзяньканском дворе лишь немногими наиболее именитыми семействами. Заметное культурное превосходство северной знати и традиции института «деревенских категорий» позволили правящей верхушке Восточного Цзинь выработать сравнительно полный и тщательный сословный регламент; появились и общегосударственные своды родовитых семей, служившие основой для заключения браков в среде аристократии. В администрации существовало четкое разделение между членами так называемых «первостатейных кланов» (цзяцзу) или «старых домов» (цзюмэнь) и выходцами из незнатных (букв. «холодных») семей. Сословные перегородки не только между «добрым» и «подлым» народом, но и между отдельными группами господствующего класса не были властны отменить даже императоры. Противоречие между служилой знатью и императорской властью служило одним из источников слабости политического режима южнокитайских царств. После свержения власти восточнотцзиньского дома в 420 г. на Юге в течение полутора столетий сменились еще четыре династии: Суп (420—479), Ци (479—502), Лян (502—557) и Чэнь (557—589). Несмотря на политическую нестабильность, это было время интенсивной колонизации и динамичного хозяйственного развития Южного Китая.

Что касается Севера, то он оставался ареной непрерывных войн между различными племенами. Властвовавшие на равнине Хуанхэ с 20-х годов IV в. цзе (являвшиеся, по-видимому, выходцами из Средней Азии) за короткий срок настолько восстановили против себя китайское население, что их правление завершилось в 349 г. массовым избиением завоевателей — редкий для древнего и средневекового мира пример геноцида. По свидетельству хрониста, только в столице царства Позднее Чжао было убито свыше 200 тыс. цзе. После гибели Позднего Чжао на территории Северного Китая возникло сразу несколько мелких государств, и межплеменные войны вспыхнули с новой силой. Наиболее активную роль в них играли племена ди, цянгов и сяньбийцы из рода муянов. В 70-х годах IV в. предводителю ди Фу Цзяню вновь удалось объ-

единить под своей властью весь Северный Китай, но в битве у р. Фэйшуй в 383 г. почти миллионное войско Фу Цзяня попросту разбежалось при столкновении с 80-тысячным войском Восточного Цзинь. Спустя несколько месяцев после этого неожиданного поражения держава Фу Цзяня, мечтавшего о воссоздании великой империи наподобие Ханьской, рассыпалась, а сам он погиб. Территория Северного Китая вновь оказалась поделенной между несколькими царствами, которые непрестанно враждовали между собой.

В роли новых объединителей Северного Китая выступило сяньбийское племя табгачей (кит. *тоба*), прежде расселявшееся в монгольских степях. К 30-м годам V в. предводители табгачей, называвшие свою династию Вэй (она же Северная Вэй), установили свой контроль над всей северной равниной. Еще на рубеже IV—V вв. основатель табгачской державы Тоба Гуй установил для табгачской знати систему чинов по китайскому образцу, с той разницей, что должности и титулы в этом случае передавались по наследству. По китайскому образцу была реорганизована и провинциальная администрация. Табгачи охотно пользовались услугами господствующих слоев китайского общества, и к середине V в. китайцы составляли уже четверть штата столичной администрации и почти половину правителей областей.

В 70—80-х годах V в. император Тоба Хун издал ряд указов, направленных на укрепление центральной власти и китаизацию сяньбийцев. При дворе было отменено ношение сяньбийской одежды и отправлен традиционных сяньбийских культов; официальным языком Северовэйской империи стал китайский. Сам Тоба принял китайскую фамилию Юань. Реформы затронули и государственную организацию. По указу 484 г. все налоги следовало направлять в казну (ранее местные правители по традиции брали себе из собранных средств сколько хотели), а чиновникам назначалось жалованье. В 485 г. был обнародован эдикт о новой системе землепользования, получившей в советской историографии название «надельной». По новому уложению, помимо приусадебного участка, считавшегося наследственной и отчуждаемой собственностью семьи, каждый крестьянский двор в зависимости от силы хозяйства получал во временное пользование надел для выращивания зерновых культур. Наделы, выдававшиеся во временное пользование, не подлежали купле и продаже. Податное население Северовэйского государства выплачивало натуральный налог зерном и продуктами ткачества, а также несло трудовые повинности. Введение надельной системы, унаследованной и последующими династиями Северного Китая, означало укрепление и развитие государственной феодальной собственности. Вместе с тем новое аграрное уложение было призвано обеспечить сохранность сословия «доброго люда», что отвечало интересам императорского фиска.

В 494 г. Тоба Хун, сломив отчаянное сопротивление табгачской знати, перенес столицу в Лоян, а после этого попытался

решить проблему интеграции верхов кочевого и китайского обществ, что оказывалось прежде камнем преткновения для правителей «варварских» государств Северного Китая. В Северном Вэй была учреждена аристократическая иерархия по образцу сословного строя южнокитайских царств. Высшей знатью среди китайцев стали «четыре фамилии» (фактически их было пять), которым соответствовали «восемь фамилий» из числа знатнейших родов Тоба; ниже располагались еще четыре класса китайских фамилий, также имевшие себе равных среди табгачской верхушки. Ранги знатности были наследственными, и браки допускались только между равными по статусу, причем поощрялись браки между сяньбийцами и китайцами.

Начало VI в. открыло этап длительного соседства двух могучих государств Северного и Южного Китая. При преемнике Тоба Хуна Юань Кэ (500—516) Северовэйская империя находилась в зените могущества и славы. В свою очередь, растянувшееся почти на полстолетия царствование основателя южнокитайской династии Лян Сяо Яня (502—549) стало временем расцвета Южных династий. Сяо Янь, подобно основателям предыдущих южнокитайских династий Сун и Ци, пришел к власти как военачальник. Будучи родом из незнатной семьи, Сяо Янь позаботился о расширении социальной базы своего правительства, и ему удалось добиться политической устойчивости в царстве. Один из образованнейших людей своего времени, Сяо Янь окружил себя плеядой талантливых мыслителей, поощрял образование и ратовал за укрепление экзаменационной системы. В условиях острой нехватки медной монеты, традиционно имевшей хождение в Южном Китае, он провел смелую финансовую реформу, заменив медные деньги железными. Устранение монетного голода первое время благотворно повлияло на развитие хозяйства.

Два столетия политического раскола в Китае изменили к тому времени характер внешнеполитических отношений между Севером и Югом. Во второй половине V в. военные действия между Северным Вэй и южными царствами почти прекратились, и обе стороны перешли к договорной форме отношений. Появились особый ритуал приема посольств и штат чиновников, их обслуживавших. В дипломаты отбирали цвет высшего общества — людей, славившихся ученостью, хорошими манерами и остроумием, так что переговоры, ко всеобщему удовольствию, нередко выливались в риторический турнир, состязания поэтов и книжников. Вместе с расширением дипломатических контактов росла и торговля между Севером и Югом, и к началу VI в., по отзыву современника, воины пограничных крепостей единодушно предпочитали ратным подвигам выгоды транзитной торговли.

С возникновением табгачской державы вновь оживилась торговля по Шелковому пути. Наиболее частыми гостями в Китае были купцы из процветавшего тогда Согда и сасанидского Ирана. По свидетельствам очевидцев, в Лояне в начале VI в. на 100 с лишним тыс. дворов местных жителей постоянно прожи-

вало более 10 тыс. иностранцев, главным образом согдийцев и персов. Из стран «Западного края» в Китай везли шерстяные ткани и ковры, украшения, благовония, посуду, стеклянные изделия, оружие, коней. Важное место в связях Средней Азии и Ирана с Китаем занимал экспорт развлечений: китайцы в ту эпоху очень высоко ценили западных музыкантов, танцовщиц, фокусников, акробатов и т.п. Из Китая в Западную Азию вывозили почти исключительно шелк. Развитию связей между Китаем и странами «Западного края» в немалой степени способствовал буддизм, пустивший к тому времени прочные корни в китайском обществе. Из Индии, Кашмира и оазисов Кашгарии в Китай прибывали сотни буддийских миссионеров. В обратном направлении двигались паломники из числа китайских буддистов, которые мечтали посетить родину Будды и лучше ознакомиться с буддийской литературой.

Период видимого блеска и могущества Северного Вэй и Лян закончился, однако, катастрофически для обоих государств. Вначале рухнула Северовэйская империя. Несмотря на кратковременный успех деятельности Тоба Хуна, китайско-сяньбийский союз оказался призрачным. Указ о рангах знатности на деле только обострил соперничество между китайцами и табгачами. Кроме того, реформы Тоба Хуна провели резкую грань между придворной аристократией и массами рядовых табгачей, скатившихся до положения бесправных военнопоселенцев. В 523 г. восстали сяньбийские гарнизоны, расположенные на северных рубежах табгачской державы. Этот мятеж положил начало полосу кровопролитных усобиц и войн. На развалинах Северного Вэй в середине VI в. возникли два царства: Северное Ци со столицей в г. Е и Северное Чжоу со столицей в Чанъане. Первое было основано полководцем смешанного китайско-сяньбийского происхождения Гао Хуанем, второе — сяньбийским вождем Юйвэнь Таем.

Гао Хуаню и его преемникам, безуспешно пытавшимся сплотить открыто враждовавших между собой китайцев и сяньбийцев, не удалось создать прочное государство. Один из бывших соратников Гао Хуаня, Хоу Цзин, перешел на сторону Лян, затем поднял в 549 г. мятеж и против Сяо Яня, ворвался в лянскую столицу Цзянькан и разграбил ее. Мятеж Хоу Цзина положил начало также смуте в Южном Китае, не прекратившейся и после его гибели в 552 г.

Что касается Юйвэнь Тая, то он пошел по пути решительной реорганизации армии и государства. Юйвэнь Тай создал стройную военную организацию, которой была придана видимость традиционной военно-родовой структуры кочевников; социальный статус в Северном Чжоу ставился в зависимости от воинских заслуг. Был издан указ о восстановлении сяньбийских фамилий и присвоении сяньбийских имен китайским чиновникам. Сяньбийский «ренессанс» в Северном Чжоу сочетался с попытками воскресить китайскую древность, начиная с введения ар-

хаичного стиля письма и кончая созданием административного аппарата, якобы имитировавшего образцы эпохи Чжоу. Административная структура в Северном Чжоу была слита с военной. Хотя Юйвэнь Тай, осуществляя свои реформы, ориентировался на сяньбийцев, он охотно пользовался и услугами китайских военачальников. В результате к 70-м годам VI в. китайцы в войсках Северного Чжоу составляли уже подавляющее большинство.

В 577 г. Северное Чжоу покорило Северное Ци, а спустя еще четыре года власть на Севере захватил полководец Ян Цзянь, провозгласивший себя императором династии Суй. В 589 г. суйская армия довершила завоевание последнего южнокитайского царства — Чэнь, и после трех столетий раскола на карте Китая вновь появилась единая империя. Суйские правители почти сразу же отменили все «просяньбийские» указы Юйвэнь Тая, и в скором времени сяньбийцы окончательно сошли с исторической сцены Китая. Однако важнейшие институты эпохи Южных и Северных династий — падельная система, сословное разделение общества и созданная в Северном Чжоу военная организация — были унаследованы средневековыми китайскими империями.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1. РЕЛИГИЯ

Политеистическая религия древнего Китая предстает на первый взгляд как чрезвычайно пестрый и текучий конгломерат культов и верований, в котором, однако, обнаруживаются известная преемственность и целостность, подчиненные принципам иерархического порядка и символизма культуры. Вместе с тем религиозные представления древних китайцев претерпевают в эпоху существования централизованных империй Цинь и Хань значительную историческую эволюцию.

Религиозные традиции в древнекитайской империи формировались под воздействием главным образом двух факторов: наследия архаических шаманистских обрядов и верований и тенденции к рационализации древней религии и мифологии, отобразившейся в трактовке понятия ритуала классическими школами древнекитайской мысли, прежде всего конфуцианством и даосизмом. При всем разнообразии этих традиций, являвших собой, как правило, эклектическое соединение элементов первобытной религии, они имели и немало общего между собой. Единство древнекитайской религии было обусловлено прежде всего взглядом на потусторонний мир как непосредственное продолжение земного мира. По представлениям древних китайцев, покойник нуждался в пище и уходе, совсем как живой человек, божествам становились души людей, которые особенно отличились при жизни, а бессмертие человек обретает в своей телесной оболочке. В ханьское время царство богов воображали по образцу земной империи с ее штатом чиновников и правилами казенного делопроизводства. Поэтому к богам обращались с письменными прошениями, а в гроб с покойником клали предназначенную для чиновников загробного царства опись имущества, отправлявшиеся вместе с усопшим на тот свет.

В древнем Китае верили, что у человека как бы две души: одна из них после смерти остается в теле и попадает в подзем-

ное царство Желтого источника, другая же возносится на Небо. Обитель душ, достигших бессмертия и райского блаженства, связывалась с тремя мифическими островами в Восточном море или горой Куньлунь, которую древние китайцы помещали на западной окраине мира. Данные письменных источников и в особенности археологические находки позволяют выяснить в общих чертах, как древние китайцы представляли себе посмертные странствия души (вера в подобные страдания была особенно распространена в южных и восточных областях древнего Китая). Наибольший интерес представляет изображение на шелковом полотнище из раскопанного в 1974 г. погребения Мавандуй I (провинция Хупань), которое относится к 60-м годам II в. до н. э. Оно включает в себя картины подземной пучины, населенной рыбами, змеями, рогатыми зверями и атлантом, поддерживающим землю, а также небесного царства, где между солнцем и луной восседает прародительница человеческого рода Нюйва. Душа усопшей (в этой могиле была похоронена знатная женщина) возносится на Небо с помощью драконов, протянутых с небес лепт и различных реальных и фантастических существ, оберегающих ее от посягательств злых сил. Особенно большое значение придавалось аллегориям четырех сторон света: зеленому дракону (восток), красной птице (юг), белому тигру (запад) и черепахе, обвитой змеею (север).

В иконографии ханьской эпохи часто встречается изображение богини Сиванму (букв. «Мать-Владычица Запада»), которая слыла в древности хранительницей тайн бессмертия, обитающей на вершине мифической горы Куньлунь. В ханьское время вера в Сиванму питала целые религиозные движения. Так, в летописях под 3-м г. до н. э. содержится упоминание о том, что после ряда стихийных бедствий жители нескольких областей «готовились к приходу Сиванму, зажигали огни на крышах домов, били в барабаны, кричали и возбуждали друг друга». Зачастую Сиванму (ассоциировавшаяся с луной) изображалась в паре с Дупван-гуном (Почетным правителем Востока), символизировавшим солнечное начало. Аналогичным образом партнером Нюйвы стал мифический основатель китайской цивилизации Фуси, причем на изображениях позднеханьского времени она уже предстает подчиненной Фуси и принимающей из его рук угольник — символ цивилизаторской миссии.

В религии империи по-прежнему важную роль играли шаманы и шаманки, выступавшие посредниками между живыми и мертвыми. Шаманы были почти обязательными участниками жертвоприношений духам и обрядов их изгнания не только в народном быту, но и среди верхов общества. Правда, шаманистская практика, уже потерявшая к тому времени свою реальную историческую почву, в значительной мере оказалась оттесненной на периферию общественной жизни, приобрела предосудительный, а подчас и откровенно оппозиционный характер. Недаром в источниках той эпохи шаманы и шаманки чаще упоми-

наются в связи с разного рода попытками (начиная с антиправительственных заговоров принцев крови и кончая народными восстаниями) оспорить существующую власть. Так, шаманистские обряды служили своеобразной идеологической санкцией движения «краснобровых», правителям областей и уездов нередко приходилось выдерживать тяжелую борьбу за авторитет с местными шаманами и т. д.

Религиозные представления эпохи Цинь и Хань отводили также огромную роль разного рода магам, гадалателям и знатокам секретов бессмертия — всем, кто претендовал на обладание искусством гармонизации взаимоотношений различных сфер мироздания, жизни земной и жизни загробной. Гадательные символы наделялись магическими свойствами и широко употреблялись в качестве оберега. Небывалую популярность приобрели поиски всевозможных средств достижения состояния бессмертного небожителя (*шэньсянь*), освободившегося от бренной телесной оболочки. Обещания вечной жизни вскружили голову не одному властителю империи, причем наибольший интерес к ним проявили наиболее властолюбивые и тиранические правители, такие, как Цинь Ши хуанди и ханьский У-ди.

В древнекитайской империи сложилась разветвленная система официальных культов, являвшая собой продукт рационализации древней религии в категориях морали, космологии и даже чисто формальных структур. Культы древних богов были по большей части заменены в ней почитанием отвлеченных начал и их псевдоантропоморфных изображений. При Циньской династии и в первые два столетия царствования Ханьского дома наибольшее значение по традиции придавалось жертвоприношениям пяти божествам ди, которые ассоциировались с пятью царями древности, пятью цветами, четырьмя сторонами света и центром, пятью фазами мирового круговорота (часто именуемыми в западной литературе пятью мировыми стихиями). Ханьский император У-ди учредил поклонение божеству земли Хоуту, которое тоже совершали на пяти алтарях, воздвигнутых на высокой насыпи посреди пруда (т. е. место отправления культа являло собой символ мироздания). Тот же У-ди ввел культ божества Верховного Единства (Тайи), а также практику поклонения божественным силам космоса на вершине священной горы Тайшань. При дворе У-ди был разработан сложный церемониал императорских культов. К рубежу нашей эры в религии Ханьской империи первостепенное значение приобрели жертвоприношения Небу и Земле, совершавшиеся соответственно у южных и северных ворот столицы. Одновременно был упрощен ритуал жертвоприношений и сокращено число официальных алтарей в империи. Вообще формы официальной религии в императорском Китае создавались правительством больше по мере появления практической надобности, не имели статуса непререкаемой догмы и легко подвергались рационализации. Основная же тенденция их развития заключалась в совмещении божест-

венного и природного, что выражалось, например, в совпадении астрономического и религиозного календаря в годовом цикле официальных праздников империи; существовало также строгое соответствие между различными фазами годового цикла и административными мерами двора. Система космических соответствий наглядно воплощалась в особом культовом здании, так называемом «сиятельном зале» (*мин тан*). На верхнем этаже «сиятельного зала» приносились жертвы Небу, внизу находились Земли пяти древних царей.

Государство откровенно подчиняло религиозные запросы политике, давая санкцию на поклонение божествам природных стихий, рек, гор и пр. или, наоборот, запрещая отдельные локальные культы. На разных уровнях административной иерархии империи полагалось совершать поклонение божеству земли и плодородия *шэ*, считавшемуся покровителем данной местности. Божество *шэ* слыло ответственным также за неблагоприятные природные явления, и при необходимости его обуздать его алтарь ограждали красным шнуром.

В ханьскую эпоху представления о загробной жизни претерпевают заметную эволюцию. К рубежу нашей эры традиционная иконография перестает быть иллюстрацией мифологических сюжетов, и мир духов уже воспринимается как точное подобие земного мира. Строгая нормативность архаической иконографии уступает место игре образов реалистических и откровенно фантастических, а прежние знаки божественного в конце концов оказываются как бы частью мира, опредмеченного человеком.

Претендуя на роль верховной мироустроительной силы, имперские власти взяли на себя миссию «исправления» народной религии. В официальных источниках нередки упоминания о так называемых «непристойных культах» (*инь сы*), под которыми подразумевались черты религиозной обрядности, подлежащие в глазах правящих верхов империи запрету и искоренению. Такими являлись в основном кровавые жертвоприношения и различные виды экстатического общения людей с богами, т. е. те элементы архаической религии, которые представляли наибольшую угрозу нормам цивилизации и в противоположность официальной идеологии, проповедовавшей «единение небесного и человеческого», обнажали противостояние природы и культуры. Однако запреты «непристойных культов» в древнекитайской империи не следует путать с нетерпимостью, свойственной западным догматическим религиям. В Китае отвергались лишь «крайности» культовой практики, мешавшие осуществлению мироустроительной миссии императора, установлению этической дистанции между человеком и богами. Те же локальные культы, даже если они расценивались как идолопоклонство, недостойное просвещенного мужа, считались полезными, поскольку они способствовали гармонизации отношений между людьми и небесными силами. Дело в том, что ориентация классической

традиции Китая на символизм культуры требовала признать неизбежность самоустранения (в Китае говорили «самоопустошения») наличных форм культуры, представленных, в частности, и исторически наблюдавшимися культами. Параллелизм «внутреннего» и «внешнего» аспектов культовой практики — фундаментальная идея традиционной религии Китая. Момент сведения «внешнего» к «внутреннему» в культе и носил характер «укрощения» богов посредством включения их в сферу гармонической, «всебытийственной», бесконечной и потому сокрытой для всякой ограниченной перспективы содержания полноты сущего.

2. ОФИЦИАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Эпоха Цинь и Хань, характеризовавшаяся сильными централизаторскими тенденциями в политике, отмечена и стремлением к созданию синтетически-целостного мирозерцания. В этот период сложился комплекс официальной идеологии, в рамках которого было сведено воедино наследие отдельных школ философско-политической мысли времен «Воюющих царств», космологические идеи и традиционные религиозные верования древнего Китая. Разумеется, данный комплекс был вызван к жизни главным образом практикой имперской государственности и служил ее нуждам. Так, религия и космология освящали и обосновывали претензии китайских императоров на роль вселенских монархов. Наиболее популярные политические учения донимперской эпохи — конфуцианство и легизм — оформляли деятельность имперской администрации, причем если конфуцианство с его приматом этики создавало отношения доверия, своего рода «морального кредита» между служащими, то легистская доктрина, с самого начала ориентированная на интересы бюрократии, оказала решающее влияние на принципы организации и контроля государственного аппарата. Что же касается даосизма, то он являлся одновременно и апологией традиционной для Китая идеи тождества власти, мудрости и святости, и формой критики официальной идеологии. Примечательно, что литературная традиция древнекитайской империи даже не знала различия между публичной и частной жизнью: ученые ханьского времени возводили отдельные философские школы к деятельности различных категорий служащих, существовавших в «золотом веке» древности, а произведения изящной словесности рассматривались как политические документы.

На какой же основе стало возможным совмещение столь различных по своему характеру идеологических и культурных форм? Такой основой явилось признание исключительного значения момента символизации в человеческой практике. В классической культуре Китая акцент на ритуальное, т. е. символическое действие как таковое, в известной степени даже заслонял собой собственно идеологические мотивы; империя как конкретное

государство только символизировала собой истинную «небесную» империю, власть полностью отделялась от ее физических представителей. Отсюда специфическое для традиционной государственности в Китае сосуществование магико-религиозных концепций власти императора как средоточия космического порядка и чисто светской теории государства, руководствовавшейся исключительно соображениями эффективности административного аппарата. Империя в глазах ее идеологов была проявлением всеобъемлющей и притом священной по своей значимости гармонии бытия, и каждая деталь ее устройства получила в ханьскую эпоху свой небесный прототип. Однако религиозный смысл имперского порядка воплощался не только и даже не столько в официальных культах и прочих знаках священного, сколько непосредственно в мироустроительных жестах императора, в самих административных процедурах империи.

Официально фокусом космического всеединства являлась императорская persona, чья божественная ипостась пребывала в той точке рядом с Полярной звездой, вокруг которой вращается небесная сфера. Император, согласно традиционной формуле, «все укрывал собой, подобно Небу, и все освещал, подобно солнцу». Только он — «Верховный владыка» в качестве главы царствующего дома и «Сын Неба» как вселенский правитель — обладал дарованной ему небесами неограниченной властью над миром, выполняя миссию посредника между земным и небесным. Согласно популярному в ханьское время толкованию, знак «правитель», состоявший из трех горизонтальных черт, перечеркнутых вертикальной чертой, выражал идею связи трех мировых начал: Неба, Земли и Человека.

Следует подчеркнуть, что «Небо» в классической традиции Китая отнюдь не было личностным божеством и вообще не имело фиксированного образа. Оно представляло собой творческий принцип бытия и, по существу, было равнозначно «великой пустоте» как предельной целостности всего сущего и дистанции всякой общительности, делавшей возможным прозябание, превращение (и, следовательно, жизнь) всех вещей. В конечном счете понятие «Неба» служило обозначением полноты природы каждого существа. Поэтому управление в древнем Китае отнюдь не приравнивалось к воздействию извне. В категориях традиционной политической культуры Китая идеальный император должен был править, позволяя всему сущему реализовать себя и не вторгаясь в ход событий, но как бы оставляя для каждого существа пространство его жизненного роста, предоставляя всему место быть. Он считался символом покоя как принципа мирового движения.

Политика в китайской империи мыслилась по образцу органической целостности мировой жизни, устанавливающей безусловную, нерасторжимую, внутреннюю связь каждой вещи с ее «полнотой небесной природы», которая всегда является чем-то другим и даже противоположным по отношению к любому еди-

ничному образу, любой частной перспективе созерцания. Из этой идеи бесконечной полноты как своего рода «поля рассеивания», среды общительности вещей проистекали многие характерные черты административной практики древней китайской империи, например пристрастие имперской бюрократии к архивистски-каталогизирующему перечислению в официальной документации или обычай издавать указы о привлечении ко двору «мужей, живущих в горных ущельях», и отстранении от службы тех, кто «ослепляет пустым блеском». Независимо от конкретно-исторического значения подобных указов налицо стремление государства отождествить себя с тем, что находится за его пределами, т. е. удостоверить с их помощью космическую гармонию. В один ряд с этой чертой государственной политики можно поставить апелляцию имперской власти к «гласу народа» — при полном отсутствии органов, его представлявших. Под «народом» в данном случае нельзя понимать ту или иную гражданскую общность, от которой ждали хотя бы формальной санкции власти императора. Последняя имела сакральные истоки и устанавливалась только Небом. Речь идет скорее об анонимной, неосознаваемой в ее спонтанности стихии народной жизни — о том, что в древнем Китае называли «настроением народа» (*минь цин*). Недаром глас народа искали в народных песнях, для сбора которых ханьские правители учредили специальную палату. Очень высоко ценились фольклорные сатирические куплеты и детские песенки, и ханьские летописцы охотно цитировали их в качестве едва ли не самого весомого комментария к политическим событиям. Анонимные авторы трактата «Тайпин цзин» (II в.) пошли еще дальше: они рекомендовали правителю собирать суждения наиболее далеких от власти людей — рабов и «варваров Запада и Востока». Санкция такого «народа» послала чисто символический характер, но она и нужна была только как символ вселенской связи вещей, подобно тому как Небо, согласно официальной политической догме империи, откликалось на проступки государя стихийными бедствиями, а за добродетельное правление посылало богатый урожай.

Мистический ореол достался древнекитайской империи отнюдь не в качестве пережитка прежних эпох. Он сознательно культивировался ее правящими верхами. Усилиями идеологов Ханьской династии, и в особенности ученого Дун Чжуншу, одного из советников императора У-ди, этическое учение раннего конфуцианства было соединено с космологическими теориями, распространенными в восточных областях древнекитайского мира. Если конфуцианская этика обосновывала исключительное положение человека в мироздании и вместе с тем его ответственность за судьбы всего мира, то космология устанавливала соответствие между политикой и космическим ритмом. Особенно важное значение здесь имела пятеричная классификационная структура, определявшая корреляции между пятью мировыми стихиями (дерево, огонь, земля, металл, вода) и самыми разными аспектами физи-

ческого мира, органической жизни и человеческой деятельности. Дун Чжуншу и его многочисленные последователи утверждали, что каждой династии соответствует господство определенной мировой стихии и что круговорот стихий определяет смену династий — доктрина, представлявшая собой заметное отступление от чжоуской идеи «небесного повеления», срок действия которого не имел ограничений. Ханьские идеологи провозгласили эмблемой дома Хань стихию огня и объявили его непосредственным преемником дома Чжоу (эмблемой которого была объявлена стихия дерева), тогда как династия Цинь оказалась на положении «незаконной». Конфуция Дун Чжуншу назвал «неукрашенным правителем» (*су ван*), который продолжил дело идеальных царей древности и предрек царствование Ханьской династии.

С I в. до н. э. среди правящих кругов Ханьской империи распространилось увлечение астрологическими выкладками со ссылками на авторитет «древних мудрецов», призванными подкрепить претензии на власть ханьских императоров, а в годы правления Ван Мана — и других претендентов на престол. Появилась обширная апокрифическая литература, истолковывавшая древние каноны как своеобразные книги политических пророчеств. В царствование Ван Мана интерес к мантике и предсказаниям стал настолько влиятельным фактором политики, что шутники в те времена приветствовали друзей словами: «Как! Вы еще не получили от Небесного владыки назначения на новую должность?» Популярность новой версии религиозного конфуцианства достигла высшей точки при первых императорах династии Поздней Хань, основатель которой Гуан У-ди оправдывал реставрацию ханьского дома ссылками на распространенные в его время космологические пророчества. Примечательно, что, начиная с Ван Мана и вплоть до VII в., церемониал смены династии проходил в виде якобы добровольной «уступки трона» в пользу более «достойного» кандидата — церемония, предположительно воспроизводившая образцы, установленные идеальными царями древности, и символизировавшая неизбежную смену различных фаз космического цикла. Правда, после гибели Ханьской империи возникшая при династии Хань апокрифическая литература была дискредитирована, а потом и вовсе подверглась запрету. Тем не менее идея взаимозависимости человека и космоса прочно оставалась фундаментом идеологической традиции Китая.

Акцент на магико-религиозной значимости императорской власти не мешал идеологам имперской государственности скрупулезно разрабатывать методику административного контроля.

В древнекитайской империи общественный, правовой и политический статусы индивида не различались. Показательно, что политическая мысль Китая не знала вопроса: что есть человек? Ее занимало лишь, что он значит для государства. Человек в

китайской империи не имел «гражданского состояния»: он обладал только «талантом» (*цай*) и мог надеяться лишь на то, что его «используют» (*юн*), предположительно — в согласии с совокупным движением космического ритма. Осмысление человека в категориях иерархии врожденных талантов, определявших «удел» (*фэнь*) каждого индивида, стало господствующим в древней китайской империи, оттеснив на задний план идею равенства людей, свойственную философским учениям эпохи «Воюющих царств». Подобный взгляд на человека был тесно связан с представлением о государстве как регулирующей силе в обществе, устанавливающей место каждого индивида в иерархии статусов.

В условиях развитых товарно-денежных отношений и значительного классового расслоения экономическая доктрина китайской империи приобрела вид учения о «поощрении основы», под которой подразумевалось производство и обмен продуктов первой необходимости, и «подавлении второстепенного», каковым считалось «изготовление привлекательных безделиц» и «сбыт редкостных вещей». Хотя эта доктрина объявляла идеалом государственной политики поддержание по крайней мере минимального благосостояния непосредственных производителей, она была направлена на обогащение государства и преследовала цель не допустить чрезмерного обогащения частных лиц. В сущности, она была вдохновлена стремлением иметь послушных и притом доверяющих власти подданных, как о том можно заключить из древнего трактата «Гуань-цзы», где говорится о том, что народ не должен быть слишком богат или слишком беден, ибо «слишком богатых нельзя заставить служить, слишком бедные не имеют стыда». В целом традиционная экономическая теория в китайской империи нацеливала на установление оптимального соотношения различных сфер общественного производства и потребления, что именовалось идеологами имперской традиции «великим выравниванием» (*тай пин*). Эта, по существу, компромиссная формула отобразила немаловажное значение регулятивного аспекта власти в императорском Китае.

Особое место в комплексе официальной идеологии занимали различные приемы обоснования исключительных привилегий имперской бюрократии. Идеал служилого человека, который в литературе древнего Китая чаще всего обозначался терминами *ши* или *сянь* (последний обычно переводится на русский язык словосочетанием «достойный муж»), по традиции наделялся «возвышенной волей» (*чжи*) к достижению «единения с Небом», слияния с космической Судьбой, что в категориях имперской идеологии соответствовало полному раскрытию человеческой природы, но требовало преодоления всего субъективистски-ограниченного в человеке. Внутренняя самобытность «достойного мужа» была равнозначна его безусловной открытости миру в соучастии мировому потоку превращений. Гениальная уникаль-

ность и всеобъемлющая безбрежность — таковы две грани человеческого идеала в традициях бюрократии.

Отмеченный взгляд на личность наглядно отобразился в традиционном для китайской культуры понятии «лица». Последнее обозначало в Китае социальные претензии индивида и сумму его обязательств перед обществом, мерой же «лица» являлось признание правомочности его претензий другими. Таким образом, «лицо» представляло собой своеобразное поле взаимозависимости людей, в рамках которого индивид не имел возможности открыто преследовать личные цели. Это означает также, что «лицо» можно было потерять помимо своей воли и его следовало постоянно удостоверять, выражая заботу о других людях.

Отсюда происходила такая характерная черта судебной практики древнего Китая, как презумпция виновности обвиняемого и некоторые, казалось бы не согласующиеся между собой черты поведения *ши* ханьской эпохи: при всей их щепетильности в вопросах чести они не могли защищать свое достоинство в открытом поединке, зато могли без риска для своей репутации отомстить обидчику самым низким способом — например, убив его жену и ребенка.

Средством защиты от репрессивного характера этики «лица» было усиленно пропагандировавшееся ханьскими *ши* требование хранить «покаянный вид», «все промахи относить на свой счет, все доброе относить на счет других». Отсюда и такая особенность общественной позиции имперских чиновников, как стремление критически оценивать современные им нравы: ведь разоблачение пороков своего времени удостоверало нравственную чистоту самого критика. Так в императорском Китае увязительное положение бюрократии в целом оказывалось условием самоутверждения каждого отдельного бюрократа.

Несмотря на постоянную апелляцию служилых верхов древней китайской империи к «общему мнению», их культура насквозь элитарна. Ее героем выступает незаурядный человек и прирожденный вожак, обладающий «церемонно-грозным обликом», способный без принуждения повелевать толпой простых людей и по своим нравственным устремлениям, ценностной ориентации, образу жизни радикально отличающийся от массы «глупого люда». Однако идеальный человек в китайской традиции был лишен возможности преследовать цели для себя, отчего его «возвышенной воле» было суждено оставаться принципиально сокровенной. Мудрецу в древнем Китае полагалось пребывать в «глубоком уединении».

Проблема распознавания «настоящих *ши*» и признания их поистине космических амбиций являлась центральной проблемой политической культуры древнекитайской империи. Считалось, что появление «достойных мужей» гарантировано действием непреложных космических законов, но оно непредсказуемо. Нужды бюрократической империи заставляли ее идеологов порой

весьма практично подходить к вопросу о появлении «незаурядных мужей»¹.

Однако свойственная классической культуре Китая концепция личности как двуединства внутренней автономности и слитности с мировым ритмом заключала в себе и острые внутренние коллизии. Она требовала от гипотетического претендента в чиновники «жить в безвестности», но вместе с тем настаивала на необходимости публичного признания его «сокровенного» подвижничества. Поэтому механизм социализации и, в частности, отбора чиновников среди правящих верхов древнекитайской империи имел своей основой своеобразную ритуалистическую игру, которая заставляла властей придерживаясь учтиво приглашать на службу «достойных мужей», а тех — отказываться от приглашений, рискуя порой собственной жизнью. Культ мучеников добродетели, не пожелавших пожертвовать нравственным целомудрием ради выгод чиновничьей карьеры и погибших от руки тиранов, был поднят ханьской бюрократией на непревзойденную более высоту.

3. ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

Культ образования, грамотности, писаного слова вообще — одна из примечательнейших черт традиционной китайской цивилизации. Он был составной частью культуроцентристской идеологии китайской империи, придававшей исключительно важное значение феномену символизма в человеческой практике. Не случайно чем увереннее чувствовали себя на троне китайские императоры, тем охотнее они оказывали покровительство академической учености.

Попытка Цинь Ши хуанди поставить самодержавную власть правителя над культурной традицией закончилась, как известно, провалом. В начале правления ханьской династии тексты канонических книг, запрещенных при Цинь Ши хуанди, были восстановлены на основании устного предания и записаны принятой в то время разновидностью письма, отчего они получили название «новых писем». Позднее, в I в. до н. э., получили

¹ Примечательно рассуждение ученого Чжунчан Туна (рубеж II — III вв.) о различных категориях служилых людей. Чжунчан Тун утверждал, что на 10 млн. дворов подданных империи всегда найдется 10 млн. здоровых мужчин, а среди каждого десятка мужчин найдется один человек, способный выполнять обязанности низшего служащего. Среди миллиона таких людей всегда найдется 100 тыс. человек, пригодных для работы в канцеляриях, а среди тех, наконец, всегда можно отобрать 10 тыс. человек, способных решать государственные дела. Любопытно, что, казалось бы, отвлеченные расчеты Чжунчан Туна довольно точно соответствовали действительной численности различных прослоек служилых людей в древнекитайской империи — факт, лишний раз свидетельствующий о том, что прообразом «высшей справедливости» Неба в идеологии правящих верхов империи являлась анонимная беспристрастность бюрократической машины.

хождение списки канонов, якобы найденные в стенах дома Конфуция и записанные письменами, бытовавшими в чжоускую эпоху. Школы «новых» и «древних» писмен составили два основных толка в канонической традиции ханьского времени. В целом же эта традиция включала в себя около полутора десятков различных версий канонических текстов.

При первых ханьских императорах среди высших чиновников существовали так называемые *бо ши*, т. е. «знатоки» разных политических учений, имевших своих учеников. Ханьский У-ди повелел ограничиться преподаванием пяти канонов конфуцианской традиции, и с этой целью в 124 г. до н. э. была учреждена Столичная школа (*тай сюэ*). Учащихся школы, выдержавших выпускные экзамены, назначали на невысокие должности в администрации. (Любопытно, что на экзаменах учащиеся сами выбирали экзаменационный билет, т. е. табличку с начертанной на ней темой экзаменационного сочинения, стреляя по этим «билетам» из лука.) Так было положено начало официальной системе образования в императорском Китае, хотя в древности ее вклад в пополнение рядов бюрократии и распространение грамотности был крайне незначительным. В 175 г. у ворот Столичной школы были выставлены каменные плиты с выбитым на них официально утвержденным текстом конфуцианского Пятикнижия, прежние же экзегетические толки в ханьском конфуцианстве прекратили свое существование. Тогда же ученым Чжэн Сюанем (127—200) были составлены классические комментарии к своду конфуцианских канонов — Пятикнижию.

Деятельность ханьских экзегетов дала толчок развитию самых разных отраслей филологического знания — от палеографии до фонетики. В начале I в. ученый Ян Сюн составил диалектологический словарь «Фанъянь», в котором не только толковались значения диалектных слов, но и описывались районы распространения тогдашних диалектов. Одновременно придворный архивист Лю Синь подготовил первую в Китае библиографию, в которой все сочинения, имевшиеся в дворцовом книгохранилище, классифицировались по семи разделам. В начале II в. появился толковый словарь «Шовэнь цзецзы». Его автор, филолог Сюй Шэнь, поместил в нем толкования почти на десять тысяч иероглифов. Позднее ученым Лю Си был создан специальный этимологический словарь.

Пробудившийся интерес к филологической критике был одним из многих проявлений скепτικο-рационалистической реакции на догматизм официальной идеологии ханьской династии. С рубежа нашей эры виднейшие ученые все решительнее ратовали за освобождение этического содержания Конфуциева учения из плена мантики и магико-космологических спекуляций. Среди образованных верхов общества усилилась рационалистическая критика народных верований и прочих людских «мнений». Интересным памятником подобной мировоззренческой позиции является трактат Ван Чуна (I в.) «Луньхэн» («Взвешенные

суждения»). По признанию самого Ван Чуна, он написал свою книгу в надежде «рассеять заблуждения своего времени и побудить людей вернуться к основам добродетели». Ван Чун разоблачал популярные в его времена суеверия и предрассудки, основываясь на результатах наблюдения природного мира. Особенно резко он выступал против веры в бессмертие и существование духов. Отказ от этой веры, утверждал Ван Чун, освобождает людей от пустых страхов и разорительных расходов на пышные похороны. Идея нереальности духов и в дальнейшем пользовалась популярностью среди ученых верхов Китая. В сущности, она была производной от уже упоминавшегося выше тезиса о приоритете «внутреннего» (отождествлявшегося с «небесным» и «подлинным») постижения реальности над ее «внешними» образами, как то выражено, например, в словах историка IV в. Юань Хуна: «Те, кто претворяют в себе подлинное, не робеют перед богами и духами, что же говорить о Поднебесном мире?»

Ханьская картина мира благоприятствовала развитию точных и естественных наук. Особенных успехов добилась астрономия. Еще в доимперскую эпоху древние китайцы научились совмещать в своем календаре солнечные и лунные ритмы, вычислять пути движения небесных светил, предсказывать лунные затмения. Например, астрономический текст, обнаруженный в погребении Мавандуй III (168 г. до н. э.) указывает с большой точностью движение пяти планет за период с 246 по 177 г. до н. э. Измерения времени в древнем Китае производились с помощью гномона, а со II в. до н. э. также водяных часов. Достижения ханьских астрономов позволили ученому Чжан Хэну создать в 124 г. бронзовую модель небесной сферы, приводившуюся в движение водой. Тот же Чжан Хэн сконструировал сейсмограф, который имел вид вазы, с восемью драконами, указывавшими восемь сторон света. Точные науки развивались и в послеханьское время. Так, в V в. придворный астроном Цзу Чунчжи вычислил число π с точностью до седьмого знака. Археологические находки последних лет предоставили свидетельства высокого уровня развития картографии в древнекитайской империи.

Блестящие примеры соединения теории и практики дает история китайской медицины, которая уже к ханьской эпохе выросла в целую систему научного знания. Традиционная китайская физиология основывалась на представлении о человеке как микрокосме, являвшем собой динамическое равновесие космических сил и ритмов: начал *инь* и *ян*, пяти стихий (ассоциировавшихся с пятью внутренними органами, пятью органами чувств и т. д.) и различных видов единой жизненной энергии — *ци*. Лечение болезни заключалось, таким образом, в восстановлении жизненной целостности организма. Еще в доимперский период древнекитайскими врачами были выработаны основные приемы профилактики, диагностики и лечения болезней,

в том числе методика акупунктуры, прижигания, массажа и пр. Лекари ханьского времени применяли большое число препаратов из трав и минералов. Судя по образцам рецептов, найденным в архивах пограничных гарнизонов Ханьской империи, лекарства в ту эпоху нередко включали в себя до десятка и более ингредиентов, а их употребление весьма строго дозировалось. В могиле Мавандуй III был обнаружен сборник рецептов, который содержал 280 предписаний, предназначенных для лечения 52 болезней. В этих предписаниях упоминаются более 240 лекарственных материалов. В древнем Китае развивалась и хирургия. Известно, что знаменитый врач древности Хуа То (II в.) производил трепанацию черепа.

Клиническое лечение в Китае всегда было тесно связано с гигиенической практикой — различными видами гимнастики (в ханьских могилах обнаружены изображения отдельных гимнастических упражнений), водными и солнечными ваннами, гигиеной половой жизни и пр. Гигиена тела в древнем Китае была частью целого комплекса средств достижения физического бессмертия — одной из традиционных целей древнекитайской религии. Важное место в этом комплексе занимали и химические способы воздействия на организм. Древние китайские алхимики, пытавшиеся получить эликсир бессмертия путем трансмутации ряда веществ, особенно киновари, разработали рецепты сотен минеральных спадобий, где фигурировали самые различные компоненты — от золота и яшмы до квасцов, купороса и марганца. В соответствии с общим правилом китайской традиции китайская алхимия разделялась на «внешнюю» (алхимия в собственном смысле слова) и «внутреннюю» (ее психофизиологические параллели), причем приоритет отдавался последней.

Эпоха древних империй в Китае отмечена целым рядом важных технических открытий и усовершенствований. В ханьское время в быт древних китайцев вошла бумага. Традиция приписывает честь изобретения бумаги евнуху императорского двора Цай Луню, жившему в начале II в., но древнейшие известные на сегодня образцы бумаги относятся к I в. до н. э. (Правда, бамбук и шелк продолжали широко применяться в качестве материалов для письма еще и в первые столетия нашей эры.) По-видимому, в это же время древние китайцы освоили и ставшую традиционной технологию изготовления туши из сажи, получаемой от сжигания сосны. В ханьское время был изобретен компас, который имел вид ложки, покоившейся на металлической пластине и указывавшей ручкой на юг (отчего компас в китайском языке зовется «указателем юга»). Тогда же в Китае стали известны зубчатое колесо и водяная мельница, был достигнут значительный прогресс в технике земледелия, ткачества, литья металлов.

4. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Положение и роль изящной словесности в древнекитайской империи определялись уже известными нам особенностями традиционной культуроцентристской идеологии Китая. Письмо расценивалось прежде всего как образ бытия и, следовательно, власти, хранящий в себе магическое «веяние» пустотной силы жизни. Символизируя поток творческих метаморфоз мира, оно выступало как символ в высшем смысле этого слова, т. е. знаком всегда недостижимого, но именно поэтому вездесущего «другого». Таким образом, письменная традиция в классической словесности Китая соединяла в себе общительность и самодостаточность вещей, этическое и эстетическое. Подчеркнем, что именно художественное качество слова оказывалось наивысшим выражением его миссии, оберегания беспредельной перспективы смысла в символе. Не случайно эпическое, зачатки которого существовали в древнем Китае, но не получили развития, свелось в классической литературной традиции Китая к цитате и со временем трансформировалось в утонченную игру книжных аллюзий и намеков. Не случайно также магические свойства письма связывались в древнем Китае главным образом со стилизованными формами письменности — каллиграфическими надписями, криптограммами и т. д.

Будучи во всех своих проявлениях знаком власти, литература в древнем Китае так или иначе выражала различные аспекты имперской политики или, точнее, различные аспекты отношения к политической действительности образованных людей — наследников и хранителей символического языка культуры. Всякое литературное творчество было публичным актом — выражением претензий на власть и, следовательно, соперничеством за авторитет. При этом оно носило преимущественно лирический и сатирический характер, поскольку в китайской культуре иносказательному, аллегорическому измерению словесности придавалось исключительное значение.

Коллизии, сопутствовавшие формированию классической словесности Китая, с наибольшей полнотой проявились, пожалуй, в историографической традиции древней империи. История как совокупность назидательных прецедентов была для правителей китайской империи непосредственным воплощением «небесной воли», предельной реальностью дао, а исторические сочинения — наилучшим средством удостоверения законности их власти. С I в. н. э. при ханьском дворе существовала историографическая палата, так называемый Восточный павильон, где подготавливались тексты официальных исторических сочинений, создававшихся по императорскому указу. Но, несмотря на императорский патронаж, эти сочинения выражали прежде всего точку зрения конфуцианских ученых, неизбежно вносивших в свои труды мотив драматической конфронтации, соперничества за авторитет между «достойным мужем» и государем.

Имперский период истории древнего Китая ознаменовался появлением нового жанра исторических сочинений, отличавшегося весьма сложной композицией. Его основоположником был официальный историограф при дворе У-ди Сыма Цянь (ок. 145—86 гг. до н. э.) — автор труда, обычно именуемого «Историческими записками» (правильнее «Записки историка»). В своем труде Сыма Цянь изложил историю Китая с древнейших времен до правления У-ди. Книга знаменитого ханьского историка состоит из нескольких неоднородных по жанру частей: анналов, генеалогических таблиц, биографий выдающихся исторических деятелей, исторических монографий и жизнеописаний, включающих в себя описания отдельных народов и стран. Ход истории Сыма Цянь представлял как действие непостижимой «небесной судьбы» и круговорот различных форм общественного состояния. Согласно этой концепции круговорота, принятой Сыма Цянем от Дун Чжуншу, принципом первой династии Ся была «искренность», выродившаяся в «дикость», принципом династии Шан — «почтительность», выродившаяся в «суеверное почитание духов», принципом династии Чжоу — «цивилизованность», выродившаяся в «формальное соблюдение правил», что было усугублено династией Цинь, поставившей во главу угла «закон». Ханьская же династия, утверждал Сыма Цянь, исправила пороки чжоуского правления, вернувшись к принципу «искренности». Что же касается человеческой личности, то она в древнем Китае рассматривалась лишь в связи с тем или иным типом характера или социальной ролью. Биография же сводилась, так сказать, к «значимому прецеденту», зачастую к анекдоту, в которых разыгрывалась коллизия «достойного мужа» и окружающего мира. Труд Сыма Цяня послужил образцом для написания истории династии Старшей Хань. Это было сделано в I в. ученым Бань Гу. Впоследствии составление историй отдельных династий приобрело регулярный характер, и этот жанр исторических сочинений стал одним из самых внушительных памятников идеологической традиции имперской государственности в Китае.

Сыма Цянь отнюдь не был официозным летописцем. В его книге содержится немало критических выпадов по адресу У-ди, сам историк попал в опалу и подвергся унизительному наказанию — кастрации. Ода Сыма Цяня «Скорблю о *ши*, не встретившем судьбы» — это классический в своем роде документ жизненной позиции ученых людей в древнекитайской империи. Она открывается следующими словами: «Скорблю о *ши*, родившемся в недобрый век, о том, кто с тенью собственной стыдится жить наедине и кто, себя превозмогая, претворяет ритуал, страхась лишь, что деяния его останутся неведомы другим. Поистине талант его могуч, но мир забыл о правде, и вот в усилиях бесплодных всю жизнь изнемогает он. Хотя обликом прекрасным наделен, никто его не видит, хоть есть способности, раскрыть их он не может...» Впрочем, разлад между правдой идеального

человека и ложью суетного света снимается обращением к идее предельного всеединства бытия, уравнивающего все сущее. Бухгалтерия мирового круговорота может показаться слабым утешением для страдающего сердца, но следует заметить, что перед нами одно из выражений фундаментальной для китайской традиции темы «единения небесного и человеческого», открытия своего личного в безличной Судьбе. По примеру Сыма Цяня многие литераторы и историки древнего Китая брались за кисть после того, как они убеждались в невозможности осуществить свои «возвышенные помыслы». Нередко они вдохновлялись образами поэта Цюй Юаня и других древних мужей, которые, по преданию, покончили с собой после того, как были незаслуженно отстранены от службы.

В области особенно изящной словесности в ханьское время господствовал жанр прозо-поэтических произведений *фу*, которых иногда называют «одами». Эклектический как по форме, так и по содержанию, жанр *фу* является достойным образчиком синкретизма ханьской культуры. Произведения этого жанра, имевшего своим главным источником традицию «Чуских строф», причудливо соединяли в себе панегирик, сатиру и lamentацию, фантастику и дидактизм. Классические образцы *фу* создал Сыма Сянжу (ок. 179—117 гг. до н. э.) — придворный поэт ханьского У-ди, искусно сочетавший в своем творчестве одическую торжественность с политическим критицизмом. В первые века нашей эры *фу* превратились, по существу, в формальные образцы «высокого стиля» в словесности.

У-ди учредил при дворе Музыкальную палату (*юэ фу*), где собирались и обрабатывались народные мелодии и песни. Деятельность Музыкальной палаты заложила основы новой традиции лирической поэзии. У истоков же классической китайской лирики находится анонимный цикл «Девятнадцать древних стихотворений», сложившийся, вероятно, к середине II в. н. э. Стихи этого цикла написаны классическим для китайской поэзии пятистопным размером с цезурой после второго слога. Лиризм «древних стихотворений» вдохновлен глубоко и непосредственно пережитой истиной, что «живет человек между небом и этой землей так непрочно, как будто он странник и в долгом пути» (перевод Л. З. Эйдлина). Новая поэзия возвещала, что человеческая жизнь — как «утренняя роса под солнцем», но в мужественном приятии хрупкости жизни заключено несокрушимое величие человека. Наследие «девятнадцати древних стихотворений» определило облик лирической поэзии Китая в III—V вв.

Ханьское искусство, подобно литературе и даже религии того времени, по-своему отображает переходный характер культуры древнекитайской империи. Тогда еще не были найдены и осознаны формы художественного выражения философии культурного символизма — такие формы появились лишь в средневековье, составив классический фонд китайского искусства. Что же касается живописи и пластики ханьского периода, то они все

еще питались образами и сюжетами древней мифологии, которым было суждено сойти с исторической сцены. В памятниках ханьского искусства запечатлен процесс разложения мифологических образов: с одной стороны, они отличаются по-детски наивной, примитивной, хотя и исполненной немалой жизненной силы реалистичностью, имеют часто прикладное применение, например в качестве поучительных образцов или магических предметов, с другой — древние мотивы приобретают декоративную функцию и вытесняются в область орнаментации, нередко чрезвычайно стилизованной. Видимая стилистическая непоследовательность ханьского искусства заявляет о себе и в контрастном сочетании бытовых сцен, прославляющих радости земной жизни, и картин блаженной страны небожителей. Подобное соседство натуралистического правдоподобия и откровенной фантастики имеет свои параллели в имитациях повествовательной прозы того времени, например в сборнике легенд «Шаньхай цзин» («Книга гор и морей»), где рассказы о мифологических персонажах, превращенных в фантастические существа, вставлены в рамки педантичного географического описания. Подобное же странное сочетание научной аккуратности и фантазии мы встречаем, в частности, в главе о топографии в трактате «Хуай Нань-цзы» (II в. до н. э.).

Есть, однако, и некий общий стилистический знаменатель как фигуративной живописи, так и декора той эпохи. Таковыми выступают динамизм, пластика самого движения, выражающиеся в напряженно изгибающихся линиях, ритмических структурах и модуляциях, экспрессивных жестах. Этот жизненный динамизм, то неистовый и страстный, то подчиненный как бы музыкальному ритму, мы наблюдаем и на сценах всякого рода увеселений и игр, столь частых в ханьских погребениях, и в характерных для ханьской пластики фигурах воинов, хищных зверей, бегущих лошадей или композициях, изображающих коня, толчущего человека. Присущ он и ханьскому искусству портрета, которое при всей его реалистической достоверности (например, фигуры воинов из гробницы Цинь Ши хуанди явно передают индивидуальные черты их прототипов) всегда представляет определенный символический тип, иногда граничащий с карикатурой. Момент стилизации как выражения динамизма жизни, опосредующего реальное и гротескное, образное и абстрактное, сыграв решающую роль в становлении искусства каллиграфии, которое приходится на первые столетия нашей эры.

В контрастном единении разнородных, казалось бы, стилистических элементов, посредуемых постоянно самоотчуждающимся, превосходящим самого себя и потому порождающим бесконечное разнообразие актом стилизации, ханьское искусство обнаруживает глубинную преемственность с китайским искусством позднейших эпох. Именно осознание выразительных потенций момента стилизации как такового сделало возможным в Китае эмансипацию художественного творчества от каких бы

ни было утилитарных соображений, а внутренняя коллизия стилизации, всегда являющей собой игру утверждения и устраниения, раскрытия и сокрытия, определила традиционное для китайской культуры понимание драматизма творчества как достижения безмолвного в звуке, безобразного в образе, покоя в движении и т. д.

5. ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА КИТАЯ

III—VI вв.

Одним из самых примечательных новшеств в духовной культуре Китая III—VI вв. явилось распространение индивидуалистических религий, характерных для средневекового мира. В древнекитайской империи существовали два основных типа религиозного мирозерцания: один из них был представлен шаманистскими верованиями и обрядами, восходившими к первобытной земледельческой религии, другой — императорскими культами, связанными с официальной этико-космологической доктриной. Однако оба эти типа религии не имели и не могли иметь широкой поддержки в обществе. Шаманистская практика стала анахронизмом с момента возникновения имперской цивилизации, а императорские культы имели отношение только к августейшей персоне и к тому же сводились к чисто формальной процедуре. В первые столетия нашей эры в Китае сложилась религия нового типа — даосизм, которая отделяла себя как от древней общинной религии, так и от официальной религии древней империи.

В качестве организованного религиозного движения даосизм появился, вероятно, на юге Шаньдуна, откуда распространился на запад и юг. Большую роль в его популяризации на первых порах сыграла секта «Тайпиндао» («Великого равенства»), подготовившая восстание «Желтых повязок». Вождь секты Чжан Цзюэ, называвший себя «Великим мудрецом и добрым учителем», утверждал, что все напасти в жизни людей являются результатом совершенных ими проступков. Заболевших приверженцев секты заставляли первым делом хорошенько покаяться в содеянном ими зле, лечил же Чжан Цзюэ заговоренной водой. Отметим, что среди последователей Чжан Цзюэ было много разорившихся и беглых крестьян, потерявших связь с общиной. Другая даосская секта, основанная, по преданию, Чжан Даолином в середине II в. на западе Китая, получила от ханских чиновников прозвание «Пять доу риса», поскольку Чжан Даолин взимал со своих последователей ежегодную подать в этом размере. Преемники Чжан Даолина называли себя «Небесными учителями». Секта «Пяти доу риса» распадалась на довольно замкнутые общины, члены которых устраивали коллективные доклинации священных текстов, коллективные покаяния, пиршества и другие обряды. Известно, что на рубеже II—III вв. во

владениях «Небесных учителей» существовали бесплатные публичные столовые, причем, по верованиям сектантов, тех, кто пользовался услугами этих столовых в корыстных целях, немедленно постигала кара богов.

Центральное место в даосизме, особенно на раннем этапе его развития, занимала идея интеграции, или, по-китайски, «вплощения» подвижником дао божественных сил космоса в самом себе вплоть до непосредственного созерцания богов в своем теле. Мудрость и святость в даосской традиции приравнивались к состоянию «сохранения единства» (*шоу и*), т. е. обереганию предвечной всеобъемлюще-пустотной целостности «небесной природы». Другой отличительной чертой даосской религии являлась практика получения откровений от верховных богов, что соответствовало пробуждению нового этического самосознания в человеке. Так, в раннедаосском трактате «Тайпип цзин» возвещается о приходе «божественного человека, не имеющего облика», который откроет «небесные письма» своим ученикам — «настоящим людям», а те разъяснят их смысл «правителю высочайшей добродетели». С IV в. верховным божеством даосизма считался Высочайший Старый правитель, каковым был не кто иной, как обожествленный легендарный основатель даосского учения Лао-цзы. Даосские проповедники учили, что царство даосского мессии уготовлено лишь для избранных, так называемых «людей-семян» (*чжун минь*), и развивали идею личной ответственности за прегрешения и неизбежности возмездия за них, что в даосских текстах именовалось «принятием вины» (*чэн фу*). Вместе с тем даосизм многое унаследовал от традиционных общинных идеалов крестьянства; главными качествами идеального общественного состояния в ранних даосских сочинениях объявляются «сообщительность» (*тун*) и «всеобщность» (*гун*), а тягчайшим грехом — «накопление праведности для самого себя».

Формирование даосской религии знаменовало дальнейшее развитие традиционной для Китая символической философии с ее идеей параллелизма «внешнего» и «внутреннего» в человеческой культуре. Целью даосского подвижничества считалось постижение в себе сокровенного «подлинного государя», или, другими словами, «семени», символа бытия, который предвосхищает все сущее и дает власть над миром. Именно к области «внутреннего» относились верховные божества даосского пантеона, которые, по представлениям даосов, «не имели облика». Соответственно в политическом отношении даосизм претендовал на роль «внутреннего» дубликата светской империи. Даосы выдвигали образ темного двойника земного правителя, являющегося верховным повелителем в мире духов. По крайней мере с V в. многие императоры в Китае принимали даосские инсигнии, тем самым как бы, удостоверяя свои державные полномочия и в мире божественного. Еще раньше, в течение III—IV вв., даосизм завоевал признание образованных верхов китайского

общества, хотя, разумеется, и в дальнейшем на судьбах даосской религии не могли не отразиться противоречия между официальной и народной культурой.

Таким образом, даосская традиция выступала в роли посредника между фольклорной и официальной религией. Кроме того, она с равным успехом способствовала включению в китайскую культуру иностранных новшеств и сохранению преемственности культурного самосознания в Китае. Так, среди приверженцев даосизма в западных и юго-западных областях Китая было много выходцев из некитайских народностей. Даосизм пользовался особой благосклонностью правителей государств, основанных в Китае кочевниками. Однако это не мешало даосам иметь репутацию защитников и хранителей всего «истинно китайского». В частности, с этих позиций последователи даосизма полемизировали с буддистами.

Наряду с распространением даосизма в Китай проник и завоевал популярность буддизм. По преданию, первые буддийские сутры были привезены в столицу Ханьской империи при императоре Мин-ди (58—76 гг. н. э.), а в начале II в. была предпринята первая попытка изложения основ буддийской веры на китайском языке. Однако лишь с рубежа III—IV вв. учение Будды привлекло к себе внимание образованной элиты китайского общества. Не последнюю роль в успехе буддизма (как и даосизма) сыграли тогдашняя обстановка политической нестабильности и способность буддизма благоприятствовать сближению китайцев и кочевых племен. Среди всеобщей ненависти и вражды буддисты заняли позицию «над схваткой» и умело пользовались ее преимуществами. Именно в IV в. впервые приобрели известность буддийские анахореты, которые, обосновавшись по примеру даосов на какой-нибудь почитаемой горе, брали на себя роль беспристрастных наставников мира. А для аристократии, тяготившейся оковами имперской государственности, буддийские идеалы стали воплощением их излюбленной идеи «странствия за пределами пошлого мира».

К VI в. буддизм превратился в господствующую религию Китая, глубоко укоренившуюся в сознании всех слоев китайского общества. Буддийские монахи были освобождены от всех повинностей, и численность их быстро росла. В Северном Вэй в начале VI в. она достигла астрономической цифры — более 2 млн. человек. К тому времени только в Лояне насчитывалось 1367 буддийских храмов. Прочные позиции буддизм имел и на Юге, где он приобрел могущественного и заботливого покровителя в лице основателя царства Лян Сяо Яня.

Проникновение буддизма в Китай сопровождалось бурной полемикой о достоинствах иностранной веры. Противники учения Будды, конечно, не преминули призвать к себе в свидетели древних китайских мудрецов. Они указывали, что в канонических книгах нет никаких упоминаний о Будде — очевидно, потому, что он в глазах всеведущих мужей древности не заслужи-

вал упоминаний. Для конфуцианцев очевидным признаком неполноценности буддизма служило обилие в буддийской литературе упоминаний о чудесах, которое, по их мнению, проистекало из того, что «варваров» невозможно вразумить добродетельным примером, а потому их приходится запугивать сверхъестественными явлениями и устанавливать (как имело место в религии Будды) моральные заповеди. Что же касается буддистов, то они обвиняли своих оппонентов в узости кругозора и заявляли, что буддизм был известен в Китае еще во времена идеальных царей древности и что Конфуций, Лао-цзы и другие герои китайской традиции были учениками или даже воплощениями Будды. Китайские приверженцы буддизма охотно ссылались и на традиционный тезис о том, что «все дороги мира ведут к одной цели» и все вещи достигают полноты существования через свою противоположность. Используя этот тезис, наиболее утонченные апологеты буддизма утверждали, что все непривычные для китайцев черты иноземной религии на самом деле удостоверяют его внутреннее сродство с китайской традицией. Так буддизм получил возможность не только не тяготиться своими «варварскими» атрибутами, но и выдавать их за выражение «сокровенной глубины», «высшего смысла» именно китайской мудрости. В итоге распространение буддизма в Китае привело к радикальной переоценке самого понятия «китайское», но вместе с тем вновь подтвердило важнейшие мировоззренческие послышки, лежавшие в основе китайской традиции.

Эпоха III—VI вв. отмечена подъемом философской и литературной мысли, сбросившей оковы догматизма этико-космологической доктрины империи и ее утилитаристской идеологии. За новой свободой размышления и творчества стояла известная независимость аристократии той эпохи от институтов бюрократической империи. Весь пафос аристократической культуры того времени заключался в преодолении «мирской пошлости», как называли аристократы мир безличных законов, норм и правил, мир всего общепринятого, общеизвестного, общедоступного. Герой этой культуры — уникальный, неповторимый, не имеющий себе равных человек. Новый стиль эпохи и новый взгляд на человека наглядно отобразились в практике составления афористически-сжатых оценок личности, классификации человеческих типов. Тесно связанная с институтом «деревенских категорий», данная практика приобрела значение самостоятельной риторической традиции и своеобразной визитной карточки аристократического сословия. Человеческая личность в рамках этой традиции сводилась к определенному «характеру», символическому типу, сформулированному в метафорической и остроумной манере, например: «дикий гусь среди выводка цыплят», «жемчужина в грудe черепков», «не умеет говорить, но умеет не говорить» и т. д. Риторика подобных оценок (имевших, напомним, вполне определенную политическую и социальную значимость) дала жизнь так называемым «чистым беседам» (*чин*

тань) — свободным ученым дискуссиям, в которых логическая строгость мысли сочеталась с ораторским красноречием. Подобные беседы проходили в виде диспута между «хозяином» и «гостем», развивавших заранее условленную тему, причем по ходу дискуссии ее участники могли меняться ролями.

«Чистые беседы» дали толчок метафизическим размышлениям о природе «первоосновы» мира, об именах и сущности вещей и способствовали оформлению в Китае нового философского синтеза, легшего в основу системы идеологического синкретизма «трех учений» Китая — конфуцианства, даосизма и буддизма. Характерным памятником новой философии, получившей название «учение о сокровенном» (*сюань сюэ*), являющиеся составленные на рубеже III—IV вв. Го Сяном толкования на древнедаосский трактат «Чжуан-цзы». В центре учения Го Сяна находится понятие чистого бытия, которое означает внутренний предел всякого существования и поэтому превосходит различие между внутренним и внешним, субъектом и объектом, единым и множественным. Согласно Го Сяну, сокровенное единство бытия неотлично от всего разнообразия мира и «тот, кто до конца уходит из мира, не может не находиться во внутреннем родстве с миром». Так Го Сян обосновывал союз конфуцианского морализма и даосского мистицизма. С IV в. основные идеи «учения о сокровенном» были подхвачены и развиты буддистами, чьи философские сочинения остались непревзойденной вершиной умозрительной мысли в истории Китая.

Бурный подъем переживало в ту эпоху и литературное творчество, которое именно в III—IV вв. утвердило себя как самостоятельная область духовной жизни. Ко II в. относится сложение анонимного поэтического цикла «Девятнадцать древних стихотворений», определившего классические формы китайской средневековой лирики. В творчестве лучших поэтов той эпохи поэзия обрела весомость исповеди, стала способом размышления над насущнейшими вопросами человеческого бытия. Появились специальные трактаты, посвященные теории изящной словесности, ее жанрам и истории, — «Рассуждение об изящном слове» Цао Пи (начало III в.), «Ода изящному слову» Лу Цзи (ок. 300 г.), а в начале VI в., в период правления династии Лян, — литературно-критическое эссе ученого Шэнь Юэ, разработавшего законы музыкального рисунка стиха, ряд классических трактатов в области литературной теории и критики, классическая антология «Литературный сборник» и т. д.

Открытие специфики предмета и законов изящной словесности было самым тесным образом связано с новым взглядом на человека, с признанием значимости индивидуального таланта. Уже Цао Пи отмечал, что, подобно тому как одну и ту же мелодию каждый музыкант исполнит по-разному, так и поэт должен творить, повинаясь своему прирожденному, ему одному свойственному душевному складу и темпераменту. Не случайно также методы и приемы литературной критики той эпохи, сво-

дившей литературные произведения к той или иной «категории», воспроизводили практику определения человеческих типов. Одновременно культ риторики и остроумия в аристократической культуре немало способствовал росту интереса к литературной технике, осознанию художественных потенций слова.

Сложение эстетического канона китайской традиции сопровождалось открытием или переоценкой художественной значимости различных искусств — каллиграфии, живописи, музыки, отчасти скульптуры. В IV—V вв. Ван Сичжи и некоторыми другими учеными были созданы классические образцы каллиграфических надписей, тогда же в Китае появились пейзажная живопись и первые сочинения по теории живописного изображения. Ранняя эстетика живописи в Китае испытала глубокое воздействие традиционных магико-космологических представлений и религиозных ценностей буддизма и даосизма. Новые религии не только снабжали изобразительное искусство Китая сюжетами и образами, но и дали жизнь самой идее живописного образа как заместителя духовной реальности, символа просветленного сознания. Под влиянием буддизма важной частью китайской культуры той эпохи стало также искусство скульптуры.

Лекция 11
ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ

Изучая древнюю Японию, ученые сталкиваются с большой трудностью — отсутствием достоверной хронологии. Историческое время отсчитывается от середины VI в. н. э., а период с 300 г. н. э. по середину VI в. называют «полуисторическим». Предысторию Японии можно начинать с неолита и энеолита, с периодов, называемых в японской историографии Дзёмон (по названию керамики дзёмон, приблизительно с середины IV тысячелетия до н. э. по 300 г. до н. э.) и Яёи (по названию растительного орнамента на керамике, образованному от улицы в Токио, где эта керамика была найдена, 300 г. до н. э.— 300 г. н. э.). Затем по японской периодизации следует период Кофун, или курганов (300—710 гг.), для которого было характерно возведение значительного числа курганов (ок. 10 тыс.). Археологи считают, что сооружение курганов было связано с культом гор и с культом предков. Время с 300 по 710 г. называют еще и периодом Ямато. Японские хроники относят начало Ямато к легендарной дате — 660 г. до н. э., что, конечно, не может считаться достоверным.

Современные исследователи предполагают несколько этнических миграций на японский архипелаг в доисторические времена. Однако носители древнейшего японского языка — «люди ямато», или по-китайски *вожэнь* (в японском произношении *вадзин*), — описаны в китайских хрониках как племя или племенной союз, однородный по этническому составу. Места его обитания (юго-западный остров Кюсю) назывались «страна Ямато» (в китайских хрониках «страна Во», яп. «страна Ва»); затем это наименование распространилось на весь японский архипелаг. На японских островах существовали и другие племена: *эбису*, или *эмису*, в древних хрониках — *эдао* (впоследствии стали называться *айну*). Они, очевидно, составляли наиболее раннее население

всех японских островов, а также Сахалина и Курилов. Антропологический облик их своеобразен: это черноволосые, с густым вторичным и третичным волосным покровом, коренастые люди, отчасти напоминающие аборигенов Австралии, но значительно более светлокожие; родственные связи айского языка не установлены.

Кроме ямато и айну (эмишу) в источниках упоминаются и другие племена: *кумасо* (позже — *хаято*), предположительно малайско-полинезийского происхождения, а также *идзумо* и *тэнсон* — возможно, тунгусо-маньчжурского происхождения. Даты их появления на островах неясны.

Японский народ является прямым потомком и преемником племен и родов, населявших японский архипелаг, однако его язык восходит к языку людей ямато. Генезис японского языка — предмет многолетних научных дискуссий. По-видимому, он отдаленно родствен тунгусо-маньчжурским языкам Сибири. Есть предположение, что предки носителей урало-алтайских языков (включающих тюркские, монгольские, тунгусские и др.) первоначально обитали на западе и в центральной части Азии, постепенно продвигаясь к востоку. Предки носителей тунгусских языков и японского продолжили миграцию в Северо-Восточную Азию до Корейского полуострова и далее на острова, неся свои наречия, мифологические сюжеты и т. д.¹ Люди — носители языка, предка современного японского, проникли на острова, как предполагают, в I тысячелетии до н. э.² — сначала на о-в Кюсю (вероятно, через Маньчжурию и Корею).

Первые исторические записи японцев восходят ко времени не позже VI в. н. э.; в Японии они традиционно высоко ценились: религиозно-философские искания японцев всегда запечатлевались в форме исторических литературных произведений. Японские ученые утверждают, что в них трудно провести грань между мифом и реальной историей, литературным вымыслом и историческим фактом: для японской культуры всегда была характернее поэзия, нежели философия и историография, а поэтому интерес к собственной истории не обязательно выражался в строгом следовании фактам.

Самые первые упоминания о Японии встречаются в китайских хрониках династий Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) «Цянь Хань шу» («История Ранних Хань», I в. до н. э.); «Хоу Хань шу» («История Поздних Хань», III в. н. э.). Достоверны и

¹ Заметим, что корейский язык либо вовсе не родствен японскому, либо является потомком урало-алтайского праязыка по совершенно иной линии.

² В последние годы была выдвинута новая гипотеза формирования японской нации на основе археологических данных, полученных при раскопке курганов, — «теория всадников» (*киба миндзоку сэцу*), приписывающая создание государства Ямато воинам — всадникам, вторгшимся из Восточной Маньчжурии во II—III вв. через Корейский полуостров и покоривших местных жителей. Однако по лингвистическим и другим данным эту дату следует считать слишком поздней.

китайские сообщения о двусторонних посольствах III и V вв. (причем китайские источники, естественно, изображают японские посольства как принесение японскими правителями дани для получения инвеституры). В обеих китайских хрониках говорится о стране, расположенной «за Кореей» и разделенной на «100 царств» (по-японски «куни»). «Вэй чжи» («Описание Вэй», династии эпохи Троецарствия, 220—265 гг. н. э.) более подробно говорит о Японии III в. и описывает Японские острова как страну многих царств, подчиненных «царице» Химико — возможно, жрице божества Солнца. События периода 300—710 гг. (период курганов, или Кофун) отражены уже в собственно японских памятниках VIII в. К III в. общество, видимо, достигло раннеклассового уровня, поскольку «Вэй чжи» говорит о существовании четких отношений господства и подчинения, а также рангов знатности. Однако по этим хроникам трудно установить даже местоположение царства Ямато: по одной версии, оно на севере о-ва Кюсю, по другой — на о-ве Хонсю (район Кинай). Глава японского государства V в. назывался *оками*, или «великий царь», он подчинял себе многие соперничавшие с ним роды. Это подтверждает текст из 115 иероглифов, начертанных на железном мече, который был найден в гробнице Инарияма в 1972 г. В китайской «Сун шу» («История династии Сун», 420—479) неоднократно упоминаются «пять царей страны Ва»: Сан, Тин (Ми), Сэй, Ко и Бу. В «Сун шу» цитируется послание царя Бу к китайскому двору в 478 г., в котором он описывает свои действия по объединению Японии и завоеванию части Кореи.

О древнем периоде истории Японии мы узнаем из хроник «Кодзики» («Записи о делах древности») и «Нихон-сёки» («Нихонги») («Японские записи»), написанных в VIII в. Создатели этих произведений во многом основывались на по крайней мере двух исторических сочинениях вряд ли старше VI в.: «Тэйки» («Записи императоров») и «Кудзи» («Древние повеления»), которые были составлены под влиянием китайских исторических хроник. В них соединились собранные крупнейшими учеными того времени записи центрального правительства и правительств провинциальных кланов (*удзи*), а также корейские исторические материалы и буддийские тексты. «Тэйки» и «Кудзи» были утрачены при пожаре, но известно, что в них, как позднее в «Кодзики» и «Нихонги», была изложена в общем виде, с некоторыми вариантами, единая концепция японской истории, согласно которой эта история началась с «эры богов», а затем в результате превращения богов в людей наступила «эра людей». Сначала боги (среди них богиня Солнца Аматаэрасу Омиками) обитали на Высокой Равнине Неба (Такамагахара), затем внук Аматаэрасу — Ниниги-но Микото спустился на землю Кюсю, а его внук переправился на главный остров Японии — Хонсю и стал править в стране Ямато. Политический порядок в государстве считался, таким образом, установленным богами, что не противоречило и китайской концепции истории, на которую ориентировались первые японские

авторы: «Кодзики», а в особенности «Нихонги» построены по образцу китайских исторических сочинений, но по содержанию, подходу к материалу, типу мировоззрения, композиции и стилю по крайней мере «Кодзики» вполне оригинален.

В хронике «Тэйки» была изложена генеалогия императорского дома, а в «Кудзи» собраны мифы о богах, полубогам, легендарных императорах, историзованные легенды, фольклорные песни. В 610 г. принц Сётоку-Тайси (572—622), выдающийся государственный деятель Японии, соединил все бытующие в японских провинциях версии мифов и историй в собрание «Кокки» («Записи о стране») и «Тэнноки» («Императорские записи»), однако они также погибли при пожаре в 645 г. Целью их была, видимо, фиксация некоторых исторических документов, создание авторитетных хроник, которые отражали бы вековую борьбу императорского дома за объединение государства, для того чтобы силотить подданных вокруг правящего дома.

Согласно японской традиции, к VII в. до н. э., но, во всяком случае, не позже III в. н. э.³ произошла морская миграция с о-ва Кюсю на центральный остров архипелага — Хонсю. Мигранты первоначально занимали дельты рек и прибрежные равнины. Надо полагать, что в результате их слияния с местным, довольно, впрочем, редким населением произошла окончательная консолидация японского этноса. Здесь возникло по меньшей мере два центра земледельческой цивилизации — области Идзумо и Ямато, но постепенно вся южная и центральная часть о-ва Хонсю, большая часть Кюсю, а также Цусима, несколько позже даже колонизованная японцами полоса земли в Южной Корее — Мимана подчинились Ямато. Это была довольно рыхлая федерация, во главе которой стоял культовый вождь племени ямато — оками, затем *тэнно* (букв. «небесный государь», термин, понимавшийся впоследствии как обозначение императора)⁴. Хотя верховенство *тэнно* признавалось всеми общинами объединения Ямато и поэтому он имел большой политический вес, реальная власть принадлежала повсюду главам кланов. Наиболее могущественные кланы, в первую очередь клан Сога, стремились держать под своим контролем императора, во-первых, обеспечивая за своим кланом должность его «главного министра» (фактического главы администрации Ямато), во-вторых, выдавая своих дочерей за вероятных наследников *тэнно* и устраивая неугодных себе претендентов. Род *тэнно* считался имеющим божественное происхождение, а его должность — вечно наследственной только внутри этого рода.

³ Даты японской истории, передаваемые местными памятниками, могут считаться достоверными с середины VI в. н. э.

⁴ В японских хрониках упоминается первый японский *тэнно*, Дзимму, правивший будто бы с 660 по 585 г. до н. э., что сильно преувеличено. Начиная с Дзимму, все правители Ямато носят одинаковый титул: нероглифически он записывался одинаково, но звучал по-разному, вначале, видимо, *сумэраги*, *сумэра-но микото*, а затем *тэнно*.

В VI в. государство Ямато обрело четкие политические и социальные формы. Общество Ямато имело следующий состав: 1) полноправные члены кланов, куда входили как знатные землевладельцы, так и свободные крестьяне. Члены этих кланов владели землей и другими средствами производства на правах собственности, обусловленной членством в общине; 2) *бэмин*, образовавшие профессиональные организации («корпорации»). Рядовые члены их являлись «илотами» (в том смысле, как этот термин употребляется в книге «Ранняя древность»): они не входили в состав кланов, не имели собственности на средства производства и работали в хозяйствах тэнно и клановой знати. Однако, как и в Месопотамии, лица, возглавлявшие корпорации, хотя и числились среди «илотов» (*бэмин*), на самом деле принадлежали к господствующему классу. Имелись также домашние рабы и рабыни, которые, видимо не использовались на сельскохозяйственных работах.

Общество в древней Японии основывалось на поливном возделывании риса, а этот способ выращивания риса требует слаженных совместных действий; поливные поля рассматривались как общинная собственность. Отсюда многие японские историки и культурологи выводят генезис японского типа сознания (модель «моя деревня»), которому свойственны коллективизм, потребность подчинения, известный конформизм, слаженность действий, любовь к труду. Этот тип сознания, зародившийся в древности, ведет, по их мнению, начало от «общества поливного риса», которое существовало, по новейшим данным, начиная с периода Яёи (т. е. с 300 г. до н. э.); претворяясь, этот тип репродуцировался на протяжении столетий вплоть до настоящего времени.

Объединение Ямато в течение IV—VII вв. вело многочисленные войны как против местных племен японских островов, так и в Корею, где японские войска были вовлечены в военное и политическое соперничество между тремя раннеклассовыми государствами — Пэкче, Силла и Когурё; при этом японцы испытывали сильное экономическое и культурное влияние со стороны Китая. Однако к середине VI в. японцы потеряли Миману, и в VII в. господство над Корейским полуостровом перешло к Китаю, уже и раньше время от времени занимавшему части корейской территории.

Связи Японии с Кореей не сводились к военным операциям, а с Китаем — к обмену посольствами и подарками; несомненно, шел процесс переселения в Японию групп корейцев (хотя корейские ученые склонны преувеличивать масштаб этого процесса), вынуждаемых к этому бурными событиями на их родине; происходила миграция в Японию и китайцев, главным образом уроженцев бывших китайских округов на Корейском полуострове (Лолан и Дайфан), бежавших оттуда, вероятно, в связи с завоеванием этих округов корейскими царствами в IV в. Число беженцев в Японию было значительным — порядка тысяч, если не десятков тысяч. Беженцы были поселены компактными группами

в пределах государства Ямато и долгое время под названием *ая* (ханьцы) и *хата* (циньцы) сохраняли свою самобытность.

В числе переселенцев было много ремесленников, которые влились в состав бэмин, однако, поскольку значительная их часть могла по тому времени считаться квалифицированными специалистами, постольку они вошли преимущественно не в производственные илотские корпорации, а в служилые, приравненные к кланам. Среди иммигрантов было немало грамотных людей, принесших в страну книжную ученость, идеи конфуцианства, буддизма.

VI век, когда появились исторические сочинения, был временем развития устной литературной традиции, а образованные, т. е. сведущие в китайской учености, люди своего времени — придворные и монахи — овладели искусством китайской письменной речи настолько, что могли свободно излагать свои мысли. В истории культуры, становлении письменного японского языка важную роль сыграл памятник «Кодзики», более «японский», чем «Нихонги»; в нем запечатлен свод космогонических и исторических мифов, постепенно переходящих в эпос древнейшей истории Японии: здесь произошла историзация персонажей, подобная историзации китайских мифов. По поводу мифологических пластов памятника, относящихся к событиям до V в., существуют разные толкования, в частности предполагается, что мифы изложены в соответствии с современными авторам представлениями о государстве. В ранних историях реальная хронология явно растянута с целью сообщить большую древность складывающемуся государству Ямато.

Корпус мифов «Кодзики» был составлен полтора века спустя после проникновения буддизма в Японию; он вобрал в себя многие китайские и индийские элементы, а в момент записи на все это наложился своеобразный стиль составителя — придворного О-но Ясумаро, на которого влияли существовавшие в китайском переводе «Лотосовая сутра» и «Вималакитри сутра» — индийские сочинения, вместившие в себя основные положения буддизма Махаяны. Очевидно и знакомство О-но Ясумаро с конфуцианскими этическими и философскими сочинениями. С 1970 г. японские ученые начали реконструкцию и других культурных пластов в японских мифах и открыли их взаимосвязи с мифами Юго-Восточной Азии, полинезийскими, южнокитайскими, мифами Камбоджи, Лаоса, Вьетнама, Таиланда и более отдаленных стран. Только после Второй мировой войны началось научное исследование древних японских памятников, до 1945 г. все связанное с особой императора почиталось священным, а значит, не могло подвергаться научному анализу.

В «Кодзики» зафиксирован факт заимствования китайской иероглифической письменности; О-но Ясумаро создал гибкую систему приспособления «чужой» письменности к «своему» неродственному языку. Был использован фонетический способ записи иероглифов. Ведь китайские слова односложны и каждый знак

соответствует целому слову. В японском же слова многосложные и имеют морфологические показатели. Чтобы передать речь на письме, приходится употреблять не только знаки, передающие значение слова, но и составляющие слово слог; поэтому, применяя иероглифы, надо было писать не только иероглиф, эквивалентный японскому слову по значению, но и дополнительные знаки, близкие японским слогам по звучанию, уже независимо от первоначального значения китайского иероглифа. Таким образом, передавалось и значение и приблизительное произношение слова. Такое употребление иероглифов давало возможность для широкой фонетической литературной игры, но и бесконечно усложняло текст. Возникла и другая система записи: японцы писали по-китайски, обозначая через *каэрутэн* — серию определенных значков — японский порядок слов, а при помощи другой серии значков *окоготэн* — японские грамматические элементы, отсутствующие в китайском; таким образом, текст, состоящий из китайских иероглифов, «обстраивался лесами» японских объяснений; этот метод получил название *кундоку*. Японские ученые считают, что его нужно рассматривать в более широком плане, чем просто один из путей складывания национальной письменности. Благодаря *кундоку*, с одной стороны, была воспринята иероглифика, оказались доступными тексты китайской традиции, а с другой стороны, удалось избежать мощного прямого китайского влияния, сохранить духовную самобытность. *Кундоку*, таким образом, — своеобразный японский способ заимствования «чужого», одна из общих характерных особенностей японской культуры.

Господствующий класс Ямато к VI—VII вв. ощущал необходимость создания более современного государства по корейским и особенно имперским китайским образцам. В числе прочего побуждали их к этому корейские и китайские ремесленники, обладавшие более высокой культурой производства в сравнении с местными, и чиновники, привычные к более определенной государственной дисциплине. Через них японцы, уже начавшие приобщаться к китайской письменности и учености, познакомившиеся с буддизмом, постигли и преимущества централизованной власти.

В середине VI в. царь государства Пэкче в Юго-Западной Корее, желая обеспечить себе поддержку Ямато, обладавшего первоклассным войском, в числе прочих умиловительных даров прислал в Японию громадную статую Будды и буддийские книги. Часть японского господствующего класса, стремившаяся к большей государственной централизации (клан Сога), увидела в буддизме мощное оружие для борьбы с сепаратистскими кланами, которые опирались на местные традиционные общинные культы (синтоизм): главы кланов были сильны именно тем, что эти культы возглавляли.

Время и обстоятельства распространения буддизма, проникшего на самые глубинные уровни японской культуры, до сих пор до конца не установлены. Высказывались предположения о родстве раннего японского буддизма с буддизмом Северной и

Южной династий Китая (Нань бэй чао, 386—589) и буддизмом Трех царств Кореи (рубеж IV—V вв.). Достоверно известно, что с середины VII в., а скорее всего и ранее, буддизм как официальная религия уже сильно влиял на политическую и социальную жизнь японцев. Буддийский взгляд на жизнь как на нечто эфемерное, склонное к скорому увяданию, буддийская концепция бренности бытия (*мудзе*) отразились в древних хрониках, сводах мифов, в первых поэтических опытах японцев. Эта концепция, пронизавшая всю историю японской культуры, может рассматриваться как основа исторического мировоззрения японцев. В древности и в более поздние эпохи происходила адаптация, реинтерпретация, а часто и ответное воздействие местной мифологической и мировоззренческой системы — синтоизма на буддизм. В результате в дальнейшем сложилась синкретическая система, в которой примирялись разные взгляды, примирялись по «японской модели» (вспомним *кундоку*!), возникало уникальное единство, обладающее повами духовными свойствами, — синтоистско-буддийская амальгама.

Перед японским господствующим классом в VI—VII вв. стояла сложная проблема — им нужно было выправить свое государство, выросшее в условиях ранней древности, вовсе не до уровня централизованных государств, какие сложились в других странах к концу ранней древности и в эпоху расцвета древних общин, а до уровня современных Ямато государств, находившихся на последнем этапе древности — этапе перехода к магнатскому землевладению, а затем к раннефеодальному типу централизации.

Наследному принцу Сётоку-Тайси впоследствии приписывалось не только официальное внедрение в стране буддизма, но и идеологическая подготовка так называемой «реформы Тайка» («Великая перемеча»). Конкретно реформа была подготовлена принцем Нака-но Оэ (впоследствии тэнно Тэнти) и министром Фудзиварой Каматари (последний возглавлял клан Накатоми-Фудзивара, который к этому времени оттеснил клан Сога от кормила власти). В 646 г. тэнно Котоку издал декрет, содержание которого, по данным традиции, таково: на основе всеобщего кадастра перераспределялись земли между всеми земледельцами и землевладельцами (они все отныне считались получателями наделов за службу государству); основывались искусственные сельские общины-пятидворки во главе со старейшиной; вводилось новое административное устройство, шедшее вразрез с клановой системой, и новая бюрократическая структура администрации; отменялись прежние подати и трудовые повинности, учреждались повые, единообразные налоги.

Господствующий класс не должен был понести материальных потерь от реформы, так как с введением государственных чинов и административных должностей все знатные лица получали соответствующие своему прежнему статусу чины и должности, оплачиваемые наделами от государства по доходности не ниже того, что звать ранее получала с земледельцев. Все недолжностные

лица были объявлены «гражданами» (*комин*); бэмин были уравнены с крестьянами, теоретически они стали равны между собой перед государством; но в действительности в ходе реформы крестьянские дворы стали передаваться в состав наделов для новообразованного «чиновничества». Советский ученый М. В. Воробьев справедливо усматривает в этом «совершенно отчетливое» проявление частнофеодальных отношений. Характерно, что одним из последующих указов (691 г.) сильно ограничивалась возможность расширения рабовладельческих отношений, хотя рабство, конечно, не было отменено. Напротив, в 698 г. вышел указ о наказании бунтующих рабов.

Краткого указа 646 г. было, разумеется, недостаточно для осуществления необходимых перемен, и реформа продолжалась вплоть до начала VIII в. путем издания императорских указов, официальных инструкций, имевших силу закона, причем новые указы нередко создавали противоречия и усложнения; некоторые их части, например группировка крестьянских дворов по пятидворкам, были совершенно неосуществимы. Предусмотренная реформой структура общества и государства была скопирована со структуры китайского раннесредневекового государства династии Тан. Реформа во многом противоречила сельскохозяйственному условиям в Японии; на деле новые порядки встретили довольно большое пассивное, а подчас и активное сопротивление, результаты реформы оказались иными, чем ожидали ее создатели. С этой реформой, можно считать, в Японии закончилась эпоха древности; однако некоторые авторы относят к древности и раннюю эпоху Нара (VIII в.).

Лекция 12

КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО.
ИНДИЯ В НАЧАЛЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.¹

1. КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО

В «Истории Младшей династии Хань» так рассказывается о племени да-юэчжей и созданной ими династии:

«Когда Дом Юэчжи был уничтожен гуннами, то он переселился в Бактрию, разделился на пять княжеских домов... По прошествии с небольшим ста лет кушанский князь Кюэзюкно² покорил прочих четырех князей и объявил себя государем под названием кушанского». Это первое и единственное сообщение о том, как и когда возникло Кушанское царство. Но содержащееся в нем хронологическое указание слишком неопределенно: неясно, отсчитывать ли эти «с небольшим сто лет» от первого столкновения да-юэчжей с Греко-Бактрией (оно произошло до 128 г. до н.э.) или от их переселения на юг от Амударьи и полного покорения Бактрии (т. е., во всяком случае, после 128 г. до н.э., по, возможно, и после 25 г. н.э.). Нет твердых привязок к нашему летоисчислению и во всей последующей истории Кушанского царства. Расхождение между датами, которые разные исследователи предлагают для одного и того же события, составляет (если брать крайние точки зрения) двести лет. Каждый год приносит все новые материалы, но проблема кушанской абсолютной хронологии пока остается спорной и ожидает своего решения.

Основатель Кушанского царства Куджула Кадфиз, проживший более 80 лет, не только объединил под своей властью пять юэчжийских «домов» (племен или княжеств?), но и совершил крупные завоевания к югу от Амударьи, подчинив себе почти всю территорию современного Афганистана.

Ему последовал его сын Вима Кадфиз, при котором к Кушанскому царству были присоединены новые обширные владения (современный Пакистан и северо-западные провинции Индии), и в основном границы Кушанского царства стабилизировались.

¹ Раздел 1 написан Е. В. Зеймалем, разделы 2—8 — Г. Ф. Ильиным.

² На кушанских монетах и в надписях он носит имя Куджула Кадфиз.

Очевидно, при Виме Кадфизе сложилось и административное устройство нового государства. Китайская хроника сообщает, что он доверил управление «Индией» своему наместнику, а надписями засвидетельствовано существование в разных частях Кушанского царства должностных лиц, носивших титулы «сатрапа» и «великого сатрапа». Сам кушанский царь именовался «царем царей».

Важной мерой, свидетельствующей о больших переменах в экономике, был осуществленный при Виме Кадфизе переход к выпуску монеты нового образца. Юэчжи, еще находясь к северу от Амударьи, стали выпускать свою монету — так называемые варварские подражания монетам греко-бактрийских царей (из плохого металла, не имевшие устойчивого веса, с искаженными изображениями и не поддающимися чтению греческими надписями). Куджула Кадфиз, совершив первые завоевания, стал чеканить монеты по образцу тех, что обращались среди покоренных им народов, но помещал на них свои имя и титул. Все монеты основателя Кушанского царства были медными. Вима Кадфиз стал выпускать не только медные, но и золотые монеты. Их вес был строго выдержан (кушанский золотой *динар* весил чуть больше 8 г; также выпускались монеты достоинством в 2 динара, в $\frac{1}{2}$ динара и в $\frac{1}{4}$ динара; над изготовлением штемпелей работали квалифицированные художники; надписи — и греческие и индийские (письмом кхароштки) — были вырезаны уверенной рукой грамотного человека.

При Виме Кадфизе или несколько позже произошло повторное завоевание Средней Азии кушанами, сопровождавшееся сооружением ирригационных каналов большой протяженности и земледельческим освоением вновь орошенных земель, а также строительством городов и крепостей.

Виму Кадфиза сменил на троне наиболее знаменитый из кушанских царей, Канишка, очевидно принадлежавший к другой ветви династии. Его имя окружено легендами и славой в буддийской традиции, чтившей Канишку как праведного царя — покровителя и даже реформатора буддизма. Действительно, в кушанскую эпоху буддизм переживает очень важные перемены: из учения с ограниченным числом приверженцев, одной из многих в древней Индии сект, он превращается в «мировую» религию, завоевавшую в сравнительно короткий срок десятки стран и миллионы последователей. Этот бурный процесс буддийской экспансии был связан с появлением в буддизме нового толка — учения Махаяны («Большой Колесницы»), провозглашавшего «широкий путь» спасения. Гибко находя в своем пантеоне место чужеродным по происхождению божествам, буддизм Махаяны был хорошо приспособлен к внедрению в новой для него среде. С именем Канишки буддийская традиция связывает созыв буддийского собора, на котором якобы нашли окончательное оформление принципы Махаяны, а также постройку наиболее знаменитых монастырей и священных для буддистов сооружений — *ступ*.

Трудно судить, что в приписываемом Канишке благочестии легенда, а что действительно было им сделано. Широкая веротерпимость этого царя засвидетельствована его монетами, на которых изображались многочисленные божества — не только иранские (бог солнца Митра, бог луны Мах, бог изобилия и царской славы Фавр, богиня плодородия Ардохш, бог огня Атиш и др.), но и греческие (Гелиос, Селена, Гефест) и индийские (Шива). Встречаются, правда весьма редко, на монетах Канишки и изображения Будды. Но он здесь — лишь один из многих, и ничто не указывает на его особое место в кушанском пантеоне или на то, что буддизм был государственной религией Кушанского царства, как это предполагали некоторые исследователи. Однако, во всяком случае, при Кушанах буддизм получил значительное распространение и в Средней Азии.

Важное место в кушанских культовых представлениях занимало поклонение царю. Царские (или династийные) святилища, представлявшие собой величественные архитектурные сооружения, украшенные статуями, возводились в разных частях государства. Но конкретные формы, в которых осуществлялся этот культ, далеко не всегда нам известны.

Ко времени Канишки относится и появление кушано-бактрийской письменности: для передачи бактрийского языка был приспособлен несколько дополненный греческий алфавит. Новым письмом выполнены надписи на монетах Канишки и его преемников. В последние годы был открыт ряд надписей (в том числе и официального содержания), сообщающих очень важные сведения по истории Кушанского царства. При преемниках Канишки (их было не менее пяти, а правили они более семидесяти лет) постепенно усиливается индианизация правящей верхушки и самой династии. На монетах последнего кушанского царя, носившего индийское имя Васудева, уже не изображаются никакие другие божества, кроме индийского Шивы.

Несмотря на большое число надписей кушанской эпохи (главным образом индийских), часто датированных (даты отсчитывались от первого года правления Канишки — «эра Канишки»), о последних десятилетиях существования Кушанского царства известно мало. Не затрагивая «больших» вопросов кушанской абсолютной хронологии, о которых уже упоминалось выше, можно только сказать, что Кушанское царство пало под ударами сасанидских армий на западе и возвышающейся индийской державы Гупт на востоке. И произошло это не позднее последних десятилетий IV в.

2. ИНДИЯ ПРИ КУШАНАХ

Включение значительных индийских территорий в Кушанскую империю способствовало оживлению их экономических и культурных связей с внешним миром, но оно не оказало заметного воздействия на внутреннюю жизнь индийского населения. Влия-

ние индийской культуры на Кушан было более сильным. Как уже упоминалось, их цари начинают принимать индийские имена и титулатуру. Ускоряется распространение в Средней и Центральной Азии буддизма.

Власть Кушан на индийских территориях, более удаленных от их столицы, г. Пурушапуры (ныне Пешавар в Пакистане), была недолговременной. Уже к середине II в. н. э. вполне независимым стал Гуджарат; зависимость от Кушан расположенного здесь государства, в науке условно называемого государством Западных кшатрапов, и раньше была слабой, а временами и вовсе номинальной. К концу II в. отпадают области в долине Ганга; возникшие здесь государства были невелики, и только два в западной части долины, оба возглавлявшиеся династиями Нагов (возможно, родственными), со столицами в Матхуре и Падмавати играли важную роль в политической жизни Северной Индии во II—IV вв. В первой половине III в. независимыми стали области Раджастан и Пенджаб. Здесь находилось несколько республик (*ган*) с племенными наименованиями; крупнейшими из них были ганы яудхеев, арджунаянов и малавов. К концу III в. под властью Кушан в Индии оставалась небольшая территория по среднему течению Инда.

3. ИМПЕРИЯ ГУПТ

В начале IV в. Индия представляла собой массу мелких и мельчайших государств, различных по формам правления и уровню развития. В обстановке, свободной от внешней угрозы (вследствие войн Кушан с Сасанидами, а Сасанидов еще и с Римом), в Индии постепенно создаются предпосылки для возникновения нового государства общеиндийского масштаба. Наиболее развитая в экономическом и культурном отношении область Магадха, как и в IV в. до н. э., во времена Нандов и Маурьев, стала ядром новой империи во главе с династией Гупт.

Основателем династии явился один из местных царьков, Гупта (III в.), по имени которого и называется вся династия. Но только при его внуке Чандрагупте I (320—335) государство Гупт становится политической силой. По-видимому, Чандрагупта I добился этого не только военными средствами; во всяком случае, источники как самое важное событие его царствования отмечают заключение им союза с весьма влиятельным племенем личчавов (в северной части современного штата Бихар), скрепленного его браком со знатной кшатрийкой этого племени.

С каким-то важным событием царствования Чандрагупты I (может быть, с его воцарением) связано установление «эры Гупт» (319-20 г.), от которой ведется отсчет лет во многих древнеиндийских надписях.

Если Чандрагупта I заложил фундамент новой империи, то его сын Самудрагупта (335—380), возвел само здание. В то время

главным средством этого была война, и именно его Самудрагупта использовал. В одной из надписей рассказывается, что он участвовал в ста сражениях и тело его покрыто шрамами. В результате пятнадцати лет жестоких завоевательных войн государство Гупт превратилось в самую мощную политическую силу тогдашней Индии.

Его основной частью была долина Ганга; прежние царские династии, правившие здесь, были истреблены или изгнаны, а их владения включены в состав империи в качестве провинций, управлявшихся непосредственно гуптской администрацией. Империю окружали государства, находившиеся в разной степени зависимости от Гупт. На севере это был Непал, на северо-востоке — Камарупа (в совр. Ассаме), на юге — «лесные царства» (территории племен, населявших глухие районы верховьев рек Нармады, Сона и Маханади). В глубь Южной Индии (вплоть до г. Канчи, далеко от совр. Мадраса) Самудрагупта совершил победоносный поход, но, по-видимому, ограничился взятием единовременной дани, а крупных территориальных приобретений здесь не сделал. К западу и северо-западу от долины Ганга находились зависимые республики; но, по-видимому, они были вскоре полностью поглощены, потому что к концу IV в. об их государстве совсем не упоминается. Вне пределов власти Самудрагупты, хотя и в сфере его политического влияния, оставались территории современных Гуджарата, Западного Пенджаба, индские территории и Кашмир.

Период расцвета империи совпадает с царствованием Чандрагупты II Викрамадитьи (380—415). Важнейшим внешнеполитическим успехом Чандрагупты II было разрушение государства Западных кшатрапов (это произошло после длительной борьбы). В результате в империю вошли новые богатые территории, открылся прямой выход к Аравийскому морю и возникла возможность установления непосредственных связей со странами Ближнего Востока. Все это дало дополнительный толчок развитию торговли, ремесла и культуры.

При Чандрагупте II государство достигло максимальных пределов, внутреннее положение было прочным, во всех областях экономики наблюдался подъем, а это способствовало развитию науки, литературы и искусств. Период IV—V вв. часто именуется в исторической литературе «золотым веком Гупт», и это в первую очередь относится ко времени царствования Чандрагупты II. В исторической традиции он известен под почетным названием Викрамадитьи («Солнце могущества»). Широкое покровительство его и других гуптских царей ученым и писателям привлекало к их дворам выдающихся культурных деятелей своего времени.

Когда воцарился внук Чандрагупты Скандегупта (455 г.), ему пришлось отражать вторжение «белых» гуннов-эфталитов. Богатая Индия всегда привлекала к себе внимание иноземных завоевателей и на протяжении периода древности неоднократно подвергалась нападению — персов, греко-македонцев, греко-бак-

триицев, саков, парфян, кушан. Нашествие эфталитов превзошло их по размаху, кровопролитию, разрушениям и политическим последствиям. Первая их атака была Скандагуптой отражена, и столь решительно, что до начала VI в. новых крупных набегов на Индию из Средней Азии не было.

Роль общеиндийского лидера Гупты смогли бы играть дальше только при условии сохранения внутренней прочности империи. Но после смерти Скандагупты (467 г.) начались династические распри и ослабление центральной власти. Поэтому, когда в начале VI в. натиск эфталитов на Индию возобновился, сопротивление им оказалось значительно менее эффективным. В течение примерно 30 лет продолжались войны с захватчиками; одно время им подчинялась вся Северная Индия и даже Гупты платили им дань. Но в конце концов вследствие раздоров среди самих эфталитов они были оттеснены на северо-запад.

Даже конечный успех в борьбе с эфталитами не привел к укреплению внутриимперских связей. Продолжавшиеся две трети века войны потребовали огромного напряжения сил, вызвали разорение страны и массовую гибель населения. В окончательном изгнании чужеземцев из Индии были заинтересованы местные правители, и поэтому они оказывали Гуптам поддержку до полной победы, но затем империя начала быстро распадаться. Территория, на которую все еще распространялась власть Гупт, быстро уменьшалась, а в середине VI в. прекращаются упоминания о существовании даже самой династии. С этого времени карта Северной Индии опять стала представлять собой мозаику мелких и мельчайших государств, ни одно из которых не было способно играть роль политического гегемона.

4. ЮЖНАЯ ИНДИЯ В I—IV вв.

Ранее уже упоминалось, что около начала нашей эры ранее отстававшая Южная Индия начинает быстро догонять Северную. Этому способствовали как укрепление внутрииндийских связей, так и развитие (благодаря достижениям в области мореходства) непосредственной торговли Южной Индии со Средиземноморьем и Юго-Восточной Азией. Кроме того, южные области в отличие от северных не подвергались иностранным нашествиям, а это обеспечивало стране относительно спокойное развитие. Заметно совершенствуются сельское хозяйство, ремесло, развивается денежное обращение, растут города, убыстряется процесс социальной дифференциации, возникают крупные и относительно прочные государства.

В политической истории можно отметить гегемонию в Южной Индии государства с династией Сатаваханов, возникшего еще на развалинах империи Маурьев. Оно было крупнейшим до III в. Разноречивые и сбивчивые сведения не позволяют достоверно восстановить даже основные вехи династической и военной исто-

рии; еще меньше мы имеем фактов о внутренней истории этого государства. Столь же фрагментарны наши данные о другом крупнейшем государстве — Вакатаков, доминировавшем в Южной Индии в III—V вв. Известно о его дружественных отношениях с империей Гупт, из которых обе стороны извлекали большую выгоду: Вакатакам они облегчали поддержание их гегемонии в Южной Индии, Гуптам — ведение войн с Западными кшатрапами и эфталитами. Распалось государство Вакатаков около 565 г., немного пережив империю Гупт.

По отрывочным данным известно о существовании в I—V вв. ряда других южноиндийских государств — Паллавов, Икшваков, Гангов, Кадамбов. Факты их политической истории почти неизвестны. Малоизвестна и история трех более древних государств крайнего юга — Чера (Керала), Чола и Пандья. Только в тамильских преданиях содержатся некоторые рассказы о частых войнах между ними и Цейлоном, о проникновении в Южную Индию римских торговцев, называвшихся здесь *яванами*³; это подтверждается и находкой в Арикамеду римской колонии.

5. ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Дальнейшее накопление научных знаний и практического опыта, длительные периоды политической стабильности, укрепление внутренних и внешних торговых связей способствовали расцвету экономики. В земледелии это выразилось в интенсификации производства и широком распространении таких сложных для выращивания культур, как рис, сахарный тростник, хлопок, пряности. Расширилось применение искусственного орошения, хотя оно по-прежнему не играло ведущей роли, поскольку Индия, за исключением северо-запада, обеспечена атмосферными осадками удовлетворительно или даже хорошо.

Ремесленная продукция становится известной далеко за пределами страны. Высоким мастерством обладали металлурги. Строители сооружали многоэтажные жилые дома, монастыри на сотни монахов. Имеется немало данных о мастерстве индийских ремесленников в ткачестве, изделиях из терракоты, резьбе по дереву и кости, парфюмерии и косметике. Особенно заметны качественные успехи в производстве предметов роскоши и религиозного культа.

Характер работы в рудниках, на строительстве крупных жилых и культовых зданий, строительстве крупных речных и морских судов или при изготовлении Делийской железной колонны весом 6,2 т и многотонных статуй требовал кооперирования большого числа работников в устойчивых производственных коллективах. Крупные мастерские были и в других отраслях, но произ-

³ Т. е. греками (собственно «ионийцами»); смешение греков с римлянами на Востоке было обычно, тем более что здесь имели дело главным образом с жителями восточной, грекоязычной части Римской империи.

водство было все же преимущественно мелким; чаще всего трудился сам хозяин с членами семьи и учениками.

Важным явлением рассматриваемого периода было резкое улучшение морского транспорта. Корабли, которые строили индийцы, способны были совершать путешествия с сотнями пассажиров и грузами в Египет, страны Юго-Восточной Азии, Китай. Учитывая, что условия навигации в Индийском океане значительно сложнее, чем в Средиземном море, следует признать, что в мореходном искусстве индийцы не уступали даже финикийцам и грекам.

Это обстоятельство наряду с общим ростом товарности производства способствовало заметному расширению внешней торговли. Ранее ее вели со Средней Азией и Парфией, а через них со странами Средиземноморья и Китаем, в основном сушей, через города Таксилу, Пурушапуру и долину р. Кабул. Теперь же с улучшением морских транспортных средств и открытием периодичности муссонных ветров большое значение приобрело плавание прямо через океан. Основными предметами вывоза были пряности, благовония и лекарства, лаки, красители, рис, сахар, хлопок, драгоценные и полудрагоценные камни, ткани, железо и изделия из него, рабы. Ввозились драгоценные и цветные металлы, лошади, вино, гончарные и стеклянные изделия, рабы. Баланс внешней торговли (особенно с Римской империей) был для Индии активным: в Индии найдено множество аптичных монет, тогда как в странах Средиземноморья древнеиндийских не обнаружено вовсе.

Монетное обращение было обильным и разнообразным. Впервые золотые монеты появляются еще при Кушанах. В чеканке монет индийцы во многом следовали эллинистическим образцам; под их влиянием местные монеты приняли круглую форму, на них стали изображать царей, богов или их символы, наносить надписи.

В V—VI вв. наблюдается экономический спад. Резко уменьшается количество монет всех видов; даже серебряные встречаются редко, золотые же исчезают вовсе. Заметен явный упадок городов; так говорят очевидцы, подтверждается это и данными археологии. Все это вело к замедлению развития науки, литературы, искусств, отчетливо проявившемуся в раннее средневековье. Многое можно отнести за счет вторжения «белых» гуннов-эфталитов, однако последствия этого нашествия не могли сказываться в течение нескольких веков, тем более что, например, Южную Индию оно совсем не затронуло. Натурализация экономики была следствием общих исторических причин.

На протяжении всего периода поздней древности (I—V вв.) происходили важные изменения в общественно-экономических отношениях. Это касается прежде всего рабства и земельных отношений.

Во всех странах древности в период расцвета рабовладельческих отношений проблема рабства не занимала заметного места

в общественной мысли. Рабство считалось естественным институтом, право господина на личность раба было безусловным и неограниченным. В период поздней древности в обществе обостряется интерес к институту рабства, его роли, значению и т. д. В законоведческой литературе Индии все чаще появляются предписания об ограничении произвола рабовладельцев. Делаются также попытки ограничить обращение в рабство свободных; так, только *мlechхам* (варварам) не возбранялось продавать в рабство родственников, для членов же четырех варн такое деяние стало рассматриваться как наказуемое. Провозглашается как общий принцип, что член низшей варны не может иметь рабом члена высшей.

Знаменательно также, что если раньше отпуск раба на свободу был только проявлением доброй воли господина, то теперь и здесь государство пытается установить определенный порядок. За основной критерий берутся обстоятельства порабощения. Считалось, что в отношении урожденного *арья*, а также продавшего себя (он считался самым презренным из рабов) хозяин может поступать по своему произволу; но остальных рабов он обязан был отпускать при соблюдении определенных условий — уплаты выкупа, уплаты долгов с процентами и др. Интерес к этому вопросу, несомненно, был вызван увеличением числа отпусков рабов на волю — явного признака начавшегося кризиса рабовладельческих отношений.

Однако изменения в общественных отношениях выражались не только в упадке прежних форм, но и в возникновении новых. Главным при этом было превращение свободных общинников в класс феодально-зависимых крестьян.

Практика пожалования деревень крупным государственным служащим существовала издавна. В условиях слабой развитости денежных отношений это было естественной формой вознаграждения за службу. Пожалованный отчуждал в свою пользу те налоговые поступления с деревни, на которые имело право государство, и это продолжалось до тех пор, пока он занимал соответствующую должность. Ни количество земли, ни число сельских жителей при этом никогда не упоминается. Никаких новых отношений собственности при этом не возникало, так же как и отношений личной зависимости. Другим видом пожалования было вечное и не связанное с несением службы; получателями его были выдающиеся своей ученостью брахманы, храмы и монастыри.

В рассматриваемый период мы обнаруживаем по дарственным грамотам, что дарения производились уже не только государством, но и частными лицами, причем дарились не только участки земли, но и те деревни, которые дарители сами когда-то получили в качестве пожалования; следовательно, они приобретают право распоряжаться ими. В дарственных грамотах начинает все чаще упоминаться освобождение от налогов, постоя, обязанности обслуживания царских курьеров. Несколькими позже пожалования приобретают вид освобождения от обязательного исполнения тру-

довой повинности или закрепления права на разработку полезных ископаемых, на возможно обнаруженные сокровища и клады.

Дарения иммунных прав в конце концов ставили крестьян в зависимость от получателя дарения. В дарственных грамотах начинают встречаться требования к крестьянам оказывать должное повиновение получателю дарения и призывы к последнему быть справедливым по отношению к крестьянам. Таким образом, появляются зачатки и политической власти крупных землевладельцев над территорией и ее населением.

Отмеченные выше новые явления можно с уверенностью считать показателями развивающихся феодальных отношений. Явственно прослеживается возникновение феодальной земельной собственности и превращение прежде свободных общинников в феодально-зависимое крестьянство. Но были и другие пути феодализации, сливавшиеся в общем потоке. Так, в тех областях, где особенно сильными оставались пережитки первобытнообщинного строя (например, в Южной Индии), племенная знать превращалась в феодальную, расхищая племенной земельный фонд, ставя в зависимость от себя основную массу соплеменников, с использованием родовых связей подчинения. Одновременно во многих случаях происходила феодализация и самой общины. Общинная верхушка захватывала в свои руки органы управления, распоряжение земельным фондом; скупокой и изъятием за долги она сосредоточивала у себя большую часть пахотной земли, превращая основную массу общинников в неполноправных крестьян.

В рассматриваемый период еще больше увеличился разрыв между положением *варн* в действительности и тем, как оно описывалось в брахманской законоведческой литературе. Основным элементом в сословно-кастовой системе постепенно становятся касты-*джати*, по некоторым признакам (замкнутость, наследственность, традиционность основных занятий, эндогамность) сходные с варнами, но и обладающие существенными отличиями.

В отдельности каждая *джати* (букв. «происхождение», т. е. объединение людей, принадлежность к которому определяется происхождением) не была общеиндийской, а охватывала относительно небольшую группу лиц, населявших ограниченный район. Это были люди, занятые в одной сфере хозяйственной деятельности, связанные общностью экономических и общественных интересов. *Джати* отличались от *варн* также наличием органов управления, системы взаимопомощи, общей кассы, пополняемой отчислениями членов *джати*, существованием многочисленных правил общения между членами *джати* (совместное проведение религиозных празднеств, участие в семейных торжествах и обрядах).

Джати, по-видимому, начали возникать в городах из союзов ремесленников и торговцев, неизбежно приобретающих характер замкнутых общин. Стали объединяться в *джати* музыканты, актеры, писцы. Затем элементы кастовой организации проникают и в деревню. Касты-*джати* возникли в основном в пределах *варн*

вайшьев и шудр, но некоторые оказались вне системы варн и считались «неприкасаемыми», так как даже только прикосновение к членам такой касты оскверняло членов четырех варн (даже шудр) и требовало очистительных действий. неприкасаемость для некоторых категорий тружеников становилась пожизненной и даже наследственной.

Возникновение понятия «неприкасаемости» связано с примитивными магическими представлениями о табу и ритуальной нечистоте. С возникновением общественного неравенства представление о неприкасаемости стало часто использоваться верхушкой общества в своих интересах. Способными повлечь за собой нечистоту были объявлены некоторые преступления (например, убийство брахмана), нарушения сословно-кастовых предписаний, особенно касавшихся привилегий высших варн, а также запятые некоторыми профессиями — мясников, кожевников, мусорщиков, похоронной прислуги, палачей и пр. Некоторые отсталые племена, включавшиеся в жизнь классового общества, становились в нем неприкасаемыми, если вынуждены были по-прежнему заниматься охотой, рыболовством, лесными промыслами.

Уделом неприкасаемых было не только занятие самыми низкооплачиваемыми и презируемыми работами, но и полная незащищенность перед законом. Они не были рабами, так как не были чьей-либо собственностью. Вместе с тем зависимость этих бесправных и постоянно унижаемых париев общества может считаться формой частичной рабской зависимости.

КУЛЬТУРА ИНДИИ НАЧАЛА НАШЕЙ ЭРЫ

1. БУДДИЗМ И ИНДУИЗМ

В начале нашей эры окончательно выкристаллизовываются два противоположных учения внутри буддизма — Махаяна, или «Великая колесница» (т. е. великое средство движения к спасению), идеологом которой считается Нагарджуна, живший уже во II в. н. э.², и Тхеравада, или «Учение старейшин». Расхождение между ними можно вкратце сформулировать так: для Тхеравады вера (*сáддха*) есть доверие к истине учения Будды и собственным усилиям человека достичь совершенства. Будде Гаутаме молиться нельзя: он уже не существует. Правда (и так, видимо, учил уже сам Гаутама), и в прошлом были «просветленные», но все они — в нирване, и им молиться бесполезно, а будущий будда (*Майтрейя*) еще не явился. Для Махаяны вера (*шрáддха*) — это вера в возможность приобрести «заслугу» на пути к «просветлению» по милости (как бы благодати) любого будды или *бодхисáттвы*, к которым обращаться можно и должно. Бодхисаттва — это человек, уже достигший полного просветления, но не переходящий в нирвану³ из сострадания к человечеству. Тхеравадины считают бодхисаттвой только самого Гаутаму до его «просветления», а предыдущих бодхисаттв — прежними воплощениями того же Гаутамы. Махаяна же, следуя за более ранним учением махасангхиков, ставит деятельно сострадатель-

¹ В главе использованы материалы Г. М. Бонгард-Левина, Г. Ф. Ильина и других индологов.

² Может быть, при царе Канишке. Нагарджуне приписывается учение «всё — пустота» (т. е. иллюзия), противостоящее другому учению того времени — Сарвастивады: «всё — есть» (т. е. мир материален; даже абстрактные понятия вещественны).

³ *Нирváна* — по учению буддизма, состояние за пределами бытия и небытия, выход из *сансáры* — круговорота страданий, круговорота смертей и рождений. См. в томе «Расцвет древних обществ».

ных бодхисаттв на место *архатов* Тхеравады («святых» как бы лишь для себя). Кроме того, Махаяна признает множество божеств мужского и женского пола, заимствованных из индуизма и совершенно новых, и множество миров, адом и раев (это учение появилось в буддизме до сложения Махаяны); следующее рождение может произойти и не в этом мире, а в одном из адом, где людей мучат бесы, или раев, например, в раю Сукхавати, стране блаженства, куда праведника за его веру вводят будда прошлой эпохи Амитабха и бодхисаттва Авалокитешвара⁴.

Махаяну нельзя считать лишь поздним развитием буддизма: она имеет корни в некоторых верованиях и практике самых ранних буддистов; так, почитание прежних будд практиковалось уже при Ашоке (III в. до н. э.), а может быть, и много ранее.

Среди многочисленных махаянистских сочинений, пожалуй, наиболее чтимой и влиятельной книгой считается «Лотосовая сутра». Дата ее неясна, но, видимо, в IV—V вв. н. э. она была уже переведена на китайский язык. В ней собраны приписываемые Будде доходчивые беседы-притчи, главным образом посвященные разъяснению мысли, что, прежде чем требовать от человека сложного, трудного для понимания, нужно раньше приучить его к более простому: так, и уча буддизму, не должно заниматься прямой проповедью непостижимой для простого человека пирваны, а нужно давать ему прежде всего более простые и доступные цели.

В предлах Махаяны существовало и существует множество школ, философских направлений и сект, однако они обычно не отрицают возможности просветления и для тхеравадитов, но считают их путь узким, *Хинаяной* — «Малой колесницей»⁵.

Буддизм в Индии так и не вытеснил другие культы и учения, даже более примитивный джайнизм, не смог он и избавить страну от системы варн, в эпоху средневековья развившуюся в сложнейшую систему изолированных, презирающих и ненавидящих друг друга каст. Брахманы действовали по принципу «разделяй и властвуй», и более демократичный буддизм проиграл им игру; брахманизм, однако (не без идейного влияния буддизма), принял к раннему средневековью совершенно новые формы индуистских культов.

В отличие от христианства буддизм не смог дать ответов на идейно-эмоциональные запросы средневековья, которое требовало в числе прочего больше духовности и больше пищи для вообра-

⁴ Любопытно, что Авалокитешвара в китайском и японском буддизме — богиня (Гуань-инь, Кванзон). Это объясняется тем, что этому бодхисаттве рано приписывалась способность являться на помощь всякому человеку в том виде, который тому более свойствен и понятен, в том числе роженицам — в образе женщины.

⁵ Термин «Хинаяна» неравнозначен термину «Тхеравада»: махаянисты могут относить к Хинаяне и другие, главным образом ранние, школы буддизма.

жения. Махаяна широко открыла ворота для привычного «языческого» политеизма; умственность и суровая простота Тхеравады, учения, близкого к первоначальному буддизму, но более строгого и рационализованного, перестала удовлетворять. Тхеравада была вытеснена на отсталый юг субконтинента, сохранилась же в конечном счете только на о-ве Шри Ланка, откуда она лишь гораздо позже завоевала себе Индокитай и Бирму. Но и Махаяна, приобретя вначале множество приверженцев и в Индии, и за рубежом, в дальнейшем у себя на родине их утерjala: сам по себе отказ от обжитого кастового строя, видимо отвечавшего в ту эпоху потребности народа в стабильности, не мог привлечь достаточно широких симпатий. К тому же в Индии верхи приверженцев Махаяны погрязли во все более схоластических спекуляциях, а низы оказались во власти магии затверживания магических слов и формул, магических действий и чисел.

Собственный ответ на запросы времени дал индуизм — новая форма брахманизма.

В шестую книгу «Махабхараты» вставлено 700 стихов, которые считались издревле и считаются сейчас верующими индусами изложением главных этических основ их веры. Это «Бхагавадгита» — «Песнь о Славном». В разгаре братоубийственной войны между двумя героическими родами один из героев, Арджуна, хочет покинуть свой пост и дать себя убить врагам, потому что победа его стороны означает смерть множества его родичей, сражающихся на противной стороне. Завязывается разговор Арджуны с его другом и возничим, а этот друг — не кто иной, как бог Кришна, «Славный» (*bhāgavat*). Он объясняет Арджуне, что высшая действительность — верховное божество — принимает разные облики (между прочими облик бога Вишну, *аватарой* — земной ипостасью — которого выступает Кришна). Безразлично, которому божеству поклоняться: «Какому богу человек ни служит, я отвечаю на его молитву». Но верховное божество — это в то же время и бессмертный дух, и непостижимый абсолют, и состояние души человека. Единение с абсолютом возможно на трех путях: пути дел, пути любви (*bhākti*) и пути знания. Доля же человека — исполнять свой удел (*свадхárма*), закон своей варны, уповая на бога и не заботясь о последствиях. И не может Арджуна, кшатрий-воин, уклоняться от долга воина.

Вопрос о дате «Бхагавадгиты» связан с совершенно неясной хронологией эпоса вообще. Несомненно, это сочинение претерпевало долгую эволюцию; в окончательном виде ее датируют не ранее II в. до н. э., скорее даже началом нашей эры; но, как почти все древнеиндийские датировки, и эта дата условна и сомнительна.

Исходя из положения о том, что каждое божество — ипостась верховного божества, индуизм разрешал любые политеистические или иные культы, проявляя при этом большую терпимость. В отличие от религии Вед индуизм не требует кровавых жертв и даже запрещает их. Известен запрет убивать коров. Наиболее

почитаемые божества — Вишну, Шива и богиня Шакти⁶; соответственно индуизм разделяется на вишнуизм, шиваизм и шактизм, однако эти направления не исключают друг друга, а мирно сосуществуют. В то же время кастовая система, как и система возрастных категорий, является органической частью индуистской религии. Из трех путей спасения, провозглашенных «Бхагавадгитой», — пути дел, пути любви и пути знания — ранний индуизм подчеркивал значение бхакти — пути любви. Противостоя трудному буддийскому пути самосовершенствования, этот путь казался людям понятнее и доступнее.

Очевидно, особенно важным для победы индуизма стало то, что он выдвигал богов, которым можно было поклоняться не задумываясь; особенно меньшие боги, такие, как Хануман — бог-обезьяна, бог дружбы, Ганеша — бог-слон, бог успеха, или Рама, столь знакомый всем по эпосу, а ныне ставший богом, оказались ближе к сердцам простых людей, входили в их сознание с детских игр, и с ними не могли равняться махаянистские олицетворения добродетелей. В VII в. н. э. китайские путешественники отметили упадок буддийских общин в Индии, а к XI—XII вв. буддизм здесь практически исчез. Его пачальные эмоциональные преимущества перед традиционными верованиями потеряли значение⁷.

Уже в первых веках нашей эры буддизм был занесен в Китай, а затем в Тибет и Японию, по там его судьбы и развитие оказались совсем особыми. По словам одного исследователя, японский буддизм — «результат более чем двух тысяч лет свободных истолкований буддийских понятий при самых разных обстоятельствах, разными народами от Северо-Западной Индии до Северной Азии». В целом в этих странах преобладает буддизм Махаяны, но нигде, кроме Тибета и Монголии, он не вытеснил местные культы и учения: он сосуществовал и взаимодействовал

⁶ Все эти три божества мыслятся в конечном счете как проявления высшего божества — Брахмы, восседающего в вечной медитации на вершине Гималаев. Богиня Шакти может проявляться как доброжелательная — Сарасвати, Парвати (супруга Шивы) и др. — и как грозная богиня разрушения и смерти — Кáli, или Дúрга, принимающая кровавые жертвы. Шактизм тесно связан с тантризмом, о котором см. далее, примеч. 7.

⁷ Стоит отметить еще одно религиозно-философское направление — *тантризм*, возникшее в VI—VII вв. н. э. и получившее распространение как в индуизме (особенно в шактизме), так и в буддизме. Название его происходит от слова *тантра* — так называются руководства этого направления. Оно представляет известный историко-философский интерес потому, что позиция его своеобразна: тантристы считают все в мире двоичным; именно эта разделенность надвое, на противоречивые, непримиримые противоположности (небо — земля, мужчина — женщина, рождение — смерть, добро — зло, верх — низ) и вызывает страдания. Тантристы стремятся к немедленному, молниеносному освобождению или просветлению — главным образом путем различных магических формул, поэтому тантрические книги полны самой грубой магии. Но человек может преодолеть двоичность соединением мужчины и женщины, однако не простым биологическим актом, а таким, который сопровождается экстазом духовного просветления.

с ними, приобретая многие десятки самых различных и, казалось бы, несовместимых философских и религиозных вариаций⁸. Так, в Китае буддизм, сыграв значительную роль в истории культуры, все же не поколебал господства конфуцианской идеологии. Будучи ответвлениями Махаяны, некоторые из северных буддийских учений (например, в Тибете) признают также и Хинаяну и даже таптризм, считая, что все они созданы Буддой для людей на разном уровне развития: Хинаяна для самосовершенствования и самодисциплинирования, Махаяна — для высшего познания ради спасения других людей, таптризм — для спасения через мистические обряды и медитацию. Но таптрические книги даются для изучения только опытным, зрелым ламам⁹, и таптрическое учение толкуется символически.

Если Махаяна неузнаваемо разошлась с первоначальным буддийским учением, то и современную Тхераваду тоже нельзя считать «чистым» учением Будды, хотя тхеравадины и опираются на палийский канон, лучше других сохраняющий старинные принципы. Так, у тхеравадинов нельзя поклоняться Будде, но можно поклоняться реликвиям Будды и святых; общая исповедь старших *бхикшу* (монахов) превратилась в чистый ритуал; исчезли женские обители; имеется духовная организация (главные настоятели и советы); обеты бхикшу соблюдаются не так строго, и они не обязательно пожизненны; в некоторых странах практикуется поголовное временное принятие всех юношей в общину — *сангху* — для получения нравственного воспитания. Есть и другие новшества (к которым, возможно, надо отнести и отказ от почитания будд прошлых веков), есть и немало расхождений в понимании философских и религиозных категорий раннего буддизма. Как уже упоминалось, учение Тхеравады, возможно, является в известной степени результатом рационализации и некоторой переработки и устранения непоследовательностей первоначальной доктрины¹⁰.

⁸ К их числу относится и популярный в Японии, а ныне и на Западе дзен-буддизм. Дзен — японская передача санскритского *дхьяна* — «медитация». Дзен-буддисты считают, что их учение основано на трансцендентальной мудрости, достигаемой через медитацию, и в бескорыстной, деятельной любви ко всем.

⁹ Тибетские и монгольские *бхикшу* (монахи) называются *ламами*, а тибето-монгольский буддизм — *ламаизмом*. Во главе его стоит духовный глава — *далай-лама*; каждый далай-лама считается бодхисаттвой Авалокитешварой в новом рождении. Нынешний далай-лама проживает в Индии.

¹⁰ Не только далеко на восток проникли предания о Гаутаме. Одно из таких преданий, не сохранившееся в известных нам вариантах канона и дошедшее лишь в переводах-переложениях, содержало, как часто бывало в буддийских сочинениях, рассказ о жизни учителя до «просветления» и затем диалог в форме притч между учителем и мудрецом. Это сочинение было переведено в VI—VII вв. н. э. на среднеперсидский язык под названием «Билавхар и Будасаф». Будасаф — это, конечно, бодхисаттва: Гаутаму выведен юным царевичем, еще не Буддой. Со среднеперсидского оно было переведено на сирийский и арабский, с сирийского — на древнегрузинский и греческий, с греческого — на старославянский и латынь, причем

2. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ПОСЛЕДНИХ ВЕКОВ ДО НАШЕЙ ЭРЫ И НАЧАЛА НАШЕЙ ЭРЫ

Литературу древней Индии изучать трудно по двум причинам. Прежде всего она плохо датируется: если почти все исследователи согласны, что создание Вед относится к концу II — началу I тысячелетия до н. э., а начало сложения эпоса относится примерно к середине I тысячелетия до н. э., то все же датировки эти очень условные и неточные. Ясно также, что Упанишады возникли позже канона Вед, являясь их толкованием, а шесть *дхаршан* — индийских религиозно-философских школ — появились позже Упанишад, на которых они базировались. Так, Шанкара, создатель одного из главных направлений школы Веданты, довольно единогласно датируется VIII в. н. э. Между тем по крайней мере две из этих шести школ, Санхья и Йога, старше буддизма, потому что Гаутаме они были известны. А с другой стороны, некоторые исследователи находят следы влияния буддизма или полемику с ним в самих Упанишадах. Ориентировочно Упанишады относятся ко времени между VIII и II вв. до н. э. Не более определенно датируется и большинство других произведений древней литературы Индии.

Другая причина, затрудняющая изучение этой литературы, заключается в неопределенности самого понятия «литература» применительно к той эпохе, тому региону. Если под художественной литературой понимать сюжетный вымысел в стихах и прозе, то большинство записанных произведений древней Индии окажется за пределами литературы. Стихами или ритмическими афоризмами в древней Индии записывался не только эпос, но и трактаты религиозно-философские, религиозно-правовые (брахманистские «Законы Ману», известные в редакции II—I вв. до н. э.), медицинские, математические и грамматические — и вся эта письменность во много раз объемнее того, что можно назвать литературой в современном смысле.

Уже в первые времена переселения индоарийцев в Индию среди них были распространены различные диалекты; позже и для различных жанров произведений, как и в Греции, применялись неодинаковые говоры. Так, Ригведа и Атхарваведа сложены на диалектах ведического древнеиндийского, другие произведе-

ния «Будасаф» превратилось в «Иосаф» — отчасти в результате неправильного прочтения имени царевича (в среднеперсидской скорописи многие буквы практически совпадали по начертанию), отчасти же из-за того, что в Библии множество почтенных персонажей носит имена, начинающиеся с «Ио-» (сокращение от «Ихве»). Билавар же превратился сначала в Балавара, а в конце концов в Варлаама. В христианских версиях сочинения введены большие куски чисто христианского содержания, и не мудрец учится у будхисаттвы, а, напротив, царевич Иосаф принимает от Варлаама христианскую веру и обращает в нее индийцев: место «просветления» заняло крещение. Примерно с XII в. Гаутама, обратившийся в Иосафа, был причислен к лику православных святых, а с XVI в. — и католических.

ния — на классическом санскрите, тоже древнеиндийском диалекте, однако несколько отличающемся от ведического. Еще в V в. до н. э. гениальным грамматиком Пáнини¹¹, предвосхитившим современные структуральные методы лингвистики, была составлена в афористической форме нормативная грамматика санскрита. Позже писались и другие грамматики, в том числе и для некоторых более поздних народных диалектов I тысячелетия до н. э. — начала нашей эры — *пракритов*.

Индийская литература древности делится на санскритскую (санскрит считался и позже, отчасти и сейчас считается вообще языком образованных людей¹²) и писанную на пракритах. Коснемся сначала первой.

Помимо уже упоминавшихся эпических и религиозно-философских сочинений в рассматриваемую нами эпоху были написаны «Пураны» — род комментариев к Ведам в стихотворной форме, в основном содержащие разного рода информацию, которая в то время могла считаться полезной в жизни, но включающие также эпические и философские отрывки. К этому же периоду относятся и повествовательно-назидательные брахманистские сочинения — *шастры*.

К III или IV в. н. э. относится прославленный басенный сборник «Панчатантра» («Пять книг»: о разъединении друзей, о приобретении друзей, о характерах совиных и вороновых, об утратах, о безрассудстве). Каждая часть состоит из поучительных новелл-басен, в которых действуют «человекообразные» по своим типовым характеристикам животные и птицы, а иногда люди, боги и демоны. Каждая часть имеет свою повествовательную рамку (например, в первой части связующим элементом являются козни двух шакалов — советников царя-льва, в четвертой — козни дельфина против обезьяны). Общей рамкой всей книги являются поучения мудреца царевичу. Сохранившийся санскритский текст сборника (переведен на русский язык) представляет собой позднейшую переработку оригинала.

Занимательные басни и новеллы «Панчатантры» имеют разное происхождение, и мораль одних басен нередко находится в противоречии с моралью других; например, то одно сословие превозносится, то другое. В повествованиях содержатся яркие сцены повседневной жизни древней Индии — домашний быт, лю-

¹¹ Пáнини — один из древних авторов, в историческом существовании которого, кажется, нет сомнений. Но насколько сложно обстоит дело с вопросом об авторстве древнеиндийских сочинений, показывает пример Патанджали — древнего мудреца, которому приписываются трактаты о йоге, о философии санкхья, о медицине, о грамматике (с комментарием на Панини и развитием его идей). Некоторые из этих трактатов весьма замечательны, но одни из них трудно датировать позже IV в. до н. э., а другие — раньше II в. н. э. В современном индуизме Патанджали считается воплощением божества-змеи Шеша.

¹² Так сравнительно недавно был официально переименован на санскритский лад — «Шри Лánка» — о-в Цейлон, хотя его прежнее название соответствовало народному произношению (*Силónа*).

бовные превратности, ремесленный труд, суды, религиозные празднества и многое иное¹³. В последних веках нашей эры в Индии появляется новый жанр «искусственной» поэзии — *кавья* — эпического, описательного и дидактического характера. Эти произведения обычно имеют конкретного автора — поэта-*кави*. Сюда относится, между прочим, поэма «Буддхачарита» («Жизнь Будды») Ашвагхоши (время кушанского царя Канишки. II в. н. э.); часто разрабатывались разные сюжеты из эпосов «Махабхараты» и «Рамаяны».

По-видимому, с очень давних времен разыгрывались народные драматизированные представления-мистерии на мифологические темы; еще до начала нашей эры создается настоящая драма, генетически связанная с поэзией-кавьей (так, известны драматические фрагменты, приписываемые Ашвагхоше). Сюжетами этих произведений являются очень свободно трактованные моменты из эпоса и мифов; появляется любовная тема. Первым автором известных нам драм был Бхаса (III в. н. э.); замечательным драматургом был Шудрака, лирическая драма которого «Глиняная повозка» поражает человечностью, ослабленностью словесно-кастовых предрассудков (может быть, влияние буддизма? Или народного творчества?). Но наибольшей всемирной славой не только в Индии, но и на Западе пользуются драмы великого поэта Калидасы (около 400 г. н. э.). Содержание их тоже лирическое, любовное; причем, как и у предшественников Калидасы, конец всегда благополучный: этого требовал жанр индийской драмы. Всемирно известна «Шакунтала» — пьеса Калидасы о любви раджи и приемной дочери отшельника. Интересно, что в индийской драме роли на санскрите давались только божествам и героям, а прочие персонажи говорили на разных местных среднеиндийских диалектах: так, женщины поют на диалекте махараштри, а говорят на шаурасени, рабы и шудры говорят на языке магадхи. Эта разноязыкость напоминает маски амплуа (героя, злодея, раба) в древнегреческом театре. Позже этот прием стал штампом в индийской драме.

Калидасе также приписываются поэмы жанра кавья, из которых можно выделить поэму — любовное послание «Облако-вестник». Собственно лирические стихотворения, по крайней мере дошедшие до нас, относятся уже к эпохе средневековья; все же

¹³ «Панчатантра» была переведена в VI в. с санскрита на среднеперсидский (текст не сохранился), с него — на сирийский, затем со среднеперсидского в VIII в. — на арабский (Ибн аль-Мукаффей); по-арабски сборник получил название «Кавала и Димна» (по именам двух шакалов) или «Басни Бидпая», в XI в. — на греческий (под названием «Стефанит и Ихниллат») и с него — на славянский (сокращенно); в XIII в. сборник переводится с арабского на иврит, с него — на испанский и на латынь и т. д.; каждый раз сборник приобретал все новые вариации, испытывал сокращения и получал дополнения. Знаменитый французский баснописец Лафонтен пользовался сокращенным французским переложением с латыни «Басен Бидпая», и некоторые из них унаследовал от Лафонтена наш И. А. Крылов.

следует, забегая вперед, хотя бы упомянуть замечательного поэта Бхартрихари, то лиричного, то трагического, то сатирического (умер в начале VII в. н. э.).

На пракритах особенно охотно писали небрахманисты — буддисты и джайны. По преданию, Будда велел своим ученикам проповедовать не на санскрите, а на их родных народных говорах. Одним из них, по-видимому языком западно-центральной группы индоарийского населения Индии, и был пали, на котором написан буддийский канон Тхеравады. Уже в его первой «корзине», «Винайя», посвященной правилам устава бхикшу, часто содержатся художественные по форме введения, в которых рассказывается, при каких обстоятельствах Будда преподавал то или иное правило. Во второй его «корзине», «Сутта» (или «Сутра»), содержатся, как уже упоминалось, беседы-проповеди, приписывавшиеся Гаутаме и отчасти его ближайшим ученикам. Во всяком случае, многие из этих бесед очень древние. Кто бы ни был автор отдельных диалогов, в них нередко — особенно в первых книгах — чувствуется мастер-художник, в устах которого дидактическая притча превращается в занимательную сюжетную историю; кое-где приводятся стихи, отрывки песен и т. п. Большое значение для исследователя истории культуры имеют сутры, посвященные устной полемике Гаутамы с представителями других учений — как брахманистских (*астика*), так и соперничавших с буддизмом небрахманистских (*настика*).

Полуканонической частью этой же «корзины» является «Кхуддаканикья», содержащая рассказы, в том числе *джатаки*. Это краткие повести, изредка — стихотворные, чаще — чередующие прозаический и стихотворный текст, в которых описываютсяхождения Будды в прежних его перерождениях, при этом он иногда является царевичем, иногда простым человеком, иногда обезьяной и т. п. Другие персонажи джатак — ученики, друзья и враги Гаутамы — тоже в прежних их перерождениях. Содержание джатак назидательное, но они дают яркую и пеструю картину индийской жизни и рассказывают увлекательные приключения. Недаром столько материала заимствовано из них изобразительным искусством. Джатаки стали появляться не позже IV в. до н. э., возможно, ранее.

На пали написаны также исторически важные хроники и комментарии. Произведением на пали (вероятно, переведенным с санскрита) является диалог «Вопросы Милинды (Менаандра)», весьма замечательный по философской глубине и художественной форме (II в. до н. э.).

Западнее, чем пали, был распространен другой пракрит, принятый у буддистов, не принадлежавших к Тхераваде. Многие северные буддисты, однако, стремились писать на санскрите, но это был обычно так называемый «гибридный санскрит», в котором просвечивал родной язык писавших. Еще один пракрит сохранился в древней рукописи «Дхаммапады», найденной в Китайском Туркестане. Из других пракритов наиболее распространенным

был махараштри, пракрит Западной Индии и отчасти Кушанского царства (севернее нынешнего штата Махараштра); восточным пракритом был магадхи, а к югу от р. Нармады говорили на шаурасени; было и много других пракритов, не все из которых нашли литературное воплощение. Эти диалекты и после того, как вымерли в живой речи, продолжали исполнять роль литературных языков — и не только для буддистов и джайнов, но и для индуистов, в том числе в драме.

Раннее искусство Индии (после гибели культуры Хараппы и до империи Маурья), за исключением случайных вещей вроде терракотовых идоличков богини-матери (и недавно найденных фрагментов росписей), до нас не сохранилось — по той же причине, по какой не дошли до нас и писанные тексты: и писали, и строили, и изготовляли статуи, пользуясь разрушающимися материалами. Сведения об индийском искусстве начинаются с династии Маурья, когда в дело пошел камень. От царствования Ашоки (III в. до н. э.) дошли руины его дворца в Паталипутре (ныне Патна, штат Бихар), отдельные каменные столбы или колонны с колоколовидными капителями, изображения буддийских символов, а также животных — быка, льва, слона, коня и т. п. На таких столбах (и на скалах) высекались указы Ашоки. От династии Шунга дошли колоссальные статуи людей или богов в царских одеяниях и замечательные памятники архитектуры и рельефа: такова большая, ныне разрушенная *стūpa*¹⁴ в Бхархуте (середина II в. до н. э.), от которой сейчас сохранились лишь (в музее) остатки ограды; на них удивительная резьба с изображениями из буддийских легенд; в то же время в виде хранителей ворот изображены, видимо, народные божества, невыводимые из буддийской традиции. В Бхадже близ Пуны (штат Махараштра) сохранилась пещерная обитель, видимо буддийская, работы той же художественной школы, но с изображениями из традиционной, небуддийской мифологии. Замечательна также ступа в Гайе (штат Бихар) на месте предполагаемого «просветления» Будды. Даже на рельефах, прямо связанных с жизнью Будды, сам Будда никогда не изображался, а замещался символами («колесом Закона», «деревом просветления» и т. п.); не сохранилось и изображений традиционных божеств, но уже, очевидно, просто по той причине, что они изготовлялись из дерева (есть косвенные данные о том, что статуи существовали). От I в. н. э. дошли строения джайнских обителей в Удайири и Кхандаири (штат Орисса), но и здесь рельеф содержит такой неджайнский (и небуддийский) мотив, как охота на оленя, и другие, уже явно индуистские изображения. Отлично сохранились буддийские ступы времени царства Андхра в Санчи (в современном штате Мадхья Прадеш, II в. до н. э. — II в. н. э.). Ограда

¹⁴ Ступой называется распространенный объект буддийского культа — искусственный, облицованный камнем и огражденный холм, насыпанный над какой-либо реликвией Будды или святых.

главной ступы украшена тончайшей резьбой, изображения являются собой наглядную энциклопедию индийской жизни времени около смены эр, передающую одежду, нравы, оружие. Сцены взяты, как и в Бхархуте, из джатак, но сам Будда по-прежнему замещается символами. Два спутника его, однако изображаются: считается, что это бодхисаттвы Авалокитешвара и Ваджрапани или по крайней мере их иконографические прототипы. Впервые изображения Будды и джайнского Джинны появляются в искусстве Матхуры (I—VI вв. н. э.), связанном, с одной стороны, с так называемым гандхарским искусством Кушанского царства (ранее неточно называвшимся греко-буддийским), а с другой — с более поздним искусством царства Гупт.

Памятники гандхарского искусства (I—IV вв. н. э.), где с индийской традицией в какой-то мере соединяется традиция эллинистическая, найдены на северном берегу Амударьи (особенно известен фриз из Айртама около Термеза), в Афганистане и в древнеиндийских городах Пурушапуре (ныне Пешавар в Пакистане) и Такшашиле (Таксиле). Поражает красота человеческих фигур и лиц, несколько изысканная, но все же живая. Мы встречаемся здесь с новой трактовкой иконографии Будды, но в целом отличия от искусства более ранних периодов скорее стилистические, чем идейные; все большая декоративность позднегандхарского искусства связывает его уже с эпохой близящегося средневековья. Еще более чувствуется это в позднем искусстве Аппхры, где орнаментальные мотивы уже явно не менее важны, чем изобразительные (это опять-таки сюжеты из джатак).

Однако искусству периода Гупт (IV—VI вв. н. э.) все еще не чужда характерная для древности логичность, хотя изображения становятся менее сухими, более изысканными и чувственными. Наибольшего внимания заслуживают начатые в конце периода Гупт великолепные скульптуры и храмы Эллары, буддийские, джайнские и индуистские, высеченные из целой скалы (близ Аурапгабада, штат Махараштра).

Высшим достижением и завершением искусства древней Индии являются росписи буддийских обителей (*вихар*) и зал для собраний, высеченные в скалах Аджапты (штат Махараштра); древнейшие из них датируются I в. н. э., а более поздние — V и даже VII в. Красочные, реалистичные и в то же время стилизованные росписи Аджапты опять посвящены джатакам, но наряду с тем в них встречаются и индуистские мотивы (например, священные змеи).

Можно отметить, что индийское искусство второй половины I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э. характеризуется широтой взгляда и конфессиональной свободой, однако в рамках все тех же общих понятий индийской мысли этой эпохи: дхарма (правила жизни), сансара (перерождения), карма (неизбежный удел), мокша (освобождение от мира) (ср. «Расцвет древних обществ», лекция 27).

Для древнеиндийской культуры настолько важна духовная

борьба (даже грамматические, астрономические и математические сочинения появляются как части духовных поучений — сутр), что мы, естественно, уделили особое внимание именно этой ее стороне. Значительны были и научные достижения древней Индии: индийская лингвистическая наука оставалась непревзойденной до новейшего времени, были выработаны представляющие интерес медицинские знания, в математике индийцы не уступали вавилонянам, были достигнуты успехи в астрономии.

Стоит упомянуть об одном интересном индийском изобретении — «чатуранге», предшественнице шахмат. Чатуранга — это «четыре рода оружия» — пехота, конница, колесницы, боевые слоны. Фигуры двух цветов — предки пешек, коней, ладей и слонов — двигались по стоклеточной доске вокруг своих царей. Игра считалась полезной для царей и военачальников,

ГУННСКАЯ ДЕРЖАВА НА ВОСТОКЕ (III в. ДО Н. Э.— IV в. Н. Э.)

1. ЖУНЫ И ДУНХУ. ПЕРВЫЕ ИЗВЕСТИЯ О ГУННАХ

В середине II — начале I тысячелетия до н. э. на востоке Евразии окончательно сформировались два отличных друг от друга хозяйственно-культурных региона: собственно китайский (в среднем и нижнем течении Хуанхэ) и центральноазиатский (охватывающий огромную территорию от Восточного Туркестана на Западе до Южной Маньчжурии на востоке, от Гоби и Ордоса в излучине Хуанхэ на юге до Тувы и Забайкалья на севере).

В большей части центральноазиатского региона основой хозяйственной деятельности стало кочевое и полукочевое скотоводство, сочетавшееся с примитивным земледелием и охотой. В начале I тысячелетия до н. э. племена, населявшие Центральную Азию, создали кочевническую культуру скифского типа; они освоили металлургию бронзы и железа, металлообработку, колесные повозки и всадничество; жилищем им служила полусферическая с коническим верхом войлочная кибитка, которую при перекочевке укрепляли на большой повозке, влекомой быками. Свойственный скифам тип вооружения и конского убора, характерная «скифская» одежда, «звериный стиль» в искусстве засвидетельствованы раскопками на Алтае, в Туве, в Монголии так же хорошо, как и в Причерноморье.

«Китайский Геродот», историк Сыма Цянь (145—87 гг. до н. э.), систематизировавший в своих «Исторических записках» ранние рассказы о северных соседях Китая, сообщает о них лишь отрывочные сведения. Примерно с VII—VI вв. до н. э. он именуется кочевников Монголии жунами, а позднее — ху. В степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили шаньжуны («горные жуны») и дунху («восточные варвары»). Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских государств, то сражаясь с ни-

ми, то вступая в коалиции воюющих друг с другом царств и получая за это вознаграждение.

Сыма Цянь ярко описывает образ жизни «варваров» и их общественное устройство. Жуны и дунху не были политически объединены, «все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и, хотя нередко собиралось свыше ста племен жунов, они не сумели объединиться в одно целое». Источники отмечают у жунов и дунху посевы проса, но главным их занятием было скотоводство: «Переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен в восток. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных ткапей... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемства у них нет. Каждое стойбище имеет низшего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами решают... Войну ставят важным делом...»

Трудно нарисовать более выразительную картину родо-племенного общества, еще не знавшего классового расслоения и насильственного авторитета. По словам китайского наблюдателя VII в. до н. э., у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим (т. е. выборным старейшинам и вождям.— *С. К.*), руководствуясь искренностью и преданностью». Война и набег с целью захвата добычи — важная сторона их жизни. Но даже во времена наибольшей слабости мелких китайских царств жуны никогда не угрожали им завоеванием. Отдельные набеги кочевников сдерживались или ограничивались военными мерами, дарами, подкупом вождей, торговлей. В ходе столкновений китайцы не раз убеждались в достоинствах «варварской» конницы и иногда перенимали одежду и оружие своих противников.

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в период «Воюющих царств» (403—221 гг. до н. э.). Вместо прежних жунов на севере и западе появляются сильные объединения кочевых племен сюнну (гуннов) и юэчжэй, а про дунху сообщается, что они «достигли расцвета» и у них появился единый правитель. В IV в. до н. э. китайцы впервые называют гуннов среди своих противников; позднее те начинают ожесточенную борьбу за Ордос с царством Чжао. Война шла с переменным успехом; за то время в составе гуннского объединения оказались те жунские племена, которые прежде были независимыми. На западе соседями гуннов были юэчжи — восточносибирские (сакские) племена, занимавшие вместе с родственными им усунями огромную территорию от Тянь-Шаня до Центральной Монголии. Тамги (геральдические знаки) вождей юэчжийских племен, недавно обнаруженные на черных скалах

ущелья Цагангол в Гобийском Алтае, фиксируют южную границу юэчжийских земель.

Благодаря работам советских и монгольских археологов оказалось возможным проверить, дополнить и конкретизировать сообщения письменных источников. Раскопками обнаружены два типа культур скифского круга (I тысячелетие до н. э.). Один тип представлен «культурой плиточных могил» и «оленными камнями». Плиточные могилы сооружались из неглубоко погруженных в землю плоских каменных плит, образующих прямоугольный ящик. Погребенных клали головой на восток вместе с оружием, украшениями, сосудами. Специфическими предметами в захоронениях являются сосуды на трех полых ножках и бронзовые ножи с выемчатыми фигурками людей и животных, бронзовые удила, часто кости коня. Плиточные могилы располагаются на местности цепочками, образующими родовые кладбища. К сожалению, большинство плиточных могил начисто ограблено. «Оленные камни» — это каменные стелы, на которые нанесены изображения стилизованных оленей с вытянутыми вперед клювообразными мордами, закинутыми за спину длинными ветвистыми рогами и подогнутыми в летучем галопе ногами. Вместе с ними на камень нанесены изображения других предметов — боевых топоров, кинжалов, зеркал, круто изогнутых луков. Подлинные предметы, изображенные на «оленных камнях», — бронзовые изделия и роговые обкладки луков — найдены в плиточных могилах. Находки железных предметов в них крайне редки.

Культура плиточных могил распространена на огромной территории от Забайкалья до Северного Тибета, охватывает степную часть Маньчжурии, всю Внутреннюю, Восточную и Центральную Монголию, резко обрываясь здесь на западных склонах Хангайских гор. Тут начинается область другой культуры скифского типа: каменные ящики сменяются курганами, такими же как раскопанные на Алтае знаменитые гробницы Пазырыка. Эта область охватывает Западную Монголию, Туву, Алтай, Восточный Казахстан. Антропологически погребенные различаются так же резко, как и тип захоронений. В плиточных могилах погребены монголоиды северной (палеосибирской) ветви этой расы, а в курганах — европеоиды. В III—II вв. до н. э. плиточные могилы и скифские курганы вытесняются иными по облику погребениями, в которых железный инвентарь сменяет бронзовый.

Теперь, накладывая сведения письменных источников на археологическую карту, логично заключить, что носителями культуры плиточных могил были племена жунов и дунху. Культура курганных захоронений Западномонгольского и Саяно-Алтайского регионов, датируемая V—III вв. до н. э., принадлежала восточноскифским (сакским) племенам — юэчжам и усуням.

Источники отмечают политическую зависимость ранних гуннов от юэчжей. Поразительным художественным свидетельством первых гунно-юэчжийских войн конца V—IV в. до н. э. является хранящаяся в Эрмитаже узда боевого коня из оледенелой гробни-

цы юэчжийского вождя¹ в Пазырыке. Украшающие узду деревянные подвески выполнены в виде уплощенных «моделей» отрубленных человеческих голов. Символика изображения очевидна и вполне соответствует военным обычаям скифов, сарматов, гуннов, описанным древними авторами: головы поверженных врагов победитель отрубал и как трофеи привозил царю. Подвески из Пазырыка мастерски изображают лица людей с ярко выраженными монголоидными чертами; они совсем не напоминают захороненных здесь юэчжей. Зато эти изображения почти портретно схожи с лицами гуннских воинов на каменных барельефах гробницы ханьского «военачальника сильной конницы» Хо Цюйбина (ум. в 119 г. до н. э.).

2. ГОСУДАРСТВО ГУННСКИХ ШАНЬЮЕВ

В последние десятилетия III в. до н. э. союз гуннских родов, возглавлявшийся военным вождем — шаньюем, вместе с подчиненными племенами испытал ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением примитивного государства.

В повествовании Сыма Цяня о событиях, положивших начало гуннскому могуществу, сохранился отзвук легенд, рожденных в далеких кочевьях: «В то время дунху были сильны, а юэчжи достигли расцвета. Шаньюем у гуннов был Тоумань». Он имел двух сыновей от разных жен. Для того чтобы сделать наследником младшего, шаньюй решил пожертвовать старшим, Маодунем, и отправил его заложником к юэчжам. Затем Тоумань напал на юэчжей. Маодунь не погиб, он украл копия и ускакал к своим. Тоумань дал ему под начало отряд. Маодунь, обучая воинов, приказал им стрелять туда, куда летит его «свистунка» (боевые стрелы гуннов снабжались костяными шариками с отверстиями — сотни свистящих стрел наводили ужас на врагов и пугали их коней). Вскоре Маодунь пустил стрелу в своего прекрасного коня. Тем из его отряда, кто не стрелял, он приказал отрубить головы. Некоторое время спустя Маодунь пустил стрелу в свою любимую жену. Он отрубил головы тем, кто не посмел стрелять. На охоте Маодунь выстрелил в коня своего отца и никто из его воинов не опоздал выстрелить. Маодунь понял, что время настало. Когда он пустил стрелу в Тоуманя, тот был утыкан стрелами. Казнив младшего брата, мачеху и приближенных отца, Маодунь стал шаньюем. Узнав о событиях в орде (так называли гунны военный лагерь и княжескую ставку), правитель дунху, решив, что смута ослабила гуннов, потребовал от Маодуня уступить пограничную территорию. Многие старейшины, страшась войны, советовали Маодуню отдать землю. «Крайне разгневанный, Маодунь ответил: „Земля — основа государства, разве можно отдавать ее!“ Всем, советовавшим уступить землю, он отрубил головы». Затем

¹ Гробницы устраивались в слое вечной мерзлоты.

Маодунь разгромил дунху наголову, убил их правителя, взял в плен людей из народа и захватил домашний скот. Так описал Сыма Цянь начало гуннских завоеваний.

В 203—202 гг. до н. э. Маодунь подчинил племена Саян, Алтая и верхнего Енисея (в том числе древних кыргызов на территории современной Хакасии) и установил северные границы своей державы. Но оставались два главных противника — Китай и юэчжи.

В 202 г. до н. э. закончилась гражданская война в Китае. К власти пришла династия Хань. Ее основатель Лю Бан (император Гаоди), стремясь обезопасить границу, зимой 200 г. лично повел войска против гуннов. После первых столкновений Маодунь отступил, а ханьский авангард в преследовании оторвался от основных сил. С авангардом был сам император. Гунны сразу же прекратили отступление и окружили императора в горах Байдэн. Спасло императора только обещание заключить с гуннами мирный договор, основанный на родстве, т. е. выдать за Маодуня принцессу из императорского дома. Маодунь снял окружение. Император выполнил обещание лишь после нескольких новых набегов гуннов и вместе с принцессой прислал богатые подарки, обязавшись возобновлять их ежегодно: шелковые ткани и вату, вино и рис, украшения. Фактически это была замаскированная дань. Между гуннами и империей Хань на 40 лет установились мирные отношения, лишь ненадолго прерванные гуннскими набегами в 166—163 гг. до н. э., после чего договор о мире и родстве был возобновлен.

Самую жестокую войну Маодуню и его наследнику Лаошан-шаньюю (174—161 гг. до н. э.) пришлось выдержать с юэчжами. Борьба длилась четверть века. Окончательная победа была одержана гуннами между 174 и 165 гг. до н. э. Вождь юэчжей пал в бою, а из его черепа Лаошан-шаньюй сделал чашу для питья. Оттесненные в Среднюю Азию, юэчжи завладели землями в верховьях Амударьи и впоследствии стали создателями Кушанской державы. А западная граница гуннов надолго стабилизировалась в Восточном Туркестане, где они не раз сражались с ханьцами за власть над богатыми городами-оазисами бассейна Тарима.

Дань, которую получали шаньюи от ханьского двора была совершенно недостаточна для удовлетворения потребностей значительного кочевого населения в продуктах оседлого хозяйства. Поэтому для гуннов более существенна была пограничная торговля, которую, однако, не разрешало императорское правительство, видевшее в торговле только инструмент политического давления на «варваров».

Добиваясь открытия рынков на границе, шаньюй начал в 158 г. до н. э. новую серию набегов и опустошил несколько северных округов. «После этого [в 152 г.] император Сяо-цзин снова заключил с гуннами мир, основанный на родстве, открыл рынки на пограничных пропускных пунктах, послал гуннам подарки и отправил принцессу согласно прежнему договору».

Экономика гуннского общества, по описанию Сыма Цяня, была весьма примитивна: «В мирное время они следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений... Начиная от правителя, все питаются мясом домашнего скота, одеваются в его шкуры и носят шубы из войлока». Столь же простой кажется и проистекающая из характера экономики программа отношений с Китаем, сформулированная одним из шаньюев: «Я хочу открыть вместе с Хань большие заставы для торговли, взять в жены дочь из дома Хань, хочу, чтобы мне ежегодно посылали 10 тыс. дапей рисового ви́па, 5 тыс. ху (мер) проса, 10 тыс. кусков различных шелковых тканей, а также все остальное, и в этом случае на границе не будет взаимных грабежей».

С представлениями о чисто кочевом характере гуннского общества никак не вяжутся неоднократные упоминания о городках в глубине гунпских земель, о хранимых там запасах зерна. Но основным видом хозяйственной деятельности гуннов всегда было кочевое скотоводство, что подтверждают как сообщения письменных источников, так и результаты археологических раскопок. Первостепенную роль у гуннов играла лошадь. При экстенсивном скотоводческом хозяйстве, где корма для скота на зиму не заготавливались, лошадь имела и то преимущество, что она могла себе не ваять, т. е. круглый год находиться на подножном корму, добывая траву зимой из-под неглубокого снега. Судя по костям, находимым в гуннских погребениях, лошади были типично монгольскими — небольшого роста, грубого, но мускулистого сложения, с короткой и широкой мордой. Кроме огромных табунов лошадей богатством гуннов были стада быков, яков и верблюдов, громадные отары овец и коз. Скот находился в семейной собственности; каждая семья имела право на достаточную часть родовой территории для выпаса скота и пользовалась защитой всего рода. Для сохранения численности и нераздельности имущества семьи гунны, как отмечает Сыма Цянь, «после смерти отца берут в жены мачех, после смерти старшего или младшего брата женятся на их женах» (у гуннов, как и у многих кочевников, существовало многоженство). Предусматривалась и семейная ответственность за кражу чужого имущества, прежде всего скота, — семья виновного могла быть обращена в рабство.

Социальное устройство гуннского общества и его государственная организация не могут быть реконструированы с достаточной полнотой, но раннеклассовый характер гуннской империи несомненен. Верхушку гуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанные между собой брачными отношениями, т. е. мужчины любого из этих родов брали себе жен только из трех других знатных родов. Глава государства, шаньюй, мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырех. Позднейшие источники упоминают и другие знатные роды. Очевидно, иерархия родов и племен играла в гуннском

обществе немалую роль, причем на низшей ступени находились покоренные племена, включенные в гуннскую родо-племенную систему. Еще ниже были покоренные племена, не включенные в состав гуннских; они подвергались особенно безжалостной эксплуатации. Так, покоренные дунху выплачивали постоянную дань тканями, овчинами и кожами. Если дань задерживалась, то гунны казнили родовых старейшин, отнимали и обращали в рабство женщин и детей, требуя затем особый выкуп за их освобождение.

Рабство у гуннов часто упоминается источниками. Рабами были пленные, но в рабство попадали за различные преступления и сами гунны. Рабы-иноплеменики жили вместе с гуннами в укрепленных городках, копали оросительные каналы, пахали землю, участвовали в строительных и горных работах, в различных ремесленных промыслах. Положение рабов-гуннов неясно; возможно, они были низшей частью большой патриархальной семьи.

Устройство гуннского государства было столь же строго иерархично, как их общественная структура. Государство гуннов, выросшее из военной демократии жунских племен V—IV вв. до н. э., сложившееся в борьбе не за жизнь, а за смерть с соседними племенными союзами и китайскими царствами, государство, цель которого его создатели и их преемники видели в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т. е. над кочевниками), и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т. е. над оседлыми земледельцами), — такое государство могло существовать только как централизованная империя, организованная на военно-административных принципах.

Во главе государства стоял шаньюй, чья власть была строго наследственной и освященной божественным авторитетом. Его называли «Сыном Неба» и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий гуннский шаньюй». Его власть определялась его функциями и правами: а) суверенным правом распоряжаться всей территорией государства, всеми землями, принадлежащими гуннам, и функцией охраны этой территории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи. Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти; во всяком случае, все упомянутые источниками действия в защиту и соблюдение культа исходили от шаньюя, который «утром выходил из ставки и совершал поклонение восходящему солнцу, а вечером совершал поклонение луне». Шаньюя окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако решающее слово всегда оставалось за шаньюем.

Высшими после шаньюя лицами в государстве были «левый» и «правый» (т. е. западный и восточный) «мудрые князья», сы-

новья или ближайшие родственники шаньюя. Они управляли западными и восточными территориями империи и одновременно командовали левым и правым крылом армии. Ниже их стояли другие родичи шаньюя, управляющие определенной территорией, — все они носили различные титулы и назывались «начальниками над десятью тысячами всадников» (т. е. *тёмниками*²). Их число было строго фиксировано — 24 высших военачальника, распределенные между левым и правым крылом войска, западной и восточной частями империи. Тот или иной пост занимался в зависимости от степени родства с шаньюем. Тёмников назначал сам шаньюй. Он же выделял подвластную каждому тёмнику территорию вместе с ее населением. Перемещение населения без приказа шаньюя строго возбранялось.

Наибольшее значение имела не территория, а численность ее населения, которой и определялась власть и военная сила тёмников; число в 10 тыс. воинов, находившихся под их командой, было условным — Сыма Цянь замечает, что каждый из 24 начальников имел от десяти тысяч до нескольких тысяч воинов.

В пределах своих владений тёмник, подобно шаньюю, назначал тысячников, сотников и десятников, наделяя их землей с кочующим на ней населением. Сместить и наказать тёмника мог только шаньюй.

Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый гунн считался воином, и малейшее уклонение от исполнения военных обязанностей каралось смертью. Каждый с детства и до смерти был приписан к строго определенному воинскому подразделению и сражался под командованием своего тёмника.

При Лаошан-шаньюе началось систематическое взимание податей, о размере и характере которых сведений нет. Трижды в год все начальники — как правило, выходцы из четырех аристократических родов — съезжались в ставку шаньюя для «принесения жертв предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам», для обсуждения государственных дел и один раз, осенью, для «подсчета и проверки количества людей и домашнего скота». Эти совещания были не столько каким-либо правительственным органом, сколько семейным советом родственников; все их участники были родичами шаньюя.

Таким образом, правящий класс гуннской империи сложился из родо-племенной знати; отношения родства и свойства сохраняли решающее значение для определения социального положения и политической роли каждого, кто принадлежал к высшим слоям гуннского общества. В то же время вся эта знать, сохраняя внутривидовые и внутривидовые связи, выступала и как патриархальная верхушка общества, как его «естественные» вожди, кровно связанные с рядовыми соплеменниками.

² Этот принятый в науке термин происходит от древнерусского *тъма* — «десять тысяч», восходящего к древнетюркскому *тюмень*.

Основу общественного влияния и политической силы знати составляла собственность на пастбищные земли, проявлявшаяся в форме права распоряжаться перекочевками и тем самым распределять кормовые угодья между родами. Степень реализации права собственности целиком зависела от места того или иного знатного лица в военно-административной системе, что, в свою очередь, предопределялось его местом в родо-племенной иерархии. Вся эта структура обладала достаточно высокой устойчивостью, чтобы обеспечить более трех веков существования гуннской империи и еще несколько веков жизни мелких гуннских государств.

С образованием гуннской империи и после окончания долгой гунно-юэчжийской войны в степях наступил мир. Большая часть II в. до н. э. была временем подъема гуннского кочевого хозяйства. В ходе нескольких гунно-китайских войн кочевники вернули захваченные циньскими императорами пастбища к югу от пустыни Гоби и добились своей главной цели — непрерывного поступления тканей и зерна из Китая через рыночную торговлю на границе и «даров» (замаскированной дани) шаньюям.

Новый цикл гунно-китайских войн был начат в 133 г. до н. э. по инициативе ханьцев. Император У ди (140—87 гг. до н. э.) решил вновь захватить гуннские земли к югу от Гоби и навсегда сокрушить мощь северных кочевников. В 127 г. до н. э. началось успешное наступление ханьцев. В 124—123 гг. война была перенесена на коренные земли гуннов, в степи современной Монголии, где шла с переменным успехом. В 119 г. до н. э. огромная китайская армия захватила северную ставку шаньюя и перебила около 90 тыс. гуннов, но и сама понесла тяжелые потери.

Одновременно началось продвижение ханьских войск на запад, в Среднюю Азию, где в 101 г. до н. э. ими были разграблены ферганские города, а гунны отрезаны от восточнотуркестанских оазисов. В 99 и 97 гг. до н. э. ханьцы вновь предприняли два крупных наступления против гуннов, но успеха не добились. Наконец, в 90 г. до н. э. 70-тысячная китайская армия под командованием полководца Ли Гуан-ли вторглась в гуннские земли и разгромила передовые отряды гуннов. В это время Ли Гуан-ли узнал, что его семья арестована в столице по обвинению в колдовстве и всем его родичам, а по возвращении и ему самому грозит смерть. Он решил купить милость императора победой, но в первом же бою понес тяжелые потери. Старшие командиры войска решили взять его под стражу, но Ли Гуан-ли казнил участников заговора и начал генеральное сражение. В тяжелом бою китайцы были окружены, и Ли Гуан-ли сдался в плен. У Китая больше не осталось полевой армии для продолжения войны. Китай не сумел сломить гуннов своими силами, но через 20 лет нанес им тяжелые поражения с помощью других кочевых народов — в 71 г. до н. э. усуни с запада, ухуани (часть дунху) с востока и енисейские динлины с севера ворвались в гуннские земли; гунны потеряли до трети населения.

В 56 г. до н. э. гунны раскололись на южных и северных.

Южные гунны во главе с Хуханье-шаньюем установили мирные отношения с Китаем, отказавшись от набегов, а Китай делал все для их умиротворения. Более 50 лет на гунно-китайской границе не было крупных столкновений. Северные гунны во главе с Чжичжи-шаньюем ушли в Среднюю Азию, на Сырдарью, но здесь были настигнуты китайцами и уничтожены — ханьские власти опасались, что Чжичжи в союзе с местным народом — кангюйцами — будет угрожать их господству в Восточном Туркестане.

Единство и могущество гуннской империи было восстановлено на короткий срок в начале I в. н. э., но в 48 г. н. э. произошел новый раскол гуннов на северных и южных. Вся дальнейшая судьба южных гуннов вплоть до падения Ханьской империи является, по существу, обычной историей варваров-федератов, целиком зависимых от правительства в имперской столице. Северные гунны под ударами с юга и натиском древнекиргизских племен Енисея и в особенности потомков сяньби и дунху — протомонгольских племен Юго-Западной Маньчжурии — с каждым десятилетием утрачивали свое могущество и территории. Их ставки сместились в Западную Монголию, в Юго-Западную Сибирь и Восточный Туркестан, где до середины II в. н. э. они продолжали сопротивляться ханьскому продвижению на запад. Наиболее тяжелые поражения они понесли в войнах с сяньби в 93—94 гг., когда десятки тысяч гуннских семей были включены в состав сяньбийской племенной федерации, и в 151—155 гг., когда создатель эфемерной сяньбийской империи Тяньшихай вытеснил гуннов из их последних владений в Джунгарии. Именно в первой половине II в. началась миграция гуннских племен сначала в Восточный Казахстан и Семиречье, где они создали государство Юэбань, просуществовавшее до V в., а затем вместе с угорскими племенами Западной Сибири — в Приаралье, в прикаспийские и заволжские степи.

3. НАЧАЛО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ГУННОВ НА ЗАПАД

Идентификация «азиатских» и «европейских» гуннов редко вызывала сомнение, так как в источниках нет прямых указаний на их миграцию к западу из среднеазиатских степей. Достоверно неизвестен и язык гуннских племен Востока и Запада, хотя по косвенным данным можно предположить, что их основную массу составляли и там и тут прототюркские племена, язык которых был предком современного чувашского. Это, конечно, не исключает многоязычия гуннских объединений, куда входили предки монголов, тунгусов, угров, а в Средней Азии и на Западе — ираноязычных племен.

Наибольшую трудность вызывает объяснение того обстоятельства, что в степях Юго-Восточной Европы гунны появились внезапно в 70-х годах IV в. Первой их жертвой стали приазовские ираноязычные аланы, лишь часть которых (предки осетин) спаслась в горах Северного Кавказа. Вслед за тем, овладев Прикуба-

нем, гунны зимой, по льду, переправились через Керченский пролив и разгромили богатые города Боспорского царства. Вся причерноморская периферия античного мира вплоть до Днестра, сармато-аланские и готские племена были сокрушены в течение нескольких лет; частью они были включены гуннами в состав их орд, частью бежали за Днестр. К 376 г. гунны продвинулись непосредственно к границе Римской империи.

«Невиданный дотоле род людей,— пишет автор IV в. Аммиан Марцеллин,— поднявшийся как снег из укромного угла, потрясает и уничтожает все, что покажется навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор». Для римского эрудита, изучавшего труды ранних авторов, гунны были новым племенем, «о котором мало знают древние памятники». В середине II в. автор стихотворного «Описания населения земли» Дионисий упоминает гуннов где-то в Прикаспии. Во второй половине II в. их отмечает там и знаменитый александрийский географ Клавдий Птолемей. Но даже для образованного человека IV в. эти краткие упоминания мало о чем говорили. Поэтому столкновение с невиданным дотоле пародом казалось ужасным. По словам Аммиана Марцеллина, гунны, «которые превосходят всякую меру дикости», были «семенем всех несчастий и корнем разнородных бедствий»; «все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей... кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду; на чужбине они не входят в жилище, за исключением разве крайней необходимости... они плохо действуют в пешеходных стычках, но зато как бы приросли к своим выносливым, но безобразным на вид лошадекам, и иногда, сидя на них по-женски, они исполняют все обычные свои дела; на них каждый из этого племени ночует и днюет, покупает и продает, ест и пьет и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружается в глубокий сон... Если случится рассуждать о серьезных делах, они все сообща советуются в том же обычном порядке; они не подчиняются строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадется на пути... У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея определенного места жительства... кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина, он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше».

В своем ярком описании гуннов Аммиан Марцеллин допустил ряд преувеличений, наделив гуннов традиционными чертами самых диких северных племен. Гунны имели достаточно развитую материальную культуру и такие навыки военного дела, вплоть до стенобитной техники, которые позволяли им сокрушать

хорошо вооруженных противников, брать их укрепления и города. Но несомненно, что пришедшие в Европу племена утратили многое из достижений экономического, социального и культурного развития, которые были характерны для гуннского государства в Центральной Азии. Собственные производительные силы европейских гуннов были ничтожны. Захват продуктов труда оседлых народов, пленение и обращение в рабство ремесленников сделались для гуннов основным источником добывания жизненных благ, а их общество стало полностью паразитическим. Все это с особой силой проявилось в последующий период, когда гунны прорвали пограничную линию Римской империи.

САСАНИДСКАЯ ДЕРЖАВА В III—V вв.

1. РАННЕСАСАНИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Весной 227 г. н. э. поблизости от Стахра, столицы Парса (Персиды), короновался на власть в Иране царь Парса Арташир, сын царя Папака, происходившего из рода Сасана. Коронации предшествовала победа над парфянским царем Артабаном V. И то и другое событие были запечатлены для потомства на скальных рельефах. Были отчеканены монеты с новым титулом Арташира — «Поклоняющийся (Ахура-)Мазде, бог, царь царей Ирана, происходящий от богов». Так окончательно пришла к власти в Иране новая династия — Сасаниды, объединившая страну на четыре столетия.

Еще в 208 г. государство парфян раскололось на две части: одни области признали царем Валарша V, другие — его брата Артабана V. Несколько позже в борьбу за Парфию включился римский император Каракалла. Процесс распада парфянской державы на ряд независимых и полузависимых царств был проявлением глубокого кризиса обществ Средиземноморья. Его же проявлением был и захват власти в Стахре Папаком — мелким правителем и жрецом одного из районов Парса. После смерти Папака его сын Арташир предпринял ряд победоносных походов в соседние области. Завоевав их, он двинул войска в Месопотамию, где получил поддержку правителей ряда мелких полузависимых государств. Объединенные силы союзников осадили Селевкию, которая пала в 223 г. Все эти успехи превратили нового повелителя Парса в грозного противника парфянского царя царей, но в решительном сражении разбить армию Артабана удалось лишь с помощью месопотамских союзников и владетелей некоторых «царств» (*шахров*), расположенных на территории Ирана, а также представителей части знатнейших парфянских родов.

Парфянскую династию ослабляли внутренние распри и неудачи во внешней политике, а Сасаниды были связаны с одним из древних религиозных центров Ирана. Между тем тяжелое экономическое положение страны, ее распад на ряд владений, ослабивший внутриэкономические связи, и почти полное прекращение международной торговли требовали сильной государственной власти, которая могла бы наладить хозяйственную жизнь в стране в интересах и знати, чьи доходы падали, и торговых городов. Для создания сильной власти нужно было держать в руках экономическое «сердце Ирана» — Месопотамию.

В III в. судьба сасанидского государства решалась на его западных границах. Через три года после коронации новый царь персией (*шаханшах*), Арташир I, повел персидскую армию в Сирию и Малую Азию.

Угроза персидского вторжения была настолько серьезной, что в 232 г. римскую армию в Северной Месопотамии выпущен был возглавить император Александр Север. Римлянам не удалось достичь иранской столицы, но в то же время они добились некоторых успехов в Армении. Стойки на границе не прекращались до 237 г. Сын шаханшаха и его наследник Шапур, командовавший персидской армией, овладел Хатрой в Месопотамии, но не добился решающей победы. В 242 г. император Гордиан III снова начал военные действия. В течение двадцати лет провинции Месопотамии испытывали ужас чужеземных вторжений. Ни один год с 242 по 260 г. практически не был спокойным.

Судя по торжественной надписи Шапура I (243—273) на так называемой Каабе Зороастра в местности Накш-и Рустам, три войны с Римом принесли успех Ирану. Первая война кончилась смертью императора Гордиана, пленением знатных римлян и большого количества римских солдат и выплатой значительной дани — 500 тыс. денариев. Между 244—251 гг. персидскими войсками была завоевана часть Армении, а также Адиабена (район древней Ассирии). Вторая война была снова развязана римлянами. Военные действия развернулись на территории Сирии. Армия Шапура I сокрушила многочисленные римские легионы и овладела штурмом важнейшими городами в Сирии и на востоке Малой Азии. Заключенный мир был непрочен: военные действия фактически не прекращались. Временный успех императора Валериана в 257 г. опять сменился поражениями; на западных границах римлян теснили варвары, а в восточных провинциях в течение 15 лет (с 251 г.) свирепствовала чума. В этот тяжелый для Рима момент «судьба Востока вновь затрубила в страшную трубу, возвещая о страшных опасностях», — говорит римский историк Аммиан Марцеллин. Шапур напал на Карры (Харран) и Эдессу в Северной Месопотамии. Римляне наконец поняли, что имеют дело с великой державой. Речь шла не только о месопотамской границе. Под угрозой была власть Рима во всех восточных провинциях. Решительное сражение у Эдессы было проиграно римлянами. В плен попали сам Валериан, сенаторы и другие

вельможи. Шапур в своей надписи сообщает, что иранская армия взяла 36 городов и крепостей. Такого поражения Римская империя еще не знала.

Успехи Шапура I на западе показали силу и сплоченность молодого государства или, может быть, скорее слабость Рима: Шапуру I в год смерти пришлось еще пережить позор поражения. Во II—III вв. основной торговый путь между Западом и Востоком стал проходить напрямик из Месопотамии к Средиземному морю через Сирийскую степь, чтобы миновать трудные перевалы в Закавказье и Армении, где бушевали почти непрерывные войны. Нейтральный оазис Пальмира (Тадмор) среди пустыни стал важным перевалочным пунктом для международной торговли, и здесь выросло государство, при царице Зенобии заявившее претензии на великодержавное положение на Ближнем Востоке; однако оно было уничтожено римским императором Аврелианом. Персидский корпус, посланный на помощь Зенобии, был разгромлен. Но и этот успех Рима не нарушил устойчивости западных границ Ирана.

В результате этих войн к Ирану были присоединены значительные территории, и к 60-м годам III в. его пределы простирались от Нижней Месопотамии и Сирии до Инда, от Большого Кавказа до Оманского полуострова в Аравии. Шапур I претендовал на «владение» такими землями, как Согд, Чач (район Ташкента) и Кушанское царство. Первый тур в единоборстве двух основных держав Ближнего Востока и Средиземноморья — Римской империи и сасанидского Ирана — выиграл Иран. В завоеванных иранцами областях утверждался зороастризм.

В дальнейшем взаимоотношения Ирана с Римом не раз приобретали трагическую остроту. Так было, например, в царствование Шапура II (309—379), когда интриги Ирана в Армении вызвали вооруженное вмешательство римского императора Констанция II, что привело к изнурительным и гибельным для Армении войнам, длившимся около 15 лет. Однако в июле 363 г. в одной из небольших стычек у самой границы Ирана погиб император Юлиан, и это решило исход войны. Персы получили по мирному договору ряд опорных пунктов в Северной Месопотамии и полностью покорили Армению. В дальнейшем, уже после смерти Шапура II, Армения и Грузия были поделены на иранскую (Восточная Армения, Иверия) и римскую сферы влияния. Однако в Закавказье и в Армении не раз вновь возникали войны.

Начиная с середины IV в. основной границей, которую приходилось удерживать Ирану, стала восточная. Здесь, как и ранее на западе, Сасаниды начали с крупных военных успехов. В царствование Арташира I здесь происходило постепенное укрепление власти Ирана с опорой на союз с местными династиями, но и позже продолжали существовать полусамостоятельные царства, которыми правили владыки старых, досасанидских династий. Вероятно, впервые между 245 и 248 гг. шахапшах Шапур I предпринял большой завоевательный поход в пределы восточных зе-

мель. В результате на востоке Иранского нагорья был основан новый «царский» город Нишапур; на монетном дворе древнего города Мерва (ныне Мары в Туркмении) чеканились золотые «денары» Шапура I, а его сын Нарсе получил в удел все только что завоеванные восточные провинции. Этот удел назывался «Сакастан, Турестан и Инд до побережья моря» и сохранился, судя по надписям, по крайней мере до 20-х годов IV в.

После походов на восток Шапура I и до середины IV в. сасанидские цари вряд ли вели какие-нибудь серьезные войны на востоке своей державы: все их силы в то время были истощены тяжелой борьбой на западных границах. Первое достоверное сообщение о восточной войне Шапура II датируется началом 357 г. (или концом 356 г.) и принадлежит Аммиану Марцеллину, который основывался на проверенных агентурных сведениях. Шапур в это время с трудом сдерживал натиск «враждебных племен», пытавшихся перейти границу Ирана. Он нес большие потери в упорной борьбе и в конце концов в 358 г. заключил с ними «союзный договор». Затем он втянулся в войны на западе и получил возможность для активных военных действий на востоке лишь в самом конце 60-х годов IV в., когда, вероятно, и предпринял большой поход, окончательно сокрушив Кушанское царство.

Территория Кушанского царства была включена в новый важнейший удел, называвшийся «царством Кушан» (*Кушаншахр*). Им владели сасанидские цари, имевшие право выпуска собственной серебряной и золотой монеты. Во всех этих событиях принимали участие кочевники-хиониты, в то время выступавшие как союзники Сасанидов.

В начале V в. бывшие кушанские земли завоевывает Кидар — основатель царства кидаритов. Союз с кочевниками помог ему вытеснить сасанидские войска из Бактрии. Тогда же на этих и соседних территориях возникло княжество, возглавляемое представителями кочевого племени эфталитов. Сасаниды удерживали лишь Мерв, Герат и некоторые другие города. Война с кидаритами произошла около 442 г. К 449—450 гг. относятся победа над ними шаханшаха Ездигерда II и захват Южной Бактрии. Однако в 457—459 гг. в междоусобной войне между Сасанидами Хормиздом и Перозом последний уступил эфталитам в обмен на их помощь Восточный Тохаристан (Бактрию) вместе с культурным и религиозным центром этих земель — городом Балхом. С 70-х годов V в. Пероз вел упорные войны на востоке против кидаритов и эфталитов, постоянно терпя неудачи. В последнем походе (484 г.) сасанидская армия была наголову разбита эфталитами. Пероз погиб в бою. Победители захватили гарем царя, обоз с казной и множество пленных. Иран был обложен тяжелой данью, которую Сасаниды платили эфталитам вплоть до 60-х годов VI в. Однако в отличие от Римской империи Иранская держава не рухнула под давлением варварских племен.

2. ОБЩЕСТВЕННОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО САСАНИДСКОГО ИРАНА

Для раннесасанидского периода характерно сохранение трех основных зон позднепарфянской эпохи: зоны самоуправляющихся городов (преимущественно на западе), зоны полузависимых царств и владений (*шахров*) — по всему Ирану — и зоны царского домена (*дастакерта*). Однако эта структура постепенно нарушается.

Картина гибели самоуправляющихся городов, вероятно, наиболее наглядна. Они начали терять свои органы управления еще при парфянах, а распад Парфии привел к ослаблению экономических связей и торговли. После объединения Ирана под властью новой династии в областях, которые в середине III в. становятся доменом царя царей, старые города запово «основываются», получая имена шаханшахов и, вероятно, теряя самоуправление. Создатель монархии Арташир I «осповал» лишь три города на западе Ирана, тогда как его сын Шапур I, расширив границы дастакерта, «осповал» уже 16 городов как на западе, так и на востоке страны. Отныне ими стали управлять *шахрабы* — государственные чиновники, осуществлявшие в городах и округе как гражданскую, так и военную власть. Сельская округа, приписанная к этим городам, перешла в ведение центральной администрации.

Таким образом, вместо самоуправляющихся городов селевкидской и парфянской эпох, которые помимо центрального правительства осуществляли контроль над значительными территориями, в сасанидскую эпоху возникают города — ставки центрального управления. Вместо «союза» царя и городов теперь характерны расширяющийся царский дастакерт и гибнущие «вольные» города. В III—IV вв. институт шахрабов становится важнейшим в системе сасанидской администрации. Однако и этот институт, развитие которого тесно связало прежде всего с расширением царского домена, теряет свое значение, видимо, уже в конце IV в.

К моменту захвата власти Сасанидами в Иране было велико число «союзных» полузависимых царств и областей. Некоторые из них были просто крупными имениями, охватывавшими ряд сельских общин, но хозяева имений действовали в них как маленькие государи. Уже в системе парфянского государства они были столь независимы, что от политической ориентации того или иного царька иногда зависела судьба царства. Тенденция отдельных правителей к сепаратизму проявлялась в любой сложной политической ситуации. В сущности, и переход власти в Иране от парфянской династии к сасанидской, первоначально захватившей власть в Парсе, был проявлением именно такой тенденции, бывшей чертой процесса феодализации общества.

Сасанидский период характерен постепенно растущей централизацией, однако и раннесасанидское государство первоначально представляло собой лишь федерацию отдельных царств и более

мелких владений, находившихся в разной степени зависимости от центральной власти, по-разному связанных с ней экономически. В раннесасанидских надписях все еще упоминаются прежние местные полузависимые «цари» в различных областях Закавказья, Ирана, Месопотамии. Однако уже при Шапуре I была уничтожена самостоятельность ряда шахров. Часть ранее автономных царств (например, Сакастан) стала управляться сыновьями царя царей Ирана. Лишь царство Элимаида¹ в Западном Иране просуществовало до середины IV в., и цари Элимаиды, так же как и владельцы завоеванных Сасанидами кушанских земель, сохранили право выпуска собственной монеты.

Управление важных областей сасанидскими царевичами, как и сходный по функции и возникший в результате той же ситуации институт шахрабов, прекращает свое существование к концу V в. На быстрый процесс феодализации указывает растущий сепаратизм владельцев отдельных шахров и более мелких областей. Он проявлялся по-разному, например в попытке некоторых царевичей присоединить к своим шахрам соседние территории или во внутриаппатной борьбе. Так, в 282 г. сасанидский наместник восточных провинций, двоюродный брат шахашшаха Варахрана II Хормизд попытался даже захватить престол Ирана. Восстание было подавлено, и Хормизд был казнен. Подобные восстания известны и в более позднее время. Тенденции к сепаратизму проявились особенно бурно в конце V в.

Согласно позднейшим зороастрийским дидактическим сочинениям, все население Ирана делилось на четыре сословия: жрецов, воинов, писцов и земледельцев. Это деление, восходящее к религиозным представлениям «Авесты», естественно, не отражало реальной классовой стратификации сасанидской эпохи, но освящалось религией и традицией. Многие вельможи и землевладельцы принадлежали к воинам, государственные чиновники и придворные формально входили в сословие писцов, зороастрийские жрецы составляли особое сословие, а врачи, астрологи, купцы, ремесленники — в податное сословие земледельцев, так же как и рядовые крестьяне. Зороастризм в его новой, догматической форме стал при Сасанидах государственной религией; жрецы (*маги*) были наставниками царя царей и цариц, сосредоточили в своих руках судопроизводство и образование.

Представители рода Сасанидов — *васпухры*, высший ранг знати — *вазурги*, а также мелкие землевладельцы — *азаты* (букв. «свободные») составляли высший разряд иранского общества эпохи Сасанидов. Владетельные принцы, шахрабы и другие вельможи, составлявшие высшую знать, образовывали совет царя царей с правом голоса по местнической системе. Каждый вельможа имел определенное место в зале совета в зависимости от его знатности. При дворе армянских Аршакидов, обычан кото-

¹ Иногда его неправильно отождествляют с древним Эламом, хотя оно находилось к северу от него (древнее Эллипи).— *Примеч. ред.*

рого были сходны с сасанидскими (видимо, продолжавшими парфянские), зная, имевшая право заседать в царском совете, получала отличительные знаки своего ранга (трон, подушку и почетную головную повязку — диадему). Младшие цари, кроме того, восседали на драгоценных тронах, которые им даровал шаханшах за особые отличия². При дворе существовал сложный церемониал с целой иерархией придворных должностей.

Создание Сасанидской державы было попыткой создать централизованную империю, которая (подобно Танской в Китае) была бы основана на рабнефеодальных общественных отношениях.

В середине III в. в Иране происходит значительное перераспределение земельного фонда. Растет царский дастакерт, постепенно охвативший значительную часть территории государства. Расширение царских земель шло за счет сокращения уделов крупной знати (прежде всего владений тех представителей знатнейших парфянских родов, которые не поддерживали династию) и земель, приписанных ранее к самоуправляющимся городам. Однако в то же время источники отмечают крупные и все увеличивающиеся пожалования земель из этого фонда как знати, так и храмам. В особенности растет землевладение зороастрийских храмов. Шаханшах жалует храмам не только земли, но и стада, сады, виноградники, рабов и т. д. Из этих царских пожалований, а также из дарений знати на благотворительные цели и отправление определенных литургий складывались весьма крупные владения. Основной доход с этого имущества шел храмам, а на долю жертвователя оставался очень небольшой процент. В одной из своих надписей Шапур I объявил, что он жертвует храмам и этот процент, который составлял ежегодно тысячу ягнят, более двух тонн зерна и громадное количество вина.

Существовали и частные дастакерты; иногда они могли включать целые провинции, иногда же ограничивались крохотным участком земли. Сохранились стандартные описания дастакертов, принадлежавших мелкопоместному дворянству — азатам. Как правило, в него включался участок земли с арыком (часто арык проходил по нескольким дастакертам, и существовали строгие правила пользования арычной водой для орошения), виноградник и фруктовый сад. Преимущественно из фонда царских земель выделялись наделы под условием службы в государственном аппарате или войске, вначале на время отправления должности или с определенной целью (например, «надел на обмундирование всаднику»); затем они становились наследственным владением.

² Этикет сасанидского двора был во многом заимствован Римской империей и Византией. Эдиктом Диоклетиана императору был присвоен царский венек — золотая диадема с драгоценными камнями — и был принят обычай падать ниц перед императором и лобызать край его одежды.

Большие массивы земель все еще находились во владении свободных сельских общин. С течением времени этот земельный фонд также сокращался. Земли общин передавались в условное частное владение знати, иногда — крупному чиновничеству с правом сбора палогов и собственной юрисдикцией. Постепенно такие земли становились фактической собственностью владельцев. Изменение характера собственности на землю и типичное для феодального общества совмещение права собственника с политическими и судебными правами хорошо прослеживается в позднесасанидскую эпоху.

В некоторых крупных частновладельческих хозяйствах, в особенности в западных районах Ирана, использовались рабы, хотя нет достоверных свидетельств о том, что рабский труд являлся основой их экономики. Напротив, уже к III в. восходят данные источников о частичном освобождении рабов, разделе их земель для ведения собственного хозяйства. «Рабское служение» в таких случаях занимало от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{10}$ времени раба и часто конкретно выражалось в предоставлении ему определенной доли дохода с участка, который он возделывал, что постепенно приближало его в социальном смысле к закрепощенному общиннику. Чаще всего рабы использовались в ремесле и домашнем хозяйстве. В раннесасанидский период известна и практика поселения военнопленных на царских землях; та же практика существовала в крупных хозяйствах вельмож. Рабы имелись также в храмовых хозяйствах, причем иногда «рабами» храма становились (по разным причинам) даже крупные вельможи. Их «рабская служба» заключалась в том, что они возводили на свои средства различные постройки (например, «храмовым рабом» был знаменитый деятель сасанидской эпохи, глава всего хозяйства империи Михр-Нарсе).

О палогообложении податного населения в Иране данные для периода III—V вв. отрывочны и неполны. Податное население платило налоги в зависимости от урожая; земельного кадастра не существовало. Лучше известно о налогах, которые собирались с «иповерцев» — иудеев и христиан, проживавших на территории всего Ирана. Юрисдикция зороастрийского жречества не распространялась на приверженцев других религий — иудеев, христиан и т. п., живших в пределах державы в довольно значительном числе, особенно в западных областях. Сирия (включая в то время уже и всю Верхнюю Месопотамию) была сплошь населена христианами, сначала признававшими византийское православие, а с конца IV и в V в. разделившимися на ряд враждующих сект (несториане, яковиты, монофизиты, православные-мелкиты). Много христиан было в Хузестане и других западных областях Ирана, а в Нижней Месопотамии несколько городов было целиком населено евреями, рассеянными также и по другим областям. Нередко иповерцы подвергались преследованиям со стороны сасанидского правительства. Они были всегда готовы к изгнаниям и переселениям и обзаводились скорее движимым,

чем недвижимым имуществом. Поэтому христиане, евреи, а позже и манихеи составляли в значительной части ремесленное и торговое население. Многие сведения о городской жизни сасанидского Ирана историки черпают из религиозно-правовых иудейских писаний — Талмуда, часть которого была составлена в позднепарфянский и сасанидский периоды в Вавилонии.

Как евреи, так и христиане имели самоуправление во внутренних религиозных и гражданско-правовых делах. Во главе евреев стоял «начальник изгнания» — *реш-галута*, во главе христиан — епископы. Они же отвечали за сбор податей со своих единоверцев. Известен, например, конфликт между шаханшахом Шапуром II и епископом Ктесифона Симеоном бар Саббой, происшедший около 340 г. Царь приказал наместнику Хузестана арестовать Симеона, пока он не представит подать с христиан за очередной год раньше срока и в двойном размере против обычного — государству нужны были деньги для ведения войн на Западе. Отказ Симеона, который он обосновывал общицием христиан в результате непосильных «царских работ» и общего разорения края в связи с войной, повлек за собой его публичную казнь, а также разрушение христианских храмов. Отказ христианских клириков от уплаты повышенных податей рассценивался как государственная измена, а христиане обвинялись в том, что являются «друзьями римского императора». Вероятно, сходная практика сбора налогов с христиан-ремесленников и торговцев отражена в подписях различных «глав» и «старшин» под актами христианских соборов. Среди них встречаются «глава ювелиров», «старшина серебряников», «старшина торговцев» и др. Это религиозные главы ремесленников и торговых корпораций, ответственные перед центральной администрацией за налоги на корпорацию, а также за качество ремесленной продукции. Аналогичное положение было и в иудейской религиозной общине.

Корпорации существовали не только у христиан и иудеев. Все они объединялись в общее «собрание» ремесленников того или иного города или провинции, «глава» которого (независимо от вероисповедания) был ответствен перед специальным государственным чиновником — «главой ремесленников». Налоги с целых областей в отдельных случаях могли фактически отдаваться в откуп.

3. МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ

Международная торговля сохраняла при Сасанидах огромное значение. Важнейшие пути, пересекавшие Иран, сложились в основном к началу I в. н. э. Ответвление «царской дороги» от Герата (ныне в Афганистане) шло на север, к Мерву, и далее в Самарканд, где этот путь, вероятно, сливался с Шелковым путем из Китая по оазисам Восточного Туркестана. Районы Малой

Азии и Сирии связывались с Шелковым путем сухопутной дорогой вдоль Евфрата, выведившей к гаваням Персидского залива, или древней караванной дорогой из Сирии через Иран. Вне контроля Парфии и сасанидского Ирана были морской путь в Индию (через Красное море и Персидский залив), вновь открытый к середине I в. н. э., а также «Путь благовоний» — караванный путь из приморской Сирии в Южную Аравию.

Главными международными товарами были предметы роскоши — китайский шелк-сырец, торговля которым осуществлялась при посредничестве согдийских торговых факторий, распространившихся по трассе Шелкового пути, а также индийские товары, попадавшие в Иран преимущественно сухопутным путем, — драгоценные камни, благовония, опиум, пряности. Особую торговую активность и в парфянский, и в сасанидский периоды проявляли христиане-сирийцы (арамеи), торговые поселения которых существовали не только в городах Месопотамии, но и на востоке Ирана, в Средней Азии, а в более позднее время — вплоть до границ Китая.

Международная торговля Ирана была в основном караванной; плавание иранских купцов по Персидскому заливу были перегуляры. Караваны из Месопотамии доставляли в восточные области Ирана сирийское стекло, шелковые ткани египетской и малоазиатской работы, сирийские и египетские шерстяные ткани (начиная с IV в. к ним, вероятно, прибавились и иранские), изделия из металла, вино, масло. Далее эти товары переправлялись, главным образом караванами местных купцов, в Китай и Индию. Прежде чем заключался тот или иной торговый договор, необходимо было установить характер товара — «надежный» или «ненадежный». «Ненадежными» считались прежде всего товары международной караванной торговли; они подвергались таким опасностям, как «море», «огонь», «враги» и «власть». Сильнее стихийных бедствий были, конечно, опасности, зависевшие от «власти»: бесконечные пошлины, которые приходилось платить на любых границах и в любых городах, государственная монополия на продажу определенных товаров (прежде всего на шелк-сырец), военные действия в районе караванной торговли и т. д. В эпоху общеэкономического кризиса III в. на Ближнем Востоке караванная торговля почти прекратилась. Однако с образованием сасанидского государства она вскоре была снова налажена. Как и раньше, главным товаром был шелк; шелковыми тканями платили налоги, ими одаривали послов и монархов, покупали союзников, расплачивались с солдатами.

Кроме сведений разноязычных письменных источников о торговле Ирана своеобразными свидетельствами о ней являются глиняные буллы (ярлыки) с оттисками печатей, обнаруженные при раскопках городищ сасанидского времени. На буллах отсиснуты печати различных частных лиц, составлявших «торговую компанию», и, как правило, одна официальная печать (только с надписью, без изображения), принадлежавшая должностному ли-

пу и удостоверявшая достоинство товара. Булла сопровождала тук с товаром, служа гарантией, а после того как товар был продан — отчетным документом: печати, оттиснутые на булле, показывали, кому и какое количество долей прибыли следует получить.

Как и в парфянский период, в сасанидскую эпоху известны крупные международные торговые рынки. Но международная торговля была тесно связана с политикой: медь и железо считались «стратегическим товаром», и византийские императоры запрещали продавать их персам.

4. РЕЛИГИЯ ИРАНА

В сасанидский период зороастризм становится государственной религией. Свидетельством этому является принятый Арташиром I после коронации новый, зороастрийский, царский титул — «Поклоняющийся (Ахура-)Мазде...» — и основание им «царского» (коронационного) храма огня, ставшего общегосударственным святилищем. В это время Арташир сосредоточил в своих руках не только гражданскую и военную, но и религиозную власть. В списках его двора нет титула «верховный жрец», как нет его и в списках двора его наследника Шапура I. Первоначально зороастризм сасанидских монархов отражался в их официальных памятниках лишь посредством титулатуры и символов. Зороастризм раннесасанидского времени был сходен с его формами в парфянское время. В нем, бесспорно, существенную роль играл культ не только Ахурамазды, но и Анахиты, в то время преимущественно богини войны и победы, и культ бога Митры. Несколько позже большое значение приобрел и культ самого Арташира I, храм которого в гроте Накш-и Раджаб долго почитался.

Все это было фоном деятельности первого реформатора сасанидской религии — жреца Картира, карьера которого началась, вероятно, в последние годы царствования Арташира I. Тогда он имел скромное звание *хербед* — нечто вроде учителя при храме, знакомящего будущих жрецов с зороастрийским ритуалом. Картир возвысился при Шапуре I, который поручил ему организацию зороастрийских храмов и жреческих общин в Иране и в завоеванных областях. Заняв выдающееся положение в государстве, став духовником внука Шапура II, Варахрана II (276—293), который занял престол Ирана при его активном содействии, затем «владыкой» храма Анахиты в Стахре, родовом святилище Сасанидов (и до и после него жрецами здесь были сами шаханшахи Ирана), затем единственным толкователем «воли богов», вершителем судеб всего государства, Картир, уже глубокий старик, вероятно, был убит при очередном государственном перевороте.

Его жизнь и деяния по созданию государственной религии и организации церкви и провозглашенная им «исповедь веры» изложены в надписях самого Картира, где он молит богов, чтобы они дали ему возможность объяснить «живущим», в чем состоит божественное воздаяние праведникам, чтобы боги открыли ему «существо» ада и рая, чтобы с божественной помощью Картир показал, «каких божественных дел ради, что именно сделано, чтобы для них (т. е. для «живущих») все эти дела стали бы твердо установленными». Далее Картир подробно рассказывает о том, что с помощью богов он (вернее, его «двойник»-душа) якобы совершил путешествие в потусторонний мир к престолу Ахурамазды в сопровождении персонификации зороастрийской веры — Наиблагороднейшей Девы. У некоего золотого трона происходит пир, и здесь же находятся весы (на них божество Рашну взвешивает добро и зло). Здесь же находятся души праведников, достигшие этого почета благодаря исполнению определенных ритуалов и исповеданию определенных религиозных догматов. Отсюда, совершив ритуальную трапезу, эти души (в том числе и «двойник» Картира) проходят по мосту Чинват в рай.

Таким образом, Картир считал себя пророком, подобным Заратуштре. Вот как завершается текст его надписей: «...и тот, кто эту надпись увидит и прочтет, тот пусть по отношению к богам и владыкам станет благочестивым и справедливым. И также в этих именно молитвах и догматах, в делах религиозных и вере, которые теперь установлены мной для жителей этого земного мира, пусть он станет более твердым, а другие (молитвы, дела и веру) — пусть не исповедует. И пусть он знает: есть рай и есть ад, и тот, кто избрал добро, пусть попадет в рай, а тот, кто избрал зло, пусть в ад будет низвергнут. И тот, кто избрал добро и неуклонно следует по пути добра, брренное тело того человека достигнет славы и процветания, а душа его достигнет праведности, чего и я, Картир, достиг».

Картир был не только создателем первого канона государственной религии, но еще более политиком. В своих надписях он пишет об основных итогах своей деятельности по созданию государственной религии: «И от шахра к шахру, от области к области, по всей стране дела Ормизда (Ахурамазды) и богов возвысились, и вера и маги получили по всей стране великое господство... И Ахриман (Ангхро Манью) и дэвы получили великий удар и мучение (?), и вера Ахримана и дэвов отступила из страны и была изгнана. И иудеи, и буддийские жрецы, и брахманы, и назареи (по-видимому, гностическая секта мандеев.— В. Л.), и христиане... и зиндики (=манихеи) были разбиты, а изображения (их) богов разрушены, и убежища дэвов (=ложных богов) были разрушены... И от шахра к шахру, от области к области многие... храмы были основаны...» (далее перечисляются области, захваченные войсками Шапура, где насильственно насаждался зороастризм).

Картир проводил свою реформу в весьма напряженной обстановке — при дворе Шапура I во время его коронации был принят еще один пророк и создатель собственной религии — Мани, пропаганда учения которого была разрешена по всему Ирану. Это было вызвано прежде всего тем, что завоевания Сасанидов открыли для Ирана новые идейные горизонты: христианство, гностические учения, неоплатонизм, древневосточные космогонические и космологические идеи, различные толки зороастризма, иудаизм. Возможно, что именно политический расчет создать идеологическую основу власти не только в Иране, опираясь на такую веру, которая могла бы всюду стать популярной, заставил Шапура принять Мани и разрешить пропаганду его учения. Обрывки когда-то обширной манихейской литературы и произведения противников манихейства дают нам представление об учении весьма сложном и очень противоречивом. Применяв сирийский алфавит для записи религиозных текстов на среднеперсидском языке, Мани особенно подчеркивал, что его учение в отличие от учения зороастризма записано самим пророком и поэтому едино. Но на самом деле манихейство было разным в разных странах. Принцип веры заключался прежде всего в том, что она должна быть понятной «в любой стране, на любом языке». Но вскоре вера Мани обрела повсюду собственную судьбу. В Месопотамии манихейство успешно соперничало со многими гностическими школами; например, оно было похоже на учение маркионитов, которые, как и манихеи, утверждали, что кроме бога, творца телесного мира, мира зла и скверны, есть еще более высокий бог, проявляющий себя в благодати и доброте. В учении Мани можно было пойти идеи, сходные с идеями неоплатоника Плотина; манихейские книги много говорили и о Христе. Главная проблема, которая ставилась Мани, одинаково волновала тогда и гностиков и христиан: в мире существуют добро и зло, ибо он создан из двух начал; высший бог не мог создать зла в мире, значит, он не создал и мира. Материя существует помимо бога, а человек — это «смесь материи и сияния горного света». В зороастрийской среде учение Мани тоже казалось знакомым. Верховное божество манихейского пантеона выступало под именем Зрвана — Божественного Времени, почитавшегося в некоторых зороастрийских толках, а первым, вступившим в бой с силами тьмы, был Ормизд, т. е. Ахурамазда. Но зороастризму было чуждо отрицание возможности участия человека в конечной победе добра над злом.

Так же как и в христианстве, иудаизме и зороастризме, в учении Мани содержалась идея Страшного суда, идея прихода мессии; последователи Мани признавали Христа, Будду, Заратустру. Сам Мани писал об этом так: «Мудрость и (добрые) дела неизменно приносились людям посланниками бога. Раз они были принесены в Индию через посланника, именуемого Буддой, другой раз — в Иран через посредство Зардушта (=Заратустры), другой раз — в страны Запада через посредство Иисуса.

В настоящий последний век написано вот это откровение в страну вавилонскую и объявилось пророчество в лице моем, Мани, посланника бога Истины». По учению Мани, основное в человеке — даже не душа, которая, как и весь мир, порождена злом, а «искра божьего света», и задача истинного праведника — способствовать ее освобождению. Этого можно достичь лишь крайней степенью аскетизма. Истинный праведник, кроме того, должен поститься определенное количество раз в году, исповедоваться главам общин, заботиться об «избранных», т. е. о религиозных наставниках. «Избранные» должны воздерживаться от некоторых видов пищи, соблюдать обет безбрачия, не должны даже касаться руками всего «тленного и злого». Их задача — молиться за свою паству, за то, чтобы души попали в «царство света», пройдя предварительно целый цикл превращений, являясь на земле снова и снова, пока наконец сами не станут «избранными». Основной акцент учения Мани — крайний пессимизм, отрицание любых активных действий (кроме проповеди учения), замкнутость и обособленность (последователь учения, например, не должен делать добра никому, кто «против священного долга»). В III в. учение Мани возбудило в Риме и в Иране интерес горожан и простого народа, но преимущественно все же образованных людей, потому что тогда эта вера была еще во многом философией. Громадное значение для распространения манихейства в это время имела гибкость организации его адептов и в особенности хорошо поставленная пропаганда. На востоке Ирана при жизни Мани действовали двенадцать проповедников его идей; в Мерве, тоже при жизни Мани, существовала большая манихейская община, многочисленные общины были в Месопотамии.

Стройная замкнутая структура общин последователей учения Мани, таинственность мистических обрядов, изучение «гороскопа, судьбы и звезд», слава манихеев как превосходных врачей, знающих самые сильные заклинания, — все это привлекало к ним и тех, кому не было дела до «познания сущности бытия». Но разные школы и секты манихеев развивали свои особые идеи, во многом отличные от первоначальных. Западные общины манихеев были особенно близки к иудео-христианам, на Востоке они ближе смыкались с различными неортодоксальными сектами зороастризма.

В хаосе различных вероучений, сект и школ эпохи падения эллинизма шли поиски единого «религиозного языка», напряженная борьба, ценою больших жертв подготовившая почву для успеха «великих религий». Но именно зороастризм как религия, традиционная для Ирана, мог скорее всего занять в переработанном виде место идеологического фундамента централизованного государства, и поэтому увлечение манихейством Шапура I и части иранской знати было лишь эпизодом. Во вновь завоеванные области вместе с сасанидскими войсками шли и зороастрийские жрецы Картира.

Судьба «пророка» Мани была трагична. Он был казнен через несколько лет после смерти своего царственного покровителя; его учение было объявлено вреднейшей ересью, и, несмотря на отдельные благоприятные для манихеев обстоятельства, члены этой секты (*зиндики*) вынуждены были действовать тайно.

Манихейство — одно из тех учений, которые Картир называл «верой дэвов». Другим учением, стоявшим в оппозиции к зороастризму, но гораздо более распространенным, было христианство (в надписях Картира «назарей и христиане»). Христианские общины (часть из которых затем оформилась в епископства) появились в Иране в начале III в. Их роль в жизни империи особенно усилилась в IV в., когда было основано много новых христианских общин по всему Ирану вплоть до Мерва. Сасанидские монархи преследовали христиан, исходя из принципа, который поздние авторы приписывают Шапуру II: «Они населяют нашу землю, но разделяют чувства императора, нашего врага».

В 484 г. сирийская церковь в Иране официально приняла несторианское вероисповедание, в византийском православии считавшееся ересью, и порвала с византийской церковью. Кроме того, в Иране и особенно в Закавказье (в Армении и Албании) был распространен монофизитский толк христианства, который в Византии также считался еретическим. В конце V в. несториане и монофизиты были легализованы иранским правительством.

Громадная роль Картира при дворе первых сасанидских монархов привела к тому, что государство быстро шло к теократии. Молодой шаханшах Варахрам II полностью пахотился под влиянием Картира и его партии, провозгласившей даже доктрину «идеального государя». Согласно этой доктрине, государь должен быть религиозен, всегда доверять своему духовному пастырю, действовать согласно догматам веры. Но переворот Нарсе (293 г.) привел, в частности, к реставрации династийного культа — жрецами Анахиты снова стали сами повелители Ирана, и в Нарсе на рельефе в Накш-и Рустаме Нарсе венчала на царствование эта богиня. «Реставрация» подвела итог и напряженной борьбе различных придворных групп и жречества, разгоревшейся вокруг компетенции власти царя царей, — вновь возобладали идея единства «светской» и «духовной» власти шаханшаха.

Новая реформа зороастризма, предпринятая главным жрецом страны (*магупатом*) Атурпатом Михраспапдапом, являлась результатом этих событий и также сопровождалась разного рода «чудесами». Ее существо в формулировке зороастрийских жрецов мало отличалось от реформы Картира: действуя по приказу Шапура II, Атурпат «очистил от скверны и напово возродил древнюю веру», проведя новую кодификацию «Авесты».

Имя Атурпата — одно из самых почитаемых имен в позднезороастрийской традиции, а имя первого реформатора, Картира, не упоминается ни в одном религиозном сочинении, ни в одной исто-

рической хронике, ни в одном предании. Для жрецов позднезороастрийского периода такого человека не существовало — его место занял мифический Тусар, абстрактный «идеальный религиозный подвижник», всю свою жизнь якобы посвятивший собиранию и изучению разрозненных остатков «Авесты» и прославленный в позднесасанидском сочинении «Тусар-намак» (не ранее VI в.), наполненным его скучными проповедями, оправдывавшими любое деяние шаханшаха.

Реформа Атурпата прежде всего коснулась *магустана* — зороастрийской церкви. При дворе шаханшахов появляются несколько *магупатов* различных областей Ирана, а сам Атурпат получает титул *магуната магупатов* (по аналогии с титулом «царь царей»). О некоторых повшествах, введенных Атурпатам, можно судить по косвенным данным. Так, например, не случайно в это время и в религиозном искусстве, и в литературе становится популярным олицетворение божества «царской предпачечности» и символа царского благополучия — Хварены: в силу ряда политических причин именно в IV в. сасанидские шаханшахи стали возводить свою генеалогию к древним царям ахеменидского времени — «Дариям» (случайные сведения о которых сохранила традиция) и «Кейанидам» (т.е. Кавианидам, полумифической династии царей, известной из «Авесты»). В созданном в это время варианте «Карнамака» («Книги о деяниях Арташира I» — романа, где говорилось о приходе к власти династии Сасанидов) «царская Хварена» в образе барапа сопутствовала первому сасанидскому шаханшаху.

В IV в. по всему Ирану распространяется и новый тип зороастрийских храмов — открытые со всех четырех сторон павильоны (так пазываемые «четыре арки»), совершенно непохожие на традиционные храмы позднеахеменидской и раннесасанидской эпох.

5. ПОЗДНЕСАСАНИДСКАЯ ДЕРЖАВА

В V в. в Иране завершается установление раннефеодальных социально-экономических отношений и возрастает политическое могущество земельных магпатов. Следует лишь вкратце упомянуть об историческом эпизоде маздакитского движения и о последнем возвышении централизованной сасанидской монархии.

После поражения шаханшаха Пероза в борьбе с эфталитами (484 г.) его сын Кавад остался у них заложником. Когда же преемник Пероза был ослеплен и низложен знатью, заговорщики возвели на престол Кавада, прибывшего с эфталитскими отрядами. Умный и тонкий политик, Кавад ясно сознавал опасность оказаться марионеткой в руках сильных вельмож. Чтобы ослабить их, он, с одной стороны, организовывал придворные интри-

ги, а с другой — пожелал воспользоваться демагогическими лозунгами жреца одного из зороастрийских храмов, Маздака, который в то время начал проповедовать свое учение. В нем было сравнительно мало нового. Религия, к исповеданию которой призывал Маздак, была, разумеется зороастризмом, но с добавлением некоторых идей из проповедей Мани и неортодоксальных школ зороастризма. В отличие от манихейства, однако, Маздак призывал к активным действиям верующих для окончательной победы «царства света» (порождением «царства света» признавалась, в частности, и «сильная и разумная» царская власть). Подлинное царство «силы и разума», по этому учению, должно быть построено на всеобщем равенстве и уравнительном распределении жизненных благ и должно наступить в ближайшее время. По-видимому, самого Маздака прежде всего интересовали вопросы веры, участия зороастрийских жрецов в политической и экономической жизни страны, влияния верховного жреца на шаханшаха, характера центральной власти. Но новое религиозное учение в условиях феодализации общества, крупных неудач во внешней политике, голода, неурожая стало идеологическим знаменем открытого восстания крестьян и городской бедноты.

Сделав Маздака своим ближайшим советником и пожаловав ему титул верховного жреца, Кавад хотел воспользоваться его авторитетом и абстрактными призывами к общему благу и равенству, чтобы нейтрализовать оппозицию при дворе и среди духовенства. Для него это было временной политической акцией, направленной на ослабление позиции крупных вельмож, превратившихся к тому времени почти в независимых правителей в своих землях, и получение широкой опоры у азатов и служилой знати. Но вскоре движение уже нельзя было втиснуть в рамки контролируемого процесса. Лозунг об уравнивании собственности у богатых и бедных, возможно, был лишь «революционной интерпретацией» в низах зороастрийских формул о духовном равенстве, но он пользовался большой популярностью, и сторонники Маздака получили на время безраздельную власть в стране. Размах движения потребовал консолидации сил знати. В 496 г. царский совет сместил Кавада с престола и заточил его в тюрьму. На престол Ирана был возведен брат Кавада. Однако, бежав из тюрьмы, Кавад опять получил помощь у государя эфталитов, на дочери которого он был женат, и в 499 г. при поддержке эфталитских отрядов снова занял престол Ирана. Но в новых обстоятельствах он не мог уже поддерживать маздакитов. Широкие реформы налогообложения, объявленные Кавадом (их провел в жизнь его сын Хосров I), откололи от крайних маздакитов мелких землевладельцев. За прошедшее десятилетие мелкопоместная аристократия заняла ключевые позиции и в армии, и в администрации и могла стать сильной опорой центрального правительства. Кавад отходит от маздакитов. В 528 г. после диспута между зороастрийскими жрецами и Маздаком последний был

признан «отступником от праведной веры», схвачен и казнен. Его последователей ждала жестокая кара³.

С подавлением движения маздакитов процесс феодализации Ирана можно считать законченным. Закреплению нового социально-экономического порядка, прежде всего в интересах мелкой феодальной знати, служила сильная централизованная царская власть, установившаяся при последних Сасанидах и направленная на подавление сепаратизма крупных феодалов. Как на всем Ближнем Востоке, в Иране средневековые наступило в результате внутренних процессов.

6. КУЛЬТУРА САСАНИДСКОГО ИРАНА

Выше уже говорилось о реформах зороастризма, проведенных Картиром и Атурпатом. Уже к позднесасанидской эпохе относится введение так называемого авестского алфавита, созданного специально для записи зороастрийских религиозных текстов. Это дало возможность главному жрецу Ирана при Хосрове I, Вех-Шапуру, с комиссией жрецов — знатоков «Авесты» предпринять письменную новую кодификацию священных текстов, язык которых давно уже был не понятен никому, кроме жрецов. Записанная новым алфавитом, «Авеста» была разделена на 21 *наск* (часть)⁴ и в важнейших частях переведена с древнего языка на среднеперсидский язык эпохи Сасанидов. Перевод был абсолютно дословным: каждое авестское слово переводилось соответствующим среднеперсидским. В результате был получен столь сложный и темный по смыслу текст, что он потребовал подробнейшего комментария — *зенда* («разъяснения»), хотя иногда вставшие в тупик комментаторы вынуждены были писать: «мне это неясно». Тогда же был создан словарь авестских слов с их переводом на среднеперсидский.

³ Роль Маздака как политического главы широкого народного движения должна быть отделена от его роли реформатора зороастризма. Поздние источники, несомненно, сильно искажают учение Маздака. Это, вероятно, касается и «общности женщин» — одного из наиболее распространенных обвинений против маздакитов. Возможно, какие-то попытки изменить сложное сасанидское брачно-семейное право были истолкованы как «проповедь разнузданности». Сам Маздак считал, что восстанавливает первоначальное учение Заратустры.

⁴ Помимо богослужебных текстов «наски» включали в себя ныне по сохранившимся разделы о мироустройстве, предсказания конца мира, разделы по истории, толкование законов, выдержки из древних мифов и эпосов. Здесь были использованы работы греческих и индийских философов, математиков, медиков, астрономов и астрологов, обычно переведенные с сирийского в V—VI вв. Сверх дошедших до нашего времени четырех «насков» самой «Авесты» о позднем зороастризме и позднесасанидском обществе мы знаем из судебного VI (?) в. н. э. — «Сборника тысячи судебных решений», из поздnezороастрийских правоучительных и религиозных сочинений, из сообщений мусульманских авторов.

Сасанидское искусство возникает как бы внезапно. В царствование пяти первых шаханшахов в различных районах Парса было создано тридцать громадных скальных рельефов. На них, а также на монетах, резных камнях-печатах и серебряных чашах за какое-то десятилетие сформировались новые для Ирана каноны «официального портрета» царей, вельмож и жрецов, каноны образов основных зороастрийских божеств — Ахурамазды, Митры и Анахиты. В сасанидском искусстве заметно влияние Кавказа, Средней и Центральной Азии, а его влияние, в свою очередь, ощущается на обширной территории от Атлантики до Китая.

Копирование ахеменидских персепольских дворцов или использование в строительстве отдельных фрагментов их каменного убранства свидетельствует о попытке подражания великим памятникам прошлого. Но, быть может, и о сознательном стремлении подчеркнуть преемственность власти над Ираном говорит создание одного из первых сасанидских религиозных комплексов — Накш-и Рустам в царской святыне ахеменидской эпохи. Под гробницей Дария I и рядом с гробницами других ахеменидских царей помещены восемь сасанидских рельефов, представляющих сцены божественного венчания на власть Ахурамаздой основателя государства Арташира I, Анахитой — его внука Нарсе, триумфа над римским императором Шапура I и несколько других триумфальных сцен. Некоторые из олицетворений различных зороастрийских божеств, распространенные в искусстве Ахеменидов, были перенесены в сасанидское искусство. Среди них — крылатые быки, крылатые и рогатые львы, грифоны, львы, нападающие на быка, и др.

Не меньшим, чем вклад Ахеменидов, был вклад искусства парфян и восточноримских провинций. Рельефы парфянской эпохи отражают, в сущности, те же идеи, что и рельефы сасанидских шаханшахов: они также прокламировали законность династии и победы царей.

Влияние искусства восточноримских провинций наиболее ярко отразилось в Бишануре, городе, построенном Шапуром I руками римских пленных. Мозаики, украшавшие пол парадного зала дворца, выполнены в сирийско-римском стиле, их сюжеты те же, что и на современных им мозаиках Антиохии. В сохранившихся частях, исполненных, видимо, сирийскими художниками, представлены портреты актеров и театральные маски, танцовщицы, музыканты, цветы, фрукты. Вероятно, персы хотели изобразить один из самых значительных зороастрийских праздников — осенний праздник Михраган, и, быть может, потому их выбор склонился к сюжетам, связанным на Западе с дионисийским культом. На части металлических изделий и сасанидских печатей также изображаются такие «западные» персонажи, как эроты, пегасы, сфинксы, которые включены в зороастрийскую религиозную иконографию.

Захват восточных территорий в конце IV в. не мог не повлиять на сасанидскую идеологию, религию, искусство — ведь

речь шла о «священных зороастрийских землях», где Заратуштра проповедовал свою веру Кави Виштаспе — царю из династии Кавианидов. Приблизительно в IV в. создается новая династийная доктрина — сасанидские монархи связывают себя с династией Кави Виштаспы, повышается интерес к легендарным частям «Авесты» и эпосу и в искусстве Ирана появляются изображения древних царей-героев и всадники-змееборцы, сражающиеся с ахримановскими чудовищами — драконами.

Из разного рода источников известно около сотни названий различных религиозных, литературных и научных произведений сасанидской эпохи; несколько десятков сасанидских книг разных жанров было переведено на арабский, а затем и на новоперсидский язык в эпоху средневековья. Именно с такими переводами и переложениями позднейшей эпохи чаще всего приходится иметь дело современным ученым. Здесь трудно различить наслоения разного времени, учесть смешение разных стилей и жанров (при переводе со среднеперсидского языка создавались обычно своего рода «свод» или «компендиумы»). Несомненно существование эпоса, наполненного квазиисторическими именами царей, героев и целых династий. Этот жанр литературы был неразрывно связан с религиозными сочинениями, по, по-видимому, не соприкасался с реальной историей, о чем свидетельствует хотя бы то, что генеалогия династии не простиралась далее ближних предков Арташира I.

В раннесасанидских надписях упоминается о «государственных записях, постановлениях и сборниках», которые велись при каждом сасанидском царе. Эти документы были, видимо, чем-то вроде «разрядных грамот», но, возможно, включали в себя и описание основных событий царствования того или иного шаханшаха. Однако это не были летописи, а скорее нечто вроде манифестов. К IV в. восходит первое достоверное свидетельство о беллетризации и объединении их в своды с определенным сюжетом, перенесенным, как правило, в глубокую древность. В середине IV в. секретарь Шапура II Хорбуд перевел на греческий язык произведение некоего Абарсама — своего современника, которое называлось «Правдивое слово». Это был первый вариант «Книги о деяниях Арташира, сына Папака». В нем генеалогия династии простиралась до Ахеменидов («Дариев»)⁵. Это первый известный нам «исторический» официальный роман. В IV—V вв. были составлены восточноиранские эпические циклы, повествующие о мифических «первых правителях». В то же время распространяются среднеперсидские переводы старых парфянских «исторических» поэм, таких, например, как «Воспоминание о Зарере», где рассказывается о битве иранцев за веру Заратуштры с их извечными врагами — «турами» (в сасанидском варианте они названы хионитами).

⁵ О «Дариях» в сасанидское время было, по-видимому, известно не из подлинной исторической традиции, а из какого-то извода позднего греческого «Романа об Александре». — *Примеч. ред.*

ЗАКАВКАЗЬЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ МЕЖДУ ИРАНОМ И РИМОМ. ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ

1. АРМЕНИЯ

Первая половина времени правления аршакидской династии в Армении (64—226) была сравнительно благополучным периодом жизни армянского народа, который, обитая на перепутье стратегических дорог между двумя великими державами — Римом и Ираном, постоянно терпел от военных нашествий и погромов. От признания независимости первого аршакидского царя Армении, Тиридата I (64 г.), и до установления персидской сасанидской династии в Иране (226 г.) за 160 лет было только три серьезных римских выступления против Армении: поход императора Траяна в 115 г., когда была сделана попытка обратить Армению в римскую провинцию; поход соправителя императора Марка Аврелия (161—180), Луция Вера (161—169), в результате которого опять был разрушен столичный город Армении Арташат, и поход императора Каракаллы в 215 г. Ни один из этих походов не повлек за собой уничтожения армянского государства. Отношения его с Парфией, с властителями которой армянских царей связывали тесные семейные узы, обычно были хорошими, конфликты редкими. Парфянские «цари царей», видимо, считали просто «царей» или «великих царей» (как они названы в греческой надписи царя Тиридата) Армении подчиненными себе союзниками, но нет сведений, чтобы они, например, обременяли Армению данью.

Серьезное бедствие представляли собой набеги кочевников из степей к северу от Кавказа через Дарьяльский и Дербентский проходы. Первый набег, совершенный скифско-сарматским племенем аланов, которое пропустил через Дарьял один из иверийских царей¹, омрачил уже правление Тиридата I (в начале 70-х

¹ Иверия была в тот момент разделена на два царства. Второй царь, возможно, выступал против аланов.

годов н. э.; точная дата несколько спорна). Сам Тиридат едва не погиб от аланского аркана; но в целом набег меньше затронул Армению, чем Алванию и Атропатену. Армянским войскам удалось, по преданию, нанести поражение аланам, а также союзным с ними иверам и дагестанским горцам — по-видимому, уже на отходе кочевников. В дальнейшем аланская угроза надолго прекратилась — возможно, отчасти вследствие дружеских и мирных отношений, установившихся с аланами у Иверии. Лишь в 30-х годах II в. аланы вновь вторглись в Алванию, Атропатену, Армению и даже Каппадокию в Малой Азии — снова с ведома иверийского царя (Фарасмана II). Предполагают, что в конце I и во II в. н. э. аланы служили наемниками в войске иверов. Возможно, были и другие аланские набеги.

Но, несмотря на отдельные войны с римлянами и аланами, в целом положение Армении в этот период было хорошим. Здесь процветала транзитная международная торговля: через Армению шли караваны в Рим с железом, драгоценными камнями, с тканями и коврами, иранским жемчугом, индийскими пряностями и слоновой костью, китайским шелком-сырцом и иранскими шелковыми тканями. Навстречу везли итальянскую шерсть, финикийские пурпурные ткани и крашеную шерсть и из разных частей империи — стеклянные, бронзовые и другие ремесленные изделия, вино и оливковое масло. В самой Армении развивалось собственное ремесло и сельское хозяйство. Правда, с караванным путем через Армению конкурировал не менее важный караванный путь из Месопотамии в Сирию, который проходил через оазис Пальмира в Сирийской пустыне².

В идеологическом отношении армяне также не испытывали особого угнетения. Та форма полужычества, полужороастризма, которой придерживались в отдельных центрах Армении, не вызывала беспокойства у соседей — ни у языческого Рима, ни у весьма терпимой в своем жороастризме Парфии, свободно допускавшей, особенно в городах, существование греческих языческих культов.

Это был период сильного культурного влияния Парфии на Армению — влияния, не вызывавшего никакого протеста, поскольку в нем не было ничего насильственного и чуждого правам и интересам ни господствующего класса, ни народа. Доныне в армянском языке сохранились в почти неизменном виде болсо тысячи слов, заимствованных из давно вымершего парфянского, а также из мидийского (атропатенского) языка.

В Армении уже выработался обций — древнеармянский — язык (*грабар*), но своей письменности не было: пользовались греческой, парфяно-арамейской. Эта иноземная графика долго

² Ассортимент грузов, проходивших через Пальмиру, несколько отличался от тех, что шли через Армению. Здесь помимо других товаров, которыми обменивались Восток и Запад, перегоняли скот, провозили южно-аравийские благовония, египетский папирус т. п.

удовлетворяла немногочисленные потребности в составлении письменных документов. Небольшая часть населения была причастна греческой образованности. Государственное устройство и администрация в основном были сходны с парфянскими установлениями, общественно-политическая терминология также была преимущественно парфянской.

Однако к началу III в. в обществе Армении стали намечаться серьезные перемены. В Армении было немного отраслей производства, где экономично было бы применять рабский труд. Страна не располагает широкими плодородными равнинами, где можно было бы создавать сельскохозяйственные рабовладельческие латифундии, а в горах годные для земледелия участки разбросаны, не составляют сколько-нибудь крупных массивов. Поэтому здесь рано стали переходить на систему, которая соответствовала римскому колонату. Рабский труд мог применяться на строительстве, в ремесле (главным образом, очевидно, на подсобных операциях), в горном деле и в домашних работах. Ремесло сосредоточивалось в городах, которые и были оплотами рабовладельческого строя. Но и тут рабов вряд ли было много, так как страна не вела наступательных войн и приток рабов извне мог происходить только за счет покупки. Внешняя же торговля Армении в это время была в основном транзитной, и количество денежных средств, оседавших в стране было сравнительно ограничено.

Вне городов возникают иные отношения. Труд самостоятельного сельского хозяина был продуктивнее, чем труд раба, и господствующий класс стремился подчинить именно таких хозяев эксплуатации.

Приближенные царя и военачальники были мало связаны с городами и их товарно-денежным хозяйством. Их имения давали немного товарной продукции: Армения не могла конкурировать по вывозу зерновых с Египтом и Причерноморьем, по вывозу масла и вина — с Малой Азией, Грецией и самой Италией. Поэтому в больших имениях господствовало хозяйство в основном натуральное, самодовлеющее.

Сейчас трудно сказать, путем ли царских дарений, в результате ли военных пертурбаций или путем скупки земли у обедневших свободных общинников знать приобрела много земли *айрений*, находившейся в ее наследственном владении, практически не отличавшемся от собственности. Но, кроме того, областеначальники и военачальники вознаграждались царем, по стародавнему восточному обычаю, наделами под условием службы (*паргевакан*), которые переходили к одному из сыновей владельца, если он продолжал службу отца.

Эти наделы иногда были очень велики и включали земли со многими общинами и общинниками. Владелец не вел собственного хозяйства, довольствуясь поборами с общинников. Порой областеначальнику, видимо, целиком передавалось право поборов с управляемой им области.

Армянское общество разделилось на два основных сословия помимо рабов и горожан: крестьяне-общинники — *шинаканы* платили налоги и несли повинности в пользу царя, храмов или вельмож — владельцев собственной или служебной земли; им противостояли *азаты* (парфянск. «свободные»), обязанные только военной службой. Горожане, несмотря на сохранившееся у них, по-видимому, самоуправление (или именно поэтому), общегосударственной военной службы не несли³, но несли налоги, поборы и повинности, причем не только в пользу своего города, но и непосредственно в пользу царя.

Азаты подразделялись на несколько категорий. Высшие были не только землевладельцами (аллодиальными, если они владели землей айреник, или феодальными в узком смысле слова, если владели землей паргевакан), но одновременно и представителями государственной власти. Такие азаты назывались *нахарарами* (из парфянск. *нахвадар* — «областеначальник»).

Главы нахарарских домов занимали высшие государственные должности⁴, остальные члены рода служили на более низких командных армейских должностях и в коннице. Другую группу, типа иранского вонпского сословия, составляли азаты-воины; это были мелкие землевладельцы — видимо, остаток общинного крестьянства, почему-либо сохранивший известное благосостояние и не подпавший под власть нахараров и т. п.

Это общество можно было бы назвать феодальным, если бы не наличие самоуправляющихся городов. Хотя армянские горожане попали в припищенное по сравнению с прежним положение, однако город все же был институтом рабовладельческой формации, и здесь более чем где-либо сохранялись соответствующие формы свободного и эксплуатируемого труда.

Такое изменение в характере общества должно было повести и, как мы увидим, действительно повело к коренной ломке и в области идеологии.

Между тем с конца II — начала III в. внешнеполитическое положение Армении сильно ухудшилось. Пала Парфянская держава, в общем дружественная Армении, и на ее месте возникла сильная и агрессивная держава Сасанидов. В первые годы существования сасанидского государства его царям удалось нанести серьезные поражения римлянам и лишить их возможности завязать отношения с Арменией, которая могла бы стать для них важным союзником. Сасанидский царь Шапур I вторгся в Арме-

³ В соседней Парфии — может быть, и в Армении — и горожане могли привлекаться для службы во вспомогательных частях; римляне с удивлением констатировали, что у парфян и рабы служат в армии. Здесь, видимо, перед нами ранние черты феодализации.

⁴ Все должности раздавались по принципу местничества, и каждой соответствовали особые головные уборы, одежда и даже обувь. Так, цари носили красные сапоги, *бдешти* (наместники пограничных провинций) — один красный, другой зеленый, *нахарары* — только зеленые.

нию и подчинил себе также царей Алвании и Иверии. Третья четверть III в. проходит в Армении под знаком тяжелых войн, в которые были вовлечены иранцы, римляне, армяне, иверы и др. При этом Шапур I насильственно насаждал повсюду зороастризм в его новой, реформированной, догматической форме, разработанной могущественным главой сасанидского жречества Картиром. Одновременно в связи с ослаблением римской власти на периферии правитель Пальмиры Оденат создал крупное государство (261 г.), которое теперь в большей мере, чем раньше, стало отвлекать на себя международную торговлю Армении. Лишь к 80-м годам III в. положение Армении улучшилось. В 287 г. на престол Армении с помощью императора Диоклетяна вступил Аршакид Тиридат III Великий (287—330). Он поддержал Рим в борьбе с Сасанидами, и по миру 298 г. в Нисибине обе великие державы признали независимость Армении, причем Армения была отнесена к сфере интересов Рима.

Как внутренняя обстановка в стране, явно требовавшая не только применения насилия, но и создания идеологической силы для удержания в покорности общинников, попавших в феодальную зависимость, так и международная обстановка, требовавшая что-то противопоставить идеологическому давлению зороастрийского Ирапа, заставили Тиридата III обратить серьезное внимание на возможности, которые предоставляло распространявшееся в Армении христианское движение. Оно в это время приобретало в народных массах все большую популярность. В первую половину правления Тиридата христианство нигде не было признано официально, его все еще либо преследовали, либо едва терпели⁵. Государственное признание оно получило сначала лишь в маленьком сирийском (точнее, верхнемесопотамском) княжестве Осроэне со столицей в г. Эдессе (ныне Урфа).

Проводником идеи христианизации Армении был выдающийся церковный и политический деятель Григорий Просветитель. Тиридат III прекратил преследования христиан, в результате которых еще недавно погибли привлекавшие много последователей странствующие проповедники Рипсимэ и Гайанэ, и в 314 г. (традиционная дата — 301 г.) христианство стало государственной религией Армении. Принятие христианского вероучения давало в руки Тиридату необходимое идеологическое оружие и в то же время пока не втягивало ни в какое идеологическое подчинение великим державам: Восточная Римская империя официально еще не стала целиком христианской. Все «языческие» (в том числе зороастрийские) святилища были закрыты, уничтожены или переделаны в церкви, их владения переданы христианскому духовенству. Духовенство составило в обществе особое сословие, примыкавшее к азам (поскольку не было податным). Возник-

⁵ Лишь в 313 г. в Восточной Римской империи христианство было уравнено в правах с другими религиями.

ли многочисленные монастыри. Во главе церкви стоял наследственный (в роду Григория Просветителя) епископ-католикос (не только от низшего, но и от высшего священства в то время не требовалось безбрачия). Католикос был одним из крупнейших феодалов. Церковь и монастыри владели помимо сельскохозяйственных угодий также ремесленными мастерскими; в качестве рабочей силы использовались люди, добровольно уходившие в монашество, но также рабы, лица, совершившие религиозные проступки, и шинакапы, сидевшие на епископских и монастырских землях.

Христианская проповедь равенства людей перед богом и загробного воздаяния находила отклик в народе и несколько успокоила параставшее недовольство крестьянства. Однако почти сразу стали возникать секты, указывавшие на то, что официальное духовенство, собирая десятицу ($\frac{1}{10}$ дохода) со всего населения, смыкается с ненавидимыми народу пахарарами, и требовавшие возвращения к уравнительному устройству первых христианских общин.

Богослужение велось в течение всего IV века, вероятно, по-сирийски⁶, что затрудняло миссионерско-проповедническую деятельность христианского духовенства. Первоначально, по-видимому, делались попытки писать по-армянски греческими или арамейскими буквами, однако ни тот, ни другой алфавит совершенно не подходил к звукам армянского языка. Поэтому впоследствии (в начале V в., незадолго до окончательного падения древнего Армянского царства) был создан специальный, весьма совершенный армянский алфавит. Создатель его Месроп Маштоц, сын свободного крестьянина, успев побывать воином, чиновником и монахом. Он хорошо знал сирийский и греческий, вероятно, и парфянский, позже изучил и кавказские языки, а его изобретение исходило из последних достижений греческой филологической науки. Оно открыло возможности создания церковных школ и литературы на родном языке. В течение V—VI вв. на армянский язык было переведено помимо Библии и евангелий много других религиозных, философских, исторических и литературных произведений с греческого, сирийского и, может быть, с парфянского. Появилось несколько выдающихся историков (Фавст Бузанд, Корюп, Агатапгелос, Елише, Лазарь Парбский, Моисей Хоренский) и философов (Езник, Давид Непобедимый), писавших по-армянски. Развивались различные науки.

В течение правлений Тиридата III (до 330 г.) и Хосрова II Короткого (330—338) положение Армении все еще было удовлетворительным, хотя пахарары были недовольны централизаторской политикой царей. Не случайно Хосров перенес свою резиденцию из Арташата в укрепленный замок Двин, вокруг кото-

⁶ Отсюда множество сирийских слов, связанных с письменностью и с церковным обиходом, сохранившихся в армянском языке.

рого лишь позже вырос город. В 337 г. в Армению в нарушение мирного договора вторгся Сасанид Шапур II, поддержанный некоторыми армянскими нахарарами. После первоначальных поражений, в результате которых часть мятежных нахарарских родов была вырезана, война окончилась победой армян, поддержанных римскими войсками. Однако царь Армении Тиран попал впоследствии в руки персов и был ими ослеплен, поэтому на престол был возведен его сын Аршак II (350—367).

Крестьяне, разоренные войной и самовольством нахараров, которые обирали их хозяйства, захватывали общинные леса и пастбища, во множестве разбежались из своих сел. Усиливались «еретические» крестьянские секты. В 354 г. официальная армянская церковь созвала собор в Аштишате, где было постановлено принять ряд мер для облегчения существования больных, бесприютных и нищих. Собор умиротворяюще призывал господ умерить эксплуатацию «слуг», а «слуг» — признавать господскую власть.

Царь Аршак II, со своей стороны, тоже решил принять меры, которые можно охарактеризовать как последнюю отчаянную попытку сохранить старый общественно-экономический строй в борьбе с феодализацией. Опорой против феодализма он справедливо считал города. Поэтому он решил основать новый город у южного подножия горы Арарат — Аршакаван, куда он разрешил селиться беглым крестьянам, неоплатным должникам и рабам, предоставив им льготы, полагавшиеся горожанам. Эти меры вызвали ярость нахараров. Они взяли Аршакаван штурмом; историк Моисей Хоренский говорит, что «все мужчины и женщины, кроме грудных детей, были преданы мечу». Началась гражданская война между царским войском и войсками нахараров. В центре страны некоторые мятежные роды были почти полностью истреблены Аршаком, часть нахараров бежала к Сасанидам. Однако некоторые из видных нахараров в конце концов примирились с царем, так как стране грозило новое иранское нашествие в связи с тяжелейшим поражением, которое Шапур II нанес римлянам в Месопотамии в 361 г.

Войска Сасапидов действительно вторглись в Армению и разорили ее. Сражения шли с переменным успехом, но все время на армянской территории. В конце концов Шапур под предлогом переговоров заманил к себе Аршака II и его главного полководца, и оба погибли. Войну пыталась продолжить царица Парандзем, но осаждающие измором взяли крепость, которую она обороняла (369 г.), а царицу увели в Иран и там, по преданию, замучили до смерти. Иранские войска опустошили и разрушили все армянские города, в том числе Арташат, Тигранакерт и множество других. Население от мала до велика убивали, топтали боевыми слонами; оставшиеся в живых угонялись в Иран.

Нашествие не походило ни на один из многих погромов, какие неоднократно учиняли в Армении римские и иранские войска. Было прекращено само существование античных городов в

Армении. Эпоха древности подходила к концу. Новые города, постепенно выросшие в течение средневековья, часто на других местах, носили совсем иной характер по своему политическому и социальному устройству.

Юному сыну Аршака, Папу, удалось, однако, бежать к римлянам, и с помощью их вооруженных сил и армянского ополчения он еще в тот же год сумел вернуться и воцариться в Армении. Попытка Шапура II повторить разгром Армении в 371 г. не удалась: его войска были разбиты соединенными силами римлян, армян и грузин, и он должен был признать Папа царем Армении, а Саурмага — царем Иверии.

Пап пытался продолжать политику Аршака II, опираясь на рядовых азов и подавляя сепаратистские попытки пахараров. Он попытался также обуздать и церковных феодалов, сократив численность духовного сословия и монахов, лишив род Григория Просветителя наследственного права па сап католикоса. При этом он не позволил рукоположить нового католикоса римскому (византийскому) епископу г. Кесарии в Малой Азии, как это делалось до тех пор, и тем самым порвал организационные связи с византийским православием. Император Валент приказал командиру расквартированного в Армении римского легиона организовать убийство Папа. Со смертью Папа (374 г.) попытки задержать феодальное развитие в Армении прекратились. Само армянское государство быстро шло к упадку и гибели. Персы и римляне боролись за обладание страной, а армянские цари и их военачальники были бессильны отразить грозившую с двух сторон опасность.

В конце концов в 387 г. Армения была разделена на сферы влияния. В каждой сфере часть земель была присоединена непосредственно к Римской или Сасанидской империи, а часть оставлена под номинальным управлением армянского царя из династии Аршакидов. Но и эта номинальная власть была упразднена Римом около 390 г., а Сасанидами — в 428 г.

Раздел Армении, однако, отнюдь не привел к распаду армянского народа, и это свидетельствует, что сложение армянского народа было уже давно свершившимся фактом. Но следует четко отличать древние и средневековые народы от современных наций: их в гораздо меньшей степени, чем нации, скрепляли восдино экономика и даже язык и гораздо больше — общинная или государственная принадлежность, а также идеология и культура. В условиях поздней древности и раннего средневековья огромную роль играла религия. В состав армянского народа вошли элементы протоармянские, хуррито-урартские, лувийские, арамейские (в городах) и некоторые окраинные протогрузинские; если армянский язык, вероятно, еще до начала новой эры был *лингва франка*, то уже к I в. н. э. он стал *койне* (как это видно из указания Страбона). И тем не менее еще важнее, чем язык, было сознание государственной, а в отсутствие государства — религиозной общности.

«Персидская» Армения с V в. стала управляться наместником (*марзбаном*) из числа армянской знати, которую, однако, стали вынуждать принять зороастризм (хотя бы для виду); армянских воинов отправляли на долгие годы служить на восточных границах Сасанидской державы. Армяне вместе с другими народами Закавказья еще дважды восставали против персов — в 450—451 гг. под руководством армянского полководца Вардана Мамиконяна и в 481—484 гг. под руководством Вагана Мамиконяна и при поддержке грузинского царя Вахтанга I Волчьей Головы. Была сделана попытка восстановить армянское государство. Это не удалось; однако оказалось возможным добиться официального признания христианства в Армении и назначения армянского нахарара-христианина (Вагана Мамиконяна) марзбаном Армении. При этом, однако, следует учесть, что еще в 451 г. армянская (так пазываемая монофизитская) церковь не приняла участия в созванном в Восточной Римской империи православном «вселенском соборе» в г. Халкедоне и тем самым фактически расторгла связи с Римом и Византией; это, конечно, облегчило официальное признание Сасанидами монофизитского христианства в Армении. Отделение от византийской церкви было подтверждено армянским церковным собором в Двине в 506 г. Этим завершилось сложение общественных, политических, идеологических и народных основ раннесредневековой Армении. Последующие войны между Византией и Ираном, часто протекавшие на армянской территории, принципиально не изменили положения.

Что касается «Римской» Армении, то она с конца IV в. разделяла общую судьбу с Восточной Римской империей (см. лекцию 21, «Расцвет древних обществ»). Феодализм наступил в Армении без варварских вторжений.

2. АТРОПАТЕНА И АЛВАНИЯ

В течение последних двух столетий существования Парфянской державы Атропатена составляла ее часть и полностью разделяла ее судьбы. Однако, как мы знаем, Парфия не была монолитной империей и делилась на отдельные уделы, или шахры, во многом автономные. Одним из них была и Атропатена (Атурпаткан). Во время тяжелого для страны набега аланов в первой половине 70-х годов н. э. Мидией Атропатеной правил Пакор, брат парфянского царя Вологеза (Валарша) I. В междоусобице между последними парфянскими царями, Вологезом V и Артабаном V (213—223), Атурпаткан, по-видимому, поддерживал последнего, а затем на короткое время приобрел призрачную независимость, но был завоеван сасанидским царем Шапуром I около 244 г. и с тех пор оставался в составе Сасанидской державы. Самостоятельной роли при Сасанидах Атурпаткан не играл.

Другое дело Алвания. Классовое общество здесь сложилось позже, чем в других частях Закавказья (видимо, ко II в. до н. э.), но зато в начале новой эры цивилизация сделала здесь очень большие успехи. Это было, по-видимому, связано с освоением стальных рабочих орудий в сельском хозяйстве, что позволило наконец паладить широкую оросительную систему, используя воды Аракса и Куры. Географ Страбон говорит о совершенстве этой системы и об исключительно плодородии земли, приносящей хлеб, виноград и фрукты. Стало появляться много городов, правда пока еще сравнительно малозначительных, быстро развивалось ремесло.

Население Алвании в первые века новой эры было по-прежнему многоязычным.

Как ни далеко расположено было Восточное Закавказье от Рима, оно все же неоднократно вмешивалось в его жизнь. Уже говорилось о войне римлян с алванским царем Оройсом. Позже, в самом начале нашей эры, первый римский император, Август, упоминает в своей подписи о союзных отношениях, бывших у него с царями Иверии, Алвании и Атропатовой Мидии. До конца I в. римские легионы по разным причинам — иногда, возможно, для охраны от нападений алапов через Дарьял, опасных и для римских владений, — отправлялись в Иверию и в Алванию, а в начале 90-х годов I в. побывали на берегу Каспийского моря. Затем в 116 г. император Траян, временно завоевав Армению, вмешался в дела Алвании и «дал алванам царя». После Траяна римлянам было уже не до Алвании.

Еще со времен скифских походов VII в. до н. э., когда группа ираноязычных скифов, видимо, осела здесь, взяв в жены алванских женщин, жители Алвании имели тесные сношения с кочевниками степей по ту сторону Кавказа — сначала с родственными скифам савроматами, от которых они, возможно, восприняли обычай сражаться в бою и женщинам (легендарные амазонки греческих сказаний, возможно, были савроматками); позже они поддерживали связи с их потомками — сарматами и алапами. Контакты эти, как мы видели, не всегда были мирными — выше уже говорилось о набегах алапов на Алванию в I и II вв. н. э.

Примерно с начала III в. в степях к северу от Кавказа начинают, по-видимому, появляться тюркские племена, оттесняющие индоевропейских (ираноязычных) кочевников (саков — к югу Средней Азии и в Иран, сармато-аланов — на запад и в горы, на Кавказ). Правда, поскольку все наши известия об этих событиях восходят к более позднему времени, нужно учесть тенденцию к модернизации у средневековых историков. Часто они обозначают современными им названиями тюркских племен (гуннов, «бунтурков», хазар, печенегов) такие племена, которые не были, а иногда, по всем хронологическим данным, и не могли быть тюркскими; и наоборот, обозначают новые тюркские племена старинным названием скифов. Поэтому действительную да-

ту появления первых тюркских племен на границах Алвании определить трудно. Считается, что в 227 г. через Дербентский проход вдоль Каспийского моря впервые совершили набег на Алванию и Атропатену передовые отряды тюркских племен (гунны и сабиры).

В середине IV в. царь Армении Аршак II, обороняясь от сасанидских войск, вторгся в Атропатену с римско-армянской армией, к которой присоединились отряды «гуннских» и аланских кочевников; весьма вероятно, что и они двигались через Дербент, т. е. прошли через Алванию.

Но все эти войны, нападения и набеги были обычными бедствиями, выпадавшими па долю всех народов древности, и не могли сколько-нибудь серьезно замедлить быстрый прогресс алванского общества. Развитие это было своеобразным. С одной стороны, первобытнообщинный социально-экономический строй был здесь не так уж далеко позади, и обществу надо было решать задачи, обычно стоящие еще перед развивающейся рабовладельческой формацией; с другой стороны, алваны имели возможность непосредственно воспринимать все достижения рабовладельческого мира за тысячелетия его существования и насколько не были склонны отказаться от экономических выгод складывавшегося у их южных соседей строя.

Типичной в этом отношении является позиция Урнайра, царствовавшего в Алвании в 70-х годах IV в. н. э. Это было время наивысшего могущества алванского государства. В войне Шапура II с Арменией, поддержанной Римом, Урнайр активно участвовал на стороне Сасанидов. Армянский историк Фавст Бузанд вкладывает в его уста следующую речь, обращенную к алванским воинам: «Когда мы заберем в плен греческие (т. е. римские) войска, то многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Алванию и заставим их работать как гопчаров, камепотесов и кладчиков для наших городов, дворцов и других нужд». Программа, вполне достойная эллинистического монарха: основывать города путем переселения туда захваченных чужестранных ремесленников⁷. И тот же Урнайр, следуя примеру армянского царя Тиридата III в приспособлении к потребности создания идеологии феодализирующегося государства, а также не желая попадать в слишком сильную зависимость от своего зороастрийского «союзника» — Ирана, принимает из Армении христианство в качестве официальной государственной церкви, проводя все те же меры по христианизации страны, какие предпринимал Тиридат III.

Подобно тому как в Армении языком письменности много веков был не армянский, а арамейско-иранский или греческий,

⁷ Однако видно, что вокруг парила уже не эллинистическая, а предфеодалная атмосфера: Урнайр представляет себе переселение будущих жителей своих городов гораздо более насильственным, чем это было возможно, скажем, при Селевкидах.

а с введением христианства богослужение долгое время велось по-сирийски, так и в Алвании первое время языком письменности и богослужения, конечно, мог быть только армянский: вспомним, что в Алвании (как и много позже в родственном Дагестане) еще не было не только собственной системы письма, но даже и общего языка-койне, а христианство сюда было введено из Армении.

В этой связи необходимо остановиться на вопросе о распространении армянского языка в части Алвании⁸. Нередко считают, что армянские цари, то и дело расширяя свои границы и периодически владея некоторыми областями Алвании, насильственно арменизировали местное население. Это мнение совершенно ошибочно. Ни одно древнее государство не пыталось насильственно насаждать свой язык среди иноязычного населения. Конечно, чужеземным начальникам надо было как-то объясняться с населением (из практики Ахеменидской державы, а также римлян в Западной Грузии известно, что они пользовались услугами устных переводчиков), но ничто не мешало жителям говорить на родном языке у себя дома.

В отличие от древнего государства церковь поздней древности и средневековья воздействовала на жителей через богослужение, через проповедь и через учреждаемые ею школы. Это могло иметь известное влияние в смысле распространения в Алвании армянского языка — в прослойке образованных людей. Но тем не менее даже через церковь невозможно было заставить переменить язык. Это показывает множество примеров, и в частности пример как Армении, так и Алвании. В обеих странах введение христианства потребовало в конце концов введения письменности на родном языке, чтобы на него можно было перевести священные и богослужебные христианские книги и вести на нем проповеди. Такая письменность — алфавит с использованием армянского и грузинского опыта — и была создана алвапами в начале V в.

Вопрос о смене языка в условиях древности упирается в иные обстоятельства — в проблему народного взаимопонимания, которое требовало создания койне. Известно, что созданию койне предшествует промежуточная стадия — *лингва франка*. В условиях догматических религий язык церкви, хотя и не может по-

⁸ Восточное Закавказье распадалось на множество отдельных областей с сильно различавшимися, хотя и родственными языками. Собственно Алванией первоначально называлась, по-видимому, средняя часть долины р. Куры к северу от нее. Позже к Алвании были присоединены некоторые области Армении к югу от Куры — Утик, часть Пайтакарапа и Арцах (приблизительно соответствует совр. Нагорному Карабаху). Сейчас неизвестно, где именно в древности проходили языковые границы, поскольку эта проблема, очевидно, не занимала древних жителей Закавказья. Для них важнее была общинная, государственная, а к концу древности религиозная принадлежность. Поэтому в районах, расположенных на стыках ареалов различных языков Закавказья, в средние века и языковые границы часто пачинали совпадать с конфессиональными.

посредственно стать разговорным койне, может стать лингва франка. Вследствие крайнего многоязычия Алвании процесс создания лингва франка шел здесь одновременно разными путями. Прикаспийские районы, где было сильно влияние атропатенского зороастризма, приняли для этого среднемидийский язык, ставший впоследствии народным языком в некоторых районах (в виде талышского и родственных, ныне вымерших диалектов); для областей, примыкавших издавна (по крайней мере с начала нашей эры) к армянским по языку областям, где уже и ранее было сильно армянское христианское влияние, естественно, лингва франка был армянский. Иначе дело обстояло в местностях, более отдаленных как от христианского, так и от зороастрийского влияния и где, несмотря на официальное принятие христианства Урнайром, оно, вероятно, внедрялось медленнее. Здесь-то, очевидно, и была создана местная письменность для местного языка⁹, намеченного в государственном порядке в качестве церковного, — вероятно, это был язык алванской столицы Кабалаки (язык этот обычно называется собственно алванским или арранским; Арран — это просто иное произношение названия Алван, или Алвания). Однако процесс сложения алванского койне не смог завершиться по политическим причинам. Произошло завоевание Армении сасанидским Ираном, которое окончательно завершилось, по-видимому, к концу IV в. Примерно на это же время — 395—396 гг. — приходится очередное нашествие в Алванию «гушнов» и хазарских тюрков. Христианство из господствующей религии уже через несколько десятилетий превратилось в Алвании в религию едва лишь терпимую, если не прямо гонимую. Вспомним, что IV и начало V в. было временем особого преследования инаковерующих Сасанидами. Сасаниды разрушали христианские церкви, насильственно насаждая зороастризм. Литературный алванский язык и тем более алванский общенародный язык койне так и не создался. Напротив, распространился не только среднемидийский, но (за счет сасанидских переселенцев с юга) и среднеперсидский язык (остатком этих переселенцев является народность татов). Но ни один из этих языков так и не стал в Алвании общенародным; им уже в средние века стал тюркский азербайджанский.

Сасаниды построили в V—VI вв. у Дербента стену, а потом даже ряд стен, которые должны были закрывать проход на юг для кочевнических набегов. Постройка этих укреплений стоила алванам огромных тягот и материальных и человеческих потерь. Стены бдительно стерегли сасанидские войска. И тем не менее через них то и дело прорывались отряды кочевников.

В течение первой половины V в. в Алвании сохранялся свой царь, подчиненный Сасанидам. Но после того как в 451 г. ал-

⁹ Пока эта письменность еще не дешифрована — слишком мало сохранилось надписей. Однако известно, что число согласных в ней соответствовало нуждам языка восточнопонтийского (дагестанского) типа.

ваны приняли участие в общем антисасанидском восстании народов Закавказья, а также после самостоятельного восстания Алванского царя Ваче в 457 г. Сасаниды ликвидировали алванское царство и передали власть своему наместнику-марзбану со столицей в г. Барда. Однако в 481 г. началось новое восстание алванов, осложненное, а может быть, и поддержанное повторным тюркским вторжением, которое не могли задержать дербентские укрепления. Часть тюрков-сабиров, по-видимому, на этот раз осела в Алвании. Алванскому царю Вачагану III в этой сумятице удалось восстановить христианское Алванское царство. При этом царь опирался на христианское духовенство и крупных феодалов. Тогда-то, видимо, начинается краткий период более широкого применения алванской письменности. К сожалению, подлинных памятников алванской литературы до нас не дошло¹⁰.

Вторжения тюрков продолжались и в VI в., особенно в 552—558 гг., когда большие толпы хазар, теснимые с Волги в результате значительных перемещений кочевых масс, происходивших в это время в степях Евразии, вторглись в Алванию и в Атропатеу и здесь были в ряде мест расселены сасанидским царем Хосровом I Аноширваном. В VII в. Алвания, по-видимому, была подчинена Хазарскому царству.

3. ГРУЗИЯ

История Грузии, как и история Атропатеи и Алвании первых веков нашей эры, источниками освещена плохо. Для Армении мы имеем повествование Моисея Хоренского, который, однако, пытаясь в V в. создать целостную историю своего государства, пользовался различными противоречивыми письменными и устными (эпическими) традициями, что привело его к ошибкам в хронологической концепции и к ряду произвольных историче-

¹⁰ Известен историк Алвании Моисей Калапкатуйский (VII в.), сочинение которого дошло на армянском языке. Это неудивительно, если учесть обстоятельства принятия алванами христианства в его монофизитской форме, о которой говорилось выше, но не исключает вероятности того, что существовали и иные местные авторы, писавшие по-алвански. После того как самостоятельная алванская монофизитская церковь прекратила существование, часть алванских рукописей, очевидно, была перевезена в резиденцию армянского монофизитского католикоса, и некоторые из них, должно быть, сохранились в Армении довольно долго: еще в XV—XVI вв., очевидно, именно на основании таких рукописей армянские писцы сумели довольно правильно воспроизвести состав алванского алфавита. Однако в тяжелых условиях турецких и персидских завоеваний армяне потеряли множество своих собственных рукописей, и у них не было причин стараться спасти рукописи, написанные на давно вымершем и никому уже не понятном языке. Поэтому до нашего времени эта часть алванских рукописей не дошла, точно так же как и рукописи, оставшиеся в самой Алвании. Последние, видимо, разделили судьбу обширной литературы сасанидского Ирана, уничтоженной мусульманскими фанатиками в период завоевания Ирана и Закавказья.

ских реконструкций. Поэтому его богатейший материал можно использовать, лишь подвергая его тщательному источниковедческому анализу. Но в Армении были и другие историки, труды которых, правда посвященные более частным вопросам и более кратким отрезкам времени, в какой-то мере продолжали замечательные традиции античной историографии; кроме того, армянская история документирована известиями римских и византийских историков и подлинными надписями с территории как самой Армении, так и Ирана; в Алвании, видимо, тоже короткое время были свои древние историки. Но из Иверии дошло лишь считанное количество надписей I—II вв. (арамейско-иранских и греческих) и не сохранилось ни одного древнего подлинно исторического сочинения. Наиболее ранняя история Грузии содержится в книге «Обращение Грузии» (в христианство; по-грузински «Мокцевай Картлисай»), восходящей в своей основе, видимо, к VII—IX вв., свод летописей «Житие Грузии» («Картлис цховреба») даже в своих самых древних частях не старше XI в. Все, что там сообщается, записано частью по устным преданиям почти через тысячу лет после событий, о которых идет речь, частью по житиям святых или под влиянием древнейших разделов «Истории Армении» Моисея Хоренского, которые и сами по себе весьма мало достоверны. Что же касается античных и иранских известий, то и они ввиду большей отдаленности Грузии значительно малочисленнее аналогичных известий по истории Армении.

В рассматриваемый период Грузия по-прежнему не составляла единого государства. Центральную роль, как и в предшествующее время, играло Иверийское царство (Картли). Вскоре после походов Помпея Иверии удалось наладить добрые отношения с Римом. Поскольку кочевники не могли существовать одними набегами и повседневно нуждались в металлической посуде, муке, в некоторых предметах роскоши и т. п., постольку оказалось возможным установить известное согласие между алацскими племенами, охранявшими Дарьял (и тем самым Иверию) от вторжения племен более северных, и иверами, снабжавшими аланов всем необходимым. В середине I в. аланы не без ведома иверийских царей совершали набеги на Армению, Атропатеу и Малую Азию; сармато-аланский этнический элемент был весьма ощутим и среди иверской знати.

Однако в течение I в., в том числе после того аланского набега в 70-х годах, который серьезно затронул как римские, так и парфянские владения и оказался весьма опасным для целостности самой Иверии, она вынуждена была прибегать к помощи римских гарнизонов для обеспечения своей безопасности — сначала более против Армении, с тех пор как там утвердился аршакидская (парфянская) династия, стремившаяся к расширению своих северных пределов, а затем и против аланов. О постройке римлянами укреплений для иверийского царя Митридата II (против аланской угрозы?) сохранилась греческая надпись напротив

Мцхеты, датированная 75 г. Тот римский легион, отряд которого достиг берегов Каспия около 90 г. (вероятно, во время войны с Алванией), надо полагать, был расквартирован в Иверии, Иверийский царь оставался союзником Рима еще и при императоре Траяне (начало II в.).

Наиболее значительной фигурой в истории Иверии II в. был царь Фарасман II Доблестный. При нем владения царства включили восточную Колхиду и на западе достигли Черного моря. Тот же Фарасман II организовал второе большое вторжение алапов на римские владения в Малой Азии, на Армению, Алванию и подчиненную Парфии Атропатену. Отношения Иверии с Римом сначала были напряженными, но позже, при императоре Антонине Пие, по-видимому, в 140 г. н. э., Фарасман посетил Рим. Соответственно испортились его отношения с Парфией. Предание утверждает, что он в союзе с «греками» (т. е. Римом) и армянами победоносно воевал с «персами» (т. е. Парфией), но был отравлен поваром, подкупленным врагами.

О дальнейшей истории древней Иверии мы знаем мало. Судя по надписям «царя царей» Шапура I, ему удалось подчинить своей гегемонии иверийского царя Амазаспа, однако более вероятно, что отношения Персии с Иверией были лишь союзные. По Нисибинскому миру 298 г. между Римом и Парфией Риму было предоставлено право жаловать иверийским правителям знаки царского достоинства — надо думать, чисто поминально. В дальнейшем, по мере подчинения Алвании сасанидскому Ирану, персидская опасность для Грузии увеличилась; может быть, отчасти с этим связано принятие Иверией при царе Мириане III христианства (традиционная дата — 337 г.), как это сделала и Восточная Римская империя. Главной деятельницей христианизации Иверии традиция называет св. Ницу, первоначально спутницу армянских проповедниц Рипсимэ и Гайанэ, скрывавшую свое происхождение и называвшую себя пленницей-чужестранкой.

По-видимому, и в Иверии, как и в других странах Средиземноморья и Ближнего Востока, христианство пользовалось популярностью в народных низах и именно поэтому было удобным идеологическим орудием для их примирения с тяжелой действительностью процесса феодализации.

Общность христианской веры сплотила в IV в. Армению, Иверию и Алванию в борьбе с зороастрийским Ираном, и все три народа неоднократно выступали совместно: так было в 360 г. при иверийском царе Мерибани, союзнике Восточной Римской империи и Аршака II, царя Армении, так было в 371 г. при иверийском царе Саурмаге, в 451 г., когда иверы поддержали восстание, возглавляемое армянским полководцем Вардапом Мамиконяном, и еще в 481—484 гг., когда восстание всех народов Закавказья против персов поднял иверийский царь Вахтанг I Волчья Голова. В отличие от армянской грузинская церковь не порывала с Византией, оставаясь православной и после 451 г.

Эта разница в вере, в догматическом смысле ничтожная¹¹, но чрезвычайно важная в организационном отношении, имела в дальнейшем печальные последствия, так как постепенно вела к отчуждению между народами Закавказья эпохи средневековья.

Сасаниды держали в Иверии своего резидента — *пипиахша* и всячески стремились насадить в стране зороастризм, однако безуспешно. В 523 г. они упразднили власть иверийского царя и подчинили Иверию своему марзбану, который правил ею. по-видимому, примерно до 570—580 гг., а затем снова с 605 г. до падения Сасанидской державы.

Хотя существуют гипотезы, возводящие изобретение собственной грузинской письменности к глубочайшей древности, однако древнейшие надписи грузинским письмом относятся к V в. Согласно армянскому преданию, это фонетически очень совершенное алфавитное письмо, учитывающее арамейскую и греческую письменную традицию, было введено грузином Джалаем. Местное грузинское предание относит, правда, изобретение письменности ко времени иверийского царя Фарпабаза, первого царя Иверии (III в. до н. э.). Это представляется маловероятным. Трудно предположить, чтобы в Грузии потребность в своей письменности ощущалась настолько сильнее, чем в соседних обществах Закавказья, что письмо было здесь изобретено на пятьсот лет ранее, чем в Армении и Албании. Никаких следов местной письменности в Грузии столь раннего времени нет. Напротив, нам известно, что еще в I в. н. э. здесь, как и в Армении, пользовались греческим письмом (и языком) и арамейским письмом вместе с арамейским или парфянским письменным языком. Не случайно также, что литература на родном языке, как и в Армении, возникла в Грузии к V—VI вв. — правда, первоначально это были только жития святых.

Надо отметить также, что в Грузии древнего периода, если брать страну в целом, не сложилось ни койне, ни даже лингва франка — то и другое существовало только в Картли (Иверии); для западногрузинских племен достоверно лишь то, что они стали пользоваться древнегрузинским (картвельским) письменным языком со времен развитого средневековья; в древности Западная Грузия была почти столь же многоязычна, как и Албания (по словам одного из античных авторов, римляне в г. Фасисе пользовались услугами более чем сотни переводчиков — конечно, не для того, чтобы разговаривать только с жителями этого городка).

О Западной Грузии мы в последний раз упоминали, когда Колхида входила в Понтийское царство Митридата VI Евпатора.

¹¹ Православие учит, что Христос — Бог Сыц, «единосущный» Богу Отцу, имеет два естества: божеское и человеческое; армянская же церковь, считая, что оба естества в нем слиты воедино, утверждала, что православная формулировка есть уступка секте несториан, предполагавшей в Христе две «сущности» и, что было гораздо важнее, официально признанной Сасанидами.

После его поражения и бегства в 66 г. до н. э. царство было поделено между различными подчиненными Риму династиями; Колхида досталась некоему Аристарху; позже она сделалась полем битвы между Фарнаком, сыном (и виновником смерти) Митридата VI Понтийского, и позднеэллинистическим, зависевшим от Рима Пергамским царством, затем опять принадлежала восстановленному, но также зависевшему от Рима Понтийскому царству. Но когда в 63 г. н. э. император Нерон превратил Понт из зависимого царства в провинцию, римляне, по-видимому, не сумели удержать за собой Колхиду, кроме приморских эллинизованных городов. В это время в прибрежные области с гор (не только с гор Западного Кавказа, но и с Понтийских) начинают спускаться племенные группы: на севере — абхазо-адыгские, на юге — чанские (западно-грузинские). Последние были известны грекам и римлянам на Черноморском побережье под разными местными племенными названиями, а позже под общим названием лазов.

По-видимому, в 30-е годы II в. через Сурамский перевал в Западную Грузию и вплоть до Черноморского побережья (между совр. Трабзоном и Батуми) прошли войска иверийского царя Фарасмана II, который, однако, владел этими землями недолго, потому что уже в середине II в. впервые в античных источниках упоминается царь Лазики, которого «поставил» (или утвердил) римский император Антонин Пий. В первой половине III в. жителям Колхиды пришлось вместе с римским гарнизоном отражать набеги готов, которым антиримские группировки Боспорского царства предоставляли корабли; готам удалось разрушить Трапезунт и Питиунт (Трабзон и Пичунду). По-видимому, после этого Лазика была предоставлена самой себе, но еще в IV в. она платила римлянам дань, хотя и не входила в состав империи. Лишь к концу IV в. Лазика временно настолько усилилась, что подчинила себе даже горную Сванетию, которой она владела до середины V в. Начиная с IV в. Лазика приобретает для Восточной Римской империи особое значение: на нее ложится оборона кавказских перевалов (очевидно, Мамисонского и Клухорского) от гуннов и других племен, сдвинутых со своих мест Великим переселением народов. Надо полагать, что к этому времени в состав Лазики должна была входить вся страна мегрелов — Эгриси (грузинские источники так называют и само царство Лазики), хотя ранее эта часть Западной Грузии, может быть, подчинялась Иверии. По византийско-персидскому миру 562 г. большая часть Лазики перешла к Византии.

Сведения об общественном строе как Восточной, так и Западной Грузии в первые века нашей эры у нас чрезвычайно скудны. Они почти целиком происходят из грузинских средневековых памятников, несомненно по-своему переосмысливавших древние порядки, о которых составители знали лишь по преданию. Что же касается греко-римских и даже армянских источников, то сообщенные ими сведения весьма недостаточны.

Первоначальное древнее восточногрузинское общество делилось, как обычно для древнего Ближнего Востока, на два сектора; к первому принадлежали свободные общинники-воины — *эри*, ко второму — царские люди — *гlexи*. По-видимому, еще до создания первых грузинских царств страна состояла из замкнутых самоуправляющихся долин, которые назывались *сопели* и соответствовали «номовым общинам» раннего периода древности; позже сопели начинают означать «сельскую общину» наряду с обычным названием деревни — *дага*. Общинники различались сельские (*мдагури*) и городские (*мквидри*); сельскую общину, возглавлявшуюся старейшинами, составляли большесемейные «дома» (*сахли*). Даже царский род имел своего «главу дома», которым обычно (но, по-видимому, не обязательно) был сам царь. Позже, однако, «главами домов» стали делать царских ставленников. Словом, структура общества была очень сходна с обществом всего Ближнего Востока предыдущего тысячелетия. Ранее уже говорилось о большом значении, которое имели в Грузии храмы и храмовые общины с их землями, пережиточно существовавшие у горных грузин-хевсуров вплоть до начала XX в.

Известны были грузинскому обществу поздней античности и частные рабы — *мони*.

В процессе феодализации грузинского общества из свободных общинников — *эри* выделяются знатные — *мтавари*, *эристави*, соответствующие армянским нахарарам, а сам термин *эри* начинает соответствовать парфянскому и армянскому *азат*. Появляется и термин *агараки*¹², обозначавший как и в Армении, крупные частные земельные владения, не входящие ни в общины, ни в царскую землю. На царской земле тот же процесс феодализации привел к раздаче массивов земли царским должностным лицам (*гадзраули* — «дворцовые») в условное владение за службу. В то же время и *гlexи* на царской земле образовывали такие же сельские общины, как *эри* — на свободной. Но знатым лицам, полководцам, а также крупному духовенству и монастырям раздавалась не только царская земля, но и право поборов с земли нецарской — с *агараков* и *сопели*.

Как видим, картина складывается та же, что в Армении, в Иране и, надо полагать, в Албании. Тот же вывод напрашивается в связи с городами Грузии в поздней древности. Известен ряд торгово-ремесленных городов как в Восточной, так и в Западной Грузии. Подобно многим городам поздней античности, они имели смешанное этнически население. Торговые пути через Иверию и Колхиду соединяли, по-видимому, главную восточно-западную магистраль, проходившую через Армению, с Боспорским царством, с населением степей к северу от Кавказа. Соответственно иному значению торговых путей, шедших через Гру-

¹² Другой термин, *картаки*, или *кардаги*, восходит к парфянскому *картак* и в Парфии означал то же, что *дастакерт*.

зию, иной характер носило здесь и денежное обращение: в ходу были только либо римская и парфянская (или персидская) монета, либо местные имитации. Собственного чекана, отличного от имперских, в Грузии не было.

Дошедшие до нас грузинские исторические источники были составлены слишком поздно, чтобы дать представление о структуре античных городов Грузии, однако кажется несомненным, что они представляли собой самоуправляющиеся общины граждан, возникшие частично еще в VI—IV вв. до н. э. на базе наиболее крупных общин сельского типа с более развитым ремеслом. Позже внутри городов слагались особые, также самоуправляющиеся религиозно-этнические подобщины, но подолправными гражданами, которые могли претендовать на земельный падел, были, по-видимому, лишь члены первоначальной коренной общины. Город имел приписанную к нему окружающую землю с подчиненными сельскими, а иногда городского типа поселениями. Так, округа г. Каспи простирались по крайней мере на 40 км, включая пещерный город Уплисцихе (видимо, царский).

Городская жизнь в Грузии началась позже, чем в других странах Ближнего Востока (характерно, например, что «торговец» назывался по-грузински парфянским термином *вачари*, а в Армении — арамейским термином *танджар*, восходящим еще к шумерскому *дам-гар* и аккадскому *тамкарум*). По-видимому, города здесь не достигли того развития, как в классических странах Передней Азии, но зато продержались дольше, чем в других местах; не случайно Иверия поддерживала армянского царя Аршака II в его конфликте с нахарарами по поводу городских привилегий Аршакавана. Но к IV в. старые города Грузии частью были вытеснены «царскими городами», частью сами превратились в царские. С III в. начинают возникать крепости, позже становящиеся центрами городов феодальной эпохи.

Феодализм наступил в Грузии независимо от варварских вторжений: ни одно варварское племя не проникало сюда на длительное время.

ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ (III—V вв.)

История поздней Римской империи представляет собой клубок сложных и в большинстве своем дискуссионных проблем. В современной марксистской историографии наиболее обоснованной специальными исследованиями является концепция Е. М. Штаерман. По ее мнению, в истории Римской империи III век оказался кризисным, переломным. Все это столетие заполнено борьбой тенденций — отмирающей рабовладельческой и зарождающейся феодальной. На рубеже III и IV вв. феодальная тенденция стала преобладающей, и развитие Римской державы вступило в стадию разложения рабовладельческого строя и зарождения феодальных отношений¹. Однако, как будет показано далее, у этой концепции есть и противники, среди которых прежде всего должен быть назван А. Р. Корсунский².

1. КРИЗИС РИМСКОЙ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ИМПЕРИИ В III в.

Современники воспринимали III век в истории Римской империи как «темное» столетие, заполненное тяжелыми внутренними и внешними потрясениями.

С III в. в Римской империи стали укрепляться крупные *автаркические*, т. е. самодостаточные, обеспечивающие себя всем необходимым, поместья. Благодаря тому что в них кроме сельского хозяйства развивалось собственное ремесло, они были не-

¹ Эта концепция наиболее полно развита в монографии: Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.

² Его взгляды изложены, в частности, в обобщающей статье: Корсунский А. Р. Проблема аграрного строя и аграрной политики Западной Римской империи (IV—V вв.). — Вестник древней истории. 1980, № 2.

зависимы от городского рынка. Отсюда — упадок городского ремесла и торговли. С сокращением товарно-денежных отношений ощущалась острая пехватка денег. Государство продолжало требовать с подданных налоги в денежной форме, но их уплата становилась затруднительной. Казна пыталась восполнить недостачу по налогам выпуском неполноценной монеты, а это еще более подрывало экономику. Полноценная монета исчезла из оборота, оседая в виде мертвых сокровищ в руках богатых людей. Обесценивание монеты способствовало росту цен, особенно на продовольствие. Ужесточались наказания за недоимки по налогам. Задолжавшие колоны бежали со своих наделов. Народные движения порой выливались в вооруженные восстания. Провинциальная знать пыталась отделиться от Рима. Происходила частая смена императоров, которых возводила и смещала армия. Изменилось внешнеполитическое положение Рима: кончилось равновесие сил между ним и варварской периферией, характерное для предшествующего столетия, и началось наступление соседних племен на Империю. На ее восточных рубежах большого напряжения сил требовало противостояние другой мировой империи — державе Сасанидов. Отчетливо проявился упадок античной культуры; широкое распространение получило христианство, отрицавшее все духовные ценности античного мира.

Согласно концепции Е. М. Штаерман, основная причина кризиса Римской империи в III в. состояла в том, что ее производительные силы исчерпали возможности развития в рамках рабовладельческих производственных отношений; иными словами, кризис Римской империи в III в. был вызван кризисом рабства.

Как доказано исследованиями М. Е. Сергеевко, Е. М. Штаерман и В. И. Кузищина, во времена ранней и поздней Империи была достигнута высшая производительность рабского труда в предприятиях среднего размера. В сельском хозяйстве это была *вилла* с несколькими десятками рабов, максимальные размеры частной ремесленной мастерской также обычно ограничивались несколькими десятками рабов, более же распространенной была мастерская всего с несколькими рабами. В масштабах небольшого хозяйства удавалось обеспечить бдительный надзор за рабами и успешно осуществлять специализацию и кооперацию их труда. Для повышения производительности труда особенно большое значение имели узкая специализация работников, их профессиональные знания и опыт. В старинных, традиционных отраслях сельского хозяйства и ремесла сосуществовал труд свободных и рабов, в новых отраслях производства преобладал рабский труд.

Для дальнейшего повышения производительности рабского труда требовалось углубление специализации производства и повышение квалификации все большей части рабов. Но не заинтересованные в своем труде рабы не соответствовали возросшим

производственным задачам. Да и господа боялись обучать своих рабов сложным профессиям, развивать их способности и интеллект. Производительность рабского труда достигла своего предела. Е. М. Штаерман подчеркивает, что падение производительности рабского труда было не абсолютным, а относительным: она начала отставать от возросших общественных потребностей. Эксплуатация рабов становится все менее выгодной. В силу экономической необходимости на первый план выдвигается работник, более заинтересованный в своем труде, нежели раб. В условиях той эпохи это мог быть только более или менее самостоятельно хозяйствующий мелкий производитель. Вследствие концентрации земельной собственности в руках магнатов большинство этих мелких производителей составили колоны — держатели паделов в крупных имениях.

Н. Н. Белова и М. Я. Сюзюмов дали иное объяснение причин кризиса Римской империи в III в. По их мнению, не рабство перестало соответствовать общественным потребностям, а обнаружилось несоответствие потребностей господствующего класса Империи формам эксплуатации свободного населения. Всеобщий развал стабильности в Империи в III в. был порожден традиционной римской политикой полисного управления и концентрации богатств в Риме. Эта политика привела к разорению большинства мелких и средних собственников и к концентрации земельной собственности в руках магнатов. Перед последними встала задача организации в широких масштабах эксплуатации свободных бедняков. Использование труда свободных людей на основе частного римского права, т. е. на основе свободной договоренности равноправных граждан, было известно в Риме издавна, но носило эпизодический характер и не обеспечивало постоянного дохода ни частным лицам, ни государству. В Римской империи, как и вообще в античном мире, не было условий для широкого применения наемного труда. В этих условиях требовалось объединить формально невозможное для римского частного права — личную зависимость и самостоятельное ведение хозяйства, т. е. сравнять аренду с пекулием, свободного с рабом. В III в. начались эти поиски на практике, в IV в. это было оформлено юридически. Кризис III в. не был еще кризисом рабовладельческого строя в целом. Рабский труд продолжал сохранять свою роль. Подлинный кризис рабовладельческого способа производства разразился лишь в IV—V вв., когда элементы феодальных отношений, уже укрепившиеся и зафиксированные в праве, стали действительно альтернативой рабству³.

Е. М. Штаерман подчеркивает, что характер производственных отношений обусловливается формами собственности на средства производства. По ее мнению, в Римской империи III в.

³ Белова Н. Н., Сюзюмов М. Я. К вопросу о кризисе в Римской империи в III в. — *Античная древность и средние века*. Сб. 15. Свердловск, 1978, с. 5—20.

преобладали две основные формы земельной собственности: *муниципальная* и *экзимированная*. Муниципальные землевладельцы, владевшие имениями на городской земле, обычно вели товарные хозяйства, основанные на эксплуатации главным образом рабов; это становилось уже невыгодным, но перестраивать свои хозяйства в натуральные, самодостаточные, основанные на эксплуатации более заинтересованных работников — колонов, им не позволяли узкие рамки мелких и средних имений. К тому же городские землевладельцы несли большие расходы в связи с исполнением общественных повинностей — литургий. Сюда относились затраты на строительство и ремонт общественных зданий и сооружений (дорог, мостов, водопроводов, терм и др.), на устройство зрелищ, на раздачу городской бедноте и т. п. Литургии были неразрывно связаны с самой сущностью античного полиса как гражданской общины. Переходу к феодальным отношениям на городских землях препятствовал и политический строй самоуправляющегося города — мунципия, соответствовавший античным рабовладельческим отношениям, основанным на свободе граждан и на эксплуатации неграждан. Города являлись опорой рабовладельческого строя Империи. Во времена республики и ранней Империи села превращались в мунципии, но с III в. эта тенденция глоснет. Ее сменяет процесс возрождения сельских общин — не только там, где они еще сохранялись, как, например, в придунайских провинциях и Северной Галлии, но и там, где их уже не было: на городских, императорских и сенаторских землях зависимое сельское население — колоны и рабы с пекулием — создает свои общины с целью взаимопомощи.

В более выгодном по сравнению с муниципальными землевладельцами положении оказались в период кризиса III в. владельцы экзимированных земель. Будучи независимы от городов, они были свободны от литургий. В III в. многие сенаторы уже безвыездно живут в своих владениях в провинциях, несмотря на попытки некоторых императоров вернуть их в столицу. Крупные имения издавна базировались в значительной степени на труде разного рода зависимых держателей земельных наделов. Кроме них в поместьях магнатов имелись и рабы. В III в. широко распространяется перевод сельских рабов на *пекулий*: их сажают на наделы, предоставляя возможность иметь семью, отдельное жилище, мелкое хозяйство. Положение колонов и рабов с пекулием сближается. Владельцы экзимированных салтусов могли установить для своих держателей менее обременительные платежи и повинности, чем это могли позволить себе менее состоятельные владельцы вилл. Поэтому колоны бегут из мелких имений в крупные. Магнаты были заинтересованы в ослаблении городов, которые оспаривали их политическую независимость. К типу *экзимированной*, т. е. изъятной из ведения городов, земельной собственности относились и обширные императорские земли. Хотя в сенаторских и императорских поместьях имелось много рабов, но основными работниками на земле были

колоны; рабы же использовались главным образом как ремесленники, слуги и поместная администрация.

В соответствии с наличием двух основных форм земельной собственности — муниципальной и экзимированной — в III в. столкнулись две общественные группы, связанные с этими формами собственности: городские (муниципальные) землевладельцы и владельцы экзимированных салътусов. Это было столкновение двух тенденций — рабовладельческой и феодальной. В ряде своих работ Е. М. Штаерман пишет, что в римском обществе всегда было два эксплуатируемых класса — рабы и колоны. Рабам противостоял класс муниципальных землевладельцев-рабовладельцев; колонам противостояли земельные магнаты, классовая принадлежность которых еще не определена в нашей науке. По мнению Е. М. Штаерман, во всяком случае, в период поздней Римской империи магнаты вели свои хозяйства по феодальному пути. Класс рабовладельцев был связан с городскими общинами, класс магнатов — с крупными внегородскими имениями и крестьянскими общинами. Города были воплощением рабовладельческого уклада и не допускали прямого перехода к феодальным отношениям. Салътусы, втягивавшие в орбиту своего влияния сельские общины, были носителями феодальной тенденции. Колоны были сходны с крестьянами феодального общества.

В соответствии со своей социально-экономической теорией Е. М. Штаерман трактует и политическую историю Римской империи III в. По ее мнению, борьба рабовладельческой и феодальной тенденций в политической жизни проявилась в противопоставлении друг другу так называемых солдатских и сенатских императоров. Армия выражала в основном интересы муниципальных кругов, из которых в значительной степени она формировалась. Вышедшие в отставку ветераны получали земельные участки на территории городов, причем некоторые из них становились владельцами рабовладельческих имений. Сенат же выражал интересы магнатов — владельцев экзимированных земель. Императоры лавировали между борющимися группировками: одни оказывали покровительство городам, другие — магнатам. Недовольная группировка устраняла неугодного императора, и все повторялось сначала.

Против теории Е. М. Штаерман о сущности позднеримского общества выступил А. Р. Корсунский, крупный знаток позднеантичной и раннесредневековой Европы. В отличие от Е. М. Штаерман он отрицает существование сельской общины в Западной Римской империи, за исключением отсталых окраинных областей. По его мнению, свободные крестьяне-общинники появились на римской территории лишь в ходе варварского завоевания и только тогда создались условия для синтеза античного рабовладельческого и общинного укладов.

А. Р. Корсунский отвергает идею Е. М. Штаерман о существовании в позднеримском обществе двух принципиально различных укладов — рабовладельческого, представленного виллами

городских землевладельцев, и нерабовладельческого, являющегося носителем феодальной тенденции, представленного сальтусами и сельскими общинами. По его мнению, не было принципиального различия между социальным составом непосредственных производителей в имениях городских землевладельцев, с одной стороны, и сенаторов — с другой. Хотя юридическое положение городских вилл и сенаторских поместий было различным, по социально-экономической природе тех и других хозяйств была сходной. Рабы и колоны эксплуатировались в имениях обоих типов. А. Р. Корсунский особенно подчеркивает, что рабы использовались в земледелии не только в виллах, но и в магнатских поместьях.

Соответственно он возражает и против утверждения Е. М. Штаерман о наличии в позднеримском обществе двух господствующих классов. По его мнению, в зажиточных городских землевладельцах-*куриалах* и в сенаторской знати следует видеть две сословные группы внутри одного и того же господствующего класса крупных и средних землевладельцев, эксплуатировавших рабов, колонов и других зависимых земледельцев. А. Р. Корсунский обращает внимание на глубокое расслоение сословия *куриалов*: лишь городская верхушка представляла собой средних землевладельцев, многие же рядовые *куриалы* были мелкими земельными собственниками.

Некоторые другие авторы также ставят под сомнение гипотезу Е. М. Штаерман о существовании четырех классов в римском обществе и не разделяют ее мнения о принципиальном различии социального состава эксплуатируемых работников в виллах и *латифундиях* (или *сальтусах*). Расхождения специалистов во взглядах на такие кардинальные вопросы не позволяют пока однозначно охарактеризовать структуру позднеримского общества.

В истории Римской империи III век ознаменовался значительными социальными сдвигами в положении свободного населения. В 212 г. *эдиктом* (указом) императора Каракаллы все свободное население империи, проживавшее на землях городов, получило право римского гражданства. Этот эдикт, первоначально, возможно, преследовавший цель унификации налогообложения, по-видимому, способствовал концентрации земельной собственности, так как римский гражданин не мог завещать землю *перегрину* (негражданину), теперь же такое ограничение для многих людей отпало. Эдикт Каракаллы содействовал быстрой романизации провинциального населения. В III в. в состав провинциальной, а позже и столичной знати входит много выходцев из туземной родо-племенной знати, тогда как в первые два века нашей эры верхушка общества западных провинций состояла из выведенных в колонии италиков и римлян и лишь из небольшого числа представителей местной аристократии.

Однако по эдикту 212 г. римского гражданства не получили многочисленные племена, жившие вне городских территорий.

В частности, в придунайских, прирейнских и североафриканских областях сельские жители, не приписанные к городам, и после 212 г. оставались peregrini.

Процесс повышения правового статуса части свободного населения столкнулся со встречным процессом утверждения неполноправия большинства римских граждан, который век спустя привел к началу закрепощения больших групп населения. В течение всей имперской эпохи в римском обществе постепенно устанавливалось и юридически оформлялось деление свободных граждан на привилегированных и неполноправных. С III в. этот процесс деления на «почтенных» (*honestiores*) и «низших» (*humiliores*) углубился и ускорился. Признаками «почтенных» считались богатство, высокие должности, знатность; признаками «низших» — бедность, общественная незначительность, низкое происхождение.

Исходным пунктом формирования правовых различий среди свободных граждан послужила возникшая еще в республиканский период категория *infames*, к которой относились люди, обесчестившие себя уголовным преступлением, воинским проступком, неравным браком, а также занимающиеся позорными профессиями — ростовщичеством, сводничеством, проституцией, — актеры, гладиаторы и т. д. *Infames* были ограничены в судебном и брачном отношении. Позже к числу позорящих признаков добавилась бедность (*paupertas*), что расширило категорию *infames*.

Объективной почвой для юридического оформления различий социального статуса разных категорий свободных граждан послужил происходящий в период Империи процесс социальной дифференциации. Рост богатства и личной власти магнатов, с одной стороны, разорение сельского и городского плебса и превращение его в колонов или люмпен-пролетариев — с другой, привели к столь значительному падению общественного веса плебеев, что они стали рассматриваться сначала в общественной практике, а затем и в официальном праве как люди, недалеко отстоящие от *infames*. Проводившееся государством в период поздней Империи закрепощение отдельных категорий плебса, в свою очередь, понижало их общественное значение.

Для обозначения привилегированного и неполноправного разрядов применялось множество терминов. Наиболее употребительными до IV в. были *honestiores* и *humiliores*; в последние два века Империи для обозначения «сильных, влиятельных» людей стал применяться главным образом термин *potentiores*, а для обозначения «низших» — *inferiores*.

Законодательство относило к категории *honestiores* сенаторов, всадников, куриалов, высшие гражданские и военные чины, к *humiliores* — всех остальных, т. е. плебеев, колонов и пр. Принадлежность к разрядам *honestiores* и *humiliores* была наследственной.

Все *honestiores* были освобождены от так называемых гряз-

ных повинностей (*munera sordida*), к числу которых относились тяжелые трудовые повинности, а наиболее привилегированная часть «почтенных» была свободна вообще от всех личных повинностей, в том числе от воинской повинности и от обязанности представлять рекрутов из населения своих поместий. На *humiliores* же возлагались и трудовые повинности, и военная служба.

Положение «почтенных» и «низших» особенно резко различалось в судебных делах. Если в эпоху республики пыткам подвергались только рабы, то в эпоху Империи пытки были введены и для низшего разряда свободных, т. е. для *humiliores*; *honestiores* же были освобождены от пыток. За одни и те же преступления «почтенные» и «низшие» присуждались к разным наказаниям. «Почтенные» были освобождены от наиболее тяжелых и позорных наказаний, например от распятия на кресте и выдачи на растерзание диким зверям, к которым присуждали лишь *humiliores* и рабов. Уголовное право особенно настойчиво сближало *humiliores* с рабами. Однако не только во времена Империи, но даже и после ее падения еще долго не была уничтожена грань между свободными и рабами.

Отход от основного принципа римского права — равенства всех граждан перед законом — и деление свободных на разряды с различным правовым статусом свидетельствовали о разложении античного общества и формировании элементов грядущего средневекового общества. В период существования Римской империи еще не завершилась юридическая дифференциация среди свободных. Как мы увидим далее, еще происходила перегруппировка состава неравноправных разрядов: в IV—V вв. сузился состав привилегированного разряда — в нем остались сенаторы и верхушка городских курий; в то же время расширился состав неполноправного разряда — кроме плебеев и колонов в нем оказалась и основная масса куриалов. По-видимому, с изменением состава высшего и низшего разрядов связаны их новые названия — *potentiores* и *inferiores*.

Для государственной власти Римской империи III в. характерна неустойчивость. За неполное столетие (со 192 по 284 г.) на римском престоле сменилось 32 императора, причем большинство из них погибло насильственной смертью в результате дворцовых переворотов. После убийства последнего представителя династии Антонинов, Коммода, развернулась ожесточенная борьба за императорскую власть между выдвиженцами дунайской, сирийской и британской армий, сопровождавшаяся сражениями, в которых гибли десятки тысяч legionеров. Победу одержал ставленник дунайской армии Луций Септимий Север (193—211). Он казнил своих противников из сенатской среды и урезал права сената, запретив ему издавать законы и выбирать магистратов. Септимий Север конфисковал земли многих магнатов Галлии и Испании, которые поддерживали одного из его соперников.

Часть конфискованных земель он раздал ветеранам. Септимий Север увеличил армию, набирая в нее провинциалов, прежде всего из дунайских областей; открыл провинциалам доступ к высшим военным должностям; увеличил жалование легионерам и раздавал им подарки, что в дальнейшем стало традицией; позволил им обзаводиться семьями и вести хозяйство, живя в поселках близ лагерей. Эти меры в отношении армии способствовали укреплению муниципального землевладения. В то же время он назначал в города *кураторов*, которые контролировали городские финансы и взимали штрафы в пользу общеимперской казны. В связи с нехваткой денег на содержание армии, чиновников и двора основатель династии Северов прибегал к порче монеты, что при следующих императорах III в. превратилось в систему⁴. Умер Септимий Север в Британии во время похода против живших на территории современной Шотландии кельтских племен скоттов и пиктов, прорвавшихся через вал Адриана на земли римской провинции. Престол он завещал двум своим сыновьям, но, убив брата, власть захватил старший из них — Марк Аврелий Антонин, по прозвищу Каракалла (211—217).

Последний представитель династии Северов — Александр Север (222—235) — ограничил расходы на армию, землю для поселения ветеранов отводил в отдаленных пограничных областях. В армии возник заговор, и император был убит.

Престол занял ставленник армии Максимин (235—238), который преследовал сенаторскую знать и старался снискать популярность у солдат, но в конце концов был ими убит. Далее следует непрерывное чередование императоров, выдвигаемых то армией, то сенатом. Внутри Империи углубляется экономический кризис, на рейнской и дунайской границах усиливаются нападения варваров, на востоке происходят тяжелые войны с иранской державой Сасанидов.

Критическое для Римской империи положение создалось в середине III в. Готы перешли Дунай и вторглись в Мезию и Фракию. В борьбе с ними погиб император Деций (249—251). В течение последующих полутора десятилетий восточные провинции Империи были охвачены эпидемией чумы.

В правление Валериана (253—260) и его сына и соправителя Галлиена (253—268) готы и другие союзные с ними племена продолжали опустошительные набеги на придунайские провинции. Франки и алеманны совершали набеги из-за Рейна на Галлию, доходя до Пиренеев. В 258—259 гг. римляне под давлением варваров оставили область между верховьями Рейна и Дуная, где затем поселилось племя алеманнов. На востоке перешла в наступление держава Сасанидов — царь Шапур I вторгся в Месопотамию. Римляне потерпели сокрушительное поражение в сражении у г. Эдессы в Северной Месопотамии, император Валериан

⁴ Во второй половине III в. серебряные монеты были лишь слегка посеребрены медными.

попал в плен. По преданию, он должен был держать стремя, когда Шапур садился на коня. Борьба между Римом и Ираном за Месопотамию продолжалась и в дальнейшем — до конца существования Римской империи; шла она с переменным успехом, но неизменно сопровождалась разграблением страны между Тигром и Евфратом со стороны обеих великих держав.

Галлиен пытался выправить положение Империи. Он оказывал поддержку городам, стремился ограничить произвол чиновников, прекратил преследования христиан, проводимые Децием и Валерианом, провел реформу копницы (разрозненные конные отряды, придававшиеся легионам, были сведены в особые крупные части), продиктованную тем обстоятельством, что копница была главной ударной силой врагов империи — Ирана и варваров. Опорой Галлиена была армия, но сенат ненавидел его.

Земельные магнаты в провинциях поднимают мятежи и пытаются отделиться от Империи. В 258 г. образовалась самостоятельная Галльская империя с центром в Трире. Предполагается, что кроме Галлии в нее входили также Испания и Британия. Первый галльский император, Постум, взял в свои руки борьбу с наступавшими из-за Рейна германскими племенами, для чего использовал паемников, набираемых также среди германцев.

Оборону против Ирана возглавил Одепат, правитель независимого города-оазиса Пальмиры, расположенного на востоке Сирии. В 262 г. он одержал победу над персидскими войсками, вторгшимися в Сирию и Малую Азию, после чего Галлиен признал его вождем и императором Востока и передал ему находившуюся там римскую армию. Вскоре погибшего Одената сменила его вдова Зенобия, энергичная и честолюбивая женщина. Она захватила Сирию и Египет, порвала с Римом и заключила союз с Ираном.

Император Аврелиан (270—275) в самом начале своего правления был вынужден отвести легионы и часть колонистов из Дакии на правый берег Дуная. Дакию захватили готы, сарматы и маркоманы. Так почти одновременно Рим лишился ряда западных и восточных провинций. В 271 г. Аврелиану пришлось отражать набег алеманнов, вторгшихся в Северную Италию. Для защиты от варваров Рим был обнесен новой крепостной стеной.

Однако в 273 г. Риму удалось вернуть большинство отпавших провинций: была восстановлена римская власть в Галлии и Испании, последний галльский правитель, магнат Тетрик, перешел на сторону Аврелиана; римские войска разрушили Пальмиру и восстановили господство Рима в восточных провинциях, Зенобия была в цепях проведена по Риму в триумфальном шествии Аврелиана.

Разорение муниципальных кругов привело к тому, что много городских земель оказалось пустующими. Аврелиан возложил на оставшихся в городах землевладельцев ответственность за сбор налогов с пустующих земель. Если им не удавалось обеспечить обработку этих земель и поступление налогов с них, предписы-

валось присоединять заброшенные земли к владениям соседних городов или магнатов, которые могли бы их заселить и обеспечить сбор государственных налогов. В результате города теряли свои земли и слабели, а владения и политическое влияние магнатов расширялись. Аврелиан раздавал магнатам западных провинций пленных, обрабатываемых в рабов или колонов. Так наметился союз императорской власти с земельными магнатами, получивший дальнейшее развитие при Диоклетиане и Константине. Пока же сенат был недоволен деспотическими замашками Аврелиана, и один из заговоров закончился убийством этого императора.

2. РЕФОРМЫ ДИОКЛЕТИАНА И КОНСТАНТИНА

К концу III в. разные слои господствующего класса Римской империи, напуганные экономическим кризисом и вторжениями варваров, временно сплачиваются вокруг императорской власти. В такой обстановке к власти пришел Диоклетиан, иллириец по происхождению, выдвинутый армией.

Диоклетиан (284—305) создал новую форму правления — *доминат*. Ее название происходит от слова *dominus* — «господин», как приказал именовать себя Диоклетиан. Фактически уже с начала III в. принципат сменился военной монархией, но формально считалось, что он сохраняется. Диоклетиан покончил с ним. Императорская власть обожествлялась и приобрела откровенно монархический характер. При дворе был введен пышный и сложный церемониал по примеру персидского царского двора. Это до некоторой степени ограждало императоров от покушений, столь частых в III в. Все граждане Империи считались подданными императора.

Поскольку события III в. показали, что одному правителю невозможно охватить своим надзором всю Империю, была создана *тетрархия*, т. е. четверовластие. Диоклетиан разделил Римскую империю для удобства управления на две части — западную и восточную. Себе он взял восточную половину и сделал своей резиденцией г. Никомедию на северо-западном побережье Малой Азии, а своему соправителю Максимиану поручил управлять западной половиной Империи с резиденцией в Медиолане (Милан) в Северной Италии. Диоклетиан и Максимиан приняли титулы *августов*. Каждый август получил себе помощника-заместителя, который стал называться *цезарем*. Цезарем Диоклетиана стал Галерий, ставка которого находилась на Дунае. Цезарем Максимиана стал Констанций Хлор, ставка которого располагалась на среднем Рейне. Августы женили цезарей на своих дочерях и обязались через 20 лет возвести цезарей в сан августов и удалиться в частную жизнь. В спорных вопросах решающее слово принадлежало Диоклетиану как старшему августу. Предпо-

лагалось, что тетрархия обеспечит централизацию власти и в то же время оперативность управления.

В 296 г. было отменено существовавшее со времени Августа отдельное управление Египтом, считавшимся личным поместьем императора, и Египет был включен в общую административную систему.

В 297 г. вся Империя была разделена на 12 *диоцезов*, которые, в свою очередь, делились на провинции, причем число провинций достигло 101. Размеры провинций уменьшились по сравнению с прежними, что ослабляло наместников, но в то же время увеличивало число чиновников, так как каждый наместник имел свой бюрократический аппарат. Важнейшей функцией наместников стал сбор налогов.

Диоклетиан начал военную реформу. В связи с нехваткой наемников-добровольцев из римских граждан он обязал крупных землевладельцев поставлять рекрутов из числа обитателей их поместий. Служили в армии и поселенные на римской территории варвары-наемники, которые назывались *limitanei*, *gentiles*, *laeti*. Кроме того, на военную службу все чаще принимались целые отряды варваров, так называемых *федератов*. В связи с упадком в Империи товарно-денежных отношений армия, а также чиновники были в значительной степени переведены на натуральное довольствие.

Увеличение армии и бюрократического аппарата, содержание пышного императорского двора и раздачи городскому люмпен-пролетариату⁵ требовали больших средств. Они всегда выкачивались государством из трудящегося населения в виде налогов, пошлин и чрезвычайных поборов в денежной и натуральной форме. Для ранней Империи было характерно многообразие налогов, причем большую роль играли косвенные налоги, т. е. скрытые, включавшиеся в цену товаров, государство же изымало эти средства у купцов в виде торговых пошлин. Прямые налоги, например поземельный, существовали и в ранней Империи, но их удельный вес в общей сумме государственных доходов был сравнительно невелик.

С упадком торговли, с обесцениванием денег косвенные налоги теряют свое значение. На первое место выдвигаются прямые налоги — поземельный и подушный. Была проведена перепись населения Империи, и все, за исключением жителей города Рима и приписанной к нему округи, были обложены прямыми налогами: сельское население — поземельно-подушным; горожане, не имевшие земельных владений, — подушным.

Основой податной системы, созданной Диоклетианом и его преемником Константином, стала собиравшаяся ранее нерегуляр-

⁵ Люмпен-пролетариат — характерное явление (а в поздней Римской империи — уже только последнее) всех древних рабовладельческих обществ, где был мал или отсутствовал государственный сектор экономики, поглощавший безземельных и обнищавших общинников (граждан).

по подать (*аннона*), которая теперь взималась преимущественно в натуральной форме. При ее исчислении учитывалось количество и качество земли, производимая продукция, близость к торговым путям. Такая единица измерения налога называлась *jugum* («упряжка»). Учитывалась при налогообложении и рабочая сила: рабочая сила раба приравнивалась к рабочей силе свободного, рабочая сила двух женщин — к рабочей силе одного мужчины. Рабочую силу человека называли *caput* («голова, человек»). Налоговая система в целом носила название *jugatio-capitatio*. Налогообложение пересматривалось сначала через каждые пять, потом через каждые пятнадцать лет. Наряду с анноной существовали и налоги в денежной форме; ими облагались сенаторы, купцы и городские ремесленники.

За поступление налогов с городов и городских земель отвечали городские советы — *курии*. Это привело к тому, что муниципии превратились из организаций свободных граждан в органы эксплуатации их государством. Сельские общины попали в подобное положение еще раньше. Близился конец древности с присущими ей общинами свободных граждан. За поступление налогов с сельского населения, проживавшего на экзимирированных территориях, отвечали земельные магнаты, что вело к усилению зависимости от них крестьян, способствовало закреплению колонов.

Поскольку предполагалось, что рост цен вызван лишь спекуляцией, в 301 г. был издан эдикт о ценах, установивший максимальные цены на тысячу товаров, на транспортные перевозки и максимум паемной заработной платы. Цены и оплата труда были приняты такие, какие действовали к этому времени в восточной части Империи, менее затронутой экономическим кризисом. Нарушение эдикта грозило смертной казнью, но, несмотря на это, он вскоре перестал действовать.

При Диоклетиане было подавлено восстание *багаудов* в Галлии, происходившее в 283—285 гг. Это было крестьянское восстание, вызванное разорением народных масс варварскими вторжениями, междоусобицами магнатов и претендентов на императорскую власть, злоупотреблениями чиновников. Сельские плебеи и колоны поднялись на вооруженную борьбу против крупных землевладельцев и имперских властей. Они провозгласили своих вождей Аманда и Элиана императорами, что свидетельствует о попытке восставших отложиться от Империи. Не исключено, что к восставшим присоединялись и рабы. По сообщению источников, багауды опустошали поля и нападали на многие города, но ни одного из них, по-видимому, не взяли. Очевидно, они не пользовались поддержкой в городах. Диоклетиан был вынужден послать против багаудов войска под командованием своего соправителя Максимиана. После подавления этого восстания багаудов о них нет известий до начала V в., когда «борцы» (как толкуют слово *багауды*) вновь заявят о себе не только в Галлии, но и в Испании, причем их движение примет более широкие размеры.

В период правления Диоклетиана была возвращена под власть Рима Британия; отражены нападения германцев, вторгавшихся в Галлию; пленных варваров обращали в рабство или селили на императорских и сенаторских землях в качестве колонов. Вопрос о судьбе пленных варваров относится к числу дискуссионных: по мнению одних ученых, преобладало обращение их в рабов, по мнению других — обращение в колонов.

После 20 лет правления Диоклетиан отказался от власти и, заставив Максимиана поступить так же, удалился на покой. Между его преемниками началась борьба за единоличную власть.

Константин I (306—337), сын Констанция Хлора, истребил или пережил всех остальных претендентов на власть, уничтожил тетрархию и стал единоличным правителем Римской империи. Доминат оформился при нем в самом полном виде. Константин продолжил и завершил реформы Диоклетиана, по некоторым вопросам отошел от его политики.

Тетрархия была отменена, но оправдавшее себя территориальное деление Империи на диоцезы и провинции сохранилось. К 12 существующим диоцезам добавились еще 2, число провинций было доведено до 117. Основой административного деления Константин сделал существовавшие еще при Диоклетиане четыре *префектуры*: Восток, Иллирию, Италию и Галлию, причем территория префектур была расширена. Лишь три провинции (Ахайя, Африка и Азия) были оставлены вне префектур и по-прежнему управлялись проконсулами. Высшая гражданская власть в префектуре принадлежала *префекту претория*, которому подчинялись *викарии* диоцезов и *президы* провинций. Префекты подчинялись непосредственно императору. Военных функций они не имели, так как при Константине гражданская власть была окончательно отделена от военной.

Константин завершил реформу армии. В эпоху принципата основные военные силы располагались вдоль границ. Константин разделил войска на пограничные и полевые. Пограничные постоянно находились на определенных участках границы; полевая армия размещалась внутри страны и в любое время могла быть направлена для отражения внешнего врага, подавления очередного узурпатора или народного движения. Полевая армия — главный стратегический резерв Империи — к середине IV в. составила половину всех ее вооруженных сил. Большую часть римской армии составляли варвары и потомственные воины. Главным родом войска оставалась пехота, и только после разгрома римлян готами в битве под Адрианополем в 378 г. Империя вынуждена была увеличить удельный вес конницы в своей армии путем привлечения наемных варварских конных отрядов.

Высшие военачальники назывались *magistri militum*. Один из них командовал пехотой, другой — конницей. Со времени правления Констанция (337—361) в каждой префектуре стало два таких военачальника. Пограничными войсками на отдельных

участках границы командовали особые полководцы — *дуки* (*duces*). Высшей военной властью в Империи обладал *magister militum praesentalis*. С конца IV в. он стал фактически самым могущественным лицом в центральном управлении, смещал и назначал императоров.

В 330 г. Константин перенес столицу из Италии на Восток. Это было вызвано тем, что в IV в. западная половина Империи пришла в экономический упадок; хозяйство же восточных провинций оставалось на более высоком уровне. Экономический центр Империи переместился на Восток, поэтому Рим утратил значение и политического центра. Кроме того, навсегда покидая Рим, Константин подчеркивал разрыв со старыми политическими традициями и окончательное утверждение домината — деспотической власти императора. Новой столицей Римской империи стал древний греческий город Византий, расположенный на европейском берегу пролива Босфор между Эгейским и Черным морями. Византий был переименован в Константинополь, т. е. город Константина (ныне Стамбул). Место для столицы было выбрано удачно: город расположен на перекрестке военных и торговых (морских и сухопутных) дорог, он имел выгодное стратегическое положение, занимая возвышенность, обращенную одной стороной к бухте Золотой Рог. В новой столице велось большое строительство. Среди прочих сооружений Константин строил здесь и христианские церкви, и языческие храмы. Население Константинополя быстро росло и достигло уже к концу IV в. 100 тыс., а к концу V в. — 150 тыс. жителей.

В IV в. проявилась тенденция к закреплению законодательным путем колонов, ремесленников, солдат и куриалов для обеспечения сельского хозяйства и ремесла рабочей силой, армии — солдатами, государства — налогами.

В 332 г. указом Константина были прикреплены к земле колоны: их лишили права перехода из одного имения в другое. Беглых колонов предписывалось заковывать в кандалы, возвращать на прежние места и силой принуждать к выполнению прежних работ, платежей и повинностей. Согласно указу, тот, кто принял беглого колона, должен был вернуть его прежнему владельцу и сверх того возместить не выплаченную за этот период подать. Колона, подозреваемого в намерении бежать, следовало заковать в кандалы, подобно рабу. Колонам запрещалось добровольно поступать на военную службу, так как тем самым они изменяли свой социальный статус. В областях со слабым развитием рабовладельческих отношений, где дольше сохранялось свободное крестьянство, закрепощение колонов произошло позже: колоны Иллирика были прикреплены лишь в 371 г., колоны Фракии — в 392 г. К концу IV в. прикрепление колонов к земле было в основном завершено. Эдикт императоров Аркадия и Гонория (конец IV или начало V в.) называет колонов «рабами земли» (*servi terrae*) и разрешает продавать их вместе с имениями.

Ремесленники, занятые в государственных мастерских, были прикреплены к своему ремеслу; рескрипт Аркадия и Гонория от 398 г. предписывал даже клеймить этих работников, «чтобы было легче их найти, если они скроются». В связи со значительным сокращением ремесленного производства в III в. государство было вынуждено в период поздней Империи взять в свои руки изготовление оружия, одежды и прочей экипировки для армии. Около 400 г. в Западной Римской империи существовало 20 таких государственных «фабрик» (*fabricae*). Самостоятельно хозяйствующие ремесленники, вынужденные в силу экономической необходимости объединяться по профессиям (сколько профессий в данном городе, столько и корпораций, или коллегий), были прикреплены к *коллегиям*: записавшись в число ремесленников какой-нибудь профессии, человек уже не мог без разрешения властей бросить свое ремесло. Коллегия в целом отвечала за сбор палогов со своих членов.

В IV в. Константин и его преемники издали ряд указов о закреплении сословия *куриалов* — городских землевладельцев, из которых состояли городские советы — *курии*. Им запрещалось покидать город, и были ограничены их права на продажу имений. Принадлежность к сословию куриалов стала наследственной. Важнейшей государственной повинностью этого сословия была ответственность за сбор налогов с городского населения и с сельских жителей, приписанных к городу. Почетная ранее принадлежность к сословию куриалов (в III в. оно называлось сословием *декурионов*) превратилась для большинства из них в тяжкое бремя.

Согласно рескрипту Константина от 326 г., сыновья ветеранов должны были или стать куриалами, или идти на военную службу. Значительная часть римской армии состояла из рекрутов, набираемых из сельского населения (колонов и др.); рекрутам ставили клеймо на руку.

В поздней Римской империи рабы были пизведены до вспомогательной роли в производстве, так как выяснилось окончательно, что эксплуатация работников, хозяйствующих самостоятельно, экономичнее, а наличные средства насилия уже вполне позволяли осуществлять такую эксплуатацию. Это, однако, отнюдь не облегчало положения рабов. Напротив, именно со времени Константина законодательным путем ужесточается обращение с ними. Указ Константина от 319 г. освободил господина от ответственности за убийство раба, если смерть последнего наступила от бичевания розгами или плетью или заключения в оковы. Запрещалось лишь преднамеренно убивать рабов дубинкой, камнем, оружием, повешением, сбрасыванием с высоты, растерзанием дикими зверями, огнем, отравлением. Приведенный в эдикте перечень запрещенных способов убийства рабов красноречиво свидетельствует о фактических расправах с ними.

В религиозной политике Константин резко разошелся со своим предшественником: Диоклетиан боролся с христианством,

а Константин признал его⁶: в 313 г. Константин совместно с Лицинием, своим тогдашним союзником по борьбе за власть, издал так называемый Миланский эдикт, объявивший христианство равноправной религией наряду с другими, существовавшими в Империи. В ответ на это уже в 314 г. церковный собор (съезд высшего духовенства) в городе Арелате в Южной Галлии постановил, что христиане не должны впредь отказываться нести военную службу в римской армии. В 314 г. римскому епископу был предоставлен в качестве резиденции Латеранский дворец. Во многих городах началось строительство церковных зданий. Христианство фактически стало господствующей религией.

В 325 г. церковный собор в малоазиатском городе Никее проходил с участием императора. Были сформулированы обязательные основы христианского вероучения. Языческие культы с этого времени начинают вытесняться, хотя официально они были запрещены лишь в самом конце IV в. Господствующая церковь стала называться христианской, апостольской, католической (всеобщей) и православной (т. е. единственно правильной).

Получив официальное признание, христианская церковь превращается из гонимой в сильную и богатую организацию. В ее руки стекаются дарения императоров и частных лиц, наследства по завещаниям, платежи за церковные службы, доходы от эксплуатации рабов и колонов в церковных и монастырских хозяйствах. Церковь становится крупным землевладельцем и рабовладельцем. Создается целая иерархия церковных должностей во главе с *архиепископами* и *епископами*. Епископы крупнейших городов — Рима, Александрии, Константинополя, Иерусалима и Антиохии — возвысились над прочими и приняли титул *патриарха*. Римский и александрийский патриархи назывались, кроме того, *папами*; потом этот титул удержался только за римским патриархом.

Высшее духовенство христианской церкви превратилось в союзника государственной власти и господствующего класса. В то же время социальная борьба часто стала принимать форму *ересей*, т. е. религиозных течений, несогласных с официальной церковью.

Император Юлиан Отступник (361—363) попытался восстановить язычество и порвал с христианством, за что и получил от христианской церкви свое прозвище. Он приказал отнять у христиан переданные им раньше языческие храмы и вернуть их жре-

⁶ Впоследствии была пущена в ход легенда, будто бы перед одной из битв Константина с соперниками он видел во сне Христа со знаменем, на котором были изображены крест и надпись «сим победишь». Конъюнктурный характер сделки с христианством виден из того, что Константин, хотя ему и случалось председательствовать на церковном соборе, принял крещение лишь перед смертью. Однако он позволил своей матери Елене поехать в Иерусалим, чтобы отыскать там остатки креста Иисуса.

цам. Были восстановлены жертвоприношения языческим богам, в которых принимал личное участие император. В жертву приносилось огромное количество животных. Юлиан начал конфискацию земли у христианских общин и передачу ее городам, чтобы поддержать разоряющееся сословие куриалов — социальную опору Римской рабовладельческой империи. Христианам было запрещено занимать командные должности в армии и государственном управленческом аппарате, а также преподавать в школах. Последняя мера вызвала осуждение даже со стороны такого поклонника Юлиана, как историк Аммиан Марцеллин, который в целом одобрял попытку императора спасти гибнущую античную культуру. Юлиан был образованным человеком и талантливым писателем. В своих сочинениях он справедливо критиковал христианское духовенство за аморальное поведение, стяжательство и властолюбие. Он не просто решил снова ввести римскую общинную религию в ее прежнем виде, что было явно невозможно, но попытался наполнить ее философским и этическим содержанием и противопоставить христианству в некоем обновленном виде. Попытка оказалась искусственной и неудачной; и в целом политика Юлиана, направленная на восстановление античных городов с их языческой культурой и на поворот вспять развития римского общества, не могла не кончиться провалом.

Гибель Юлиана во время войны с Ираном положила конец реставрации язычества. Христианская церковь полностью восстановила свои позиции и продолжала укрепляться в дальнейшем. Христианство больше соответствовало историческим условиям поздней Римской мировой империи, нежели любые общинные (полисные) религии.

Правление Юлиана отмечено также безуспешной попыткой искоренить коррупцию государственного аппарата. Сильно разросшийся на основе реформ Диоклетиана и Константина бюрократический аппарат обременял население незаконными поборами и взятками; вошла в систему купля-продажа должностей. Юлиан производил чистку государственного аппарата, начиная с центральных органов; некоторые бюрократические функции взял в свои руки, а некоторые передал городским советам — куриям; применял традиционный метод угрозы наказаниями чиновникам за злоупотребления властью. Но его мероприятия не дали ожидаемого результата, и поэтому от одних мер он был вынужден отказаться сам, а от других отказались его преемники. Эта неудача Юлиана свидетельствовала о решительной невозможности искоренить продажность бюрократического аппарата в условиях разлагающегося древнего общества, когда государственный аппарат превратился из орудия императорской власти в мощную силу, ограничивавшую формально всемогущую власть императора.

3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В IV—V вв.

Разложение древнего общества в поздней Римской империи проявлялось в распаде полисной формы земельной собственности и в укреплении крупной частной земельной собственности, в ослаблении связи между гражданином и полисом. Упадок городов был связан с социально-экономическим расслоением городских землевладельцев. Верхушка куриалов захватывает ведущее положение в городе, обогащается за счет городских доходов, а всю ответственность за сбор государственных налогов возлагает на массу рядовых куриалов — средних и мелких землевладельцев, хозяйства которых приходят в упадок. Хотя, по сообщению антиохийского ратора Либания, иногда происходили случаи преднамеренного пропикновения разбогатевшего плебея в число куриалов — путем покупки имения на городской земле владельцем ремесленной мастерской, дававшей ему основной доход, однако они, по-видимому, были редкими исключениями. Массовым явлением было разорение куриалов и стремление их выйти из своего сословия. Они бегут из родных городов, стараются продать свои имения, поступить на военную или гражданскую государственную службу, становятся колонами магнатов, женятся на рабынях, отправляют своих сыновей учиться в другие города, чтобы они уже не возвращались в свой город. Например, в Антиохии на Оронте в течение IV в. число куриалов сократилось с 600 до 60 человек. В IV—V вв. куриалы отвечали за сбор налогов уже не только своим имуществом, но и личностью. За недоимки их подвергают конфискации имущества (вследствие чего тает городской земельный фонд), заключению в тюрьму и публичным позорным наказаниям, например бичеванию на городской площади с напяленным на голову шутовским колпаком. Учащаются выступления городского плебса против тяжелых налогов, происходят голодные бунты люмпен-пролетариев. Приходит в упадок городское благоустройство. Сокращается городское население. Однако все эти явления были выражены неравномерно в разных городах Империи. В восточных провинциях упадок городов был слабее, чем на Западе, потому что на Востоке было меньше распространено классическое рабовладение, а следовательно, и кризис рабства ощущался несколько слабее; здесь торгово-ремесленная деятельность была стабильнее.

Мелкие города повсюду в Империи переживали более сильный упадок, нежели крупные, так как последние могли успешнее противостоять натиску магнатов. С упадком мелких городов в IV—V вв. некоторые крупные города переживают даже временный подъем, связанный с концентрацией в них ремесла и торговли. Например, в одном из крупнейших городов римского Востока — Антиохии на Оронте, по свидетельству Либания, в IV в. сосредоточивалась оживленная торговля, велось обширное строительство; в то же время многие мелкие города Сирии прев-

ращались в села и вместе со своими землями поглощались крупными экзимирированными владениями. В IV—V вв. рост крупных городов в восточных (ранневизантийских) провинциях происходил не за счет общего подъема торгово-ремесленной деятельности, а преимущественно за счет упадка множества мелких городов, которые попадали в зависимость от крупных: именно в них сосредоточивалась провинциальная администрация и землевладельческая знать и сюда прилиvalo торгово-ремесленное население из городков маленьких. В столицах провинций сооружаются дворцы правителей, здания гражданских и военных учреждений, государственные склады и мастерские, отстраиваются церковные центры, возводятся военные укрепления, а также ведется частное строительство — вырастают богатые особняки и дворцы городской знати. Новые военно-административные и церковные центры создаются в значительной степени на месте старых общественных центров городов; для их сооружения нередко разбирают общественные постройки. Строительство в крупных городах ведется в большой степени за счет бюджета мелких городов; из последних вывозят строительные материалы, часто разрушая для этого городские здания. В больших городах размещаются постоянные гарнизоны, так как с упадком полисной организации функция поддержания общественного порядка все в большей степени возлагается на государство.

В римской Африке в период с конца III по начало V в. продолжался повсеместный рост городов. Однако в отличие от ранней Империи теперь строительство и благоустройство, организация зрелищ и поддержание образования в городах осуществлялись главным образом не за счет городской казны, а на средства частных лиц из среды богатейших городских землевладельцев, составлявших верхушку курии — *principales*. Большинство членов курии составляли владельцы небольших vill и земельных участков. Городские плебеи также имели земельные участки, только меньших размеров. В IV в. города продолжали играть важную роль как очаги товарно-денежных отношений, где, в частности, заключались многие торговые сделки по сбыту сельскохозяйственных продуктов, например хлеба и оливкового масла, крупным поставщиком которых оставалась Северная Африка. Социально-экономической основой североафриканских городов и в период поздней древности оставалось землевладение, а не торгово-ремесленное предпринимательство. В конце III—IV вв. в африканских городах восстанавливаются разрушенные или обветшавшие здания и ирригационные сооружения, что особенно характерно для времени Диоклетиана; в более поздний период возводятся новые общественные сооружения и жилые дома, вырастают целые кварталы. Не только в Карфагене, но и в небольших городах обычным явлением остаются театральные и цирковые представления.

Однако за восстановленным фасадом привычного образа жизни происходило разложение основ полисной организации, что

проявлялось прежде всего в резкой социально-экономической дифференциации городского населения. Проповеди Августина, епископа города Гиппона, свидетельствуют о наличии в африканских городах конца IV — начала V в. богатейших граждан на одном общественном полюсе и нищих горожан, целиком зависящих от частной или церковной благотворительности, — на другом. Города теряют автономию, будучи вынужденными переходить под *патронат* могущественных представителей провинциальной гражданской и военной бюрократии. Центральное имперское правительство колебалось между политикой покровительства городам и усилением налогового нажима на них, причем последняя тенденция преобладала. Так, не будучи в состоянии справиться с независимостью от фиска магнатов, государство возложило на куриалов сбор налогов с сенаторских земель (а следовательно, и ответственность за недоимки). После ряда запретов возлагать на куриалов эту обязанность Аркадий и Гонорий в 397 г. вновь подтвердили ее. И все же, несмотря на все трудности и внутренние антагонизмы античного города, и средние и мелкие муниципальные землевладельцы были заинтересованы в его сохранении, так как он в какой-то мере защищал их от наступления магнатов. Это проявилось, например, в совместной заботе горожан о защите от нападений берберских племен.

В связи с натурализацией экономики в поздней Римской империи государство было вынуждено переходить к самообеспечению ремесленными изделиями, прежде всего с целью снабжения армии. В императорских ремесленных мастерских трудились прикрепленные к ним ремесленники из свободных сословий, а также рабы. В частном ремесле в III—V вв., по-видимому, преобладал труд свободных мелких производителей, объединенных в коллегии. Хотя некоторые ремесленники и держали по несколько рабов, а также еще встречались ремесленные мастерские, полностью основанные на рабском труде, в целом происходило вытеснение рабов из производства.

Центры экономической жизни Империи постепенно смещались из городов и связанных с ними рабовладельческих вилл в крупные имения, основанные на рабочей силе протофеодалного типа. Ведущим типом землевладения в IV—V вв. стали крупные поместья, изъятые из ведения городов и зависящие лишь от государства.

В имениях магнатов развивалась многоотраслевая экономика, существовали местные рынки, постоянные лавки, сооружались храмы, бани. Все это способствовало тому, что они становились центрами притяжения для окрестного сельского населения. Вблизи усадьбы магната располагались поселения колоннов, а сама усадьба укреплялась, превращаясь в крепость, где сосредоточивались хозяйственные склады, администрация (видимо, обычно состоявшая из рабов), военная сила, тюрьма. Владельцы крупных сальтусов представляли перед государством население своих земель: собирали и поставляли государству зе-

мельную подать (*аннону*) и рекрутов. В восточных провинциях магнаты обычно устраивали свои резиденции в городах.

В период поздней Империи крупное землевладение растет за счет скупки имений разоряющихся городских землевладельцев, скупки или захвата земель из общественного фонда городов и свободных сельских общин. Сенаторское, императорское, и церковно-монастырское землевладение было привилегированным — свободным от муниципальных повинностей, от государственных отработочных повинностей (строительной, извозной, военных постоев и др.), от чрезвычайных поборов. Это привлекало в поместья магнатов держателей наделов из имений городских землевладельцев. Рабы и колоны муниципальных владельцев бегут в имения магнатов или отдаются под их покровительство.

В IV—V вв. распространился *патроциний*, или патронат («отцовское покровительство»). В законе 395 г. говорилось, что крестьяне с помощью патроната «сопротивляются государственным повинностям». Спасаясь от задолженности по податям и повинностям, от притеснения государственных чиновников, от военных погромов в ходе варварских нашествий, под покровительство «сильных» людей — военачальников, сенаторов-магнатов — отдавались отдельные крестьяне, ремесленники, куриалы, целые села и даже города. Аграрный патронат деревень был характерен лишь для восточных провинций, в западных была распространена индивидуальная форма патроната, поэтому на Западе была сильнее зависимость крестьян от патрона, чем на Востоке, где община оказывала коллективный отпор притязаниям патрона. Отдавшиеся под покровительство уплачивали патрону лишь часть того, что ранее им приходилось отдавать государству или муниципальному землевладельцу. Однако патронат приводил к постепенной утрате крестьянами земельной собственности и личной свободы, к превращению их в колонов патрона. Переход крестьян под патронат не всегда был добровольным, порой магнаты принуждали их к этому силой.

В сельском хозяйстве IV—V вв. продолжалось вытеснение рабского труда из производства и замена его трудом разного рода зависимых держателей мелких наделов. Все более сближалось положение зависимых земледельцев — колонов разных категорий, рабов на пекулии, варваров-поселенцев летов и др. При этом положение свободных земледельцев ухудшалось: колоны не только были прикреплены к земле, но и ограничены в распоряжении своей собственностью — указом императора Валентиниана и Валента 365 г. колонам запрещалось отчуждать что-либо из своего имущества без ведома господина (владельца имения). Колоны фактически перестают рассматриваться как свободные граждане государства, а превращаются в подданных тех магнатов, на земле которых они держат наделы. В то же время рабы с пекулием ведут свои мелкие хозяйства на тех же условиях, что и колоны, живут в деревнях попеременно с колонами; магнаты выставляют в качестве рекрутов как колонов, так и рабов.

Рост крупного землевладения в сочетании с мелким производством и эксплуатацией зависимых мелких держателей неизбежно вел к отказу от интенсивных отраслей сельского хозяйства, в которых применялся труд рабов-специалистов, и к распространению экстенсивного земледелия и скотоводства, что прослеживается, например, в Италии IV в. Исследователи отмечают подъем производства зерновых в Италии: расширяются площади посевов, для чего сводятся леса и кустарники, осваиваются засоленные и заболоченные земли; хлебные культуры занимают склоны холмов, ранее отводимые под виноградники. В IV в. Италия, по-видимому, обеспечивала себя хлебом. Виноградарство же и оливководство пришли в упадок: сократились площади под виноградниками и маслинниками, ухудшился уход за лозой и оливой, утрачены павыки обработки винограда и оливок. Италия почти перестает вывозить вино и оливковое масло. Таким образом, наблюдается упадок прежних интенсивных и товарных отраслей земледелия. В III—IV вв. приходит в упадок и животноводство в Италии. Если в предшествующие века в этой стране было распространено наряду с отгонным скотоводством и стойловое содержание животных, при котором значительную долю их рациона составляли хлебные продукты и луговое сено, причем на лугах тщательно ухаживали, то в IV в. главной кормовой базой животноводства стали естественные пастбища, а не культурные луга. Крупный рогатый скот круглый год содержался под открытым небом. Корм заготавливали только для рабочего скота. В качестве тяглового скота использовались не только волы, но и коровы, что говорит об упадке продуктивности молочного скота, а также, по-видимому, и о нехватке рабочего скота. Овцы и свиньи, куры и гуси тоже содержались на подножном корму, без тщательного ухода. Предполагается общее снижение численности скота и птицы в Италии III—IV вв.

Поскольку для колонов и подобных им мелких производителей превращение их небольшого прибавочного продукта в денежную форму представляло дополнительные трудности, в частности из-за колебания цен, недостатка транспортных средств и т. п., что вело к задолженности налогоплательщиков, государство и крупные частные землевладельцы были вынуждены перейти к их эксплуатации посредством сбора натуральных налогов и трудовых повинностей. Это вело к свертыванию торговли, что характерно и для позднеантичной Италии. Если еще со II в. до н. э., по данным Катона, итальянские города были важными центрами ремесленного производства, где владельцы поместий покупали ремесленные изделия и продавали сельскохозяйственную продукцию, то в IV в. н. э., судя по трактату итальянского землевладельца Палладия, ремесло перемещается в поместья. Силами поместных ремесленников производились самые различные работы, включая кузнечные, изготовление кирпича, строительство и т. д. Кроме собственных рабов иногда в поместье работали и наемные ремесленники. По-видимому, уделом город-

ских ремесленников-профессионалов оставались только наиболее сложные производства — изготовление различных металлических инструментов, литых медных сосудов, стеклянной посуды и т. п. Перемещение ремесленного производства из города в поместье, в свою очередь, вело к сокращению товарных отношений. Хотя в трактате Палладия упоминается покупка поместьями семенного зерна, продажа крупными имениями племенного и рабочего скота и солонины, в целом в его сочинении предстает поместье, ведущее в основном натуральное хозяйство.

Поместная администрация, судя по Палладию, состояла из рабов; вероятно, и занятые в имении ремесленники и квалифицированные сельскохозяйственные работники, например садовники, нередко являлись рабами. Сельскохозяйственных работников имения он называет сельчанами (*rustici*), как в эпоху Империи обозначали колонов.

Еще одним новым явлением IV—V вв. был рост церковного землевладения после признания христианства римским государством. Епископское и монастырское землевладение было самым привилегированным: оно не облагалось государственными налогами, а население церковных земель подлежало лишь юрисдикции церкви. Таким образом, церковное землевладение более, чем крупное светское (сенаторское), приближалось по своему характеру к феодальному землевладению. Следует отметить, что в поздней Римской империи начали сливаться четко различаемые в классическом римском праве понятия «собственность» (*dominium*) и «владение» (*possessio*). Будучи особо привилегированным землевладельцем, церковь могла создавать для своих колопов наиболее благоприятные условия держания земельных наделов. Правда, чтобы сохранять влияние на массы верующих, церковь должна была уделять часть своих доходов на раздачи бедным. Таким образом, она взяла на себя частично обязанности муниципальных властей по оказанию помощи бедноте. Церковная благотворительность не ограничивалась сословными рамками. В период поздней древности сословные различия начали стираться и при городских раздачах: например, в праздники раздавались угощения детям бедняков, как свободных, так и рабов. С ростом богатства и политического влияния церкви во многих городах руководящая роль в управлении переходит к епископу. В IV—V вв. церкви нередко приходилось отстаивать свои владения от посягательств со стороны отдельных светских магнатов, поэтому для укрепления своих экономических позиций она пуждалась в союзе с императорской властью.

По мнению ряда исследователей, в последние два века существования Римской империи в ней возросла роль сельских общин — не только свободных сельских общин там, где они еще сохранились, например в дунайских провинциях и в Северной Галлии, но и общин зависимых крестьян-колонов, сидевших на чужой земле — частновладельческой, императорской, городской. Процесс возрождения сельской общины был связан с нуждой

мелких землевладельцев во взаимопомощи. По мере того как колонны превращались в основную категорию производителей в сельском хозяйстве, сельская община становилась исторической необходимостью. Община этого периода была уже явлением нового качества, поскольку объединяла не свободных граждан, а зависимых (по существу, уже феодально-зависимых) крестьян. Впрочем, вопрос о сельской общине в поздней Римской империи относится к числу дискуссионных.

4. НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

К концу IV в. закончилась временная стабилизация Римской империи, достигнутая реформами Диоклетиана и Константина. Усилились долговременные факторы, вызвавшие в свое время кризис III в.: концентрация земельной собственности, вытеснение рабского труда из производства, втягивание свободных непосредственных производителей в сферу частной власти магнатов, упадок античных городов, вторжения германских и других племен в пределы Империи. Особенно бурно эти процессы протекали в западной половине Империи. В 395 г. произошел окончательный раздел Римской империи на Западную и Восточную. Западноримская империя просуществовала лишь до 476 г., будучи завоевана варварскими племенами, а Восточноримская пережила ее на целое тысячелетие, постепенно превратившись в феодальное государство — Византию.

Новый этап обострения внутренних антагонизмов и военной опасности в конце IV и V в. отмечен в истории Западной Римской империи подъемом народных движений. Подавленное при Диоклетиане движение *багаудов* в Галлии вновь развернулось в начале V в. К этому времени здесь сложилась следующая обстановка. В связи с ростом крупного землевладения усилилось разорение свободного крестьянства и закрепощение колоннов. Имперское правительство отозвало большую часть войск из провинций, в том числе из Галлии, для защиты Италии от вторжений соседних племен. В Галлии захватил власть узурпатор Константин. В 406—407 гг. Галлия была опустошена вторжением племен вандалов, аланов и свевов. Усиление эксплуатации и варварское нашествие резко ухудшили положение народа. В 408 г. в северо-западной области Галлии,Armorike, и в некоторых других галльских областях произошло восстание, в ходе которого были изгнаны римские магистраты и создано самоуправление. Предполагается, что восстание в Armorike охватило широкие народные массы, но цели его ограничивались отделением от Империи. Одновременно с этим сепаратистским восстанием происходили стихийные и разрозненные выступления крестьян, колоннов и рабов против земельных магнатов и небольших правительственных отрядов. Так, известно, что в 408 г. в альпийских про-

ходах багауды отняли военную добычу у отряда имперских войск под командованием гота Сара, который возвращался из Галлии в Италию.

В середине 30-х годов народное движение в Галлии усилилось. В 435—437 гг. произошло новое восстание армориканцев с целью отделения северо-запада Галлии от Римской империи. Галльская хроника одновременно характеризует это восстание как движение багаудов, во главе которого стоял некий Тибатон. Предполагается, что крестьяне и колонны не только были основной движущей силой восстания, но и играли в нем руководящую роль. Однако и на этот раз багауды, по-видимому, ограничивались стихийными и разрозненными нападениями на усадьбы магнатов, изгнанием римских чиновников, прекращением выплаты государственных налогов и т. п. Имперские войска, занятые в это время борьбой с вторгшимися в Галлию франками, бургунами и вестготами, не могли быть немедленно обращены против повстанцев. Только после разгрома в 436 г. бургунов римский воспачальник Аэций направил в Арморикун гуннскую конницу во главе с римским полководцем, и движение багаудов здесь было подавлено.

В 447—449 гг. Арморика снова отложилаь от Империи. Для подавления восстания Аэций послал сюда войско алапов. Верхушка армориканского общества во главе с епископом Германом заключила перемирие с предводителем аланов Гоаром на том условии, что армориканцы получают прощение от Аэция и императора. Епископ Герман отправился в Рим для переговоров, но они были сорваны новым восстанием багаудов во главе с Тибатоном, уцелевшим при подавлении предыдущего движения. Это значит, что вождю багаудов удалось вопреки проримской партии из местной знати снова поднять па борьбу крестьян, колоннов, а также городских ремесленников. В «Житии Германа» состав повстанцев определяется как *plebs urbana vel rustica*, т. е. как городской и сельский плебс. Предполагается, что руководящая роль в восстании и на этот раз принадлежала крестьянам и колоннам. Восстание было жестоко подавлено.

Епископ марсельский Сальвиан (V в.) называет народные движения в Галлии багаудией, определяя их не как отдельные выступления, а как постоянное движение, некое сообщество или сообщества, где находили приют беглецы и мятежники (*rebелles*). По-видимому, в обычное время багауды представляли собой вооруженные отряды, которые бродили по стране, нападая на усадьбы магнатов и плохо защищенные города. При этом они вступали в сражения с небольшими отрядами правительственных войск, как это имело место в 408 г. в Альпах. В периоды широких антиримских восстаний они являлись их наиболее активными участниками и привносили в движение социальный протест против гнета земельных магнатов, рабовладельцев и государственной власти. В источниках нет указаний на наличие у багаудов армии, способной давать сражения правительственным

войскам. По-видимому, восставшие действовали разрозненными небольшими отрядами. Сепаратистские выступления и движение багаудов объективно способствовали варварским завоеваниям.

Есть упоминания о движении багаудов в Испании 40—50-х годах V в. Центром движения багаудов на Пиренейском полуострове были романизованная провинция Тарракона. Здесь имелись императорские домены и обширные поместья магнатов. В то же время здесь еще сохранялось и свободное крестьянство. Предполагается, что в состав испанских багаудов, как и в Галлии, входили крестьяне, колоны, беглые рабы. Даных о какой-либо связи между багаудами Галлии и Испании нет. В 454 г. восстание багаудов в Тарракопе было подавлено по поручению имперского правительства вестготским военным отрядом.

Для социальной борьбы в римской Африке, где рано получило широкое распространение христианство, в IV—V вв. была характерна ее связь с религиозной борьбой между католической и допатристской церквями, раскол между которыми произошел в 312 г. В богословском и организационном отношении допатизм почти не отличался от ортодоксального христианства. В течение первых десятилетий после раскола допатристские епископы не проявляли открытой враждебности к императорской власти, но под влиянием демократических элементов в составе христианских общин, которые воспринимали допатизм как антиримское движение, допатристский клир был вынужден встать в оппозицию к императорской власти.

Радикальным крылом допатристской церкви являлась секта *агонистиков*, довольно отчетливо выступающая в сочинениях католических писателей, боровшихся с допатизмом. Термин «агонистики», обозначающий «борцов», «святых», «защитников истинной веры», состязавшихся с дьяволом, был самоназванием этих сектантов; идеологические противники, например католический епископ Августин, называли их *циркумцеллионами*, что буквально значило «бродящие вокруг крестьянских клетей». Это второе название, вероятно, связано с тем, что агонистики существовали на окраинах сельского населения. Социальный протест агонистиков против существующего строя выражался, в частности, в том, что они отказывались заниматься производительным трудом. Предполагается, что в составе агонистиков были свободные крестьяне, колоны, беглые рабы. Агонистики образовывали бродячие вооруженные отряды. В их организацию входили и мужчины и женщины, им полагалось соблюдать безбрачие. Агонистики собирались на сходки и богослужения, современники сопоставляли их с монахами в католической церкви. Донатисты не использовали агонистиков как боевые отряды для борьбы против католической церкви. Сначала агонистики из религиозных соображений пользовались только деревянными дубинками, потом стали использовать и железное оружие. Они нападали на католические храмы и дома католических священников, а также на усадьбы богатых землевладельцев и дома ростовщиков, расправ-

ляясь с хозяевами, захватывая их имущество, уничтожая долговые расписки. Церковный писатель IV в. Опатат сообщает, что агонистики, встретив на дороге богатый экипаж, выгоняли из него господ, сажали на их место рабов, а господ заставляли бежать впереди, подобно рабам.

Агонистики принимали участие в восстаниях сельского плебса, происходивших в Северной Африке в 40-х годах IV в. и в первые десятилетия V в. Предполагается, что они играли руководящую роль в этих восстаниях. Во время восстаний они переходили от религиозной борьбы к открытой классовой борьбе. В районах действия повстанцев прекращался сбор государственных палогов и происходило освобождение многих рабов.

Четкой социальной программы агонистики не имели. Современные исследователи считают, что они руководствовались раннехристианской идеей подготовки к концу света и божьему суду. Они не ожидали для себя улучшения жизни на этом свете, и поэтому некоторые из них, расправившись с несправедливыми угнетателями, спешили добровольно умереть, кончая самоубийством, надеясь получить воздаяние в царстве божьем. Для секты агонистиков был характерен аскетизм и стремление к мученичеству. Движение агонистиков было шагом вперед по сравнению с движением багаудов, так как они руководствовались в своей борьбе с существующим общественным строем некоей, пусть фантастической, идеей переустройства мира. Агонистики принадлежали к наиболее ранним представителям крестьянско-плебейской ереси в христианстве, которая станет типичной для классовой борьбы угнетенных народных масс в средние века.

Процесс экономической и политической децентрализации, предвосхищающей феодальную раздробленность, особенно резко был выражен в западных провинциях, где частная земельная собственность была развита сильнее, чем в восточных провинциях с их более многочисленными и богатыми городами и крупным императорским землевладением. Это, по-видимому, способствовало завоеванию западной половины Римской империи варварскими племенами в V в.

ИДЕОЛОГИЯ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

1. ФИЛОСОФСКИЕ УЧЕНИЯ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ¹

С конца II в. борьба между обреченным античным укладом и феодализирующимся неантичным укладом составляла основу кризиса Империи. Решающее влияние оказала она и на судьбу римской культуры.

Крупным философом-стоиком был император Марк Аврелий, но на его произведении «К самому себе» лежит печать вырождения стоицизма. Марк Аврелий, как Сенека и Эпиктет, исходил из общности всего существующего, проникнутого одной материей, душой, разумом, единым логосом, ставшим множественностью в существующих предметах. Он подчеркивает разумность законов природы; все, что происходит, происходит ко благу целого в результате сценления причин, образующего необходимость. Человек должен поступать так, как подсказывает ему его ум, его «гений», и не тревожиться, глядя на других, которые поступают иначе. Для него достаточно исполнять свой долг, не желать невозможного, не быть ни рабом, ни тираном.

В то же время идея необходимости и внутренней неизменности мира при видимой его изменчивости переходит у Марка Аврелия в тягостное сознание тщетности какой бы то ни было деятельности. Есть только одна достойная задача: без гнева провести жизнь среди людей, творящих несправедливости, лжецов, столь отвратительных, что их с трудом можно выносить. Отчужденность человека, его бессилие перед необходимостью, по существу непознаваемой, — основное в философии Марка Аврелия. Его философия никакой ориентации для жизни и деятельности дать

¹ Раздел 1 представляет собой сокращенный вариант главы 4 из книги Е. М. Штаерман «Кризис античной культуры» (М., 1975); в прочих разделах редакционная коллегия частично использовала материалы С. С. Аверинцева.

не могла. И не случайно, что в дальнейшем сколько-нибудь крупных произведений, написанных стоиками, не появлялось.

Вообще обстановка для философии, искавшей рационального обоснования мировой гармонии и апеллировавшей к разуму, складывалась неблагоприятная. В связи с общим ухудшением положения Римской империи усилился идеологический нажим сверху. Недоверие стали вызывать не только сомневающиеся в правомерности апофеоза империи, но и мыслящие вообще. Императоры требовали непрестанного восхваления того счастья, которое они принесли подданным. Руководство по составлению речей, написанное одним ритором III в., поучает: всякую обращенную к императору речь следует начинать с утверждения, что в его правление установился «золотой век». Любое несогласие с официальной позицией, в какой бы форме оно ни выступало, жестоко преследовалось.

Однако репрессии не могли предотвратить попыток найти ответ на вопрос, откуда же идет зло, попыток, стимулировавшихся вопиющим противоречием между официальной идеологией и реальной действительностью. Проблему соотношения единства и множественности, целей и задач жизни стоицизм решить уже не мог. Поиски пошли теперь по другим путям.

Один из таких путей был представлен возрожденной врачом Секстом Эмпириком школой скептиков. Секст Эмпирик отрицал, что какие-то идеи о боге, добродетели и т. п. даны человеку от природы. Ссылка на природу, к которой прибегают «догматики» (т. е. философские школы, претендующие на знание истины), никак не может быть неким изначальным критерием, служащим основой дальнейших рассуждений.

Особенно решительно Секст Эмпирик выступает против догматической этики, обучающей людей искусству жить. Само разнообразие этических систем показывает, что нет никакого критерия для суждения о том, что такое добро и зло, счастье и несчастье. В этике все исходные понятия субъективны, а значит, они не существуют или не познаваемы ни для чувств, ни для интеллекта. Если отказаться от суждений о добродетели и пороке, о добре и зле, то, конечно, тоже будешь страдать от холода, голода, разочарований, но по крайней мере не будешь испытывать дополнительные страдания от мысли, что все это зло «по природе», и не будешь мучиться попытками достичь того, что считаешь «по природе» благом. Руководствоваться же следует законами и обычаями того народа, того государства, в котором живешь. Если все верят в богов и приносят им жертвы, делай то же, не размышляя о природе богов. Если стоишь перед выбором между честным и бесчестным, руководствуйся обычаями предков. Одним словом, живи по нефилософским жизненным установлениям, деятельно и спокойно. Скепсис Секста Эмпирика — это призыв руководствоваться коллективной мудростью своего народа, отказаться от индивидуализма, несовместимого с античным самосознанием. Однако реальная обусловленность бытия граж-

дан бытием общины по мере разложения античного полиса уже не могла восстановиться. Кроме того, жизнь была слишком тяжелой, чтобы принять ее без попыток найти какой-нибудь ответ на возникшие вопросы.

✓ Разочарование в философии рационализма, возрождение скептицизма отодвигали разум на второй план. Первое место отводилось стоящему над разумом началу, рационально непознаваемому.]

Наиболее характерными из подобных учений в конце II—III в. были герметизм и гностицизм. Первый получил свое название от имени отождествленного с египетским богом Тотом греческого бога Гермеса, носившего у герметистов эпитет «Трисмегист» («трижды величайший»). Последователи герметизма считали бога высшим благом, основой мирового порядка и движения космоса. Бог не ум и не истина, он выше их, но ему обязаны существованием и ум и истина. Он же создал человека, единственное способное познать бога существо, некогда пребывавшее в духовном мире, но затем соединившееся с материальной природой, вследствие чего человек стал двойствен: душа его бессмертна, тело смертно и подчинено господствующей в мире необходимости. Познавший бога и преодолевший желания тела — причину смерти — станет бессмертным, причастным богу, не познавший же своей небесной природы умрет. Земля — дом зла; судьбой человека управляют демоны, связанные с планетами, от которых люди получают свои свойства. После смерти души проходят сферы планет, постепенно очищаясь от телесных страстей и пороков, чтобы потом вселиться в новые тела. Душа, приобщившаяся к богу, уже на земле становится выше демонов и может поведовать ими.

Еще более отрицательно к материальному миру отнесился гностицизм. Это было весьма неоднородное учение, включающее различные школы (о нем речь еще пойдет ниже в связи с историей христианизации Римской империи). Системы гностиков, с которыми знакомили только посвященных, обычно содержали повествование о происхождении мира, устройстве космоса, перечень многочисленных сил, заполнявших промежуток между верховным благом богом и земным миром, сил, составлявших строгую иерархию, имевших определенные, обычно труднопроизносимые имена. Знание этих имен, а также различных формул и символов давало власть над демонами. Себя, как обладающих «абсолютным знанием» (гносисом), гностики считали «избранными» и противопоставляли погрязшим в делах этого мира людям «плоти».

{ Характерным для умонастроений,¹ обеспечивавших популярность герметизму, гностицизму и подобным направлениям, было распространение идеи неизбежной гибели мира. Боги покинут людей, воцарятся нечестие и беззаконие, земля покроется трупами, моря и реки наполнятся кровью... Бог очистит состарившийся мир наводнениями, чумой, войнами.} Так описывается

будущая судьба мира в одном из герметических трактатов. Правда, он заканчивается пророчеством о возрождении благочестия и светлого начала, но оно менее ярко и детально, чем картина упадка и разрушения.

Во всех этих учениях основы античного мировоззрения оказались подорванными. Последняя попытка спасти черты этого мировоззрения была сделана философом Платином в середине III в. Его система легла в основу построений школы неоплатоников, она изложена в ряде посвященных различным вопросам трактатов, объединенных в так называемые «Эннеады».

Для Платина мир един, но вместе с тем состоит как бы из двух сущностей, миров не отделенных а взаимосвязанных: духовного, сверхчувственного, и телесного, являющегося лишь выражением первого. В телесном, вечно меняющемся, возникающем и разрушающемся космосе нет истинного бытия; оно присуще лишь неизменному, истинному космосу. Его верховный принцип — некое единое благо, простое, бескачественное, не постигаемое разумом, которое заключает в себе все сущее, непрерывно творит мир исходящей из него силой, подобной исходящему от солнца свету. Наиболее близок к верховному благу ум, стоящий, однако, ниже его, так как ум, состоящий из мыслящего и мыслимого, уже не един, а двойствен. Следующую ступень занимает душа мира, которая благодаря присущей ей потенции, логосу, сообщает аморфной материи формы и качества, образующие все многообразие предметов и существ. По мере удаления от верховного блага излучаемый им свет тускнеет и совершенно гаснет в материи.

Материя сама по себе не зло, она лишь отсутствие блага, но, гася исходящую от верховного блага силу, она становится источником пороков и зла, свойственного телесному миру. Это зло не абсолютно, оно такая же неотъемлемая часть творимого по определенному плану космоса, как темные и светлые краски на картине. Для Платина духовный мир не противостоит миру видимому, а проникает в него, присутствует в нем и в первую очередь в человеке. В самом себе, и только в самом себе человек должен искать путь приобщения к верховному благу.

В отличие от гностиков Платин не только не отрицал «гражданские добродетели», но считал их необходимой ступенью для овладения высшими добродетелями, присущими истинному философу, способному, «поднявшись через тучи и грязь земного мира», созерцать истинный свет. Платин с презрением говорит о тех, кто ропщет на судьбу, не желая ее улучшить. Если государством правят злые, замечает он, то в этом виноваты те, кто их терпит: незачем укорять богов в своих несчастях, ведь боги помогают не тому воину, который молится, а тому, кто мужественно сражается.

Учение Платина зиждется на нерассуждающем слиянии с той всепроникающей первоосновой, которая только и делает космос единым целым. Поставив над разумом нечто высшее, Платин

стремился преодолеть то отчуждение, которое бесплодная наука стоиков преодолеть не могла.

Но те коллективы, в первую очередь гражданские общины, в которых только и могло быть жизнеспособным мировоззрение античного человека, уже нельзя было спасти. Кроме того, система Плотина была слишком абстрактна, чтобы широко распространиться. В дальнейшем в неоплатонизме стали все больше преобладать элементы магии, демонологии, крайний пессимизм, пассивность — словом, все то, против чего, хотя и не вполне последовательно, боролся Плотин.

Ориентация на идеальный, противоположный земному мир, поиски обусловливаемого экстазом соединения с миром, взгляд на материю как на источник зла/сказались также на отношении к искусству. Если статуи императоров I—II вв. при некоторой идеализации все же отличались портретным сходством, передавали образы живых людей, то императорские статуи позднего времени — это колоссальные фигуры с застывшими лицами, страшные в своем нечеловеческом величии. Они подобны тем панегрикам, которые стало принято посвящать императорам: нагромождение вычурной лести, вымученное благоговение, маскирующие страх и, возможно, тайную ненависть. И в портретах частных лиц реализм постепенно сменяется идеализмом, эстетические теории Цицерона и Горация — теорией Плотина. Главным становится стремление создать некий обобщающий образ, передать некую внутреннюю идею, воплотить душу, для которой тело лишь временная враждебная оболочка. Так, в храмах раскопанного в сирийской пустыне города Дура-Европос в изображениях богов, жрецов, молящихся отброшено уже всякое подобие реализма. Застывшие, не связанные с движением тела складки одежды, схематичные фигуры, лишенные индивидуальности лица, на которых кажутся живыми только глубоко посаженные пронзительные глаза фанатиков.

Новые черты появляются и в образе положительного героя тех времен. В конце II — начале III в. ритор Филострат написал роман о некоем Аполлонии Тианском, философе-пифагорейце, жившем во второй половине I в. н. э. Целью Филострата было изображение идеального мудреца, примера для подражания, учителя, познавшего высокие истины. Аполлоний в романе много странствует, в Индии и Эфиопии он знакомится с учениями тамошних мудрецов. Вернувшись в Империю, он ходит из города в город, поучая, как следует жить в мире, согласии и справедливости, чтить богов, и особенно Солнце — видимый образ творца и движущей силы космоса. Аполлоний совершает много чудесного: например, изгоняет демона чумы. Император Домициан заключает его в тюрьму, но Аполлоний чудесным образом спасается и помогает тем, кто боролся против этого тирана. Главное в образе Аполлония — боговдохновенная мудрость, проникновение в тайны мироздания, позволявшее ему подняться над земным,

Таков был конечный итог эволюции античного положительного героя: от гражданина, без рассуждений жертвовавшего всем ради величия своего города, через стоического философа, разумом познавшего правящую миром необходимость, свободно выполняющего свой долг на благо целого, до «боговдохновенного», чуждого земному мудреца.

2. ЛИТЕРАТУРА ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Поздняя империя IV—V вв. — время зарождения латинской средневековой литературы. Старую культуру поддерживала школа, грамматическое и риторическое обучение. Через школу старая латынь, от которой живое языковое развитие уже отошло далеко, оставалась языком верхушки общества; христианские писатели III—V вв. пользуются теми же риторическими приемами, что и языческие; христианские поэты, писавшие на библейские и богословские сюжеты, формально подражают Вергилию и Горацию.

Задачу возрождения римской литературы ставил себе кружок аристократов, группировавшихся вокруг оратора Симмаха. Этот кружок противопоставлял традиции старой римской культуры христианству и «варварству»; ему мы обязаны сохранением веренных текстов многих римских писателей и составлением комментариев к ним. Но собственное творчество консервативных кругов отличалось бесперспективностью. Пересказы старых авторов, вычурность, школьный педантизм, символично-аллегорическая фантастика — характерные признаки их литературных произведений.

Самый значительный поэт IV в. — Авсоний был преподавателем грамматики и риторики. Он оставил поэтическое описание плавания по рекам Мозелю и Рейну с зарисовками картин природы. В стихах Авсония получила разнообразное отражение жизнь галло-римского общества.

Разделение Империи на Восточную и Западную в конце IV в. вернуло Италии утраченное было политическое значение. Вновь возникает придворная поэзия, прославляющая успехи Рима в борьбе с варварами. Самым талантливым представителем этого направления был Клавдиан, писавший и по-латыни и по-гречески. Из прозаиков позднего времени наибольший интерес представляет Аммиан Марцеллин, последний крупный римский историк, продолжатель Тацита, горячий сторонник язычества и императора Юлиана Отступника (который и сам был не чужд литературе). Однако язык Аммиана Марцеллина, вычурный и трудный, невыгодно отличается от отточенного лаконизма Тацита.

В восточной части Римской империи наиболее интересным литературным жанром был роман. Он представлен такими произведениями, как «Дафнис и Хлоя» Лонга (II—III вв.), «Эфио-

рика» Гелиодора (III в.), «Левкиппа и Клитифонт» Ахилла Татия (II или III в.) и др. По сюжету все эти романы однотипны: случайная встреча и соединение героев, разлука, похищение разбойниками, мнимая гибель. Все эти несчастья не имеют внутреннего оправдания, они мотивированы лишь капризом судьбы. Ее удары герои переносят стойко; их влюбленность никогда не ослабевает. В какой-то момент этой неправдоподобной серии злоключений любящей паре наконец удается соединиться на всю жизнь.

Роман проник и в христианскую литературу. К нему близка христианская ареталогия (литература о чудесах), но существовал и христианский роман в собственном смысле слова. Таков роман о поисках святой Феклой апостола Павла и «Климентины» («Узнания»). Здесь ищут и находят друг друга не влюбленные, а отец, мать и их дети. Приключения их переплетаются с чудесами, которые творит апостол Павел, побеждающий Симопа Мага, спутницей которого оказывается Елена Троянская. Повествование ведется от имени одного из главных действующих лиц — Климента, сына Фауста. «Климентины», переведенные на латынь, явились одним из источников немецкой «народной книги о докторе Фаусте» (историческом лице XVI в.), которая, в свою очередь, легла в основу разработок сюжета о Фаусте. На латынь были переведены и греческие романы, посвященные Троянской войне и деяниям Александра Македонского, роман об Аполлонии Тианском.

Это, однако, не было магистральным направлением в литературе. В ней, как и в остальных областях культурной жизни, античные традиции отступали перед христианством.

Однако ошибкой было бы полагать, будто античная культура выродилась потому, что ее «погубило христианство», или потому, что империя урезывала политическую свободу. Именно история раннего христианства показывает, что отсутствие политической свободы и репрессии не остановили идеологического движения, отвечавшего запросам народных масс. Античная культура стала клониться к упадку по мере того, как рабовладельческая формация истощивала возможности прогресса, а ее основные классы стали классами, уходящими в прошлое. Господствующая система ценностей стала приходить во все большее противоречие с действительностью, все меньше оставалось у нее сторонников.

Протест народных масс против идеологического нажима, попыток насильно заставить верить тому, чему уже не верили добровольно, привел к окончательному расколу старой системы ценностей и появлению новой, определившей новую цель, новый смысл жизни. Христианство, даже противопоставляя себя современной ему культуре, многое из нее заимствовало. Но впитанные им элементы античного мышления, включенные в отличавшуюся от античной систему миропонимания, получили иной смысл, иную функцию.

Вернемся к маленькой христианской секте, сложившейся в I в. н. э. (см. лекцию 8). Если судить по трем первым «синоптическим» евангелиям, ее основатель Иисус учил религии аскетического бескорыстия, прощения грехов, готовности к самопожертвованию; он говорил о близости царства божьего на земле, когда будут отвергнуты те, кто придерживался формальной праведности, но будут приняты поверившие в «истинное учение» и действовавшие в согласии с ним. Он считал себя обладавшим особой благодатью, исходявшей от Духа Святого, — благодатью обетованного пророками мессии. Он считал себя Сыном Божиим в высшем смысле, но и другие подлинные приверженцы истинного учения были для него сыновьями божьими. Он считал возможной и даже вероятной свою гибель и готов был пожертвовать собой, но не терял надежды на чудесное избавление.

Для первых христиан, признавших в Иисусе ожидаемого мессию (по-гречески Христа), необходимо было найти ответ на вопрос: как могло случиться, что мессия умер от руки своих врагов, так и не создав царства правды на земле? Ответ для них заключался в том, что земная жизнь Иисуса была лишь его первым пришествием; он воскрес, явился ученикам, а затем вознесся на небеса и обретается там во славе, ожидая часа, чтобы явиться снова и сделать свою победу над миром зримой.

Второго пришествия Христа ждали совсем скоро, еще при жизни первого поколения последователей Иисуса. Казалось бы, маленькая группа христиан, остававшаяся на почве иудаизма и этим ограниченная в своих попытках обратиться с проповедью к другим народам, должна была впасть в отчаяние, убедившись, что новое триумфальное явление Иисуса медлит осуществиться, и затем быстро исчезнуть со сцены, как исчезали все палестинские эсхатологические секты после неудачи Иудейской войны против Рима. Однако этого не произошло.

Действительно, первые христиане продолжали считать себя иудеями, притом пайболее «истинными» иудеями; они сохраняли обряд обрезания как вещественный знак «Завета» (и отказались от него позже лишь после длительных и серьезных споров), они справляли субботу и все иудейские годовичные праздники, они ходили молиться в Иерусалимский храм, признавая его единственно законным. Хотя некоторое число иудеев примкнуло к христианской общине, по-видимому, уже с самого начала, однако широкая проповедь нового учения среди римских подданных из других народностей началась тогда, когда ее инициатором выступил ученый иудей Саул (Савл) из малоазиатского города Тарса.

Как повествуют «Деяния апостолов» (традиция считает автором этого сочинения евангелиста Луку), Саул никогда не сталкивался с Иисусом и его учениками и первоначально был убежденным противником христианства, ревностным его гонителем во имя иудейской ортодоксии. Внезапный духовный перелом, выз-

ванный, согласно легенде, особым видением, привел его в ряды христиан. Называясь отныне своим римским именем «Павел» (принадлежавшим ему как потомственному римскому гражданину), он начал проповедовать христианство в Антиохии, в различных городах Малой Азии и Греции. Он строил не на пустом месте: население империи было не удовлетворено существующей идеологией, создававшей только безнадежность, и поэтому было готово к восприятию новых чаяний. Первую опору Павел искал — и часто находил — в традициях иудейской проповеди среди язычников. Число иудействующих прозелитов (новообращенных) было довольно значительным во многих городах восточной части империи. Однако среди жадно внимавших Павлу были не только иудействующие, но и представители иных религиозных групп; вместе с тем среди иудействующих оставалось немало стойких ортодоксов, не принимавших нового учения.

Вызванный в Иерусалим главами первоначальной общины Иаковом, братом Иисуса, и Петром, Павел сумел убедить их в правомочности своей миссии. По преданию, было решено, что Петр и другие апостолы оставались «столпами» иудео-христианской церкви в Иерусалиме, а Павел был признан «апостолом язычников». Пути проповедника в конце концов привели его в Рим (при императоре Нероне).

Именно Павлу (наряду с автором четвертого евангелия — от Иоанна) принадлежит особая роль в подготовке позднейшей разработки и систематизации догм и религиозно-этических положений христианства. Иудейский идеал «Закона», т. е. всеохватывающей системы заповедей и запретов, через точное соблюдение которых, как предполагалось, человек мог оправдать себя перед богом, Павла не удовлетворяет. С его точки зрения, «Закон», будучи богоданным и исторически необходимым, сам по себе может лишь «умножить грех»: через него «весь мир становится виновен перед богом». Абсолютный масштаб бога приводит к нулю любые накопления человеческих добрых дел. Человек может надеяться только на божье прощение, открывающее ему выход из внешней принудительности «Закона» в мир «свободы», которая характеризуется следующим комплексом понятий: «благодать» — воздействие бога на человеческую волю, выводящую ее из инерции зла, «духовность» — мистическое «познание» («дух все испытует, даже глубины божьи»), наконец, «вера, надежда, любовь». Единственная цена, которой может быть оплачено прощение всех людей, — это добровольное страдание абсолютно невинного Иисуса Христа, «во плоти которого обитала вся полнота божества». Смерть такого мессии — не поражение его дела, но победа над смертью, после которой смерть — уже не смерть. Верующий, по мысли Павла, уже в этой жизни живет как бы по ту сторону смерти; обряд погружения в воду («крещения»), которым сопровождалось вступление в христианскую общину, толкуется как символ сопричастности к мученической смерти Христа и его воскресению: «Все мы, крестившие-

ся во Христа Иисуса, в смерть его крестились». Спасает именно акт веры как принятие прощения от бога через смерть Христа; добрые дела естественно следуют из веры, но не являются средством спасения. Акт веры возможен для всех людей, независимо от их этнической принадлежности, а также от соблюдения внешних знаков иудейского «Завета»: «нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем — Христос» («Послание к колоссянам», гл. 3, ст. 11). Этот тезис проложил христианству дорогу к завоеванию душ всего населения Римской империи. Теперь стало возможным и усвоение христианством важнейших идей мистики и идеалистической философии поздней греко-римской древности.

Между тем в связи с событиями I Иудейской войны (когда христиане не примкнули к восставшим иудеям) и с возрастанием враждебности иудейских ортодоксальных кругов к «отщепенцам» иудео-христианская община I в. испытала упадок. По преданию, и апостол Петр, «апостол обрезания», в конце концов прибыл в Рим и возглавил тамошнюю христианскую общину; впоследствии он, как и Павел, погиб от руки римских властей.

4. ПОЧВА ДЛЯ ВОСПРИЯТИЯ ХРИСТИАНСТВА В ИМПЕРИИ

Римская империя была готова принять новое учение. Империя распространялась на всю «ойкумену» Средиземноморья, ее границы совпадали с культурным горизонтом средиземноморского человека. Это был долговечный и всеохватывающий режим; но эта государственность не приносила никому, даже господствующему классу, настоящей радости и бодрости. Весьма существенно при этом то обстоятельство, что империя проводила не только последовательное умерщвление духа средиземноморских гражданственно-полисных форм государства и культуры, но и столь же последовательную консервацию этих отживших форм. Греко-римская цивилизация, отрешенная от конкретного чувства родины и античной свободы, становилась из средоточия гуманистических ценностей настоящей ловушкой на пути человечества. Те же императоры, само существование которых предполагало, что в Средиземноморье не осталось ни одной вольной городской республики, усердно покровительствовали более или менее паразитарным «эллинистическим» полисам, выраставшим со своими непременными театрами, гимназиями и статуями на чужой им земле. Языческие празднества, когда-то дававшие свободной гражданской жизни смысловое оформление, превратились в демонстрацию верноподданнической лояльности, в государственную необходимость. Еще во времена Нерона или Домициана философов казнят и сылают, и философия, претерпевая крайнее опрощение и огрубение, сохраняет связь с жизнью и власть над умами. При Марке Аврелии афинские школы субсидируются из римской

казны, и ученость немедленно теряет всякий реальный авторитет.

Духовная жизнь верхов была отравлена безнадежностью. Настроение подавляемой и эксплуатируемой части общества правильнее назвать отчаянием. Чтобы объяснить это отчаяние, легко указать на ряд конкретных и осязаемых причин: тяготы налогового гнета, низкий жизненный уровень масс, произвол цезарей в центре, наместников и солдаты на периферии. Однако, как показывает приведенное перечисление, эти «факторы отчаяния» по большей части не были новыми и ощущались не острее, а порой даже глуше, чем раньше. Например, положение раба при империи, по всей видимости, было благополучнее, чем во времена республики; произвол рабовладельцев ограничивается и обуздывается довольно действенными законами. Так же ограничен был и произвол наместников: времена Верреса прошли, провинции стали частью мировой державы, на них уже никто не смотрел как на военную добычу римского сената и римского народа. Насилие не стало грубее и злее, но, пожалуй, приобрело более тонкий и всеохватывающий характер, так что исчезла надежда от него избавиться. В хаосе эллинистической политики Маккавеи могли выиграть рискованную игру против Антиоха IV Эпифана, но римляне установили вместо хаоса порядок, и трехкратные попытки иудеев повторить дерзание Маккавейских войн с железной закономерностью кончались провалом.

В период расцвета античной цивилизации подчеркивали, что у господина и раба нет ничего общего — ни моральной природы, ни патристических отечественных культов. Теперь рабу (и вообще угнетенному) словом и делом внушают, что его всё соединяет с господином (и вообще угнетателем): например, он может есть объедки со стола господина и тем самым быть его «сотрапезником». Рабы не только допущены к религиозным празднествам, но и принуждаемы к ним: когда в 50 г. н. э. император Деций объявил «день империи» и все его подданные обязывались принести жертвы ее богам за «восстановителя империи», во славу наступления «нового века», в это официальное мероприятие включалась под страхом кар и рабская часть населения.

На открытую бесчеловечность старого рабовладения естественно было ответить открытым мятежом, мечом и огнем, мстью господину и разграблением его дома, после чего оставалось лишь искать смерти в бою, чтобы спастись от смерти на кресте. На фальшивую человечность нового рабовладельца естественно было ответить иначе. Шумный мятеж сменяется «тихим», но бесповоротным уходом от господских богов и господских духовных ценностей. Насилию противопоставляли насилие, но продуманной доктрине Сенеки о добровольном подчинении раба духовному превосходству господина можно было противопоставить только новую постановку вопроса о духовном превосходстве. Пока раб завидует богатым и знатым, авторитет богатства и знатности остается непоколебимым. Когда раб, будь то раб-философ Эпик-

тет, создавший на базе стоицизма философию морального сопротивления, или раб-христианин, отказывается соболезновать богатым и знатым и скорбеть об их духовном помрачении, — с авторитетом богатства и знатности покончено, по крайней мере внутри сознания индивида. Если обездоленный человек по долгу философского (как в стоицизме) или религиозного (как в христианстве) воздержания налагает на себя пост, ему больше не нужны милостиво предлагаемые остатки господского пира. Если он отыскал для себя некий безусловный авторитет и ценой жертв, делающих его веру реальной, соотносит с этим авторитетом свою жизнь, его больше нельзя запугать чужими авторитетами рабовладельческой государственности, культуры, морали. Даже его внешнее послушание приобретает новый смысл: он подчиняется, чтобы тем самым стать выше тех, кому он подчиняется.

Философские и этические учения греко-римского мира не сумели создать концепции, которая внушила бы надежду людям. Даже стоицизм провозглашал лишь, что награда добродетели — в самой добродетели. Но зато эти учения разрушали старые идеологии и тем самым готовили почву для новой.

В Египте римских времен распространенной формой социального протеста был так называемый *анахоресис* — самовольный уход работника и налогоплательщика с места работы и жительства (в III в. непосредственно перешедший в раннее монашеское движение). Проблема состояла в том, чтобы отыскать формы ухода из чужой системы ценностей. Старые полисные и этнические боги язычества «жили... лишь до тех пор, пока существовала создавшая их нация, и падали вместе с ее гибелью»². Из всех языческих культов самым бессмысленным был навязываемый рабовладельческим государством культ императора. Он не мог быть спасением, необходимо было отыскать какого-то нового «господина» и «спасителя», чтобы уйти к нему. Но поиски удовлетворяющего человека учения и авторитета были не единственной проблемой времени. Нивелирующая сила императорского режима разрушила или фальсифицировала все патриархально-этнические и гражданственно-полисные связи между людьми и тем самым разобщила их. Живая теплота товарищества сохранилась лишь в «коллегиях» простого люда, но этим коллегиям, сосредоточенным на узкогрупповых интересах, не было никакого дела друг до друга. «Где же был выход, где было спасение для поработенных, угнетенных и впавших в нищету — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами? И все же найти такой выход было необходимо для того, чтобы все они оказались охваченными единым великим революционным движением»³.

² Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21, с. 313.

³ Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 483.

На большие вопросы общественной жизни Римской империи христианство предлагало свой ответ, который показался многим удовлетворяющим их духовные потребности. Христианство впитало традиции мировоззрения, фиксированного в библейском каноне и непрерывно актуализируемого в апокалиптической словесности (в «откровениях» о «последних временах»), а затем в евангелиях. Это мировоззрение как в его ветхозаветной, так и особенно в новозаветной форме было с исключительной остротой ориентировано не столько на осмысление природы, сколько на осмысление истории, понятой не как круговращение циклов, но как выход к абсолютному будущему. Для Библии мировой процесс представлял собой личностный диалог бога и его творений, в котором есть место яростному гневу творца и яростному протесту творения, но нет места безличной судьбе!

Надо подчеркнуть, что библейское мировоззрение сосредоточивалось на социально-нравственной проблематике. Например, книжник, приверженец Библии, как правило, не знал простейших сведений эллинистической науки об устройстве мироздания; зато он знал с такой безусловностью, какой недоставало философствующим моралистам, что кровавые «игры» гладиаторов совершенно недопустимы — не мрачны и грубы, как для философа Демонакта, не вульгарны и скучны, как для императора Марка Аврелия, даже не только теоретически предосудительны, как для приближенного Нерона — Сенеки, а именно недопустимы — они «мерзость перед господом». Понятие о добре и зле, ставшее для греков и римлян с падением полисных устоев чем-то очень выским и расплывчатым, темой для необязательного теоретизирования и безответственных дискуссий, в библейском мировоззрении соотносилось с абсолютным авторитетом единого бога и при всей ограниченности сохраняло определенность, непреложность, неуступчивость. Быт ессеев и других подобных «сотовариществ», а затем и раннехристианских общин оставался более здоровым и чистым, чем в обступавшем эти общины языческом мире: только здесь, например, пахотилось под действенным запретом выбрасывание «лишних» новорожденных, вполне обычное для быта греческого.

На Ближнем Востоке существовали прежде и создавались новые общины, где мораль взаимопомощи имела известную регулирующую силу. Не случайно такой страстный поборник языческих идеалов и противник идеалов библейских, как император Юлиан Отступник (361—363 гг. н. э.), восклицал: «Поистине позорно, что наши (т. е. язычники.— *Ред.*) от нас самих не получают никакой помощи, в то время как ни один иудей не просит подаяния, а нечестивые галилеяне (христиане.— *Ред.*) кормят не только своих, но и наших». Это очень характерное замечание. Философствующие моралисты могли, конечно, ставить расплывчатую идеологию «человеколюбия» под покровительство Зевса Ксения (Гостеприимца) или других древних богов, но это никого ни к чему не обязывало, поскольку никакой заповеди о

помощи бедным, которая стояла бы наравне, скажем, с требованием чтить богов жертвами, греко-римское язычество не знало⁴; и теперь, когда она была нужна, никакой авторитет не мог ее дать — просто потому, что в язычестве никогда не было настоящего «вселенского» авторитета в делах вероучения и морали. Между тем сначала сакральные тексты пророков, а затем евангелия, всенародно и в домашней тиши читавшиеся и толковавшиеся по требованию самой религиозной догмы, ставили благотворительность выше культовых действий (по формуле пророка Осии: «Милости хочу, а не жертвы»). Поэтому бедные люди, вызывающие сострадание и нуждающиеся в сострадании, но и сами приученные жизнью к отзывчивости, оказываются «ближе к богу».

Ремесленные коллегии времен империи были организациями, где действовала реальная солидарность маленьких людей в их маленьких нуждах. В этом их быт был сходен с бытом раннехристианских общин. Но каждая отдельная коллегия жила только повседневными групповыми интересами своих членов; «вселепские» горизонты были ей чужды, а ее полурелигиозный характер никто не принимал всерьез. Одна из главных функций коллегии состояла в устройстве праздников, но даже праздники ее были будничны; они всего лишь обеспечивали место маленькому человеку в товарищеском кругу, но не давали ему места во вселенной, не осмыслили его бытие. Возникало застойное равновесие двух взаимообусловленных проявлений бездуховности: на одном полюсе — бесчеловечно-абстрактный универсализм империи, на другом — человечно-конкретная обыденщина профессиональной коллегии. В общинах, начавших складываться в восточных провинциях империи, жизнь тоже наполнялась будничной и осязаемой конкретностью малых дел, но не замыкалась на буднях, а была двояким образом разомкнута: «по вертикали» — в направлении к единому божеству, понимаемому как единственный источник мирового смысла; «по горизонтали» — в направлении всех остальных таких же общин, рассеянных по всей империи, но самой идеей своей объединенных во «вселенскую» систему солидарности. Маленький человек в огромном мире в сообществе (хотя бы теоретическом) со своими единоверцами решался принять на себя ответственность за судьбы мира.

В кризисную эпоху древних пророков и еще более напряженный и сложный период возникновения позднейших апокалиптических, а затем христианских течений эсхатологический оптимизм, перебрасывающий умозрительный мост от бедности настоящего к благополучию будущего, приобретает вполне сложившийся облик, с которым он и переходит к христианству. В этом

⁴ В классических полисах прежде существовал обычай содержать неимущих граждан за счет полисного коллектива; в эллинистический и римский период раздачи производились и негражданам, постоянным жителям города, но это не было моральным обязательством помощи неимущим вообще.

отличие христианства от позднелатинского мистицизма, оформившегося в неопифагорействе и неоплатонизме, который был философией выхода из истории. Верховный бог греков Зевс мыслился как господин настоящего: в прошлом были другие боги, а будущее принадлежит неизвестному сопернику, который в силу определения рока отнимет у Зевса власть. Библейский бог представлял господином прошлого и настоящего, но полностью, утверждали его приверженцы, его власть осуществится и слава воссияет лишь в будущем, с наступлением Судного дня.

Итак, христианство предлагало свой ответ на запросы эпохи. Почва для восприятия христианской религии, как мы видели, была готова по всей Римской империи — как оказалось, менее всего среди иудеев, которые в массе своей удовлетворялись обещаниями Ветхого завета и предпочитали признанию нового Мессии, претерпевшего муки и унижения ради спасения человечества в ином мире, традиционное ожидание мессии, который грянет в царственности и восстановит их собственное государство как некое утопическое царство добра на земле.

По учению, проповедовавшемуся в «Евангелии от Иоанна», а также Павлом и другими апостолами, Иисус признавался уже не только мессией и сыном божьим (а ведь сам Иисус, судя по евангелиям, применял последнее выражение не только к себе, но вообще к праведным верующим) — он был самим Богом. Это положение диктовалось необходимостью охраны монотеизма — важнейшего, непреложного принципа из наследия Ветхого завета⁵. Для обращаемых язычников никакой трудности в этом не было: греческие мифы полны эпизодами появления на земле божества в человеческом облике. Очевидно, легче всего новообращаемые усваивали именно веру в смерть и воскресение бога: хотя в этико-религиозном учении о жертвенной смерти и воскресении Христа не было ничего общего с культами плодородия, но из таких культов сама возможность для божества быть убитым и воскреснуть давно вошла во всеобщее сознание как нечто само собой понятное. Символика причастия и ритуального омовения тоже не была для языческого мира чем-то новым.

Фактически новообращенные греки и римляне воспринимали из иудейского Ветхого завета лишь некоторые, хотя и важные черты: монотеизм, который со временем принял своеобразную форму почитания божества, единого в трех лицах; понятие «завета» людей с богом; известное уважение к Ветхому завету, а особенно к пророкам, воспринимавшимся как провозвестники будущего пришествия Христа, и к псалмам как форме личного общения верующего с божеством; представление о грядущем царстве божьем на земле как «Новом Иерусалиме»; крепкую

⁵ Действительно, когда возникло сильное течение сторонников некоего Ария (в начале IV в.), которое утверждало, что Христос сотворен и называется богом только фигурально, то ариане были обвинены в отказе от единобожия.

солидарность верующих и некоторые обоснования для более далеко идущего христианского этического учения. Все остальное в христианстве, как оно воспринималось «язычниками», было по сравнению с библейской традицией новым и в то же время в большинстве черт казалось неискушенным людям знакомым⁶ из собственных прежних верований и отчасти этико-философских учений — правда, последние оставались далеко позади этических требований раннего христианства.

5. СОПЕРНИКИ ХРИСТИАНСТВА: ГНОСТИЦИЗМ И МИТРАИЗМ

Христианству приходилось в первые века своего существования соревноваться и с другими «религиями спасения», о которых уже шла речь выше. Одним из сильнейших соперников был упоминавшийся гностицизм. Согласно гностической концепции, бессознательное «Я» человека единственно божеству, но в результате грехопадения брошено в мир, чуждый его существу. Человек познает свое происхождение, сущность и предназначение через божественное откровение, обыкновенно рассматривавшееся как личное интуитивное прозрение, но иногда отождествлявшееся с миссией Иисуса. Бог гностиков абсолютен в своем совершенстве, по именно поэтому не является творцом. Мир есть мир зла, управляемый демонами, поэтому он сотворен не богом, а творцом (*демиургом*), воплощающим Зло, иногда отождествляемым с иудейским Яхве.

Учение гностиков не получило строго канонического оформления. Поэтому гностические течения могли существовать и внутри иудейства, есеейства, и среди приверженцев Иоанна Крестителя (эта группа гностиков переселилась в Месопотамию; сейчас к ней возводят себя мандеи Южного Ирака), и внутри христианства, где гностические идеи питали многие секты, с которыми ортодоксальные христиане вели долгую и ожесточенную борьбу во II—IV вв.; пережитки гностицизма сохранились в религии манихейства (см. лекцию 15) и в ряде христианских сект раннего средневековья.

Победа христианства над гностицизмом была обусловлена тем, что гностицизм переносил защиту от мирового зла преимущественно в область астрологии, демонологии, ангелологии и магии,

⁶ На самом деле и в знакомых мотивах имелись существенные различия. Хотя фольклористы и указывают на распространенность в мировой мифологии мотива рождения героя или божества от девы путем непорочного зачатия, такой миф в средиземноморском регионе в древности, по видимому, не был известен. Представление о непорочном зачатии возникло у христиан самостоятельно; оно было связано с учением о безгрешности Христа — ибо, только не происходя от первочеловека Адама, он мог быть лишен первородного греха, свойственного, по Библии, всем потомкам Адама, и только так он мог снять со всего мира его грехи и возложить их на себя — черта, чуждая упомянутым мифам других народов.

тогда как христианство обещало спасение через искупление грехов жертвенной смертью Христа и проповедовало внутреннее самосовершенствование, основанное на вере. Поскольку главным для гностиков было интуитивное познание истины, а не поведение в реальном мире, их этические взгляды были неопределенны, колеблясь от самого крайнего аскетизма до практики сексуальной свободы. Расцвет гностических и полугностических учений приходится поэтому на первую половину II в., т. е. на период, когда христианство еще не набрало полной силы.

Другим важным соперником христианства был митраизм. Культа Митры, одного из древних индоиранских богов, был воспринят зороастризмом и вместе с одной из его более или менее эклектических разповидностей проник в период господства Ахеменидов в Малую Азию. Но Митра, главный бог религии митраизма, не имел с Митрой индоиранцев ничего общего, кроме имени; религия эта, по-видимому, сложилась в восточной части Малой Азии и Западной Армении в I в. до н. э. лишь под слабым влиянием зороастризма, в частности зороастрийских дуалистических верований об извечной борьбе добра и зла. Подобно христианству, митраизм обращался прежде всего к низшим слоям населения, обремененным всякими тяготами, созданными Римской империей. Среди его поклонников было много солдат и рабов. Подобно гностицизму, митраизм никогда не имел писаного канона. Во главе митранстической вселенной стояло Бесконечное Время, аналогичное богу гностиков; в мире боролись доброе и злое начала; Митра (он же Непобедимое Солнце) был, по-видимому, демиургом (создателем), но в отличие от демиурга гностиков добрым; он был посредником между божественными силами вселенной и человеком, защитником человека и образцом для подражания в жизни; он обещал праведникам посмертное блаженство после Страшного суда. Этические требования к верующим были высоки. Вступление в общину митраистов обставлялось физическими испытаниями и мистическими обрядами; женщины исключались из общины. Единой имперской организации митраисты, как и гностики, не имели. С конца II по IV в. римские императоры время от времени оказывали митраизму покровительство, ибо митраизм, не будучи единобожием, был религией, которую легче было приспособить к традиционным политеистическим религиям и социальным целостностям Римской империи, чем христианство. Но именно сходство митранстической религии с официальным политеизмом ослабляло ее позицию в народных массах; кроме того, призыв следовать как за образцом за казавшимся человеческим образом Иисуса был понятнее и привлекательнее, чем следование за явно мифологическим, сверхъестественным Митрой. Митраизм не пережил V в., и потомки его приверженцев, как и большинство гностиков, влились в христианские общины.

Предшественниками и соперниками христианства были также уже упоминавшиеся религиозно-мистические сообщества орфи-

ков и герметистов; и они также не устояли против него — орфизм из-за политеистичности и крайней замкнутости, герметизм — из-за слишком абстрактного и отчасти магического характера.

6. ХРИСТИАНСТВО И АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Следует учесть, что громадное большинство населения Римской империи во II—IV вв. еще было грамотно и включало заметное число высокообразованных по своему времени людей; они вышли из школ, где обучали философии эклектической, но все же восходившей к аристотелевской логике, к этике стоицизма и к высоким абстракциям платонических идей. Их мышление не нуждалось в мифологических категориях, доступных «языческому» простопародью, принятых также митраистами и отчасти даже гностиками. Чтобы утвердить себя в качестве универсальной идеологии, христианству предстояло, разрабатывая свою собственную систему мировоззрения, бросить вызов античной философии.

Для этого христианские мыслители призвали на помощь идеи самой позднеантичной идеалистической философии, и прежде всего стоицизма. Отсюда было воспринято понятие Логоса, явившееся центральным в борьбе христианских апологетов с античной идеологией. «Евангелие от Иоанна», недвусмысленно отстаивающее божественность Христа, выдвигает христианский вариант учения о Логосе. Именно в этом заключается причина канонизации названного евангелия, несмотря на недостоверность (если не апокрифичность) содержащегося в нем жизнеописания Иисуса, не согласующегося с известиями остальных канонических евангелий.

Это евангелие открывают замечательные слова: «В начале был Логос⁷, и Логос был у Бога, и Бог был Логос».

Что же такое означал Логос для греко-римских философов? Понятие о Логосе было введено в античную философию Геракли-том в VI в. до н. э. Для Гераклита Логос есть некий Мировой Разум, создающий закономерность и гармонию мира и возможность его Познания, корректирующий в качестве Справедливости отклонения от гармонии и являющийся также мировой Судьбой. В философии Платона и Аристотеля понятие Логоса не занимало центрального места, но зато оно было подхвачено стоиками IV—III вв. до н. э. — Зеноном и особенно Хрисиппом. Они трактовали Логос как категорию, которая служит причиной, объединяющим началом и внутренней сущностью всех явлений, в том числе психических. Логос мыслился материально, в виде некоего «дыхания» (пневма — то, что в дальнейшем станет «святым духом» христианства). Учение о Логосе было воспринято

⁷ В русском евангелии переведено «Слово». Греч. *логос* действительно означает «слово», но также «разум», «мысль»; понятие Логоса весьма широко.

многими философскими школами, и в том числе Александрийской школой иудейских философов, из которых нам наиболее известен Филон (около 30 г. до н. э. — около 40 г. н. э.). Философия его представляет собой странное смешение платонизма, пифагорейства, стоицизма и иудаизма. По Филону, бог не имеет никаких качеств и никакой материальной субстанции, кроме чистого бытия (в этом он сходен с богом гностиков); однако в его распоряжении есть божественные творческие силы, в том числе ангелы и т. п., но прежде всего Мировой Разум — Логос, включающий в себя и платоновские «идеи». Все учение Филона направлено на философское обоснование веры в ветхозаветного единого бога Яхве; Логос понадобился Филону для того, чтобы согласовать понятие о боге как чистом бытии с понятием бога как творческого начала (так, в начале ветхозаветной «Книги Бытия» бог творит небо, землю и людей словом: «Да будет...»). Именно у Филона впервые появляется (правда, пока лишь в виде метафоры) обозначение Логоса как «первородного сына» божества. Все это чрезвычайно пригодилось для пропаганды христианских идей среди образованной и мыслящей части населения Римской империи. И не случайно в «Евангелии от Иоанна» говорится, что «Закон был дан Моисеем, но благодать и истина возникли от Иисуса Христа», т. е. ветхозаветный «Закон» (Тора) прямо противопоставлен Христу — Логосу, как бы в полемике с Филоном (хотя, вероятно, и в зависимости от него). Выше мы видели, что, по «Евангелию от Иоанна», «благодать и истина» как раз и являются атрибутами Логоса, и Логос тут есть не кто иной, как Христос.

Официальное отношение верхов римского общества и властей к раннему христианству ясно из характеристики христиан, данной им римским историком Тацитом: это «те, кто своими мерзостями навлекли на себя всеобщую ненависть», чье учение — «зловредное суеверие», подрывающее идеологические основы Римского государства, которому (в его идеализированно-республиканском виде) так был предан Тацит. Христианам предстояло идеологически отстаивать свое право на существование: как для расширения своих рядов за счет новообращенных, так и для укрепления духа своих сторонников перед казнями и преследованиями со стороны римских властей.

7. РАННЯЯ ХРИСТИАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И АПОЛОГЕТИКА. «ТРИНИТАРНЫЕ» И «ХРИСТОЛОГИЧЕСКИЕ» СПОРЫ

Первоначальная христианская литература (периода после сочинения новозаветных книг) может быть разделена на три группы: 1) обильная литература апокрифических «евангелий», «посланий» и «деяний», свидетельствующая, с одной стороны, о том, какие широкие круги населения были увлечены пропагандой христианства, а с другой — о том, как буйно развивалась фантазия, питаемая пафосом ниспровержения существующей офи-

циальной идеологии. Вся эта апокрифическая литература, авторы которой неизвестны, как правило, существенно отклонялась от основных положений собственно христианского учения; 2) сочинения «апостольских отцов», считавшихся непосредственными учениками первых апостолов. Сюда относятся несколько посланий, весьма сходных с вошедшими в канон Нового завета, главным образом посвященных утверждению идеи о том, что Иисус был не только Христом (мессией), но именно Богом, — толкования на отдельные положения Нового завета («Пастырь» Гермы) и Ветхого завета («Послание Варнавы» и др.). Наиболее интересно «Учение двенадцати апостолов» («Дидахе») — род устава ранних христианских общин и наставления для их богослужebной и бытовой практики. Эти сочинения долгое время приписывались христианской церковью в качестве равноценных новозаветному канону; они датируются в основном II в., когда канон еще не был определен; 3) апологетические сочинения, имевшие целью убедить римские власти в безвредности христианства. Апологеты широко пользовались разработанным в эклектических философских школах методом противопоставления аргументов различных античных философских учений с целью показать относительность достигнутых философами истин, и противопоставляли им христианскую истину божественного откровения. Возможность такого откровения они базировали на выработанной самой античной философией концепции Логоса; они признавали, что Логос частично уже проявлялся в наиболее праведных из античных философов, как, например, в Гераклите, Сократе и некоторых стоиках, но утверждали, что воплощен он только в Иисусе Христе. Помимо влияния стоиков в писаниях апологетов заметно сильное воздействие платонической философии. От самых ранних апологетов сохранились в лучшем случае отдельные отрывки; наиболее известен Иустин Мученик, чье главное сочинение — «Апология» — датируется 150 г. н. э. Уже в последней четверти II в. оказалась необходимой резкая письменная полемика против апологетов со стороны приверженцев традиционной религии («Истинное рассуждение» философа Цельса).

Попытки апологетов показать безвредность христианства для Римской империи и перебросить мост к христианству от античной философии с помощью учения о Логосе не увенчались успехом. Свидетельства евангелий, по мере того как с ними знакомилась скептические воспитанники античных учений, по-прежнему ставили трудные для разрешения логические задачи. Да и сами христиане не настолько были чужды античному школьному учению, чтобы не задавать себе недоуменных вопросов.

Если Христос был бог, то как мог он быть Сыном Бога? Если Христос — бог, то сколько же есть богов — один или два? Что такое Дух Святой и как он соотносится с этим богом или богами? Если Христос сам и есть единый Бог, то как же он молил «да минует меня чаша сия» и на кресте упрекал Бога (самого себя) в том, что тот его покинул?

Три века происходила напряженная идеологическая борьба. Решения были различны. Некоторые, как мы уже упоминали, следуя за Арием, полагали, что Христос был человеком-божеством, но сотворенным, а не существовавшим от века; другие — что он родился человеком и был лишь усыновлен богом ради свершения своей миссии; третьи предлагали считать, что его вообще реально не было, а существовала лишь видимость его тела, явленная богом, или что оно было лишь проявлением единственного Бога Отца; наконец, существовала гностическая концепция Христа-Логоса как божественного, но подчиненного абсолютному божеству начала. Но большинство христиан согласилось на том, что бог, хотя и един по сущности, проявляется в трех божественных личностях (*ипостасях*) и что Христос был земным воплощением одной из них. Отсюда его «автономность» от Бога Отца в земной жизни. Такое решение было принято на «соборах» (съездах) христианских церковных руководителей (*иерархов*) уже после превращения христианства в господствующую религию — в Никее в 325 г. и в Константинополе в 381 г. Однако продолжались споры о том, совмещались ли в Христе две природы — человеческая и божеская, как учил Несторий (начало V в.), или только одна — божественная природа Логоса, как учил, например, патриарх Кирилл Александрийский. В конце концов на соборе в Халкедоне в 454 г. было решено, что у Христа две природы, но одна сущность. Тогда возник вопрос: одна ли у Христа воля или же две⁸? Ожесточенные спорящие парастало. Каждый христианский «собор» сопровождался отлучением «еретиков», их ссылкой, заключением в темницы и т. д.

Между тем в условиях все большего упадка античной философии в течение II—V вв. число идеалистически⁹, но все же логически мыслящей античной интеллигенции постоянно падало. Ей эти все более усложнявшиеся споры представлялись пустословием и формальной игрой в абстрактные понятия. Но античная интеллигенция погибла вместе с императором Юлианом Отступником, вымерла, а среди христиан не раздалось ни одного голоса, который сказал бы, что евангельские повествования просто не дают никаких данных для решения подобных вопросов. Отцы церкви, считавшие, что именно на них перешла благодать Духа Святого, снизошедшего, согласно «Деяниям», на первых апостолов, полагали, что одной силою этой благодати они способны постичь окончательную истину о сущности божества, не открытую самими евангелиями. В конце концов все христианские общины, за малыми исключениями, согласились с положением, сформулированным в «символе веры», принятом на Никейском соборе¹⁰:

⁸ Ортодоксальное христианство признало, что воли было две, но что человеческая воля подчинилась себе воле божественной.

⁹ Философский материализм в поздней античности практически перестал существовать.

¹⁰ По другому предположению, это исповедание веры было принято на Константинопольском соборе 381 г. на основе более краткого символа, принятого в Никее в 325 г.

«Верую во единого Бога Отца вседержителя, творца неба и земли, видимых (вещей) и невидимых, и в единого господина Иисуса Христа, сына божьего едиnorodного, рожденного от Отца прежде всех времен,— свет от света, бог истины от бога истины, рожденного, а не сотворенного, единосущного Отцу, через которого все существует, ради нас (людей) и нашего ради спасения сошедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившегося... и в Духа Святого, господина животворящего, который...» — здесь, однако, верующие христиане так и не смогли прийти к единодушию, и если восточные христиане читали «который исходит от Отца и которому надлежит поклоняться совместно с Отцом и Сыном», то западные христиане (будущие католики) читали «который исходит от Отца и Сына» и т. д.

Именно на этом небольшом догматическом расхождении разделились римско-католическая и греко-православная церкви. Позже возникли и другие, более важные догматические и богослужебные расхождения, но это было уже в эпоху средневековья и в новое время.

8. СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ХРИСТИАНСТВА II—V вв.

Беззаветное упорство в отстаивании своих позиций при «триктарных» (относящихся к учению о Боге-Троице) и «христологических» спорах было обусловлено не только и не столько внутренними убеждениями сторонников той или иной доктрины. Если бы дело обстояло так, то споры об этих богословских тонкостях, вероятно, не выходили бы за пределы элиты христианских мыслителей, не обращались бы к массе верующих, которые едва ли были способны понять разницу между «подобносущием» Сына Отцу (*гомбйусия*) и их «единосущием» (*гомоусия*). Ведь, например, в XIII в. религиозная философия Фомы Аквинского отлично уживалась в верхах церковной иерархии с весьма отличным от нее учением, скажем, Дунса Скота, совершенно не затрагивая массу верующих. За доктринальными спорами III—V вв. стояли социальные силы и политические течения. Недаром в церковных соборах активно участвовали императоры и иерархи, занимавшие государственные посты. Когда спорили о том, исходит ли Дух Святой только от Отца или еще от Сына, вопрос стоял о том, подчиняется ли христиане Западной, разваливающейся Римской империи римскому епископу (папе), считавшему себя преемником апостола Петра, или константинопольскому патриарху, находившемуся в полной зависимости от восточноримского императора. Когда египетские и армянские христиане нашли, что никейское исповедание веры недостаточно определенно высказывается против учения о двойной, и божественной и человеческой, сущности Христа, то для египтян речь шла об автономии (хотя бы частичной) от Византии, а для армян — о том, как отнесутся к их вере тогдашние фактические владыки Армении, персидские цари ца-

рей», — как к враждебной Сасанидам «вере римского императора» или как к особой религии, имеющей право на лояльное существование внутри Сасанидского государства. Примерно те же побуждения заставили большую часть сирийцев Верхней Месопотамии, также подчиненной Персии, сохранять «еретические» несторианское и яковитское учения, так что православной считалась здесь только меньшая часть населения; борьба арианства с католицизмом также происходила на фоне политического соперничества варварских государств Западной Европы с государственным и культурным наследием Западной Римской империи.

Такова в самых общих чертах история идейного развития христианства — от основания его Павлом и другими проповедниками до превращения в господствующую религию Западной и Восточной Римской империи и ряда соседних государств. Параллельно шло социальное, организационное и бытовое развитие и видоизменение христианства.

Первоначально люди, примкнувшие к христианскому вероучению, образовывали маленькие, изолированные, разбросанные по империи общины, или «собрания» (*эклесия*: этот термин позже стал обозначать церковь). Организованы они были сходно с ессеической общиной Кумрана (но в отличие от последней не имели замкнутого характера); у них было какое-то общее имущество, члены их ограничивали себя в пище, отличались строгостью нравов (апостол Павел рекомендовал даже воздерживаться по мере возможности от браков). Учили в общине странствующие проповедники, апостолы. Эти апостолы (традиция говорит о семидесяти) назначали в каждую общину «надзирателей» (епископов), которые принимали на себя текущую службу — обучение новой вере, богослужения. Помимо этого епископы наблюдали за нравами и возглавляли общее хозяйство общины. Христиане устраивали общие трапезы, встречались они на тайных сходках за городом, на кладбищах, в подземельях; когда это было возможно, отдельные группы христиан селились вместе.

Но подобно тому как это произошло с ессеями Сирии (ср. «Дамасский документ» с «Уставом» кумранской общины — см. «Расцвет древних обществ», лекция 20), христианским общинам не удалось долго сохранять свой примитивно-уравнилельский характер. К общинам все чаще присоединялись и люди имущие, сами общины расширяли хозяйственную деятельность. К тому же в условиях преследований со стороны властей христиане нуждались в покровительстве людей влиятельных, которых нельзя было отпугивать слишком жестким следованием евангельским словам Иисуса: «Продай все, что имеешь, и раздай нищим». Христианскими становились целые округа, потом области; христианами делались воины и чиновники. Управлять новообращенными становилось сложно. От первоначальных общин отпочковывались все новые и новые. Если первые епископы были поставлены апостолами, то новых назначали всего лишь преемники (да и то не в первом поколении) епископов, поставленных апостолами. В од-

них случаях епископы посылали на места «странствующих епископов», в других — ставили *пресвитеров* (старейшин), подчиненных епископам. К III в. возникла сложная иерархия с подчинением *иереев-пресвитеров* (священников) *иерархам* (епископам-архиереям разных рангов), священники приобретали помощников (*диаконов*). Для богослужения стали создаваться специальные церковные строения. Чтобы сохранить авторитет, необходимый для действенной проповеди, соблюдения порядка среди верующих и для богослужения, было выработано представление о благодати, полученной от Духа Святого не только апостолами, но всеми их преемниками в иерейском чине через особый обряд рукоположения и елеопомазания. Представление о наличии этой благодати приводило к тому, что соборы епископов отваживались решать вопросы сущности самого божества, не разъясненные в евангелиях, часто на основании совершенно произвольных толкований традиционно передававшихся речей Иисуса и писаний апостолов.

Во II в. христиане могли существовать и действовать преимущественно нелегально, отказ участвовать в культе императора (и вообще римских божеств) по закону карался смертью, хотя эта кара не всегда применялась. Мученичества христиане даже искали, потому что оно считалось вернейшим залогом загробного блаженства; во всяком случае, мученичество поражало умы и привлекало к христианам новых сторонников. Вскоре мучеников стали считать святыми, к которым обращались за заступничеством (так же как к апостолам и к Марии, матери Иисуса): создались как бы культы этих святых, хотя они не считались богами или полубогами. В III и самом начале IV в. жестокие преследования христиан возникали лишь время от времени (при императорах Деции и Диоклетиане), и открытое следование христианскому культу стало самым распространенным явлением. Соответственно права и быт христиан стали гораздо менее строгими; учение апостолов свободно сосуществовало теперь с прежним повседневным бытом крестьян, горожан, рабов, воинов или чиновников. Даже священники и епископы вели обычную семейную жизнь. В конце концов христианское движение в его ортодоксальной форме поддерживали те самые земельные магнаты, использовавшие труд колонов, которые, как и христианство, хотя и в другой форме, противопоставляли себя косной силе империи (хотя христианское течение донатистов¹¹ составило идеологию агонистиков, восставших против этих магнатов в IV в.).

В IV в. возникла новая волна *анахоресиса*. Новые *анахореты*, или *монахи* («одинокие»), как они теперь назывались, бежали в пустыню уже не столько от римских налогов и вымогательств и не от принудительного императорского культа, сколько стре-

¹¹ Донатисты упрекали христианскую церковь в отступлении от чистоты и идеалов погибших мучеников и осуждали светскую жизнь духовенства.

мясь тем в большей мере соблюдать аскетические идеалы раннего христианства, чем больше эти идеалы исчезали из повседневного быта светских христиан. Монахи возлагали на себя религиозный обет большей или меньшей строгости, обязывающий к целомудрию, соблюдению постов, изнурению себя молитвами, трудом и обрядовыми упражнениями (например, поклонами); мыться считалось непростительной изнеженностью. Некоторые монахи были отшельниками и жили в полном одиночестве (в Месопотамии — нередко на отдельных башнях, или «столпах»); другие жили единым общежитием в монастырях за высокой стеной, со своей общей трапезной и церковью. Места для своего духовного спасения монахи избирали в пустыне, вначале главным образом в Египте, затем на Синае, в Палестине, Малой Азии, Месопотамии. Где не было пустынь, выбирались уединенные лесные или горные места.

В христианском мире монашество вскоре приобрело ореол святости и особый авторитет; даже высказывалось сомнение, возможно ли загробное спасение без монашеского аскетизма в земной жизни. Из монахов стали ставиться епископы и другие архиереи, хотя рядовое священство еще продолжало жить нормальной светской жизнью (запрещение браков для католических священников относится уже к средним векам).

Такой характер приняло христианство к 313 г., когда эдиктом императора Константина было официально прекращено преследование христиан и признана свобода вероисповеданий в Римской империи. Фактически это означало, однако, признание господства христианской церкви в империи; сам император стал принимать активное участие в церковных делах, а богословские споры стали связываться с борьбой за епископские кафедры, превратившиеся в государственные посты.

Греко-римские традиционные культы быстро вымирали, несмотря на попытку императора Юлиана создать из них стройную религиозную систему, способную противостоять христианству. Император Феодосий в 391—393 гг. запретил все языческие культы. Появились и у язычников свои мученики¹², но число людей, готовых умереть за традиционные верования, ничего не обещавшие после смерти, оказалось весьма незначительным. В течение V в. греко-римское язычество быстро исчезло, оказав лишь самое незначительное сопротивление. Больше было мучеников из приверженцев неортодоксальных христианских толков (*ересей*); с ними официальной церкви пришлось бороться в течение всей ее истории.

¹² Так, в 415 г. в Александрии была растерзана христианской толпой Гипатия, женщина-математик, преподававшая неоплатоническую философию; еще в древности предполагали, что это дело рук Кирилла, патриарха Александрийского.

Лекция 19

ВТОРЖЕНИЕ ВАРВАРОВ
И КРУШЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ¹

1. ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПЛЕМЕН В ЕВРОПЕ
В ПЕРВЫХ ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ И ЗАВОЕВАНИЕ ИМИ
ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В социальной революции, уничтожившей рабовладельческую формацию в Средиземноморье, участвовали внутренние и внешние силы. Внутри Римской империи носителями новой, феодальной, тенденции были, с одной стороны, владельцы поместий нового типа, шедшие по феодальному пути, и находившиеся у них на службе гражданские и военные служилые люди, а с другой — колонны и другие категории мелких зависимых держателей паделов в имениях разного статуса, особенно в *экзимирированных*, т. е. изъятых из городского управления. Общественно-политический строй поздней Римской империи подрывали народные движения свободных крестьян, колоннов и рабов.

Второй, внешний, лагерь участников социальной революции, сокрушившей Римскую рабовладельческую державу, составляли зарубежные варвары. В эпоху поздней древности соотношение сил между Римской империей и варварской периферией постепенно менялось в пользу варваров. Племена, окружавшие Империю, выросли численно и усилились в экономическом и военном отношении. Особенно большую роль в судьбе поздней Римской империи сыграли ее северные соседи — германские племена.

К концу II в. у германцев сложились военно-племенные союзы, гораздо более сильные, нежели прежние мелкие, враждующие между собой племена. Такими союзами являлись алеманны на верхнем Рейне, франки на среднем и нижнем Рейне, саксы на нижней Эльбе, вандалы на среднем Дунае, готы в Северном Причерноморье. Некоторые большие племена — хатты между средним Рейном и Везером и бургунды на Майне — остались вне таких союзов.

¹ Лекция основана на материале книги: Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.

В своей борьбе против Римской империи варвары все более сочетали набеги за добычей с упорными попытками осесть на ее территории. Под их давлением Рим в 258—259 гг. потерял область между верховьями рек Рейна и Дуная и лимесом, занятую алеманнами. В 270 г. римляне были вынуждены оставить богатую провинцию Дакию (территория современной Румынии), захваченную вестготами.

После нескольких десятилетий стабилизации Империи при Диоклетиане и Константине с середины IV в. возобновились и усилились варварские нашествия в ее пределы. С 350 г. алеманны и франки стали все чаще вторгаться в Галлию, пытаясь поселиться в левобережье Рейна. В течение нескольких лет они разграбили и разрушили в Галлии десятки городов, в том числе Аргенторат (Страсбург), Неметы (Шпейер), Вангионы (Вормс), Могонциак (Майнц), Колонию Агриппину (Кельн) и другие, а также уничтожили множество римских вилл. Алеманны захватили левобережье верхнего Рейна, салические франки — область батавов на нижнем Рейне. Однако в это время германцы могли селиться на римской территории только в качестве федератов, находившихся на римской службе, так как Империя была еще достаточно сильна, чтобы не допустить образования самостоятельных поселений пришлых племен.

В 355 г. император Констанций назначил цезарем Юлиана, будущего императора, и поручил ему восстановить границу на Рейне. Во второй половине 50-х годов Юлиану удалось отеснить алеманнов и франков за верхний и средний Рейн. Салические франки, поселившиеся в левобережье нижнего Рейна, были превращены им в федератов. Алеманны обязались отпустить 20 тыс. пленных жителей римских провинций, взятых в плен при набегах.

Вторжение гуннов с востока в Южную Европу в 70-х годах IV в. обострило взаимоотношения между европейскими народами: многие племена оказались сдвинутыми с места и начали переселяться, тесня соседей. Основной поток Великого переселения народов хлынул на Балканский полуостров и на земли Западной Римской империи.

Гуны, пестрая по своему этническому составу орда, включавшая в себя прототюркские, а также, возможно, протомонгольские, угрские и другие племена, производили устрашающее впечатление на европейские народы своим непривычным внешним видом, образом жизни и военными обычаями. В сочинениях античных авторов гуны выступают как кочевники-скотоводы. Аммиан Марцеллин утверждает, что гуны не занимаются земледелием, питаются мясом и кореньями, живут в кибитках и постоянно кочуют. Не слезая с коней, они участвуют в племенных собраниях, решающих важнейшие дела. У гуннов еще нет постоянной королевской власти, только в случае необходимости они избирают вождей.

Многочисленная гуннская конная орда оказалась страшным

врагом для оседлых земледельческих народов. Двигаясь с востока, гунны в начале 70-х годов IV в. перешли Волгу и напали на аланов², обитавших в Приазовье. Часть аланов они подчинили себе и включили в свою орду; эти аланы двинулись затем вместе с гуннами дальше на запад. Другая часть аланов ушла от гуннов на Кавказ, где вместе с местными этническими группами они стали предками осетин. Расправившись с алапами, гунны в 375 г. обрушились на готов в Северном Причерноморье.

Из всех германских племен готы сыграли наибольшую роль в падении Римской империи. На рубеже новой эры они жили на Одере, а в I—II вв. н. э. — на Висле. Из области Вислы готы с конца II в. стали переселяться на юг. Путь их на юг неизвестен. Во время передвижений к готам, очевидно, присоединялись и в дальнейшем сливались с ними другие этнические группы. Готы расселились на обширной территории от Дона до Дуная. С III в. они разделились на остготов (грейтунов) и вестготов (тервингов). Остготы, или восточные готы, жили по Днепру; в середине IV в. при короле Эрматарихе они образовали обширный племенной союз. Вестготы, или западные готы, занимали территорию от Днестра до устья Дуная. Предполагается, что в течение некоторого времени они находились в зависимости от остготов, но в конце III в. освободились от нее, образовав самостоятельный вестготский племенной союз.

Между готами и Римом в II в. шла непрерывная война. Готы вместе с другими племенами совершали сухопутные и морские походы в Империю, опустошая ее провинции на Балканском полуострове и в Малой Азии. Если же сражения заканчивались победой римлян, они превращали пленных готов в рабов и колоннов в римских провинциях. С конца III в. вестготы стали поступать на службу к Империи в качестве *федератов*. Римское правительство давало им продовольствие и деньги, готы же представляли Империи вспомогательные войска и несли сторожевую службу на дунайской границе.

Развитие готского общества во II—IV вв. известно лишь в самых общих чертах. Они занимались плужным земледелием, о чем свидетельствуют найденные в местах их поселений железные наральники и серпы, а в домах — ямы для зерна. По-видимому, большое значение в их хозяйстве имело и скотоводство, в том числе коневодство. У готов имелись различные ремесла: прядение, ткачество, металлообработка, гончарное производство, кораблестроение, сооружение осадных машин и др. Развитию ремесла способствовали контакты готов с античными обществами Причерноморья и Подунавья и захват большого числа пленных из римских провинций. О развитии торговли свидетельствует включение в договор Рима с вестготами от 369 г. пункта об организации *ампориев* (торговых пунктов) на Дунае. Готы покупали у рим-

² Ираноязычное племя аланов — потомок скифского племенного союза сарматов.

ляя вино, соль, оливковое масло, оружие, украшения, одежду, а продавали им рабов, скот, кожи. Торговля была в основном денежной.

Общественно-политический строй готов к концу IV в. находился на последней стадии родо-племенного развития и зарождения классовых отношений и государства. Род и племя обозначались термином *куни*. Основную массу населения составляли рядовые сородичи-соседи — члены пародного собрания и воины. Родовые старейшины, вожди и их дружинники составляли знать. Важную часть имущества знати составляли рабы, использование которых неизвестно. Некоторые племена уже возглавлялись королями-*конунгами*; другие избирали вождя только в военное время, а в мирное управлялись советом старейшин.

В IV в. в готском обществе известно распространение христианства в арианской форме. Когда вестготский король Атанарих стал преследовать своих соплеменников-христиан, готский епископ Ульфилас³ ушел со своими единоверцами в Римскую империю, где был доброжелательно принят Константином, сторонником арианства.

В 369 г. по договору между Атанарихом и римским императором Валентом границей между Империей и вестготами был признан Дунай. По-видимому, с этого времени готы перестали быть федератами Рима. В развернувшейся борьбе между вестготскими королями Атанарихом и Фритигерном римляне поддерживали последнего, после чего Фритигерн принял христианство.

В 375 г. готы подверглись нападению гуннов. Сначала гунны разгромили остготскую державу Эрманиха. Часть остготов была включена в гуннское племенное объединение; другие бежали за Дунай на римскую территорию.

Разбив остготов, гунны напали на их западных соседей — вестготов. После недолгого сопротивления вестготы отступили. Одна часть их во главе с Атанарихом ушла в Трансильванию, а другая во главе с Фритигерном получила в 376 г. от императора Валента разрешение поселиться в качестве федератов на римской территории — во Фракии. Бросив почти все свое имущество, готы переправлялись через Дунай на кораблях, лодках, плотах и в лавах, причем многие тонули. Историк Аммиан Марцеллин, современник этих событий, сравнивает многочисленную массу готов-переселенцев с ливийским песком, поднимаемым ветром, и говорит о невозможности сосчитать их. По расчетам современных исследователей, в Империю перешло более 40 тыс. вестготов, в том числе около 8 тыс. воинов.

По договоренности с имперским правительством переселенцы должны были получить от римлян продовольствие на первое время и земли в пограничной области. Со своей стороны, вест-

³ Готский перевод Библии, выполненный Ульфилой, является важным памятником древнегерманского языка.

готы обязывались служить в римских войсках. Но римские чиновники медлили или не справились с выполнением договора. Среди вестготов, окруженных римской охраной, начался голод. Римские работорговцы скупали у них за бесценок сначала рабов, а затем и их собственных детей. Все это вызвало возмущение вестготов, и в 377 г. они восстали. На их сторону перешли рабы — их соплеменники, а также рудокопы золотых приисков Фракии, находившиеся в положении каторжников. Эти местные жители послужили готам проводниками. Кроме того, к восставшим вестготам присоединились бежавшие от гуннов остготы и родственное готам племя тайфалов, а также отряды гуннов и аланов. Император Валент призывал к себе на помощь Грациана, правителя западной половины Империи. Однако события развернулись так, что Валент был вынужден вступить в сражение с готами, не дожидаясь подхода Грациана.

Сражение римлян с готами произошло в 378 г. у г. Адрианополя (совр. Эдирне) во Фракии, западнее Константинополя. Римское войско было разбито; в бою погиб и император Валент. Затем готы рассыпались по окружающим местностям, занимаясь грабежами. Их попытка захватить Адрианополь оказалась безуспешной. Подойдя к Константинополю, готы встретили сопротивление со стороны горожан и наемной арабской конницы; это заставило их отойти от столицы.

Новым императором стал известный полководец Феодосий (379—395), которому в последний раз удалось объединить под своей властью всю Римскую империю. В 382 г. он подавил восстание готов отчасти силой, а отчасти уступкой им земель на Балканском полуострове: они были поселены в качестве федератов в Мезии, Фракии и Македонии. По традиции федераты использовались не только для защиты от внешних врагов, но и во внутренней политической борьбе. Так, в 394 г. Феодосий использовал вестготский отряд Алариха для борьбы против претендента на престол Евгения.

В 395 г. Феодосий, умирая, разделил Империю между своими сыновьями: восточную половину получил старший сын Аркадий, западную — младший сын Гонорий. Этот раздел явился последним и окончательным для Римской империи: образовались два государства — латиноязычная Западная и грекоязычная Восточная Римская империи. Фактически уже давно обособившиеся западная и восточная половины бывшей единой Римской империи превратились в самостоятельные и враждебные друг другу государства. Восточная Римская империя позже стала называться Византией, но ее население продолжало называть себя *ромеями*, т. е. «римлянами».

Восточная Римская империя была богаче и сильнее своей западной соседки. Она меньше пострадала от кризиса III в., так как в восточных провинциях Римской империи классическая форма рабства была и ранее распространена меньше; здесь преобладали работники типа колонов, а в ряде провинций, напри-

мер в дунайских, сохранялись общины и свободное крестьянство; в восточных городах в большей степени, чем в западных, применялся труд свободных ремесленников. Благодаря развитой внешней и внутренней торговле византийских городов казна восточноримских императоров была богаче, а это позволяло им содержать большую армию или откупаться от варваров. Византия основательно приложила руку к тому, чтобы направить большинство варваров на Запад.

После смерти Феодосия вестготские федераты во главе с Аларихом подняли восстание. Они захватывали и грабили города и селения на Балканском полуострове. В 397 г. восточноримское правительство добилося мира с Аларихом на условиях выплаты ему денег и предоставления высокого поста в имперской администрации. Предполагается, что Аларих получил при этом возможность вооружить готов оружием из государственных арсеналов. Ему удалось объединить под своей властью большинство вестготов, и в 401 г., поощряемый Византией, он увел их вместе с семьями в поход па Италию. Таким образом, вестготы пробыли в пределах Восточноримской империи около четверти века. За это время выяснилось, что их цели заключались в грабежах и захвате территории.

Когда Аларих вторгся в Италию, западноримское правительство Гонория, фактически возглавляемое вандалом Стилихоном, организовало отпор вестготам. В Италию были стянуты войска с рейнской границы. Были укреплены стены Рима. Императорский двор переехал из Милана в Равенну. Стилихон нанес два поражения Алариху в Северной Италии, но для полного разгрома вестготов у имперского правительства не хватило сил, и оно было вынуждено согласиться на их поселение в Иллирии. Существует мнение, что «прогерманская» партия во главе со Стилихоном рассчитывала использовать вестготов в борьбе против Византии.

В 405 г. в Италию вторглись варварские полчища под командованием Радагайса, в состав которых входили остготы, вандалы, свевы, аланы и др. Стилихон разбил войско Радагайса с помощью федератов-гуннов и рабов-добровольцев, которым обещал свободу.

Воспользовавшись тем, что рейнская граница была фактически обнажена уводом римских войск в Италию, вандалы, аланы и свевы накануне нового, 407 года перешли Рейн у Майнца и, смяв заслоп фряков-федератов, вторглись в Галлию.

В такой опасной ситуации при дворе Гонория одержала победу «антигерманская» группировка, враждебная Стилихону. Он был обвинен в пособничестве германцам и погиб вследствие придворных интриг.

Узнав об этом, Аларих вновь выступил против Западноримской империи. С 408 по 410 г. происходили готские походы в Италию, в ходе которых было две длительные осады Рима, когда горожане откупались от Алариха, а рабы-варвары перебежали к нему; при третьем нападении, в 410 г., Аларих захватил Рим.

Падение «вечного города» потрясло современников. Вестготы же, разграбив Рим, продолжили поиски земли для поселения. Сначала они отправились в Южную Италию. В это время умер Аларих. По легенде, вестготы заставили пленных отвести реку, и, похоронив Алариха, вернули ее в прежнее русло, а пленников перебили.

Избрав нового короля, Атаульфа, вестготы еще некоторое время опустошали Италию, а в 412 г. по договоренности с равеннским правительством поселились в качестве федератов в Юго-Западной Галлии — в Аквитании. В последующие годы по поручению Империи они воевали в Испании против вандалов и аланов. В 418 г. вестготы вернулись в Галлию. С этого времени началось формироваться первое варварское королевство на территории Римской империи. Столицей Вестготского королевства сначала стала Тулуза, а позже, когда вестготы при короле Эйрихе (466—484) завоевали значительную часть Пиренейского полуострова, — Толедо. В 475 г. Эйрих порвал союз с Римской империей.

Значительную роль в судьбе Западной Римской империи сыграли вандалы. Первоначально вандалские племена жили на юге Скандинавии и в Ютландии. По-видимому, во II в. до н. э. они переправились через Балтийское море, осели на некоторое время между Эльбой и Вислой, а затем двинулись дальше на юг — в среднее Подунавье. Вандалы делились на силингов и асдингов. Предполагалось, что при Константине I часть вандалов получила разрешение поселиться в Паннонии.

В конце IV в. Великое переселение народов захватило и вандалские племена. На рубеже 406 и 407 гг. вандалы вместе с аланами и свевами перешли Рейн в районе Майнца. Не встретив серьезного сопротивления, они быстро дошли до Пиренеев, разграбив на своем пути множество городов и vill. В 409 г. вандалы, аланы и свевы осели в Испании. Они распространились по всему Пиренейскому полуострову. Вероятно, в Испании вандалы и аланы приняли христианство в арианской форме.

С помощью вестготов Западноримской империи удалось в 416—418 гг. разбить силингов и аланов, причем силинги были почти полностью уничтожены. После ухода из Испании вестготов, которые в 418 г. поселились в качестве федератов в Юго-Западной Галлии, Империя стала вербовать свевов для борьбы против вандалов и аланов.

Во главе вандалов встал король Гейзерих (428—477). В 429 г. он переправился через Гибралтар с 80-тысячным войском вандалов и аланов. Не встретив большого сопротивления, завоеватели быстро дошли по римским прибрежным дорогам до Карфагена. По пути они захватывали города; лишь Цирта и Карфаген отразили их нападение.

В 435 г. между Западноримской империей и Гейзерихом был заключен договор: вандалы и аланы стали федератами и им было разрешено поселиться в Северной Африке. Однако мир был не-

долгим. Опасаясь, что Империя использует Карфаген как плацдарм для нападения на вандалов, Гейзерих в том же году захватил его. Овладев карфагенским флотом для перевозки зерна, он превратил его в пиратский флот и стал господствовать в Западном и Центральном Средиземноморье, грабя прибрежные города.

В 442 г. вандалы захватили Сицилию и по новому договору с Западной империей были признаны политически независимыми. Их столицей был Карфаген.

Когда в 455 г. был убит император Валентиниан III, Гейзерих воспользовался этим как поводом для войны с Римом. Вторым поводом для разрыва с Империей послужило то, что новый император, Петропий Максим, выдал дочь Валентиниана III Евдокию, которая была обручена с сыном Гейзериха Хунерихом, за своего сына. Гейзерих сам возглавил свой флот и в мае 455 г. высадился в устье Тибра. Вандалы две недели грабили и разрушали Рим, в связи с чем возник термин «вандализм», означающий жестокое и бессмысленное уничтожение культурных ценностей. Потом Гейзерих увел свое войско и увез добычу. Есть сведения, что он привез в Карфаген тысячи пленных римских ремесленников. Он также захватил в плен семью Валентиниана III, в том числе его дочь Евдокию. Она была выдана за Хунериха, и лишь через 17 лет ей удалось бежать в Иерусалим.

Вандальское государство включало в свой состав Северную Африку, Корсику, Сардинию, Сицилию, Балеарские острова. Его военное могущество распространялось на все Средиземноморье. В 474 г. Византия признала независимость Вандальского королевства.

Почти одновременно с Вестготским образовалось Бургундское королевство. В древнейшие времена бургунды жили, по-видимому, в Южной Норвегии. Примерно во II в. до н. э. они начали передвигаться на юг. Предполагается, что некоторое время они жили на о-ве Борнхольм в Балтийском море. В I или II в. н. э. они поселились между Одером и Вислой. На рубеже II и III вв. под натиском гепидов бургунды отступили на юго-запад и достигли верховьев Майна. Продвигаясь вниз по Майну, они оттеснили алеманнов к юго-западу и в середине IV в. дошли до впадения Майна в Рейн. Проживая в долине Майна, они нападали на римские земли, а римляне, со своей стороны, патравливали бургундов и их соседей друг на друга.

Когда в начале 407 г. вандалы, аланы и свевы, перейдя Рейн у г. Майнца, вторглись в Галлию, бургунды последовали за ними и заняли Майнц и прилегающую долину Рейна. В это время во главе бургундов стоял король Гундахар, фигурирующий в сказании о Нибелунгах под именем Гунтера.

В 413 г. Западная Римская империя признала бургундов федератами и отвела им землю для поселения на среднем Рейне в районе г. Вормса. Здесь зародилось Бургундское королевство. Бургунды приняли христианство в арианской форме.

В 30-е годы V в. бургунды попытались расширить свою территорию за счет римской провинции Белгики, но западноримский полководец Аэций с помощью гуннских наемников разбил их в двух битвах (435 и 436 гг.). В этих сражениях была уничтожена значительная часть бургундского племени и убит король Гундахар. Гибель первого Бургундского королевства, существовавшего на Рейне, легла в основу созданной позже германской эпической «Песни о Нибелунгах» — предания о союзах и войнах между бургундами и гуннами.

Уцелевшие остатки бургундского племени Аэций поселил в качестве федератов в верховьях Роны. К середине V в. здесь сформировалось новое Бургундское королевство, столицей которого сначала была Женева, а затем захваченный бургундами Лион. В начале VI в. бургунды перешли в католицизм.

Большое влияние на судьбу поздней Римской империи оказали гунны. Как было рассказано выше, в 70-х годах IV в. они подтолкнули готов к нашествию на Балканский полуостров. Обосновавшись на среднем Дунае, гунны создали в Центральной и Восточной Европе обширную державу, в которую входили многочисленные покоренные племена, обязанные платить им дань и предоставлять военную помощь. Гунны превратились в значительную военно-политическую силу, с которой приходилось считаться обеим Римским империям. Римляне охотно использовали гуннов как военных наемников, но в то же время постоянно испытывали угрозу с их стороны.

Особенно большую опасность гунны представляли для Восточноримской империи, подвергавшейся их набегам. Для защиты от них в 413 г. были построены новые стены вокруг Константинополя — «Феодосиевы стены», укреплена дунайская граница. С 430 г. Византия была вынуждена выплачивать гуннам ежегодную и все возрастающую дань.

В 30-х годах V в. Западноримской империи пришлось предоставить гуннам для поселения провинцию Паннонию, причем местное население оказалось полностью под их властью.

Гуннская держава особенно усилилась к середине V в. В 447 г. ее предводитель Атила начал новое наступление на Византию, опустошая Балканский полуостров и угрожая столице. По миру, заключенному в следующем году, гуннам была предоставлена Дакия Прибрежная. После этого Атила начал готовиться к походу на Запад.

В 451 г. Западноримской империи и варварским королевствам, возникшим к этому времени на ее территории, пришлось отражать нашествие гуннов. В качестве повода для нападения Атила использовал обращение к нему за помощью сестры императора Валентиниана III (425—455) Гонории. Он потребовал руки Гонории и в качестве приданого за ней — половину Западноримской империи. В начале 451 г. Атила выступил из Паннонии на запад. В его войске кроме гуннов были подвластные им племена — гепиды, ругии, герулы, остготы, скиры, часть фран-

ков и др. Он перешел Рейн, разграбил Мец на Мозеле и дошел до Орлеана на Луаре, но взять его не смог, так как на помощь осажденным подоспели войска римлян и вестготов. Атила двинулся в обратный путь. На Каталаунских полях в Северо-Восточной Галлии произошла битва между гуннами и римлянами. На стороне римских войск, возглавляемых Аэцием, сражались вестготы, франки, бургунды, саксы, аланы, а также жители Арморика — северо-западной области Галлии. Атила потерпел поражение и ушел за Рейн, потеряв часть добычи, но сохранив основную боевую силу.

В 452 г. гунны напали на Северную Италию и захватили ряд городов, в том числе Милан. Положение римлян было столь опасным, что Аэций даже советовал Валентиниану III бежать из Италии. Но гунны сами ушли с Апеннинского полуострова, где был голод и началась эпидемия.

В 453 г. Атила, прозванный современниками за его жестокость «бичом божьим», умер. В его державе, которую принялись делить многочисленные сыновья вожда, начались восстания покоренных племен, и она распалась. Большинство гуннов ушло в Причерноморье, а оставшиеся на нижнем Дунае превратились в византийских федератов.

Длительные контакты существовали у римлян с франками. В римских источниках термин «франки» встречается с середины III в. Франкский племенной союз образовался из мелких племен, обитавших по правому берегу Рейна и на побережье Северного моря; в него вошло также много военных дружин из разных племен. В середине III в. франки совершали опустошительные набеги на Галлию, Испанию и Северную Африку. В конце того же века франки вместе с саксами грабили побережья Галлии и Британии.

С 60-х годов III в. известны франкские отряды в римской армии. В 90-х годах этого века франки и другие германцы были поселены в качестве летов на запустевших от варварских набегов землях Северной Галлии. С установлением домината нападения франков были пресечены. Константин увеличил прием германских наемников в свою армию.

До середины IV в. германские дружины, возглавляемые военными вождями-конунгами, вторгались на римскую территорию за добычей в виде скота, продовольствия, одежды, драгоценностей и т. п., а также пленников. Позже франки, алеманны и бургунды начинают вторгаться в Галлию с целью захвата земель для поселения, хотя продолжался и прежний грабеж. Но в IV в. германцы могли расселяться в римских провинциях лишь в качестве военных поселенцев, находившихся на римской службе.

Поселение германцев в Галлии, хотя и под римским контролем, имело важные последствия. Франки, алеманны и бургунды постигали хозяйственный опыт римлян; служба в имперской армии знакомила их с римским военным делом. Это влияние сказывалось не только на самих поселенцах внутри Империи, но и

на свободных, зарейнских, германцах. Социальная дифференциация германского общества ускорялась захватом добычи в набегах на Империю. К середине IV в. племенные союзы германцев усилились в военно-политическом отношении.

Активизация германских вторжений в Галлию облегчалась внутренней борьбой в Империи — выступлениями узурпаторов, расправами с военачальниками, заподозренными в стремлении захватить власть. В «Истории» Аммиана Марцеллина приводится много фактов такого рода. В 350 г. римский военачальник в Галлии Магненций, франк по происхождению, объявил себя императором и отозвал войска с Рейна для борьбы против императора Констанция. Воспользовавшись этим, франки перешли границу на нижнем и среднем Рейне. Лишь через пять лет они были вытеснены Сильваном, другим военачальником-франком на римской службе. Однако Констанций заподозрил его в стремлении к захвату власти и приказал убить. В конце 50-х годов IV в. положение на рейнской границе временно стабилизировалось благодаря победам Юлиана над алеманнами, франками и хамавами.

Германцы-наемники на римской службе обычно становились врагами своих заграпичных соплеменников. Они нередко воевали против своих сородичей. Римские военачальники германского происхождения вливались в состав господствующего класса Римской империи. По собственному выбору они могли либо войти в сенаторское сословие, либо остаться в составе военной знати. Ярким примером политической карьеры германского военачальника на римской службе является возвышение вандала Стилихона, который породнился с императорами Феодосием I и Гонорием и в течение ряда лет руководил политикой Западной Римской империи.

В 395—396 гг. по договорам со Стилихоном франки стали римскими федератами. Как упоминалось, на рубеже 406 и 407 гг. они пытались воспрепятствовать вторжению в Галлию вандалов, аланов и севов. С 20-х годов V в. франки стали продвигаться от Рейна на запад. Во второй половине этого века они постепенно захватили Северо-Восточную Галлию, для обозначения которой начинает употребляться название *Francia* (Франция). В это время зарождается Франкское государство. Власть военных вождей-*конунгов* превращается в постоянную королевскую власть. Но государство еще не было единым — у франков было несколько королей. После падения Западной Римской империи в 476 г. Франкское государство усилилось при короле Хлодвиге (481—511), который расширил завоевания франков в Северной Галлии⁴, устранил своих соперников в борьбе за власть, создал писаное законодательство и, наконец, вместе со своей дружиной принял христианство в католической форме.

⁴ В 486 г. Хлодвиг завоевал в Северной Галлии так называемое королевство Сиagriя — остаток римской территории, возглавляемое римским военачальником Сиagriем.

Римским владениям в Британии угрожали племена пиктов с севера, скоттов с запада⁵; в III в. начались нападения с моря германцев — саксов и франков. В начале V в., когда Стилихон отозвал римские войска с Рейна для защиты Италии от вестготов Алариха, он потребовал и легион из Британии. Римская армия в Британии, недовольная этим, выдвинула своего претендента на престол — Константина III, который явился весной 407 г. со всей британской армией в Галлию. Это фактически явилось концом римского господства в Британии. Однако кельто-римское население острова, в частности города и аристократия, еще несколько десятилетий поддерживали связь с Западной Римской империей, безуспешно просили у нее помощи и сами отчаянно защищались от вторжений кельтских и германских племен. В V в. нападения пиктов ослабели: их территорию на севере острова захватили скотты, которые дали ей свое имя Scotland — Шотландия.

Главным врагом римско-британского населения с середины V в. стали германские племена — англй, саксы и юты, вторгавшиеся в Британию с южного побережья Северного моря и с п-ва Ютландия. В течение столетия англосаксы захватили бо́льшую часть Британии и создали несколько королевств. Под натиском германских завоевателей часть бриттов бежала с острова на континент — в Арморику, которая позже стала называться Бретанью.

В 476 г. предводитель германских наемников в Италии Одоакр сверг последнего западоримского императора — малолетнего Ромула Августа. Одоакр отослал знаки императорского достоинства (корону и пурпурную мантию) в Константинополь, что, по-видимому, должно было символизировать признание им главенства византийского императора, и, по обычаю других варварских государств, принял титул короля (*конунга*). Это событие является концом Западной Римской империи.

2. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ВАРВАРСКИХ КОРОЛЕВСТВ

Варварские королевства явились переходной формой от позднеимперской государственности и в то же время от военной демократии варваров к раннефеодальному государству. Варварскими называют такие государства, которые сохранили классовое деление рабовладельческого общества, но основная часть господствующего класса в которых сложилась из верхушки племенной («варварской») знати, т. е. по происхождению раннеклассовой или даже доклассовой.

⁵ Скотты — кельтские племена; пикты — по мнению одних, тоже кельты, по мнению же других, докельтские племена неизвестной этнической принадлежности.

За пределами бывшей рабовладельческой империи варварских королевств быть не могло: здесь классовые отношения вырастали прямо из доклассового общества и ничего не наследовалось от общества, пережившего рабовладельческую формацию. Это касается Руси, Скандинавии, части Германии, большей части Британии, где кельто-римское население фактически исчезло. В этих странах существовала свободная община.

В варварских же королевствах, возникших на территории бывшей Западной Римской империи, свободные германские общины были лишь островками варварского мира посреди массива классового общества, переходившего от рабовладельческого строя к феодальному. Например, в Вестготском королевстве, существовавшем сначала на юго-западе Галлии — в Аквитании, а позже — в Испании, германская соседская община возникла только в областях с компактным готским населением. В тех же областях, где готы селились вперемежку с местным населением, существовали смешанные готско-римские сельские общины, которые руководствовались определенным сочетанием римских и германских правовых норм.

Вестготы и бургунды, поселившиеся в сильно романизованных провинциях, значительно быстрее избавились от пережитков родо-племенных отношений, чем, например, франки, завоевавшие Северную Галлию, и англосаксы, захватившие Британию.

Вестготы поселились в Аквитании и в Испании в качестве федератов, которых имперское правительство рассчитывало использовать и в дальнейшем действительно использовало против других варваров и народных движений, поэтому при их расселении на римской территории производился раздел земли и другого имущества между готами и местными владельцами. У местного населения было отнято в пользу варваров-поселенцев $\frac{2}{3}$ пахотных земель, половина лесов и лугов, $\frac{1}{3}$ рабов и колонов; кроме того, вестготы, по-видимому, получили скот, различный инвентарь, жилые и хозяйственные постройки и т. п. Разделу подвергались не только имения магнатов, но и хозяйства средних и мелких собственников, в том числе и сельских и городских жителей.

Социальная структура галло-римского общества в Тулузском королевстве и испано-римского в Толедском оставалась в основном прежней. Формировавшиеся под влиянием римского права вестготские законы охраняли частную собственность на землю и рабов не только готской, но и туземной знати. Крупное землевладение постепенно изменяло свой характер, приближаясь к феодальному землевладению. *Колоны* перестали считаться подданными государства и были освобождены от государственных налогов и повинностей; в то же время сохранялись все ограничения их правоспособности по отношению к владельцу, на земле которого они держали наделы — колоны были прикреплены к наделам и ограничены в праве распоряжения своим имуществом. Был узаконен *патронат*. Впоследствии потомки римских

колонов и вольноотпущенников слились с посаженными на землю рабами (*сервами*) и с зависимыми держателями из бывших свободных общинников готского и местного происхождения, образовав класс феодально-зависимого крестьянства. Класс феодалов формировался из готской военно-племенной знати, из крупных галло-римских и испано-римских землевладельцев и из высшего духовенства арианской церкви. Хотя галло-римляне и испано-римляне порой занимали высокие должности в королевской администрации и войске, военно-политическое господство принадлежало готской знати во главе с королем.

Для политического устройства варварских королевств была характерна двойственность — сочетание римских и варварских институтов. Так, территория Тулузского королевства формально считалась до 475 г. римской областью и оставалась под властью императора. Галло-римское население жило по римскому праву. Основной территориальной единицей оставалась городская община. Однако политическое господство принадлежало готскому королю, который обладал высшей военной, административной, законодательной и судебной властью, имел казну и земельные владения. Племенные собрания, по-видимому, уже перестали собираться. Их функции частично перешли к военным сходкам, на которых решались вопросы войны и мира, провозглашались короли. Королевская власть носила архаический характер: король решал государственные дела в присутствии толпы готских воинов, до VI в. вестготские короли не отличались образом жизни от прочих готов. Войско Тулузского королевства представляло собой готское ополчение; римляне, за редкими исключениями, не привлекались к военной службе. Готское население жило по обычному германскому праву, которое уже в начале V в. стало сменяться писаным. В вестготском законодательстве сочетались черты германского варварского права (денежные штрафы за преступления, очистительная клятва, выдача преступника родственникам потерпевшего, семейная ответственность за преступления и т. п.) и римского классового права (римские формы отчуждения имущества, определения статуса рабов).

Готы и римляне в Тулузском королевстве были обособленными этносами. Готы составляли привилегированный слой: они несли военную службу и не платили налогов. Местные жители оставались налогоплательщиками и были отстранены от военной службы. Сохранялся старый римский закон, запрещавший смешанные браки римлян с варварами. Вестготы были арианами, галло-римляне — католиками. Постепенно происходило сближение галло-римской знати с верхушкой вестготов.

Бургунды, как и вестготы, поселились в Галлии в качестве федератов и получили земли и рабов по разделу с местным населением. В Бургундском королевстве сохранились рабство, колонат, крупное землевладение галло-римских магнатов. Военно-политические права магнатов даже расширились: получили официальное признание их юрисдикция и личные военные дружины.

Высшая власть принадлежала королю, который был в союзе с галло-римской аристократией.

В отличие от вестготов и бургундов вандалы создали свое государство в результате прямого завоевания Северной Африки, не завуалированного союзническими отношениями с Римской империей. С этим были связаны и особенности их поселения на римской территории. Они не производили разделов с местным населением земли и другого имущества, а занимались открытым грабежом, жестоко расправляясь при этом с населением. Римскую налоговую систему они заменили своими тяжелыми налогами. Часть католического духовенства и землевладельческой аристократии была обращена ими в рабов или колонов.

Тем не менее, хотя сменился персональный состав господствующего класса, общественная система и язык в Вandalском королевстве в основном сохранились позднеримские. Здесь применялось римское законодательство и судопроизводство. Своих писаных законов вандалы не создали.

Господствующее положение в государстве занимали вандалы и аланы. Король обладал неограниченной властью и являлся крупнейшим земельным собственником. Он опирался на алано-вандалскую служилую знать, однако в государственном аппарате использовались и люди африкано-римского происхождения. Народное собрание варваров больше не созывалось. Военную службу несли только вандалы, аланы и во вспомогательных войсках — мавры. В 533 г. Вandalское королевство было завоевано Византией.

Франки создали свое государство в ходе завоевания Северной Галлии. В позднеримское время это была область с хорошо развитым сельским хозяйством, которое велось в средних и мелких виллах горожан и крестьян и в крупных имениях магнатов. В IV в. во владениях магнатов сосредоточились также ремесла и торговля. Под угрозой варварских набегов сельские усадьбы укреплялись. Богатые люди спасались бегством в Южную Галлию, но трудовой люд оставался. Кроме колонов, летов и рабов в Северной Галлии сохранились и свободные крестьяне. Хиреющие города оставались, однако, административными единицами; наряду с ними существовали сельские административные единицы — *паги*.

Предполагается, что в середине V в. в римскую Галлию с ее 6 или 10 миллионами галло-римлян вторглось в общей сложности около полумиллиона германцев, в том числе от 50 до 100 тыс. воинов. Большую часть завоевателей составили франки.

Конкретные обстоятельства расселения франков в Северной Галлии малоизвестны. По-видимому, они занимали земли фиска и частновладельческие земли, отнятые у их владельцев или покинутые бежавшими хозяевами. Известно, что при завоевании Северной Галлии франки во главе с Хлодвигом грабили католические храмы.

Во Франкском королевстве местное галло-римское население жило по римскому праву, франки — по своему обычному праву, которым регулировались также взаимоотношения между франками и римлянами.

Франкское право зафиксировано в «Салической правде», записанной при Хлодвиге. Римское влияние проявилось в ней лишь в том, что она записана на латыни и штрафы исчисляются в ней в римских денежных единицах — *денариях* и *солидах*. «Салическая правда» применялась только к северу от Луары, т. е. в области основного расселения франков. Этот сборник законов отразил франкское общество в период его расселения в Галлии, когда оно находилось на грани между родо-племенным строем и процессом классового образования.

Господствующий класс формировался в основном из франкской служилой знати. На королевской службе находились кроме франков и римляне, так называемые «королевские сотрапезники», но, судя по *вергельду*⁶, общественный вес их был вдвое ниже, чем служилых франков. Основную массу франкского общества составляли рядовые франки — воины и крестьяне, организованные в соседские общины. Положение рабов и колопов не изменилось, хотя большинство их теперь эксплуатировала франкская знать во главе с королем. В «Салической правде» колоны фигурируют под названием «трибутарии», т. е. «приносящие подать», которым еще в Римской империи обозначалась одна из категорий колонов.

В раннее средневековье развитие феодализма во Франкском королевстве шло на базе романо-германского синтеза, который продолжается и после завоевания франками в первой половине VI в. Тулузского и Бургундского королевств. Слиянию франков и галло-римлян способствовали принятие франками католицизма, смешанные браки и сохранение народной латыни.

В римской Британии, как и в других провинциях, очагами романизации были города и виллы, но романизация этой страны была поверхностной. В результате истребительных войн во время варварских нашествий и бегства бриттов на континент здесь к VII в., по-видимому, почти исчезло романизованное кельто-римское население.

С середины V до середины VI в. саксы, англ и юты распространили свою власть на большую часть Британии. В это время они находились на последней стадии родо-племенного строя. В середине VI в. в Британии возникло несколько англо-саксонских королевств. Наряду с ними существовали еще и королевства бриттов с кельтским населением (до VII в.), а на севере острова — племенные объединения кельтов-скоттов.

На рубеже VI и VII вв. в Кенте было записано на саксонском языке обычное саксонское право, в котором выступают знатные люди — *эрлы*, простые свободные — *керлы*, а также ра-

⁶ *Вергельд* — компенсация за ранение или убийство.

бы. В период раннего средневековья в англосаксонских королевствах развился процесс феодализации на базе разложения свободной германской общины.

После свержения последнего западноримского императора в Италии образовалось варварское королевство Одоакра. Он наделил земель варваров-паемников, отняв для этого $\frac{1}{3}$ владений италийцев. В некоторых случаях не производилось реального земельного передела, а варвары просто получали $\frac{1}{3}$ дохода от соответствующего землевладельца.

В Италии сохранились пародная латынь, позднеримские социально-экономические отношения и система управления, однако высшая власть паходила в руках короля, который опирался на свою германскую дружину. Одоакр стал собственником прежних императорских доменов — на одних он вел свое хозяйство, другие раздавал римским сенаторам. Римская знать сохранила свои социально-экономические и политические позиции. Местное население жило по римскому праву, варвары — по обычному. Сохранилась римская палоговая система, чеканились медные и серебряные монеты, и только чеканку золотых Одоакр уступил византийскому императору.

Византия направила на королевство Одоакра остготов, которые, обрета свободу после распада гуннской державы, то служили византийцам, то воевали против них. В 493 г. Одоакр погиб, и правителем Италии стал остготский король Теодорих.

Государство Одоакра было сходно с Тулузским и Бургундским королевствами, но слабее их, так как король не имел опоры в каком-либо едином племени.

Нашествия варваров затронули и Византию: на Балканский полуостров в IV—V вв. вторгались гунны, готы, аланы и многие другие племена, а в VI—VII вв. — славяне. Но эти вторжения не привели к завоеванию и уничтожению Византии. Лишь на севере Балканского полуострова в период раннего средневековья образовались славянские королевства Сербия и Болгария⁷. На остальной территории Византии славянские племена расселились, не разрушив Византийского государства, и постепенно слились с местным населением.

В Византии социальная революция совершилась без слома государственной машины Римской империи. Внутренняя же сущность социального переворота, происшедшего в ней во времена поздней античности и раннего средневековья, была принципиально сходной с социальной революцией на Западе: это было крушение рабовладельческой формации и становление феодальной.

Варварские вторжения на Балканский полуостров способствовали упадку городов, прежде всего небольших; в то же время деревни и села сохраняются; археологи прослеживают непрерывность существования многих деревень до и после появления вар-

⁷ Болгария сначала возникла как тюрко-славянское государство; тюрки-булгары (с Воли) растворились в славянской массе лишь к концу IX в.

варов, хотя состав населения в них меняется; происходит взаимовлияние местных и варварских общин. В IV—VI вв. в процессе феодализации Византии складывается деревня нового типа со смешанным населением — рабы, колоны, свободные; в деревнях было собственное, хотя и не очень развитое ремесло. Положение сельских поселений на государственных и частных землях уравнивается, так же как и положение отдельных групп работников. В больших селах складываются рынки для окрестных деревень. Спецификой Византии, как и ряда ближневосточных областей, было длительное сохранение крупных сел с рынком и ремесленным производством, которые мало отличались от мелких городов; их существование сдерживало развитие новых городов. Население говорило, как правило, по-гречески.

В то же время в VI в. даже крупные византийские города постепенно теряют свое значение как центры снабжения ремесленными изделиями сельской округи. Главную роль в городах играют крупные независимые землевладельцы и церковь: в восточных областях бывшей Римской империи город, хотя и несколько позже, чем на Западе, перестает быть муниципальной организацией; к концу VI в. исчезает городское самоуправление. Большое значение в перестройке экономики Византии приобретают монастыри, бывшие не только крупными землевладельцами (церковь подчиняла себе целые общины), но и торгово-ремесленными центрами.

3. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВАРВАРСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

Рассматривая социальную революцию, происшедшую на рубеже античности и средневековья, нельзя смешивать субъективные цели и объективные результаты деятельности различных социальных сил. Субъективно, по своим осознанным ближайшим интересам, население Римской империи и вторгавшиеся в нее варвары-завоеватели обычно оказывались врагами. Завоеватели несли смерть и разорение населению Империи. Если императоры или отдельные магнаты вступали в союз с варварскими племенами, чтобы использовать их в борьбе за власть либо для защиты от вторжения других варваров, то земли для поселения таких союзников отводились опять-таки за счет местного населения.

Взаимоотношения между населением Римской империи и варварами, расселявшимися в IV—V вв. на ее территории, зависели от конкретных условий. В одних случаях племена предпринимали насильственные завоевания, а правители Империи и по мере сил ее население, особенно жители укрепленных городов, оказывали им сопротивление. В других случаях варвары проникали на территорию Империи как союзники, которым отводились земли для поселения. Тогда производился раздел земли и другого имущества между варварами и местными владельцами.

Иногда случался переход отдельных лиц или групп населения Империи на сторону варваров.

Но главное состояло в том, что большинство населения Империи было недовольно существовавшим в ней положением. Стихийные народные движения, тенденция к политическому обособлению крупных земельных владений, приобретавших черты феодальных поместий, расшатывали имперскую государственную систему.

Принесенная варварами свободная крестьянская община (германская на Западе, славянская на Балканском полуострове) сыграла прогрессивную роль в развитии феодализма на землях бывшей Римской империи. Крушение римской государственной системы на Западе способствовало возрождению сельских общин, сохранявшихся в период поздней Империи в провинциях. Община способствовала сохранению земельной собственности и личной свободы крестьян и, таким образом, стимулировала развитие производительности их труда, поскольку это были работники, максимально заинтересованные в его результатах.

Исторический переворот — падение рабовладельческой формации в Средиземноморье и возникновение формации феодальной — занял несколько столетий — с III по VIII в. Это был мучительный процесс как для народных масс поздней Римской империи, так и для варваров — участников Великого переселения народов, который не обошелся без тяжелых потерь. Совершаясь в ходе классовой борьбы, междоусобных войн и завоеваний, он сопровождался экономическим упадком, разорением населения, многочисленными человеческими жертвами и падением античной культуры. Византия в большей степени, чем Запад, сохранила античное культурное наследие и многое из него передала средневековой Европе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В трех томах «Истории древнего мира» читателю было рассказано обо всех древних обществах (за немногими исключениями: Нубия, Эфиопия, Юго-Восточная Азия, изолированные цивилизации древней Америки). Наша книга-лекторий ставила перед собой задачу подвести читателя к некоторым общим выводам о закономерности развития всего человечества в течение трех с половиной тысячелетий истории его начальных цивилизаций. Напомним в заключение об основных этапах древности, как они вырисовываются при сопоставлении материала лекций, написанных различными авторами, сотрудничавшими в книге.

Древность довольно четко делится на раннюю, развитую и позднюю. Для периода накопления прибавочного продукта и классового расслоения в ранней древности характерно преобладание малых государств («номовых», или городов-государств); более крупные царства являлись в то время либо союзами номов, объединенными вокруг сильнейшего из подобных небольших государств, либо объединениями какого-либо одного речного бассейна. Общества на этой стадии развиваются по нескольким параллельным историческим путям, отличающимся друг от друга преимущественно различным соотношением двух общественно-экономических секторов: государственного (или храмового) и общинно-частного; для одного пути типичны государственная собственность на средства производства и эксплуатация менее или более самостоятельно хозяйствующих, но бесправных тружеников) которых мы условно называем илотами); для другого — общинная собственность на землю при частной собственности на движимость и либо свободный труд самих сельских хозяев, либо еще и труд патриархальных рабов, участвующих в одном производственном процессе со своими хозяевами. Именно на этой основе были созданы великие цивилизации Шумера и Вавилона, Египта, Крита и Микен, хеттов и хурритов, индская цивилизация и ранняя цивилизация Китая. Этот период в основном совпадает с археологическим бронзовым веком; средства вооруженного насилия и принуждения были еще мало развиты, вследствие чего прямое уничтожение врагов после боя нередко предпочиталось их плениению для использования в качестве рабов.

Второй и третий периоды — это в основном археологический век железа и стали, озаглавленный значительным ростом как производственных возможностей, так и возможностей массового порабощения и содержания в рабстве побежденных.

В начале второго периода древности возникает античная цивилизация греков (на исторической основе крито-микенского общества, в котором государственный сектор, по-видимому, сосуществовал с общинно-частным) и италиков (включая Рим); здесь сложилась практически односекторная общинная (полисная) структура в отдельных городах-государствах. Существенно, что она появилась на фоне уже высокого уровня развития разделения труда в окружающих обществах, поэтому в античном полисе выросли частные товарные хозяйства, активно участвовавшие в производстве на международный и внутренний рынок, и соответственно возникло античное, или «классическое», рабство. Условия полиса оказались необычайно благоприятными для проявления творческих способностей каждого гражданина, для расцвета искусства, литературы, философии, для возникновения и упрочения понятия личной свободы человека.

В других областях ойкумены, где продолжала существовать двухсекторная экономика, для второго периода оказалось характерным возникновение древних «мировых» империй; оно было обусловлено кризисом воспроизводства в хозяйствах внутри мелких политических единиц при упадке собственно государственных хозяйств, а отсюда — необходимость политического объединения регионов, производивших средства производства, с регионами, дававшими продукты сельского хозяйства и ремесла, непосредственно обслуживавшего потребление. «Мировые» империи создавались обычно не наиболее экономически развитыми государствами, а поставленными в особо благоприятные условия в военном, и в частности в стратегическом, отношении. Так появились великие царства — Ассирийское, Нововавилонское, Мидийское, Ахеменидское, империя Маурьев в Индии и позже — империя Цинь в Китае. При этом происходило постепенное перемещение хозяйств частнорабовладельческого типа в города и переход в результате завоевания большей части сельской территории в состав государственного сектора. В связи с этим в городах преобладает рабство преимущественно в ремесле, в том числе оброчное, а в сельской местности — эксплуатация «царских людей», отличающихся от подневольных работников раннего периода, в частности, тем, что они организовывались в зависимые сельские общины.

В V—IV вв. до н. э. в Средиземноморье и на Ближнем Востоке наблюдается явление второго кризиса: независимые мелкие античные полисы страдают от трудностей в расширении воспроизводства и от недостаточной политической защиты в международных отношениях, а империи — от излишней централизации, замедляющей развитие частнорабовладельческого производства в городах. Результатом явилось создание нового типа империй,

включавших в себя и автономные самоуправляющиеся города, близкие по типу к полисам: таковы эллинистические монархии Птолемеев, Селевкидов, Армении, Греко-Бактрии, ранней Парфии и др. Объективно такое же историческое место занимает и римское государство; сначала оно представляло собой прочный конгломерат зависимых полисов и областей, возглавляемый не завоевателем-монархом, а завоевателем-полисом (Римом), а позже превратилось в Римскую империю; последняя унаследовала многое от эллинистических империй, но сохраняла и множество достижений полисной цивилизации более ранней античности. Апалогичные процессы происходили, по-видимому, в Индии и Китае.

Для всех древних обществ ранней и развитой древности характерно сохранение слоя свободных граждан, организованных в полисные, городские, храмово-городские и другие подобные образования. С этим связано относительно широкое распространение светской грамотности; высокий для того времени уровень развития наук и искусств, так и не превзойденный вплоть до эпохи Возрождения; общинный, близкий к первобытному характер религиозных культов.

Весь третий период древности является, по существу, затянувшимся периодом третьего кризиса, захватившего уже все древнее общество. Это ясно ощущается в области духовной жизни древних народов: всюду общественная система базировалась на угнетении человеческой личности во все расширяющемся масштабе; традиционные общинные культы, обожествлявшие существующий порядок, перестают удовлетворять народные массы, и повсюду начинаются поиски такой идеологии, которая соответствовала бы этическим запросам людей и отвечала бы на коренной вопрос о достижимости добра в мире зла или хотя бы за его пределами. В этом направлении идут поиски Заратуштры в иранском мире, джайнистов и Будды — в Индии, различных религиозно-философских течений Китая, античных философов и античных религиозных мыслителей — орфиков, поклонников Аттиса, митраистов, вплоть до ессеев Палестины, до Иисуса и Павла и общин ранних христиан.

Распространение этих духовных движений среди разных социальных групп и народностей было обусловлено серьезными переменами в древнем обществе. Происходит постепенная и повсеместная ликвидация городских свобод и общее уравнивание разных групп трудящегося населения до положения зависимых подданных все более деспотического государства; в Римской империи дарование всему «свободному» населению формального права римского гражданства фактически совпадает с уравниванием всех в бедствии.

Вскоре в Риме, в Парфии, а затем в сасанидском Иране, в Китае разными путями создаются колоссальные имения земельных магнатов из числа преуспевших рабовладельцев или чиновников. Эти люди тяготеют к центральной опеке государства и все

более узурпируют не только экономическую власть над трудящимися в имениях и областях, которыми они управляли, но также власть политическую и судебную; так они постепенно превращаются в маленьких, почти суверенных государей. Наличные у них средства насилия позволяют теперь эксплуатировать разными способами не только лиц, лишенных собственности на средства производства, но и обладающих ими. Создается господствующий класс, характерный для эпохи средневековья. Он перенимает в качестве общеобязательных те утешительные религиозно-этические учения, носителями которых были сами народные массы, но придает им жесткую догматическую форму, исключаящую как наказуемую ересь любое сколько-нибудь оппозиционное религиозно-этическое направление мысли.

Параллельно с этими процессами изменяются взаимоотношения между великими классовыми государствами и окружающей их периферией. До этого времени она служила источником добычи рабов и рынком для неэквивалентного сбыта изделий промышленности, орудий труда и т. п.; периферия фактически эксплуатировалась древними классовыми государствами. Теперь племена периферии начинают расширять посевные и пастбищные площади за счет вырубки лесов и сами осваивать производство орудий труда и оружия, качественно не уступавших ранее импортировавшимся. Рост населения на периферии древних цивилизаций и начавшиеся мощные племенные передвижения решительно изменили расстановку сил: начинаются вторжения «варваров» на территорию древних государств. Они разрушают сложившиеся здесь государственные структуры, создают новые сельские общины на землях старых государств и принимают участие в начавшемся процессе социально-экономической перестройки в них; изменяется состав господствующего класса за счет включения в него племенной верхушки «варварских» племен, а часто и физического истребления прежней элиты. Все это приводит к ускорению гибели древних цивилизаций.

Порой конец древности наступал в результате процессов чисто внутренних (Китай); он мог сопровождаться мощными народными восстаниями (Китай, отчасти Иран и Рим). Кое-где на территориях, которые не были охвачены древними цивилизациями, еще возникали общества древнего типа, но, захваченные общим процессом роста производительных сил на всем пространстве Старого Света, они быстро выравнивались под общий уровень средневековых обществ (Англия, Скандинавия, Русь). Однако сопоставление этих конкретных локальных форм исторического развития выявляет однородность и общеисторическую закономерность всех главных факторов процесса возникновения и падения древних обществ и их смены обществами иного типа.

Подводя итоги, полезно оглянуться назад и посмотреть, что, все-таки, нами достигнуто в древней истории, скажем, за последние полстолетия, и в то же время — постараться наметить некоторые из тех новых направлений, по которым наша наука может двигаться дальше — не в ущерб уже сложившимся направлениям.

В отличие от представителей других наук, историк не ставит себе целью предсказание имеющих наступить явлений. Поскольку мы имеем дело с уже совершившимися событиями, постольку, основываясь на материалистической теории, историк далеких эпох может лишь объяснять причинную связь происходивших общественных перемен и других важных событий, как в масштабе целых тысячелетних эпох и огромных континентов, так и в масштабе сравнительно небольших участков пространства и времени. Предсказание, тем не менее, возможно и для историка: иной раз исходя из имеющихся данных мы можем экстраполировать еще неизвестный факт, который потом подтверждается при появлении новых источников или при рассмотрении старых под новым углом зрения. Такие моменты в нашей повседневной работе доставляют нам удовлетворение, являются проверкой правильности наших научных построений и побуждают к дальнейшим трудам. При этом мы всегда исходили и исходим, во-первых, из всеобщей закономерности исторического, как и всякого другого материального процесса, и во-вторых, из диалектической связи производительных сил и производственных отношений: производительные силы имеют тенденцию развиваться до предела, допускаемого данными производственными отношениями, а когда этот предел достигнут, он резко преодолевается созданием новых производственных отношений, включая образование новых классов и разрушение и исчезновение старых.

При рассмотрении процесса истории старшему поколению советских историков были свойственны известные систематические ошибки. Так, в частности, несмотря на неоднократные предупреждения авторитетных мыслителей о том, что развитие происходит не прямолинейно, а по значительно более сложным динамическим законам, мы в прошлом поддавались позитивистской иллюзии, будто движение исторического процесса есть постоянное, — пусть не равномерное, а скачкообразное, но все-таки постоянное, — совершенствование общества. На самом деле развитие идет не от худшего к лучшему, а лишь от менее сложного к более сложному, причем, разумеется, это более сложное может проявляться в виде новой, ранее «неслыханной простоты». Кроме того, всякий природный процесс, — а это значит, внутренне противоречивый процесс, в том числе и исторический, — имеет имманентный характер, и его нельзя соотносить с категориями этическими, например утверждая, что каждая новая производственная формация непременно приносит больше благ большему числу людей в составе об-

щества. Так, вопреки очевидности, но в угоду упрощенному пониманию прогресса, мы в лекциях и в учебниках изображали европейское средневековье не просто как изменение и усложнение социального механизма, — но как прямой прогресс в смысле улучшения материальных и моральных жизненных условий для большего чем ранее процента людей в составе социума. Так и в отношении древнего общества: прогресс от первобытности заключался, конечно, отнюдь не в улучшении жизненных условий для большинства, а напротив — в улучшении жизни меньшинства, но зато и в совершенствовании механизмов, способствующих дальнейшему имманентному развитию производительных сил. Кроме того, мы недостаточно держали в памяти то обстоятельство, что сплошной прогресс в позитивистском смысле противоречит законам природы (в частности второму закону термодинамики): очевидно, что всякое прогрессирующее развитие предполагает потери, которым мы не уделяли того внимания, какого они заслуживают.

Пятидесятилетний опыт изучения древнего мира, обобщенный ныне в трехтомнике «История древнего мира», показывает, что нам действительно удастся теперь на материале древней истории установить некоторые весьма общие, типичные для всей этой многотысячелетней эпохи закономерности.

Процесс социально-экономического развития, как уже ясно, не вполне однороден, и в нем прослеживаются специфические пути развития. В древности они в значительной мере определялись условиями экологии. Однако этими путями развития не ограничивается пестрота и разнообразие исторического процесса. Эту пестроту не следует абсолютизировать и видеть в истории обществ, как часто делают на Западе, ничем не объяснимое, незакономерное мелькание, словно в калейдоскопе. За особенным ясно прослеживается общее, — диалектика производительных сил и производственных отношений; и именно это общее определяет течение исторического процесса в целом. Но мы не исполнили бы долга работников науки, если бы не уделили внимания особенностям развития отдельных обществ, и не могли бы эти особенности объяснить и — в дальнейшем — также предсказывать. Между тем, имеется ряд явлений достаточно существенного характера для понимания истории в целом, которые мы до сих пор объяснить не умеем. И чем более общество усложняется, тем больше таких явлений.

Можно, например, отметить, что нередко события, связываемые нами с формационным переходом, либо запаздывают, либо, напротив, предшествуют полному развитию критической ситуации в области производительных сил и производственных отношений. Так, в Англии надо считать критическим моментом промышленный переворот, сделавший необходимым переход к новым производственным отношениям. Однако он падает на конец XVIII — начало XIX века, между тем как буржуазная революция (принявшая религиозную форму) уже произошла в Англии более чем на сто лет раньше; хотя окончательно (и вполне практи-

чески) власть перешла к буржуазии только с середины XIX в.

Примеры такого рода можно во множестве найти в древности. Очень трудно установить, где пролегает водороздел между ранней и поздней древностью, может быть еще труднее определить грань между древностью и средневековьем, и еще труднее — синхронизировать критические явления в области социально-экономической — и в области идейно-эмоциональной. Например, недостаточно объяснен нами неожиданный скачок в развитии культуры в Греции в VIII—V веках до нашей эры, неуспех одних религиозных течений, например, религиозной реформы Эхнатона в Египте — и успех других, существенно менявших не только облик отдельных обществ, но и сам ход исторического процесса (так, например, завоевание Ближнего Востока, Северной Африки и Средней Азии исламом в раннем средневековье, значение буддизма для первых индийских, а зороастризма — для иранских империй, но затем исчерпание этой их роли к концу древности — началу средневековья; соотношение феодальных социально-экономических отношений, возникших в поздней Римской империи, с возникновением христианства). Особенно много подобных вопросов ставит перед историком поздняя древность.

По мере развития обществ поздней древности уже повсюду традиционных идеологий не хватает для обслуживания усложнившихся социумов. Унаследованной традиционной идеологии недостаточно даже для идеологического обоснования отдельности самоуправляющихся городов внутри империй, и она неизбежно трансформируется. И за пределами городов повсюду наблюдается идеологический кризис, повсюду возникают этико-догматические учения, вначале не отвергающие религиозную традицию, а лишь накладывающиеся на нее (так было с Сократом, с Иисусом, с Буддой). Этические учения иной раз принимают и нерелигиозную форму, но постепенно не только складываются в догматические религии, но и переходят к письменной фиксации общеобязательного для верующих канона (зороастризм; буддизм; джайнизм; различные и все обновляющиеся формы брахманизма-индуизма; учения, растущие из иудаизма и в первую очередь христианство, значительно позже и ислам; конфуцианство; даосизм; манихейство и т. д. и т. п.). Кажется, что общества поздней древности стоят в производственно-типологическом отношении примерно на одном уровне и не должны бы так сильно отличаться в идеологическом отношении. Но историку становится все труднее выводить изменение структуры общества прямо и непосредственно из изменения производительных сил, а вследствие этого из изменения производственных отношений.

Очевидно, что между кризисным состоянием процесса развития производительных сил и его результатом в виде изменения общественной структуры должен произойти кризис в социальной психологии, в массовой психологической мотивации поступков: то, что было невозможным, должно стать возможным и желатель-

ным, а то, что было возможным, должно быть обществом осуждено. Ценности должны стать антиценностями, а антиценности — ценностями. Только тогда начинают приходить в действие общественные массы и происходят общественные изменения. Значение социальной психологии для исторической науки сейчас уже замечено многими историками, например, во Франции.

Идея становится материальной силой, когда она овладевает сознанием масс. Однако сознание масс никогда не пустует; но, наполненное традиционными представлениями, сознание не побуждает массы к таким социальным действиям, которые были бы направлены на общественные изменения. Положить начало действиям масс, направленным на изменение условий существования, может лишь смена психологической тенденции к сохранению психологической тенденции развития. Должна быть также преодолена мощная тенденция человека к подражанию («как все, так и я»), и новая предлагаемая модель поведения должна в свою очередь вызвать массовое подражание.

Наука психологии показывает, что потребность в подражании начинает доминировать в основном в двух случаях, во-первых, в процессе обучения, как говорят психологи — в процессе вооружения социальными навыками, — в виде ли прямого подражания поступкам взрослых, в виде ли детской игры, развивающей прежде всего эмоциональную и даже художественную сферу; и, во-вторых, в кризисной ситуации, с осмыслением которой, с выработкой собственной адекватной реакции, данная личность не справляется (тут и срабатывает правило «не знаешь — действуй как все»). Однако потребность в подражании, способная преодолеть потребность в освоении нового, может присутствовать не только в этих двух главных случаях, но и всегда, и при этом весьма influentially. Она, как фон, постоянно присутствует среди мотиваций действий человека; важно уловить те ситуации, в которых этот фон «забывается» и подавляется менее константными, но более побудительными потребностями.

Насколько сильна в человеческом обществе потребность в подражании, видно из известного социально-психологического опыта с ромбом и треугольником. Группе испытуемых, из которых тридцать человек знает секрет эксперимента, а десять не знает, последовательно показывают на экране различные геометрические фигуры, которые каждый присутствующий должен быстро назвать. Все проходит единогласно, пока экспериментатор не покажет на экране ромб, а предупрежденные истытуемые выкрикивают: «Треугольник!». Непредупрежденные говорят: «Ромб». Опыт продолжается, по истечении времени на экране — снова ромб, и снова раздаются возгласы «Треугольник». Постепенно число тех, которые утверждают, что видят ромб, уменьшается; лишь меньшинство непредупрежденных продолжает настаивать на ромбе, если эксперимент продолжается достаточно долго. Таким образом, для большинства потребность в подражании оказывается сильнее потребности в узнавании нового. Это и естественно, пото-

му что экспериментатор (как в данном опыте) или проповедник новых идей (как это происходит в реальной истории) действует не на рассудок, который в таком опыте вовсе не включается, а на эмоциональную сферу.

Вот почему новые идеи, создающиеся в рациональной сфере, с таким трудом прокладывают себе путь. Если традиционные идеи продолжают владеть эмоциональной сферой в силу определенных объективных исторических условий, новая идеология, даже если она соответствует изменившимся условиям производительных сил, не сможет пробить себе дорогу. Когда же она себе дорогу пробивает, то по той причине, что обратившись к эмоциональной сфере, идеология из созидательной системы мыслей превращается в эмоциональное возбуждение (лат. *agitatio*). Вот почему Робеспьер был руссоистом, а не вольтерьянцем, — ибо Вольтер и весь «Энциклопедии скептический причет» апеллировал к рассудку, а Руссо апеллировал к эмоциям.

Но то, что верно в отношении Робеспьера, то еще во много раз более верно относительно деятелей, приводивших в движение социумы времён первобытности и ранней древности. Традиционные идеологии ранней древности были мифологиями, и тут историку приходится иметь дело с так называемым мифологическим мышлением.

Двадцатый век был свидетелем большого и разностороннего интереса к мифологическому мышлению, но историк, приученный к документальной строгости, вряд ли может согласиться с большинством из того, что высказывалось по этому поводу. Так, Леви-Брюль трактовал первобытное мышление как дологическое, противоположное современному логическому мышлению; но он не смог объяснить, почему первобытный человек с его дологическим мышлением способен на целесообразную деятельность; Зигмунд Фрейд попытался построить систему эмоциональной психологии, в том числе и социальной психологии, но система его не была фундирована на физиологии мозга и вообще содержала много субъективного и одностороннего. Взамен этого Юнг предлагал мистику коллективных психологических архетипов, механизм образования и функционирования которых вообще, видимо, не поддается логическому выражению. Леви-Стросс попытался выявить общие закономерности структуры мышления; к его бинарным оппозициям уже находится известный психофизический субстрат. И однако, Леви-Стросс и особенно его энтоны, оперируя якобы существующими в мифологическом мышлении «концепциями» — «концепция верха и низа», «концепция мировой вертикали» и т. п., пользуются терминологией рациональной логики, которой у первобытного человека не было и быть не могло. Где есть концепция, понятие, там неизбежно должно быть слово, это понятие выражающее. Между тем леви-строссовские концепции ни на каком языке ранней древности выразить словами нельзя, и это достаточное доказательство того, что таких концепций (в логическом смысле этого слова) у древних и не было: обобщения на уровне мифоло-

гического мышления происходят не путем выработки обобщающих понятий (и соответствующих им терминов), а через тропы, прежде всего через образные метонимии. Такое обобщение всегда эмоционально, т. е. вовлекает в действие вполне определенные мозговые структуры, но не те, которые управляют словом; поэтому эти обобщения-образы в логическом отношении в высшей степени смутны. Вследствие этого, говоря о человеке первобытности и ранней древности, следует говорить не о концепциях, а лишь о метонимических цепочках и пучках образов.

До эпохи поздней древности человеческое мышление не имело сформулированных логических обобщающих понятий: их нет в текстах, нет и в самом языке. Но и тогда, когда они были созданы, Аристотель и другие великие умы древности трудились для немногих, и не их идеям суждено было двигать души масс. За последние сто лет ученые разных стран много и усердно работали над историей идей, но для того, чтобы понимать механизмы исторических событий, нужно изучить историю социальных эмоций.

Всякая новая идея должна пробивать себе дорогу в общество путем пропаганды. Этот термин, введенный впервые католической церковью в эпоху контрреформации (в 1622 году папой Григорием XV была учреждена римская конгрегация пропаганды), мы будем употреблять в широком смысле, как распространение оспариваемых идей: ясно, что там, где никто не спорит (как в случае традиционных представлений эпох первобытности и ранней древности), не может быть и пропаганды. Пропаганда возможна только в борьбе — либо с традицией, либо с другой пропагандой. Уже в древности была возможна пропаганда не только религиозная — например, пропаганда идеи царственности, династии, империи; военная пропаганда. Но успех пропаганды (в ту или иную историческую эпоху древности) целиком зависит от восприимчивости к ней сферы социальных эмоций.

Что пропаганда по преимуществу действует именно в эмоциональной сфере, видно уже из того, что главный козырь всякой пропаганды — справедливость. Одно из самых важных утверждений древневосточного царя, с которым он выступает в пропагандировании своей царственности, — это утверждение о том, что он следует справедливости, *киттум-у-мйшарум*. Конечно, под образ справедливости исторически подводятся самые различные вещи — например, в Месопотамии периодический мораторий на долги, сохранность семейного земельного владения и т. п., — но во всяком случае агитация за справедливость в данном и всех подобных случаях есть воздействие на эмоциональную сферу: потребность в справедливости, как известно современным психофизиологам, заложена в физиологии эмоций человека и даже высших животных.

Можно было бы привести различные примеры того, как социальная психология позволяет историку разъяснить те или иные социально-исторические обстоятельства; например, можно объяс-

нить, почему ученики Сократа и Иисуса состояли в основном из неженатых или оставивших семьи молодых мужчин¹; но примеры заняли бы слишком много места, а настоящее заключение посвящено не конкретным исследованиям, а тому, чтобы наметить некоторые возможные новые направления исторического исследования на будущее.

Итак, перед современным историком древности стоит проблема социально-психологическая. Из всего вышеизложенного следует, что для объяснения общественных событий и перемен в древности необходимо, помимо изучения проблем истории материальной культуры и истории социальных структур и механизмов, привлекать и историческую социальную психологию.

Это, конечно, давно ясно. Но тут мы сталкиваемся с серьезной трудностью, которая заключается в том, что социальная психология была до сих пор наукой экспериментальной, и ее методы были для историка неприменимы.

Думается, мы могли бы предложить некоторые пути преодоления этой трудности на будущее. Нам кажется, что возможный путь — в том, чтобы ориентироваться на психологические универсалии, на те особенности психологии, прежде всего те эмоциональные потребности, которые неизбежно присутствуют у человека как вида — в той или иной степени, в той или иной форме, но существуют независимо от социальной среды, а социальная среда и придает им собственно конкретную форму. При этом необходимо будет при исследовании идеологии отделять психологически универсальное (но гипертрофированное или, наоборот, подавленное) от своеобразного, обусловленного локально или темпорально ограниченными социальными факторами, а также факторами экологическими и тому подобными. Например, выделение локально и темпорально ограниченных факторов, вероятно, будет особенно важно для изучения не только египетской религии, но и египетской истории: здесь надо уловить то, что не универсально для человечества и, не ограничиваясь констатацией своеобразности, постараться ее объяснить присутствием или отсутствием каких-то дополнительных воздействующих факторов (И. П. Павлов сказал бы «раздражителей»).

Вообще говоря, придется рассматривать факторы культуры и идеологии не сами по себе, а исходя из тех психологических и прежде всего эмоциональных потребностей, которым эти факторы удовлетворяют или, напротив, которые они подавляют. При этом прежде всего воздействие пропаганды надо рассматривать

¹ Дело в том, что быть носителем новых идей — это социально-психологическая роль мужчин; но женатый мужчина выполняет другую роль — хранителя очага, при нормальном состоянии общества являющуюся более важной. Главная социальная роль женщины — не только произведение потомства, но и — может быть и того более — сохранение накопленных ценностей, а также побуждение мужчин на новые подвиги.

не само по себе, а как ответ на воздействие традиционной идеологии и как нечто действующее в борьбе с нею. Придется отмечать те исторические моменты, когда взамен борьбы пропаганды с традицией мы уже наблюдаем внутреннюю борьбу довольно частных интересов. Кроме всего прочего, изучая явление пропаганды, нельзя ни на мгновение упускать из виду явление *feedback* — обратного воздействия пропаганды на пропагандирующих. Они-то обычно и являются наиболее твердо верующими в свою пропаганду, и именно потому способны увлекать за собой эмоции социума. Тут вступает в действие еще один весьма мощный социально-психологический фактор, а именно потребность быть ведомым (и притом любимым, почитаемым), гораздо более распространенная, чем потребность быть лидером.

В настоящее время история культуры обычно подается как обобщенная коллекция сведений о науке, литературе, искусстве, иногда религии, очень редко о повседневном быте. Между тем, культура — совокупность того, что, будучи творимо обществом, на общество воздействует и побуждает людей к общественно значимым действиям. И нам кажется, что следовало бы подходить к истории культуры как к истории факторов, воздействовавших на социальную психологию. Психологию же для этого надо рассматривать не как некое целое, а с учетом всех *р а з л и ч н ы х* психологических, даже психофизиологических механизмов, на которые оказываются *р а з л и ч н ы е* воздействия. Сюда в меньшей степени будут входить биологические потребности, такие, как удовлетворение голода и воспроизводство вида, в большей — потребности социальные, такие, как потребность занять стабильное место в социуме; потребность избавиться от дискомфорта, вызываемого воздействиями из социума, психологически воспринимаемыми как несправедливость; потребность быть ведомым, уверенным, защищенным; затем уже потребность вести; помимо того, существенна потребность познания окружающей среды, включая познание нового — как в окружающем предметном мире (что развивается в науку), так и в мире эмоций по поводу окружающего мира и социума (что развивается в искусство). Двойственности предмета познания соответствует и двойственность самого познания: если научное познание в идеале стремится к абсолютной истине как к некоей бесконечности, то эмоциональное познание подчинено действию шеррингтоновой воронки (поток эмоциональных раздражений по объему намного превосходит возможности выносящих путей для передачи реакции на этот поток); поэтому истина в художественном постижении предстает лишь в образах, рассчитанных на создание необходимых ассоциаций.

То обстоятельство, что придется ориентироваться не на психологию как нечто целое (как целым является психика индивида), а на определенные потребности и характерные группы реакций, представляется нам важным. Ведь можно было бы подумать, что,

ориентируясь на то, что характерно для человека как биологического вида, мы будем получать одинаковые, социально не дифференцированные результаты, как недифференцирован сам вид *Homo sapiens sapiens*. Однако, это очевидно не так. Как индивид находит тысячи разнообразных реакций на воздействие внешней среды, так и социум; но в пределах социума психолог сможет нам показать статистически, какие потребности и в каких условиях более развиты, какие имеют меньшее распространение, и какие являются переменными в зависимости от характера среды, в данном случае — социальной среды. Изучение же воздействующих факторов культуры и идеологии позволят, соответственно, предсказывать, на какие центры будет происходить наибольшее воздействие. Как по характеру воздействия можно предсказать вероятность ответной реакции данного индивида, если мы знаем его типологическую психофизиологическую характеристику, так мы сможем, сопоставив исторически известную реакцию социума с исторически известными воздействующими факторами, статистически понять механизмы мотивации социального поведения.

Нечто аналогичное уже предлагалось психологической школой раннего бихейворизма². Так, психолог Дж. Б. Уотсон³, ведший свою научную генеалогию от И. П. Павлова и В. М. Бехтерева, писал: «Задачей психологических исследований является — установить такие данные и законы, на основании которых психология, наблюдая известный стимул, сможет установить, какова будет реакция, или ... имея известную реакцию, сможет установить ... имевший место стимул».

Эта позиция бихейворизма справедливо критиковалась с той точки зрения, что она попросту упускает из виду все «промежуточные факторы», в частности, все сложнейшие функции различных механизмов мозга, которые далеко не однолинейно дают картину «стимул — реакция». Однако сложные проблемы психофизиологии лежат вне пределов компетенции гуманитариев. Нам придется брать готовыми те данные, в том числе и статистического характера, какие нам даст наука психологии и в особенности экспериментальная психология: отсюда нам надо брать в свое распоряжение достаточно дифференцированные данные о взаимодействии различных психологических потребностей и об относительной способности одних потребностей в определенных условиях стимулировать или подавлять другие. Но сами социальные стимулы и сами социальные реакции бесспорно лежат в пределах ведения историка и историка культуры.

Если мы будем рассматривать именно с этой точки зрения различные идеологические и особенно религиозные течения (а религия всегда эмоциональна, тем она и действенна), мы, вероятно,

² Бихейворизм — направление в американской психологии, изучавшее поведение человека и животных. Бихейвористы находились под влиянием И. П. Павлова.

³ *Watson John B. Psychology from the Standpoint of a Behaviorist. Lippincott, 1919, с. 10.*

сможем объяснить, почему одни учения нашли большой отклик в историческом развитии общества, содействовали существенным историческим переменам, а другие быстро ушли в небытие. Приведем один, конечно, чрезвычайно грубый пример, но который, по крайней мере, раскроет направление мыслей. Почему монотеизм в чистом виде долго не мог получить широкого распространения, и большей частью проявлялся в своем массовом варианте как квазимонотеизм? Ведь и христианство никейского символа веры можно считать монотеизмом лишь с большими оговорками. Почему монотеизм или квазимонотеизм Эхпатона был обречен на скорое вымирание, а квазимонотеизм Заратуштры или апостола Павла получил широчайшее и длительнейшее распространение? Отвечать, что общество при Эхпатоне еще не созрело для моноотеизма значит не сказать ничего: в чем сказывается зрелость общества для восприятия монотеизма? Учение Эхпатона было нежизнеспособно потому, что Эхнатон ни у кого не будил положительных эмоций, ему нечего было обещать людям.

Уже сейчас довольно много известно об эмоциональной стороне работы человеческого мозга; поэтому помимо социально-психологических проблем мы уже умеем выделять и проблемы механизма становления определенной эмоциональной личности, выработки у нее определенных соотношений, скажем, между потребностью познания и потребностью застоя стабильного места в социуме, потребностей сохранения навыков — и вооружения новыми навыками, потребностью самозащиты — и агрессии. Если — когда-нибудь в будущем — мы сумеем правильно оценивать исторически слагающиеся социально-психологические ситуации, то мы, вероятно, в идеале сумеем ответить на вопрос, почему этой эпохе и этому народу понадобился или мог у них возобладать — у одних именно Чингисхан, а у других — Петр Пустынник, или Людовик XIV, или Эхнатон, или Хаммурапи.

Пока же, мне кажется, нужно переориентировать наши историко-культурные исследования на познание социально-психологических причин и социально-психологических следствий различных культурных явлений — прежде всего следствий эмоциональных; мы должны нацеливать историко-культурные работы на изучение соотношения линии традиции и линий различных пропаганд в культурной истории; наконец, на ясное познание связи культурных явлений с социально-производственным субстратом, — субстратом движущимся и всегда как-то осмысляемым и повторяемым в психике людей. Другими словами — не ясное познание связи с диалектикой производительных сил и производственных отношений.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

- Абарсам 274
 Авалокитешвара 232, 242
 Август Октавиан (Гай Юлий Цезарь Октавиан) 41, 42, 47, 49—55, 57, 58, 67, 81, 94, 105, 115—117, 119, 120, 122, 125, 126, 129—132, 136, 138, 141—143, 171, 284, 306
 Августин 315, 321
 Авидий Кассий 78
 Авраам 161
 Аврелиан 257, 304, 305
 Аврелий Котта 37
 Аврелий, Марк 66, 69—72, 146, 153, 275, 323, 332, 335
 Авсоний 109, 328
 Аганий 156
 Агатагелос 280
 Агенобарб, Домиций (Клавдий Нерон) 59
 Агрикола см. Юлий Агрикола, Гней
 Агриппина Младшая 56, 59, 60, 132
 Адам 338
 Адриан (Публий Элий Адриан) 65, 66, 68, 69, 71, 86, 94, 100, 117, 118, 121, 135, 154, 303
 Азний Поллион 141
 Аквилый, Маний 28
 Аларих 352, 354, 359
 Александр Македонский 79, 80, 90, 324
 Александр Север 108, 256, 303
 Альба 142
 Альбин см. Клодий Альбин
 Амазасп 290
 Аманд 307
 Аматарасу Омиками 213
 Амиштаба 232
 Аммиан Марцеллин 253, 256, 258, 312, 328, 349, 354, 358
 Амур 149
 Амосин И. Д. 154
 Анахита 265, 269, 273
 Андромаха 84
 Анней Вер, Марк 66
 Анней Винициан 60
 Анней Лукан, Марк 66, 134
 Анней Сенека (Младший), Луций 59, 60, 132—134, 146, 147, 153, 154, 323, 333, 335
 Анней Сенека (Старший), Луций, ритор, отец философа 132
 Антиох 28
 Антиох IV Эпифан 333
 Антоний, Марк 39, 41, 42, 47
 Антоний Паллант, Марк 58, 131—133
 Антоний Прим 61
 Антонин Пий (Тит Аврелий Арий Антонин) 66, 67, 69, 71, 91, 100, 107, 153, 290, 292
 Антонины 64, 67, 72, 114, 129, 130, 138, 145, 146, 148, 302
 Антония 131
 Анхиз 44
 Аноллон 47, 79
 Аполлоний Тианский 132, 327, 329
 Аппулей Сатурнин, Луций 30, 31
 Аппулей Сатурнин, наместник Верхней Германии 63
 Апулей 149
 Арджуна 233
 Ардохш 222
 Арес 43
 Арий 337, 343
 Ариовист 90
 Аристарх 292
 Аристотель 44, 84—86, 340
 Аркадий 309, 310, 315, 352
 Арминий 55—57
 Арриан 146
 Артабан V 255, 283
 Арташир I 255—258, 265, 273, 274
 Артемид 43, 79, 127
 Артемидор 132
 Аршак II 281—283, 290, 294
 Аршакиды 260, 279, 282
 Атанарх 351
 Атаульф 354
 Аттал 90
 Аттила 356, 357
 Аттис 369
 Атурпат, Михраспандан 269, 270, 272
 Атиш 222
 Афинион 28, 29
 Афраний Бурр 59, 60, 133
 Афродита 43, 44, 47, 127
 Ахемениды 273, 274, 339

Ахилл Татий 328, 329
Ахриман (Ангхро Манью) 266
Ахурамазда (Ахумара-Мазда) 255,
265—267, 273; см. также Ормизд
Ацилий Север 109
Ашвагхоша 238
Ашока 232, 240
Аэций 320, 356, 357

Байрон Дж. Г. 144
Бальб Младший 105
Бань Гу 170, 202
Бань Чао 170, 174
Барей Соран см. Сервилий Барей
Соран
Бар Кохба 127
Бауэр, Бруно 153, 154
Белова Н. Н. 297
Биант 127
Билавхар (Балавар, Варлаам) 235,
236

Бокх 30
Боудикка 60
Британик 59
Брут см. Юний Брут, Марк
Бу 213
Буало 144
Будасаф (Иосаф) 235, 236
Будда 185, 207, 208, 217, 222, 231,
232, 235, 238—241, 267, 369
Бхаса 238

Баган Мамиконян 283
Ваджрапани 241
Вакатаки 226
Вакх-Дионис 43
Валараш V 255
Валент 282, 316, 351, 352
Валентиниан 316, 355—357
Валериан 256, 303, 304
Валерий Азиатик 132
Валерий Катулл, Гай 47, 143
Валерий Марциал, Марк 116, 136
Валерий Флакк, Луций 34
Ван Ман 169, 194
Ван Сижэ 210
Ван Чун 198, 199
Варавва 160
Варахран II 260, 265, 269
Вардан Мамиконян 283, 290
Варилий, Публий 36
Варнава 342
Варрон см. Теренций Варрон, Марк
Васудева 222
Вахтанг I Волчьей Голова 293, 290
Вачаган III 288
Ваче 288
Веллей Патеркул 117, 118, 155
Венера 43, 47
Вер см. Элий Вер, Луций
Вергилий Марон, Публий 141—143

Веррес см. Корнелий Веррес, Гай
Верцингеторикс 39
Веспасиан (Тит Флавий Веспасиан)
60—63, 83, 85, 116, 118—120,
127.

Вех-Шапур 271
Вима Кадфиз 220, 221
Виппер Р. Ю. 154
Винсаний Агиппа, Марк 55
Вителлий, Авл 61, 120, 130
Вителлий, Луций 58
Витрувий Поллион, Марк 67, 118
Вишну 233, 234
Вологез 59
Вологез (Валарш) I 283
Вологез V 283
Воробьев М. В. 219
Вэй, династия 179, 181, 183, 185,
213

Габиций, Авл 37
Гавий Руф, Гай 134
Гайанэ 279, 290
Гай Октавий см. Август Октавиан
Гай Юлий Цезарь Октавиан см. Ав-
густ Октавиан
Галерий 305
Галлиен 303, 304
Гальба, Сервий 60, 61
Ганги 226
Ганеша, бог-слон 234
Гаутама 231, 235, 236, 239
Гейзерих 354, 355
Гелий 130
Гелиодор 82, 328
Гелиос 222
Геллий Попликола, Луций 36
Гельвидий Приск 62, 118
Гера 43
Геракл 47, 140
Гераклит 340, 342
Герма 342
Герман 320
Германик 56—59, 67
Гермес 43, 325
Герод 83
Геродот 80, 244
Гефест 222
Гипатия 347
Гиппарх 150
Гиппократ 127
Гирций 41
Главция см. Сервилий Главция, Гай
Гоар 319
Голконий Прииск, Марк 134
Гонорий 109, 309, 310, 315, 352, 353,
358
Гонория 356
Гораций Флакк, Квинт 143, 144,
171, 327, 328
Гордиан III 256

Го Сян 210
Гракхи 25, 28, 29, 31, 47; см. также
Семпроний Гракх, Гай и Семпро-
ний Гракх, Тиберий
Грациан 352
Григорий Просветитель 279, 280, 282
Гуан У-ди 169, 170, 174, 194
Гуань-инь 232
Гуй Юй 171
Гундахар (Гунтер) 355, 356
Гупты, династия 13, 222—226, 241

Давид 152, 159, 161, 167
Давид Непобедимый, философ 280
Давидиды 161
Дарии 270, 274
Дарий I 273
Дафнис 328
Деметрий 132
Демонакт 335
Демосфен 83, 84
Децебал 64
Деций 303, 304, 333, 346
Децим Брут см. Юний Брут Альбин,
Децим
Джалай 291
Джина 241
Дзимму 214
Диана 43
Дидона 142
Дионис 47
Дионисий 253
Диоклетиан 111, 261, 279, 305—
308, 310, 312, 314, 346, 349
Домициан (Тит Флавий Домициан)
63, 64, 67, 115, 126, 135, 148, 307,
332
Домиций Агенобарб (Клавдий Не-
рон) 59
Домиций Силон, Люций 100
Друз, пасынок Августа 54, 131
Друз, сын Тиберия 56
Дунван-гун 188
Дунс Скот 344
Дун Чжуншу 193, 194, 202
Дурга 234

Евгений 352
Евдокия 355
Евн (Антиох) 28
Ездигер II 258
Езник 280
Елена 311
Елена Троянская 329
Елише 280

Жанна д'Арк 166

Заратуштра 266, 267, 272, 274, 369
Зардушта см. Заратуштра
Зарер 274

Зевс 43, 147, 151, 335, 337
Зенобия 257, 304
Зенон, философ 340
Зенон 56
Зрван 267

Иаков 156, 158, 331
Иеремия 162
Иисус Христос 153, 155—168, 267,
291, 311, 330, 331, 337—342, 344—
346, 369
Икел 130
Икшваки 226
Илия 152, 159
Иоанн Богослов 158, 162, 164, 168,
331, 337, 340, 341
Иоанн Креститель 158, 168, 338
Иосиф 156, 157, 161, 167
Ирод Агриппа 59
Ирод Антипа 160, 167
Исида 149
Иуда, апостол 158
Иуда Искарот 158, 160
Иустин Мученик 342

Кавад 270, 271
Кавианиды см. Кейаниды
Кави Виштаспа 274
Кадамбы 226
Калгак 145
Кали 234
Калигула (Гай Юлий Цезарь) 57,
58, 72, 128, 133; см. также Юлий
Цезарь, Гай
Калидаса 238
Калист 58
Кальпурний Пизон, Гней 22, 56, 60
Канишка 170, 221, 222, 231, 238
Кантабр 100
Каракалла (Марк Аврелий Антонин)
82, 85, 95, 107, 255, 275, 300, 303
Карбон 34
Картир 265, 266—268, 269, 272, 279
Кассий, Гай 36
Кассий, Квинт 39, 143
Кассий Лонгин, Гай 41, 42
Катилина см. Сергей Катилина,
Луций
Катон Младший см. Порций Катон
(Младший), Марк
Катон Старший см. Порций Катон
(Старший), Марк
Катулл см. Валерий Катулл, Гай
Катулл, Квинт 36
Кваннон 232
Квинтиллиан 148
Кейаниды (Кавианиды) 270, 274
Кидара 258
Кирилл Александрийский 343, 347
Клавдиан 328

Клавдий, римский император 58, 59, 66, 94, 105, 115, 120, 130—132, 138, 155, 156
 Клавдий Гален 68
 Клавдий Птолемей 68, 150, 171, 253, 368
 Клеандр 72
 Клеон 28
 Клеопатра 40, 42, 81
 Климент 329
 Клитопонт 328
 Клодий, претор 36
 Клодий Альбин 107
 Клодий, Публий 138
 Клодий Тразея Пет, Публий 118
 Клодия 47
 Ко 213
 Колумелла см. Юний Модерат Колумелла, Луций
 Коммод Антонин 72, 78, 107, 302
 Константин 109, 111, 305, 306, 308—312, 319, 347, 349, 354, 357—359
 Констанций II 257, 349, 351
 Констанций Хлор 305, 308
 Конфуций 194, 198, 208
 Корбулон, Домиций 60
 Корнелий Бальб 105
 Корнелий Веррес, Гай 333
 Корнелий Лентул Клодиан, Гней 36
 Корнелий Сулла, Луций 29, 30, 33—35, 37, 38, 40, 42, 47
 Корнелий Сципион 132
 Корнелий Тацит 63, 118, 119, 126, 127, 132—134, 136, 145, 146, 155, 328, 341
 Корнелий Фуска 64
 Корнелий Цинна, Луций 33
 Корсунский А. Р. 295, 299, 300
 Корион 280
 Котоку 218
 Красс см. Лициний Красс, Марк
 Крикс 36
 Кришна 233
 Кронион 83
 Крылов И. А. 238
 Кубланов М. М. 154
 Куджула Кадфиз 220, 221
 Кузищян В. И. 296
 Куспий Панса, Гай 134
 Кушаны 222, 223, 227
 Кюцэкио см. Куджула Кадфиз
 Лавиния 142
 Лазарь Парбский 280
 Лао-цзы 206, 208
 Лаотан-шаньюй 217, 250
 Лафонтен 238
 Левкиппа 328
 Лентул см. Корнелий Лентул Клодиан, Гней
 Лесбия 47

Либаний 313
 Либер 43
 Ливий Друз, Марк — народный трибун 122 г. до н. э. 27
 Ливий Друз, Марк — народный трибун 91 г. до н. э. 31—33
 Ливий, Тит 141, 142
 Ли Гуан-ли 251
 Лициний (Валерий Лициниан Лициний Август) 311
 Лициний Красс, Марк 34, 37—39, 54
 Лициний Лукулл, Луций 37, 38
 Лициний Лукулл, Марк 37
 Лициний Столон, Гай 25
 Лонг 328
 Лука 158, 161, 163, 165, 330
 Лукап см. Анней Лукап, Марк
 Лукиан 149
 Лукий 86
 Лукреций Кар, Тит 44, 45
 Лу Цзи 209
 Люанди 248
 Лю Бан (император Гаоди) 169, 247
 Лю Бэй 179
 Лю Си 198
 Лю Синь 198
 Лю Юань 182
 Лян 182, 184, 185
 Мавандуй I 188
 Мавандуй III 199, 200
 Магненций 358
 Маздак 271, 272
 Маккавей 333
 Максимиап 305, 307, 308
 Максимин 303
 Макций Плавт, Тит 48
 Мани 267—269, 271
 Маодунь 246, 247
 Марий, Гай 29—31, 33—35, 47, 90
 Марий, сын Гая Мария 34
 Марикк 127
 Мария 161, 165, 344, 346
 Мария Магдалина 160, 161
 Марк 158, 161, 163, 165, 166
 Маркс К. 112
 Маробод 55
 Марс 43
 Марцелл 55
 Марциал см. Валерий Марциал, Марк
 Матерн 107
 Матфей 158, 159, 161, 163, 165
 Маурьи 223, 225, 240, 367
 Мах 222
 Менелай 150
 Мерибан 290
 Меркуриал 136
 Меркурий 43, 47
 Месроп Маштоц 280
 Мессалина см. Статилия Мессалипа

Метелл, цензор 135
Метелл Пий см. Цецилий Метелл Пий
Метеллы, род 30
Меценат см. Цильний Меценат, Гай
Мин-ди 207
Минерва 43, 47
Мириан III 290
Митра 265, 273, 339
Митридат, армянский царь 59
Митридат II, царь Иверии 289
Митридат VI Евпатор, царь Понтийский 32, 37, 38, 40, 291, 292
Михр 222
Михр-Нарсе 261
Мицилса 29
Моисей 152, 159, 162, 349
Моисей Каланкатуйский 288
Моисей Хоренский 280, 281, 288, 289
Музоний Руф 146
Мудий Сцевола, легендарный герой 43
Муций Сцевола, наместник провинции Азия 31
Муюн Вэй 181

Нагарджуна 231
Наги 223
Наиблагороднейшая Дева 266
Нака-но Оо (Тэйти) 248
Накатоми-Фудзивара, клан 248
Нанды 223
Нань бэй чао, династия 218
Нарсе 258, 269, 273
Нарцисс 58, 59, 132
Нерва (Марк Кокций) 64, 70, 127
Нерон (Клавдий Друз Германик Цезарь) 59—62, 67, 72, 83, 118, 120, 125, 129—133, 138, 145, 146, 155, 292, 331, 332, 335
Несторий 342
Нибелунги 355, 356
Никерат 80
Никодим 166
Никомед 37, 90
Нимфидий Сабин 61
Нина 290
Ниниги-но Микото 213
Нюйва 188

Овидий Назон, Публий 143
Оденат 279, 304
Одоакр 359, 364
Октавиан Август см. Август Октавиан
Октавий, Гней 33
Октавий, Марк 25
Октавия 59, 60
О-но Ясумаро 216
Опимий, Луций 27
Оплат 322

Ормизд (Ахурамазда) 265, 266; см. также Ахурамазда
Оройс 284
Орфей 151
Осия 336
Отон см. Сальвий Отон, Марк

Павел (Саул) 85, 158, 330—332, 337, 345, 369
Пакор 283
Паллавы 226
Палладий 317, 318
Панини 237
Панса 41
Пап 282
Папак 255, 274
Парадзем 281
Парвати 234
Патанджали 237
Переппис 72
Периерна, Марк 36
Пероз 258, 270
Петр 158, 160, 165, 331, 332, 344
Петроний, Гай (Тит?) 130, 148
Петроний, Максим 355
Пизон см. Кальпурний Пизон, Гней
Пизон Лициний 61
Пизоны 144
Пинс III. 156
Пифагор 127
Плавт см. Макций Плавт, Тит
Плавтий Сильван 59
Платон 44, 86, 340
Плиний Секунд (Младший), Гай 63, 117, 118, 139, 155
Плиний Секунд (Старший), Гай 67, 68, 101, 117, 148, 171
Плотин 267, 326, 327
Плутарх 69, 148, 154
Помпей, Гней 34, 36—38, 40, 47, 289
Помпей, Гней, сын первого 40
Помпей, Секст 40, 42
Понтий Пилат 155, 156, 160
Поп А. 144
Порсена 43
Порций Катон (Младший), Марк 38—40, 317
Порций Катон (Старший), Марк 68, 137,
Постум 304
Постумий, Авл 29
Пракситель 127
Приап 140
Проперций, Секст 143
Психея 149
Птолеми 81—86
Птолемей см. Клавдий Птолемей
Птолемей XII 40

Радагайс 353
Радамист 59

Рама 234
 Рашну 266
 Рем 44
 Рипсимэ 279, 290
 Рома 98
 Ромул 44, 142
 Ромул Августул 359
 Рупилий 28
 Рустик см. Юний Арулеп Рустик,
 Квинт
 Рутилий Руф, Публий 31
 Руфий Флавс, Публий 104

 Савл (Саул) см. Павел
 Саллюстий Крисп, Гай 46, 47
 Сальвиан 320
 Сальвий Отон, Марк 61
 Сальвий (Трифон) 28
 Самудрагупта 223, 224
 Сан 213
 Сара 320
 Сарасвати 234
 Сасан 255
 Сасаниды 18, 223, 255—258, 260,
 263, 265, 267, 270—272, 278, 279,
 281—283, 285, 287, 288, 291, 296,
 303, 345, 376
 Сатурнип см. Аппулей Сатурнип,
 Луций
 Саурмаг 282, 290
 Свенцицкая И. С. 154
 Светоний Паулин 58, 60
 Светоний Трапквили, Гай 136, 155,
 156
 Север см. Септимий Север, Луций
 Север, Александр 256, 303
 Северы 107, 108, 138, 303
 Секст Эмпирик 324
 Секстий Латеран, Луций 25
 Селевкиды 285, 368
 Селена 222
 Семпроний Гракх, Гай 25—27
 Семпроний Гракх, Тиберий 25
 Сенека см. Анней Сенека (Младший),
 Луций
 Сенека Старший см. Анней Сенека
 (Старший), Луций
 Септимий Север, Луций 107, 302,
 303
 Сервилий Барен Соран 132
 Сервилий Глаucia, Гай 30, 31
 Сервиенко М. Е. 296
 Сергей Катилина, Луций 38
 Серторий, Квинт, 36, 37
 Сеян см. Элий Сеян, Луций
 Сетоку-Тайси 214, 218
 Снагрий 358
 Сиванму 188
 Силян 129
 Силий, Гай 59
 Сильван 138, 140

Сильвина 136
 Симеон бар Сабба 263
 Симмах 328
 Симон (Бар Кохба) 66
 Симон Маг 329
 Скандарупта 224, 225
 Сога, клан 214, 218
 Сократ 342
 Сосий 76
 Спартак 36, 37
 Спурий Торий 28
 Статилия Мессалина 58, 59, 132
 Стихонх 353, 358, 359
 Страбон 282, 284
 Суй, династия 186
 Сулла см. Корнелий Сулла, Луций
 Сульпиций Руф, Публий 33
 Сумароков А. П. 144
 Сун, династия 182, 184, 213
 Сунь Цюань 179
 Сципион Эмилиан 23
 Сыма, род 179, 181
 Сыма Жуй 182
 Сыма Сянжу 203
 Сыма Цянь 202, 203, 243, 244, 246—
 248, 250
 Сэй 213
 Сююмов М. Я. 297
 Сюй Шэнь 198
 Ся, династия 202
 Сю-цзин 247
 Сю Янь 184, 185, 207

 Тайм 189
 Такфаринат 57
 Тан, династия 219
 Тарквиний 43
 Тацит см. Корнелий Тацит
 Теодорих 364
 Теофан 82
 Теренций Варрон, Марк 68
 Тетий Юлиан 64
 Тетрик 304
 Тибатон 320
 Тиберий (Клавдий Нерон) 54, 55—
 58, 67, 83, 115, 120, 126, 132, 135,
 155
 Тибулл, Альбий 143
 Тигелин, Софоний 60
 Тигран 32, 37, 38, 60
 Тин (Ми) 213
 Тиран 280
 Тиридат I 59, 60, 275, 276
 Тиридат III Великий 278, 280, 285
 Тирон 130
 Тит, сын Веспасиана 62, 63, 127
 Тит Флавий Веспасиан см. Веспасиан
 Тит Флавий Домициан см. Доми-
 циан
 Тоба, род 183, 184
 Тоба Гуй 183

Тоба Хун (Юань) 183—185

Тот 324

Тоумань 246

Тразея см. Клодий Тразея Пет,
Публий

Траян (Марк Ульпий Траян) 64, 65,
67, 69, 70, 79, 100, 105, 118, 119,
138, 139, 275, 284, 290

Требий 134

Тримальхион 130, 133, 135

Трифон см. Сальвий

Туллий Цицерон, Марк 38, 41, 42,
45, 46, 48, 111, 115, 118, 130, 327

Тусар 270

Тяншихай 252

У 251

У-ди 189, 193, 198, 202, 203

Ульпиан 139

Ульфила 351

Урнаир 285, 287

Фавст Бузанд 280, 285

Фарасман 59

Фарасман II Доблестный 276, 290

Фарнабаз 291

Фарнак 38, 40, 292

Фарр 222

Фауст 329

Фаустина 66

Феб 134

Фекла 329

Феодосий 109, 347, 352, 353, 358

Филон 153, 154, 341

Филострат 327

Фимбрия, Гай 34

Флавий 55, 63, 64, 67, 69, 118, 122,
145, 154, 157

Флавий Архипп 76

Флавий Иосиф 156, 157, 167

Флавий Север, Люций 100

Флакк см. Валерий Флакк, Луций

Флор 135

Фома 159, 163—165

Фома Аквинский 344

Фома Израильянин 164

Фортуна 47

Фритигерн 351

Фудзивара Каматару 218

Фульвий Флакк, Марк 26, 27

Фурий Камилл Скрибониан 58

Фуси 188

Фу Цзянь 182, 183

Хануман 234

Хань 169—174, 176, 177, 179, 187,
189, 191, 193, 194, 202, 212, 220,
247, 248, 375

Хараппа 240

Хварена 270

Химико 213

Хлодвиг 358, 362, 363

Хлоя 328

Хорбуд 274

Хормизд, наместник 260

Хормизд, Сасанид 258

Хосров I Аношйрван 271, 272, 288

Хосров II Короткий 280

Хосрой 65

Хоу Цзинь 251

Хо Цюй-бин 246

Хрисипп 340

Хронос 151

Хуа То 200

Хунерих 355

Хуханье-шаньюй 251

Цай Лунь 200

Цао Пи 179, 209

Цао Цао 179

Цезарь см. Юлий Цезарь, Гай

Целер, Публий 125

Цельс 342

Цереалис, Петилий 62

Цестий Галл 60

Цецилий Метелл, Квинт 29, 31

Цецилий Метелл, Пий 34, 36

Цзинь, династия 179, 180

Цзу Чунчжи 199

Ци, династия 182, 184

Цивилис см. Юлий Клавдий Циви-
лис

Цильний Меценат, Гай 141, 143

Цинна см. Корнелий Цинна, Луций

Цинь, династия 189, 191, 194, 209

Цинь Ши 189, 197, 204

Цицерон см. Туллий Цицерон, Марк

Цюй Юань 203

Чандрагупта I 223

Чандрагупта II Викрамадитья 224

Чжан Даолин 205

Чжан Хэн 199

Чжан Цзюэ 177, 178, 205

Чжичжи-шаньюй 252

Чжоу, династия 194, 202

Чжунчан Тун 197

Чжэн Сюань 198

Чэнь, династия 182

Шакти 234

Шанкара 236

Шан, династия 179, 202

Шапур I 256—261, 265—268, 273,
278, 279, 283, 290, 303, 304

Шапур II 18, 257, 258, 263, 265,
269, 274, 281, 282, 285

Шива 222, 234

Ши Лэ 182

Штаерман Е. М. 295—297, 299, 300

Шудрака 238

Шунга 240

Шэнь Юэ 209

Эвридика 151

Эйдлин Л. З. 203

Эйрих 354

Элиан 307

Элий Адриан см. Адриан

Элий Аристид 69

Элий Вер, Луций 66, 71, 275

Элий Сеян, Луций 56, 57, 132

Эмилиий Лепид, Марк, консул 78 г.

до н. э. 36

Эмилиий Лепид, Марк, член второго триумvirата 41, 42

Эмилиий Юнк, Луций 78

Энгельс Ф. 35, 153, 154, 167

Эннии Юлии 104

Эней 44, 142

Эномай 36

Эпафродит 146, 147

Эпиктет 130, 146, 147, 323, 333—334

Эприй Марцелл 126

Эрманарих 350, 351

Эрос 151

Эхион 131, 133

Юань Кэ 184

Юань Хун 199

Юба 40

Ювенал см. Юний Ювенал, Децим

Югурта 29, 30

Юйвэнь Тай 185, 186

Юлиан Отступник 257, 311, 312, 328, 335, 343, 347, 349, 358

Юлии, род 47

Юлии Квадраты 78

Юлии — Клавдии 55, 61, 64, 69, 145

Юлий Агрикола, Гней 63, 145

Юлий Виндекс, Гай 60, 61

Юлий Клавдий Цивилис 62

Юлий Отуаневн, Гай 100

Юлий Патерн 100

Юлий Полибий, Гай 134

Юлий Руф, Гай 100

Юлий Цельз Полемеан 77, 117

Юлий Цезарь, Гай 38—42, 46, 47, 50, 53, 73, 90, 93, 94, 96, 105, 106, 138, 143; см. также Калигула

Юлий Цезарь, Луций, консул 90 г. до н. э. 32

Юлий Юлиан 78

Юний Арулен Рустик, Квинт 113

Юний Брут Альбин, Децим 41

Юний Брут, Луций, основатель Римской республики 43

Юний Брут, Марк 41, 42, 143

Юний Модерат Колумелла, Луций 67

Юний Ювенал, Децим 135, 136, 147

Юнона 43, 142

Юпитер 43, 44, 66, 142

Юстиниан 150

Янус 49, 119

Ян Сюн 198

Ян Цзянь 186

Яхве 152, 153, 236, 338, 341

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Августа тревиров 99, 109, 131
 Августодун 99
 Августонемет 126
 Августорит (Лимож) 109
 Авентинский холм 27
 Австралия 212
 Агригент 28
 Агриппинова колония (Кёльн) 122, 349
 Аджанта 241
 Адиабена 256
 Адрианова дорога 122
 Адрианополис (Эдирне) 308, 352
 Азия 6, 15, 20, 34, 86, 126, 212
 Азия Западная 185
 Азия Передняя 294
 Азия Северо-Восточная 212
 Азия Северная 182, 185, 234
 Азия Средняя 13, 170, 221—223, 225, 227, 247, 251, 252, 264, 273, 284
 Азия Центральная 223, 243, 244, 254, 273
 Азия Юго-Восточная 216, 225, 227, 367
 Азия, римская провинция 27, 31, 32, 78, 125, 308
 Айртам 241
 Аквилея 71
 Аквитания 54, 94, 101, 102, 354, 360
 Аквы Секстевы 30
 Акций 42
 Алвания 269, 276, 279, 284—291, 293
 Алезия 39
 Александрия 40, 42, 73, 81, 83, 85, 122, 150, 311, 347
 Алтай 243, 245, 247
 Альба-Лонга 44
 Альпы 36, 58, 89, 93, 94, 320
 Америка 12, 367
 Амударья 220, 221, 241, 247
 Англия 12, 370
 Андрха 240, 241
 Антيوخия 73, 76, 79, 87, 99, 122, 273, 311, 313, 331
 Апамея 127
 Апеннинский п-в 357
 Апулия 37
 Арабский халифат 11
 Аравийское море 224
 Аравия 73, 297
 Аравия Северная 79
 Аравия Южная 264
 Аракс 284
 Арара (Сона) 88, 89, 97
 Арарат 281
 Араузион 30, 125, 126
 Аргенторан (Страсбург) 349
 Арелат 108, 311
 Арпкамеду 226
 Армения 18, 37, 38, 54, 56, 57, 60, 65, 71, 256, 257, 269, 275—291, 293, 294, 344, 368
 Армения Восточная 257
 Армения Западная 339
 Армения Малая 32
 Армения Персидская 283
 Армения Римская 283
 Арморика 106, 319, 320, 357, 359
 Арпин 30
 Арран (Алван, или Алвания) 287
 Артаксата (Арташат) 38, 275, 280, 281
 Арцах 286
 Аршакаван 281, 294
 Аспенд 127
 Ассам 171, 224
 Ассирия, Ассирийское царство 256, 368
 Атлантика, Атлантический океан 93, 273
 Атропатена (Атурпаткан) 276, 283, 285, 288, 290
 Атурпаткан см. Атропатена
 Аурангабад 241
 Аускул 32
 Афганистан 220, 241, 264
 Афины 31, 42, 77
 Африка 12, 15, 30, 31, 34, 40, 41, 54, 68, 99, 103, 139, 308, 314, 321
 Африка Северная 314, 322, 354, 355, 357, 362
 Афродисий 80
 Ахайя 308

Ахеменидское царство, держава 286,
368

Аштишат 281

Бавария 55

Бакбо 171

Бактрия 220, 258

Бактрия Южная 258

Балеарские о-ва 355

Балканский п-в 349, 350, 353, 356,
364, 366

Балканы 54

Балтийское море 90, 354, 355

Балх 258

Барда 288

Батуми 292

Бедриак 61

Белгика, Бельгия 38, 94, 99, 102,
104, 105, 356

Беневент 131

Берит 137

Бетика 53, 62, 64, 94, 98, 101, 104

Бирма 233

Бирма Верхняя 171

Бихар 223, 240

Бишапур 273

Ближний Восток 5, 152, 224, 257,
264, 271, 290, 292, 294, 335, 368

Болгария 364

Большой Хинган 243

Бордо 124

Борнхольм 355

Босния 54

Боспор, Боспорское царство 32, 38,
253, 292, 293

Босфор 309

Бретань 89, 359; см. также Арморика

Британия 39, 57, 59, 60, 63, 88—90,
92, 94, 96—99, 102—108, 110, 111,
127, 145, 303, 304, 308, 357, 359,
360, 363

Британские о-ва 89

Брундизий 34, 37—39

Бруттий 37

Бургундское королевство 355, 356
361, 363, 364

Бхаджа 240

Бхархут 240, 241

Бэйдеи 247

Вавилон 79, 367

Вавилония 11, 263

Валенция 96

Вапгионы (Вормс) 349

Вапдальское королевство 355, 362

Васкония 104

Везер 56, 348

Везувий 36

Велабр 137

«Великая страна Цинь» 171

Венгрия 54

Вензотион 61

Верцеллы 30

Веруламий 103

Вестготское королевство 354, 355,
360

Византий 309; см. также Констан-
тинополь

Византия 18, 87, 261, 269, 283, 290,
292, 319, 344, 352, 353, 355, 356,
362, 364—366; см. также Восточ-
ная Римская империя

Виенский диоцез 111

Винделликия 54

Випаский рудник 105

Висла 71, 350, 354, 355

Вифиния 37, 38, 155

Вифиния и Понт, римская провин-
ция 38

Вифлеем 161, 167

Волга 288, 350, 364

Вормс 349, 355

Восток 10—12, 25, 33, 34, 37, 38,
42, 49, 56, 65, 68, 79, 87, 123, 128,
154, 163, 188, 193, 243, 252, 256,
257, 268, 276, 304, 308, 309, 312,
313, 316

Восточная Римская империя 111,
279, 283, 290, 292, 319, 328, 345,
352, 353, 356; см. также Визан-
тия

Восточное море 188

Восточное Цинь 182, 183

Восточный Тохаристан см. Бактрия

Вьетнам 170, 171, 216

Вэй, река 169

Вэй, царство 207

Вэйбэй 169

Гадес (Кадис) 122

Гайя 240

Галатия 90

Галилея 158, 160, 162, 167

Галлия 18, 31, 36, 38, 39, 41, 50, 53,
54, 58, 88—91, 93, 100—110, 122,
125—128, 131, 302—304, 307, 308,
319, 321, 349, 353, 354, 357—363

Галлия Восточная 89, 96, 104

Галлия Лугдунская 60, 94, 101, 102

Галлия Нарбонская 38, 41, 53, 89;
94, 99, 101, 104

Галлия Северная 111, 298, 318, 357,
358, 360, 362

Галлия Северо-Восточная 108, 357,
358

Галлия Трансальпинская см. Гал-
лия Нарбонская

Галлия Трансподанская 41

Галлия Цизальпинская 36, 38, 41, 89

Галлия Юго-Восточная 97

Галлия Юго-Западная 354

- Галлия Южная 90, 93, 94, 96, 100, 101, 107, 126, 311, 362
 Галльская империя 304
 Ганг 223, 224
 Ганьсу 169
 Гарган 36
 Герат 258, 264
 Герговия 126
 Германия 55—57, 61, 63, 64, 94, 97, 99, 105, 145, 360
 Германия Верхняя 61, 63, 64, 94, 97, 105
 Германия Нижняя 94, 97
 Гибралтар 354
 Гималаи 234
 Гинпои 315
 Гоби 243, 251
 Гобийский Алтай 245
 Голгофа 160
 Гравий 128
 Греко-Бактрия 368
 Греция 33, 34, 39, 40, 42, 66, 80, 90, 99, 123, 125, 126, 130, 151, 236, 277, 331
 Грузия 18, 257, 288—291, 293, 294
 Грузия Восточная 292, 293
 Грузия Западная 286, 291—293
 Гуджарат 223, 224
 Дагестан 286
 Дайфан 215
 Дакия 64, 65, 121, 304, 349
 Дакия Прибрежная 356
 Далмация 53, 54, 58
 Дардан 34
 Дарьял 275, 284, 289
 Дарьяльский проход 275
 Двин 280, 283
 Декуманские поля 63, 94, 109
 Дельфы 90
 Дербент 285, 287
 Дербентский проход 275, 285
 Джунгария 252
 Диррахий 40
 Днепр 350
 Днестр 253, 350
 Дон 350
 Дунай 54, 55, 61, 63, 64, 67, 71, 88—90, 94, 303—305, 348—351, 356, 357
 Дура-Европос 327
 Дурокортор (Реймс) 109, 327
 Е 185
 Евразия 243, 288
 Европа 8, 14, 15, 54, 66, 88, 89, 150, 254, 299, 348, 366
 Европа Восточная 8, 54, 356
 Европа Западная 345
 Европа Северная 8, 14, 15
 Европа Средняя 9
 Европа Центральная 14, 15, 54, 66, 356
 Европа Юго-Восточная 252
 Европа Южная 349
 Евфрат 54, 65, 264
 Египет 40, 42, 49, 50, 54, 68, 73, 74, 76, 80—87, 152, 154, 156, 157, 159, 163, 227, 277, 304, 306, 334, 347, 367
 Енисей 247, 252
 Женева 356
 Забайкалье 243, 245
 Закавказье 18, 257, 260, 269, 275, 283, 284, 286, 288, 290, 291
 Закавказье Восточное 284, 286
 Запад 10, 11, 68, 82, 98, 105, 111, 128, 193, 235, 238, 252, 257, 263, 267, 273, 276, 315, 353, 356, 364—366
 Западная Римская империя 13, 15, 18, 111, 299, 310, 319, 328, 344, 345, 348, 349, 352—356, 358—360, 377
 Западномонгольский регион 245
 Запаточно-Ханская империя 169
 Западный край 170, 172, 174, 185
 Западных кшатрапов государство 223, 224, 226
 Золотой Рог 309
 Ибер 97
 Иверийское царство (Картли) 289
 Иверия 257, 275, 276, 277, 282, 284, 289—294
 Идаумо 214
 Иерусалим 60, 62, 66, 159, 160, 162, 163, 166, 168, 311, 331, 337, 355
 Иллирик 309
 Иллирия 38, 308, 353
 Инд 223, 257, 258
 Индийский океан 227
 Индия 5, 6, 8, 9, 13, 73, 171, 185, 220—228, 231—242, 264, 327, 368, 369, 374
 Индия Западная 240
 Индия Северная 223, 225
 Индия Северо-Западная 234
 Индия Южная 9, 171, 224—228
 Индокитай 233
 Индостан 171
 Иордан 158
 Ирак Южный 168, 338
 Иран 13, 18, 71, 184, 185, 254—265, 267—275, 279, 281, 283—285, 287—290, 293, 304, 312, 369, 370
 Иран Западный 260
 Иранское нагорье 258
 Ирландия 89
 Испания 34, 36, 39—41, 50, 53, 54,

62, 88, 90, 93, 94, 97—107, 121,
122, 302, 304, 307, 321, 357, 360
Испания Ближняя (Тарраконская)
41, 94, 100
Испания Восточная 96, 100, 108
Испания Дальняя 94
Испания Западная 108
Испания Северо-Западная 108
Испания Центральная 90, 108
Испания Южная 95, 96, 100, 108
Италика 64, 95, 100, 117
Италия 6, 22—24, 26, 30—33, 35,
37, 39, 42, 44, 51—54, 57, 61, 68,
80, 86, 89, 90, 96, 97, 101, 103, 114,
115, 117, 121—123, 142, 148, 277,
308, 309, 316, 319, 320, 328, 353,
354, 357, 359, 364
Италия Северная 36, 39, 52, 304,
305, 357
Италия Средняя 96, 355
Италия Центральная 32
Италия Южная 96, 130, 131, 354
Иудейская пустыня 152
Иудейское царство 38
Иудея 59—62, 65—67, 70, 127, 128,
155, 160, 162
Йемен 54
Кабалака 287
Кабул, река 227
Кавказ 257, 273, 275, 284, 293, 350
Кавказ Западный 292
Кавказ Северный 252
Казахстан Восточный 245, 252
Каледония 63, 94
Камарупа 224
Камбоджа 216
Кампания 32, 36, 52
Камулудун 59, 60
Канчи 224
Капера 99
Капернаум 167
Капитолий 43, 144
Каппадокия 56, 276
Капуя 36
Карпаты 65
Карры (Харран) 39, 256
Картея 96
Картли см. Иверия
Карфаген 26, 27, 46, 75, 122, 142,
314, 354, 355
Каспи 294
Каспийское море, Каспий 284, 285,
290
Каталаунские поля 357
Кашгария 185
Кашмир 185, 224
Кельтиберия 102
Кент 363
Керченский пролив 253

Кесария 282
Киевская Русь 12
Киликия 37, 56, 127
Кинай 213
Кирры 78
Китай 5, 8, 9, 13, 14, 17, 18, 73, 169,
170, 172, 174, 177—182, 184—210,
215, 218, 227, 234, 235, 243, 247,
248, 251, 252, 261, 264, 273, 367—
370, 375
Китай Внутренний 181
Китай Северный 169, 170, 180, 182—
184
Китай Южный 182, 184, 165
Клухорский перевал 292
Книд 127
Когурё 215
Кордуба (Кордова) 96, 101
Коллинские ворота 34
Колония тревиров (Трир) 122
Колхида 32, 38, 290—293
Коммагена 56, 63
Комум 117
Константинополь (Стамбул) 309, 311,
343, 346, 356, 359
Корейский п-в 212, 215
Корея 171, 212, 213, 215, 218
Корея Юго-Западная 217
Корея Южная 214
Корииф 79
Корсика 355
Корфиний 32, 39
Кос 127
Красное море 9, 122, 264
Крит 37, 367
Ксанф 73
Ктесифон 65, 71, 263
Куньлунь 188
Кура 284, 286
Курилы 212
Кушанское царство (империя, дер-
жава) 13, 170, 220—223, 227, 240,
241, 247, 257, 258
Кхандагари 240
Кюсю 211—214
Лазика 292
Ла-Манш 89, 93
Лаодикей 80
Лаос 216
Лаций 30, 142
Лациум 52
Ликия 125
Лион 75, 356
Лолан 215
Лондиний (Лондон) 60, 103
Лоян 170, 178, 183, 184, 207
Луара 357, 363
Лугдун (Лион) 96, 98, 99, 107, 122,
131; см. также Лион Лузитания
94, 105

Лузитания 94, 105
Лукания 36, 37
Лютетия (Париж) 109
Лян 207

Мавритания 30, 57, 58
Магадха 223
Мадавр 149
Мадрас 224
Мадхья Прадеш 241
Майн 348, 355
Майнц 349, 353—355
Македония 33, 41, 42, 54, 75, 90, 352
Малага 108, 137
Малая Азия 32, 37, 42, 56, 62, 73,
75, 79, 90, 99, 117, 122—123, 127,
151, 256, 263, 264, 276, 277, 282,
289, 290, 304, 305, 331, 339, 347,
350

Мамисонский перевал 292
Маньчжурия 212, 245
Маньчжурия Восточная 212
Маньчжурия Юго-Западная 252
Маньчжурия Южная 243
Масличная гора 160
Массилия (Марсель) 88, 89, 95, 122
Матхура 223, 241
Маханади 224
Махараштра 239—241
Медиолан (Милан) 131, 305
Мезия 53, 54, 64, 303, 352
Мемфис 81
Мерв (Мары) 258, 264, 268, 269
Мертвое море 152
Месопотамия 65, 71, 161, 215, 255—
257, 260, 264, 267, 268, 276, 281,
303, 304, 338, 347

Месопотамия Верхняя 261, 345
Месопотамия Нижняя 257
Месопотамия Северная 256, 257, 303
Мец 357
Мидийское царство 368
Мидия Атропатена 283, 284
Мизена 54
Микены 367
Милан 353, 357
Милет 73, 79, 122
Мимана 214, 215
Могонциак 349; см. также Майнц
Мозель 328, 357
Монголия 234, 243, 251
Монголия Внутренняя 243, 245
Монголия Восточная 245
Монголия Западная 245
Монголия Центральная 244, 245
Мунда 40, 42
Мутина 36, 41
Михета 290

Навкратис 81
Нагорный Карабах 286

Назарет 155, 160, 161, 165—167
Накш-и Раджаб 265
Накш-и Рустам 256, 269, 273
Нанкин 182

Нарбон 96, 99, 100
Нармада 224, 240
Немевска 99, 100, 108
Неметы (Шпейер) 349
Непал 224
Нидерланды 38
Никея 341, 343
Никомедия 305
Нил 80, 81, 86,
Нисибин 279
Нишапур 258
Нововавилонское царство 368
Новый Карфаген 99, 101
Пола 33
Порба 34
Норвегия Южная 355
Норик 54
Нубия 367
Нумидия 29, 30, 40, 57

Одер 350, 355
Оксеринх 81
Оманский п-в 257
Ордос, Ордосский край 170, 243, 244
Оресса 240
Орлеан 357
Оронт 313
Орхомен 34
Осрозна 279
Остия 131

Пада (По) 89
Падмавати 223
Пазырык 245, 246
Пайтакаран 286
Пакистан 220, 223, 241
Палестина 62, 79, 152, 153, 156,
158, 167, 347
Пальмира (Тадмор) 78, 257, 276,
279, 304
Памфилия 127
Пандья 226
Паннония 53, 54—56, 71, 354, 356
Парс (Персида) 255, 259, 269, 273
Парфия 39, 41, 42, 54, 56, 57, 59, 60,
65, 66, 71, 227, 255, 259, 264, 275—
277, 283, 290, 293, 368, 369
Парфянская держава 283
Патавий 118, 131
Паталипутр (Патна) 240
Пенджаб 223
Пенджаб Западный 224
Пергам, Пергамское царство 26, 34,
75, 78, 122, 292
Персидский залив 170, 264
Персия 290, 345; см. также Иран

Пиренеи, Пиренейский п-в 93, 100,
126, 303, 321, 354

Пистория 38

Питиунт (Пицунда) 292

Пицен 34

Подунавье 65, 71, 350, 354

Позднее Чжао 182

Помпеи 67, 134, 135

Понт, Понтийское царство 37, 38,
291, 292

Понтийские горы 292

Пренесте 34

Приазовье 350

Приаралье 252

Прибрежные поместья 104

Приена 127

Прикаспий 253

Прикаспийские районы 287

Прикубанье 252—253

Причерноморье 243, 277, 350, 357

Причерноморье Северное 348, 350

Прованс 94

Пропонтида 34

Пруса 76, 127

Птолемаида 81

Пуна 240

Пурушапуры (Пешавар) 223, 227,
241

Путеоли 131, 137

Пэкче 215, 217

Равенна 54, 353

Раджастан 223

Рандея 60

Рейн 39, 54—57, 62, 63, 65, 88—91,
93, 94, 96, 103, 107—109, 303—
305, 328, 348, 349, 353—359

Рейнская область 110

Реция 54, 71

Рим 23—27, 29—35, 37—44, 46, 47,
49—52, 54—57, 59—62, 65, 66,
68, 70, 81, 89, 93, 96, 98, 105, 115,
129—139, 141—144, 148, 154, 155,
168, 170, 171, 223, 256, 257, 268,
275, 276, 279, 282—284, 289, 290,
292, 295, 297, 304, 308, 309, 311,
320, 323, 330—332, 349—351, 353,
355, 367, 369, 370, 373

Римская империя, держава 8, 11—
13, 15, 18, 22, 29, 38, 49, 62, 70,
73, 76, 80, 82, 87, 88, 90, 95, 101,
104, 106, 107, 110, 112, 113, 115,
118, 124, 131, 141, 153, 167, 171,
226, 227, 253, 254, 257, 258, 261,
282, 295—310, 312—316, 318—
320, 322—325, 327—332, 335, 337,
339—342, 347—352, 354, 356, 358,
362—366, 369, 371

Родана (Рона) 88, 97

Рона 356; см. также Родана

Рубикон 39

Румыния 349

Русь 360, 370

Сакастан 258, 260

Самарканд 264

Самний 32, 35

Самос 127

Санчи 240

Сардиния 23, 355

Сарды 77

Сармизегетуза 64

Сасанидская держава, империя 255,
282, 283, 291, 296, 303, 345, 376

Сахалин 212

Сахара 12

Саяно-Алтайский регион 245

Саяны 247

Сванетия 292

Северное море 357, 359

Северное полушарие 15

Северное Чжоу 185, 186

Северное Ци 185, 186

Северовосточная империя (Северный
Вэй) 183—185, 207

Селевкия 255

Семиречье 252

Сепвана (Сена) 88, 89

Сенианские поместья 104

Сербия 54, 364

Сибирь 212

Сибирь Западная 252

Сибирь Юго-Западная 252

Силла 215

Синай 347

Сирийская пустыня (степь) 257, 276

Сирия 28, 38, 39, 41, 50, 54, 60, 71,
73, 76, 79, 86, 99, 121, 156, 171,
256, 257, 261, 264, 276, 304, 313,
345

Сирия-Палестина 66

Сицилия 28, 34, 37, 42, 53, 355

Скандинавия 12, 71, 354, 360, 370

Словения 54

Смирна 73, 127

Согд 184, 257

Сона 224; см. также Арара

Средиземное море 37, 102, 257

Средиземноморье 6, 9, 13, 25, 70,
73, 91—93, 96, 168, 225, 227, 255,
290, 332, 348, 355, 366, 368

Средиземноморье Восточное 158,
331

Средиземноморье Западное 6, 331

Средиземноморье Центральное 93,
355

Старый Свет 370

Ставр 255, 265

Стратоникея 77

Сурамский перевал 292

«Счастливая Аравия» 54

Сырдарья 252

Сычуань 179

Табор (Фавор) 159
Тавромений 28
Таиланд 216
Тайшань 189
Таксила 227
Танская империя 261
Тапс 40
Тарим 247
Тарракон 99, 108, 321
Тарс 75, 127, 330
Ташкент 257
Тибтюнис 83
Тевтобургский лес 55, 94
Темза 59
Термез 241
Тибет 234, 235
Тибет Северный 245
Тибр 148, 355
Тивериада 167
Тивериадское озеро 158
Тигр 303
Тигранакерт 38, 281
Тингитана 59
Тир 79
Токио 211
Толедо 354
Толедское королевство 360
Трансильвания 351
Трапезунт (Трабзон) 292
Триокала 28, 29
Тринолис 78
Трир 304
Троя 44, 142
Тува 243, 245
Тулуза 124, 354
Тулузское королевство 360, 361, 363, 364
Турестан 258
Туркестан 170, 174
Туркестан Восточный 170, 174, 243, 247, 252, 263
Туркестан Китайский 239
Туркмения 258
Тянь-Шань 244

У 179
Удайнгиря 240
Умбрия 32
Уплисхихе 294
Утик 286
Уэльс 89

Фавор 165; см. также Табор
Фарсал 40
Фасис 291
Фессалия 40
Филиппы 42, 138
Финикия 79
Фракия 37, 57, 59, 303, 309, 351, 352

Франкское королевство, государст-
во 358, 363
Франция 38, 89, 94, 358
Франция Юго-Западная 94
Фрегеллы 26
Фригия 127
Фэйшуй 183

Хазарское царство 288
Хакасия 247
Халкедон 283, 343
Хангайские горы 245
Ханьская империя 13, 169, 171, 173, 177, 179, 183, 187, 189, 194, 200, 207, 247, 252
Хатра 256
Хараппа 240
Херонея 34
Хонсю 213, 214
Хуанхэ 169, 177, 179, 181, 182, 243
Хузестан 262, 263
Хунань 188

Цагангол 245
Цезарейская провинция 59
Цейлон 226, 237; см. также Шри
Ланка
Цзиньское государство 181
Цзянькан 182, 185
Цивитас лемовиков см. Августорит
Цивитас паризиев см. Лютеция
Цивитас ремов см. Дурокортор
Цинь 187, 189, 368
Пирта 29, 354
Цусима 214

Чаньянь 169, 170, 185
Чач 257
Чера (Керала) 226
Черное море 143, 290, 309
Черноморское побережье 292
Чехия 55
Чжао (Раннее Чжао) 182, 243
Чжоу 186
Чжэнго 169
Чинват 266
Чола 226
Чэнь 186

Шаньдун 169, 205
Швейцария 38
Шотландия 89, 303, 359
Шри Ланка 171, 233, 237; см. также
Цейлон
Шумер 367

Эгейское море 34, 75, 309
Эгриси 292
Эдесса (Урфа) 256, 279, 303
Эзерния 34
Элам 260

Элимаида 260
Элия Капиталина 66
Эллипи 260
Эльба 55, 94, 348, 354
Эмерита Августа (Мерида) 122
Эпир 23
Этрурия 32, 36, 38
Эфес 73, 75, 77, 79, 117, 122, 127
Эфиопия 327
Югославия 54

Юлиевая-Августовая дорога 122, 126
Юнония 26, 27
Ютландия 354, 359
Юэбань 252
Ямато 211—218
Янцзы 169, 179
Япония 12, 171, 211—217, 219, 234,
235
Японские о-ва 213

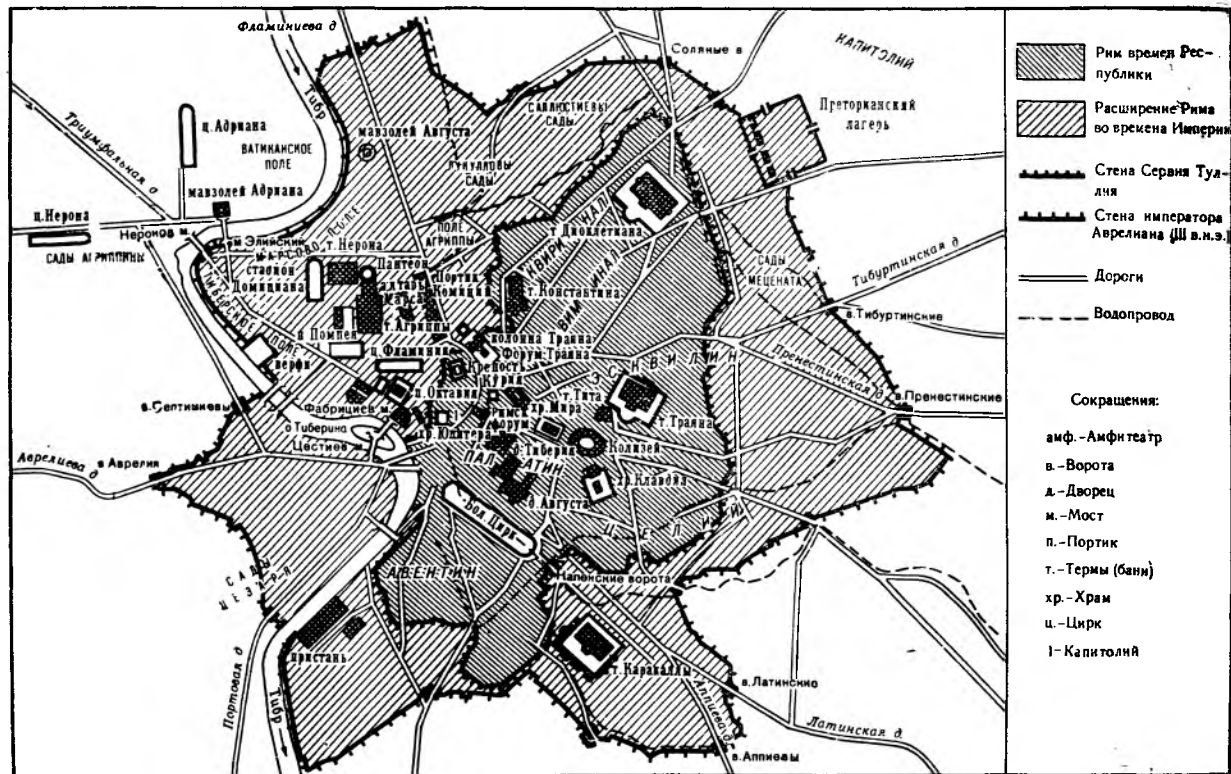
- абхазо-адыгские племенные группы 292
 айпу 212
 аланы 252, 275, 277, 283, 284, 289, 310, 350, 352, 355, 357, 358, 362, 364
 алваны 285, 286, 288
 алеманы 303, 304, 348, 349, 355, 357, 358
 англосаксы 353
 англы 359, 363
 арабы, арабские племена 16, 150
 арамеи 264
 арверны 126
 арджунапы 223
 армяне 279, 281—283, 290, 344
 асдинги 354
 атребаты 90
 аттекоты 89
 африканцы 131
 ая (ханьцы) 216
 балто-славяне 90
 батавы 349
 белги 39, 89
 британцы 145
 бритты 89, 145, 359, 363
 «бунтурки» 284
 бургунды 71, 320, 348, 355—357, 360—362
 вандалы 71, 348, 353—355, 358, 362
 вестготы (тервинги) 320, 349—354, 357, 359—362
 галлы 36, 57, 61, 62, 88, 92—94, 105, 106, 125, 132
 гольветы 39, 91
 гепиды 355, 356
 германцы, германские племена 13—16, 18, 30, 36, 39, 62, 63, 66, 71, 90, 110, 145, 304, 308, 348, 349, 357—359, 362
 герулы 356
 готы 71, 253, 303, 304, 308, 348, 350—353
 греки 43, 88, 90, 93, 131, 142, 225, 227, 292
 греко-бактрийцы 224
 греко-македонцы 224
 грузины 282
 грузины-хевсуры 293
 гунны 18, 220, 224, 243—254, 284, 287, 292, 349—353, 356, 357, 364; см. также сюнну
 дагестанцы 276
 даки 64
 ди 181, 182
 динлины 170, 251
 дунху 243, 244—247, 251, 252
 евреи 131, 165, 262, 263
 египтяне 83
 жуны 243, 244, 245, 249
 зель 100
 иверны 89
 иверы 276, 279, 289, 290
 идзумо 212
 индийцы 227
 иранцы 257, 279; см. также персы
 испанцы 62, 105
 италики (италийцы) 26—28, 32, 33, 36, 100, 131, 300
 ицены 59
 иудеи 128, 152, 156, 262, 266
 кангюйцы 252
 кападокийцы 131
 карпы 71
 карфагеняне 23, 93
 квады 63, 64, 71
 кельты 88—93, 131, 359
 кидариты 258
 кимвры 30, 90
 китайцы 171, 185—188, 199, 200, 215, 251
 корейцы 215
 кумасо (хаято) 212
 кушаны 170, 225
 кыргызы 247
 лазы 292
 латины, латиняне 142
 лукавы 32

- малавы 223
 маркоманны 54, 55, 57, 63, 64, 71, 304
 марсы 32
 мегрелы 292
 монгольские племена 16
 осетины 252, 350
 остготы (грейтунги) 350, 353, 356, 364
 парфяне 59, 60, 65, 71, 225, 255, 259, 278
 пелигны 32
 персы 224, 257, 281—283, 290
 печенеги 284
 пикты 89, 303, 359
 понтийцы 33
 протомонголы 349
 прототюрки 349
 регны 59
 римляне 22, 24, 28, 29, 32, 36, 37, 39, 43, 44, 54, 55, 57—60, 62—65, 67, 71, 76, 77, 81, 83, 85, 87, 88, 93, 94, 96, 109, 117, 122, 123, 125—128, 145, 171, 226, 256, 278, 279, 282, 284, 286, 289, 292, 300, 303, 308, 349—352, 355—357, 361, 363
 роксоланы 64
 руги 356
 сабыры 285
 савроматы 284
 саки 225, 244, 284
 саксы 348, 357, 359, 363
 самниты 32, 34
 сармато-аланы 253, 284
 сарматы 16, 64, 71, 246, 284, 304, 350
 свевы 54, 353—355, 358
 секваны 90, 93
 силинги 354
 сирийцы 131, 264
 скифы 64, 246, 284, 350
 скотты 89, 303, 359, 363
 славяне 16, 18, 364
 сюнну (рунны) 170, 174, 181, 182, 244
 сяньби (сяньбийцы) 170, 181, 182, 185, 252
 табгачи 183, 185
 тайфалы 352
 таты 287
 тевтоны 30, 90
 тектосагии 90
 тенктеры 39
 троянцы 142
 тэнсон 212
 тюрки, тюркские племена 16, 284, 285, 287, 288
 тюрки-булгары 364
 тюрки-сабыры 288
 угры 252, 349
 узипеты 39
 усунь 244, 245, 251
 ухуани 251
 финикийцы 131, 227
 фракийцы 36
 франки 303, 320, 348, 349, 353, 356—360, 362, 363
 хазары 284, 287, 288
 хамавы 358
 ханьцы 251
 хата (цинъю) 216
 хатты 54, 63, 348
 херуски 54
 цзе 181, 182
 цянны 174, 181, 182
 чанские племенные группы (лазы) 292
 шаньжуны 243
 эбису (эмису) 211
 эдао (айну) 211
 эдуи 39, 92, 93
 этрусски 88, 89
 эфталиты 157, 224—226, 258, 270, 271
 юты 359, 363
 юэчжи (да-юэчжи) 220, 221, 244—247
 языги 64, 71
 ямато 212, 214
 японцы 212, 214, 215, 217, 218
 яудхеи 223

КАРТЫ

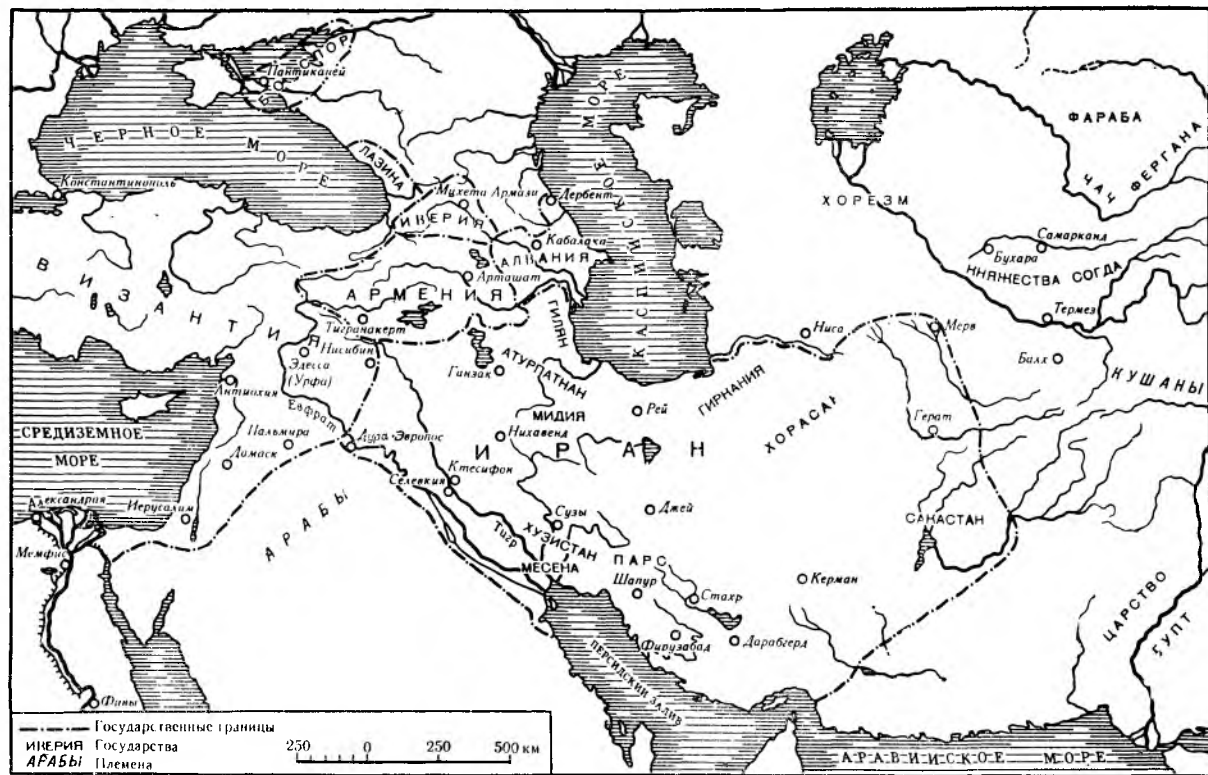

Римская империя

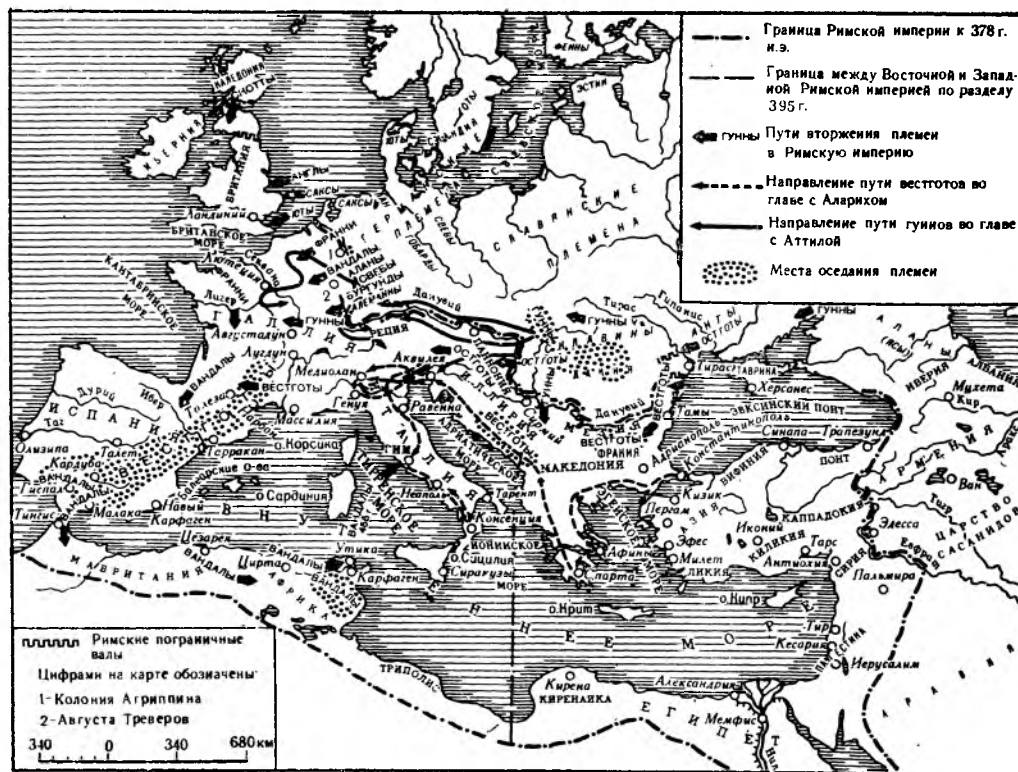

План города Рима

Китай в эпоху Хань

Государство Сасанидов

Падение Западной Римской империи

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Д. Перонова</i> (Пермь). Лекция 1. Общие черты третьего периода древней истории	5
<i>А. Б. Егоров</i> (Ленинград). Лекция 2. Римская республика с середины II в. до 31 г. до н. э.	22
<i>А. Б. Егоров</i> (Ленинград). Лекция 3. Социально-экономическое и политическое развитие ранней Римской империи	49
<i>И. С. Свенцицкая</i> (Москва), <i>А. Б. Ковельман</i> (Москва). Лекция 4. Восточные провинции Римской империи	73
<i>Ю. Б. Циркин</i> (Новгород). Лекция 5. Западноевропейские провинции Римской империи	88
<i>Г. С. Кнабе</i> (Москва). Лекция 6. Римское общество в эпоху ранней Империи	112
<i>Редакционная коллегия</i> . Лекция 7. Культура ранней Римской империи	141
<i>Редакционная коллегия</i> . Лекция 8. Возникновение христианства	151
<i>Т. В. Степугина</i> (Москва). Лекция 9. Китай в первой половине I тысячелетия н. э.	199
<i>В. В. Малавкин</i> (Москва). Лекция 10. Культура древнекитайской империи	212
<i>Е. М. Дьяконова</i> (Москва). Лекция 11. Древняя Япония	220
<i>Е. В. Зеймаль</i> (Ленинград), <i>Г. Ф. Ильин</i> (Москва). Лекция 12. Кушанское царство. Индия в начале I тысячелетия н. э.	231
<i>Редакционная коллегия</i> . Лекция 13. Культура Индии начала нашей эры	243
<i>С. Г. Кляшторный</i> (Ленинград). Лекция 14. Гунпская держава на востоке	255
<i>В. Г. Луконин</i> (Ленинград). Лекция 15. Сасанидская держава в III—V вв.	275
<i>Редакционная коллегия</i> . Лекция 16. Закавказье и сопредельные страны между Ираном и Римом. Христианизация Закавказья	295
<i>В. Д. Перонова</i> (Пермь). Лекция 17. Поздняя Римская империя (III—V вв.)	323
<i>Редакционная коллегия</i> . Лекция 18. Идеология поздней Римской империи	348
<i>В. Д. Перонова</i> (Пермь). Лекция 19. Вторжение варваров и крушение Римской империи	367
<i>Редакционная коллегия</i> . Заключение	381
Указатель собственных имен	389
Указатель географических и топографических названий	397
Указатель этнических названий	399
К а р т ы	400
Римская империя в I—III вв. н. э.	402
План города Рима	403
Индия в I—V вв. н. э.	403
Китай в эпоху Хань	405
Государство Сасанидов	406
Падение Западной Римской империи	

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

УПАДОК ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *П. Б. Кондырева*
Младший редактор *А. В. Бодянская*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректоры *Е. В. Карюкина*
и *Н. Н. Щигорева*

ИБ № 16079

Слано в набор 30.11.87. Подписано к печати 07.12.88. Формат 60×90^{1/16}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. и. л. 25,5. Усл. кр.-отт. 26,0. Уч.-изд. л. 29,72. Тираж 50 000 экз. Изд. № 6410, Заказ № 1221. Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск 77, ул. Станиславского, 25